

Смисъл

РАДИЦИИИИИ

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО

КОММЕНТАРИИ К ТИТУМУ ЕВАНГЕЛИЮ ОТ СВ. ФОМЫ

LITRU.RU

«Горчичное зерно» — толкование Евангелия от Фомы, и перед вами — самая удивительная книга из всех книг о Христе...

«Горчичное зерно» — вовсе не милая евангельская история. На этих страницах посеяны горчичные зерна радикальной и необратимой революции, остается только заметить их ростки. Иначе с нами может произойти то же самое, что случилось, похоже, с первыми учениками Иисуса, которые превратили его слова в оправдание собственного невежества и источник кажущегося утешения — и тем самым утратили чудесную возможность пойти вслед за Учителем.

- [Ошо Раджниш](#)

- [Изречение первое...](#)
- [Изречение второе...](#)
- [Изречение третье...](#)
- [Изречение четвертое...](#)
- [Изречение пятое...](#)
- [Изречение шестое...](#)
- [Изречение седьмое...](#)
- [Изречение восьмое...](#)
- [Изречение девятое:](#)
- [Изречение десятое...](#)
- [Изречение одиннадцатое...](#)
- [Изречение двенадцатое...](#)
- [Изречение тринадцатое...](#)
- [Изречение четырнадцатое...](#)
- [Изречение пятнадцатое...](#)
- [Изречение шестнадцатое.](#)
- [Изречение семнадцатое...](#)
- [Изречение восемнадцатое...](#)
- [Изречение девятнадцатое...](#)
- [Изречение двадцатое...](#)
- [Изречение двадцать первое...](#)

Ошо Раджниш

**Горчичное зерно. Комментарии к пятому Евангелию
от св. Фомы**

Изречение первое...

*ученики сказали Иисусу:
скажи, чему подобно Царствие Небесное?
Он сказал им:
Оно подобно зерну горчичному -
Самому малому среди всех семян,
Когда же оно падает на возделанную землю, из него вырастет
Большое дерево
И становится укрытием для всех птиц небесных.*

Горчичное зерно

Человеческие отношения сильно изменились, и изменились к худшему. Глубина отношений исчезла во всех областях жизни: жена больше не жена, а подружка; муж больше не муж, а только приятель. Дружба хороша, но она не может быть очень глубокой. Брак — это нечто, совершающееся в глубинах. Это обет, данный в глубине. Это посвящение в глубине. Посвящение себя другому, и если вы не обещали, не посвятили себя, вы никогда не совершите прыжка.

Вы можете плавать на поверхности, но глубина не для вас. Конечно, идти вглубь опасно — неизбежно опасно, ведь вы так эффективны на поверхности. На поверхности вы можете действовать, как автомат, тут не нужно ни-какого сознания. Но вы должны быть все более сознательны, все более внимательны по мере того, как вы проникаете в глубины, потому что каждый миг возможна смерть. Страх смерти породил поверхностность всех человеческих связей. Они стали незрелыми.

Приятель или подружка — это, может быть, приятно, но это не может стать дверью к тому глубочайшему, что скрыто в любом и каждом. С подружкой у вас могут быть сексуальные отношения, но любовь вырасти не может. Для любви нужны глубокие корни. Сексуальность возможна на поверхности, но она — только животное, биологическое явление. Она может быть прекрасной как часть более глубокой любви, но без более глубокой любви она — самая уродливая вещь на свете; самая уродливая, потому что тогда нет обета, нет посвящения — вы лишь касаетесь друг друга и расстаетесь. Встречаются только тела, но не вы — не я, не ты. И это происходит со всеми связями.

Но величайшая связь исчезла совершенно, а величайшая связь — это связь между Мастером и учеником. Вы не сможете понять Иисуса, если не сможете понять того измерения, в котором существует связь между Мастером и его учениками. Оно совершенно исчезло. Вместо жены — подружка, вместо мужа — приятель, но Мастер и связь, существовавшая между ним и его учениками, исчезли совершенно. Или же эта связь заменена совершенно противоположной — той, которая существует между психиатром и его пациентом.

Между психиатром и его пациентом существует связь, которая неизбежно болезненна, патологична — ведь пациент приходит не в поисках истины, не в поисках действительного здоровья. У слова «здоровье» много значений: оно означает целостность, означает святость,

означает исцеление в глубине своего «я». Пациент приходит не за здоровьем, потому что если он пришел за здоровьем, он не может быть никем иным, как учеником. Пациент приходит, чтобы избавиться от болезни; его цель чисто негативная. Он приходит только затем, чтобы его заста-вили снова быть нормальным, только чтобы снова стать работающей частью нормального мира. Он стал непри-способленным, ему нужно приспособиться, и психиатр помогает ему приспособиться снова. Но приспособиться к кому? Приспособиться к этому миру, к этому обществу, которые абсолютно больны.

То, что вы называете «нормальным» человеком — ни что иное, как нормальная патология или нормальное сумасшествие, нормальная ненормальность. «Нормальный человек» — тоже сумасшедший. Но сумасшедший в пределах — в пределах, принятых данным обществом, данной культурой. Иногда кто-нибудь переступает порог, выходит из границ — тогда он становится больным. Все общество, которое больно, говорит, что этот человек бо-лен. И на границе стоит психиатр, чтобы помочь этому человеку вернуться назад, обратно в толпу.

Психиатр не может быть Мастером, потому что он сам не целостен. А пациент не может быть учеником, пото-му что он пришел не учиться. Его покой нарушен, и он не хочет быть обеспокоенным, его усилия направлены только на приспособление, а не на здоровье. Психиатр не может быть Мастером, хотя он и претендует на эту роль на Западе, и раньше или позже он станет претендовать на эту роль и на Востоке тоже. Но он не может быть Мас-тером — он сам болен. Он может помогать другим, быть приспособленными, и тут все в порядке: один больной человек помогает другому больному человеку в некотором отношении. Но один больной человек не может исце-лить другого больного; один сумасшедший не может помочь другому преодолеть свое сумасшествие.

Даже ваши Фрейды, ваши Юнги, ваши Адлеры абсолютно больны, не только обычные психиатры, но и вели-чайшие из них — больны и патологичны. Я расскажу вам кое-что, чтобы вы могли это почувствовать: когда кто-нибудь упоминал о смерти, Фрейд начинал дрожать. Дважды он даже терял сознание и падал со стула только по-тому, что кто-то говорил о мумиях в Египте. Он терял сознание. В другой раз Юнг тоже говорил о смерти и тру-пах и вдруг задрожал, упал и потерял сознание.

Если смерть так страшна для Фрейда, что тогда говорить о его учениках? И почему смерть вызывает такой страх? Можете вы представить Будду боящимся смерти? Тогда он больше не Будда.

Юнг говорил, что он много раз хотел поехать в Рим, чтобы посетить Ватикан и особенно библиотеку, Вати-канскую библиотеку; наибольшую, где хранятся самые тайные письма всех когда-либо существовавших рели-гий — это редкость. Но каждый раз, когда он шел покупать билет, он начинал дрожать — просто поездка в Рим! Что же будет, когда вы направитесь к мокше. И он сдавал билет и возвращался. Он никогда не был в Риме, нико-гда. Много раз он пытался, и в конце концов решил: «Нет, я не могу». Откуда страх? Почему бы психиатру боять-ся поездки в Рим? Потому что Рим — это символ, представляющий религию; и этот человек. Юнг, создал фило-софию вокруг своего ума — эта философия боялась пошатнуться. Это так же, как верблюд, боящийся пойти в Гималаи, потому что когда верблюд проходит возле Гималаев, он впервые узнает, что он — ничто. Вся фило-софия, созданная Юнгом, просто детская игра, ведь человек создал такие обширные, космические системы, и все эти системы сейчас в руинах. Он боялся, что поездка в Рим означает поездку к развалинам великих систем, соз-данных в прошлом.

Что же говорить о твоей маленькой системе? Как насчет этого уголка, который ты расчистил и украсил? Как насчет твоей философии? Великие философии развалились и превратились в пыль, поезжай в Рим и посмотри, что с ними стало! Где школы Аристотеля, Платона и Сократа? Поезжайте в Афины и посмотрите, что с ними ста-ло. Величайшие системы превращаются в прах, и все мысли, в конце концов, оказываются бесполезными, потому что мысль — это просто вещь, созданная человеком.

Только в «не-мысли» вы познаете Божественное. Вы не можете мыслью познать вечное, потому что мысль принадлежит времени. Мысль не может принадлежать вечности; никакая философия, никакая система мысли не может быть вечной.

Этого он и боялся. По крайней мере, пять или шесть раз Юнг собирался, но потом отменял поездку. А этот че-ловек, Юнг, один из величайших психиатров. Если он так боялся ехать в Рим, что сказать о его учениках? Даже вы не боитесь, не потому, что вы лучше, чем Юнг, но только потому, что вы менее сознательны, менее внима-тельны. Он признавал, что в Риме ему придется склонить голову; что как только он взглянет на развалины всех великих систем, его охватят дрожь, страх смерти, и ему придется спросить себя: «Что станет с моей системой? Что станет со мной?» Дрожа, он возвращался, и в своих мемуарах он пишет: «Тогда, наконец, я оставил всю за-тею. Я не поеду в Рим».

То же самое много раз случалось и с Фрейдом, поэтому это, кажется, не простое совпадение. Он тоже пытался поехать в Рим и тоже боялся. Почему? Фрейд был столь же доступен гневу, как можете быть вы, столь же сексуа-лен, как можете быть вы, столь же напуган смертью, как можете быть вы, так же невротичен в своем поведении, как можете быть вы, так в чем же разница? Он был, может быть, более умным человеком — возможно, гением — или мог немного помочь, но в том, что касается Окончательного, что касается наиболее тайной, наиболее глубо-кой сердцевины бытия, он был также слеп, как и вы.

Нет, психиатрия не может стать религией. Она может стать хорошей больницей, но не может стать храмом, это невозможно. И психиатр может стать нужным, ведь люди больны, неприспособленны, но психиатр — не Мас-тер, а пациент — не ученик. Если вы придете к Мастеру, как пациент, вы промахнетесь, потому, что Мастер — не психиатр. Я не психиатр. Люди приходят ко мне и говорят: «Я страдаю таким-то умственным беспокойством, неврозом беспокойства, то и се». Я говорю: «Хорошо. Ведь я не собираюсь лечить ваше беспокойство, я собираюсь лечить вас. Я не беспокоюсь о вашей болезни, я беспокоюсь о вас. Болезнь есть на периферии, но там, где есть вы, болезней нет». Как только вы постигнете, кто есть вы, все болезни исчезают. Основная причина их существова-ния — то, что вы прятали знание самого себя, избегали себя, вы избегали этой главной встречи, потому что не хотели глядеть на себя. Почему же вы не хотите посмотреть на себя, что с вами случилось? До тех пор, пока вы не готовы к встрече с собой, вы не можете стать учеником, потому что Мастер ничего не может сделать, если вы не готовы встретиться с самим собой. Он может только помочь вам встретиться с собой.

Почему вы так боитесь? Потому что где-то в прошлом что-то пошло неладно... Рождается ребенок, и его не принимают таким, каков он есть, многое в нем должно быть изменено, угнетено, его нужно дисциплинировать. В нем много такого, что общество и его родители не могут принять, и потому эти части нужно отвергнуть, пода-вить; лишь немногие его части могут быть приняты и одобрены. И ребенку приходится подстраиваться. Он дол-жен отказаться от многих составляющих своей сущности, которым нельзя позволить проявиться. Он принужден отвергнуть их настолько, что сам перестает осознавать их

присутствие. Вот что такое подавление, а все общество держится на подавлении.

Большая часть существа ребенка должна быть подавлена, полностью отброшена во тьму. Но эта подавленная часть утверждает себя, пытается бунтовать, противодействовать; она хочет выйти на свет, и вам приходится снова и снова загонять ее обратно. Так у вас возникает страх перед встречей с самим собой, ведь что произойдет с подавленной частью? Она опять проявится, она снова будет. Что случится с бессознательным? Если вы встретитесь с самим собой, с вами будет бессознательное, с вами будет все, что вы отвергли. И это страшит вас.

До тех пор, пока ребенка не примут полностью таким, как он или она есть, этот страх будет неизбежно оставаться; но до сих пор еще не существовало общества, которое принимало бы ребенка полностью. И, кажется, ни-когда не будет существовать общество, которое бы приняло ребенка полностью, потому что это почти невозможно. Так что подавление в большей или меньшей степени неизбежно. И каждому предстоит однажды встретиться с этой проблемой встречи с самим собой. Вы становитесь учеником в тот самый день, когда забываете, что хорошо, что плохо; забываете, что принято, а что не принято. Вы становитесь учеником лишь в тот день, когда готовы предъявить самому себе свою сущность.

Мастер — только акушерка. Он помогает вам пройти через новое рождение, родиться вновь. А что такое отношение между Мастером и учеником? Ученик должен доверять; он не должен сомневаться. Если он сомневается, он не может показать себя Мастеру. Когда вы сомневаетесь в ком-то, вы сжимаетесь, вы не можете развернуться. Когда вы в ком-то сомневаетесь... Он становится незнакомцем, и тогда вы замыкаетесь. Вы не можете быть открытым, потому что не знаете, как этот незнакомец поступит с вами. Вы не можете быть уязвимым перед ним; вы должны защититься и создать броню.

С Мастером вы должны сбросить этот панцирь совершенно — никак не меньше, это абсолютно необходимо. Вы можете чуть-чуть носить его даже перед любимой; вы можете быть не столь открытым перед любимым. Но перед Мастером открытость должна быть полной, иначе ничего не выйдет. Если вы скрываете даже малую часть себя, этой связи нет. Нужно полное доверие, только тогда могут быть раскрыты тайны, только тогда вам можно дать ключи. Но если вы прячетесь, значит, вы боретесь с Мастером, и тогда ничего нельзя сделать.

Ключ к Мастеру — не борьба, ключ к нему — сдача себя, капитуляция. А капитуляция совершенно исчезла из мира. Многие обстоятельства содействовали этому: на протяжении трех или четырех веков, человека учили быть индивидуалистом, эгоистом; человека учили не сдаваться, а воевать; не подчиняться, а бунтовать; человека учили не доверять, а сомневаться. Это имело смысл, ведь наука развивается через сомнение. Наука — это глубокий скептицизм. Доверие — не ее путь; ее путь — логика, спор, сомнение; чем больше вы сомневаетесь, тем более научно вы мыслите. Этот путь совершенно противоположен религиозному пути. Религия действует через доверие: чем больше вы доверяете, тем более религиозным вы становитесь. Наука создала чудеса, и эти чудеса очень заметны. Религия создала еще большие чудеса, но эти чудеса не так видны. Даже если здесь есть Будда, что вы можете чувствовать? Что вы можете увидеть? Он невидим — то, что видимо, только тело; то, что видимо — такой же смертный, как и вы, видимо он постареет и однажды умрет. Но невидимо, он бессмертен. Но у вас нет глаз, чтобы видеть то, что невидимо; у вас нет способности, чувствовать наиболее внутреннее, неведомое. Вот почему только доверяющие

глаза начинают понемногу чувствовать и становиться восприимчивыми. Когда вы доверяете... это значит, что вы закрываете оба своих глаза. Вот почему доверие слепо, точно так же, как слепа любовь — недоверие еще более слепо, чем любовь.

Но когда вы закрываете оба своих глаза, что происходит? Происходит внутренняя трансформация. Когда вы закрываете эти глаза, которые видят наружу, что происходит с энергией, которая течет через них? Эта энергия начинает идти обратно. Она не может течь от глаз к объектам, и она изменяет свое направление, она совершает поворот. Энергия должна двигаться, энергия не может быть статичной; если вы закрываете один выход, она находит другой. Когда оба глаза закрыты, та энергия, что текла через них, изменяет направление — происходит поворот.

И эта энергия ударяет в ваш третий глаз. Третий глаз — не физическая вещь: просто та энергия, которая течет от глаз к внешним объектам, теперь возвращается к источнику — она становится третьим глазом, третьим способом видения мира.

Только этим третьим глазом можно видеть Будду; только этим третьим глазом можно постичь Иисуса. Если у вас нет этого третьего глаза, Иисус будет здесь, но вы не узнаете его — многие не узнали его. В его родном городе люди думали, что он был просто сыном плотника Иосифа. Никто, никто не мог распознать того, что случилось с этим человеком; что он не был больше сыном плотника, что он стал сыном Божьим — но это внутренний феномен. А когда Иисус провозгласил: «Я — сын божества, мой Отец — в небесах», — люди смеялись и говорили: «Ты или сошел с ума, или дурак, или хитрец. Как может сын плотника вдруг стать Сыном Божьим?» Но такая возможность есть...

Только тело рождается от тела; внутреннее «я» не рождено от тела, оно рождено от святого духа, оно — от Божества. Но сначала вы должны приобрести глаза, чтобы видеть; приобрести уши, чтобы слышать.

А это дело очень тонкое — понимать Иисуса, вы должны пройти через великое обучение. Это точно так же, как понимание классической музыки. Если вам вдруг дать послушать классическую музыку, вы подумаете: «Что за чепуха!» Она так утонченна, что нужно долгая тренировка. Нужно много лет учиться, только тогда ваши уши готовы воспринимать тонкое — и тогда ничто не сравнится с классической музыкой. Тогда обычная повседневная музыка вроде музыки из кинофильмов — вообще не музыка, это просто шум, и к тому же глупый.

Из-за того, что ваши уши не тренированы, вы живете с шумом и думаете, что это музыка. Но для классической музыки нужны очень аристократические уши. Нужна тренировка, и чем больше вы тренированы, тем больше тонкое становится видимым. Но классическая музыка — ничто перед Иисусом, потому что он — музыка космическая. Вам нужно быть столь тихим, что нет ни единого всплеска мысли, ни единого движения вашего существа; лишь тогда вы можете слышать Иисуса, можете понимать Иисуса, можете знать его.

Вот почему Иисус повторяет снова и снова: «Имеющие уши да поймут меня. Имеющие глаза, смотрите: я здесь!» Почему он повторяет: «Имеющие глаза да видят! Имеющие уши да слышат!» Почему?

Он говорит о некоем ином измерении понимания, доступном только ученику. Очень немногие понимали Иисуса, но это неизбежно в самой природе вещей. Очень немногие — и кто были эти немногие? Это были не образованные люди, не ученые, нет! Это были не профессора университетов, нет, это были не пандиты или философы, нет! Это были простые

люди: рыбак, крестьянин, сапожник, проститутка; это были очень обычные люди, самые обыкновенные из обыкновенных. Почему эти люди могли понять? Должно быть, есть что-то необыкновенное в обыкновенных людях. Должно быть, есть что-то особенное, что существует в простом человеке и исчезает в так называемых «необыкновенных» людях. Что же это? Это смирение, это доверие... Ведь чем более вы интеллектуально тренированы, тем менее возможно доверие; если вы интеллектуально не тренированы, доверие более возможно.

Крестьянин доверяет, ему незачем сомневаться. Он сеет семена в поле и верит, что они взойдут, они прорастут, когда придет соответствующее время года. Они обязательно взойдут. Он идет и молится, и в свое время эти семена прорастают и становятся растениями. Он ждет и верит. Он живет с деревьями, травами, реками, горами. Незачем сомневаться: деревья не хитрят, нет нужды в панцире, чтобы защититься от них. Тут незачем изобретать меры безопасности; горы — это не политики, не преступники; можно быть открытым.

Вот почему, когда вы среди гор, вы вдруг чувствуете восторг. Откуда он исходит? От гор? Нет! Он приходит потому, что сейчас можно снять броню, потому, что нечего бояться. Вы подходите к дереву, и вдруг чувствуете красоту. Она исходит не от дерева, она исходит из вас. Но вам и незачем защищаться от дерева, вы можете чувствовать себя свободно, как дома. Цветок не собирается внезапно напасть на вас, дерево не может быть вором, оно не может ничего у вас украсть. И когда вы идете в горы, к морю, в лес, к деревьям, вы снимаете свой панцирь.

Люди, живущие с природой, более доверчивы. Сельская местность, менее индустриализованная, менее механизированная, менее технологичная, живет ближе к природе, в ней больше доверия. Вот почему нельзя представить себе, чтобы Иисус родился в Нью-Йорке — это почти невозможно. «Иисусоманьяк» может там родиться, но не Иисус. И эти маньяки — просто невротики, Иисус только повод. Нет, нельзя вообразить Иисуса, родившегося там, это почти невозможно. И даже если бы он там родился, никто не стал бы его слушать; даже если бы он появился там, никто не смог бы распознать его. Он родился в век без технологии, без науки, этот сын плотника. Всю жизнь он жил с бедняками, с простыми людьми, которые жили с природой. Они могли доверять.

Однажды Иисус пришел к озеру рано утром; солнце еще не взошло над горизонтом. Там были рыбаки, и они только что забросили невод, чтобы поймать рыбу, когда пришел Иисус и сказал: «Смотрите! Зачем вы напрасно тратите свою жизнь? Я могу сделать вас ловцами людей. Зачем вы тратите свою энергию на ловлю рыбы? Я могу сделать вас ловцами человеков. Вставайте и идите за мной!»

Если бы он сказал это вам, когда вы сидите в своей конторе или в своей лавке, вы сказали бы ему: «Уходи! У меня нет времени. Не отнимай мое время!» Но эти два рыбака взглянули на Иисуса, безо всякого сомнения.

Вставало солнце, и этот человек был прекрасен, этот человек был Иисус. А его глаза — они были глубже, чем озеро; и его сияние было ярче солнечного. Они выбросили свои сети и пошли за Иисусом.

Это — доверие. Ни одного вопроса: «Кто ты, незнакомец?» Они не знали его, он был не из их деревни; они ни-когда его не видели, никогда его не слышали. Но этого было достаточно — зова, приглашения было достаточно. Они слышали приглашение, они смотрели на Иисуса, чувствовали его искренность, и пошли за ним.

Когда они уже выходили из города, их бегом догнал человек и сказал этим двум

рыбакам: «Куда вы идете? Не-ожиданно умер ваш отец. Возвращайтесь!» И они обратились к Иисусу: «Можем ли мы пойти домой, и похоронить нашего мертвого отца? А потом мы пойдем за тобою». Иисус сказал: «Не заботьтесь о мертвых. В этом городе достаточно мертвых. Они похоронят своих мертвецов. А вы идите, следуйте за мной. Вам незачем беспокоиться о мертвых». И эти два рыбака пошли за ним.

Это доверие: они слышали, они видели Иисуса. Он подразумевал — и он был прав: «Умер отец, что ж подела-ешь? Когда кто-нибудь мертв, он мертв. Незачем туда идти. И в городе достаточно мертвых; они сделают то, что еще осталось сделать, они исполнят ритуал; они похоронят вашего отца. А вы идите, следуйте за мной». И они пошли и ни разу не обернулись, ни разу не посмотрели назад. Доверие означает, не возвращаться. Доверие означа-ет, не оглядываться назад.

Сомневающийся ум всегда оглядывается, всегда думает об альтернативе, всегда думает о том, чего он не сде-лал, всегда думает, был ли он прав: «Вернуться или идти за этим сумасшедшим? Кто знает? Он говорит, что он сын Бога, но кто знает? Никто не знает о Боге, никто не знает о его сыновьях — а этот человек выглядит точно так же, как и мы!» Но рыбаки пошли за Иисусом. Если вы следуете за таким человеком, как Иисус, раньше или позже вы заразитесь. Но вначале вы должны пойти за ним. Раньше или позже вы почувствуете, что вы тоже бо-жьи сыновья. Но вначале вы должны доверять. Если вначале есть сомнение, двери закрыты.

Эта связь между Мастером и учеником исчезла благодаря трем столетиям успехов науки. Наука добилась та-ких успехов! Она творит чудеса — конечно, бесполезные чудеса, ведь они ни крошки не добавили к человеческо-му счастью, а чудо бесполезно, если оно не увеличивает меру счастья. Наоборот, мера счастья уменьшилась. Больше техники, больше комфорта — но счастья меньше; вот в чем состоит чудо, достигнутое наукой. Чем больше могут сделать механические устройства, тем меньше нужны вы. А чем менее вы нужны, тем больше вы чувствуе-те себя бесполезным, никчемным, бессмысленным. Раньше или позже компьютер заменит вас, и вы тогда станете совершенно ненужным. Тогда вы сможете пойти и совершить самоубийство, потому что компьютер все сделает.

Счастье происходит от чувства собственной нужности. Когда вы нужны, вы чувствуете себя счастливым, по-тому что ваше существование имеет значение, вы чувствуете, что ваша жизнь полна смысла, чувствуете, что нужны, и что без вас все было бы по-другому. Но сейчас без вас все осталось бы по-прежнему. Скорее, без вас бы-ло бы даже лучше, ведь машины могут все сделать лучше, чем вы. Вы — просто помеха, просто устаревшая вещь. На сегодняшний день человек — наиболее устаревшая вещь, потому что каждый год все выходит новым издани-ем; выходит новая модель автомобиля Форда, новая модель всего. Лишь человек остается самой несовременной моделью. Среди столь многих новых вещей вы — единственная старая вещь.

Современный ум постоянно чувствует свою бессмысленность, потому что вы никому не нужны. Вы не нужны даже своим детям, потому что «государство и социальное обеспечение» позаботится о них. Вы станете, не нужны вашим старым отцу и матери, потому что будут специальные дома — правительственные и государственные — где будут заботиться об их нуждах. Кому вы нужны? А когда вы чувствуете, что вы никому не нужны, что вы просто ненужное бремя, как вы можете быть счастливыми?

В прежние времена вы были нужны. Еврейский мистик Гильлель, который, должно быть, был человеком глу-бокого доверия, человеком молитвы, как-то в своей молитве сказал

Богу: «Не думай, что только я нуждаюсь в тебе — ты тоже нуждаешься во мне. Без меня ты был бы ничем. Если нет Гильлеля, кто станет молиться? Кто посмотрит на тебя? Я необходим. Так что запомни: Ты мне нужен, это правда, но и я нужен тебе».

Когда вы нужны Вселенной, даже Богу, тогда вы имеете значение, смысл, аромат. Но теперь вы не нужны ни-кому. Без вас легко можно обойтись, вы — ничто. Техника создала комфорт и сделала вас ненужными. Техноло-гия дала вам лучшие дома, но не лучших людей, потому что для создания лучшего человека нужно некое иное измерение — это измерение не принадлежит механике. Это измерение сознания, а не механики.

Наука не может создать Будду или Иисуса, но наука может создать общество, в котором Будда будет невозможным. Много людей приходят ко мне и спрашивают, почему сейчас больше нет Будд, нет больше тиртханкар, нет больше Иисусов. Из-за вас! Вы создали такое общество, что существование простого человека становится все более невозможным. И даже если он существует, вы не узнаете его. Дело не в том, что нет будд, — другое дело их увидеть, но они есть. Может быть, вы каждый день проходите мимо них по дороге в свою контору, но вы не можете распознать их, потому что вы слепы. Доверие исчезло. Помните это: Иисус жил в век доверия, глубокого доверия. Всю его славу, все его сияние, все его значение можно понять только через это измерение доверия. Теперь приступим к этой части изречения Иисуса:

Ученики сказали Иисусу: «Скажи нам, чему подобно Царствие Небесное?»

Они не были вопрошающими, они не были любопытствующими людьми, они не собирались спорить. Их вопрос был невинен. Когда вопрос невинен — лишь тогда Иисус может на него ответить.

Когда вопрос невинен? Вы знаете? Если у вас уже готов ответ, тогда вопрос не невинен. Вы спрашиваете: «Есть ли Бог?», — и у вас уже готов ответ. Вы знаете, что да, он есть, и вы пришли ко мне только за подтверждением, или вы знаете, что его нет, и вы пришли только за тем, чтобы увидеть, знает ли этот человек или нет. Если ответ уже есть, тогда вопрос — хитрость, он не невинен. Тогда Иисус на него не может ответить, потому что Иисус может ответить только невинности.

Когда спрашивает ученик, в его уме нет ответа, он не знает, он просто не знает, и именно поэтому спрашивает. Помните об этом, когда спрашиваете. Когда спрашиваете, хорошо сознавайте: спрашиваете ли вы потому, что у вас уже есть ответ, спрашиваете ли вы из своего знания? Тогда встречи быть не может. Тогда, даже если я отвечу, ответ не достигнет вас. Вы недостаточно пусты, чтобы воспринять его. Ответ уже есть: вы уже предубеждены, отравлены.

Есть два вида вопрошания: один — из знания, и тогда вопрос бесполезен, потому что тогда возможен спор, но не диалог; и другой — когда вы спрашиваете из незнания, хорошо зная, что вы не знаете. Когда вы знаете, что не знаете, и спрашиваете, вы стали учеником. Теперь спора не будет. Вы просто жаждете и просите воды; вы голодны и просите пищи. Вы не знаете, и вы спрашиваете; вы готовы принять. Ученик спрашивает, хорошо зная, что он не знает. Когда вы не знаете, вы смиренны. Когда вы знаете, вы становитесь эгоистичными, а Иисус не может говорить с эго.

Ученики сказали Иисусу... — «ученики» значит те, кто полностью сознают, что они не знают. «Скажи нам, чему подобно Царствие Небесное?»

Иисус все время говорил о Царстве Небесном, и это вызвало много неприятностей. Неприятности вызвала са-ма терминология, ведь слово «царство» — политическое, и

политики испугались. Поэтому его распяли, потому что политики думали: «Этот человек говорит о каком-то царстве, что оно придет на землю, и он говорит — я царь этого царства. Этот человек пытается вызвать революцию, пытается сбросить правительство. Он хочет создать новое царство!»

Царь, наместник, должностные лица, священники — все они испугались. А этот человек был влиятельным, потому что люди слушали его; люди не просто слушали его — когда они его слушали, они преображались, вос-пламенялись, становились совершенно новыми, с ними что-то происходило. Поэтому священник, наместник Пон-тий Пилат, Царь Ирод, все правительство — и светское, и духовное — все были напуганы этим человеком. Он казался опасным. Такого невинного человека никогда не было; он выглядел опасным. Его не поняли.

Но всегда есть возможность того, что Иисуса не поймут. Дело в том, что ему приходится пользоваться вашим языком, потому что другого языка нет, и все, что он говорит, ему приходится говорить вашими словами. Других слов нет, а ваши слова уже чрезмерно отягощены, в них уже содержится слишком много значения, они слишком нагружены. Он говорит просто о Царстве Небесном, о Царстве Божьем. Но «царство»? Это слово опасно: «царст-во» содержит намек на какую-то политику.

Иисус не был революционером этого мира. Он был революционером, великим революционером — но внутренне-него мира. Он говорил о внутреннем царстве. Но даже ученики не понимали, о чем он говорит. Когда вы приходите к Мастеру, происходит встреча двух различных измерений, так же, как встреча земли и неба; встреча на границе. Если есть доверие, вы можете раскрыть свои крылья и взлететь, но если доверия нет, вы привязываетесь к земному.

Этот человек несет вам опасность. Что это за царство Божие? Какое это Царство? Это Царство совершенно противоположно, диаметрально противоположно царству этого мира. И Иисус объяснял и объяснял... но заставить людей понять это, было трудно. Он говорил: «В моем Царстве Бога — беднейший будет самым богатым, последний будет первым». Он говорил так же, как Лао-Цзы, и он был человеком, подобным Лао-Цзы. «Последний будет первым в моем Царстве». Он говорил, что самый смиренный будет наиболее значительным, беднейший будет самым богатым, и тот, кто совершенно не признан здесь, будет признан там — все вверх ногами!

Так должно быть. Если вы стоите у реки и река спокойна, в ней нет ряби, и вы смотрите на свое отражение — оно вверх ногами. Все всегда отражается наоборот. На самом деле мы перевернуты вверх ногами в этом мире, и если нас нужно исправить, нужно все вывернуть наизнанку. Но тогда будет казаться, что все становится с ног на голову — нужен хаос.

Будда стал нищим — последним человеком в этом мире. Он был царем, но Царство Бога принадлежит последним. Он оставил Царство этого мира, потому что царство этого мира просто бесполезно, оно — бессмысленное бремя. Вы тащите его, но оно не наполняет вас. Оно уничтожает вас, оно — яд, хотя оно, может быть, такой мед-ленный яд, что вы не можете этого ощутить...

Однажды некто пьянствовал, и мимо проходил его друг. И друг сказал: «Что ты делаешь? Это же медленный яд!»

Первый ответил: «Ну и ладно — я не спешу».

Все, что вы называете жизнью, есть медленный яд, потому что, в конце концов, она заканчивается смертью. Она убивает вас, она не делает ничего другого. Вы не спешите, может быть, но это никак не меняет качества яда. Он, может быть, действует медленно, вы,

может быть, не спешите, но все же он убьет вас.

Царство этого мира принадлежит смерти, но Царство Бога принадлежит вечной жизни. Поэтому Иисус гово-рит: «Те, кто готовы, придите ко мне, я дам вам жизнь изобильную».

Иисус проходил через деревню. Он хотел пить, и подошел к колодцу. Женщина доставала воду из колодца, и он сказал: «Я жажду, дай мне немного воды напиться».

Женщина ответила: «Но я принадлежу к очень низкой касте, я не могу дать тебе воды, это запрещено».

Иисус сказал: «Не беспокойся. Дай мне воды, и я тоже дам тебе воды в обмен — из моего колодца. И, раз на-пившись из него, ты никогда больше не будешь жаждать».

Ученики спрашивают: « Скажи нам, чему подобно Царствие Небесное?», — потому что, то, что нам неведомо, можно объяснить только через «подобно». Отсюда все мифы. Мифология — это попытка объяснить то, чего вы не знаете и не можете знать в своем состоянии ума, через что-то, что вам известно. Попытка объяснить Неведомое через известное, есть миф — он дает немного понимания вам таким, каковы вы есть.

Царство Небесное нельзя объяснить прямо, непосредственно. Это невозможно. Пока вы не вошли в него, нет способа что-то сказать о нем. Все, что будет сказано, будет ложью, потому что истину высказать нельзя. Тогда что же постоянно, на протяжении многих лет, делали Иисус, Лао-Цзы и Будда? Если истину высказать нельзя, то что они делают? Они пытаются объяснить вам то, что объяснить нельзя, через те символы, которые вы знаете; пытаются объяснить Неведомое через известное. Это труднейшая вещь на свете — притчи, мифы, истории.

И есть глупцы, пытающиеся анализировать миф, вскрыть его, и утверждающие: «Это миф, это неправда». Они анализируют и расчленяют, они занимаются хирургией на мифе, а потом говорят: «Это миф, это не исто-рия». Но никто никогда не говорил, что миф — это история. И нельзя расчленять миф, потому что он просто сим-воличен.

Это так же, как указатель у дороги, на котором нарисована стрела и написано: «Дели», — а вы разбиваете ка-мень, разрезаете стрелу, анализируете краску и все остальное, и потом говорите: «Это сделал какой-то дурак — здесь нет никакого „Дели“».

Мифы — это придорожные указатели, стрелы, указывающие в неведомое. Они сами по себе не цель, они про-сто указывают. В этом смысл вопроса учеников: «Скажи нам, на что похоже Царствие Небесное?» Нельзя спро-сить, что такое Царство Небесное. Смотрите, как задан вопрос: мы не можем спрашивать, что такое Царство Не-бесное — это было бы слишком. Мы не можем и ждать ответа на такой вопрос. Мы можем только спросить, чему оно подобно..., а это значит: «Скажи нам что-нибудь такое, что мы знаем; как-то укажи через понятное нам, что-бы мы могли уловить проблеск».

Это так же, как слепой, который спрашивает, что такое свет. Как можно спрашивать, что такое свет, если вы слепой? Если вы спрашиваете, сам ваш вопрос — препятствие для ответа. На него нельзя ответить. Можно знать свет — для этого нужны глаза. Но «на что похож свет?» означает: «Скажи что-нибудь на языке слепых».

Все притчи — истины на языке слепых; все мифы — это истины, облаченные в язык слепых. Так что, не ана-томируйте их. Вы ничего в них не найдете. Они — просто указатели. И если у вас есть доверие, указатель — это прекрасно.

В одном из храмов в Японии нет ни одной статуи Будды. Люди входят и спрашивают: «Где же Статуя?» Ста-туи нет, но прямо на пьедестале находится палец, указывающий в небо — это и есть Будда. Священник отвечает: «Вот Будда». Я не знаю, понимает ли это

священник — этот палец, указывающий на луну. Что есть Будда? Про-сто палец, указывающий на луну!

Ученики спрашивают, на что похоже Царство Небесное? «Скажи нам, скажи нам притчей, расскажи нам исто-рию, которую мы, дети, могли бы понять. Мы не знаем, у нас нет никакого опыта. Скажи что-нибудь, что может дать нам намек».

Иисус сказал им: «Оно подобно горчичному зерну — меньше, чем все семена, но когда оно падает на вспаханную землю, из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных».

Иисус очень много говорил об этом горчичном зерне, и по многим причинам. Во-первых, горчичное зерно — самое маленькое семя. Бог невидим, меньше, чем наименьшее, так что как можно указать на него? Горчичное зерно на границе видимого, наименьшая вещь на границе видимого мира. Дальше вы не сможете понять, потому что дальше — невидимое. Горчичное зерно — это граница: вы можете его видеть, но оно очень мало. Если вы иде-те дальше, вы вступаете в мир тонкого, того, что меньше мельчайшего. Горчичное зерно находится на границе.

А горчичное зерно — не просто самая малая из видимых вещей, у него есть одно таинственное свойство: когда оно вырастает, оно превращается в наибольшее из растений. Так что это парадокс: семя — наименьшее, а дерево — наибольшее. Бог — это невидимое, а Вселенная — все, что видимо; Бог — это не проявленное, а Вселенная — это проявленное.

Если вы разломите семя, вы не найдете в нем дерева. И вы можете сказать, что дерева нет, а люди просто глу-пы, говоря, что огромное дерево скрыто в зерне, где ничего нет.

Вот что постоянно делали аналитики. Если вы скажете, что этот цветок красив, они возьмут его в лаборато-рию и расчленят его, чтобы найти, где красота. Они займутся химическим составом и прочим. Они разрежут и проанализируют цветок, они наклеят ярлыки на бутылочки с разными частями цветка — но ни в одной из буты-лочек они не найдут красоты. Нет, они выйдут из лаборатории и скажут: «У вас, должно быть, была какая-то галлюцинация, вам это приснилось — здесь нет красоты. Я рассек весь цветок и ничего не осталось, красоты там нет». Есть вещи, которые можно знать только в их целостности. Их нельзя расчлени-ть, потому что они больше, чем их части. Эта проблема — основная проблема для тех, кто ищет истину. Истина более велика, чем ее части, соединенные вместе. Это не просто сумма частей, она больше, чем ее части. Мелодия — не просто сумма всех нот, всех звуков. Нет, это нечто большее. Когда все ноты вместе, создается гармония, появляется гармония, которой не было в отдельных нотах.

Я говорю для вас: вы можете расчлени-ть мои слова, все они есть в словаре, но вы не найдете в словаре меня. И вы можете сказать: «Все слова есть здесь, так что, к чему беспокоиться?»

Однажды Марк Твен пошел слушать своего друга — священника. Этот друг приглашал его много раз. Он был одним из величайших ораторов, его ценили очень высоко. Когда он говорил, церковь была переполнена, но Марк Твен никогда не ходил его слушать. Этот друг приглашал его много раз, пока Марк Твен не согласился: «Хорошо, я приду в воскресенье». И к воскресенью этот священник приготовился, как только мог: он вложил в проповедь все самое прекрасное, что было в его уме, ведь должен прийти Марк Твен! Марк Твен сел прямо перед ним, и священник произнес свою самую лучшую речь. Он вложил в нее всю свою энергию, и она была действительно прекрасна; это была симфония, это была поэзия.

Но постепенно он стал теряться, стал беспокоиться, потому что Марк Твен сидел, как

мертвый. Ни намек на одобрение не появилось на его лице. Люди часто аплодировали, они были в экстазе, но Марк Твен сидел, совершенно не подавая вида, что речь произвела на него какое-нибудь впечатление, положительное или отрицательное. Он оставался равнодушным — а равнодушие более убийственно, чем отрицательное отношение. Ведь если вы против чего-то, вы, по крайней мере, как-то к этому относитесь; если вы против, то вы придаете этому какое-то значение. Но если вы равнодушны, вы тем самым говорите, что это абсолютно бессмысленно, и не стоит даже того, чтобы быть против него.

Когда речь была окончена, Марк Твен возвращался в машине вместе со священником. Священник не мог заставить себя спросить о своей речи; они молчали. Уже когда Марк Твен выходил из машины, священник заметил: «Ты ничего не сказал о моей проповеди».

Марк Твен ответил: «В ней нет ничего нового. У меня дома есть книга, с которой ты просто „копировал все это. Эта лекция заимствована, и ты меня не обманешь. Ты можешь обманывать этих дураков в церкви, но я — человек грамотный и умею читать. Случайно я читал эту книгу, как раз вчера вечером“.

Священник не мог в это поверить. Он сказал: «Что ты говоришь? Я не списал это ниоткуда. Это невозможно!» Марк Твен сказал: «В ней есть каждое слово, которое ты произнес. Завтра утром я пришлю тебе эту книгу». На следующий день он прислал священнику большой словарь с запиской: «Ты найдешь здесь все слова».

Это — ум аналитика. Он немедленно может убить всякую поэзию. Он может просто сказать, что это просто со-единенные вместе слова. Он не может видеть между слов, не может видеть между строк — а поэзия там. Там красота и экстаз, и Бог, и все, что значимо; это находится между словами, между строчками.

Горчичное зерно — наименьшее, а содержит наибольшее. Вы не можете видеть Бога, потому что он наименьшее — горчичное семя — но вы можете видеть Вселенную. А если есть Вселенная, должно быть и семя. Как может быть дерево без семени? Можете вы видеть его или нет — важно не это. Может ли эта Вселенная существовать без первопричины, без источника? Вот Ганг — может ли он существовать без истока? Огромная Вселенная — и вы думаете, что она может существовать без истока?

И не только эта огромная Вселенная... ведь в ней такая гармония, такая всеобщая симфония, такая всеобъемлющая система. Она не хаос, в ней столько порядка, все на своем месте. И те, кто знает, говорят, что это лучший из миров, что ничто не может быть лучше его.

Семя должно быть, но это семя мало, меньше, чем горчичное зерно. Горчичное зерно использовано как миф, как указание. Те люди, что спрашивали Иисуса, были рыбаками, крестьянами, садовниками, и им была понятна притча, притча о горчичном зерне.

Расчлняя, вы теряете. Если вы расчлняете религию, вы теряете; либо вы можете видеть ее непосредственно, не расчлняя, либо вы не можете ее видеть. Есть один путь, которым идет доверие: в семени вы не можете видеть дерева, но вы можете посадить семя в землю — это то, что сделает человек доверия. Он скажет: «Ладно, это семя; я верю, что оно станет деревом, и я пойду и посажу его в поле. Я найду подходящую почву, и защищу это семя, я буду ждать и молиться, я буду любить и надеяться, я буду мечтать...»

Что еще вы можете делать? Потом вы однажды вдруг проснетесь, а зерно стало чем-то новым, новые побеги поднимаются из земли. Теперь зерно уже больше не зерно — оно становится деревом, оно цветет.

Что происходит, когда семя становится деревом? Это тоже часть притчи. Семя должно

умереть — только так оно становится деревом. Бог умер во Вселенной. Он не может оставаться в стороне, он в ней, он затерялся в ней. Вот почему вы не можете найти Бога. Вы можете пойти в Гималаи, в Мекку, в Каши, или куда угодно, но вы ни-где не найдете его, потому что он здесь, везде! — точно так же, как семя живет во всем дереве. Теперь уже нельзя найти семя, потому что оно умерло в дереве и стало деревом. Бог умер в эту Вселенную, он умер в этом Бытии и стал космосом. Он — не отдельная вещь. Он не похож на плотника, который что-то создает и остается отдельным. Это невозможно, бог подобен семени: из него вырастает дерево, но тогда оно исчезает в дереве. Вы можете снова найти бога только тогда, когда дерево исчезает.

Индусы говорили, что бога можно найти, либо в начале творения, либо в конце. Вначале, когда мира нет, есть семя, но нет вас, чтобы найти его; ведь вы — часть дерева, листья дерева. Или же, он будет в пралайе, когда весь мир растворяется, когда дерево стареет и умирает. И так случается с каждым деревом: когда оно стареет, появляются новые семена — миллионы семян.

В пралайе вы снова найдете миллионы богов — но тогда не будет вас, вот в чем дело. Есть только один способ найти бога: вы можете найти его, только если можете найти его здесь и сейчас, в каждом листе. Если вы ищете какой-то конкретный образ, Кришну или Раму, тогда вы не найдете его. Это тоже листья — конечно, более красивые, более живые и более зеленые, ведь они познали бога, познали, что он есть везде. Когда Иисус говорит: «Царство Божие подобно горчичному зерну», — он говорит миллионы вещей. В этом красота притчи: вы не говорите почти ничего, и все же говорите многое. Когда семя умирает, есть дерево. Вот Царство Божие, здесь Царство Небесное. А если вы ищете его где-то в другом месте, то ищете напрасно. Если вы хотите взглянуть в Царство Божие, вы тоже должны стать, как семя и умереть: и вдруг — вы дерево; вас больше нет, а есть бог. Вы никогда не встретитесь с богом. Если есть вы, бога нет, потому что есть семя. Когда вы исчезаете, бог есть; так что на самом деле — встречи нет.

Когда нет вас, есть бог — пустота в вашей руке, и тогда есть бог. Вас больше нет... тогда есть Бог. И снова парадокс: семя содержит дерево, но семя может и убить это дерево. Если семя становится слишком эгоистичным, если семя думает: «Достаточно меня», и если семя боится умереть, тогда, сама его оболочка становится тюрьмой, та самая оболочка, которая защищала дерево до того момента, пока оно попадет на подходящую почву, станет тюрьмой — и тогда дерево погибнет в семени.

Вы подобны семенам, которые стали тюрьмой. Будда, Иисус — семена, которые не стали тюрьмой: семя умерло, оболочка отпала, и вот, семя проросло.

Он сказал им: «Оно подобно зерну горчичному — самому малому среди всех семян, когда же оно падает на возделанную землю, из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных»,

«...но когда оно падает на возделанную землю...» Нужна подходящая почва. Просто смерть семени бесполезна, ведь вы можете умереть на камне, и тогда не будет никакого дерева, это будет просто смертью. Вы должны найти подходящую землю, подходящую почву — в этом значение ученичества. Это обучение, тренировка — ученичество есть тренировка — чтобы стать вспаханной, плодородной почвой. Семя есть, но нужно найти подходящую почву. Дерево заключено внутри вас, Мастер может только дать вам подходящую почву. Он может вспахать вас, он может вырвать сорняки, он может сделать почву, достойной семени. Он может удобрить почву — ведь он садовник.

В вас содержится все, но все же вам понадобится садовник, иначе, вы будете продолжать разбрасывать семена, куда попало. Они могут упасть на цементную дорогу и умереть там, или, они упадут на тропу, и люди будут ходить по ним, и они погибнут. Когда вы умираете, нужен кто-то, кто защитит вас. Смотрите, когда рождается ребенок — нужна акушерка. Никто не скажет, что она не нужна. Акушерка нужна, потому что момент очень острый. Но еще более велик момент, когда рождается Истина; еще более велик момент, когда бог рождается в вас — более велик, чем все рождения. А Мастер — никто иной, как акушерка.

Иначе, без Мастера, многое может случиться: может случиться выкидыш, и ребенок умрет, не родившись. Нужен Мастер, чтобы защитить вас, ведь молодые побеги очень нежны, беспомощны — с ними может случиться все, что угодно. Это очень опасно. Но если вы доверяете..., а доверие необходимо, другого пути нет, потому что если вы сомневаетесь, вы сжимаетесь, и тогда семя не умрет — если вы доверяете, семя умирает. Семя не может знать дерева, вот в чем трудность. Семя хочет быть уверенным, что если оно умрет, оно станет деревом. Но как дать семени такую уверенность?

В этом абсурдность веры. Вера абсурдна! Вы хотите быть уверенными, что сможете стать саньясинами, что сможете отречься ото всего, что вы готовы к смерти; но где гарантия, что когда семени не будет, будет дерево? Кто может дать вам такую гарантию, и как ее можно дать? Даже если дана гарантия, — семени, которому она дана — не будет. И какая гарантия может доказать семени, что когда его не будет, будет дерево? Никакая гарантия невозможна.

Вот почему абсурдна вера: ведь она означает верить в то, во что верить нельзя — верить в то, во что верить невозможно, верить никак нельзя, и все же вы верите. Семя умирает в глубоком доверии, и рождается дерево. Но нужна вспаханная земля, нужна подходящая почва. Все ученичество нужно лишь для того, чтобы стать вспаханной землей.

«Из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных...»

И когда ваше дерево действительно выросло, когда оно стало «древом Будды», тогда миллионы ищущих птиц прилетают и находят в вас укрытие. Много «птиц небесных» находят укрытие в Иисусе, много «птиц небесных» находят укрытие в Будде. Для тех, кто ищет глубочайшее, такое дерево — «дерево Будды», «дерево Иисуса» — становится укрытием, и в нем они могут чувствовать пульс неведомого. Там они могут доверять, там они могут прийти к взаимопониманию с Неведомым, и там они могут совершить прыжок.

Оно подобно зерну горчичному.. Вы есть Царство Небесное, вы подобны горчичному зерну. Будьте готовы умереть, готовьтесь к своей смерти!

Конечно, будут и дрожь, и страх, и смятение. Прыжок будет трудным. Может быть, вы много раз вернетесь, много раз вы подойдете к самому краю и повернете обратно, и побежите, потому что там — бездна. Семя может знать только бездну, семя не может знать дерева, для семени нет способа увидеть прорастающее дерево, нет возможности. Семя должно умереть и верить в неведомое — тогда это случится. Когда вы готовы умереть, тогда это случится. Пойдите и посадите семена в землю: когда вырастет дерево, вновь разройте землю и поищите это семя; оно исчезнет, его не будет. Пойдите и покопайте в Будде, в Иисусе — вы не найдете этого человека, не найдете семени. Вот в чем смысл того, что Иисус — сын бога. Да, он больше не сын плотника Иосифа и Марии; теперь облочка исчезла. Семя растворилось, а это дерево произросло вовсе не от видимого, оно — от Невидимого.

Взгляните на Иисуса: в нем больше нет семени, есть только бог. Будьте готовы умереть, чтобы вы могли возродиться. Оставьте ум, тело, эго, личность — и вдруг вы обнаружите, что в вас растет нечто новое — вы стали материнским чревом, вы беременны. А быть духовно беременным, — это вершина творения, потому что вы творите себя. Ничто не сравнится с этим. Вы можете создать великую картину или великую скульптуру, но когда вы создаете себя, когда вы «самосоздаетесь», это ни с чем не сравнимо.

«...Но когда же оно падает на возделанную землю...». Будьте готовы умереть. Но прежде чем вы будете готовы к прыжку, станьте «возделанной землей» — станьте учеником, станьте смиренным, станьте таким, как будто вас нет. Вскоре вас действительно не будет — но приготовьтесь к этому, ведите себя так, как будто вас нет. Тогда... «...Из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных».

Так было всегда: вы здесь, возле меня: мое семя мертво — именно поэтому вы здесь. Вы здесь не благодаря себе, вы здесь благодаря мне. Но говорить «благодаря мне» — неверно, потому что нет «меня»: семя исчезло, и теперь это только дерево. И если вы через меня уловите проблеск собственной возможности, дело сделано. Царствие Небесное подобно зерну горчичному... Вы — эти зерна, вы — возможность этого Царства. Готовьтесь умереть, потому что это единственный способ возродиться.

Изречение второе...

Иисус сказал:

*Может быть, люди думают,
что я пришел Бросить мир на землю,
и они не значит, что я пришел
Бросить на землю разделения,
огонь, меч, войну.*

*Ибо пятеро Будут в доме;
трое будут против двоих
и двое против троих;*

отец против сына

И сын против отца;

и Будут они стоять,

как единственные.

Иисус сказал:

Я дам вам то, что не видел глаз,

и чего не слышало ухо,

и чего не коснулась рука,

и что не рождалось в сердце человеческом.

Иисус очень парадоксален

Иисус очень парадоксален, но его парадоксы полны смысла. Чтобы воспринять их значение, многое нужно понять. Во-первых, возможен мир, когда почти все мертвы. Не будет войн, не будет конфликтов, но не будет и жизни. Это будет кладбищенская тишина. Но в такой тишине мало толку, тогда даже война лучше, потому что вы живы и энергичны.

Другой вид тишины — совершенно другое измерение тишины, когда вы полны жизни, энергии, но центрированы внутри своей сущности; когда возникло знание себя, когда вы стали Просветленным, когда зажжено пламя, и вы не во мраке. Тогда будет больше жизни, больше тишины, но эта тишина будет принадлежать жизни, а не смерти. Это не будет тишина кладбища.

Это парадокс, который нужно понять: война — зло, ненависть — зло, они — зло этого мира, они должны исчезнуть; болезнь — зло, здоровье — добро, болезнь должна исчезнуть, но вы должны помнить, что мертвецы никогда не болеют, мертвое тело может разлагаться, но не может заболеть. Так что если вы не понимаете этого, результатом всех ваших усилий, может быть мертвый мир. В нем не будет болезней, войны, ненависти, но не будет и жизни.

Иисусу не понравилась бы эта разновидность тишины. Такая тишина бесполезна — тогда уж лучше этот мир, с войной. Но позиция многих из тех, кто пытались принести мир, негативна. Они думают: «Если прекратится война, все будет хорошо». Это не так просто. Но это мнение не только простых людей — даже великие философы, вроде Бертрانا Рассела, думают, что если остановить войну, все будет хорошо. Это негативная позиция.

Ведь дело не в войне, дело в человеке. И в войне не внешней, а в войне внутренней.

Если вы не воевали внут-ри, вы будете воевать вовне. Если вы воевали внутри и стали победителем, то война вовне прекратится. Это единственный путь.

Мы в Индии называли Махавиру «Победителем», «Великим Победителем», джайном. Слово «джайн», значит — «победитель». Но он никогда не боролся, не воевал ни с кем, так кого же он победил? Он никогда не верил в наси-лие, не верил в войну, в борьбу. Почему этого человека называют Махавира, Великий Победитель? Это не собст-венное его имя; его звали Вардхаман. Что же произошло? Какое случилось событие? Этот человек победил себя, а раз вы победили себя, ваша борьба с другими немедленно прекращается — потому что эта борьба с другими толь-ко уловка, чтобы избежать внутренней борьбы.

Если вам плохо с самим собой, тогда есть только два пути: либо вы страдаете, либо проецируете свое внутрен-нее неудобство на кого-то другого. Когда вы внутренне напряжены, вы готовы к драке: Тогда хорош любой повод — повод не имеет значения. Вы наброситесь на кого угодно: на слугу, на жену, на ребенка.

Как отбросить свой внутренний конфликт, свое раздражение? Вы перекладываете ответственность за себя на других. Тогда в вас происходит катарсис: теперь вы можете разозлиться, можете выбросить свой гнев и насилие, это даёт вам облегчение, освобождение. Конечно, временное облегчение, потому что то, что внутри, осталось прежним. Оно снова накопится, оно осталось старым. Завтра оно вновь накопится — гнев, ненависть — вам придется проецировать его.

Вы боретесь с другими, потому что вы все время накапливаете внутри себя мусор, хлам, и приходится его вы-брасывать. У человека, победившего себя, победителя себя, нет внутреннего конфликта, война прекратилась. Он един внутри себя — там нет двух. Такой человек никогда не станет проецировать, такой человек не станет воевать с другими.

Так что, это уловка ума, чтобы избежать внутреннего конфликта, потому что внутренний конфликт более бо-лезнен — и по многим причинам. Основная причина в том, что у каждого из вас есть образ самого себя, как хо-рошего человека. А жизнь такова, что без такого образа, жить было бы невозможно.

Психиатры говорят, что для того, чтобы жить, нужны иллюзии. Покуда вы не стали просветленным, иллюзии действительно нужны, чтобы жить. Если вы думаете, что вы такой плохой, такой дьявольски гнусный носитель зла, если этот образ... а он истинен, такие вы и есть — проникнет внутрь, тогда вы вообще не сможете жить. Вы утратите уверенность себе, и вы так наполнитесь виной, проклятьем самому себе, что не сможете любить; вы не сможете никуда пойти, не сможете смотреть на другое человеческое существо. Вы будете чувствовать себя под-лым, дьявольски плохим, столь низким, что вы умрете. Это чувство станет самоубийством, а она справедливо, — так что же делать?

Легче изменить ту истину: стать человеком Бога, а не человеком дьявола — стать божественным... Но это трудно, этот путь требует великих усилий. Нужно много сделать, лишь тогда дьявол сможет стать божеством. Он может стать божеством! Вы, может быть, не знаете, что во многих языках корень слова «дьявол» тот же, что и корень слова «божество». Оба слова происходят от одного и того же санскритского корня дева. Дьявол может стать божеством, потому что божество стало дьяволом. Такая возможность есть, они — два полюса единой энер-гии. Энергия, ставшая горькой, может стать сладкой. Нужна внутренняя трансформация, внутренняя алхимия — но это долго и тяжело.

А ум всегда ищет краткого пути, где сопротивление наименьшее. Поэтому он говорит: «Зачем стараться стать хорошим человеком? Просто верь, что ты хороший». Это легко, ведь

делать ничего не нужно. Просто думай, что ты хороший, просто создай образ себя — прекрасный, божественный, такой, что никто не равня тебе, и даже эта иллюзия даст тебе энергию, чтобы жить.

Если так много энергии могут дать вам иллюзии, можете себе представить, что случится, когда вы постигнете Истину. Даже иллюзия, что вы хороший, дает вам силу двигаться, дает опору, уверенность в себе. Вы стали почти центрированным благодаря иллюзии, и этот центр, возникший благодаря иллюзии, есть эго.

Когда вы действительно центрированы, этот центр, — глубинное «Я». Но это происходит лишь тогда, когда постигнута Истина: когда ваши внутренние энергии трансформированы, низшее трансформировано в высшее, земное в небесное; когда дьявол стал божеством, когда вы засияли внутренним сиянием; когда семя проросло, горчичное зерно стало великим деревом.

Но это долгий процесс, нужно мужество, чтобы ждать, нужно не соблазняться коротким путем. А в жизни нет коротких путей; короткие пути — это иллюзии. Жизнь тяжела, ведь только через тяжелую борьбу приходит к вам рост — он никогда не достается легко.

Его нельзя получить по дешевке; все, что дешево, не может помочь вам расти. Помогает страдание — само усилие, сама борьба, долгий путь дает вам остроту, рост, опыт, зрелость. Как можно достичь зрелости коротким путем? Есть возможность — сейчас ее испытывают на животных, и рано или поздно будут применять к людям — есть такая возможность: вам можно впрыснуть гормоны. Ребенку десяти лет можно вести гормоны, и он станет молодым человеком двадцати лет. Но вы думаете, он достигнет той зрелости, которую он мог бы иметь, пройдя через десять лет жизни? Борьба, возникновение половых желаний, необходимость контроля, потребность в люб-ви; быть свободным и все же контролировать себя, быть свободными все же центрированным; общаться и со-трудничать с другим человеком, страдать в любви, учиться — всего этого не будет. Этот человек, выглядящий двадцатилетним, на самом деле десяти лет отроду. Гормонами мы лишь вздули его тело. Но это делают с живот-ными, с плодами, с деревьями. Можно сделать инъекцию дереву, и то дерево, цветение которого начиналось бы через три года, расцветет через год. Но этим цветам будет чего-то недоставать. Они расцвели насильственно, они не прошли через созревание. Плоды появятся скорее, но эти плоды не будут столь зрелыми; им будет чего-то не-доставать, они будут искусственными. Природа не спешит. Помните: ум всегда спешит, природа не спешит нико-гда — природа ждет и ждет, она вечна. Нет нужды спешить: жизнь продолжается и продолжается, она — вечность. Но время ума коротко, и он говорит: «Время — деньги». Жизнь ждет, она может ждать; ум ждать не может — приближается смерть. Для жизни нет смерти, но для ума смерть есть.

Ум всегда старается найти короткий путь. А простейший способ найти короткий путь — это создать иллюзию: думать, что вы такой, каким вы хотите быть — тогда вы становитесь невротиком. Вот что случилось со многими из тех, кто в сумасшедших домах: они думают, что они — Наполеон, или Александр, или еще кто-то. Они верят в это и ведут себя соответственно. Я слышал об одном человеке, которого лечили, психоанализировали, потому что он думал, что он Наполеон. После трех или четырех лет лечения и психоанализа психиатр решил: «Теперь он совершенно здоров». И он сказал: «Теперь с вами все в порядке, можете идти домой».

Этот человек воскликнул: «Домой? Нет, вы должны сказать: в свой дворец!» Он все еще был Наполеоном. Если вы стали Наполеоном, это очень трудно; очень трудно лечиться...

потому что, если даже вас вылечили и вы стали здоровым, получается, что вы теряете.

Одному генералу попался капитан, который был всегда пьян, и генерал поймал его. Это был очень хороший человек — пьяницы почти всегда хорошие люди, они прекрасные люди, они просто избрали короткий путь. Итак, генерал сказал: «Вы хороший человек, и я ценю вас, все Вас любят, но Вы тратите себя понапрасну. Если Вы сможете не пить, то Вы скоро станете полковником».

Этот человек рассмеялся и сказал: «Овчинка не стоит выделки, ведь когда я пьян, я уже генерал. Так что не стоит: если я буду трезвым, я стану только полковником, а когда я пьян, я всегда генерал!» Эта иллюзия слишком ценна. Как этот человек может отказаться от иллюзии? Он так дешево стал самым главным!

Ум находит короткие пути, а иллюзии — короткие пути; легче и дешевле всего получить рай. Реальность трудна, тяжела; приходится страдать и идти сквозь огонь. Чем больше вы пройдете огней, тем более зрелым вы станете; а чем более зрелым, тем более ценным. Свою божественность нельзя купить на рынке, за нее нельзя торговаться; вам придется платить всей вашей жизнью. Когда ставка — вся ваша жизнь, только тогда это и случается.

Вы боретесь с другими, потому что это легкий путь. Вы думаете, что вы хороши, другой плох, и борьба происходит вовне. Если вы смотрите на себя, борьба становится внутренней: вы знаете, что вы плохи, что трудно най-ти более дьявольского человека, чем вы. Если вы заглянете внутрь, то обнаружите, что вы — абсолютно плохой человек, и нужно что-то делать. Начинается внутренняя борьба. И благодаря этому внутреннему конфликту — а это техника, помните, одна из величайших техник, использовавшихся за многие века — если есть внутренний конфликт, вы становитесь целостным. Если есть внутренний конфликт, тогда вне враждующих частей, над ними, возникает новый центр свидетельствования. Во внутренний конфликт вовлекаются ваши энергии, все ваше существо в разладе: создается хаос, и из этого хаоса рождается новое существо.

Для нового рождения нужен хаос; вся эта вселенная рождена из хаоса. Прежде, чем вы действительно родитесь, будет нужен хаос — это война Иисуса. Он говорит:

«Я пришел не для того, чтобы дать вам мир», — это значит, что он пришел не с тем дешевым миром, который вы хотели бы получить.

Теперь попытайтесь понять его слова:

Иисус сказал: «Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир на землю, но они не знают, что я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, войну».

Когда вы приходите к такому Мастеру, как Иисус, вы приходите, чтобы получить мир. Вы находитесь в блаженном неведении о том, что пришли не к тому человеку. Такие, как вы есть, вы не можете обрести мир. Но если кто-нибудь даст вам мир, это будет для вас смертью. Если для вас таких, как вы есть, настанет мир, что это будет означать? Это будет значить, что борьба прекращена прежде, чем вы чего-то добились. Если бы кто-то дал вам тишину, что бы это означало? Вы не достигли бы никакого глубинного «Я», и были бы удовлетворены своим со-стоянием.

Вот как вы можете отличить ложного мастера от подлинного: ложный мастер — это утешение, он дает вам покой таким, как вы есть, он никогда не заботится о том, чтобы изменить вас; он — транквилизатор: Он — то же снотворное: вы приходите к нему, и он утешает. Но если вы приходите к подлинному Мастеру, вот критерий: весь тот покой, который у вас есть, будет уничтожен, вся ваша непринужденность и удобство выброшены

соба-кам.

Он создаст еще большее замешательство, еще больший конфликт. Он не станет утешать вас, потому что он не враг вам; все утешения — яд. Он поможет вам расти. Рост труден, вам придется расти через многие трудности. Много раз вы захотите сбежать от этого человека, но не сможете, потому что он будет преследовать вас.

Цель — не утешение. Он не может дать вам ложный покой. Он даст вам рост, и благодаря этому росту вы од-нажды зацветете. И это цветение будет подлинным покоем, подлинным молчанием. Утешение фальшиво. Ко мне приходят люди, и по тому, как они приходят, по тем вопросам, которые они задают, я вижу: они хотят утешения. Человек приходит и говорит: «Мне очень трудно, мой ум беспокоен, я очень напряжен. Дайте мне что-нибудь, благословите меня, чтобы я обрел покой». Но что это будет означать? Если этого человека можно сделать спо-койным, что это будет означать? Тогда этот человек уже никогда не изменится. Нет, это не выход.

Даже если подлинный Мастер утешает вас, это утешение — просто рыболовная сеть. Вы попадаетесь в это утешение, и тогда постепенно он вызовет хаос. Вам придется пройти через хаос, потому что сейчас вы абсолютно неправильны. В этом состоянии, если кто-нибудь утешает вас, он ваш враг. С ним вы растратите время, жизнь, энергию, и, в конце концов, утешения не помогут. Когда придет смерть, все утешения испарятся. У одного стари-ка умер сын. Он пришел ко мне и сказал: «Утешь меня». Я сказал: «Я не могу этого сделать, это грех». Он сказал: «Я пришел за этим».

Я сказал ему: «Ты, может быть, пришел за этим, но я этого сделать не могу».

Он сказал: «Но я ходил к шанкарачарье, и он утешил меня, он сказал:

«Не беспокойся, не горюй: твой сын возродился на одном из высших небес!»

Я знал его сына тоже, и это невозможно, ведь он был политиком — все они идут в ад, они никогда не попада-ют... А он был не просто политиком, он достиг успеха как политик — он был министром. Со всей хитростью по-литика, со всей амбицией политика, как он может попасть в рай?

И этот старик тоже был политиком. В глубине души его волновало не то, что умер его сын. Главным было то, что погибла его амбиция, ведь через своего сына он достигал все большего и большего. Сам он постарел, он неу-станно работал всю жизнь, но он был глуповат, не очень хитер, немного наивен. Он приложил много труда, он по-жертвовал всей своей жизнью, но не мог достичь никакого роста. И это причиняло ему боль, это была рана. И то-гда он попытался через своего сына, и сын достиг успеха. Теперь, когда его сын умер, все его амбиции мертвы.

Тогда я сказал ему: «Вот почему ты так страдаешь; это не из-за сына». Он очень расстроился.

Он сказал: «Я пришел за утешением, а ты расстраиваешь меня еще больше. Может быть, ты и прав, то, что ты говоришь, звучит правдоподобно. Возможно, что это потому, что задета моя амбиция, а не потому, что я оплаки-ваю сына — может быть, я оплакиваю свою амбицию. Но не говори мне таких суровых вещей, мне так больно сейчас. Умер мой сын, а ты говоришь мне такие вещи. Я ходил к тому Махатме, и к этому шанкарачарье, и к то-му гуру, и все они утешали меня. Они говорили: „Душа вечна, никто никогда не умирает. А твой сын — он был не простой душой, он достиг высших небес“.

Это утешения, и если этот старик продолжает слушать их, он теряет великую возможность. Он теряет воз-можность встретиться лицом к лицу со своей амбицией, которая

и есть его проблема. Он мог открыть для себя тот факт, что всякая амбиция бесполезна, тщетна, потому что человек трудится и трудится, а потом все отнимает смерть. Он мог проникнуть в это. Но нет, он перестал ходить ко мне. Он с тех пор не появлялся. Он ушел к дру-гим, которые утешают его.

А вы здесь зачем? Ради утешения? Тогда вы не туда попали. Это и говорит Иисус.

Он говорит:

«Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир на землю, но они не знают, я пришел бросить на зем-лю разделения — огонь, меч, войну».

Всегда, когда приходит человек, подобный Иисусу, мир тут же разделяется на тех, кто за него, и тех, кто про-тив. Нельзя найти ни одного человека, безразличного к Иисусу. Когда есть человек такого типа, мир немедленно разделяется. Одни за него, другие против него, но никто не безразличен. Невозможно быть безразличным к Иису-су. Если вы слышите слово Иисуса, если вы взглянули на него, вы тут же разделитесь: вы либо влюбляетесь, ли-бо начинаете ненавидеть; либо идете за ним, либо идете против него; либо следуете за ним, либо начинаете дейст-вовать против него.

Почему так случается? Потому что человек вроде Иисуса — это величайшее явление, и он не от этого мира. Он приносит в мир нечто от Запредельного. Те, кто боится Запредельного, немедленно становятся его врагами — это их способ защитить себя. Для тех, у кого есть желание, где-то спрятанное семя, для тех, кто искал и искал, и стремился к запредельному... этот человек становится харизматическим, он становится магнетической силой — они влюбляются в него. Этого человека они ждали в течение многих жизней.

Мир сразу же разделяется: либо вы за Христа, либо против. Другой возможности нет, безразличными вы быть не можете. Не можете сказать: «Меня это не волнует», это невозможно, потому что человек, который может ос-таться посередине, сам станет Иисусом. Человек, который может стоять посередине, ни в любви, ни в ненависти, сам выйдет за пределы ума. Вы не можете стоять посередине; вы упадете в ту или иную сторону, станете «пра-вым» или «левым», будете на той или другой стороне. Он порождает великое смятение.

Не только отдельные люди, но и общество тоже, все на земле вступает в конфликт, начинаются великие вой-ны. После Иисуса не было мира на земле. Иисус создал религию. Он принес в мир нечто, породившее такую рознь, такой конфликт в умах, что он стал фокусом всей истории. Вот почему мы говорим «до Христа», «после Христа»: он стал точкой отсчета.

История разделена, время разделено Иисусом. Он стоит на границе. Как будто до Иисуса время имело другое качество: с Иисуса начинается история. Его отношение и подход к человеческому уму очень отличны от подхода Будды или Лао-Цзы. Окончательная цель одна и та же, но подход Иисуса совершенно другой. Он уникален.

Что он говорит? Он говорит, что через конфликт достигается рост, что благодаря борьбе происходит центри-рование, благодаря войне расцветает мир. Но не понимайте это буквально — все, что он говорит, есть притча. Христианство приняло его слова буквально, и ошиблось. Христиане взяли в руки меч и бессмысленно убили мил-лионы людей — ведь не это имел в виду Иисус. Церковь, его церковь, стала воинствующей церковью, она стала крестовым походом.

Христиане воевали с мусульманами, индусами, буддистами — они вое-вали везде. Но они ошиблись. Иисус го-ворил о другом. Он говорил не о мече этого мира, он принес меч другого мира. Что это за меч? Это символ. Вас нужно рассечь надвое, потому что в вас

соединены две вещи: этот мир — земля, и Небо — они объединились в вас. Одна часть вас принадлежит земле, грязи; другая ваша часть принадлежит Божественному. Вы — точка встречи, и Иисус принес меч, чтобы рассечь вас надвое, чтобы земля вернулась к земле и божественное пришло к божественному.

Вы не умеете распознавать то, что принадлежит земле. Когда вы голодны, вы думаете, это вы голодны? Иисус говорит: «Нет, возьми мой меч и отсеки это!» Голод принадлежит телу, потому что это телесная потребность. Сознание не может быть голодным; оно сознает голод, потому что у тела нет сознания.

Вы, может быть, слышали одну старую сказку из Паншгантры. Случилось так, что вдруг загорелся большой лес. В это время в лесу было два человека, один слепой, а другой — хромой. Хромой не мог идти, не мог бежать, но все видел; а слепой мог ходить, но не видел. Тогда они объединились: слепой взял хромого себе на плечи, и по-скольку хромой мог видеть, а слепой — идти, они стали одним человеком. Они вышли из леса — они спаслись.

Это не просто сказка — это то, что произошло в вас. Одна часть вас чувствует голод, но не может этого знать, потому что у нее нет глаз, чтобы видеть. Ваше тело чувствует голод, ваше тело чувствует половое влечение, ваше тело чувствует жажду, вашему телу нужен комфорт, вашему телу... все потребности исходят от тела. А ваше сознание только видит, ваше «Я» — только свидетель. Но они объединились, потому что без тела сознание не может ходить, двигаться, не может ничего делать; а без сознания тело не может понять, что ему нужно, голодно ли оно или хочет пить.

«Меч» Иисуса означает, что этот компромисс нужно узнать и понять, и тогда провести различие: то, что принадлежит земле — принадлежит земле, удовлетворите его, но не становитесь одержимым им. Если вы голодны, голодно тело; помните это, утолите голод, но не становитесь одержимыми едой. Есть много людей, одержимых едой, для которых еда — навязчивая идея; они едят, и едят, и едят, а потом однажды так разочаровываются в еде, что начинают поститься, они голодают, и голодают, и голодают. Но и то и другое — одержимость, навязчивые состояния: слишком много есть так же плохо, как и голодать.

Нужен правильный баланс, но кто даст вам этот баланс? Вы должны раздвоиться, стать двумя, должны полностью сознавать, что «это — от земли, а я — не от земли» ...это и есть «меч Иисуса».

Он говорит: «...я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, воину».

Почему «огонь?» Огонь — очень древний символ Каббалы, а также древний индуистский символ. Индуисты всегда говорили о внутреннем огне. Они называли этот внутренний огонь *man*, это значит жар. А разжигание этого внутреннего огня, чтобы этот огонь горел внутри вас, называлось *яджна*.

И есть техники для разжигания этого внутреннего огня. Сию минуту он почти угас, покрыт пеплом. Его нужно расшевелить, обнаружить, подбросить топлива; ему нужно больше топлива, и его нужно дать. Когда внутренний огонь горит в полную силу, вы вдруг преображаетесь — ведь без огня нет преображения, трансформации. Вы нагреваете воду до определенной температуры, до ста градусов, и вода испаряется, становится паром; изменяется ее качество.

Замечали ли вы, что когда вода превращается в пар, полностью изменяется ее качество? Пока это вода, она всегда течет вниз — такова природа воды, течь вниз. Она не может течь вверх, это невозможно. Но когда при ста градусах она испаряется, изменяется ее природа: пар устремляется вверх. Все измерение меняется, и это происходит благодаря нагреву. Если

вы пойдете в лабораторию химика, что вы там обнаружите? Если убрать огонь, там ничего не будет происходить, потому что любая трансформация, любое превращение, любое изменение происходит благодаря огню. А что такое вы, как не огонь? Что вы делаете, пока живете? Когда дышите, чем вы дышите? Кислородом. Кислород — это не что иное, как топливо для огня.

Когда вы бежите, нужно больше огня, и вы дышите глубже; когда отдыхаете, огня нужно меньше, и вы дышите менее глубоко, потому что нужно меньше кислорода — топлива для огня. Не может быть огня без кислорода, потому что горит кислород. Вы есть огонь — из мгновения в мгновение, благодаря пище, благодаря воздуху, благодаря воде в вас возрождается огонь. Когда его слишком много, вам приходится высвободить его.

Когда животные в половом возбуждении, мы говорим, что они «горят». В этом есть смысл, потому что это действительно род огня. Это разновидность огня, а когда в нас больше огня, чем мы можем воспринять, его нужно высвободить, и секс — выход для него.

Вспомните, люди в жарких странах более сексуальны, чем в холодных. Первые книги по сексологии появились в жарких странах: Камасутра Ватсяяны, Кокашастра Кока Пандита, — они были первыми. Первые фрейдисты были на Востоке, и они появились до Фрейда, на три тысячи лет раньше, чем Фрейд. На Западе секс только сейчас приобрел значение. В холодных странах, в теле недостаточно огня, чтобы вызвать сильную сексуальность. На западе секс приобрел большое значение только за последние три-четыре столетия, потому что сейчас страна может быть холодной, но есть центральное отопление. Поэтому люди стали менее холодные; до этого телесный огонь постоянно боролся с холодом.

Вот почему на востоке население продолжает расти и этому трудно помешать, а на западе нет такого демографического взрыва.

Я слышал, что когда первые русские космонавты приземлились на Луне, они были очень счастливы. Но они очень удивились, когда увидели трех китайцев, которые не спеша направлялись к ним. Они долго смотрели на них, а потом спросили: «Вы добрались раньше нас? У вас же нет никаких средств ни науки, ни техники! Как вам это удалось? Эти просто чудо! Как вы сюда добрались?»

Китайцы ответили: «Никакого чуда! Очень просто — только математика: мы встали друг другу на плечи и достали!» Китайцы могут добраться, индийцы тоже могут добраться, это не трудно. Решившись, они доберутся куда угодно!

Секс — это тепловой феномен, огненный феномен. Там, где огонь, вы будете чувствовать большую сексуальность, и наоборот. Ведь все, что происходит в вас, будь то половая трансформация в теле или духовная трансформация, зависит от огня.

Иисуса готовила община ессеев — очень оккультная, эзотерическая община, в которой, как и среди индугов, каббалистов, иудеев и суфиев, было известно много способов разжигания огня. Но это не тот огонь, что вы знаете — это глубочайший внутренний огонь, благодаря которому существует жизнь.

Если вы можете довести этот огонь до определенного уровня, тогда будет трансформация! Но его можно довести до этого уровня, только если он не высвобождается, вот почему все религии, работающие с этим огнем, против секса. Если он высвобождается в сексе, тогда его нельзя довести до нужной температуры, потому что происходит утечка. Поэтому все возможные выходы должны быть полностью закрыты, чтобы не было утечки огня, и он достигает точки кипения: той температуры, при которой вдруг происходит трансформация; душа отдельно и тело отдельно — меч сработал! Тогда вы знаете, что в вас

— земля, а что — небо; что произошло от ваших отца и матери, и что пришло от Невидимого.

«...огонь, меч, войну...» Нужен глубокий внутренний конфликт. Вам нельзя впадать в летаргию, нельзя рас-слабляться, пока расслабление не случится само собой — а это совершенно другое. Вы должны бороться, вызвать конфликт и трение. Трение — наиболее подходящее слово для обозначения внутренней войны. Гурджиев дейст-вовал через трение, он создавал трение в теле. Вы, может быть, не замечаете этого сейчас, но помните: однажды вы поймете, что в вашем теле есть много слоев энергии. Если в вас нет трения, тогда вы используете только по-верхностный слой. Если возникает тяжелый конфликт, поверхностный слой истощается, и тогда начинает дейст-вовать второй слой. Проверьте это так: вы всегда ложитесь спать в десять часов вечера. В десять вы чувствуете, что вас охватывает сонливость — не ложитесь спать. Суфии часто пользовались этим методом бдения, и Иисус тоже использовал его: он не спал всю ночь; в пустыне он не спал сорок дней и сорок ночей, он оставался на хол-мах один и не спал. Что происходит? Если вы не засыпаете в десять, несколько минут вы чувствуете себя очень сонным, летаргичным, все более и более сонным. Но если вы противитесь этому и боретесь со сном, возникает трение, вы раздваиваетесь, становитесь двумя; один хочет спать, а другой не хочет. Теперь эти две части борются между собой. Если вы настаиваете и не сдаетесь, то вдруг обнаруживаете, что вся сонливость прошла и вы стали таким свежим, каким никогда не бывали утром. Вдруг прошла вся сонливость, вы свежи, и даже если вы захоти-те заснуть, теперь это будет трудно. Что произошло? Было всего две возможности, и благодаря трению между ни-ми возникла энергия.

Энергия всегда возникает из трения. Вся наука основана на создании трения, которое в свою очередь создает энергию. Все динамо-машины — просто устройства, использующие трение, чтобы вызвать борьбу, войну между двумя вещами. Когда ваше тело хочет спать, а вы не хотите спать, вы вызываете войну; налицо трение, и созда-ется энергия.

Если вы сдадитесь, это будет очень плохо, потому что если вы сдались, победило тело, а сознание потерпело поражение. Так что, если вы будете пробовать это, делайте это с умом, полным решимости не сдаваться — иначе лучше не пытаться. Методы, использующие трение, опасны: если вы делаете попытку, вы должны победить. Ес-ли вы не победили — вы проиграли, потому что тогда вы утратите уверенность в себе. Ваше сознание станет сла-бее, а тело — сильнее. Если вы много раз потерпите поражение, у вас будет все меньше и меньше возможности победить.

Раз вы используете любой из методов трения, поставьте себе цель победить. Тут нельзя проиграть, этот бой нужно выиграть. А выиграв, вы достигнете другого слоя энергии. Тогда вы можете заметить, что если вы побе-дили, вы восприняли в себя энергию, принадлежащую другой части, и стали сильнее. И тогда каждый бой сделает вас сильнее, пока не настанет момент, когда вся энергия тела перешла к вашему «Я».

Гурджиев очень глубоко использовал трение, и его способы были невероятно опасны. Когда он был очень стар, за несколько лет до смерти, он допустил очень опасную автомобильную катастрофу. Он совершил это — это было на самом деле не случайное происшествие. В жизни такого человека, как Гурджиев, нет случайных проис-шествий. Он так внимателен, так сознателен, что случайности невозможны. Но он может допустить опасное про-исшествие или даже вызвать его — и он действительно вызвал его.

Он всегда водил машину с большой скоростью, и за всю его жизнь не было ни одного

происшествия. Он был очень опасным водителем; все те, кто сидел в его машине, всегда были на грани, каждый миг... Он был совершенно ненормальный, не верил ни в какие дорожные правила и вообще ни во что. Он ехал, как попало на предельной скорости, и каждый миг могло случиться что угодно — но никогда не случалось.

Однажды утром, когда он отправлялся в Париж из своего ашрама в Фонтенбло, кто-то спросил его: «Когда Вас ждать обратно?»

Он ответил: «Если все будет так, как я думаю, то к вечеру; иначе трудно сказать». А вечером, когда он возвращался, случилась эта катастрофа. Она была такой серьезной и опасной, что врачи говорили, что никто не мог остаться живым. Невозможно! Вся машина была разбита вдребезги.

Но Гурджиева нашли. У него было шестьдесят переломов по всему телу — он был почти мертв. Но его нашли в полном сознании лежащим под деревом очень далеко от машины. Он перешел в тень и лежал там, в полном сознании. Он не потерял сознания. В больницу его привезли в полном сознании. Это было величайшее трение, какое он когда-либо вызвал в своем теле: тело было на краю смерти, он вызвал всю эту ситуацию и хотел быть в полном сознании.

Он оставался сознательным, бодрствующим, внимательным, и в тот момент он достиг величайшего центрирования, доступного человеку: он стал центрированным в своем сознании — земной слой был совершенно отделен. Этот слой стал проводником: он мог его использовать, но быть не отождествленным с ним.

Вот что имеет в виду Иисус, говоря: «Я принес огонь, меч, войну — хотя люди, наверное, думают, что я пришел, чтобы принести на землю мир...»

«Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих, и двое против троих; отец против сына, и сын против отца; и будут они стоять, как единственные».

«Ибо пятеро будут в доме». Это притча: в вашем теле есть «пятеро в доме» — пять чувств, пять индрий. Действительно, глубоко внутри вас есть пять тел, потому что каждое чувство имеет собственный центр. И каждое чувство все время направляет вас в своем направлении: глаза говорят: «Смотри, это красиво»; рука говорит: «прикоснись, это приятно». Глаз совершенно не заинтересован в прикосновении; рука совершенно не заинтересована во взгляде на красивого человека, красивое тело или красивое дерево.

Все пять чувств существуют, как пять отдельных центров, а ваш ум — просто координатор, он все время координирует то, что получает от этих пяти. Когда вы смотрите на меня и слушаете меня, вы слышите ушами и видите глазами — глаза не слышат, уши не смотрят; так как же вы решаете, что слышите того же человека, что и видите? Как вы можете так считать? Ум все время координирует, он — это компьютер: все, что получают глаза, все, что получают уши, он сопоставляет и дает вам решение. Гурджиев использовал метод трения, так же поступал Иисус... и те, кто знает самые глубокие тайны жизни Иисуса, говорят, что его не распяли, а он устроил так, чтобы его распяли, точно так же, как Гурджиев. Он устроил свое распятие — это была драма, поставленная им. Те, кто распинали его, думали, что убивают его, но такого человека, как Иисус, нельзя заставить умереть. Он очень легко мог избежать этого, ведь было хорошо известно, что его должны схватить. Он мог уйти из столицы или вообще из страны, это было нетрудно — но он пришел в столицу. Говорят, что он все это сыграл, и что Иуда был не врагом ему, а другом, который помог ему быть схваченным. Всю эту историю устроил и контролировал он сам. То, что произошло на кресте, было последней внутренней войной, последним и величайшим трением: когда он

умирал, но не утрачивал доверия к Божеству; когда земля падала обратно к земле, когда разделение было аб-солютным, полным — он совершенно не был отождествлен. Он позволил этому случиться.

Гурджиев говорил, что распятие Иисуса было спектаклем, и подлинным автором спектакля был не Понтий Пилат, не еврейский первосвященник, а сам Иисус. Он устроил все это, и устроил так прекрасно, что до сих пор не раскрыто, что же произошло, что и как в точности случилось. Вы не можете себе представить, что устраиваете собственное распятие, но это и есть религия: устройство собственного распятия. Восшествие на крест означает достижение предельного трения — когда наступает смерть.

Иисус сказал: «Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих...» Нужно создать тре-ние. Чувства должны бороться между собой, и эту борьбу нужно сделать сознательной. Они борются постоянно, но борьба не осознается; вы в глубоком сне, а борьба продолжается. Глаз все время борется с ухом, ухо борется с глазом — ведь они конкуренты.

Замечали ли вы, что у слепого слух лучше, чем у зрячего? Поэтому слепые становятся прекрасными музыкан-тами и певцами. Почему это так? Их одаренность в отношении звуков, ритма больше, их уши чувствительнее. Почему? Потому что глаза больше не конкурируют с ушами; та энергия, которую потребляли глаза, теперь дос-тупна ушам. Ваши глаза потребляют восемьдесят процентов вашей энергии, и только двадцать процентов оста-ется на другие чувства, они голодают. Они постоянно борются за энергию.

Глаз стал верховной силой, диктатором. Вы живете глазами, и некоторые чувства совершенно отмерли; у мно-гих людей нет обоняния, оно отмерло. Но их это не волнует — они даже не замечают, что не могут чувствовать запахи. Глаза полностью обобрали нос, ведь они так близко, что могут обирать друг друга. У детей есть обоняние, но постепенно оно утрачивается, потому что глаза потребляют все больше и больше энергии. Глаз стал центром вашего существа, а это плохо.

Методы трения направляют чувства друг против друга. Существовали методы... искатели совершенно отсе-кали одно чувство, конкурирующее с другим; так вызывалась борьба. Многие методы предлагают искателю не открывать глаз в течение месяцев. Энергия начинает передвигаться, и вы можете это чувствовать. Если в тече-ние трех месяцев ваши глаза будут полностью закрыты, вы сможете почувствовать, как энергия движется к ушам, к носу — у вас может снова появиться обоняние, вы можете начать чувствовать запахи! Если вы на три месяца закроете уши, и будете только видеть и ничего не слышать, вы почувствуете постоянное течение энергии.

А если вы можете видеть, как борются ваши чувства, вы станете отдельным от них, потому что станете свиде-телем. Вы больше не глаза, не уши, не руки, вы больше не тело — вы свидетель. В теле продолжается борьба, а вы наблюдатель. Вот смысл этой притчи, но она верна также в других смыслах.

«...отец против сына, и сын против отца; и будут они стоять, как единственные».

Это верно и в другом смысле: в семье из пяти человек три будут против двух, и двое против трех; потому что когда в семье появляется религиозный человек, возникает трение, ведь религиозный человек для семьи — опас-нейший человек. Семья может стерпеть все — кроме религии, потому что как только вы стали религиозным, вы не отождествляетесь с телом.

Семья связана с телом: ваш отец — отец вам из-за тела. Если выдумаете, что вы есть

тело, тогда вы в родстве со своим отцом. Но если вы узнаете, что вы не тело, тогда кто ваш отец? Как вы связаны с ним? Ваша мать роди-ла ваше тело, но не вас. Вы настолько отождествили себя с телом, что думаете, что ваша мать родила вас. Когда ваше отождествление разбито, кто ваша мать? Она родила не вас, а только это тело, которое умрет. Так что мать не дала вам жизнь, скорее наоборот, она дала вам еще одну смерть. Ваш отец дал вам не жизнь, он дал вам еще одну возможность умереть. Как только вы перестали отождествляться с телом, вы отпали от семьи, вырваны с корнем.

Так что семья может стерпеть, что вы ходите к проститутке. Все нормально, в этом нет ничего плохого. На-оборот, вы все больше и больше отождествляетесь со своим телом. Если вы стали алкоголиком — это нормально, потому что вы более и более отождествляетесь с телом; в этом нет ничего дурного. Но если вы медитируете, стали саньясином, это плохо. Тогда это трудно принять, ведь ваши корни вырваны. Семья больше не властна над вами; вы больше не часть семьи, потому что вы больше не часть этого мира.

Поэтому Иисус говорит: «Отец будет против сына, сын будет против отца. И я пришел разделить, возмутить, вызвать борьбу и трение».

Это правда. Вы можете поклоняться Будде, но спросите отца Будды — он против него; спросите родственников Будды — они против него, ведь этот человек ушел из-под их контроля. И не только это: он еще и другим помогает выйти из-под контроля общества, семьи.

Семья — основная единица общества. Когда вы выходите из общества, вам придется выйти и из семьи, но это не значит, что вы должны ненавидеть ее — дело не в этом; это не значит также, что вы должны идти против нее — дело не в этом тоже. Это и так случится: как только вы начнете находить себя, все, что было раньше, возму-тится, нарушится, возникнет хаос. Так что же вам делать? Вас будут тянуть обратно, постараются вернуть вас, приложат к этому все усилия. Что же делать?

Есть два пути: первый — старый путь, он состоит в том, чтобы сбежать от них, не давать им такой возможно-сти — но я думаю, что он больше не применим. Другой путь состоит в том, чтобы быть с ними, но как актер: не давайте им возможности узнать, что вы уходите от них. Идите! Пусть это будет внутреннее путешествие, но внеш-не выполняйте все формальности: касайтесь ног своего отца и своей матери, и будьте хорошим актером.

Старым путем не могут идти многие. Вот почему мир не смог стать религиозным — ведь, сколько людей мо-гут выйти из общества? И даже если они вышли из общества, общество должно заботиться о них. Когда жили Будда, Махавира или Иисус, тысячи людей ушли из своих семей. Но все же только тысячи — миллионы остались, и они должны были заботиться об ушедших... Весь мир не может стать религиозным, если это единственный путь, а этот путь не так уж хорош. Это можно сделать более красиво, и этот красивый путь — быть хорошим актером.

Саньясин должен быть хорошим актером. Под этим я подразумеваю, что вы совершенно не связаны, но про-должаете выполнять обязанности, формальности. В глубине ваш корень вырван, но вы даже намека не подаете, что не укоренены. И какой толк подавать намек? Ведь тогда начнут пытаться перевоспитать вас. Не давайте им никакой возможности; пусть это будет внутреннее путешествие, а внешне выполняйте все обязанности. Тогда они будут довольны, ведь они живут формальностями. Они живут во внешнем, им не нужно внутреннее поклонение, не нужна ваша внутренняя любовь — достаточно просто спектакля.

Таковы эти два пути: первый — путь Будды и Иисуса, второй — Джанака и мой. Будьте

там, где вы есть. Не создавайте внешней видимости, что вы изменяетесь и становитесь религиозным, потому что это вызовет затруднения, а вы, может быть, еще недостаточно сильны. Вызывайте конфликт внутри, но не создавайте его вовне. Внутреннего конфликта более чем достаточно; он даст вам нужный рост, нужную зрелость.

«...отец против сына и сын против отца; и будут они стоять, как единственные».

Слово «единственные» нужно глубоко понять. Когда вы становитесь религиозным, вы становитесь одиноким, тогда для вас нет общества, вы — один. И принять то, что вы один — величайшая трансформация, которая может с вами случиться, потому что ум боится быть одиноким, уму нужен еще кто-то, чтобы опереться на него, хвататься за него. Когда вы одиноки, вы чувствуете дрожь, вас охватывает страх; когда вы одиноки, вы немедленно устремляетесь к обществу — в клуб, на конференцию, в секту, в церковь; куда-нибудь, где есть толпа, где вы можете не чувствовать себя одиноким, где можно затеряться в толпе. Вот почему толпа приобрела такое значение: вы идете на скачки, в кино — вам нужна толпа, где вы можете расслабиться.

Однако религиозный человек одинок, потому что он пытается достичь высочайшей вершины. Не его дело терять себя в других. Он должен помнить, должен стать более осознанным, сознательным, внимательным и бодрствующим — и он должен принять истину. А истина такова: каждый человек одинок, и невозможна никакая общность. Ваше сознание — одинокая вершина, но в этом его красота, и вы напрасно этого боитесь. Вообразите себе Эверест в толпе других Эверестов — пропала вся его красота. Эверест прекрасен и притягателен, потому что он одинокий пик. Религиозный человек подобен Эвересту: он становится одинокой вершиной, и он живет и наслаждается этим.

Это не значит, что он не будет действовать в обществе, это не значит, что он не будет любить. Наоборот, только он и может любить, только он и может действовать в обществе, потому что он есть. Вас нет — как же вы можете любить? Он может любить, и его любовь не наркотик, он не пропадает в ней. Он может делиться тем, что имеет, может отдать себя полностью и все же остаться самим собой. Он может отдать себя вам и все же не пропасть, потому что его постоянная устремленность, контроль над собой, остаются главным в глубине его сущности. Никто не проникает туда, никто не может туда проникнуть.

В самой глубинной сердцевине своего существа вы одиноки — чистота одиночества и красота одиночества...

Но вы, наоборот, чувствуете страх. Ведь вы жили в обществе, родились в обществе, воспитывались в нем — и потому совершенно забыли, что можете быть одиноким. Поэтому уйти на несколько дней в одиночество просто, чтобы почувствовать свое одиночество — прекрасно. Потом идите в мир, но принесите туда свое одиночество. Не теряйте себя там. Оставайтесь сознательным, внимательным и бодрствующим. Идите в общество, в толпу, но оставайтесь одиноким. Если вы хотите, вы можете быть одиноким в толпе; если вы хотите, вы можете быть в толпе, когда вы один: можете уйти в Гималаи, сидеть там и думать о базаре — и вы в толпе.

Случилось так: Джунаид пришел к своему Мастеру, а тот сидел в храме. Когда Джунаид вошел, Мастер был один, и он сказал: «Джунаид, приходи один! Не приводи с собой эту толпу!» Джунаид оглянулся, потому что он, конечно, подумал, что с ним вошел кто-то — еще. Но никого не было. Мастер рассмеялся и сказал: «Не смотри назад, смотри внутрь». И Джунаид закрыл глаза и понял, что Мастер был прав. Он оставил свою жену, но его ум стремился к ней; он оставил своих детей, но их образы были с ним; и друзья, которые

пришли, чтобы в последний раз проститься с ним, они все еще были с ним, в его уме.

Мастер сказал: «Выйди и приходи один, потому что как я могу говорить с этой толпой?» И Джунаиду пришлось год ждать вне храма, чтобы освободиться от этой «толпы». А через год Мастер позвал его: «Теперь, Джу-наид, ты готов, войди. Теперь ты один, и возможен диалог».

Можно нести в себе толпу; можно быть в толпе, и все же одиноким. Попробуйте: в следующий раз, когда будете-те идти в большой толпе на базаре, просто почувствуйте, что вы один — а вы и есть один, так что это не трудно, вы можете это чувствовать. А раз вы можете чувствовать, что вы один, вы стали одиноким. И Иисус говорит, что он пришел, чтобы сделать вас одиноким, стоящими одиноко.

Иисус сказал: «Я дам вам то, что не видел глаз, и чего не слышало ухо, и чего не коснулась рука, и что не рождалось в сердце человеческом».

Ваши глаза могут видеть то, что снаружи, они не могут видеть того, что внутри, у них нет такой способности. Ваши уши могут слышать то, что снаружи, они не могут слышать то, что внутри, у них нет такой способности. Они направлены вовне, все чувства направлены вовне. Нет ни одного чувства, направленного внутрь. Так что, когда все чувства перестают работать, вы вдруг оказываетесь внутри.

Иисус говорит:

«Я дам вам то, чего не видел глаз», — но сначала станьте одинокими. Именно этот смысл я вкладываю в слово саньясин — одинокий. Станьте сначала саньясином, поймите сначала, что вы — один, и пусть вам будет легко и хорошо в этом одиночестве. Не пугайтесь. Наоборот, наслаждайтесь им, увидите красоту одиночества, и его молчание, и чистоту, и невинность. Никакая грязь никогда не проникала туда, потому что никто не входил в это свя-тилище. Оно осталось извечно чистым, никто еще не был там.

Ваша невинность скрыта внутри вас. Станьте саньясином, одиноким, и тогда, говорит Иисус: «Я дам вам то, чего не видел глаз».

Когда вы становитесь одиноким, когда вы совершенно один, вы вдруг постигаете то, чего никакой глаз не может видеть, никакое ухо не может слышать, и чего не касалась никакая рука. Как вы можете коснуться своего «Я»? Вы можете прикоснуться к телу, но это не ваше «Я». Рука не может проникнуть внутрь, она не может коснуться вашего сознания — такой возможности нет.

И последняя фраза, самая прекрасная из когда-либо произнесенных человеком в этом мире:

«...то, что не рождалось в сердце человеческом».

Ведь ваша душа превосходит даже ваше сердце. Конечно, ваше сердце глубоко внутри; но все же, по отношению к душе, оно тоже снаружи, но не внутри. Снаружи руки, снаружи глаза, сердце тоже снаружи, на периферии. Даже сердце не наиболее глубинная сердцевина. Голод рождается в вашем теле, любовь рождается в вашем сердце — но не молитва.

Молитва еще глубже, она глубже, чем сердце. Голод — телесная потребность; любовь — потребность сердца; бог — потребность Запредельного, даже не сердца. Нужно превзойти ум, нужно превзойти и сердце тоже. Нужно превзойти все периферии, чтобы остался центр.

И что не рождалось в сердце человеческом? Бог не рождался в нем. В уме рождается наука, рождается философия; в сердце рождается искусство, поэзия — но не религия. Религия рождается в более глубоком слое, в глубочайшем, дальше которого нет цели, в самом вашем центре, который даже не сердце.

«Я дам вам то, что не рождалось в сердце человеческом», — то, что далеко за всеми пределами. Вы не можете видеть это, вы не можете слышать это, не можете ухватить, не можете даже чувствовать. Здесь Иисус идет дальше даже мистиков от сердца.

Есть три типа мистиков: во-первых, мистики от головы — они говорят понятиями теологии, философии, у них есть доказательства бытия Бога. Нет никакого доказательства, или же, все — есть доказательство. Но нет нужды в доказательстве, и все равно нельзя доказать Бога, потому что обо всех доказательствах можно спорить и можно доказать, что любое доказательство неверно. Далее, есть мистики от сердца: они говорят о любви, о любимом, о божестве, о Кришне; они говорят песнями, поэзией — это романтики. Их поиск глубже, чем у мистиков от головы, но все же недостаточно глубок.

Иисус говорит: «Я дам вам нечто, что не рождалось даже в сердце, нечто такое, чего не достигнет никакая теология, чей проблеск не видит никакая поэзия; ни логика, ни любовь — где останавливаются Обе. Я дам вам то, что не рождалось в сердце человеческом».

Это глубочайшая, самая глубокая возможность — и Иисус открывает ее. Но в христианстве она утрачена. Христианство стало плести теории вокруг нее, оно стало делом головы — даже не делом сердца, оно стало делом головы. Из христиан вышли глубокие теологи. Посмотрите на «Сумму теологии» Фомы Аквинского, — сотни томов теологии. Но они промахнулись, ведь Иисус — не в голове. И из-за этих умственных теологов мистики от сердца, которые были несколько глубже, были изгнаны из церкви. Экхарт и Франциск были изгнаны. Их считали дураками, или сумасшедшими, или еретиками — ведь они говорили о сердце, они говорили о любви.

Но Иисуса не поняли ни те, ни другие, потому что он не ориентировал ни на голову, ни на сердце — он не ориентировал вообще. Он говорит, чтобы вы выбросили все ориентации, выбросили все внешнее и вошли в самую сердцевину, где есть только вы, где пульсирует только ваше существо, где есть только Бытие. Вы можете придти к этому; а если вы пришли к этому, тогда раскрыта каждая тайна и открыты все двери. Но даже у самой двери вы можете ошибиться. Если вы останетесь ориентированными на голову, вы останетесь стоять у двери, теоретизируя, или же вы можете остаться у самой двери и заниматься поэзией — говорить стихами и петь песни.

Я слышал, что однажды Мулла Насреддин пришел к психиатру и сказал: «Я очень озадачен, сделайте что-нибудь. Это стало невыносимым. Каждую ночь я вижу один и тот же сон, будто я стою у двери и толкаю ее, толкаю и толкаю. На двери есть надпись, а я все толкаю ее, но безрезультатно. Каждую ночь я просыпаюсь в поту, а дверь никак не открывается».

Психиатр стал записывать все, что говорит мулла. После получасовой беседы он спросил его: «А теперь скажи мне, Насреддин, что написано на двери?»

И Насреддин ответил: «Там написано: „Тяните“».

Если на двери написано «тяните», не стойте и не толкайте ее. Иначе это будет повторяющимся сном, вы будете толкать вечно! И ведь ничего сложного тут нет, просто прочтите, что написано на двери. Иисус говорит, что на двери написано не «голова» и не «сердце» — там то, что превосходит их.

Так что знайте одно: идите за пределы. Не становитесь жертвой логики и рассудка, и не становитесь жертвой эмоций, сентиментальности: идите за пределы. Голова находится в теле, и сердце находится в теле — идите дальше, превзойдите их. А что там, дальше? Там — простое бытие, вы просто есть.

У бытия нет никаких атрибутов. Это простое бытие и есть дхиан, это простое бытие, есть медитация — и вот это написано на двери.

Дверь вдруг открывается, когда вы просто существо — не эмоция, не мысли; вокруг вас нет никакого облака, вы разоблачены; никакого дыма вокруг пламени, только пламя — и вы вступили.

«...и что не рождалось в сердце человеческом, я дам вам».

Изречение третье...

Иисус сказал:

Я встал среди мира

И я явился им во плоти.

Я нашел всех их пьяными

И не нашел никого из них жаждущими.

И душа моя опечалилась за детей человеческих, ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что пустыми они пришли в мир; они ищут снова уйти из мира пустыми.

Но теперь они пьяны. Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются.

Иисус сказал:

Если плоть произошла от духа, это чудо;

но если же дух произошел от тела,

это чудо из чудес.

Но я удивляюсь тому,

КАК такое великое богатство

сделало своим домом эту Бедность.

Это чудо!

Иисус, или Будда, или любой пробужденный найдет вас всех пьяными. Это опьянение многообразно, но опьянение налицо. Вы невнимательны, вы не бодрствуете, вы просто думаете, что вы внимательны и бодрствуете — ваш сон продолжается от рождения до смерти.

Гурджиев рассказывал небольшую историю: у одного человека была тысяча овец, и он был в постоянном бес-покойстве, потому что овцы уходили от стада, терялись и становились жертвой диких зверей. Тогда он попросил совета у мудреца, и тот посоветовал ему завести сторожевых собак. И хозяин завел сотню собак, чтобы они следи-ли за овцами. Они не давали овцам покидать стадо, и если какая-нибудь овца пыталась уйти, они убивали ее. Но постепенно они настолько привыкли к убийству, что стали убивать овец без всякого повода — они стали опас-ными. Тогда хозяин снова пришел к мудрецу и сказал: «Это стало опасным, защитники стали убийцами». Так всегда получается — посмотрите на своих политиков: они — защитники, сторожевые собаки, но как только к ним приходит власть, они начинают убивать.

Тогда мудрец ответил: «Теперь есть только один выход; я пойду сам». Он пришел и загипнотизировал всех овец, и сказал им: «Вы не спите, вы бодрствуете, вы внимательны, вы совершенно свободны. Никто не хозяин вам».

И с тех пор овцы оставались в загипнотизированном состоянии, и никуда не уходили. Они не старались сбе-жать, ведь это не тюрьма, и все они верили, что они — сами себе хозяева, сами себе господа. Даже если хозяин уби-вал какую-нибудь овцу, они думали: «Это ее судьба, а не моя. У меня есть бессмертная душа, и я — совершенно свободна, так что

незачем опасаться». Теперь отпала надобность в собаках, и хозяин перестал беспокоиться, по-тому что овцы были загипнотизированы.

Они жили в полусне, и в том же состоянии находитесь вы — в этом состоянии находит вас Иисус, нахожу вас я. Но вас никто не гипнотизировал — это самогипноз: вы не мудрец, который загипнотизировал овец, и не загипнотизированные овцы — вы сами себя загипнотизировали. Есть такой способ загипнотизировать самого себя: если вы постоянно думаете одно и то же, вы будете этим загипнотизированы; если вы постоянно о чем-то размышляете, вы будете этим загипнотизированы.

Случилось так, что один французский поэт попал в США. Ему показывали Нью-Йорк, и гид привел его к не-боскребу Эмпайр Стейт Билдинг. Поэт, казалось, был заморожен. Он смотрел и смотрел, а потом сказал: «Это на-поминает мне о сексе».

Гид был озадачен. Ему приходилось наблюдать множество реакций, но это было что-то новое. Никто еще, глядя на Эмпайр Стейт Билдинг, не говорил, что он напоминает ему о сексе. И он спросил: «Простите за нескромность, но скажите мне, пожалуйста, почему вам это напоминает о сексе?» Француз ответил: «Мне все напоминает о сексе!»

Если вы все время думаете о сексе, вы под гипнозом — тогда для вас все сексуально. Даже если вы идете в храм, этот храм напоминает вам о сексе. Куда вы идете, не имеет значения, ведь вы несете свой ум с собой, и ваш ум — непрерывно создает мир вокруг вас. Один человек загипнотизирован сексом, другой — богатством, третий — властью, но все загипнотизированы. И никто не делал это с вами — вы сами сделали это с собой, это ваша работа.

Но вы занимались этим со столь давних пор, что совершенно забыли, что вы и то и другое: и волшебник, и овца. Как только человек постигает «Я этот волшебник, и я эта овца», начинаются перемены, потому что в него попала первая искра трансформации. Теперь вы никогда не сможете быть тем же самым, потому что гипноз начал проходить. Настал переломный момент — в вас проникло нечто от сознания, от бодрствования. Вы можете быть загипнотизированными разными вещами — выясните, какая из них является главной, какая сильнее влечет вас, какая из них стала фокусом всего вашего существа. И тогда рассмотрите эту вещь, рассмотрите, как вы попали под ее гипноз. Метод гипноза — повторение: постоянно на что-то смотреть или постоянно об этом думать. Если вы обратитесь к гипнотизеру, он будет говорить: «Вы засыпаете, засыпаете, засыпаете...» И он будет повторять одно и то же монотонным голосом, и вскоре вы будете в глубоком сне. А он ничего не делает, он просто повторяет. Слыша это постоянно, снова и снова, вы уснете — вы сами себя загипнотизировали.

Помните об этом, ведь вы постоянно это делаете, и это постоянно делает общество. Весь механизм пропаганды состоит в повторении. Политики все время повторяют свои утверждения. Они все повторяют их, совершенно не заботясь о том, слушаете ли вы их. Неважно, слушаете вы или нет, потому что, если они просто будут непрерывно твердить одно и то же, постепенно вы окажетесь убежденными: не логически, не через разум — они никогда с вами не спорят — но только благодаря повторению вы оказались загипнотизированными.

Гитлер все время твердил: «Евреи — вот причина несчастья и упадка Германии. Как только евреи будут уничтожены, все пойдет на лад. Вы властители всего мира, вы — особая раса; вы пришли сюда господствовать; вы — раса господ». Даже его друзья не верили в это сначала, и он сам не верил в это, ведь это была такая явная ложь.

Но он продолжал, и постепенно люди начали в это верить — он их загипнотизировал. А когда другие были за-гипнотизированы, он сам попал под этот гипноз, стал думать, что, должно быть, в этом есть своя правда; если в это верят миллионы людей, то здесь должно быть что-то верное... И тогда в это поверили его друзья, это стало взаимным гипнозом, который охватил всю Германию.

Одна из самых разумных наций вела себя очень глупо. Почему? Что случилось с немецким умом? Просто по-вторение, пропаганда. В автобиографии «Майн Кампф» Гитлер писал, что есть очень простой способ превратить ложь в истину: просто повторяйте ее — и он знал это из своего опыта. Если вы все время повторяете одно и то же: вы курите, вы продолжаете курить изо дня в день — это становится гипнозом. Тогда даже если вы узнали, что это бесполезно, глупо, опасно для здоровья, ничего уже нельзя поделать, потому что теперь это — самогипноз.

Жена Муллы Насреддина читала ему газетную статью о вреде курения. В статье цитировались высказывания специалистов о том, что из-за курения возникают рак, туберкулез и другие болезни. Он слушал, слушал и, нако-нец, сказал: «Перестань читать эту ерунду! Все это чепуха, и я тебе говорю, я решил продолжать курить, пока не умру!»

Усталая жена сказала ему: «Ладно, поступай, как знаешь. Но почему ты думаешь, что тогда ты бросишь ку-рить?»

В самом деле, если вы под гипнозом, это не кончится никогда. Смерть здесь не имеет большого значения: в следующей жизни вы начнете делать то же самое, потому что следующая жизнь начинается с того, на чем прерва-лась предыдущая: между ними нет разрыва. Так что, когда рождается ребенок, он уже очень стар, очень древен. Он приносит с собой все свои древние кармы, все свои самскары и всю обусловленность. Он начинает как старик — у него уже есть свой гипноз. Вот это индусы называют самскарами, кармами.

Что такое карма? В чем глубинный смысл теории о карме? Карма есть метод самогипноза. Если вы постоянно повторяете одно и то же действие, вы гипнотизируете себя им. Тогда эта карма, это действие становится хозяином, а вы — его раб.

Чего вы достигли благодаря сексу? Вы добились чего-нибудь? Или это просто повторение? Но вы повторяли это так долго, что теперь, если вы перестанете, вы чувствуете, что теряете что-то. Если вы продолжаете, то чув-ствуете, что ничего не достигаете. Если ничего не достигается продолжением его, тогда вы ничего не упускаете, остановив это. Почему же вы чувствуете утрату, прекратив заниматься сексом? Это просто старая привычка, самскара, обусловленность, карма. Вы проделывали это слишком много раз, и попали под гипноз секса. Теперь вы вынуждены повторять это, это стало произвольным, это стало навязчивой потребностью.

Смотрите, вот человек все время переедает: он знает, что это плохо, он страдает из-за этого, он все время бо-лен, но когда он садится есть, он ничего не может с собой поделать, это вынужденное, произвольное действие. Почему это стало вынужденным действием? Потому что он делает это так давно, что загипнотизирован этим. Он пьян.

Однажды Мулла Насреддин пришел домой очень поздно, должно быть, было три часа ночи. Он постучал; жена была страшно зла на него, но Мулла сказал: «Постой! Подожди минутку, я сейчас тебе все объясню, а тогда уже говори. Я сидел у очень больного друга». Жена сказала: «Очень правдоподобная история; но скажи, как зовут это-го друга».

Мулла Насреддин задумался и думал очень долго; наконец, он сказал, торжествуя: «Он был так болен, что не мог сказать, как его зовут!»

Ум, если он пьян, может находить оправдания, но все это так же ложно, как «он был так болен, что не мог ска-зать». Вы найдете оправдания для секса, найдете оправдания для курения, найдете оправдания своей жажде вла-сти, но все оправдания хромают. Что имеет место в действительности — так это ваша неготовность увидеть и признать, что это стало произвольным, навязчивым, что вы одержимы, что вы под гипнозом.

Вот это и находит Иисус: все пьяны и в глубоком сне, вы не можете этого увидеть, потому что сами спите. По-ка вы не пробудились, вы не можете осознать, что происходит вокруг. Весь мир в состоянии сомнамбулы, он бро-дит во сне. Вот откуда столько горя, столько насилия, столько войн. В этом нет нужды, но это неизбежно, потому что спящие и пьяные люди ни за что не ответственны. Если бы кто-то пришел к Иисусу и спросил, что ему де-лать, чтобы измениться, Иисус бы сказал: «Ты ничего не можешь сделать для этого, пока не проснешься». Что может сделать глубоко спящий человек, чтобы изменить свои сны? Что вы можете сделать?

С этим же вопросом люди приходили к Гурджиеву, а Гурджиев — человек, более всего представлявший Иисуса в этом столетии, а совсем не ватиканский папа... Гурджиев точнее всех представляет Иисуса, потому что он верил в тот же метод трения, с которым работал Иисус, и выработал его вновь. Он создал множество разнообразных крестов, чтобы люди рас-пинали себя на них и преобразились. Гурджиев тоже говорил, что вы не можете ничего делать до тех пор, пока вы не есть. А если вы не пробуж-дены, не бодрствуете, вас нет, вы просто верите, что вы есть. Эта вера не поможет.

Теперь посмотрите на эти изречения. Они очень глубоки, полны значения, смысла и могут стать для вас путе-водными огнями. Запомните их!

Иисус сказал:

«Я стал посреди мира, и я явился им во плоти. Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущи-ми».

Иисус никогда не отрекался от мира, он стоял среди всех нас. Он не был эскапистом, он ходил по базару, он жил с толпой. Он говорил с проститутками, поденщиками, крестьянами, рыбаками. Он не уходил из мира, он ос-тавался в нем, среди вас. Он знал мир лучше, чем кто-либо из тех, кто ушел из него.

Не удивительно, что проповедь Иисуса стала столь могущественной. Проповедь Махавиры никогда не была столь могущественной, и Иисус обратил полмира. Почему? Потому что он оставался в мире, он понял мир: его пути, его людей, его ум. Он общался с ними, он узнал, как они действуют — спящие, пьяные — и начал искать пути и способы разбудить их. В последнюю ночь, когда Иисуса схватили — или он устроил так, чтобы его схвати-ли — когда разыгралась последняя драма, с ним был один из его учеников. И Иисус сказал: «Это моя последняя ночь, и я погружусь в глубокую молитву. Я буду молиться, а ты оставайся бодрствовать. Не засни! Я приду и по-смотрю — и помни — это моя последняя ночь!»

Иисус отошел, а через полчаса вернулся. Ученик крепко спал. Он разбудил его и сказал: «Ты спишь, а я сказал тебе бодрствовать, ведь это моя последняя ночь. Будь внимателен, потому что меня здесь больше не будет! Тогда ты сможешь спать вечно. Но хотя бы пока я здесь, в последнюю ночь, бодрствуй!» Ученик ответил: «Прости ме-ня, я так хотел спать, что ничего не мог поделать. Но теперь я постараюсь».

Иисус опять ушел молиться. Через полчаса он пришел опять, а ученик крепко спал. Он снова разбудил его и сказал: «Что ты делаешь? Скоро наступит утро, и меня схватят!»

Ученик ответил: «Прости меня, извини меня, но плоть так сильна, а воля так слаба, тело так отяжелело — и я подумал, что плохого в том, чтобы немного поспать? Когда ты придешь, я буду бодрствовать».

В третий раз пришел Иисус, а ученик крепко спал... Но в таком же положении все ученики. Много раз приходил я к вам и находил вас крепко спящими. Когда бы ни пришел я к вам, я нахожу вас спящими. Сонливость стала просто второй вашей натурой. Что значит эта ваша сонливость? Она означает, что вы не сознаете, не замечаете, что вы есть — и тогда, что бы вы ни делали, это безответственно. Вы безумны, и все, что вы делаете, вы делаете, как пьяницы.

Муллу Насреддина поймали, когда он целовал чужую женщину на улице. Когда он вышел из суда, он сказал своему другу: «Это было очень жестоко; судья сначала оштрафовал меня на пятьдесят рупий за то, что я ее целовал — но когда он увидел эту женщину, он оштрафовал меня еще на пятьдесят рупий за то, что я был пьян! Поэтому что эта женщина была почти и не женщина — она была так уродлива, что никто не поцеловал бы ее, будучи в своем уме!» И все вы целовали самые отвратительные вещи на свете. Это могло случиться только потому, что вы пьяны и спите. Вы когда-нибудь думали о том, чем вы одержимы? Как мерзко! Можно ли найти что-нибудь более мерзкое, чем власть? Можно ли найти человека, более отвратительного, чем Гитлер, Наполеон, Александр? Но это и ваша мечта; в глубине души вы хотели бы быть похожими на Наполеона, Александра, Гитлера; добиться успеха в мире, обрести власть в мире. Но можете ли вы найти что-нибудь более мерзкое, чем они?

Власть — самая отвратительная вещь, но все хотят власти, господства. Замечали ли вы мерзость богатства? Оно неизбежно мерзко, оно не может быть красивым, потому что оно основано на эксплуатации. В нем — кровь, в нем — смерть, потому что только после того, как лишатся жизнью множество людей, увеличится банковский счет. Нельзя найти ничего более отвратительного, чем это; но в глубине души все ищут богатства. Когда настанет день последнего суда, вас оштрафуют сначала на пятьдесят рупий, а когда бог посмотрит на те вещи, что вы целовали, вас оштрафуют еще на пятьдесят. Потому что вы были пьяны, иначе это было бы невозможно.

Иисус сказал:

«Я встал посреди мира, и я явился им во плоти...»

«И я не был духом...» — потому что многие Мастера все время посещают вас в духе. Будда все еще стучит в вашу дверь, но уже как дух. А если вы не можете видеть человека, который пришел во плоти, как вы можете узнать Будду?

В этом столетии, когда Е.П. Блаватская открыла — или переоткрыла — существование Мастеров, которые продолжают работать в духе и помогать тем людям, которые на пути, никто ей не верил. Думали, что она сошла с ума, и люди говорили: «Дайте нам доказательства — где эти Мастера?» Одним из наибольших успехов теософии было это новое обнаружение Мастеров, ведь каждый, кто стал Просветленным, остается в этом мире, потому что больше некуда идти. Это существование — единственное, которое есть. Так что он остается, но без тела, и его сущность продолжает действовать, помогать, потому что такова его природа — это не что-то такое, что он должен делать.

Это как свет: есть свет, и он освещает и освещает все, что вокруг него. Даже если путь безлюден и никто не идет по нему, свет все равно горит, потому что такова его природа. Если кто-то вступает на путь, то свет есть, и этот свет ведет его; не то, чтобы ему надлежало делать свое дело — это просто его природа. Где и когда бы ни стало просветленным

существо, оно остается как проводник. Но вы не можете распознать проводника в духе, если вы не можете распознать проводника в теле.

Иисус говорит: «Я явился им во плоти — я был в теле, они могли меня увидеть, могли меня слышать, могли меня чувствовать, но все же они упустили возможность. Они упустили ее, потому что я нашел всех их пьяными. На самом деле их там не было, не было никакого сознания. Я стучался в их двери, но их не было дома».

Если Иисус придет к вам домой и постучит, будете ли вы дома, чтобы принять его? Вы будете где-то в другом месте, вас никогда нет дома. Вы странствуете и странствуете по свету, но не бываете дома. Где ваш дом? Внутри вас, там, где центр вашего сознания — вот где ваш дом. Вы никогда не бываете там, потому что только в глубокой медитации вы там. А когда вы в глубокой медитации, вы можете узнать Иисуса немедленно, пришел он в теле или без тела, не имеет значения. Если вы дома, вы распознаете его стук. Но если вас дома нет, что можно сделать? Иисус постучит, а вас не будет. Вот каков смысл слова «пьяный»: нет дома.

В самом деле, когда вы хотите забыться, вы принимаете алкоголь, наркотики; когда вы хотите забыть себя, вы пьете. Пьянство значит забвение, а вся религия состоит в воспоминании. Поэтому все религии решительно против пьянства. В пьянстве самом по себе ничего плохого нет; если вы не на пути, в этом нет ничего плохого. Но если вы встали на путь, ничего хуже быть не может, потому что весь путь состоит в воспоминании себя — а пьянство есть забвение.

Но почему вы хотите забыть себя? Почему вы так себе надоели? Почему вы не можете быть ясным, внимательным, чувствовать себя свободно? В чем дело? Дело в том, что когда вы внимательны, бодрствующие, одиноки, вы чувствуете себя пустым; чувствуете, как будто вы — никто. Вы чувствуете внутри «ничто», и это становится бездной. Вы пугаетесь, вы убегаете от этого.

В глубине себя вы и есть бездна, и вот почему вы убегаете. Будда называл эту бездну «не-я», анатта. Внутри никого нет. Когда вы смотрите туда, это необъятная ширь, но там никого нет — только внутреннее небо, бездна, бесконечная и безначальная. Как только вы заглядываете туда, у вас начинает кружиться голова, вы убегаете, вы тут же спасаетесь бегством. Но куда вы сможете сбежать? Куда бы вы ни пошли, эта пустота будет с вами, ведь это — вы. Это ваше Дао, ваша природа. Нужно наладить отношения с ней. Медитация есть не что иное, как налаживание отношений со своей внутренней пустотой: узнавание ее, а не бегство; она означает жить через нее, а не убегать от нее. Тогда вдруг пустота становится заполненной жизнью. Когда вы не убегаете от нее, она — самая прекрасная вещь, самая чистая, потому что только пустота может быть чистой. Если там что-то есть, появилась грязь; если там что-то есть, появилась смерть; если что-то есть, появилась ограниченность. Если там что-то есть, там не может быть Бог. Бог означает великую бездну, окончательную пропасть. Она есть, но вы никогда не учились глядеть в нее. Это так же, как когда вы восходите на гору и смотрите в долину: у вас начинает кружиться голова. Тогда вы уже не хотите смотреть, потому что вас охватывает страх — вы можете упасть. Но никакая гора не столь высока, и никакая долина не столь глубока, как та долина, что есть в вас. И когда вы смотрите внутрь, вы чувствуете головокружение, тошноту — вы тут же закрываете глаза и убегаете. Вы убегали в течение миллионов жизней, но так ничего и не достигли, вы и не можете достичь. Никуда не денешься — нужно наладить отношения с внутренней пустотой. А когда вы наладите с ней отношения, пустота вдруг изменяет свою природу — она

становится Всем. Тогда она уже не пуста, не негативна, это самая позитивная вещь во всем бытии. Но дверь к ней — приятие.

Вот почему так притягивает людей алкоголь, марихуана, ЛСД — наркотики. Есть много видов наркотиков: физические, химические, умственные: богатство, власть, политика — все это наркотики. Взгляните на политика, он под наркотиком, он опьянен властью, он не ходит по земле.

Взгляните на богача: вы думаете, он ходит по земле? Нет, его ноги никогда не касаются земли, он высоко, он владеет богатством. Только бедняки ходят по земле, только нищие; богач парит в небе. Когда вы влюбляетесь в женщину, вы вдруг воспаряете; вы уже не ходите по земле: между вами и землей — ваша влюбленность. Теперь все качество вашего существа другое, потому что вы пьяны. Секс — глубочайший алкоголь, данный нам природой.

Иисус говорит: «Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущими».

Это нужно понять, это очень тонкий момент: если вы пьяны этим миром, вы не можете жаждать другого мира. Если вы пьяны обычным алкоголем, обычным вином, вы не можете жаждать Божественного вина — это невозможно!

Когда человек не пьян этим миром, возникает жажда. И эту жажду нельзя утолить ничем, принадлежащим этому миру; ее может утолить только Неведомое, только Невидимое.

И вот Иисус говорит очень противоречивую вещь: «Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущими. Никто из них не жаждал, потому что они думали, что они уже нашли этот Ключ, это Сокровище, это Царство. И они перестали искать».

Бог — это опьянение другого рода. Кабир сказал: «Лизи тори лаги» — я впал в такое опьянение, что теперь ничто не может помешать ему, оноечно». Спросите Омара Хайяма, он знает. Он говорит о вине мира иного. А Фитцджеральд совершенно его не понял, ведь он говорит не о том вине, которое вы можете достать здесь; он говорит о Божественном Вине, это суфийский символ бога. Раз вы пьяны богом, тогда уже нет никакой жажды. А этот мир и его вино могут дать вам лишь временное облегчение, могут дать лишь временные промежутки забытия. И различие здесь диаметрально: когда кто-нибудь пьян Божественным Вином, он совершенно пробужден, ясен, полностью сознателен; когда кто-нибудь пьян этим миром и его винами, он под гипнозом, он спит, он блуждает во сне: вся его жизнь — долгое сновидение.

«Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущим».

«И душа моя опечалилась за детей человеческих, ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что пустыми они пришли в мир; они ищут снова уйти из мира пустыми».

«И душа моя опечалилась...» — Вы не можете понять, как страдает Иисус или Будда, глядя на вас, пьяных этим миром, совершенно не жаждущих Божества, не жаждущих Истины; живущих во лжи и верящих в ложь, как будто это истина — и теряющих, теряющих все ради ничего. Тогда получается, что мельчайшие мелочи могут стать препятствием.

Случилось так, что один человек сильно заболел. Его болезнь состояла в том, что он все время чувствовал, что его глаза готовы выпрыгнуть, и в ушах у него постоянно звенело. Постепенно это довело его до бешенства, потому что это продолжалось двадцать четыре часа в сутки... Он не мог спать, не мог работать, и он обратился к врачам.

Один врач посоветовал удалить аппендикс, и ему удалили аппендикс, но ничего не изменилось. Другой посоветовал вырвать все зубы. Ничего не изменилось, только человек этот сразу постарел — и все. Тогда кто-то еще посоветовал удалить ему гланды. Есть

миллионы советчиков, и если вы станете всех их слушать, они убьют вас. И ему удалили гланды, но опять ничего не изменилось. Тогда он обратился к самому лучшему из известных ему врачей.

Врач осмотрел его и сказал: «Ничего нельзя сделать, потому что невозможно найти причину болезни. Вы про-живете еще самое большее шесть месяцев. Я должен быть откровенен с вами, потому что все, что можно было сделать, уже сделано. Теперь ничего нельзя сделать».

Этот человек вышел из кабинета врача и подумал: «Если мне осталось жить только шесть месяцев, почему бы не прожить их хорошо?» Он был скуп, и никогда не жил хорошо; и вот он заказал самую новую и большую машину, купил прекрасное бунгало, заказал тридцать костюмов, он распорядился даже, чтобы рубашки ему шили по мерке.

Он пришел к портному, тот измерил его и сказал: «Рукава — тридцать шесть, ворот — шестнадцать».

Этот человек возразил: «Нет, пятнадцать, я всегда ношу пятнадцать!» Портной снова измерил его и сказал: «Шестнадцать!» Он сказал: «Но я всегда носил пятнадцать!» Портной сказал: «Ладно, как хотите, но я скажу вам — у вас будут вылезать глаза и звенеть в ушах!» И это было причиной его болезни! Вы упускаете Божество не по очень важным причинам. Нет! Просто воротник пятнадцатый — и глаза не могут видеть, они норовят выско-чить; и уши не могут слышать, в них звенит. Причина болезни человека проста: он привязан к мелочам.

Вещи этого мира очень малы. Даже если вы обладаете царством, что это такое? Очень мелкая вещь. Где цар-ства, существовавшие в истории? Где Вавилон? Где Ассирия? Где царство фараонов? Все они исчезли, остались только развалины — а это были великие царства. Но что было достигнуто через них? Чего достиг Чингиз-Хан? Чего достиг Александр? Все царства — просто маловажные вещи.

И вы не знаете, что вы теряете — вы теряете Царство Божие. Даже если вы достигнете успеха, чего вы достиг-нете этим успехом? Посмотрите на людей, добившихся успеха, исследуйте их: чего они достигли? Они тоже ищут душевного покоя — еще больше, чем вы. Они тоже боятся смерти, они дрожат, как и вы.

Если вы тщательно взгляните на людей, достигших успеха, вы обнаружите, что и у этих «богов» глиняные но-ги. Смерть возьмет их, и со смертью исчезнет весь успех, вся слава. Все это кажется кошмаром: столько усилий, столько горя, столько трудностей — и ничего в награду. В конце приходит смерть, и все пропадает, как мыльный пузырь. И из-за этого пузыря утрачено то, что вечно.

«И душа моя опечалилась за детей человеческих, ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что пустыми они пришли в мир; они ищут снова уйти из мира пустыми».

Пустыми вы пришли, но не совсем пустыми: полными желаний. Пустыми вы уйдете, но не совсем пустыми: опять полными желаний. Но желания — сны, вы остаетесь пустыми. В желаниях нет ничего существенного. Вы родились пустыми, а затем вы идете в мир и накапливаете вещи, просто веря, что эти вещи дадут вам наполнен-ность. Вы остаетесь пустыми. Смерть отбирает все, и вы уходите в могилу опять пустыми. К чему приходит вся эта жизнь? К какому смыслу и свершению? Чего вы достигаете в ней? Вот в чем печаль Иисуса или Будды, гля-дящего на людей. Они слепы, и отчего они слепы? В чем их слепота? Не то, чтобы они были недостаточно умны-ми, — они слишком умны, более чем им нужно, более чем они могли бы себе позволить, более чем полезно для них. Они очень умны, хитры. Они думают, что мудры. И не то, чтобы они не видят — они могут видеть, но они могут

видеть только ТО, что принадлежит этому миру. Их сердце слепо, их сердце не видит.

Можете вы видеть своим сердцем? Видели вы что-нибудь своим сердцем? Много раз вы, наверное, думали: «Встает солнце, и утро прекрасно» — и считали, что это от сердца. Нет! Ведь ваш ум еще болтает: «Солнце пре-красно, утро прекрасно» — и вы, наверное, просто повторяете чужие мысли. Постигли ли вы по-настоящему, что утро прекрасно, это утро феномен, который происходит здесь? Или вы повторяете эти слова?

Посмотрите на цветок: смотрели ли вы на него по-настоящему? Или вы просто глядите на цветок и говорите: «Да, он красив, прекрасен». Это слова, и почти мертвые слова, ведь они не идут от сердца. Но мы слепы сердцем. Почему мы им слепы? Потому что сердце ведет на опасные пути.

Поэтому никому не позволяют жить сердцем. Ваши родители позаботились, чтобы вы жили головой, а не серд-цем, ведь сердце может привести вас к неудаче в этом мире. Оно действительно ведет к неудаче, и пока вы не по-терпели неудачи в этом мире, вы не будете жаждать мира иного. Голова ведет к успеху в этом мире. Она хитра, она подсчитывает, она манипулирует — она ведет вас к успеху. И поэтому любая школа, любой институт или университет учат вас, как больше «жить головой», как стать более «умным». И эти «умные», они получают золо-тые медали. Они достигают успеха, и тогда у них есть ключи, чтобы войти в этот мир.

Но человек с сердцем потерпит неудачу, ведь он не может эксплуатировать. Он будет таким любящим, что не сможет стать скрягой, накопителем. Он будет таким любящим, что он пойдет и поделится, раздаст то, что у него есть, а не станет собирать у людей. Он потерпит неудачу. И он будет столь правдивым, что не сможет обманывать вас. Он будет искренним и честным, подлинным: но тогда он будет посторонним в этом мире, где успеха могут добиться только хитрецы. Вот почему все родители пекутся о том, чтобы прежде, чем их ребенок войдет в мир, сердце его стало слепым, совершенно закрытым. Вы не можете молиться, не можете любить. Можете? Вы можете молиться? Вы умеете молиться — пойдите в церковь в воскресенье: люди молятся, но все фальшиво, даже мо-литва исходит из их головы. Они научились этому, это не от сердца. Их сердца мертвы, пусты, они ничего не чув-ствуют. Люди любят жениться, рожают детей — не от любви. Все основано на подсчете, — везде арифметика. Вы боитесь любви, потому что никто не знает, куда заведет любовь... Никто не знает путей сердца, они покрыты тай-ной. Голова ведет вас верным путем, проторенной дорогой; сердце ведет вас в джунгли. Там нет ни дорог, ни ука-зателей, вы сами должны найти свой путь. С сердцем вы индивидуальны, одиноки; с головой вы — часть обще-ства. Голова была обучена обществом — она часть общества. С сердцем вы становитесь одиноким, посторонним. Поэтому любое общество заботится о том, чтобы убить сердце, и Иисус говорит:

«...ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что пустыми они пришли в мир; они ищут снова уйти из мира пустыми».

Только сердце может видеть, как вы пусты! Чего вы достигли? Какая зрелость, какой рост пришли к вам? Какой экстаз испытали вы? — до сих пор никакого благословения! Все ваше прошлое было гнильем. А в буду-щем вы будете повторять прошлое; что еще вы можете делать? Вот в чем печаль Иисуса, печаль Будды. Он чув-ствует себя несчастным из-за вас.

«Но теперь они пьяны. Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются». Это о вас.

Не думайте: «они»; «они» означает «вы»: когда вы отряхнете свое опьянение, вы расклетесь.

Это слово, «раскаяние», приобрело большое значение. Все христианство зависит от раскаяния, никакая другая религия не зависит от него так сильно. Раскаяние прекрасно, если оно проходит через сердце, если вы постигаете: «Да, Иисус прав, мы поистине растратили свою жизнь».

Эта растрата и есть грех, дело не в грехе, совершенном Адамом. Это напрасная растрата своей жизни, возможностей, потенциала, упущенная возможность вырасти и стать подобным Богу, или стать Богом; растрата этого времени, растрата его на никчемные вещи, на собирание бесполезного хлама. И когда вы проснетесь, осознаете, вы раскаетесь. И если это раскаяние пройдет через сердце, оно очистит вас. Ничто не очищает так, как раскаяние. И это одна из прекраснейших вещей в христианстве.

Индуизм не владеет тайной раскаяния. Он совершенно не использует этот ключ. Это уникальная принадлежность христианства. Если ваше раскаяние совершенно, если оно проходит через сердце, если вы вопите и рыдаете, если все ваше существо чувствует и раскаивается в том, что вы растратили богом данную возможность, не были благодарны, вели себя дурно, не верили в свое бытие... вы чувствуете этот грех. Именно это и есть грех! — а не то, что вы кого-то убили или что-то украли; это пустяки: Это малые грехи, рожденные от исходного греха: оттого, что вы были пьяны. Когда вы полностью раскаиваетесь, открываете свои глаза, ваше сердце переполнено раскаянием — тогда крик, вопль исходит из вашего существа. Нет нужды в словах, вам незачем говорить богу: «Я раскаиваюсь, прости меня». Незачем, все ваше существо становится раскаянием. И вдруг вы очищены ото всего прошлого. Это один из наиболее тайных ключей, принесенных миру Иисусом. Ведь джайны говорят, что вы должны отработать свое прошлое, что это долгий процесс: все, что вы сделали в прошлом, нужно погасить. Если вы сделали что-то плохое в прошлом, это нужно возместить. Тут математика: если вы совершили грех, вам нужно что-то сделать, чтобы уравновесить его. А индуисты говорят, что вы совершили столько грехов, что вы в та-ком неведении, и так много действий свершилось по вашему неведению, и прошлое столь обширно, что нелегко выбраться из всего этого. Нужно сделать еще много дел, лишь тогда вы сможете очистить свое прошлое.

Но Иисус дал вам прекрасный ключ. Он говорит: «Просто раскайтесь, и все прошлое — вымыто добела!» Это кажется совершенно невероятным, как может так случиться? И в этом различие между индуизмом, буддизмом, джайнизмом и христианством. Индуисты, буддисты и джайны никогда не поверят, что это может случиться только из-за раскаяния, потому что они не знают, что значит раскаяние. Этот метод выработан Иисусом. Это один из старейших ключей.

Но помните, что такое раскаяние. Просто произнесение слов не поможет, и произнесение их полуискренне тоже не поможет. Когда раскаивается все ваше существо, когда все существо трепещет и вы чувствуете каждой порой своей кожи, каждой фиброй, что вы вели себя дурно, а вы вели себя дурно, потому что были пьяны — и теперь вы раскаиваетесь, вдруг наступает трансформация. Прошлое исчезает, и проекция в будущее из прошлого тоже исчезает; вы брошены в «здесь и сейчас», вы брошены в ваше собственное Естество.

И вы впервые чувствуете собственное «ничто». Оно не негативно пусто, просто храм столь же обширен, как космос... Вы прощены, Иисус говорит, что вы прощены, если вы раскаялись.

Учителем Иисуса был Иоанн Креститель. Все его учение было: «Покайся! Ибо близок

День Суда!» Это было все его учение. Он был необузданным человеком, великим революционером, и он ходил из одного конца своей страны в другой, провозглашая только одно: «Покайтесь, потому что Последний Суд близок!» Вот почему христиане совершенно оставили теорию перерождения. Это не потому, что Иисус не знал о перерождении — он знал, он хорошо знал, что существует круг постоянных перерождений. Но он совершенно отбросил эту идею для того, чтобы придать раскаянию полноту.

Если жизнью много, ваше раскаяние не может быть полным. Вы можете ждать, можете откладывать. Можете думать: «Если в этой жизни я не достиг, ничего страшного, есть еще будущая жизнь». Так и поступали индусы. Они — самые ленивые люди на свете из-за этой теории. А эта теория верна, вот в чем дело; и они всегда могут отложить, спешить незачем. К чему спешить?

Вот почему индусы никогда не считались со временем. Они никогда не изобретали часов, и, если бы они остались сами по себе, никогда не изобрели бы их. Так что часы для индуса — в самом деле, чужеродный элемент, часы не гармонируют с индийским домом. Часы — это христианское изобретение, ведь времени мало, оно бежит быстро — это не часы, это сама жизнь быстро утекает из ваших рук. Эта смерть будет окончательной, откладывать ничего нельзя. Такая идея времени была создана только для того, чтобы избежать откладывания.

Иисус и Иоанн Креститель, который был его учителем, который посвятил Иисуса в свои тайны... все их учение основывалось на: «Покайтесь! Ибо не осталось больше времени, не откладывайте дальше, иначе вы пропадете». Они придали всему этому интенсивность, накал.

Если я вдруг скажу, что наступает последний день, что завтра мир исчезнет, что будет сброшена водородная бомба, и потом скажу: «Покайтесь!» — тогда все ваше существо будет сфокусировано, центрировано, вы будете здесь и сейчас. И тогда раздастся вопль, крик. Дикий вопль из глубины вашего существа. Это будут не слова — это будет нечто более экзистенциальное, чем слова — это будет исходить из сердца. Плакать будут не только ваши глаза, все ваше сердце будет полно слез, все ваше существо будет в слезах, потому что вы пропали.

Если приходит такое раскаяние — это интенсивность пробуждения — становитесь бодрствующим, сознательным, все прошлое очищено. Незачем возмещать, исправлять его — ведь оно никогда не было реальностью. Это был сон, незачем исправлять его — просто вы проснитесь. И вместе со сном рассеиваются все привидения и кошмары. Прежде всего, их никогда не было, в действительности, это были только ваши мысли.

И не будьте в этом ленивы — ведь вы откладывали в течение многих жизней. Вы можете откладывать еще — откладывание так привлекательно для ума. Ум всегда говорит: «Завтра» — всегда. Завтра — это укрытие. Завтра есть укрытие для всякого греха, а добродетель рождается в этот миг. Я слышал, что есть такая миссионерская школа, христианская школа, в которой учатся несколько нехристианских мальчиков; их тоже учат Библии, притчам и историям — и им приходится все это заучивать. Однажды пришел школьный инспектор, и он спросил маленького мальчика:

«Кто был первый мужчина и кто была первая женщина?» Мальчик ответил: «Адам и Ева».

Инспектор был доволен, и он спросил: «Какой они были национальности?»

Ребенок ответил: «Конечно, индийцы! Инспектор был немного смущен, но все же спросил: „Почему ты думаешь, что они были индийцы?“

И ребенок ответил: «Очень просто! У них не было крыши над головой, никакой одежды, им нечего было есть, кроме яблока, одного на двоих, — и все же они верили, что это был рай. Они были индийцы». Индийцы довольны тем, что у них есть. Они не беспокоят себя, чтобы что-то сделать, потому что думают: «Жизнь — такая долгая затея, к чему беспокоиться? К чему спешить? Незачем бежать». Христианство породило интенсивность, идеей о том, что есть только одна жизнь. И запомните, — в том, что касается теории, индусы правы, а христиане заблуждаются. Но не теория важна для Иисуса. Важен человеческий ум и его трансформация — а иногда истина может быть ядовитой, иногда истина может сделать вас ленивым.

Я приведу вам другой пример, который будет полезен: Гурджиев говорил, что у вас нет никакой вечной души — запомните. Вы можете ее обрести, но у вас ее нет — и вы можете потерпеть неудачу. А если вы не обретете ее, вы просто умрете, от вас ничего не останется. И Гурджиев говорил, что только один из миллионов обретает душу, и тогда душа продолжает жить. Тело оставлено, а душа идет дальше. Но это происходит не с каждым. Душа не дана вам, она должна быть выработана, это кристаллизация. Если она выработана, тогда Махавира, Будда, Иисус — они становятся вечными. Но не вы! — Гурджиев говорил, что вы — просто овощи, вас съедят, вы растворитесь, у вас нет центра, так что, кто сможет выжить?

Он тоже использовал тактику Иисуса. Он был не прав, потому что у вас действительно есть душа, бессмертная душа. Но эта теория опасна, потому что, когда вы услышите, что у вас есть вечная душа, что вы есть брахма, вы засыпаете. Это становится гипнотическим внушением: если вы и так есть это, о чем беспокоиться? Какая нужда в садхане, какая необходимость медитировать? «Ахам Брахмасми» — «Я уже бог». И вы погружаетесь в сон, потому что больше делать нечего.

Теории могут убивать, даже верные теории могут убивать. Гурджиев не прав, но он сострадателен. А вы такие лжецы, что только ложь может вам помочь. Только лжец может вытащить вас из вашей лжи, так же, как для того, чтобы вытащить колючку, застрявшую в вашем теле, нужна вторая колючка.

Иисус все хорошо знал, он знал о перерождениях — никто не знал об этом лучше его. Но он просто отбросил эту идею, потому что он был в Индии! Он увидел индийский ум, увидел, что весь ум стал откладыванием из-за теории перевоплощений, и он отбросил эту теорию.

Гурджиев тоже был в Тибете и Индии, и он видел всю ту бессмыслицу, которая произошла там из-за веры в то, что в нас уже есть все, что нужно, что вы уже Божество: незачем что-либо делать, и нищие думают, что они императоры — тогда зачем стараться? Гурджиев начал учить в том же духе, что и Иисус, суть его учения та же: он говорил, что никто не обладает душой заранее; вы можете создать ее, а можете и не успеть, так что не принимайте ее за данность — выработайте ее!

Если вы приложите много усилий — лишь тогда родится центр, и этот центр будет жить — но не вы, такие, как вы сейчас, ведь вы — просто овощи. И чтобы сказать, что вы просто овощи, он создал новый миф.

Он говорил: «Вы овощи для Луны, пища для Луны». Он шутил, но это прекрасная шутка, с глубоким смыслом. Он говорил, что все в мире — пища для чего-то другого: это животное ест то животное, это ест что-то еще. Все есть пища для чего-то другого, так как же человек может быть исключением? Человек тоже должен быть для чего-то пищей, и Гурджиев

говорит: «Человек есть пища для Луны. И когда Луна очень голодна, возникают вой-ны». Когда Луна очень голодна, возникают войны, потому что ей нужно много людей. Но он шутил насчет Луны, это не серьезно. А последователи всегда слепы, и они даже эту шутку приняли за истину. Последователи Гурд-жиева продолжают говорить, что это одна из величайших истин, которые он открыл — если бы он вернулся, он бы рассмеялся.

Он шутил, но когда шутит Гурджиев, в его шутке есть смысл. А шутка эта указывала, утверждала, что вы есть овощи — такие, как сейчас. Только на это вы и годитесь: Луна может есть вас. Можете вы найти что-нибудь глупее Луны? Трудно найти. Когда космонавты достигли ее, они думали, что исполнят все мечты и всю поэзию мира, ведь человек всегда думал о достижении Луны. Но когда они достигли ее, там не оказалось ничего. Луна — ничто, а вы — пища для ничтожества. Луна — просто мертвая планета. А вы — пища для мертвой планеты, по-тому что вы мертвы!

Запомните: христианство, особенно Иисус, хорошо знают, что есть воплощение, перевоплощение, перерождение. Жизнь есть длительная непрерывность, эта смерть не будет окончательной. Но как только это сказано, вы расслабляетесь. А весь метод Иисуса зависит от трения; вам нельзя позволять расслабляться, вы должны вое-вать, вызывать трение, чтобы кристаллизироваться.

«Но теперь они пьяны. Когда они отвергнут свое вино, тогда они покаются»,

Иисус сказал: «Если плоть произошла от духа, это чудо; но если же дух произошел от тела, это чудо из чудес».

Я думаю. Карл Маркс не понял этого! Интересно, что бы он подумал, если бы наткнулся на это изречение Ии-суса. Иисус говорит: «...если плоть произошла от духа...» Как утверждают все религии — бог создал мир. Это зна-чит: плоть произошла от духа, материя возникла из ума; сознание — источник, а мир — просто побочный про-дукт. Тогда, говорит Иисус, «... это чудо» — это тайна.

«Но если дух произошел от тела...», — так говорят атеисты, материалисты, Карл Маркс, Чарваки и другие... Маркс говорит, что сознание — побочный продукт материи. Так говорят все атеисты, что не мир создан из духа, а дух только «побочное явление», эпифеномен материи; он возникает из материи, он просто побочный продукт.

Тогда, говорит Иисус: «Если дух произошел от тела, это чудо из чудес».

Первое, то, что бог создал мир — просто чудо. Но второе — чудо из чудес; мир создал бога. Верить в первое трудно; верить во второе почти невозможно.

Возможно, что низшее рождается из высшего, так же, как человек может написать картину. Мы можем ска-зать, что картина произошла от художника, это чудо, это прекрасная картина. Но если кто-нибудь говорит, что художник произошел от картины, это чудо из чудес. Как может дух произойти от материи, если он уже не заклю-чен в ней? Как может возникнуть цветок, если он не содержится уже в семени? Но Иисус говорит, так или иначе, и то и другое — чудо.

Но третье — величайшее чудо, и это третье:

«Но я удивляюсь тому, как такое великое богатство сделало своим домом эту бедность». Вы — бедняк, нищий, потому что вы все время желаете, просите, чтобы вам дали еще больше. Желание есть нищенствование, и же-лающий ум, есть ум нищего. Вы можете быть императором, это не имеет значения — тогда вы просто большой нищий, великий нищий — и все. Но вы продолжаете требовать.

Было так: мусульманский мистик Фарид жил в маленькой деревушке недалеко от Дели.

Император Акбар был одним из последователей Фариды. Акбар приезжал к нему, а Фарид был бедным факиром. В деревне узнали, что Акбар ходит к Фариду, и однажды, когда приехал Акбар, жители деревни собрались и сказали Фариду: «К тебе приезжает Акбар, так попроси чего-нибудь для нас. Нужна, по крайней мере, школа, больница. И это будет сделано, как только ты скажешь, ведь сам император приезжает к тебе».

Деревня была бедной, неграмотной, в ней не было больницы, и Фарид сказал: «Хорошо, но я не очень-то умею о чем-либо просить, ведь я так давно ни о чем не просил. Но если вы так говорите, я пойду». И он пошел в столицу.

Утром он пришел к дворцу. Все знали, что Акбар был его последователем, и ему немедленно позволили войти. Акбар был в своем святилище, маленькой часовенке, которую он сделал сам и где обычно молился. И он молился, он был погружен в молитву, так что Фарид стал позади него, чтобы просить его, когда он кончит молиться. Акбар не заметил, что сзади него стоит Фарид, он молился вслух, и в конце сказал: «Боже всемогущий, сделай мою империю еще больше, дай мне еще больше богатства».

Фарид услышал это и повернулся, чтобы уйти. Когда Акбар закончил свою молитву, он оглянулся — Фарид спускался по ступеням. Он спросил: «Как ты попал сюда? И почему ты уходишь?»

Фарид сказал: «Я пришел к императору, но встретил здесь нищего. И если ты просишь бога, то почему бы мне самому не попросить его прямо? К чему обращаться к посреднику? О Акбар, я думал, что ты император, но я ошибался». Эту историю рассказал Акбар в автобиографии, и он добавил: «В этот миг я понял: что бы ты ни по-лучил — это не имеет значения, потому что ум продолжает просить еще и еще».

Иисус говорит, что это величайшее чудо из чудес, что это великое богатство — богатство Божественного бытия, Божественной благодати — «сделало своим домом эту бедность».

Пьяные люди, спящие, бедные, просящие милостыню всю свою жизнь; просящие о вещах отвратительных, дерущиеся за вещи мерзкие, одержимые болезнями и немощью — и бог сделал их своим храмом, бог сделал их своим обиталищем, его обитель — в вас! Иисус говорит, что это наибольшая, невозможная, непостижимая тайна. Чудо из чудес! Ничто не может превзойти это. В этом печаль Будды, печаль Иисуса: смотреть на вас — императоров, владеющих Царством Божиим, просящих милостыню, выпрашивающих бесполезные вещи, напрасно растрачивающих свое время, свою жизнь, энергию, возможность.

Покайтесь! Взгляните на то, что вы делали. Это покажется настолько глупым, вы даже не сможете поверить, что это делали вы. Все это будет казаться бессмыслицей!

Посмотрите, что вы делали со своей жизнью, посмотрите, что вы сделали с собой. Вы — просто развалина, и эти руины растут с каждым днем. В конце вы будете лишь развалиной, совершенно разрушенным. А в вашем нищенствующем сердце, в вашем нищенствующем уме живет Царь, Всевышний. Вот это чудо!

А Иисус чувствует очень сильно, потому он так печален, он не может смеяться. Нет, ему не трудно смеяться — он не может смеяться из-за вас. Он так печален, он так сочувствует вам, что все время изобретает способы, изобретает ключи, чтобы отомкнуть вас, сделать вас тем, чем вы уже являетесь, заставить вас понять, кто вы есть.

Прочтите еще раз эти слова и помните ключевое слово: покайтесь. И если вы сможете постичь, что раскаяние есть ключ, оно очистит ваше прошлое. Вы вдруг снова будете свежи

и невинны. А когда вы свежи, в вас Бог. По-тому что Бог не что иное, как ваша свежесть, ваша невинность.

Изречение четвертое...

Иисус сказал:

*Не думайте с утра до вечера
и с вечер до утра*

о том, что вы наденете.

Ученики спросили его:

Когда ты явишься нам, и когда мы увидим тебя?

Иисус сказал:

*Когда вы сбросите ваши одежды не застыдившись
и возьмите ваши одежды и*

положите под ноги,

как малые дети, и растопчите их,

тогда вы увидите сына того, кто Жив,

и вы не Будете бояться.

Ничто меньшее не годится

Человек живет не таким, каков он есть, а таким, каким бы ему хотелось быть: не со своим лицом, а с загрими-рованным, фальшивым лицом. Вот в чем вся проблема. Когда вы рождаетесь у вас собственное лицо, никто его не взволновал, никто его не изменил, но раньше или позже, общество начинает работать над вашим лицом. Оно начинает прятать оригинал, естественное лицо, с которым вы родились, а потом дает вам много лиц для различ-ных случаев, так как одного лица недостаточно.

Ситуации меняются, вот вам и нужны многие фальшивые лица, маски. С утра до вечера, с вечера до утра ис-пользуются тысячи лиц. Когда вы видите приближающегося сильного человека, вы меняете маску; когда вы ви-дите нищего, приближающегося к вам, вы — другой. Все время, миг за мигом, на вашем лице постоянное измене-ние.

Вы должны быть бдительными к этому, так как это стало настолько механичным, что вам этого не нужно осознавать, это меняется само по себе. Если в комнату входит слуга, вы на него даже не посмотрите. Вы дейстvue-те так, будто он не человек, будто он не существует, будто никто не заходил. Но когда в комнату входит босс, вы внезапно вскакиваете, у вас — улыбающеся лицо, приветливое, гостеприимное — как будто сам Бог вошел в вашу комнату. Следите за своим лицом, изменения которого происходят постоянно. Смотрите в зеркало и думай-те о многих лицах, которые вы можете сменить. Смотрите в зеркало и вызовите лицо, которое появляется, когда приближается ваша жена; смотрите на лицо, которое появляется, когда вы приближаетесь к вашей любимой; смотрите в лицо, которое появляется, когда вы жадны, когда вы рассержены; сделайте лицо, которое появляется, когда вы чувствуете половое влечение; сделайте лицо, которое появляется, когда вы чувствуете себя неудовле-творенным, рассерженным. И смотрите в зеркало; вы обнаружите, что вы не один человек — вы толпа. И време-нами будет даже трудно признать, что все эти лица принадлежат вам. Зеркало может быть великим благом. С зеркалом вы можете медитировать, менять свои лица и смотреть на них. Это даст вам проблеск того,

какой фальшивой стала вся ваша жизнь. И ни одно из этих лиц не вы. В Дзен это стало одной из глубочайших медита-ций: найти ваше оригинальное лицо, то, которое было у вас до того, как вы пришли в этот мир — и то, которое у вас будет, когда вы из него уйдете; так как вы не можете носить с собой все эти лица. Они — приемы, техники обмана, техники самообороны, они — доспехи на вас. Эти лица должны быть отброшены, только тогда вы сможете увидеть Иисуса, так как, когда вы видите ваше изначальное лицо, вы видите Иисуса. Иисус — не что иное, как ваше изначальное лицо. Будда — не что иное, как ваше изначальное лицо. Ни Будда, ни Иисус — не вне вас. Когда вы отбрасываете всю фальшь, и вы наги — лишь изначальный вы; без всяких изменений, модификаций — вы Иисус, Иисус является в своей совершенной славе. Это не сын Иосифа, который явился. Внезапно вы становитесь Иисусом. И только подобное, может знать подобное — всегда помните этот закон; если вы подобны Иисусу, только тогда вы его узнаете; как иначе сможете вы его узнать? Когда вы чувствуете свое внутреннее бытие, тогда вы можете узнать внутреннее бытие еще в ком-то. Свет может узнать свет, свет не может узнать тьму. А как тьма может узнать свет? Если вы фальшивы, вы не сможете узнать истинного человека, а Иисус — самый истинный человек, наиболее истинный из возможных. Он — не лжец, он — подлинный, а если вы постоянно лжете всю свою жизнь, ваши слова, ваши жесты — все ложь, тогда как вы узнаете Иисуса? Это невозможно. В полном вашем обнажении вы узнаете внутреннего Иисуса. И только тогда будет узан внешний. Внутреннего нужно узнать в первую очередь, так как узнавание может прийти только из вашего внутреннего источника бытия. Другого пути нет. Одно из самых древних иудейских изречений гласит, что вы и начинаете искать бога только, когда вы его нашли. Оно выглядит парадоксальным, но оно абсолютно истинно, ведь как вы можете начать искать его, если вы его еще не нашли, не нашли его внутри себя, не поняли его в себе? Только тогда начинается исследование, но тогда нет в действительности нужды искать. Исследование начинается и заканчивается в одной и той же точке, первый шаг — это последний шаг.

Между вами и Божественным — только один шаг. Нет двух шагов, а следовательно, нет пути. Лишь один шаг — отбросьте всю фальшь, которую вы таскаете на себе, сбросьте все заимствованные маски.

Но зачем нам эти лица? Какая в них нужда, и чего бояться их отбросить? Должна быть понята вся механика, только тогда эти слова станут для вас ясны.

Первое: вы никогда не любили себя — иначе в них не было бы нужды. Вы ненавидите себя, а если вы ненавидите себя, вы будете прятать свое лицо. Если вы ненавидите себя, как вы можете явить ваше лицо другим? Вы сами его ненавидите и не хотите его видеть, как вы покажете его другим? Почему вы ненавидите себя? Все устройство общества зависит от создания в вас ненависти к себе, от самообвинения, от вины. И религии, и жрецы, и общество — все виды эксплуатации существуют на этой основе — на ненависти к самому себе.

Зачем вам идти к жрецу, если вы себя не ненавидите? Что вам нужно? Когда вы ненавидите, вы чувствуете вину; когда вы ненавидите, вы чувствуете, что необходимо некое преобразование; когда вы ненавидите, вы думаете, что нужна какая-то помощь — нужен кто-то, кто изменит вас, сделает вас любящим и достойным любви. Ваши родители говорят вам: «Ты плохой, это плохо, то плохо». Они постоянно говорят: «Не делай этого, не делай того».

Я слышал, как один маленький ребенок хотел поиграть на пляже в песке. Его мать

сказала: «Нет! Ведь песок мокрый, и ты запачкаешь одежду». Тогда ребенок захотел подойти поближе к воде. Мать сказала: «Нет, ни в коем случае! Скользко, и ты можешь упасть». Тогда ребенок захотел побегать и попрыгать вокруг, а его мать сказала: «Нет! Ты можешь потеряться в толпе». Тогда ребенок попросил мороженого, так как мороженщик стоял поблизости. Мать сказала: «Нет! Ведь у тебя всегда был беспорядок с горлом и это вредно для здоровья». А потом она сказала тем, кто стоял поблизости: «Вы видели когда-нибудь такого невротичного ребенка?»

А ребенок не невротик, мать — невротичка. Играть в песке — не невроз, подходить к воде — не невроз, бегать — не невроз, но невротический ум всегда говорит: «Нет!» Невротический ум не может сказать: «Да!», так как невротический ум не может позволить свободу себе, так как же он может позволить свободу вам? И его мать, и почти все матери такие, и все отцы. Помните, когда вы становитесь матерью или отцом, что вы все такие. Свобода убивается и ребенок принуждается, снова и снова, чтобы почувствовать, что он невротик, он — плох; что бы он ни предложил сделать, ему говорят: «Нет!»

Я слышал о маленьком ребенке, который первый раз пошел в школу, вернулся, и его мать спросила: «Чему ты там научился?» Ребенок сказал:

«Впервые я узнал, что мое имя — не „Не“. Я всегда думал, что меня зовут „Не“ — „Не делай того, Не ходи туда, Не будь таким! Вот я и думал, что мое имя — „Не“. В школе я узнал, что это — не мое имя“.

Если вы невротик — все общество невротично — потому, что эта цепь неврозов идет из поколения в поколение. Это продолжается и продолжается, и к настоящему моменту ни одно общество не способно создать не невротическое общество или не невротичный век. Лишь иногда немногие личности способны выбраться из тюрьмы, но это случается крайне редко, так как тюрьма очень велика ... и у нее крепкое основание.

Истеблишмент так стар, он поддерживается всем прошлым, и, когда рождается маленький ребенок, почти невозможно надеяться, что он останется здоровым и не невротиком. Это почти невозможно, так как все вокруг безумны, и они принудят его быть как все, они убьют его свободу и создадут чувство, что он плох, всегда плох. Это создает осуждение, самоосуждение — вы начинаете себя ненавидеть.

И помните, если вы ненавидите себя, вы не можете любить никого. Это невозможно! Как вы можете любить кого-то, когда вы ненавидите себя? Если яд — в истоке, он будет во всех ваших отношениях. Вы никогда не будете способны любить кого-то. И помните второе, логически отсюда вытекающее — если вы ненавидите себя, как вы можете думать, что кто-то вас любит? Если вы не можете себя любить, кто вас полюбит? Так что в глубине души вы знаете, что вас никто не любит, и даже если кто-то попытается это делать, вы никогда ему не поверите. Вы будете подозревать, что он вас обманывает. Как кто-то может любить вас? Вы не можете любить себя. Тогда, даже если кто-то любит вас, вы скептичны по отношению к этому, сомневаетесь. Вы не можете поверить, и вы найдете пути и способы доказать, что он вас не любит. А когда доказано это, вы спокойны, тогда все в порядке.

Эта ненависть — основа всех фальшивых лиц, вы начинаете прятаться. Одежда существует не из-за климата, климат здесь играет маленькую роль. Она существует, чтобы спрятать тело, спрятать сексуальность, спрятать животное, которое в вас. Но животное — это жизнь, все, что в вас живо — подобно животному. За исключением вашей головы, все подобно животному, так что все должно быть спрятано, кроме головы. Только голова, мышление не подобны животному, они могут быть дозволены. Общество было бы очень

довольно, если бы все ваше тело было отрезано и существовала только голова.

Это пытаются сделать, и эксперименты успешны. Возможно отбросить все тело, а ум будет продолжать функционировать. Мозг будет продолжать функционировать просто с помощью механики: будет биться механическое сердце, по механической кровеносной системе будет течь кровь, циркулируя в мозге — и мозг будет существовать без тела. Ученые делали множество экспериментов и оказались в затруднении относительно того, что мозг может мыслить, хотя тела больше нет — мозг может мечтать, думать, создавать системы.

Но они добились в этом успеха всего несколько лет назад; общество добилось успеха в таком же эксперименте, но иначе поставленном: все ваше тело отрезается от сознания, только голова дозволена. Если вы вдруг станете вашим телом без головы, я уверен, что вы не узнаете, что это — ваше тело. Если вы внезапно станете телом без головы, будете ли вы способны узнать, что это — ваше тело? Вы никогда его не видели, даже в ванной вы никогда не видели своего тела. Стало слишком много одежды. Она не только на тебе, она также и на душе.

Два маленьких школьника проходили мимо высокой стены и захотели узнать, что происходит за ней. Они на-шли маленькую дырочку, но до нее было трудно добраться; тогда один мальчик встал на плечи другого, посмотрел в дырку и сказал: «Удивительно! Там много людей, они играют, но все они голые. Это, похоже, клуб нуди-стов».

Другой мальчик стал возбуждаться и сказал: «Расскажи еще что-нибудь о них — это мужчины или женщины?» Мальчик, стоявший на плечах, сказал: «Как я могу это знать, если они все голые?»

Мужчину узнают по одежде, женщину узнают по одежде. Маленький мальчик прав. Он говорит: «Как я могу сказать, кто они такие? На них нет одежды». Все определяется по одежде. Вот почему царь не будет разрешать вам носить те же одежды, что и он, нет! Если обычные люди будут носить одежды царя, кем он тогда окажется? Это не может быть разрешено, так как он должен быть особенным.

Одежды — это определитель. И они стали так тяжелы, что даже во сне вы не можете увидеть себя голым, вы всегда видите себя в своих одеждах. Это нечто, зашедшее очень глубоко. Даже во снах вы не видите себя голым, социально голым. Нет! Одежда вошла в ваше подсознание, так как сон — это бессознательное явление. В конце концов, во сне вы должны быть естественным, но даже там вы неестественны; маски, лица продолжают.

Эта фальшь, эта псевдоличность существуют из-за того, что вы ненавидите себя. Вы хотите спрятаться, никто не должен знать ваше истинное Я; как они смогут его терпеть, если узнают? Как они смогут любить это, как они оценят это? Вы стали актерами. Это — основа изречения Иисуса.

Иисус сказал: «Не думайте с утра до вечера и с вечера до утра о том, что вы наденете». Не думайте о лицах, одежде, фальши. Оставайтесь тем, кто вы есть, принимайте себя таким, какой вы есть. Это очень трудно, так как если вы думаете о себе так, как вы есть, вы внезапно чувствуете беспокойство.

Откуда берется это беспокойство? Оно появляется, так как вас учили учителя, и эти учителя — великие отра-вители жизни. Они — не истинные учителя, они — враги. Они учили: «Это животное, то — животное, а вы чело-век». Что они говорят? Они говорят: «То, что в вас животного — отрицайте!» А я говорю вам, что человек это не нечто, противостоящее животному, человек — это самое высшее животное. Не нечто противостоящее — высшее, самый пик. Если вы отрицаете животное, вы отрицаете источник

своей жизни. А тогда вы всегда фальшивы.

Если вы занимаетесь любовью с женщиной и отрицаете животное, что вы сможете? Вот почему многие люди стали почти неспособными любить. Вас может удивить, что на Востоке, я думаю, девяносто девять процентов женщин никогда не знали оргазма. То же самое было и на Западе, но теперь это изменяется. Девяносто девять процентов женщин никогда не знали сексуального экстаза, так как им этого никогда не позволяли. Мужчинам позволяли быть немного похожими на животных, но никогда — женщинам. Они должны были оставаться одере-веневшими во время любви, мертвыми, почти трупами. Они не должны были показывать никаких эмоций, они не должны были показывать, что наслаждаются этим, так как только плохие, животные женщины наслаждаются сексом. Проститутке позволено наслаждаться им, но не жене.

Если жена наслаждается сексом и становится экстатичной, тогда муж почувствует себя уязвленным и подумает, что эта женщина — не хороша, так как она должна вести себя, как богиня, а не как животное. Но вести себя как богиня, не будучи богиней, значит создавать фальшь. Женщина лежит мертвая, как труп, без эмоций.

Рассматривали ли вы слово «эмоция»? Оно происходит от того же корня, что и движение. Когда вы в эмоции, все ваше существо движется: оно трепещет, оно пульсирует, оно живет — оно дикое. Нет, женщине не позволено быть дикой, быть живой. Она должна оставаться подобной трупу, мертвой; если она — хорошая женщина, тогда она трансцендирует животные качества. Но если вы отрицаете секс и говорите, что это животное, тогда вы будете прятать его.

Всего лишь три или четыре года назад в США один производитель попал в большую беду, и случай рассматривался в Верховном Суде. А беда была такая: он создал несколько игрушек с пенисами и влагалищами. Девочка должна иметь влагалище, если у нее есть лицо, мальчик должен иметь пенис, если у него есть лицо. Игрушки с половыми органами... он попал в беду! И ему пришлось отменить эту продукцию. Он сделал прекрасную вещь, но суды, общество не разрешили ее.

Почему бы вашим игрушкам не иметь половых органов, если у них есть все остальное? Вы хотите, чтобы ребенок не знал об этом? Тогда вы создаете фальшивое лицо. И почему люди так сходят с ума из-за этих игрушек? Игрушки, есть игрушки. Но жрецы, миссионеры, так называемые «творящие добро» — они сходят с ума, они тащат человека в суд. А он сделал прекрасную вещь, историческую вещь. Дети должны знать все тело, так как все тело прекрасно. Зачем прятать что-либо? Страх, глубокий страх перед животным. Но вы животные, это факт: вы можете превзойти это, но вы не можете это разрушить. Разрушение означает одно: если вы разрушите факт, вы получите фальшивое лицо, ваша маска будет фальшива, ваша набожность будет маской.

Если вы превзойдете это, ваша божественность будет чем-то подлинным. Но превзойдение означает приятие этого; прохождение через это с бдительностью, не теряясь в этом; прохождение через это и движение вперед. А отрицание значит, никогда не входить в это, не пройти через это, просто обойти это. В жизни ничего нельзя обойти; и если вы обходите что-то, вы всегда будете оставаться незрелым, юнцом, вы никогда не вырастаете. Момент, когда вы превзойдете секс, придет, но этот момент придет через знание, через опыт, через углубление сознания и любви — не через отрицание, не через подавление.

Иисус говорит: «Не думайте с утра до вечера и с вечера до утра о том, что вы наденете»
Не надевайте ничего. Я не говорю — идите и ходите голым по городу, но не надевайте

ничего; просто будьте собой! Что бы жизнь не сделала вам, примите это, наслаждайтесь этим, приветствуйте это! Празднуйте это! Будь-те благодарны Божественному за то, что оно создало вас, каким бы вы ни были. Не отвергайте, так как, когда вы отвергаете что-нибудь в себе, вы отвергли Бога; ведь Он — Создатель, Он создал вас таким образом.

Конечно, он знает больше, чем вы. Когда вы отвергаете что-либо в себе, вы отвергаете Создателя, вы находите вину во Вселенной, в самом существовании. Это глупо, нелепо, но такие люди стали очень уважаемыми. Иисус говорит: не думайте, что надеть, просто двигайтесь в жизни спонтанно. Будьте к жизни чувствительны, но не вносите никакой фальши между вами и потоком жизни.

Живите от мгновения к мгновению без думания, так как думание — самая глубокая маска. Когда вы идете к женщине, вы в уме репетируете, что вы собираетесь сказать: «Я люблю тебя» или «Тебе подобной, нет нигде!» Если вы устраиваете репетицию, вы не любите. Иначе такой нужды нет, так как любовь говорит сама, вещи про-исходят в соответствии с самими собой. Цветы зацветут, но в соответствии с собой — не нужна никакая репети-ция.

Однажды Марк Твен пришел из лекционного зала, где он участвовал в прекрасной беседе, и друг спросил его: «Ну и как тебе? Беседа понравилась?» Марк Твен сказал: «Какая беседа? Я готовился к одной беседе, участвовал в другой, а хотел участвовать в третьей, о которой ты говоришь?» Но такова вся ваша жизнь: вы готовитесь к чему-то, вы участвуете в чем-то другом, и вы хотите участвовать в чем-то ином.

Почему так происходит? Почему так много разделений? Потому, что вы не спонтанны. Тот, кто спонтанен, будет нуждаться лишь в одном, и больше ни в чем — быть бдительным, в полном сознании. Тогда он действует из своей сознательности. Вы готовитесь, потому что вы несознательны, не в полном сознании. Вы боитесь, вы пол-ны страха, так как, кто знает, что может случиться? «Буду я способен соответствовать ситуации или нет?» Страх! Тогда вы становитесь фальшивыми.

Но Иисус говорит: «Не думайте о том, что наденете».

Его ученики спросили: Когда ты явишься к нам и когда мы увидим тебя?

Иисус сказал: «Когда вы сбросите свои одежды, не застыдившись, и возьмете ваши одежды, и положите под ноги, как малые дети, и растопчете их, тогда вы увидите Сына того, кто Жив, и вы не будете бояться».

Попробуйте понять каждое слово. Его ученики спросили: «Когда ты явишься нам и когда мы увидим тебя...» Иисус был там, явленный во всей своей славе. Он присутствовал среди них, был перед ними. Они спрашивали Иисуса: «Когда ты явишься нам...?» Они думали, что Иисус прячет себя. Однажды Будду спросили... Он прохо-дил через лес. На дороге были сухие листья, листья падали, дул ветер, и весь лес был полон шороха и шелеста. Ананда спросил — больше там никого не было, так как некоторые ученики ушли вперед, а несколько остальных шли позади, следуя за ними. Только Ананда был рядом с Буддой. Он сказал: «Я всегда хотел спросить об одной вещи: все ли ты нам явил, что у тебя есть? Или ты что-то прячешь от нас?» Будда сказал: «Моя рука — откры-тая рука, у Будды нет кулаков. Смотри на этот лес, как он явлен, ничего не спрятано. Я так же открыт, как этот лес, и у Будды нет кулаков. Потом он зажал несколько сухих листьев в кулаке и сказал: „Сейчас мой кулак за-крыт, ты не сможешь увидеть эти листья“. Люди, которые жадны по отношению к своим знаниям — те, кто не хочет ими делиться — они все подобны кулакам. Потом Будда

открыл свою руку, листья упали, и он сказал: „Но рука Будды не похожа на кулак, он открыт. Я явил все. А если ты чувствуешь, что что-то спрятано, то это из-за тебя, а не из-за меня“. Иисус здесь, присутствует. Его ученики спросили: „Когда ты явишься нам, — он явился! — и когда мы увидим тебя?“ Они думают, что Иисус прячется. Нет, Иисус не прячется. Скорее наоборот — ученики не открыты; их глаза не открыты. Они прячутся, а не Иисус. Истина не спрятана — вы закрыты. Истина явлена везде, в каждый миг. Истина по самой своей природе не может быть спрятана. Только ложь пытается прятаться, не истина. Только ложь — тайна. Истина всегда подобна открытой руке, она не кулак. Но вы — закрыты. „Проблема — в вас“, — говорит Иисус. „Когда вы сбросите ваши одежды, не застыдившись...“ Ведь вы можете сбросить ваши одежды и стыдиться по-прежнему: тогда эта обнаженность — не истинная обнаженность, эта обнаженность не невинна. Стыд — это хитрость.

В христианстве, стыд — первоначальный грех. Слышали ли вы историю, которая случилась с Адамом и Евой? В какой момент произошел грех? Этот вопрос давно исследовался, чтобы точно найти момент, когда случился грех. Им запретили есть плод с древа Познания, но их искушали. Это естественно: когда нечто запрещено, приходит искушение — таково поведение ума. Но у ума есть и другой трюк: он вас искушает, но всегда делает ответственным кого-то другого. Если что-то запрещено, ум становится заинтересованным, это становится приглашением. Ум хочет знать, сунуть свой нос, исследовать.

Адам и Ева искушали сами себя, больше никого не было. Но история гласит, что их искушал Дьявол, Сатана. Это — трюк ума: перенести ответственность на кого-то еще. И этот «Дьявол» — не что иное, как козел отпущения, этот «дьявол» — трюк ума, чтобы сложить с себя всю ответственность. Вас искушают, но искушитель — «Дьявол», так что вы — не ответственные. Он вас уговорил, он вас соблазнил, так что грешник — он, а не вы. Но искушение приходит из запрета, и это — трюк ума. История прекрасна.

Бог сказал: «Не вкушайте плода с этого древа!» Если бы они верили, тогда они бы стали его избегать. Но они не верят. Они говорят: «Почему? Почему Бог запретил нам это дерево, а это — Дерево Познания?» Ум должен им сказать: «Если вы съедите, вы станете подобными богам, так как вы будете знающими. А он запретил вам, потому что он ревнив. Ему не нравится, что вы станете подобны богам. Вы станете знающими, тогда ничто от вас не будет скрыто». Но история гласит, что их искушил Дьявол и сказал: «Он запретил это, так как он ревнив и боится». Это была просто проверка для Адама и Евы, верят они или нет — ничего больше.

Но ум уговорил их, ум — это Дьявол. Дьявол явился в образе змеи, а змея — древнейший символ коварства — это ум, самая коварная вещь. Адам и Ева сделали ответственным Дьявола, сложили на него ответственность, а Адам также сложил ответственность на Еву. Мужчина всегда говорит, что женщина — это искушение, вот мужчины всегда и обвиняют женщин. Во всех писаниях мира женщина — всегда искушитель; она вводит вас в искушение, она соблазняет вас, и она — причина всех бед. Вот ваши так называемые святые и продолжают обвинять женщин.

Таковы пути ума: Ева говорит: «Дьявол», Адам говорит: «Ева», — и если вы спросите Дьявола, если вы где-нибудь его поймаете, он скажет: «Бог». Потому что он положил запрет. Это и создало все беды мира. Ведь Эдемский сад был так велик, там были миллионы деревьев, так что Адам и Ева сами по себе не подошли бы к Дереву Познания. «Запрещено!» Они знали, что это дерево было, и тогда весь сад стал неинтересен, весь их интерес сфо-

кусировался, — это была вина Бога!»

Но история прекрасна, и в ней — миллионы измерений; ее можно интерпретировать многими способами — в этом красота притчи. Они сорвали плод с дерева, они его вкусили и немедленно стали стыдиться своей наготы. В чем был грех? В неповиновении Богу? Если вы спросите Папу Римского, он скажет: «В неповиновении Богу», — так как, жрецам всегда нравится ваше послушание.

Если вы спросите философов, не теологов, они скажут: «В том, что вкусили плод знания!» Потому что, когда вы начинаете думать, беды растут. Жизнь невинна без думания: дети невинны, так как они не могут думать, деревья выглядят такими прекрасными, потому что они не могут думать. Человек кажется таким уродливым, так как его ум всегда отягощен и напряжен из-за забот и мыслей, снов и мечтательности, а он всегда отягощен — вся красота теряется. Так что, если вы спросите философов-экзистенциалистов, они скажут, что это из-за Дерева По-знания.

Но если вы спросите психологов, чей подход более глубок, они скажут: «Из-за стыда». Потому что, когда вы стыдитесь, вы отвергаете себя — но это пришло через знание. Дети не могут почувствовать стыда, они с легко-стью ходят голыми, никаких проблем нет. Вы принуждаете их снова и снова почувствовать стыд: «Не ходи голым!» Чем более они становятся знающими, тем более они будут прятать себя.

Иисус сказал: «Когда вы сбросите ваши одежды, не застыдившись». Но что сделали Адам и Ева? Они прикрыли фиговыми листиками свои половые органы — первая изобретенная одежда — и мир начался. Как вы можете снова войти в Эдемский сад? Сбросьте ваши фиговые листики! Вот о чем говорит Иисус, он говорит, что это путь назад, в Рай. Это путь назад: «Когда вы сбрасываете одежды и не стыдитесь...» Вы можете сбросить ваши одежды и продолжать стыдиться, и тогда глубоко внутри одежды есть: вы прячетесь, вы не открыты. Так что отсутствие одежды — не обнаженность: вы можете быть голым, но не обнаженным.

Обнаженность имеет более глубокое измерение: она означает отсутствие стыда, отсутствие чувства стыдливо-сти; она означает принятие своего тела в его целостности, как оно есть. Никаких обвинений в уме, никаких разделений в теле — просто принятие — тогда это обнаженность. Махавира — не голый, он не член нудистского клуба, он — обнаженный, он обнажен, как дитя. В нудистском клубе вы не обнажены. Даже ваша недетскость вычислена, управляется умом. Вы восстаете, вы бунтуете, вы идете против общества — так как общество верит в одежды, — вы сбрасываете одежды. Но это — реакция, так что вы не невинны; не невинны, как дети.

Говорит Иисус: «...и возьмете ваши одежды и положите под ноги, как малые дети, и растопчете их, тогда вы увидите Сына того, кто Жив, и вы не будете бояться».

Первое: вы должны принять вашу обнаженность, как если вы перед Богом, как малое дитя перед своим отцом или матерью, не стыдясь. Вы не должны стыдиться перед Божественным — тогда вы будете настоящими. Если замешан стыд, тогда будут использоваться маски, они должны быть использованы.

И второе: если чувство стыда исчезло, вы не будете бояться. Они тесно связаны: если вы стыдитесь, вы будете бояться; если вы не чувствуете стыда, вы вообще не будете бояться. Страх исчезает вместе со стыдом. А когда страх и стыд исчезают, ваши глаза открыты — тогда вы увидите сына Бога, или «Сына Того, кто Жив»; тогда Иисус явится вам, тогда вы можете узнать Будду.

Ко мне приходят люди и спрашивают: «Как мы можем узнать, просветлен Мастер или нет?» Вы не можете узнать Просветленного Мастера такими, какие вы есть. Это как если бы слепой спрашивал, как он может узнать свет, есть он или нет. Как слепой может это узнать? Чтобы узнать, необходимы глаза, а глаза слепого закрыты. Вы не можете узнать, реализован человек или нет. Просветлен или нет, настоящий он Христос или нет — вы не можете узнать. Иначе, как могли распять Иисуса, если бы люди его узнали?

Они обошлись с ним очень плохо, они сделали из него глупца, они принудили его выглядеть глупцом. В день, когда он нес свой крест на Голгофу, там были солдаты, мальчишки, масса народу, швыряющих камни и грязь, и наслаждающихся тем, что это — «Царь Иудейский», это «Сын Божий», этот плотницкий сын — он сошел с ума. Насмехаясь, они увенчали его короной из терниев и кричали: «Смотрите, вот Царь Иудейский, вот Сын Божий!»

И потом, когда он был распят, последней шуткой было то, что они поместили его между двух воров. Он был распят как уголовник, с двумя ворами. И не только толпа, даже эти два вора насмехались над Иисусом. Один из воров сказал: «Теперь нас всех распинают, вспомни нас, не забудь нас в твоём „Божьем Царстве“. Нас распяли вместе, так что замолви за нас словечко, ты ведь „Сын“! Когда мы достигнем Царства Бога, приготовь что-нибудь и для нас. И ты можешь это сделать — ты можешь все!» Они тоже насмехались. Иисуса сделали дураком.

Как мы могли не узнать Иисуса? Наши глаза были закрыты. А глаза закрыты из-за наших одежд, очень много-гих видов одежд: стыда, страха, ненависти к себе, самообвинения — слой за слоем.

Иисус сказал: «Когда вы сбросите ваши одежды, не застыдившись, и возьмете ваши одежды и положите под ноги, как малые дети...»

Когда ребенка принуждают надеть одежды впервые, он бунтует. Он против них, так как это лишает его свободы и дает ему фальшь. Его сопротивление естественно, но вы можете принудить его, вы можете его уговорить. Вы говорите: «Когда мы уходим, ты должен надевать эти одежды; когда мы возвращаемся — не нужно; в обществе одежда необходима — иначе мы не сможем взять тебя с собой». А он хочет идти, вот он и одевается. Но в тот момент, когда он вернулся, вот что он сделает: он сбросит свою одежду и не только сбросит ее, но и попрыгает на ней. Она — враг, она делает его фальшивым. Он больше не он, когда на нем одежда. Теперь он снова свободен. Он будет праздновать свою обнаженность, бросив одежду под ноги и топчя ее. Если вы делаете это подобно детям, «тогда вы увидите Сына Того, кто Жив, и вы не будете бояться».

В вашей обнаженности нет страха, ведь страх — нечто добавленное к вам, страх создается через стыд. Многие религии создавали вину, так что вы виновны, чувствуете стыд и тогда начинаете бояться. Тогда рождается нев-роз, и тогда вы идете к тем самым людям, которые создавали в вас вину и страх, вы идете к тем же людям, чтобы научиться, как их преодолеть! Они не могут помочь, так как они — создатели страха. Они скажут: «Молитесь Богу и будьте богобоязненными». Они не могут вывести вас из страха. Иисус может вас вывести за пределы стра-ха, но тогда все целиком должно быть разрушено до самого основания. А основание — это: не принимайте себя, и вы всегда будете бояться.

Примите себя, и тогда страха не будет. Не мыслите в терминах «должен» и «не должен», и вы никогда не будете бояться. Будьте настоящими и верьте в реальность, не боритесь с реальностью. Если в ней секс — он там, примите его, если там гнев, примите его.

Не пытайтесь создавать противоположное: «Я гневаюсь, это нехорошо, я не должен гневаться, я должен прощать. Я — сексуален, этого не должно быть, я должен быть целомудренным». Не создавайте противоположного, так как если вы его создаете, вы пытаетесь создать маски. Гнев останется, ва-ше прощение будет лишь фальшивым лицом, секс останется, погружаясь глубже и глубже в бессознательное, а на вашем лице будет маска брахмачарьи. Это не поможет.

Я слышал, что один ученый работал над раскрытием секрета алмазов. Он много работал и был близок к раз-гадке во всем, кроме одного пункта. Если бы он пришел к знанию этой простой вещи, он стал бы самым богатым человеком в мире. Но как он ни трудился, он не мог найти этой простой вещи. Тогда некто ему посоветовал: «Ты тратишь попусту время и жизнь. Я слышал, что в Тибете есть одна женщина, которая очень мудра, она знает от-веты на все вопросы. Пойди к ней и задай ей свой вопрос, и она ответит. Зачем тратить время?»

Человек отправился путешествовать в Тибет, но это заняло много лет. Было очень трудно достичь этой муд-рой женщины. Он прошел через многие трудности, и много раз его жизнь была в опасности, но он попал туда. Ут-ром он постучал в дверь, и мудрая женщина отворила ее. Она была прекрасной женщиной, он никогда раньше такой не видел. И она была не только прекрасной, но все ее существо приглашало — в ее глазах был блеск — «Добро пожаловать!» Она сказала: «Хорошо, итак, вы прибыли. Моего мужа нет дома, и есть такое правило: вы можете задать только один вопрос, и „вам ответу. Помните, только один вопрос“. Ученый выпалил: „Когда вер-нется ваш муж?“

Это единственный вопрос, который он пришел задать. Где-то в глубине, в подсознании, секс должен быть про-блемой. Работа над алмазами, поиски секрета алмазов, должно быть, были отвлечением. Глубоко в бессознатель-ном он должен был думать: «Когда я стану самым богатым человеком в мире, все женщины — все самые пре-красные женщины — будут моими», — хотя он мог этого не сознавать.

Вы можете работать на поверхности, не будучи осознающими бессознательное, но в нужный момент оно поя-вится, оно взорвется. Бегство бесполезно. Только преображение может помочь, а преображение нуждается в глу-боком приятии вашего существа, как вы есть. Без суждения, не говоря «это хорошо, то — плохо» — без оценки. Не будьте судьей. Лишь верьте своей природе и теките с ней, и не пытайтесь плыть против течения — вот что оз-начает обнаженность.

Двигайтесь с жизнью в глубоком доверии, куда бы она вас ни вела. Не создавайте своих собственных целей; если вы творите вашу собственную цель — вы фальшивы. В жизни нет цели. Если у вас есть цель, вы — против жизни. Жизнь движется не как бизнес, она движется как поэзия; жизнь движется не из головы, она движется из сердца — это поэма. Нужна вера, сомнение не поможет. Жизнь — не научна, она иррациональна. Жизнь не верит в Аристотеля и логиков, она верит в любовь, в поэтов, она верит в мистиков. Это таинство — быть живым, а не загадка, которую нужно решить, это — не хитрость, это — не проблема. Тайна открыта, только вы закрыты. Она явлена везде: в каждом дереве, в каждом листке, в каждом солнечном луче — но вы закрыты.

Почему вы закрыты? Вы не принимаете жизнь внутреннюю, как вы можете принять жизнь вне вас? Примите! Начните с центра, с вашей сущности; примите себя, как вы есть, и тогда вы примете все, как есть. И с приятием приходит преображение: вы никогда больше не будете таким, как сейчас, раз вы приняли.

Преображение происходит само по себе, оно приходит из собственного соответствия,

но оно всегда приходит в позволении. Это то, о чем говорит Иисус: «Будьте обнаженными так, что вы можете быть в позволении. Отбросьте все, что общество дало вам — вот значение слова „одежда“. Общество не дало вам жизни, оно дало вам только „одежду“. Общество не дало вам я, оно дало вам эго. Отбросьте одежду, и эго исчезнет. Думайте о себе, как о гуляющем голым по улице.

Один человек сказал Ибрахиму, чтобы тот пришел к его Мастеру — Ибрахим был царем, и тогда началось испытание, он пришел к Мастеру, и Мастер сказал: «Готов ли ты принять все?»

Ибрахим сказал: «Я пришел за этим — ты скажешь и я сделаю!»

Мастер посмотрел на него и сказал: «Хорошо, сбрось одежду!»

Ученики обеспокоились, так как Ибрахим был великим царем, а это было уж слишком, и не необходимым. Этого никогда не требовали от него, зачем такое трудное задание для царя? Один ученик даже зашептал Мастеру на ухо: «Это слишком, не будь таким жестким — ты никогда этого не требовал от нас».

Но Мастер сказал: «И возьми свои туфли в руки, и иди на улицу, и бей себя по голове туфлями! Пройди через весь город голым!»

Город был его столицей, но Ибрахим пошел. Голый он прошел через всю столицу и бил себя по голове туфлями. И говорят, что когда он вернулся, он был Просветленным.

Что случилось? Он сбросил свою одежду. И он был человеком с большими возможностями, вот почему Мастер потребовал так много. Мастер требует настолько много, насколько возможно. Чем больше у вас возможностей, тем больше он потребует, но если вы обычный бедняк, он не потребует многого. Ибрахим был человеком с большими возможностями — он сам стал великим Мастером. Что случилось? Случилось вот что: одежды отброшены, как Иисус говорил своим ученикам; эго отброшено — все, что общество вам дало. Множество раз эго отбрасывается само, так как это — ноша, но вы снова помещаете его в сознание и несете. Множество раз вы ошибались, множество раз вы не добивались успеха. Множество раз эго падало само, но снова побитые, разочарованные, побежденные, неудачники, вы снова понесете ношу с прежней надеждой.

Вот история, которую я слышал: однажды лев пришел к тигру и сказал: «Кто хозяин в этом лесу?»

Тигр сказал: «Конечно, господин, вы — единственный, вы Царь!»

Потом лев пошел к медведю, сгреб его и спросил: «Кто господин? Кто хозяин?»

Медведь сказал: «Конечно, нет нужды спрашивать, вы — Царь всех зверей, вы — хозяин!»

А потом лев пошел к слону и задал тот же вопрос: «Кто здесь хозяин?»

Слон схватил льва и отшвырнул его футов на пятьдесят. Тот ударился о камень и, весь в крови и синяках, ослабевший, встал и сказал: «Если ты не знаешь правильного ответа, это еще не повод так себя вести!»

Вот чем вы занимаетесь. Ведь вы не отбросите, вы тоже скажете: «Если ты не знаешь правильного ответа, это не причина так себя вести. Зачем быть таким грубым? Просто скажи: „Я не знаю ответа“.

Если вы можете признать, что в неудаче рушится все, что вам дало общество, неудача может стать началом самого большого успеха, который только возможен в жизни. Вот почему только в неудачах человек становится религиозным — если он может признать ошибку. Очень трудно стать религиозным, когда вы добились успеха. Тогда одежды дают

вам так много, зачем заботиться о том, чтобы быть нагим? Тогда одежды — такой хороший вклад. Но в неудаче вы внезапно осознаете обнаженность, которая там присутствует. Ничто не может ее спрятать, вы можете только себя обманывать. |

Используйте свои неудачи! А когда вас швырнут о камень, в синяках и в крови, не повторяйте глупости льва. Признайте, что в этом мире нет успеха. Его не может быть, так, как все настолько фальшиво, а с фальшивыми лицами как вам добиться успеха? Даже ваши Наполеоны, ваши Секундары, ваши Александры Македонские, ва-ши Чингиз-Ханы, все — неудачники.

Иисус — успешен, так как он стоит на своей изначальности, он стоит на своей природе. Попробуйте это по-нять; и не только через понимание, но и постоянно отбрасывая свои одежды, становитесь нагим, и вы очисти-тесь. Тогда вы отшвырнете яблоко, съеденное Адамом и Евой; тогда врата Рая вновь откроются. Христиане го-ворят, что с Адамом и Евой человечество было вышвырнуто из Рая, с Иисусом врата открыты снова — вы можете войти. Но это не произойдет только потому, что вы христиане. Вы должны признать Иисуса, а это признание придет только тогда, когда вы признаете себя Иисусом и ничуть не меньше.

Изречение пятое...

Иисус сказал им:

Если вы поститесь, вы зародите в себе грех

И если вы молитесь

Вы будете осуждены

И если вы подаете милостыню

Вы причините зло вашим душам

И если вы приходите в какую-то землю

и идете в селения, если они принимают вас,

ешьте то, что они вам выставят,

и исцеляйте больных среди них.

Ибо то, что войдет в ваши уста,

не осквернит вас,

но то, что выходит из ваших уст -

это то, что осквернит вас.

Самое странное изречение

Это очень странное изречение, но и очень важное. Оно выглядит странным потому, что человек не является истинным, он живет в фальши. И что бы он ни делал, все получается фальшивым.

Если вы молитесь, вы будете молиться по неверному поводу, если вы поститесь, вы будете поститься по неверным причинам — так как вы неистинны. Так что вопрос не в том, что делать правильно, вопрос в том, как быть правильным в вашем бытии. Если ваше бытие правильно, тогда что бы вы ни делали, будет правильным автоматически; но если ваше бытие неправильно, не центрировано, не подлинно, тогда, что бы вы ни делали, это происходит неправильно.

В конце концов, все зависит от того, кто вы есть, а не от того, что вы делаете. Если вор молится, его молитва происходит неправильно, потому что, как может зародиться молитва в сердце того, кто обманывает всех — крадет, лжет, вредит? Каким образом может исходить молитва из сердца вора? Это невозможно. Молитва может изменить вас, но откуда молитва придет? Она придет из вас. Если вы больны, ваша молитва тоже больна.

Мулла Насреддин однажды устраивался на работу. В прошении он отметил многие качества. Он написал: «Вначале я работал в своем университете, и мне предложили должность вице-президента национального банка. Я отказался, так как не интересуюсь деньгами. Я — честный человек, настоящий человек. У меня нет алчности, я не беспокоюсь о жалованьи — сколько вы мне дадите, столько и хорошо. И я люблю работать — шестьдесят пять часов в неделю».

Когда управляющий, который беседовал с ним, прочитал его прошение, он был восхищен и сказал: «Боже! А у вас есть какие-нибудь слабости?» Насреддин ответил: «Только одна: я — лжец». Но эта одна перекрывает все остальные. Нет нужды иметь еще какую-нибудь слабость, этой достаточно. В вас немного слабостей, у вас только одна — из

этой одной рождаются все. И вы должны помнить свою слабость, так как она следует за вами, куда бы вы ни пошли, как тень; что бы вы ни делали, она окрашивает это.

Так что основное в религии не что делать, основное — чем быть. «Бытие» означает вашу сердцевину, «делание» — это поверхностная активность на периферии. «Делание» означает ваши отношения с другими, с внешним миром, а «бытие» означает вас, как вы есть, безотносительно к чему бы то ни было.

Вы можете быть без делания, чего бы то ни было, но вы не можете быть без бытия. Делание — вторично, не-существенно. Человек может оставаться неактивным, не делая ничего, но человек не может быть без бытия, ведь бытие — это сущность. Иисус, Будда, Кришна — они все говорят о бытии; а храмы, церкви, мечети, организации, секты, так называемые гуру, и учителя, и жрецы — они все говорят о делании. Если вы спросите Иисуса, он скажет о вашем бытии и как его преобразовать. Если вы спросите Римского Папу, он скажет о том, что делать, о морали. Мораль связана с деланием, религия — с бытием. Это различие должно быть выяснено, насколько возможно, так как все остальное зависит от этого. Когда бы ни родилась личность, подобная Иисусу, мы не понимаем ее. Непонимание происходит из-за того, что мы утратили различие: он говорит о бытии, а мы слушаем его и интерпретируем, как если бы он говорил о делании.

Если вы понимаете это, тогда это решение будет очень ясным, очень полезным. Оно может стать светом на вашем пути. В противном случае, оно очень странно и противоречиво, и будет выглядеть антирелигиозным. Когда Иисус говорил жрецам, должно было показаться, что его изречения антирелигиозны, вот почему они распяли его. Они думали, что он — человек, который пришел разрушить религию.

Посмотрим на изречение — оно очевидно это показывает:

Иисус сказал ученикам: «Если вы поститесь, вы зародите в себе грех...»

Мы уже слышали, что религия учит поститься, так как снова и снова говорится, что когда вы поститесь, вы через это очищаетесь. Вся религия джайнов зависит от поста. Если бы они услышали это изречение от Иисуса, они бы сказали: «Этот человек опасен, и иудеи хорошо сделали, распяв его!»

Иудеи также были встревожены: такие изречения — бунтарские, и вся их мораль была бы утеряна. Если вы говорите людям: «Если вы поститесь, вы порождаете грех для себя», — пост становится сном! «...и если вы молитесь, вы будете осуждены...» — слышали ли вы когда-нибудь, что «если вы молитесь, вы будете осуждены». Тогда что есть религия? Мы думаем, что религия в том, чтобы ходить в церковь и молиться Богу, а Иисус говорит: «...и если вы подаете милостыню, вы причините зло вашим душам».

Страннейшее из изречений, но исполненное смысла. Иисус говорит, что вы, как вы есть, не можете ничего делать правильно. Смысл не в том, поститься или не поститься, давать милостыню или не давать, молиться или нет — смысл в том, что вы, какие вы есть сейчас, делаете все неправильно.

Вы можете молиться? Вы можете пойти в храм, потому что это легко, но вы не можете молиться. Молитве нужно другое качество — этого качества вы не имеете, так что вы можете только вводить себя в заблуждение, будто вы молитесь. Идите и посмотрите в храме на людей, которые молятся: они просто обманывают себя, у них этого качества полноты молитвы — нет! Как вы можете молиться? А если у вас есть качество полноты молитвы, какая нужда идти в храм или в церковь?

Где вы — там и молитва: вы двигаетесь, вы идете — с молитвой! Вы смотрите, вы

дышите — и это молитва! Вы едите, вы любите — и это молитва! Потому, что качество полноты молитвы всегда здесь, это — как дыхание. Тогда вы и на мгновение не можете стать немолящимся. Но тогда нет нужды идти в храм или в церковь. Церковь и храмы существуют для тех, кто хочет обманывать, для тех, кто не обладает качеством молитвы и которым нра-вится верить, что они молятся.

Умирал один человек, грешник. Он никогда не был в храме, никогда не молился, никогда не слушал, что гово-рят жрецы, но в момент смерти он испугался. Он попросил прийти жреца, он умолял его. Когда пришел жрец, там была толпа. Многие люди собрались, так как грешник был великим, преуспевающим человеком, он обладал вла-стью, у него были деньги.

Грешник попросил жреца подойти поближе, так как он хотел сказать ему что-то личное. Жрец подошел, и грешник прошептал ему на ухо: «Я знаю, что я грешник, и я хорошо знаю, что никогда не ходил в церковь, я не посетитель церквей. Я вообще нерелигиозный человек, я никогда не молился, так что я хорошо знаю, что мир меня не простит. Но помоги мне и дай мне немного уверенности, скажи мне только одно: что Бог простит меня»!

«Ладно, — сказал жрец, — возможно, он и простит, так как он не знал тебя таким, каким мы знаем тебя». Воз-можно, Он простит, так как Он не знает тебя таким. Но если вы не смогли обмануть мир, сможете ли вы обма-нуть Бога? Если вы не смогли обмануть обычные умы, можете ли вы обмануть божественный Разум? Это всего лишь утешение, удобная вещь — «возможно». Но это «возможно» абсолютно неверно, не держитесь за такие «воз-можно»!

Молитва — это качество, которое принадлежит сущности, а не личности. Личность — это то, что вы делали, это отношения с другими. Сущность — это то, что пришло к вам, это не то, что вы сделали, это дар Бога. Молитва принадлежит сущности: это качество, это не то, что вы можете делать.

Что есть пост? Как вы можете поститься? И зачем людям поститься? Изречение Иисуса очень глубоко, глуб-же, чем любое утверждение Махавиры о посте. Иисус сообщает очень глубокую психологическую истину, и исти-на в том, что разум движется к крайности: личность, которая слишком озабочена пищей, можете легкостью по-ститься. Это покажется странным, парадоксальным, что личность, которая ест слишком много, может с легко-стью поститься, хотя слишком жадна к пище. Но только такой тип личности может поститься с легкостью. Нек-то, кто сбалансировал свою диету, найдет пост почти невозможным — зачем? Чтобы ответить на это, мы должны обратиться к физиологии и психологии поста.

Сначала — физиология, так как это внешний слой. Если вы едите слишком много, вы накапливаете слишком много запасов, слишком много жира. Тогда вы можете поститься очень легко, так как жир — это ни что иное, как хранилище, это запас. Женщины могут поститься с большей легкостью, нежели мужчины, и вы знаете это. Если вы посмотрите на людей, которые постятся, в частности на джайнов, вы обнаружите, что на одного постящегося мужчину, приходится пять женщин: таково соотношение. Муж не может поститься, а жена может. Почему? По-тому, что женское тело накапливает больше жира, и при посте это легче, так как вы едите свой собственный жир. Вот почему вы теряете один или два фунта ежедневно. Куда девается вес? Вы едите себя, это вид поедания мяса.

Раз нет особой трудности для женщин, они и могут поститься с легкостью, они накапливают больше жира, чем мужчины. Вот почему их тела более округлы. Толстые люди

могут поститься с большей легкостью, они могут следовать диетам, они всегда исследуют диеты. Человек, обычный, здоровый человек может накопить так много жира, что в течение трех месяцев он может поститься и не умрет — девяносто дней — вот величина запаса, кото-рый можно накопить. Но если вы тощий и худой — это значит, что вы едите сбалансированное количество, толь-ко то, что необходимо для повседневной активности тела, и вы не накапливаете много жира, вы не можете по-ститься. Вот почему культ поста, — всегда рядом с богатыми людьми, и никогда ни с бедными...

Наблюдайте: когда бы бедняк ни праздновал религиозный день, он празднует, пируя; и когда бы богач ни праздновал религиозный день, он празднует, постясь. Джайны — самые богатые люди в Индии, отсюда и их пост. Но бедный магометанин или бедный индуист дает пир, когда приходит религиозный день, ведь весь год он голо-дал, как же он может праздновать, еще более постясь? Он уже постился весь год, а религиозный день должен отличаться от обычных дней. Так что вот и разница: он наденет новые одежды, и он даст добрый пир, и насладится, и воздаст хвалу Богу. Такова религия бедняка.

В настоящее время в Америке пост и культ поста быстро развиваются. Они уже развились, так как Америка стала богатой, и люди так много едят, что теперь приходит пост. В Америке все культы поста быстро растут, у них могут быть различные названия, но физиологически все ясно — тело должно иметь больше жира, чем нужно — и поститься легко.

Во-вторых, психологически вы должны мучаться из-за пищи. Пища должна быть вашим мучением: вы долж-ны есть слишком много, есть и есть, и думать о еде больше и больше. Такой тип ума однажды пресытится пищей и мыслями о пище. Если вы слишком много думаете о чем-нибудь, вы пресытитесь этим. Тогда станет привлека-тельным противоположное — вы ели слишком много, теперь вам нужно поститься. Через пост вы станете способ-ными, есть снова со вкусом, ваш аппетит вернется — и это единственный путь.

Разум имеет основной закон: все может очень легко перейти в противоположность, но не может остаться посе-редине. Равновесие — самая трудная вещь для ума, крайности всегда легки. Если вы обжора, вы можете стать постником, так как это другая крайность — но вы не можете остаться посередине. Вы не можете есть правильно, быть на правильной диете. Нет. Или эта сторона, или та — разум всегда впадает в крайности. Это как маятник у часов: он движется направо, потом налево, потом направо; но если его остановить посередине, тогда часы вста-нут, тогда у часов нет возможности ходить.

Если ваш разум остановится посередине, тогда мышление останавливается, часы стоят. Но если вы движетесь к крайности, раньше или позже противоположное снова станет значимым, привлекательным, и вы двинетесь к нему.

Иисус это хорошо понимает, очень хорошо. И он говорит: «Если вы поститесь, вы зародите в себе грех...»

Что есть грех? В терминологии Иисуса грех — это крайность, движение к крайности. Оставаться посередине, означает оставаться вне греха. Почему? Почему грех — это движение к крайности? Двигаться к крайности греш-но, так как в крайности вы выбираете половину, а другую половину отвергаете, а истина цела. Когда вы говори-те: «Я буду есть слишком много», — вы выбираете половину. Когда вы говорите: «Я вообще не буду есть», — вы снова выбираете половину, вы что-то выбираете. Посередине нет выбора: вы кормите тело, и вы не одержимы ни этим путем, ни тем: вы не одержимы вообще, вы не невротик. Тело получает

то, что ему нужно, но вы не отягощены его нуждами.

Это равновесие находится за пределами греха. Так что если вы неуравновешены, вы — грешник. Идея Иисуса в том, что личность, которая слишком в мире — грешна, но если она движется к другой крайности, отрицает мир, становится слишком против мира, то она тоже грешна. Личность, которая принимает мир без предпочтения того пути или этого, превосходит его.

Принятие есть превосхождение. Выбор означает, что вы включены, ваше эго включилось, теперь вы боретесь.

В какую бы крайность вы ни впали, вы должны постоянно бороться, так как в крайности вы никогда не можете быть в покое, только посередине можно быть в покое. В крайности вы всегда будете в напряжении, там вы будете обеспокоены и озабочены. Только посередине, когда вы уравновешены, нет тревоги — нет боли, вы — дома, никто не беспокоит вас, ибо нет напряжения. Напряжение означает крайность. Вы попробовали много крайностей, вот почему вы так напряжены.

Либо вы увлечены женщинами, и тогда секс постоянно движется в вашем уме, или вы настраиваетесь против них, и тогда, так же секс движется в уме. Если вы существуете для секса, тогда секс будет единственной вещью в вашем уме, туманом. Если вы против него, враг его, тогда секс снова будет в уме, так как мы помним друзей, но врагов мы помним еще больше. Иногда друзья могут быть забыты, но враги — никогда, они всегда там; как вы можете забыть ваших врагов? Так люди, которые движимы миром секса, заполнены сексом. А пойдите и посмотрите на монастыри, где находятся люди, что бросились в другую крайность; они — постоянно с сексом, весь их ум стал сексуальным.

Ешьте слишком много, станьте одержимыми пищей, как если бы вся ваша жизнь существовала ради еды, и тогда постоянно пища будет в вашем уме. Потом поститесь, тогда пища тоже постоянно в уме. И если что-то постоянно находится в уме, оно становится сутью. Женщина — не проблема, мужчина — не проблема, секс, постоянно присутствующий в уме, является проблемой. Пища — не проблема: вы поели — и все; но пища в уме — постоянно — вот это проблема.

А если в уме есть постоянно множество вещей, ум растрчивает энергию; ум становится тупым, скучным, таким обремененным, что жизнь кажется бессмысленной. Когда ум не отягощен, легок, свеж, тогда приходит понижение, тогда вы смотрите на мир свежим взглядом, со свежим сознанием, не отягощенно. Тогда все существование прекрасно, эта красота — Бог. Тогда все существование живо. Эта жизненность — Бог. Тогда все существование экстатично, каждый его момент, каждая частица его блаженна; это блаженство и экстаз — есть Бог.

Бог — не личность, где-то ждущая нас; Бог — это откровение в этом мире. Когда ум молчалив, чист, не отягощен, юн, свеж, девственен, Бог — всюду. Но ваш ум — мертв, и вы сделали его мертвым благодаря особому процессу. Вот этот процесс: движение от одной крайности к другой, потом — обратно, но никогда не остановка посередине.

Я слышал об одном пьянице, который шел по улице, очень большой и широкой. Он спросил у прохожего: «Где другая сторона этой улицы?» Она была так широка, а уже опускалась ночь, свет угасал, а он был совершенно пьян. Он уже ничего не видел, вот он и спросил: «Где другая сторона?» Прохожий был с ним любезен и помог ему перейти на другую сторону.

Когда он оказался на другой стороне, он снова спросил у другого прохожего: «Где

другая сторона?» Человек попытался отвести его на другую сторону. Пьяница встал там и сказал: «Подожди! Ну что здесь за люди! Я был там и спросил: где другая сторона? Они перевели меня сюда, и теперь я спрашиваю: где другая сторона? Теперь они говорят, что она — там! И ты переводишь меня снова на ту сторону. Что здесь за люди? Где другая сторона?»

Нет никакой разницы, где вы находитесь: противоположная крайность становится другой стороной и становится привлекательной, так как расстояние создает привлекательность. Вы не можете представить себе привлекательность секса для человека, который пытается блюсти целибат — вы не можете представить! Вы не можете представить привлекательность пищи для того, кто постится. Вы не можете представить, так как это заключается в опыте: постоянно в уме одна вещь — пища, секс. И так до самого конца. Даже когда вы умираете, если есть что-то из крайностей, вы будете отягощены.

Как быть непринужденным и раскованным? Не стремитесь к крайностям; таково значение изречения: не стремитесь к крайностям. Иисус хорошо знает, что вы — пищевые наркоманы; не поститесь, это не поможет.

«Если вы поститесь, вы зародите в себе грех; и если вы молитесь, вы будете осуждены».

Что такое молитва? Обычно мы думаем, что молитва — это прошение о чем-то, требование, жалоба; у вас есть нужда и Бог может помочь вам в ее удовлетворении. Вы идете к двери Бога просить о чем-то, вы идете как нищий. Для вас молитва — это попрошайничество, но молитва никогда не может быть попрошайничеством; молитва может быть только благодарностью, благодарением. Но это — совсем иное: когда вы попрошайничаете, ваша молитва — не цель, это лишь средство. Молитва не имеет значения, так как вы молитесь, чтобы что-то получить — это «что-то» и важно, а не молитва. И вы много раз пытались, и ваши желания не удовлетворялись, тогда вы перестаете молиться и говорите: «Бесполезно!» Для вас это — средство.

Молитва никогда не может быть средством, так же, как и любовь. Любовь — это цель: вы любите не для чего-нибудь еще, любовь сама по себе имеет внутреннюю ценность — вы просто любите! Это такое блаженство! За этим ничего нет, нет никакого результата, которого нужно достичь посредством этого. Это не средство для некоей цели — это цель! А молитва — это любовь, вы просто наслаждаетесь ею, не спрашивая и не выпрашивая.

Молитва, сама по себе, внутренне, так прекрасна, вы чувствуете себя так экстаично, так счастливо, что вы просто входите и благодарите Божественное за то, что Он позволил вам быть, позволил вам дышать, позволил вам смотреть — какие цвета! Он позволил вам слушать, позволил быть сознающим. Вы не заслужили этого, это — дар. Вы идете в храм с глубокой благодарностью, только чтобы поблагодарить: «Сколько бы Ты ни дал мне, это слишком много. Я никогда не заслужу этого!» Вы заслужили что-нибудь? Считаете ли вы, что заслужили каким-либо образом? Если бы вас здесь не было, могли бы вы сказать, что была бы какая-то несправедливость по отношению к вам? Нет! Все, что вы получили, просто дар, он — от Божественной любви. Вы не заслужили этого.

Бог переполнен своей Любовью. Когда вы понимаете это, в вас рождается качество: качество быть благодарным. Тогда вы просто идете отдать Ему свои благодарности, тогда вы просто чувствуете благодарность. Благодарность — это молитва, и это так прекрасно — чувствовать себя благодарным, что ничто не может быть сопоставлено с этим, нечего сопоставить с этим. Молитва — это высшая точка вашего счастья, она не может стать средством для какой-либо цели.

Иисус говорит: «...если вы молитесь, вы будете осуждены...»

Так как ваша молитва будет ненастоящей. Иисус хорошо знает, что когда бы вы ни шли в храм, вы пойдете выпрашивать что-нибудь, что-то попросить. Молитва станет средством, а если вы делаете молитву средством — это грех.

Что есть ваша любовь? Ведь через любовь вы можете понять, что происходит в молитве. Вы любите кого-нибудь по-настоящему? Вы любите, или здесь существует еще что-то? Взаимная благодарность? Когда вы любите кого-то, вы действительно любите? Вы даете от всего сердца? Или вы лишь эксплуатируете другого во имя любви? Вы используете другого во имя любви. Это может быть сексуальное или другое использование, но вы используете другого. И если другой скажет: «Нет, не используй меня» — останется ли ваша любовь или исчезнет? Тогда вы скажете: «Что есть использование?» Если другой ценит вас, если прекрасная женщина ценит вас, ваше эго удовлетворено. Прекрасная женщина смотрит на вас, и вы впервые чувствуете, что вы — мужчина. Но если она не ценит вас, не смотрит на вас, любовь исчезает. Если прекрасный мужчина, сильный мужчина, смотрит на вас, как на прекрасную женщину, ценит вас постоянно, вы чувствуете себя удовлетворенной, так как эго удовлетворено.

Эту взаимную эксплуатацию, вы называете это любовью. И если она создает ад — это неудивительно, она должна творить ад, потому что любовь — это только имя, а под именем прячется нечто другое. Любовь никогда не может создать ада, любовь — это истинное качество рая. Если вы любите, вы счастливы, и ваше счастье покажет, что вы влюблены.

Но посмотрите на влюбленных: они не кажутся такими уж счастливыми — только в начале, когда они еще только планируют, не зная, бессознательно плетя сети, чтобы поймать друг друга; но их поэзия и их романтика и вся эта шелуха только для того, чтобы поймать друг друга. Как только рыбка поймана, они — несчастны, тогда они чувствуют, что они — в путах. Эго каждого из них становится путами, и оба пытаются доминировать и владеть другим.

Эта любовь становится осуждением. Если ваша любовь неистинна, ваша молитва не может быть правильной, так как молитва означает, любовь к Целому — а если вы испытали крах в любви к обычному человеческому существу, как вы можете быть успешным в вашей любви к Божественному?

Любовь — лишь шаг к молитве. Вам надо учиться. Если вы сможете любить человеческое существо, вы знаете тайну. Тот же самый ключ используется для Божественного, конечно, в миллионы раз увеличенный и умноженный. Размеры велики, но ключ остается тем же. Любовь — цель сама по себе, и в ней нет эго. Когда вы без эго, тогда есть любовь. Тогда вы просто даете без просьбы, без возврата. Вы просто даете, так как давать — это так прекрасно, вы делитесь, так как делиться — так удивительно — тогда нет сделки. Когда нет сделки, нет эго. Любовь течет — тогда вы не заморожены, тогда вы таете. Этому таянию нужно научиться, потому что только тогда вы можете молиться.

Иисус сказал своим ученикам: «...и если вы молитесь, — и акцент здесь на „вы“ — вы будете осуждены...» Он знает своих учеников очень хорошо «...и если вы подаете милостыню, вы причините зло вашим душам».

Наблюдали ли вы когда-нибудь, что происходит внутри вас, когда вы даете что-нибудь нищему? Идет ли это от доброты или от эго? Если вы на улице одни и подходит нищий, вы говорите: «Убирайся!», — так как никто не видит, что вы делаете, и ваше эго никоим образом не страдает. Но нищие тоже знают психологию, они никогда не попросят у вас, если вы на улице одни, нет никого поблизости, они пройдут мимо — не настал нужный момент.

Но если вы идете с друзьями, они в вас вцепятся вовсю.

На базаре, когда вас видят люди, они вцепятся в вас, так как знают, что если вы скажете «нет», люди подумают: «Вы такой недобрый, такой жестокий». Так что тогда вы дадите что-нибудь, чтобы спасти ваше эго. Вы не даете нищему, это не от доброты. И хорошенько помните, что когда бы вы ни дали нищему, он пойдет и скажет другим нищим, что он обманул, одурачил вас. Он будет смеяться, так как он тоже знает, почему вы дали. Это — не вопрос доброты. Доброта дает по другим причинам: вы чувствуете несчастье другого, вы чувствуете его так глубоко, что становитесь частью этого. Вы не только чувствуете какую-то ответственность — так как целое ответственно за части: «Я помогаю обществу, которое творит нищих. Я помогаю обществу, типу правления, структуре, которые создают эксплуатацию: я часть этого, а нищий — жертва». Вы чувствуете не только доброту, вы чувствуете ответственность: вы должны дать что-то. И если вы даете нищему, вам не нужно, чтобы он был благодарен. Скорее, вы будете благодарны ему — это от доброты, так как вы знаете, что это — ничто. Общество разбивается, и вы сделали значительный вклад в общество, которое творит нищенство. И вы знаете, что являетесь частью такого порядка, в котором существуют бедняки, так как богатые не могут существовать без бедных. И вы знаете, что у вас тоже есть амбиция стать богатым.

Вы чувствуете всю вину, вы чувствуете грех, но тогда давать — совсем иное. Если вы чувствуете, что сделали великое дело, дав копейки нищему, тогда Иисус говорит: «...вы причините зло вашим душам...» — так как вы не знаете, что творите.

Давайте от любви, давайте от доброты. Но тогда вы не подаете нищему, тогда нет милостыни, тогда вы просто делитесь с другом. Когда нищий становится другом — все совсем другое: вы не выше, чем нищий, вы не творите ничего великого для нищего, это не дает удовлетворения. Наоборот, вы чувствуете: «Я не могу ничего сделать — лишь даю это малое количество денег, что не такая уж помощь».

Однажды случилось вот что. Мастер Дзэн жил в хижине на отдаленных холмах; далеко от города. Однажды, в ночь полнолуния появился вор. Мастер был очень озабочен, так как у него нечего было украсть, кроме единственного одеяла, так что же делать? Он был так озабочен, что когда вор вошел, он положил одеяло прямо возле двери и спрятался в уголке.

Вор осмотрелся, но в темноте не увидел одеяла — не было вообще ничего. Унылый и разочарований, он собрался уходить. И Мастер крикнул:

«Погоди! Возьми это одеяло! И мне очень не удобно, ведь ты пришел издалека, ночь холодна, а в этом доме ничего нет. Когда ты придешь в следующий раз, сообщи мне заранее. Я что-нибудь организую. Я бедный человек, но я что-нибудь организую, чтобы ты мог украсть. Но будь милостив ко мне, ведь я чувствую себя очень расстроенным — бери это одеяло — и не говори, нет!» Вор не мог поверить, что это случилось. Он был полон предчувствий; этот человек казался ему странным, никто не вел себя подобным образом ранее. Он просто взял одеяло и убежал.

В ту ночь Мастер написал поэму. Сидя у окна — холодная ночь, полная луна на небе — он написал поэму, и суть ее была следующей: «Что за прекрасная луна! Мне бы хотелось дать эту луну тому вору!» И слезы текли у него из глаз, он плакал и рыдал, и повторял: «Тот бедняк пришел так издалека!»

Потом вора схватили. На его счету были и другие преступления, и так же у него нашли это одеяло. Одеяло было известным — каждый знал, что оно принадлежит тому Мастеру Дзен. Так что Мастер Дзэн пошел в суд. Судья сказал ему: «Просто скажи, что это одеяло

твое, и этого достаточно. Этот человек украл одеяло из твоей хижины — только скажи да, вот и все».

Мастер сказал: «Но он никогда не крал его, он не вор. Я хорошо его знаю. Однажды он посетил меня, это да, но он ничего не крал — это мой дар, это одеяло я дал ему. И я по-прежнему чувствую вину за то, что больше нечего было ему дать. Одеяло старое и почти непригодное, и этот человек настолько добр, что принял его. И не только это, в своем сердце он был полон благодарности ко мне».

Иисус говорит: «...и если вы подаете милостыню, вы причините зло вашим душам», — так как вы даете по неверным поводам.

Вы можете сделать доброе по неверному поводу, и все равно вы только потеряете, и потеряете полностью.

«И если вы приходите в какую-то землю и идете в селения, если они принимают вас, ешьте то, что они вам выставят, и исцеляйте больных среди них».

Две вещи сказал Иисус своим ученикам; первая: что бы вам ни дали, примите это, не ставьте условий. Джайн-ские монахи не могут выехать из страны. Буддизм так широко распространился — почти половина мира стала буддийской, но джайнские монахи не выбираются из Индии. Джайны остаются в пределах этой страны, их не более трех миллионов.

Махавира и Будда — одного порядка, почему же джайны не несут свое послание во внешний мир? Из-за джайн-ского монаха — он не поедет, у него условия: особый вид пищи, приготовленный особым способом, поданной ему особым способом. Как он может покинуть страну? Даже в Индии он может бывать лишь в тех городах, где живут джайны, так как он не может принимать пищу ни от кого другого. В результате этой пищевой наркомании Махавира стал бесполезным для мира, мир не может использовать великого человека.

Иисус сказал своим ученикам: «И если вы приходите в какую-то землю и идете в селения; если они принимают вас, ешьте то, что они вам выставят» — не ставьте условий, что вы будете есть лишь, особый вид пищи.

Ваше поведение в мире должно быть безоговорочным. Если вы ставите условия, вы останетесь обузой. Вот по-чему ученики Иисуса никогда не были обузой: они ели то, что им давали, они носили ту одежду, которую могли достать, они жили в любых климатических зонах, с любыми людьми, они смешивались со всеми. Вот почему хри-стианство распространилось, как огонь. Из-за отношения ученика, он — безоговорочен. Второе, что сказал Иисус, было делать лишь одно: «И исцеляйте больных среди них».

Он не сказал: «Учите их тому, что есть истина». Нет! Это бесполезно. Он не сказал: «Заставьте их поверить в мою миссию», — это бесполезно! — Просто исцеляйте больных! Ведь если кто-то болен, как может он прийти к пониманию истины? Как он может понять ее? Когда его душа больна, как может он получить мое послание? Исцеляйте больных! Делайте их целостными — и это все! Когда они цельны и здоровы, они будут способны понять истину, они будут способны понять Иисуса.

«Будьте слугами, целителями — только помогайте людям исцелиться». Психологически каждый болен. Физиологически каждый может быть здоровым, но каждый — болен, поскольку его разум озабочен, и разуму необходимо глубокое исцеление. Иисус говорит: «Будьте врачами, идите и исцеляйте их умы».

Попытайтесь понять, что проблема — в вашем уме: когда он разделен — он болен, когда он неразделен — он исцелен. Если в уме присутствует множество противоречивых

вещей — он болен, он подобен толпе, безумной толпе. Но если в уме есть лишь одно — он исцелен, так как, через единственное происходит кристаллизация. Пока ум не приведен к единству — он остается больным.

Существуют некоторые моменты, когда ваш ум также приходит к единству. В некоторые моменты, иногда внезапно, это случается: однажды утром вы встаете, еще рано, все свежо и солнце сияет, и все так прекрасно, что вы становитесь собранным. Вы забываете о рынке, куда вы собирались идти, вы забываете об учреждении, куда вы должны идти, вы забываете о том, индуист вы, мусульманин или христианин, вы забываете, что вы отец, мать или сын, вы забываете этот мир. Солнце так прекрасно, и утро так свежо, вы входите в это и становитесь единым. На единственный момент, когда вы едины, ум целен и здоров, вы чувствуете блаженство, пронизывающее все ваше существо. Это может случиться внезапно, но вы можете вызвать это сознательно.

Когда разум един, высшее качество проявляется, а низшее немедленно прячется. Это как в школе: когда директор в школе, тогда учителя трудятся прилежно, прилежно учатся ученики, там порядок. Но когда директор уезжает — тогда высшей властью становятся учителя, и тогда такого порядка уже нет, так как учителя получают свободу. Низшая энергия начинает действовать — они начнут курить, они уйдут пить чай, они начнут сплетничать. Но, пока учителя здесь, ученики дисциплинированы... Но класс становится хаосом, если учитель вышел — это толпа, безумная толпа. Учитель входит в класс — внезапно все меняется, вошла высшая сила, хаос исчез.

Хаос просто показывает, что высшая сила отсутствует. Когда хаоса нет, когда есть гармония — это просто показывает, что высшая сила присутствует. Ваш разум в хаосе, нужна высшая точка, высшая кристаллизация. Вы — лишь школьники, класс, безумный класс без учителя. Когда вы становитесь собранными, немедленно входит высшая деятельность.

Итак, Иисус говорит: «Исцеляйте». Слово «исцелять» происходит от того же корня, что и слово «целый» и слово «священный». Исцеляйте человека — и он станет цельным, а когда он целен, он становится священным. Это — единый процесс. Разум болен, так как в нем нет центра. Есть ли в вашем разуме центр? Можете ли вы сказать: «Этот центр есть Я?» Каждое мгновение он меняется: утром вы рассержены, тогда вы чувствуете, что злость — это вы; в полдень вы становитесь любящим, тогда вы думаете: «Любовь — это я», но к вечеру вы разочарованы и тогда вы думаете: «Разочарование — это я». Есть ли в вас какой-нибудь центр? Или вы просто движущаяся толпа?

В вас сейчас нет центра, центра еще нет, а человек без центра болен. Здоровый человек — это человек с центром. Иисус сказал: «Дайте людям центры!» Так, чтобы какой бы хаос не был вокруг вас, а центр внутри оставался, вы оставались центрированным двадцать четыре часа в сутки, что-то оставалось постоянным — это постоянство станет вашим «Я». Посмотрите на это следующим образом: есть три слоя существования. Один слой состоит из объектов, объективный мир, окружение; ваши чувства сообщают о нем — ваши глаза смотрят, ваши уши слушают, ваши руки касаются. Объективный мир — это первый слой существования и если вы потерялись в нем, вы останетесь довольным лишь поверхностно. Второй слой существует внутри вас, слой разума: мысли, эмоции, любовь, ненависть, чувства, — все это второй слой. Первый слой — общий. Если я держу в руке камень, вы способны его увидеть — это общая объективность. Но никто не может видеть, что находится внутри в вашем разуме.

Когда вы смотрите на меня, вы никогда не видите меня, вы видите лишь мое тело; когда я вижу вас, я никогда не вижу вас, я вижу лишь ваши тела. Никто не может увидеть, что внутри вашего ума. Другой может увидеть ваше поведение: как вы действуете, что вы делаете, как вы реагируете. Он может увидеть злобу на вашем лице, покраснение лица, жестокость, которая выплескивается, насилие в ваших глазах, но он не может увидеть злобу в вашем уме. Он может увидеть любящий жест, который продельывает ваше тело, но он не увидит любви. И вы можете лишь производить жесты, в них нет любви. Вы можете обмануть других, только действуя, и это как раз то, что вы делаете.

Ваше тело может быть известно всем, но не ум. Объективный мир обычен, и это мир науки. Наука говорит, что это — единственная реальность, так как: «Мы не можем знать о ваших мыслях, существуют они или нет — никто не знает. Только вы говорите, что они есть, но они — не всеобщие, не объективны. Мы не можем с ними экспериментировать, мы их не видим». Вы можете сообщать о них, но вы можете обманывать нас, или вы можете быть обмануты. Кто знает?» Ваши мысли — не вещи, но вы хорошо знаете, что они существуют. Не только вещи существуют, мысли также существуют. Но мысли — это личное, частное, они — не всеобщие.

Внешний слой, первый слой, реальность на поверхности, создает науку. Второй слой, мыслей и чувств, создает философию, поэзию. Но все ли это? Материя и разум? Если это все, тогда вы никогда не будете центрированы, так как разум всегда текуч. В нем нет центра: вчера у вас были одни мысли, сегодня другие, завтра они изменятся снова — это как река, в ней нет центра.

В разуме вы не найдете никакого центра: мысли меняются, чувства меняются, это — течение. Так что вы можете навсегда остаться больным, довольным болезнью; вы никогда не сможете быть цельным. Но есть еще один слой существования, самый глубокий. Первый — это объективный мир, мир науки, второй — это мир мыслей — философия и поэзия, чувства, мысли. Есть еще третий мир — который есть религия, и это мир свидетеля — того, кто смотрит на мысли, того, кто смотрит на вещи.

И этот — один, здесь нет двух. Смотрите ли вы на дом, или закрываете глаза и смотрите на внутренний образ дома, смотрящий остается тем же самым. Смотрите ли вы на ненависть, или на любовь, смотрящий остается тем же самым. Печальны вы или счастливы, становится ли жизнь поэзией, или она становится кошмаром — никакой разницы — смотрящий остается тем же, свидетель — тот же. Свидетель является единственным центром, и этот свидетель есть мир религии.

Когда Иисус говорит: «Идите и исцеляйте людей», — он говорит: «Идите и дайте людям их центры, сделайте их свидетелями. Тогда они не будут включены ни в мир, ни в свои мысли, они укоренятся в своем бытии». А раз вы укоренились в своем бытии, тогда все меняется, начисто меняется — тогда вы можете молиться.

Но тогда вы не будете молиться по неверным поводам, тогда ваша молитва будет благодарностью, тогда вы будете молиться не как нищий, но как император, у которого всего хватает. Тогда вы будете давать, но не для этого, вы будете давать от сострадания. Вы будете давать, так как давать — это прекрасно, и это делает вас столь блаженным. Тогда вы можете поститься, но этот пост не будет воздержанием от пищи, этот пост будет совсем другим.

Вот чем является пост Махавиры, совсем иным. Вы иногда настолько будете забывать о теле, что не будете замечать голода, вы так далеко отойдете от тела, что оно не сможет сообщить вам, что вы голодны. Слово для поста на санскрите — прекрасно, это слово —

упавас. Это слово никак не связано с пищей или ее отсутствием, в нем нет ничего от поста, оно значит просто «жить ближе к себе», упавас значит «быть ближе к себе». Приходит момент, когда вы настолько центрированы, что тело полностью забывается, как если бы его не было. Тогда вы не можете почувствовать голод, и пост случается, но он случается, а не делается.

Вы можете оставаться в этой центрированности в течение многих дней. Это случилось с Рамакришной: он впадал в экстаз, и в течение шести или семи дней он оставался как мертвый, его тело не двигалось, оно сохраняло одно положение; если он стоял, он продолжал стоять. Ученики укладывали его и кормили принудительно — не-много воды, немного молока, но все было так, будто его здесь не было. Таков пост: потому что вас больше в теле.

Будучи в теле, вы более не в теле. Но вы не можете сделать этого. Как вы можете это сделать? Ведь все дела-ние — через тело вам нужно пользоваться телом, чтобы сделать что-нибудь. Этот пост не может быть сделан, так как этот пост означает бестелесность. Это может произойти — это происходит с Махавирой, с Иисусом, с Мухам-медом. Это может произойти также и с вами.

Иисус говорит: «И если вы приходите в какую-то землю, и идете в селения; если они принимают вас, — ешьте то, что они вам выставят. Ибо то, что войдет в ваши уста, не осквернит вас. Но то, что выходит из ваших уст, — это то, что осквернит вас».

Это очень важное изречение. Оно означает: не заботьтесь слишком, чтобы пища была чистой, или если шудра, неприкасаемый — коснулся ее, или если женщина, у которой менструация, прошла мимо, и ее тень осквернила ее. Вопрос не в том, что вы получили, вопрос в том, что вы отдали, потому что, то, что вы отдали, вот что укажет на ваши качества; как вы переработали то, что получили, вот что имеет значение.

Лотос рождается из грязи; грязь преобразуется и становится лотосом. Лотос никогда не говорит: «Я не буду есть эту грязь, это мерзко». Нет, это не вопрос. Если вы — лотос, ничто не грязно. Если у вас есть способности лотоса, если у вас есть преобразующая сила, алхимия, то вы можете оставаться в грязи, и лотос родится. А если у вас нет качеств лотоса, тогда, даже если вы живете в золоте, из вас выйдет только грязь. Что происходит — это не важно. Важно то, что если вы центрированы в вашем бытии, то, что происходит — изменяется, трансформируется; важно ваше качество бытия и проявления.

В жизни Будды произошло так, что он случайно отравился. Это было пищевое отравление, но — случайное. Один бедняк много дней ждал, чтобы пригласить Будду в свой дом. Вот однажды он рано, в четыре часа утра, пришел и стоял рядом с деревом, под которым спал Будда, чтобы быть первым, кто пригласит Будду — и он был первым. Будда открыл глаза и человек сказал: «Прими мое приглашение! Я ждал много дней, и многие годы я готовился. Я — бедный человек, и я не могу многого предложить, но это — давняя мечта, что ты придешь и по-ешь в моем доме». Будда сказал:

«Я приду!»

Как раз в это время прибыл местный царь, сопровождаемый конными колесницами, министрами и длинной свитой, и он взмолился к Будде:

«Приходи, я приглашаю тебя в мой дворец...»

Будда сказал: «Это трудно. Мои ученики придут в твой дворец, но я уже получил приглашение — и этот человек был здесь первым. Когда я открыл глаза — он был первым, и пригласил меня, так что я пойду к нему».

Царь пытался убедить его, что это нехорошо: «Этот человек, что он может предложить тебе в пищу? Его дети голодают, у него вообще нет еды».

Будда сказал: «Это неважно. Он меня пригласил и я пойду». И Будда пошел.

Чем занимался этот человек? В Бихаре и других бедных районах Индии, люди собирают в сезон дождей разные растения; чтобы ни выросло или появилось на земле, они собирают. Некий гриб кукармутта, зонтичное растение с широкой шляпкой, вырастает в сезон дождей... И они собирают его и сушат и едят целый год. Для них это — единственный овощ, но иногда он становится ядовитым.

Вот этот человек и собрал кукармутты для Будды. Он высушил и приготовил ее, но когда Будда начал есть ее, оказалось, что она ядовитая, она была горькой. Но это было единственное блюдо, которое было приготовлено, и если бы Будда сказал: «Оно горькое и я не могу, есть его», — хозяин расстроился бы, так как больше у него ничего не было. Так что Будда стал есть и не отмечал, что оно горькое и ядовитое. И человек был счастлив. Будда вернул-ся назад, и яд начал действовать. Пришел врач и сказал: «Это очень тяжелый случай. Яд попал в кровь и уже ничего невозможно сделать — Будда умрет!»

Первое, что сделал Будда, было следующее: он собрал своих учеников и сказал им: «Это — необычный чело-век, это — исключительный человек. Ведь первую пищу мне дала мать, а это — последняя пища; он — как моя мать. Поэтому почитайте его, он нечто редкое. Будда существует тысячи лет, и только два человека получают эту редкую возможность: первый — мать, помогающая Будде вступить в мир; и последний — этот человек, помо-гающий мне вступить в иной мир. Итак, идите и объявите людям, чтобы этому человеку поклонялись, ибо он — велик!»

Ученики были очень взволнованы, так как они задумали убить этого человека. Когда все ушли, Ананда сказал Будде: «Для нас это уж слишком, уважать этого человека. Он убийца, он убил тебя! Так что не говори этого. По-чему ты это говоришь?»

Будда сказал: «Я знаю тебя, ты можешь убить его — вот почему я говорю это. Иди и отплати ему уважением. Это — редкая возможность, которая бывает в мире лишь несколько раз: давать Будде его последнюю пищу».

Ему дали яд, но из него вышла любовь. Это алхимия: он чувствовал благодарность к человеку, который почти убил его. Даже, когда Будде дают яд... из него исходит любовь.

Иисус сказал: «Ибо то, что войдет в ваши уста, не осквернит вас», — даже яд не может осквернить вас, «НО ТО, что выходит из ваших уст, — это то, что осквернит вас». Так что помните, как вы преображаете вещи: если кто-то обижает вас, он кормит вас побоями, это не осквернит вас. Что исходит от вас теперь? Как вы преобразите побои? Любовь или ненависть исходят от вас?

Итак, Иисус говорит: «Помните о том, что исходит из вас, не заботьтесь особенно о том, что входит». И об этом вы тоже должны помнить, иначе весь ваш подход будет неверным. Если вы постоянно думаете о том, что входит в вас, то вы никогда не разовьете эту способность бытия, которая может преображать вещи. Тогда все становится поверхностным: чистая пища, этот вид пищи и тот вид пищи; никто не должен касаться вас, вы — брахман, чис-тая душа. Тогда все становится нелепым! Истинное — не то, что входит в вас, истинное в том, чтобы помнить, что вы должны преобразить это.

Однажды Шанкарачарья был в Бенаресе, и как-то утром он пошел совершить ритуальное омовение в Ганге, думая по старому браминскому образцу, что Ганг может его очистить. Когда он возвращался после омовения, один неприкасаемый, шудра, коснулся его.

Он очень рассердился и сказал: «Что ты наделал! Мне нужно вернуться и повторить омовение. Ты осквернил меня!» Говорят, шудра ответил: «Тогда твой Ганг ничего не стоит, ведь если Ганг очистил тебя — и теперь ты был свежим и чистым, а я коснулся тебя — и ты осквернен, то я более велик, чем твой Ганг?»

И шудра продолжал: «Что ты за мудрец? Ведь я слышал, как ты говорил, будто в каждом существует Единый. Так позволь мне задать вопрос: как прикосновение моего тела могло тебя осквернить? Если это так, значит, мое тело может коснуться твоей души. Но ты говоришь, что тело — это иллюзия, лишь сон, а как может сон коснуться Реальности? И как может сон осквернить Реальность? Как то, чего нет, может осквернить то, что есть? Либо, если ты говоришь, что не мое тело, но моя душа осквернила тебя так, как душа коснулась души, тогда почему я не Брахма, и почему я не тот Единый, о котором ты говоришь? Скажи мне, наконец, кто тебя осквернил?»

Говорит, что Шанкара поклонился и сказал: «До сих пор я лишь размышлял о Едином, это была лишь фило-софия. Теперь ты указал мне Истинный путь, теперь никто не сможет осквернить меня. Теперь я понял: Единый существует, только Единый существует, и он один и тот же, и во мне, и в тебе». Позже Шанкара очень старался найти этого человека. Он так никогда и не узнал, так и не установил, кем был тот человек. Может быть, то был сам Бог, может быть, то была сама Первопричина ...но Шанкара преобразился.

То, что входит в вас, не может вас осквернить, так как, что бы ни входило, оно входит в тело. Никто не может войти в вас, ваша чистота абсолютна. Но что бы ни выходило из вас — оно несет ваше качество, аромат вашего бытия — это кое-что показывает. Если из вас исходит ненависть, это указывает, что внутри вы больны, если из вас исходит злоба, это показывает, что внутри вы не целостны; если любовь, и сочувствие, и свет исходят от вас, это показывает, что целостность достигнута. Надеюсь, вы поняли это странное изречение. Непонимание — легко, а с личностями, подобными Иисусу непонимание всегда возможно, понимание почти невозможно — так как они высказывают истины, а истины всегда парадоксальны, так как вы не готовы слышать, не центрированы.

Вы понимаете через разум, а разум смущается, запутывается, и он интерпретирует — тогда это изречение становится опасным. Я должен вам сказать, что это изречение не было записано в официальной версии Библии. Его выбросили, так как, то, о чем в нем говорится — опасно! Оно записано, но не в официальной версии, не в той Библии, в которую веруют христиане. Но когда Иисус говорил, записывали и многие другие люди, а эти записи уцелели. Их нашли двадцать лет назад в пещере в Египте.

Все изречения, которые мы обсуждаем, взяты из этой записи. Они — не из официальной версии, так как официальная версия никогда не может быть верной — это невозможно. Как только вы организуете религию, дух умирает; будучи организованной, вещь становится мертвой. И потом существуют еще и церковные интересы. Как может папа римский сказать:

«Если вы поститесь, вы порождаете грех для себя». Никто не будет поститься.

«И если вы молитесь, вы будете осуждены». Тогда никто не будет молиться.

«И если вы подаете милостыню, вы причините зло вашим душам». Тогда никто не будет давать подаяние. Тогда как сможет существовать эта большая организация, церковь...?

У христиан самая большая организация: одних католических священников полтора миллиона — тысячи и тысячи церквей по всей земле. Католическое христианство — сама богатая из существующих организаций; даже правительства не так богаты, так как каждое

правительство — банкрот. Но римский лапа — самый богатый человек, с самой большой организацией в мире, единственным международным государством — не очень видимым, совсем невидимым, но с миллионами людей, на него работающих. Как это произошло? Это все произошло через подаяния, а если христиане научатся тому, что говорит Иисус: «Не давайте, вы причините зло вашим душам». И эти церкви созданы для молитвы, так что если люди узнают, что Иисус говорит: «Не молитесь, ведь тогда вы творите грех», — кто будет там молиться? А если нет ни молитвы, ни поста, ни ритуалов, ни подаяния, то, как могут существовать священники? Иисус выбивает самое основание всей организованной религии — тогда там есть Иисус, но там нет христианства.

Это изречение не записано в официальной версии, оно должно было быть выброшено. Вы также можете не понимать его, но если вы можете почувствовать то, что я говорю, вы поймете. Он — не против молитвы, он — не против поста, не против подаяния и участия — он против ваших фальшивых лиц. Реальное должно исходить из вашего существа. Вначале вы должны измениться и преобразиться, и только тогда, что бы вы ни делали, вы сделаете хорошо.

Кто-то однажды спросил Святого Августина: «Что мне делать? Я не очень образованный, так скажи мне вкратце, если возможно, в нескольких словах».

Августин сказал: «Кратко можно сказать только одно: Люби. И тогда, что бы ты ни делал, все будет правильно».

Если вы любите, конечно, тогда все становится правильным; но если вы не любите, тогда все происходит неправильно.

Любить — означает быть без эго! Любить — означает быть центрированным! Любить — означает оставаться блаженным! Любить — означает быть благодарным! Вот в чем значение: живите через ваше бытие, не через ваши действия, так как действия — на поверхности, бытие — в глубине!

Дайте всему исходить из вашего бытия. Не организовывайте и не контролируйте ваши действия, преобразите ваше существо. Истинное в том, что вы делаете, истинное в том, что вы есть.

Изречение шестое...

*Иисус сказал:
Царство подобно пастуху,
у которого было сто овец.
Одна из них заблудилась,
то была наибольшая.
Он оставил девяносто девять
И искал эту одну,
пока не нашел ее.
Утомившись, он сказал овце:
Я люблю тебя больше остальных
девяноста девяти.*

Абсурд! Нелогично!

Одной из самых запутанных проблем является следующая: что случится с грешниками, которые заблудились. Каковы отношения между Божественным и грешником? Будет ли грешник наказан? Попадет ли он в ад? Ведь все священники утверждают, что грешник попадет прямо в ад, он будет наказан. Но может ли Бог кого-либо наказывать? Или нет больше сострадания? А если Бог не может простить, то кто способен прощать? Могут быть даны многие ответы, но ответ Иисуса — самый прекрасный. До того, как мы приступим к этому изречению, должно быть принято много вещей, они дадут вам основу.

Вы можете быть отцом или матерью, и ваш ребенок сделает что-то, что вы не одобряете. Не имеет значения, сделал ли он что-нибудь правильное или неправильное, так как, кто знает, что истинно и что ложно? Но вы — не одобряете, и то, чего вы не одобряете, становится ложным. Это может быть так, может быть и не так, не в этом дело — то, что вы одобряете, есть истинное. Так что это зависит от вашего отношения. И если ребенок заблудился, он сделал нечто неправильное, по-вашему, и вы наказываете его. Истинной причиной будет то, что он непо-слушен, а не то, что сделал что-то неправильное; истинной причиной является то, что ваше эго чувствует себя затронутым. Ребенок был в конфликте с вами, он отстаивал себя. Он сказал вам «нет», вам, отцу, власти, силь-ному, вот вы и наказываете ребенка. Причина в том, что ваше эго затронуты, и наказание — вид мести.

Но объяснение — нечто другое: вы говорите, что это из-за того, что он поступил неправильно, а его нужно научить правильному — а без наказания как его привести к правильному? Так что, он должен быть наказан, если он идет по ложному пути, и он должен быть вознагражден, если он следует за вами. Таким образом, он будет правильно устроен в жизни. Таковы разумные доводы, так вы рассуждаете, но основная причина не осознана.

Бессознательная причина совсем иная: она в том, чтобы поставить ребенка на место, напомнить ему, что вы — босс, а он — не босс, что вы решаете, что ложно и что истинно, что это вы задаете ему направление; что он не-способен, что вы им владеете, что вы — владелец, и что если он будет непослушен, он пострадает.

Если вы спросите хороших психологов, они скажут, что эта разница между причиной и

разумными доводами, хорошо понятна. Разумные доводы — очень хитрое прикрытие — они прячут истинную причину и дают вам фальшивую, но выглядящую на первый взгляд абсолютно правдоподобно. И это происходит не только между родителями и ребенком, но также между обществом и его заблудшими детьми. Вот почему существуют тюрьмы, существует закон — это месть, месть общества.

Общество не может терпеть кого-то бунтующего, так как он разрушит всю структуру. Он может быть прав: Афины не могли терпеть Сократа не потому, что он был не прав — он был абсолютно прав — а потому, что если бы к нему были терпимы, то пропала бы вся структура общества, она была бы брошена псам, и тогда общество не смогло бы существовать. Вот Сократа и принесли в жертву обществу.

И Иисус был распят не потому, что он говорил неверное — никогда еще на земле не звучали столь правдивые слова — он был принесен в жертву обществу, так как, то, что он говорил, то, как он вел себя, было опасно для структуры общества.

Общество не может терпеть этого, поэтому оно накажет вас. Но тому тоже есть разумные доводы: оно говорит, что это лишь для того, чтобы наставить вас на истинный путь, оно наказывает вас для вашего же блага. Но ни-кто никогда еще не усомнился в том, достижимо ли благо наказаниями. Мы наказывали уголовников в течение тысячелетий, но никто не поинтересовался, преобразились ли эти уголовники в результате наших наказаний, или нет. Преступность растет, число заключенных растет, как и количество тюрем; больше законов, больше преступников, больше судов, больше наказаний. Результат совершенно нелеп — больше преступности.

В чем проблема? Преступник тоже чувствует, будто он наказан не за то, что делает неправильное — он наказан, потому что его поймали. Так что у него есть свои разумные доводы: в следующий раз он будет более умел и более осмотрителен — вот и все. В этот раз он был схвачен, так как он был невнимателен, а не потому, что поступил неправильно. Общество оказалось более умным, чем он — так что в следующий раз он будет осторожней, он станет более умелым, умным, интеллектуальным, и тогда его не поймают. Заключенный, наказанный преступник всегда думает, что он наказан не за то, что он совершил, но потому, что его поймали. Так что единственное, чему он научится из наказания — это не попасться снова. Когда заключенный выходит из тюрьмы, он — более искусный преступник, чем ранее: он жил с опытными людьми в тюрьме, с более продвинутыми адептами, которые больше знают, которых схватили, которых наказали еще больше и которые дольше страдают, и которые обманывали самыми разными способами — которые очень продвинуты на пути преступления. Живя с ними, служа им, становясь их учеником, он учится, так что в следующий раз его не поймают. Теперь он — более опытный преступник.

Никого еще не остановило наказание, но общество продолжает думать, что мы наказываем, потому что неправильное должно быть остановлено нашим наказанием. Оба — не правы; общество имеет другую причину — ему нужна месть; и преступник, он тоже понимает — ведь это понимают язык друг друга очень легко, даже бессознательно — преступник тоже думает: «Хорошо, я отомщу, когда мое время придет, и я еще посмотрю». В результате конфликт существует между этим преступником и этим обществом.

И Бог такой же? Такой, как правосудие, такой, как отец или...? Бог так же жесток, как общество? Бог в такой же глубокой пропасти, такой же эгоист, как и мы? Будет ли он мстить, если мы непослушны? Будет ли он наказывать вас? Тогда он — не божественен, тогда он — такой же обычный человек, как мы.

Это одна из глубочайших проблем: как будет вести себя Бог с заблудшим грешником? Будет ли он добр? Тогда есть и другие проблемы. Если он хочет быть справедливым, у него не может быть сострадания, так как справедливость и сострадание не могут существовать вместе. Сострадание означает безоговорочное прощение, но это — несправедливость.

Для святого, возможно постоянно молиться всю свою жизнь, никогда не творить ничего плохого, всегда опасаться перейти пределы, жить в самоограничении, создавать себе самозаклучение, никогда не делать чего-либо неправильного, оставаться добродетельным всю жизнь, никогда не позволять себе чувственных удовольствий, быть очень аскетичным. Другой может жить, предаваясь всему, что ни придет в голову, идти туда, куда ведут чувства, наслаждаться всем, что дает мир, совершать любые поступки, любые грехи — а потом оба достигнут Божественного, оба достигнут мира Бога.

Что произойдет? Если святого не вознаградят, а грешника не накажут, это будет несправедливо. Если обоих вознаградят, тогда это тоже несправедливость, ведь святой подумает: «Я прожил правильную жизнь, но мне за это не дали ничего особенного». Если грешника вознаградят так же — тогда что за смысл быть святым? Тогда все становится тщетным. Тогда Бог сострадатебен, но не справедлив. Если бы Он был справедлив, тогда у нас в голове все было бы арифметически ясным: грешник должен быть наказан, святой должен быть вознагражден. Но тогда у Него нет сострадания — справедливый человек должен быть жестоким, так как иначе, справедливость не может быть осуществлена. Справедливый человек живет в голове, а не в сердце.

У судьи не должно быть сердца, иначе его правосудие будет поколеблено. В нем не должно быть доброты, иначе доброта станет препятствием для правосудия. Человек, который является судьей, просто должен стать, как компьютер, только разумом: законы, поощрения, наказания — сердце исключено из этого, никакие чувства не дозволены. Он должен оставаться наблюдателем, бесчувственным, как будто у него вообще нет сердца. Но тогда возникает другая проблема, так как в течение столетий мы говорили, что Бог справедлив и сострадатебен; добр, любящ и все же справедлив. Это — противоречие, парадокс — как разрешить его?

У Иисуса есть ответ, и он — самый прекрасный. Теперь попытайтесь понять его ответ. Это будет трудно, так как он идет против всех ваших предвзятых мнений, против всех ваших предубеждений, ведь Иисус не верит в наказание. Никто, подобный Иисусу, не может верить в наказание, потому что в самой глубине наказания есть месть. Будда, Кришна, Иисус — они не могут верить в наказание. Скорее наоборот, они могут исключить само качество справедливости из качеств Бога. Но сострадание не может быть отброшено, так как справедливость — человеческий идеал, а сострадание — Божественный. Справедливость обставлена условиями: «Делай это, и ты добьешься того. Не делай того, иначе ты потеряешь это». У сострадания нет условий. Бог — сострадатебен, и что-бы понять его сострадание, мы должны начать с грешника. Иисус сказал; «Царство подобно пастуху, у которого было сто овец. Одна из них заблудилась, то была наибольшая. Он оставил девяносто девять и искал эту одну, пока не нашел ее. Утомившись, он сказал овце: „Я люблю тебя больше остальных девяноста девяти“». Абсурдно! Нелогично! — но истинно. Попробуйте понять: «Царство Бога — подобно пастуху, у которого было сто овец. Одна из них заблудилась, то была наибольшая». Это всегда так — тот, кто заблудился — всегда наилучший. Если вы — отец, и у вас пятеро детей, только самый лучший будет пытаться сопротивляться и отречься от вас, только лучший будет утверждать себя. Средний всегда будет вам послушен, но тот, кто

не средний, будет бунтовать, так как главное качество его разума — бунтарство. Разум — бунтарь: более разумный — более бунтарский. А те, кто не бунтует, кто всегда поддакивает — почти мертвы: вам они могут нравиться, но в них нет жизни. Они следуют за вами не потому, что любят вас, они следуют за вами, потому что слабы, они боятся, они не могут остаться од-ни, они не могут просто... они слабаки, импотенты. Взгляните вокруг: люди, про которых вы думаете, как про хороших, — почти всегда, как те, кто слабы. Их хорошие качества не исходят из силы, они — из их слабости. Они хороши, так как не могут позволить себе быть плохими. Но что за добродетель может проистекать из слабости? Добродетель должна проистекать из переполняющей силы, только тогда она хороша, потому что тогда в ней есть жизнь, жизнь, подобная потоку. Так что, когда грешник становится святым, его святость имеет свою силу. Но когда обычный человек становится святым, из-за своей слабости, его святость бледна и мертва, в ней нет жизни. Вы можете стать святым из-за своей слабости, но помните, тогда вы упустите. Только если вы стали святым от вашей силы, вы достигнете. Человек, который хорош потому, что он не может быть плохим, не истинно хорош. Лишь только он станет сильнее, он станет плохим; дайте ему власть, и власть его немедленно испортит.

Так случилось в этой стране: у Ганди было много последователей, но, похоже, что добродетели его последователей исходили от слабости. Они были хороши, пока у них не было власти, но когда они пришли к власти, стали правителями страны, тогда власть их немедленно испортила.

Может ли власть испортить сильного человека? Никогда! Потому что он — уже силен. Если бы сила могла испортить, она бы уже его испортила бы. Сила портит, только если вы слабы, и ваша добродетель исходит из слабости.

Лорд Эктон сказал: «Власть портит, и портит совершенно!» Но мне это кажется условным, так как это заявление не может быть безусловным, категоричным. Власть портит, если добродетель исходит от слабости; если добродетель — от силы, никакая власть не может испортить. Как сила может испортить, если вы ее уже знаете, если она уже есть? Правда, очень трудно найти, откуда приходит ваша добродетель.

Если вы не вор, только потому, что вы боитесь быть пойманным, в тот день, когда вы уверитесь, что вас ни-кто не поймают, вы станете вором — так как, кто тогда помешает вам? До того вашим единственным страхом было то, что вам помешают, вы не убиваете своего врага, так как вы знаете, что вас поймают. Но если ситуация сложится так, что вы сможете убить человека и не быть пойманным, и вас не смогут наказать — вы убьете его немедленно. Так что вы хороши только через слабость.

Но как может добродетель, произрасти из слабости? Ведь добродетель нуждается в изливающейся энергии. Добродетель эта роскошь, помните, святость — это роскошь, она исходит из изобилия. Когда энергии слишком много, так много, что вы струитесь ею, тогда вы начинаете ею делиться. Тогда вы не можете эксплуатировать, так как в том нет нужды. Тогда вы можете давать от своего сердца, так как у вас так много, что вы действительно отягощены. Вам нравится делиться и отказывать себе, вам нравится все бросить и принести всю свою жизнь, как дар. Когда у вас есть что-то — вам нравится отдать это, помните об этом правиле: вы цепляетесь только за то, чем в действительности не обладаете; если у вас есть это — вы можете это дать. Только когда вы можете давать что-то с радостью — вы обладатель. Если вы все еще цепляетесь за это, тогда в глубине вы боитесь, и вы этому не хозяин. В глубине вы знаете, что вам это не принадлежит, и раньше или позже у вас это

заберут. Вот почему вы не можете давать. Итак, только когда личность отдает свою любовь, она показывает, что у нее есть любовь; только когда личность отдает свою жизнь целиком, она показывает, что она — жива. Нет другого пути, узнать это. Из слабости появляется большинство добродетелей. Это — только видимость, это фальшивая монета, это бумажный или пластиковый цветок. Когда цветет дерево, оно цветет только потому, что оно переполнено энергией. Цветение — это наслаждение, дерево цветет лишь тогда, когда оно может давать. Если вода не дается в нужном количестве, если удобрения не даются в нужном соотношении, если почва — бедна, тогда дерево может расти, но не может цвести.

Есть иерархия: высшее может существовать только тогда, когда есть энергия для движения к высшему. Если вы не питаетесь хорошо, разум исчезнет в первую очередь, так как это — цветение. В бедной стране истинная бедность не в нищете тела, истинная бедность — в интеллигентности, так как если страна очень бедна, интеллигентность не может существовать, она — цветение. Только когда телесные нужды удовлетворены, энергия может двигаться выше; когда телесные нужды не удовлетворены, энергия в первую очередь удовлетворяет телесные нужды. Потому что основа должна быть защищена первой, корень должен быть защищен первым. Если нет корня, не может быть никакого цветения; если нет никакого тела, как может существовать разум? А сострадание — даже выше, чем разум, а медитация — еще выше.

В Индии Будда и Махавира появились, когда страна была очень богатой. С тех пор существовали так называемые святые, но не люди, подобные Будде — это очень трудно! Потому что такое цветение возможно, только когда есть бесполезная энергия, энергия, которую нельзя использовать, только тогда энергия начинает удовлетворять саму себя. А когда энергия начинает удовлетворять саму себя, она обращается наружу, она становится внутренним общением. Тогда она становится медитацией, тогда рождается Будда, тогда существует экстаз.

Если вы не дадите дереву воды, то сначала исчезнут цветы, потом — листья, потом отомрут ветви, и только в самый последний момент умрет корень, потому что с корнями все может опять возродиться, вот дерево и защищает свои корни. Корень — это самое низкое, но самое низкое должно быть защищено, так как это — основа. Когда придут лучшие дни, когда пойдет дождь и будет вода, тогда корень снова распустится, снова появятся листья и снова будет цветение. И такая же иерархия существует в вас.

Будьте благими от вашей энергии, никогда не будьте благими от слабости. Я не говорю — будьте плохими. Но от слабости, какими еще вы можете быть? Порочность нуждается в энергии так же, как и добродетель нуждается в энергии. Вы не можете быть плохим, не можете быть злым, но вы и не можете быть благим без энергии — ведь и то и другое реально. Тогда, чем вы можете быть без энергии? У вас лишь может быть фальшивое лицо, вы не можете быть ничем, вы будете лишь фасадом, притворством, призраком, фальшивой личностью — что бы вы ни делали, все будет призрачным. И это — то, что происходит на самом деле. Тогда вы создаете фальшивую добродетель, фальшивую святость. Вы будете думать, что вы святой, так как вы не творите никакого греха, а не потому, что вы достигли Божественного.

Когда вы достигли Божественного — это завершение, достижение позитивной энергии. И тогда вы становитесь богоподобными, тогда нет никакого усилия, быть богоподобным — это происходит спонтанно. Вы можете сопротивляться тому, что бы быть плохим, но это — негативно. Когда вы сопротивляетесь — тут же и желание, и если желание направлено на

зло, неважно, реализовали ли вы это. Это — различие между грехом и преступлением.

Преступление должно быть действием. Вы можете думать о совершении преступления, но ни один суд не может наказать вас, так как ни один суд не имеет власти над умом, только над телом — преступление должно быть действием. Я могу думать о том, как убить весь мир, но ни один суд не может наказать меня только за то, что я думаю об этом. Я могу говорить, что желаю этого, но я никого не убил, это не стало действием. Деяние попадает под закон, а не мысли, и в этом различие между преступлением и грехом...

Грех не делает никаких различий между вашими действиями и мыслями. Если вы думаете, зерно посеяно, про-растет оно или нет — это не проблема. Если оно становится действием, тогда это преступление. Но если у вас есть мысль, вы уже совершили грех для Божественного, вы уже стали преступником, вы сбились с пути. Но это — пункт, который нужно понять. Очень трудный момент: те, кто сбились с пути — всегда более сильны, чем те, кто остался на пути. Те, кто сбились с пути — всегда наилучшие. Пойдите в сумасшедший дом и посмотрите: вы най-дете самых разумных людей, ставших безумцами. Взгляните на последние семьдесят лет этого столетия: безумца-ми стали самые разумные люди, а не средние. Ницше, один из лучших разумов, рождавшихся когда-либо, стал безумным, сошел с ума — у него было так много энергии, что она не могла быть направлена в русло; так много энергии, что она стала наводнением, это уже не тихий поток, его нельзя ограничить, он как океан, стихия. Ницше сошел с ума, Нижинский сошел с ума. Взгляните на семьдесят лет этого столетия и вы найдете, что наилучшие, сливки — сошли с ума, а средние остались здоровы.

Это выглядит совсем абсурдным: средние остаются здоровыми, а гении сходят с ума. Почему средняя лич-ность остается здоровой? Энергия не выходит за пределы. Ребенок становится «трудным» ребенком, когда его переполняет энергия, он должен сделать что-нибудь. Только бескровный ребенок остается в углу — если вы гово-рите ему: «Повторяй — Рам, Рам, Рам», — он будет это повторять; если вы дадите ему четки, он будет их переби-рать. Но если ребенок действительно живой, тогда он выбросит четки и скажет: «Это глупо! Я пойду играть, ла-зить по деревьям, и буду что-нибудь делать!»

Жизнь — это энергия. Только бескровный, анемичный человек не собьется с пути, не сможет, так как трудно отдать так много энергии, трудно дойти до такой крайности, до такой бездны. Но те, кто сбились с пути — если они найдены — они становятся Буддами. Если Ницше займется медитацией, он станет Буддой. У него есть энергия, чтобы сойти с ума, у него есть энергия, чтобы стать Просветленным — это одна и та же энергия, только направ-ление меняется. Потенциальный Будда сойдет с ума, если он не станет Буддой — куда деться энергии? Если вы не можете быть созидательным, энергия становится разрушительной. Пойдите в сумасшедший дом: вы там найдете самых интеллигентных людей; они безумны потому, что они — не средние; они безумны потому, что могут ви-деть дальше вас, глубже вас, а когда они видят глубже, чем вы, иллюзии исчезают.

Вся жизнь настолько сбивает с толку, что если вы можете видеть глубже, очень трудно остаться здоровым, очень трудно. Здоровыми остаются, потому что не могут видеть: вы видите лишь два процента жизни, а девяно-сто восемь процентов, говорят психологи, закрыта; так как, если вы увидите это, это будет такой потоп, что вы не будете способны выдержать — вы станете безумным.

Теперь некоторые психологи, которые глубоко изучали безумие, например, Р. Д. Лэинг и другие, споткнулись на некоторых фактах. Один из них таков: люди, которые сходят с ума

— наилучшие; люди, которые совершают преступления — великие бунтари. Они могут стать великими святыми, и совсем не удивительно, что Вальмики стал святым.

Вальмики был дакойтам, убийцей, он жил убийствами и грабежом. Что-то произошло — и он стал Просвет-ленным.

Однажды проходил один Просветленный, а Вальмики, убийца, человек, живший воровством, схватил его. Просветленный сказал: «Что ты собираешься делать?»

Вальмики сказал: «Я обчищу тебя до нитки!»

Просветленный сказал: «Если бы ты мог сделать это, я был бы счастлив, потому что у меня есть что-то глупо внутри — укради это, будь добр!»

Вальмики не мог это понять, но он сказал: «Я занимаюсь только внешними вещами».

Просветленный сказал: «Но они не очень-то помогут. И зачем ты это делаешь?»

Вальмики ответил: «Из-за моей семьи, ради моей семьи — моей матери, моей жены, моих детей — они все будут голодать, если я не буду этого делать, а я знаю лишь это ремесло». Тогда Просветленный сказал: «Привяжи меня к дереву, чтобы я не мог убежать, возвращайся и скажи своей матери, жене и детям, что ты творишь грех ради них. Спроси, готовы ли они разделить наказание. Когда ты предстанешь перед Богом на последнем Суде, будут ли они готовы разделить наказание?»

Впервые Вальмики задумался. Он сказал: «Ты, возможно, прав. Я пойду и спрошу». Он пошел домой, спросил жену, и она сказала: «Почему я буду делить с тобой наказание? Я ничего не сделала. Если ты что-то сделал — это твоя ответственность».

И его мать сказала: «С чего это я разделю его? Я — твоя мать, это твоя обязанность — кормить меня. Я не знаю, как ты добываешь хлеб, это — твоя ответственность».

Никто не был готов разделить вину — и Вальмики обратился. Он вернулся назад, пал на колени перед Просветленным и сказал: «Теперь дай мне внутреннее, я не интересуюсь внешним. Теперь дай мне украсть внутреннее, так как я понял, что я — одинок, и что бы я ни делал, это моя ответственность, никто не разделит ее. Я родился один, я умру — один, и что бы я ни делал, за все буду отвечать сам, никто не разделит ответственности со мной. Так что теперь я должен посмотреть внутрь и найти, кто я есть. Конечно! Я покончил со всем этим делом!» — этот человек обратился в один момент.

Подобная история произошла с Буддой: был один человек, который был совсем безумным, безумным убийцей. Он дал зарок, что убьет тысячу человек, не менее, за то, что общество обращалось с ним не лучшим образом. Он осуществлял свою месть, решив убить тысячу человек. И от каждого убитого он отрезал один палец и сделал ожерелье — тысячу пальцев. Оттого-то его имя и стало Ангулимала — человек с ожерельем из пальцев. Он убил девятьсот девяносто девять человек. Если люди узнавали, что Ангулимала поблизости, никто не появлялся в тех местах, движение останавливалось. И тогда ему стало очень трудно найти еще одного человека, которого ему не хватало.

Будда собирался в лес, и к нему пришли люди из деревень и сказали: «Не ходи! Ангулимала — там, это безумный убийца! Он не будет дважды думать, он просто убивает, так что он не задумается над тем, что ты — Будда. Не ходи по этой дороге, там есть другая. Не ходи через лес, пойдешь другой дорогой!» Будда сказал: «Если не пойду я, кто тогда пойдет? А он ждет кого-нибудь, я должен идти».

Ангулимала почти исполнил свой зарок... И он был энергичным человеком, раз он боролся со всем обществом один — и убил тысячу человек. И цари боялись его, и генералы, и закон, и правительство — никто ничего не мог поделать. Но Будда сказал: «Он — человек,

он нуждается во мне. Я должен рискнуть. Либо он убьет меня, либо я убью его». Вот что делают Будды, они рискуют, они рискуют своей жизнью. Будда пошел. Даже ближайшие ученики, которые говорили, что останутся с ним до самого конца, стали отставать — потому что это было опасно!

Так что, когда Будда добрался до холма, где Ангулимала сидел на скале, с ним никого не было, он был один. Все ученики исчезли. Ангулимала посмотрел на этого невинного, как дитя, человека, такого прекрасного, что даже он, убийца, почувствовал к нему сострадание. Он подумал: «Этот человек, похоже, совершенно не представляет, что я — здесь, ведь никто не ходит по этой дороге». И этот человек выглядел столь невинным и прекрасным, что даже Ангулимала подумал: «Нехорошо убивать этого человека. Оставлю его, я найду кого-нибудь еще». Тогда он сказал Будде: «Уходи! Остановись там — и уходи! Не делай ни шагу вперед! Я — Ангулимала, вот девятьсот девяноста девять пальцев, а мне нужен еще один — даже если придет моя мать — я убью ее и исполню свой завет. Так что не подходи близко, я — опасен! И я не верю в религию, мне безразлично, кто ты. Ты можешь быть очень хорошим монахом, даже великим святым, мне — все равно! Мне нужен только палец, а твой палец ничем не хуже другого. Так что не делай ни шагу вперед, иначе я убью тебя». Но Будда продолжал двигаться.

Тогда Ангулимала подумал: «Либо этот человек глух, либо безумен!» Он снова крикнул: «Стой! Не двигайся!»

Будда сказал: «Я остановился давным-давно, я не двигаюсь, это ты движешься, Ангулимала. Я давно остановился. Все движение остановилось, потому что остановлены все побуждения. Когда нет побуждений, как может произойти движение? Для меня нет цели, я достиг цели, так почему я должен двигаться? Ты движешься — и я говорю тебе: Стой ты!»

Ангулимала сидел на скале, и он начал смеяться. Он сказал: «Ты действительно безумен! Я сижу, и ты говоришь мне, что я — двигаюсь; а ты — движешься, а говоришь мне, что ты остановился. Ты действительно дурак или безумен — или я не знаю, что ты за человек!»

Будда подошел ближе и сказал: «Я слышал, что тебе нужен еще один палец. Моя цель достигнута, и теперь это тело уже бесполезно. Когда я умру, люди сожгут его, и оно вообще ни на что не будет пригодно. Ты можешь воспользоваться им, твой зарок должен быть исполнен: отрежь мой палец и мою голову. Я пришел с предложением, так как это последний шанс для моего тела быть как-то использованным, иначе люди сожгут его».

Ангулимала сказал: «Что ты говоришь? Я думал, что я — единственный сумасшедший в округе. И не пытайся ловчить, ведь я опасен, я действительно могу убить тебя!»

Будда сказал: «До того, как ты меня убьешь, сделай одну вещь, это просьба умирающего: отрежь ветку от этого дерева». Ангулимала ударил мечом по дереву, и упала большая ветвь. Будда сказал: «И еще одно: присоедини ее обратно к дереву!»

Ангулимала сказал: «Теперь я точно знаю, что ты безумен — я могу отрезать, но я не могу присоединить».

Тогда Будда засмеялся и сказал: «Раз ты можешь только разрушить и не можешь созидать, ты не должен разрушать, так как разрушать могут дети, тут нет никакой храбрости. Эту ветвь может отрезать ребенок, но чтобы присоединить ее, нужен Мастер. А если ты не можешь даже присоединить ветвь к дереву, как ты можешь отрезать человеческие головы? Думал ли ты когда-нибудь об этом?»

Ангулимала закрыл глаза, пал к ногам Будды и сказал: «Веди меня по этому пути!» И,

говорят, что в одно мгновение он стал Просветленным.

На следующий день он был уже бхиккху, нищим, нищим Будды, и просил подаяние в городе. Весь город попря-тался. Люди так боялись, они говорили: «Даже если он стал нищим, ему нельзя верить. Этот человек очень опа-сен!» На улицах не было людей. Когда Ангулимала приходил просить, никто не давал ему пищи, кто же хочет рисковать? Люди стояли на балконах, глядя вниз. А потом они стали швырять вниз камни ему на голову, ведь он убил тысячу человек из этой местности. Почти в каждой семье была жертва, вот они и бросали камни.

Ангулимала упал, кровь текла по всему телу, он был весь изранен. Подошел Будда с учениками и сказал: «Смотрите! Ангулимала, как ты себя чувствуешь?»

Ангулимала открыл глаза и сказал: «Я так тебе благодарен. Они могут убить мое тело, но они не могут меня коснуться — и это то, что я делал всю свою жизнь и никогда не понимал этого».

Будда сказал: «Ангулимала стал Просветленным, он стал брамином, знающим Брахму». Это может случиться в одно мгновение, если есть энергия. Если энергии нет, это трудно. Вся система Йоги — в том, как создать энер-гию, больше энергии. Вся динамика Тантры — в том, как создать в вас больше энергии, чтобы вы стали явлени-ем, подобным наводнению. Тогда вы можете стать хорошим или плохим.

Иисус говорит: «Одна из них заблудилась, то была наибольшая».

Только те, кто велики, кто — наилучшие, заблуждаются. Грешники — самые прекрасные люди в мире — ко-нечно, действующие неверно! Они могут стать святыми в любой момент. Святые — прекрасны, грешники — пре-красны; но люди, которые посередине — уродливы. Ведь импотенция — единственное уродство: когда вы вообще не имеете энергии, когда вы уже мертвая вещь, тело; кое-как волочите себя, или даете другим волочить себя.

Зачем же не делать наилучшее, зачем великое заблуждение? Здесь — тайна, которую нужно понять: процесс рос-та таков, что в начале вы должны достичь эго. Если вы не достигли кристаллизованного эго, вы никогда не смо-жете сдать. Как вы можете отречься от того, чего у вас нет? Богатый человек может раздать свое богатство, но что может сделать нищий? У него нечего раздавать. Великий ученый может делиться своим интеллектом, но что делать среднему человеку? Как он может делиться, когда у него нет ничего? Если у вас есть знание, вы можете отдать его и стать невежественным, скромным; но если у вас нет знаний, как вы можете отдать?

Сократ мог говорить: «Я ничего не знаю!» Это — вторая часть: он знал очень много, и тогда понял, что все знание бесполезно. Но это не может быть достигнуто личностью, которая не действовала, как Сократ. Интеллект должен быть обучен, знание должно быть получено, эго должно выкри-сталлизоваться; это первая часть жизни. Когда у вас есть богатства, тогда вы можете их раздать — это большая разница.

Нищий на улице и Будда на улице — оба нищие, но качества абсолютно различны. Будда — нищий по собст-венной воле. Его не принудили быть нищим, это — его свобода. Будда — нищий, так как он испробовал богатство и нашел его ненужным. Будда — нищий потому, что он жил страстями и нашел их ненужными, бесполезными. Будда — нищий, так как царство этого мира рухнуло. Так что нищенство Будды — это богатство, ни один царь настолько не богат, потому что он еще на полпути, а Будда завершил круг.

Но нищий, который никогда не был богат, также стоит на пути; его нищенство —

просто нищенство, так как он не знает вкуса богатства. Как он может раздать богатства, желания, которые не удовлетворены? Как он может говорить, что дворцы бесполезны? У него нет этого опыта. Как он может говорить, что прекрасные женщины ничего не стоят? Он не может этого сказать, потому что он не знает прекрасных женщин. Без опыта вы можете себя утешать, и многие бедные люди, бедные по-разному, это и делают.

Если у вас не было прекрасной жены, вы говорите: «Что с того? Тело — всего лишь тело, а тело смертно, и оно — добыча смерти». Но в глубине желание остается, и желание может уйти только тогда, когда будет опыт: иначе — это утешение. Бедный человек может утешать себя тем, что во дворцах ничего хорошего нет, но он знает, что есть; иначе, почему все сходят с ума по богатству? И сам он одержим и безумен: в своих снах он живет во дворцах и становится императором. Но днем, когда он нищий на улице, он говорит: «Я не беспокоюсь, мне все равно, я отрекся!» Это утешение — бесполезно, оно опасно, оно — фальшиво.

Первая часть жизни для правильно развивающегося человека — в том, чтобы достичь эго, и вторая часть — когда круг становится полным — отречься от него.

Ребенок растет только тогда, когда он сопротивляется своим родителям, когда он борется со своими родителями, когда он отдаляется от них, против них, он получает свое собственное эго. Если он вцепляется в своих родителей, следует за ними, он никогда не станет самостоятельной индивидуальностью. Он должен уйти в сторону — жизнь в этом и состоит. Он должен стать независимым, и в этом становлении независимым — боль. Это — борьба, а вы можете бороться, только если вы есть. И это — круг: если вы чувствуете, что вы есть, вы можете бороться больше, вас становится больше, вас — больше, вы чувствуете: «Я — есть». Ребенок достигает зрелости, когда он становится полностью независимым. Из-за независимости он становится заблудшим.

Грешник может искать независимости от общества, от матери, от отца — но он ищет независимости, а это неверный путь. Святой также ищет, независимости, но он на правильном пути. Пути различны, но неверный путь всегда легче. Стать святым — трудно, так что, чтобы стать святым, вы должны сначала быть грешником. Иначе ваша святость будет бедной, она не будет богатой, она будет плоской, бледной, она не будет живой; это будет летняя речка, а не разлившаяся река. «Одна из них заблудилась, то была наибольшая».

Насколько я знаю, слово «наибольшая» в овечьем мире имеет значение «наилучшая». Так как наибольшая овца — это наилучшая овца: она дает больше шерсти, больше жира, так что ее можно дороже продать, если вы ее продадите — вы больше получите. Большая овца — лучшая, меньшая — хуже. «Наибольшая» означает наилучшая, и наилучшая — заблудшая. Это — символика.

«Пастух... оставил девяносто девять...» — они не имели ценности.

Почему Иисус всегда избирает пастуха и овцу? Это — очень значительно, его символика полна значения: вся толпа средних умов подобна овцам, они живут в толпе. Посмотрите на овец, идущих по дороге: они идут так, буд-то у них коллективный разум, а не как независимые существа — жмутся друг к другу, теснятся, боятся идти по одиночке. Они идут в толпе.

Я слышал, один школьный учитель спрашивал маленького мальчика, отец которого был пастухом: «Если было десять овец, и одна перескочила через ограду, сколько овец останется?» Мальчик сказал: «Ни одной!» Учитель сказал: «Что ты говоришь? Я дал тебе арифметическую задачу. Десять овец было, одна выпрыгнула, сколько осталось?»

Мальчик сказал: «Вы, может быть, знаете арифметику, но я знаю овец — ни одной!» Потому что у овец — кол-лективный разум, они идут, как толпа: если прыгнет одна — они прыгнут все. Пастух оставил остальных девяно-сто девять овец и пошел искать одну, заблудшую.

Иисус всегда говорит, что Бог будет искать грешника, а не среднего. Средний класс не имеет цены, он не за-служивает большой цены. И более того, он — всегда на пути, так что нет нужды его искать, нет нужды его разы-скивать; он и не может заблудиться. Вот почему пастух оставил девяносто девять овец в лесу темной ночью, и пошел искать ту, что заблудилась. Потому что эта одна — стала индивидуальностью, эта одна достигла эго; другие девяносто девять были без эго, они были толпой.

Взгляните на все ваше существо: вы все еще толпа? Или вы стали эго? Если вы стали эго, тогда Бог — в пойс-ках вас, так как вы — ценны, вас нужно искать, вас надо найти. Вы прошли половину круга, и теперь может быть побеждена другая часть; теперь другая половина может быть достигнута через Бога. Только вы можете до-биться первой половины, другая половина будет закончена Божественным. Когда у вас есть эго, тогда как-то, в какой-то форме Бог — в поисках вас, так как вы сделали свою часть, вы стали индивидуальностью. Теперь, если вы потеряете индивидуальность, вы станете универсальным.

В этом разница: до индивидуальности вы просто толпа, вы не универсальны, вы лишь обычная толпа. Потом вы достигаете индивидуальности, вы становитесь заблудшим, вы становитесь независимым, вы становитесь эго — и тогда, когда вы теряете это эго, вы становитесь Океаном, вы становитесь Целым.

Сейчас вы не таковы, так что вы не можете стать Целым. Сейчас существует толпа, вы — только номера в толпе. Это хорошо делают в армии: дают солдатам номера: один, два, три, четыре — никаких имен; так как у вас действительно нет никакого имени, вы не заслужили его. Вы — лишь номер один, два, три... Так что, когда сол-дат умирает, можно записать на доске, что такие-то и такие-то номера пали. Они — номера, а номера можно вос-полнить. Когда пал номер один, его можно заменить другим, и тот становится «номером один». В армии — овцы, и армия — совершенное общество, совершенное муравейникоподобное общество, толпа. Если вы хотите узнать ум толпы, посмотрите на армию: они должны вас полностью дисциплинировать таким образом, чтобы вы поте-ряли всю свою независимость. Приказ есть приказ, вам нечего его обдумывать. Они командуют: «Напра-во!», и вы поворачиваете направо. И это становится очень глубоким.

Я слышал, что жена одного полковника была очень расстроена, потому что когда полковник спал на левом боку, он храпел. И для нее это было невыносимо, так как это был необычный храп — полковничий храп. Это бы-ло нечто вроде рычания, так что спать было невозможно. Но когда он спал на правом боку, он не храпел. Вот она и пошла к психоаналитику и спросила об этом. Он сказал: «Это просто. Когда он храпит, переворачивайте его на правый бок».

Она сказала: «Это трудно! Он тяжелый человек, и потом, он сердится. Если я его трясу и бужу, он начинает сердиться; и это случается так много раз за ночь, что вся моя ночь уйдет на это». Психоаналитик сказал: «Не бес-покойтесь, просто шепните ему на ухо: „Напра-во! — и это сработает“... И это сработало! Приказ есть приказ — он воспринимается глубоко бессознательно».

Общество существует как толпа, вы можете его немедленно превратить в армию, безо всяких проблем. Вот почему Гитлер добился успеха в превращении всей страны в военный

лагерь. И Мао был также успешен в пре-вращении целой страны в военный лагерь. Общество живет на грани; вы можете включить его немедленно: не-много дисциплины, и общество превращается в военный лагерь. Здесь нет индивидуальности, так как она не нужна, вы не сможете самоутвердиться. Это — подобная стаду овец толпа, подобный овцам разум.

Имеете ли Вы ваше собственное сознание? Или вы просто живете, как часть общества, в котором вы роди-лись? Вы — индуист, мусульманин, христианин, сикх, джайн — но человек ли вы? Вы не можете сказать, что вы — человек, так как у человека нет общества. Сократ — человек, Иисус — человек, Нанак — человек — но не вы! Вы — принадлежите, а человек никогда не принадлежит, он стоит на собственных ногах. Вот что говорит Иисус: «Луч-шая заблудится, — и когда лучшая заблудится — „Пастух... оставил девяносто девять и искал ту одну, пока не нашел ее“. Вы молитесь Богу, но он не ищет вас, вот почему вы его утрачиваете. Сначала станьте самим собой, тогда Он будет вас искать. Ненужно искать Бога — и как вы можете искать Его? Вы не знаете адреса, вы не знае-те Его местопребывания. Вы знаете только бессмысленные слова и теории, они не помогут.

Я слышал, что один священник приехал в незнакомый город. Такси бастовали, а ему нужно было добраться до церкви, потому что он должен был произнести проповедь этим вечером. Вот он и спросил маленького мальчика, где церковь. И мальчик отвел его туда. Когда они пришли к церкви, он поблагодарил мальчика и сказал ему: «Я очень тебе благодарен за то, что ты помог мне — ты не только показал, ты и привел меня. Если ты вообще инте-ресуешься знанием, где находится Бог, приходи этим вечером на мою проповедь. Я буду говорить о пути нахожде-ния Божественного».

Мальчик засмеялся и сказал: «Ты не знаешь пути к церкви, как ты можешь знать путь к Божественному? Я не приду».

Но я говорю вам, даже если вы знаете дорогу в церковь, это не поможет. Каждый знает дорогу в церковь, но это ничего не дает, так как церковь — не его местопребывание, она никогда им не была. Вы не можете Его искать, так как, вы не знаете Его. Он может вас искать, так как Он вас знает — и это одно из основных учений Христа: такой человек не может достичь Божественного, но Божественное может достичь человека. И Он всегда достига-ет, если вы готовы.

Так что вопрос не в том, чтобы искать Его, вопрос в том, чтобы быть готовыми ждать. И первая готовность — это стать личностью, «заблудиться». Первое — в том, чтобы быть бунтующим, так как только тогда вы достигнете эго. Первое — в том, чтобы выйти из толпы — вот что означает стать заблудшим: выйти за пределы причесан-ных, оформленных, ограниченных взглядов общества. Потому что за этим — дикая местность, за этим существу-ет безбрежность Бога.

Общество — лишь поляна в лесу. Она не реальна, она создана человеком. Все ваши законы созданы челове-ком; все, что вы называете добродетелью, все, что вы называете грехом, всего лишь создание человека. В дейст-вительности вы не знаете, в чем состоит добродетель. Это слово «добродетель» в греческом оригинале прекрасно, слово это по-гречески означает «сильный», оно не значит «хороший», оно означает «мужественный», оно означает «сильный».

Будьте сильны, утвердите себя, стойте на своем! Не становитесь жертвой толпы! Начните думать, станьте са-мим собой! И следуйте по своему одинокому пути — не будьте овцой! Можно оставить девяносто девять овец в лесу — о них нет никакого беспокойства, они не потеряются, так как они жмутся друг к другу, так что их можно найти в любой

момент. Вопрос не в них, а в одной, лучшей, которая оставила загон. Если овца оставила загон, это значит, что в ней — сила, овца не боится леса, диких зверей, овца стала бесстрашной — только тогда она может оставить загон. А бесстрашие — первый шаг, чтобы быть готовым. Это — первый шаг к тому, чтобы отказаться. Это выглядит абсолютно парадоксально. Вы подумаете, что я — сумасшедший, так как вы думаете, что нужна скромность. Я говорю — нет! Сначала нужно это, иначе ваша скромность будет фальшивой. Сначала нужно это, острое, как меч. Оно даст вам ясность бытия, направленность, а потом вы можете его отринуть; когда вы имеете его, вы можете его отринуть. Тогда приходит скромность, и эта скромность — совершенно иная; это не скромность бедняка, это не скромность слабого — это скромность сильного, это скромность мощи. Тогда вы можете сдаться, но не ранее.

«Он оставил девяносто девять и искал эту одну, пока не нашел ее».

И помните, что вам не нужно искать Бога, он придет к вам. Лишь станьте ценным, и он найдет вас, он должен открыть перед вами путь. В тот момент, когда кто-то кристаллизован, вся божественная энергия устремляется к нему. Он может добраться до вас, как Просветленный человек, как Мастер, как гуру. Он может добраться до вас... миллионами путей. Но как Он доберется до вас, не имеет значения — Он позаботится об этом, это не ваша забота. Сперва достигните этого, будьте готовы, станьте личностью, и тогда универсальное может произойти с вами. Утомившись, он сказал овце: «Я люблю тебя больше остальных девяносто девяти». Того, кто стал бунтующим, Бог любит больше. Священники скажут: «Что за чепуха! Заблудшего Бог любит больше?» Жрецы не могут этому поверить, но это так. Иисус — потерянная овца. Будда — потерянная овца, Махавира — потерянная овца. Толпа движется в своей посредственности, в то время как Махавиру, Будду и Христа ищут — Бог стремится к ним. Это произошло под деревом бодхи, где сидел Будда, совершенно обособленно, разбивший цепи общества, культуры, религии; все цепи разбиты, совершенно один. Тогда Бог устремился отовсюду, со всех сторон, так как Он — повсюду, и Будда стал Богом. А он отрицал, что Бог есть, так как это — один из путей заблудиться. Он говорил: «Нет никакого Бога, я не верю ни в какого Бога». Он говорил, что нет общества, нет религии. Он отрицал Веды, он отрицал кастовую систему — браминов, шудр. Он отрицал всю индуистскую структуру мышления. Он говорил: «Я не индуист, я не принадлежу ни к какому обществу, и я не верю ни в какие теории. До того, как я узнаю истину, я не верю ни во что!» Он отрицал, и пришел момент, когда он был одинок, и не был связан ни с чем, все совершенно разбито. Он стал островом, совершенно одиноким. Под этим деревом бодхи, двадцать пять столетий назад, Бог устремился отовсюду к этому человеку, к этой заблудшей овце... И он сказал овце: «Я люблю тебя больше, чем девяносто девять». Это было также сказано и Иисусу, так бывало всегда, это фундаментальный закон. Бог ищет человека, не человек — Бога, человек просто должен быть готов. А как быть готовым? Станьте личностью! Будьте революционны! Выйдите из общества, будьте бесстрашны, разбейте все цепи, все отношения! Будьте одиноким и существовайте, как если бы вы были центром мира. Тогда Бог устремится к вам, и ваше это исчезнет, остров исчезнет в Океане — внезапно вас больше нет. Вначале должно быть отринуту общество — и это внутренняя механика — потому что ваше это существует только в обществе. Если вы отбрасываете общество, придет момент, когда это станет одиноким, так как общество отринуту. Но тогда, без общества, это не может существовать, так как общество помогает вам существовать как это. Если вы отвергаете общество, все более отвергается основа. Когда

нет «ты», «я» не может существовать. В конце «я» исчезает, так как «ты» отброшено. Когда нет «ты», нет «я». Но отбросьте «ты» сначала, тогда «я» станет острым, кристаллизованным, центриро-ванным, прекрасным, сильным. Тогда оно поглощено — это скачок Божественного. Иисус был распят за эти слова. Он делал людей бунтующими, он учил их быть заблудшими. Он говорил, что Бог любит того, кто заблуждается: грешника, бунтаря, эгоиста. Иудеи не могли этого терпеть, это было уж слишком. Этот человек должен был замолчать. Этот человек должен быть остановлен — он заходит слишком далеко, он разрушит все общество. Он создавал ситуацию, в которой жрецы были не способны выстоять, Церковь распалась бы. Он был против толпы, и толпа — это все вокруг вас — запаниковала. Они думали: «Этот человек — враг, он разрушает саму основу. Как мы сможем жить без толпы?» Если учить овец быть заблудшими, они еще больше собьются в кучу. И если вы учите их, они отомстят, они убьют вас, они скажут: «Хватит с нас!» Мы живем в толпе, мы — часть толпы. Одинокими мы существовать не можем. Мы не знаем, как быть одинокими, мы всегда существуем с другими. Другой — нужен, он обязателен. Без другого — кто вы такой? Ваша идентичность исчезает. В этом проблема: де-вяносто девять овец создают все религии, а истинная Религия случается только для одной, заблудшей. Будьте отважны! Выйдите за поляну, идите в дикость! Жизнь — там, и только там вы вырастите. Там может быть страдание, так как нет роста без желания. Там может быть крест, распятие, так как нет завершенности без распятия. Общество может мстить — примите это. Это должно быть, так как, когда заблудшая овца возвращается назад, де-вяносто девять скажут: «Это грешник! Это заблудшая овца, это не часть нас, ей не место среди нас!» И те девяно-сто девять овец совершенно не способны будут постичь, почему пастух несет эту овцу на своих плечах; но это по-терянная овца, и она теперь найдена. Иисус говорит, что пастух вернется домой и устроит пир, потому что овца потерялась и овца нашлась. Иисус говорит, что когда грешник вступает в рай, там веселятся, так как овца поте-рялась, вот теперь овца нашлась!

Изречение седьмое...

*Иисус сказал:
Царство Отца подобно торговцу,
Имеющему товары,
Который нашел жемчужину.
Этот торговец — мудрый.
Он продал все товары
И купил себе эту жемчужину.
Вы также ищите его
Сокровище безупречное, нетленное
Которое никакая моль не пожрет
И никакой червь не источит.*

Если ваш взор обращен вовне, мир предстает множественным, если смотрите вовнутрь, мир — единое. Если вы движетесь к наружному, можете многого достичь, но потерять Единое. А именно Единое есть Центр — если потеряли его, то потеряли все.

Можно достигнуть многого, но, в конечном счете, это многое немного стоит, так как если человек не постиг себя, он не достиг ничего. Если вы знаете себя, даже целый мир не наполнит вас. Если вы не углубляетесь в собственность бытия, все приобретения сделают вас только беднее. Это происходит так: чем больше у вас богатств, тем более вы чувствуете себя нищим, потому что теперь вы можете сравнивать, и ваши собственные богатства, при этом сравнении, кажутся все беднее и беднее. Отсюда парадокс богача: чем богаче он становится, тем беднее он себя чувствует; чем больше у него есть, тем сильнее его голод — так как внутреннюю пустоту не наполнишь внешними вещами. Внешние вещи не могут войти в вашу сущность.

Внутреннее бытие может быть заполнено только постижением себя, только познанием сущности. Ясно отличайте: внешний мир — мир множественности, но Единое отсутствует в нем, — а именно Единое является целью. Единое находится в вас, поэтому вы теряете Его, когда ищите вовне. Ничто не может помочь; что бы вы не делали, вас ждет неудача. Ум непрерывно твердит: «Добейся этого! Тогда ты будешь наполнен». Когда вы добиваетесь этого, ум снова говорит: «Добейся чего-то еще! Тогда ты будешь доволен». Разум скажет: «Если ты не добился успеха, значит, ты не приложил достаточно усилий. Если ты не успел, значит, ты бежал недостаточно быстро». И если вы прислушиваетесь к логике ума, который кажется логичным, но таковым не является — вы будете продолжать бежать и бежать, и в конце ... вас ничего не ждет, кроме смерти.

Множественное — это царство смерти, Единое — область бессмертия. Поиск должен быть направлен не на внешние объекты, а на ваше представление о себе, вы должны обратиться внутрь себя. Нужна конверсия, поворот, так, чтобы глаза, которые смотрели наружу, стали смотреть вовнутрь. Но как это случится? Если вы не разочарованы в мире окончательно, это не может случиться; если остались хотя бы слабые надежды, вы будете продолжать двигаться. Провал должен быть полным, и после всех неудач, начинается новое путешествие. Чем скорее вы потерпите неудачу во внешнем мире, тем лучше; чем скорее вы полностью разочаруетесь, тем лучше — потому что провал во внешнем мире, становится

первым шагом к внутреннему.

До того, как приступить к притче Иисуса, нужно еще во многом разобраться: кто мудрец? Тот, кто готов все оставить ради Единого. А кто глупец? Тот, кто забросил себя и приобрел материальные блага; тот, кто предал Мастера, и заполнил его дом бесполезным хламом.

Как-то, случилась следующая история: приятель Муллы Насреддина стал очень богатым. А когда человек становится богатым, ему хочется вернуться к прежним друзьям, соседям, в родную деревню, чтобы показать, чего он добился. Итак, он отправился из столицы в свою маленькую деревушку; прямо на станции он встретился с Муллой Насреддином и сказал:

«Насреддин, ты уже знаешь? Я таки добился своего. Я стал очень богатым, ты не представляешь, насколько. Я владеец дома на пятьсот комнат, это просто дворец!»

Мулла Насреддин сказал: «Я знаю нескольких человек, владеющих домами на пятьсот комнат».

Приятель сказал: «У меня есть две площадки для гольфа на восемнадцать лунок, три плавательных бассейна и оранжереи огромной площади».

Насреддин ответил: «Я знаю одного парня в другом городе, у него тоже есть два корта и три бассейна».

Богач сказал: «В доме?»

Насреддин ответил: «Слушай, у тебя, может быть, много денег, но я тоже неплохо устроился: у меня есть ослы, лошади, свиньи, буйволы, коровы, цыплята».

Тут его собеседник стал хохотать, говоря: «Насреддин, масса людей имеют ослов, лошадей, коров, цыплят...»

Насреддин прервал его, спросив: «В доме?»

Но чем бы вы ни владели — площадкой для гольфа на восемнадцать лунок, или тремя бассейнами, или пять-юстами комнатами, или ослами, лошадьми, коровами — что бы вы ни приобрели внешнего, оно не сделает вас богатым, ибо в действительности дом остается пустым, вы остаетесь пустым. Ничто не попадает в дом, эти вещи остаются извне, потому что они принадлежат внешнему, им нет пути вовнутрь. Внутри вас нищета. Будь она снаружи, у вас хоть здесь, не было бы проблем.

Если вы ощущаете наружную бедность, вы можете избавиться от нее, приобретая дома, машины, лошадей или что-то еще. Но если вы чувствуете внутреннюю пустоту — вы чувствуете бессмысленность внутри. Беспокойство порождается не тем, что у вас нет большого дома, а тем, что в глубине себя вы чувствуете полную бессмысленность. Зачем вы существуете? Зачем это полное беспокойств существование? Зачем жить? Куда все это ведет? Каждое утро вы встаете, чтобы идти — и некуда идти. Каждое утро вы одеваетесь, но вечером вы видите: ничто не достигнуто, никакие цели не выполнены. Вновь вы ложитесь спать, вновь с утра отправляетесь в путь — совершенно бессмысленное времяпрепровождение! Внутри себя вы продолжаете чувствовать пустоту, там ничего нет. С помощью внешних вещей, в лучшем случае, вы можете обмануть других, не себя. Себя не обманешь.

Чем больше вещей собрано, тем больше жизни потеряно, потому что вещи приобретаются ценой жизни. Жить вам осталось немного, смерть приближается, вещей все больше и больше, гора барахла растет все больше, а внутри вы усыхаете. Тогда приходит страх: «Чего я добиваюсь, чего достиг? Что я сделал со своей единственной жизнью?»

И вы не можете возвратиться вспять, потерянное время нельзя вернуть, пути назад нет. Вы не можете ничего изменить, не можете сказать:

«Виноват, начну сначала...» — это невозможно. Итак, чем старше вы становитесь, тем вы печальнее. Эта печаль не вызвана физическим возрастом, она — из-за того, что вы теперь понимаете, что вы себе сделали: у вас есть дом, вы добились успеха, вы богаты, вы достигли престижа в глазах других — но как насчет ваших собственных глаз?

Теперь вы чувствуете боль, страдание от потраченной жизни, от утерянного времени. Смерть подходит все ближе и ближе, и вскоре вы исчезнете с пустыми руками. Эта пустота — внутренняя, вы не сможете наполнить ее ничем из того, что вы можете получить в мире; вы ее наполните, только обретя самого себя. Отсюда и утверждение Иисуса, что даже верблюд может пройти через игольное ушко, но человек, который богат, не сможет пройти через врата Рая. Почему? Что не так с богачом?

С богачом — человеком все нормально. Важно то, что тот, кто потратил свою жизнь на накопление вещей мира — вот что понимается под богатым человеком — не сможет войти в Царство Бога, так как туда войдет только тот, кто достиг внутреннего. Богач не сможет достичь врат Рая. Он не сможет войти, так как он будет слишком растраченным, гнилым, развалившимся. Он не сможет танцевать у дверей, не сможет петь. Он не сможет войти с тем, чего он достиг в своей жизни. Он вырван с корнем: он многим обладает, но он никогда не обладал собой — а этой есть нищета.

Если вы овладеете собой, вы богаты, действительно богаты. Если вы овладеете собой, вы можете быть императором, но вы — бедняк.

Второе, что нужно понять — это то, почему мы продолжаем, накапливая вещи. Истина так ясна, но мы все же продолжаем этим заниматься. Никто не слушает Иисуса или Будду, а даже если вы слушаете, даже если вы чувствуете, что понимаете, вы никогда этому не следуете. У этого должна быть очень глубокая причина. Итак, Будда и Иисус отвергаются, вы продолжаете следовать своему пути. Иногда, возникает сомнение, но это — все; вы вновь возвращаетесь на свой путь. Должно быть нечто глубоко укорененное, что не могут потрясти ни Будда, ни Иисус, чего они не могут искоренить. В чем же глубокий корень этого? Мы существуем в глазах других; наша идентичность состоит из мнений других; глаза других — это зеркала, мы смотрим на себя глазами других. В этом и загвоздка, проблема — так как другие не могут видеть, вашу внутреннюю сущность. Ваша внутренняя сущность не может быть отражена вообще, ни в каком зеркале. Может быть отражено только ваше внешнее, отражение есть только у внешнего, у физического. Даже если вы стоите перед наилучшим зеркалом — будет отражена лишь физическая часть вас. Ни один глаз не может отразить вашу внутреннюю сущность.

Так что глаза других отражают ваши богатства, ваши достижения в мире, ваши одежды; они не могут отразить вас. А когда вы видите, что другие думают, что вы бедны — что означает, что у вас нет хорошей одежды, хорошего дома, хорошей машины — вы начинаете стремиться к этим вещам. Вы копите вещи только, чтобы увидеть, что вы богаты в глазах других. Тогда глаза других начинают отражать то, что вы становитесь богаче, вы добиваетесь власти и престижа. Ваша идентичность состоит из вашего отражения, но другие могут отражать только вещи — они не могут отразить вас. Итак, медитация очень и очень необходима.

Медитация означает, закрывать ваши глаза, не смотреть на отражение, а смотреть на вашу внутреннюю сущность. Иначе, вы весь день заняты другими. Ночью — тоже, когда вы

спите, даже когда вы бессознательны в глубоком сне, вы вновь заняты другими во снах. Постоянно жить с другими — это проблема: вы рождены в обществе, вы умираете в обществе — все ваше бытие состоит из общественного. А общество означает глаза повсюду.

Что бы эти глаза ни отражали, они вас впечатляют. Если каждый говорит, что вы — хороший человек, вы начинаете чувствовать себя хорошо. Если каждый думает, что вы — плохой человек, вы начинаете чувствовать себя плохо. Если любой говорит, что вы больны, вы начинаете чувствовать себя больным. Ваша идентичность зависит от других, это гипноз со стороны других. Стремитесь к одиночеству — живите с другими, но не изнуряйте себя другими.

Хотя бы на один час в день просто закрывайте глаза. Закрывание глаз означает, что вы закрыты для общества, никакого общества не существует, только вы, так что вы можете видеть себя непосредственно, лицом к лицу. Раз в году, поезжайте на несколько дней в горы, в пустыню, где никого нет, только вы, и наблюдайте себя таким, каким вы есть. Иначе постоянная жизнь с другими создаст в вас гипноз. Этот гипноз является причиной, почему другие продолжают влиять на вас, впечатлять вас. Истинное не в том, как жить богатой жизнью, истинное в том, как произвести на других впечатление, что вы богаты — но это совершенно разные вещи.

На других производит впечатление то, чем вы обладаете, они никогда не впечатляются вами. Если вы встретите Александра Великого в рубище нищего, вы его не узнаете, но если вы встретите нищего, который всегда попрошайничал на улице, сидящим на троне, как Александр, вы упадете к его ногам, вы его узнаете!

Однажды случилось так: великий поэт урду, Галиб, был приглашен на обед к императору. Было приглашено много людей, почти пятьсот человек. Галиб был бедняком, поэту очень трудно быть богатым — богатым в глазах других.

Друзья настаивали: «Галиб, ты можешь занять одежду, обувь и хороший зонтик, так как, твой зонтик такой ветхий, твоя одежда почти износилась. В этой одежде и обуви так много дыр, что ты выглядишь не лучшим образом».

Но Галиб сказал: «Если я что-нибудь займу, я буду себя чувствовать не наилучшим образом, ведь я никогда ни у кого не занимал — я жил на собственные средства, я жил всегда по-своему. Разбить образ всей своей жизни из-за какого-то обеда — нехорошо».

Итак, он пошел ко двору императора в своей собственной одежде. Когда он предъявил пригласительную карточку стражнику, тот посмотрел на него, засмеялся и сказал: «Где ты это украл? Беги отсюда немедленно. Иначе тебя схватят».

Галиб не мог этому поверить. Он сказал: «Меня пригласили. Пойди и спроси императора».

Стражник сказал: «Каждый нищий думает, что его пригласили. И ты — не первый, до тебя уже многие стучали в дверь. Беги отсюда! Не стой здесь, потому что, вскоре начнут прибывать гости».

Вот Галиб и ушел. Его друзья знали, что так и произойдет, так что они достали халат и какие-то туфли и зонтик — взятые займы вещи. Тогда он надел их на себя и вернулся. Стражник поклонился и сказал:

«Входите».

Галиб был очень известным поэтом, и император любил его стихи, так что ему разрешили сесть рядом с самим императором. Когда начался праздник, Галиб сделал очень странную вещь, император подумал, что он сошел с ума: он начал кормить свой халат,

говоря: «Ешь, мой халат! Ведь в действительности впустили тебя, а не меня».

Император сказал: «Что ты делаешь, Галиб? Ты сошел с ума?»

Галиб сказал: «Нет, я уже приходил сюда раньше, но меня не впустили. Теперь пришел этот халат — я просто с ним, так как, он не может прийти сам — иначе, я бы не смог прийти».

Но это происходит с любим: не вас, но ваш халат узнают другие; вот вы и продолжаете украшать ваш халат, одевать себя.

Медитация нужна для того, чтобы дать вам отдых от других, от глаз других, от зеркала других. Забудьте их! В течение нескольких минут просто глядите внутрь — тогда вы почувствуете внутреннюю боль и страдание почувствуете, что вы пусты внутри. Тогда начинается преображение: тогда вы начинаете искать внутренние богатства, сокровище, которое существует в вас — а не сокровища, которые вокруг.

Много этих богатств снаружи, только одно сокровище внутри. Много измерений и направлений вовне и лишь одно — это цель внутри.

Иисус сказал: «Царство Отца подобно торговцу, имеющему товары, который нашел жемчужину».

«Этот торговец — мудрый. Он продал все товары и купил себе эту жемчужину». История такова: один человек уехал в дальнюю страну, чтобы заработать денег. Он заработал много, он собрал большие богатства, но в последний момент он наткнулся на жемчужину. Он совершил обмен: он продал все богатство и купил одну жемчужину. Когда он возвращался домой, произошло крушение, и корабль затонул. Но с одной жемчужиной он смог добраться до берега и достичь дома со всем своим сокровищем.

Это история, которую имеет в виду Иисус: тот человек купил одно за многое, так что, когда корабль утонул, ничего не было потеряно. Одно можно спасти, но не многое. Когда приходит смерть, и ваш корабль тонет, если у вас есть одна жемчужина, вы будете в состоянии перенести ее на другой берег; но если у вас много вещей, вы не будете способны перенести их. Жемчужину можно перевезти, но как можно перевезти многие богатства?

Иисус сказал: «Царство Отца подобно торговцу, имеющему товары, который нашел жемчужину. Этот торговец — мудрый».

Он был мудр, так как глупо продать одно и купить многое. Это мудрость: продать многое и купить одно. Жемчужина — это символ Единого, внутреннего.

«Этот торговец — мудрый. Он продал все товары и купил себе эту жемчужину. Вы так же ищите его сокровище безупречное, нетленное, которое никакая моль не пожрет и никакой червь не источит».

Тогда будьте как тот купец, благоразумный, мудрый. Что бы вы не получили в этом мире, у вас отберут. Наблюдали ли вы, что в действительности, вы ничем не можете владеть в этом мире? Вы просто думаете, что владеете — но вещь будет здесь, когда вас не будет, кто-то еще будет ею владеть. Вас уже скоро здесь не будет, но вещь останется кому-то. Ваше обладание — как сон: иногда он есть, иногда его нет.

Случилось так: был царь, Ибрахим. Однажды ночью он услышал шум на крыше, кто-то там ходил. Вот он и спросил: «Кто там?»

Человек сказал: «Не волнуйся — потерялся мой верблюд, и я его ищу». На крыше дворца потерялся верблюд».

Ибрахим рассмеялся и сказал: «Ты безумец! Слезай оттуда! Верблюды никогда не теряются на крышах дворцов. Иди домой!»

Но потом он не мог спать, так как он был человеком размышляющим. Он подумал: «Может быть, этот чело-век не безумец, может, он говорил нечто символическое; может быть, он — великий мистик, когда он сказал:

«Не волнуйся», — у него был такой голос, в нем было столько понимания и молчания. Голос был так музыка-лен и гармоничен, у безумца не может быть такого. И когда он сказал: «Мой верблюд потерялся, и я его ищу», — голос был таким проникновенным. Он, казалось, указывал на что-то... Этого человека завтра утром нужно най-ти. Я должен увидеть, кто это такой: безумец он или безумец Божий; был ли он на крыше из-за своего безумия, или он был послан именно ко мне, чтобы передать мне послание».

Всю ночь царь не мог спать. Утром он сказал своим придворным, пойти и найти этого человека, обладателя такого голоса. Но обыскали всю столицу, а найти не смогли, ибо как найти человека лишь по тону его голоса? Трудно!

Потом в полдень у двери поднялся шум. Появился факир, нищий, который сказал стражнику: «Позволь мне войти, так как, я хочу остановиться на несколько дней в этом караван-сараяе, на этом постоялом дворе».

Стражник возразил: «Это не постоянный двор, не караван-сарай, это — царский дворец, резиденция царя!» Но факир сказал: «Нет! Я очень хорошо знаю, что это постоянный двор: странники приходят сюда, остаются на неко-торое время и уходят. Никто здесь не живет, так что, дай мне войти; я поговорю с царем, который, похоже, глу-пый человек». Это было услышано, и факира впустили. Царь был очень разгневан и сказал: «Что ты говоришь?» Человек сказал: «Слушай! Я уже приходил сюда как-то, но тогда на троне сидел кто-то другой. И он был таким же глупцом, как и ты, ибо он думал, что это его резиденция, а теперь ты думаешь, что это твоя резиденция!»

Царь сказал: «Не говори глупостей! И не веди себя так дико — это был мой отец, теперь он умер».

Факир сказал: «И я говорю тебе, что я приду снова, и я не найду тебя здесь. Здесь будет кто-то еще. Это будет твой сын, и он скажет, что это его резиденция. Что это еще за резиденция?! Люди приходят и уходят — я называю такое — постоянным двором».

Его голос был знакомым. Царь сказал: «Тогда, не ты ли тот безумец, который искал верблюда на крыше?!»

Факир ответил: «Да, я — безумец, как и ты, ведь если ты здесь ищешь истину, ты ищешь верблюда на кры-ше!» Царь сошел с трона и сказал факиру: «Ты оставайся в этом караван-сараяе, а я уйду, я оставался здесь, веря, что это резиденция, дом. Если это не так, тогда я уйду, я должен идти и искать дом, пока не поздно!»

Ибрахим сам стал мистиком. И когда он уже был известен, уже был реализованным человеком, он жил за сте-нами столицы, его собственной столицы. Когда-то это было его владение, теперь это был просто караван-сарай, он жил вне него. И люди могли прийти и спросить: «Где басти? „Басти“ означает „город“. Но слово прекрасно, это слово означает „место, где располагаются люди“. Но Ибрахим указывал им на кладбище. Он говорил: «Идите направо, и вы попадете в басти.

Люди уходили, а позже они возвращались весьма сердитые и говорили:

«Что ты за человек? Мы спрашивали о басти, городе, где живут люди — а ты послал нас на кладбище!»

Ибрахим смеялся и говорил: «Похоже, мы по-разному пользуемся словами: ведь на кладбище, коль мы там по-селились, мы живем вечно. Это — настоящее басти, постоянная

резиденция, адрес которой никогда не меняется, так как вы там навсегда. Так что, вы не спрашиваете о настоящем бастии, когда спрашиваете об этом городе, который является кладбищем, так как, люди здесь стоят в очереди, чтобы умереть».

«Кому-то время пришло сегодня, кому-то завтра придет — но каждый ждет лишь смерти! И вы называете это бастии. Вы называете это местом, где живут люди? Я называю его маргхат, кладбище, где люди просто ждут смерти, где ничего, кроме смерти, не существует».

Если существует жизнь, она — не что иное, как ожидание смерти, а как жизнь, может быть ожиданием смерти? Как может быть жизнь моментальной? Как может быть жизнь подобной сну? Она была — и вот она ушла и ее нет! Жизнь должна быть чем-то вечным. Но если вы ищете Вечного, тогда будьте подобны благоразумному купцу: продайте все, что у вас есть! Продайте это и купите Единое, единственную жемчужину вашей внутренней сущности, которая не может утонуть, которую нельзя отобрать — так как жемчужина — это вы. Вы можете владеть только собой, ничем больше вы, в действительности, обладать не можете.

Вы можете жить в иллюзии — это другое дело. Вы можете жить в иллюзии, что вы владеете этим домом, этой женой, этим мужем, этими детьми, но это — иллюзия; раньше или позже, сон развеется. Вы можете владеть только собой, так как, это никуда не уйдет. Сущность — постоянна, вечна. Она ваша. Ее нельзя у вас забрать.

В этом различие между мирским и религиозным поиском: религиозный поиск означает — искать вечное, мирской поиск означает — искать временное. Мир существует во времени, а религия — в безвременье. Наблюдайте ясный факт: когда вы закрываете глаза и мыслей нет, нет и времени; когда вы закрываете глаза и мысли исчезают, времени нет тоже. Когда есть мысли, есть и время; когда есть вещи, тогда есть время. Вокруг вас существует время, океан времени. Внутри вас существует вечность, отсутствие времени. Вот почему все Реализованные говорят, что когда вы превзошли время, когда вы вышли за пределы времени, тогда вы достигли себя, тогда вы пришли домой.

Однажды случилось так: один человек работал на фабрике. Он был очень беден и ездил на фабрику на своем осле. Но он всегда опаздывал с возвращением домой, и его жена очень сердилась. Однажды он ей сказал: «Попробуй понять мою проблему: когда дают гудок к окончанию смены, этот осел настолько к нему привык, что если я опаздываю всего на две-три секунды, он бежит домой без меня. И это такая спешка! Каждый хочет немедленно оставить фабрику, так что, когда я выбираюсь за ворота, осел уже убежал! Он ждет, самое большее, несколько секунд. Если за это время я вскочу на него, все в порядке; иначе, он убегает без меня и приходится возвращаться пешком. В этом-то вся и беда!» Он думал, что это ему поможет, и спросил жену: «Ты поняла мораль этой истории?»

Жена сказала: «Я поняла ее очень хорошо? Даже осел знает, когда пришло время возвращаться домой!»

Даже осел знает, когда пришло время возвращаться домой, но вы еще не осознали, где ваш дом и когда в него возвращаться. Вы продолжаете бродить, вы продолжаете стучать в дома других; вы полностью забыли, где ваш дом. Так что если вы беспокойны, в этом нет ничего странного. Если вы чувствуете беспокойство всегда и везде, в этом нет ничего странного. Вы продолжаете странствовать из одного угла мира в другой. Откуда это безумие — ходить из одного города в другой? Что вы ищете? Когда кто-то может себе это позволить, он путешествует. Люди работают и собирают деньги лишь, для того, чтобы

поездить по миру — зачем? Чего вы хотите достичь?

Я слышал, что однажды один американский охотник за приключениями смотрел на греческий вулкан, прямо в кратер. Потом он сказал гиду:

«Господи! Это выглядит, как ад!»

Гид сказал: «Вы, американцы! Вы были повсюду! Вы путешествуете даже в ад, если можете себе это позволить!»

Но почему существует это беспокойство? Почему человек, глубоко внутри, бродяга? Потому что ваш дом утрачен, и вы его ищете. Направление поисков может быть неправильным, но беспокойство показательно. Где бы вы ни были — это не ваш дом, в этом и проблема. Вот вы и продолжаете его искать, в поисках его вы можете пойти даже в ад, но вы не найдете его нигде, так как, ваш дом — в вас. А даже осел знает, когда пришло время возвращаться!

Это время уже пришло, вы ждали достаточно. Не ищите его в вещах, не ищите его в других, не ищите его сна-ружи — там вы встретите многое, множественное, то, что индусы называют майя.

Майя означает многое, множественное; майя означает бесконечное. Вы продолжаете искать и искать, и этому нет конца. Это волшебный мир.

Майя означает — волшебство многого. Волшебство остается, вы продолжаете искать, но вы никогда ничего не получите, так как это — волшебный мир. Когда вы подходите ближе, все исчезает, как радуга. На расстоянии она прекрасна, она вас захватывает, вы становитесь одержимыми ею, она входит в ваши мечты, в ваши желания; вам бы хотелось зажать радугу в кулаке. Итак, вы стремитесь и стремитесь. А радуга продолжает ускользать.

Когда вы достигаете, вы находите, что ничего нет. Радуга была сном, иллюзорной реальностью. Индуисты называли этот мир многого — майей, волшебным миром, как если бы он был создан волшебником. Ничто в действительности не существует, все существует благодаря желанию и мечте. Вы творите с помощью желания; вы — создатель, с помощью своего желания, вы творите мир многого.

Вот машина, прекрасная машина. Если бы на земле не было человека, то какова была бы цена машины? Кто бы ее оценил? Кому было бы до нее дело? Никто бы ей не уделил внимания — она бы сгнила, она бы стала не нужной. Но когда есть человек — она ценна. Откуда приходит ценность? Она приходит из вашего желания: если вы ее желаете, она ценна, если вы ее не хотите, ценность исчезает. Ценность не в вещи, она в вашем желании.

Старый закон экономики гласит: когда есть спрос, за ним следует предложение. Но теперь закон полностью изменился; вы предлагаете, и за этим следует спрос. Можно ли подумать, что кто-нибудь во времена Будды мечтал о машине? Проблемы не было, так как, не было предложения. Как же кто-то мог желать машину? Теперь весь деловой мир состоит из творения новых предложений. Сначала они создают предложение, потом они рекламируют, они создают желание; потом возникает спрос — тогда вы гонитесь, так как, тогда вы видите: вот она — цель, которую я утрачивал всю жизнь. Теперь есть цель, и когда я достигну ее, все будет достигнуто!

Но бизнесмен продолжает изобретать новые вещи, специалисты по рекламе продолжают творить новые желания. Ежегодно они создают новые машины, новые дома, новые цели. Постоянно, они предлагают вам пути движения к внешнему — они не дают вам передышки, чтобы вы задумались. Ваша машина может быть в порядке, но они говорят, что вышла новая модель. Теперь, езда на старой машине, ранит ваше эго. Новая модель может

быть, не лучше — она может быть, даже хуже — но нужно купить новую. Вы должны заполучить ее, так как, у соседней она уже есть, так как, каждый о ней говорит.

Одна женщина пришла к врачу и сказала: «Сделайте мне какую-нибудь операцию».

Врач сказал: «Что? Вы сошли с ума! Зачем операция? Вы полностью здоровы, у вас все в порядке!»

Женщина сказала: «Мне очень тяжело, когда я прихожу в клуб, все женщины рассказывают: кто, про удаление аппендикса, кто, про удаление гланд, и только я чувствую себя ненормальной — мне не о чем говорить! Удалите у меня что-нибудь, чтобы я могла прийти в клуб и рассказать об этом».

Даже в болезни есть соревнование! Вы должны быть впереди всех и каждого; безразлично в чем, но вы должны быть наверху.

Трое пассажиров беседовали в поезде. Один хвастал своей женой, говоря: «У меня есть жена. Мы поженились десять лет назад, и она по-прежнему каждый вечер встречает меня на станции, когда я возвращаюсь домой. Просто невозможно!»

Другой сказал: «Я это могу понять, так как я женат уже двадцать лет и имею то же самое: моя жена приходит встречать меня на станцию».

«Я вас победил! — сказал третий. — Моя жена приходит встречать меня в течение тридцати лет — и я на ней даже не женат! Она все еще приходит встречать меня, я вас побил!»

Даже если люди лгут, вы должны их победить, вы должны быть первыми — что бы люди ни делали. Если меняется стиль одежды, новая одежда может выглядеть непривлекательно, но вы должны ее носить. Никто не находится дома, ведь каждый стучит в чужую дверь.

Запомните это хорошенько: никто для вас не является целью, кроме вас самих. Вы — цель, и вы должны достичь себя — ничто больше не имеет цены. Об этом говорит Иисус:

«Царство Отца подобно торговцу, имеющему товары, который нашел жемчужину».

«Этот торговец — мудрый. Он продал все товары и купил себе эту жемчужину».

«Вы так же ищите его, сокровище безупречное, нетленное, которое никакая моль не пожрет и никакой червь не источит».

Ищите бессмертное и оставайтесь бдительными; не тратьте время на то, что тленно, не тратьте вашу жизнь на то, что меняется, что является частью изменчивого мира.

Тогда что вы можете подумать о нетленном? Нашли ли вы хоть какой-нибудь факт вашей жизни, который дает вам чувство, что он нетленен? Вокруг вас — видимый мир, ничто в нем не является нетленным. Даже горы не остаются вечными и неизменными, они также стареют, они также умирают, даже континенты исчезают.

В дни Вед, Гималаев не было, так как оригинальная Ригведа никогда о них не упоминает. Невозможно не упомянуть о Гималаях, если они есть — невозможно! Как можно не заметить Гималаи? А Веды говорят о многих вещах, но никогда — о Гималаях. На основании этого Локманья Тилак решил, что Веды были созданы, самое раннее, семьдесят пять тысяч лет назад. Это выглядит правдоподобно, это может так и быть; они не были написаны так давно, но они должны были существовать в устной форме, в течение многих тысяч лет. Вот почему в них не упоминаются Гималаи.

Сейчас ученые говорят, что Гималаи — самое последнее добавление к миру, самые молодые горы; они — самые высокие, но самые молодые. Они все еще растут, они все еще молоды — с каждым годом они растут выше и выше. Виндхья — самая старая гора на земле

— может быть, потому она и плоская, как умирающий старик. У индуистов есть прекрасная история о Виндхье.

Один мудрец, Агастья, ушел на юг, а в те дни было очень трудно перебраться через Виндхью, не существовало никаких способов. Прекрасная история. Когда ищущий пришел, Виндхья распласталась, чтобы коснуться его ног, и мудрец сказал: «Я скоро вернусь, оставайся в этом положении, чтобы я мог легко через тебя перевалить!» Вот Виндхья и осталась такой, а мудрец больше уже не вернулся — он умер на юге. Но история прекрасна; Виндхья — самая старая часть земли — плоская, как старик».

Даже горы бывают молодыми и старыми, они умирают, они рождаются. Ничто не постоянно во внешнем мире. Посмотрите на деревья, на реки на горы; они вызывают чувство, что все постоянно, но взгляните немного глубже, и это чувство исчезнет. Потом идите внутрь и посмотрите на ваши мысли — они даже еще более временны. Они постоянно движутся, ни одной мысли не остается: мгновение назад вы были рассержены, и разум был на-полнен сердитыми мыслями; через мгновение вы улыбаетесь, и те мысли полностью исчезли, как если бы нико-гда не существовали. Совсем как облака в небе, они приходят и уходят; они постоянно меняют свой вид, совсем, как облака — они им подобны.

Медитируйте на облака, и вы увидите, что их форма постоянно меняется. Если вы не смотрите, вы, может быть, этого не осознаете; в противном случае вы увидите, что их форма постоянно меняется, ни в один миг она не одинакова. То же самое происходит и в вашем уме: форма мысли подобна облаку, она непрерывно меняется. В этом причина того, что люди не могут концентрироваться, так как концентрация означает, что форма мысли должна оставаться постоянно одной и той же. В этом и проблема, что мысль продолжает двигаться и меняться. Что бы вы ни делали, она меняется: одна мысль изменяется в другую, одна форма — в другую форму. Мир мысли тоже изменчив.

Горы меняются, облака меняются, только небо остается неизменным — оно нетленно. То же самое и внутри вас: вещи меняются вокруг вас, и облака, мысли меняются вокруг вас — но небо Я, свидетельствующего Я, оста-ется неизменным. Это и есть жемчужина, свидетельствующее Я. Оно бесформенно, так что не может измениться. Если есть форма, происходит и изменение. Если формы нет, как может произойти изменение? Оно — бесформенно, ниракар.

Если вы идете к этой бесформенности внутри вас, вначале она будет выглядеть пустой, так как вы не знаете бесформенности, вы знаете только пустоту. Но не бойтесь, не пугайтесь, войдите в нее. Когда вы в ней освоитесь, когда вы в ней обоснуетесь, тогда пустота более не пустота; она стала бесформенностью. Когда достигнута эта бесформенность, у вас есть жемчужина. Тогда вы приобрели Единое, ценой многого. Сейчас же, ценой Единого, вы приобретаете многое. А Единое — жемчужина, многое — просто фальшивые камни. Они могут выглядеть очень ценными, но они не таковы, так как они не могут быть неизменными.

Неизменность, нитьята, вечность, являются критерием Истины. Хорошо помните это; что есть Истина? То, что нетленно и неизменно — бесконечно. Что есть сон? То, что начинается и приходит к концу, то, что не может длиться вечно. Так что, ищите ту жемчужину, которую никто у вас не заберет, даже смерть. В смерти тело умрет, в смерти мысли исчезнут — но Вы? — вы будете продолжаться, и продолжаться, и продолжаться...

Смерть случается рядом с вами, но никогда не с вами. Она случается по соседству, но никогда не в центре, она случается на периферии. Вы никогда не умирали, вы не можете

умереть. Горы исчезают, облака приходят и уходят, но небо остается прежним. А вы — небо. Природа «Я» подобна пространству: пустое, бесконечно пустое, бесформенное. Все происходит в нем, ничто не происходит с ним. Вот что имеет в виду Иисус.

«Вы так же ищите его, сокровище безупречное, нетленное, которое никакая моль не пожрет и никакой червь не источит».

Изречение восьмое...

*Иисус увидел грудных детей
и сказал своим ученикам:
Эти грудные дети подобны тем,
что войдут в Царствие Небесное
Они спросили у него:
Если мы станем как дети,
войдем ли мы в Царствие?
Иисус им ответил:
Когда вы сделаете два одним,
и когда вы сделаете внутреннее, как внешнее,
а внешнее как внутреннее,
и верх как низ,
и когда вы сделаете мужчину и женщину одним,
так что мужчина перестанет быть мужчиной,
а женщина — женщиной,
тогда вы войдете в Царство Небесное.*

Невинность — это дверь

Это одно из самых глубоких изречений Иисуса и одна из главных основ, которую должен усвоить искатель. Это также одна из наиболее трудных для постижения вещей, так как если поймешь это, больше ничего не нужно. Сначала попробуем понять вещи простые, а затем обратимся к изречению. Человек, живущий разумом, не может быть невинным младенцем, — а только если вы невинны, Божественное опустится на вас, или вы возвыситесь до Божественного. Невинность — это дверь. Разум хитер, расчетлив, он ловок и изворотлив, и именно из-за этого вы промахиваетесь — вы упускаете Царство Небесное. Вы можете получить царство в этом мире с помощью ума, поскольку здесь хитрость необходима. Вы должны быть хитрыми, удачливыми, расчетливыми, умелыми и эффективными на путях этого мира. Однако дверь в Царство Божие, точно с другой стороны. Здесь нужна не расчетливость и хитрость. Разум не нужен совсем, так как это — только механизм для расчетов, механизм для изворотливости. Если вам не нужна хитрость и расчетливость, разум бесполезен. Тогда сердце становится источником вашего бытия, а сердце невинно.

Почему мы стремимся быть умнее? Почему наш ум направлен на то, чтобы обмануть? Потому что это единственный путь к успеху в этом мире. Таким образом, те, кто добивается успеха в этом мире, проигрывают в Царстве Божьем. Если вы готовы терпеть неудачи и огорчения в этом мире, тогда вы готовы войти в мир иной. В тот момент, когда вы готовы понять: «Успех в этом мире не для меня, и я не для него», немедленно происходит переворот, превращение. Тогда сознание перестает быть направленным вовне, оно обращается вовнутрь.

Иисус придавал очень большое значение невинности. Поэтому он просто говорил о

прелести детей, о невинности цветов, лилий или о невинности птиц. Но такого рода невинность бесполезна, вы уже потеряли. Поэтому не имитируйте ее, не пытайтесь понять ее буквально, этот символ.

Вы не можете снова стать ребенком — как это возможно? Однажды вкусив знания, вы не можете вернуться обратно. Вы можете преодолеть это, но, не идя назад, назад дороги нет. Вы можете идти вдали, вы можете идти впереди этого, но не позади — нет такого пути. Вы не можете не стать обычным ребенком. Как вы можете потерять то, что вы знаете? Вы можете идти в стороне, вы можете преодолеть это.

Помните это, иначе вы можете начать имитировать ребенка, и эта имитация будет хитростью, это снова будет расчет. Иисус сказал: «Будьте, как дети», — и вы начали это практиковать — но ребенок никогда не практикует. Ребенок — это просто ребенок, он даже не знает, что он ребенок, он не осведомлен о своей невинности. Его невинность здесь, но он не создает ее. Но если вы практикуете, у вас есть самосознание. Тогда эта детскость будет фальшью. Вы можете действовать так, но вы не станете ребенком снова — в буквальном смысле.

Святой, мудрец становится как ребенок в совершенно другом смысле! Он превзошел, он стоит в стороне от разума, потому что он понимает бесполезность его. Он понимает полную бессмысленность бытия, преуспевающего человека в этом мире — он отказывается от страстного желания преуспевать, от желания подавлять других, от желания быть важнее, величественнее; от желания реализовать свое эго. Он пришел к пониманию абсолютной бесполезности этого. Истинное понимание — и немедленно вы переноситесь в другое измерение. Тогда снова наступит детство — так называемое второе детство. Индусы называют эту стадию «дважды рожденный», двидж. Снова вы родились, но это иное рождение, не от отца и матери. Это рождение от вашего собственного «Я», не от двух встретившихся тел, не из двойственности. Вы родились от собственного Я.

В этом смысл рождения Иисуса — что он родился от девственницы. Но люди все берут буквально и терпят неудачу. От девственницы — значит, от Единого. Другого здесь нет, поэтому, кто может развратить и испортить это? Кто может участвовать в этом? Девственность остается абсолютно чистой, потому что других нет. Когда есть другой, вы теряете вашу девственность. Если в мыслях присутствует другой, вы теряете детскую невинность. Таким образом, осознание другого, желание другого — это потеря девственности. Это второе рождение может быть беспорочным, но в основе первого рождения — лежит секс, нет другого пути, и не может быть.

Иисус родился через секс, как и любой другой, так это и должно было произойти. Иисус такой же, как вы — в семени, но в цветении он совсем другой, потому что произошло второе рождение, родился новый человек. Иисуса, родившегося у Марии, больше нет; он родил самого себя. В древней секте ессеев говорили, что, когда человек трансформируется, он становится собственным отцом. Смысл этого в следующем: когда мы говорим, что у Иисуса не было отца, это означает, что Иисус стал сам себе отцом. Это выглядит абсурдным, но это так, и вот почему.

Второе рождение — непорочное, и тогда вы снова непорочное дитя. И эта невинность выше, чем детская, потому что ребенок должен потерять свою невинность. Это подарок природы, это не заслуга ребенка, поэтому это пройдет. Когда ребенок развивается, он должен потерять свою невинность, и он должен расти. Но мудрец остается невинным. Эту невинность нельзя отнять потому, что это высшая точка, крещендо роста; дальнейшего роста

нет. Если рост есть, вещи меняются; если вы достигли цели, вне которой ничего нет, только тогда ничего не меняется.

Ребенок растет каждый день, он должен потерять невинность, он должен стать опытным, он должен получить знания, он должен стать умнее, расчетливее. Но если вами полностью завладеет механизм расчета, тогда вы остаетесь рожденным из секса, из дуальности. И тогда всегда будет внутренний конфликт, потому что вы — два.

Когда вы родились от двоих, вы продолжаете оставаться двумя, потому что оба здесь: мужчина — не только мужчина, он также и женщина; женщина — не только женщина, она также мужчина — потому что оба родились от двух. Ваш отец продолжает свое существование в вас, как и мать, потому что они оба участвовали, встретились в вашем теле и их потоки слились: вы — двое. И если вы — двое, как вы можете быть в покое? Если вы — двое, продолжается вечный конфликт. Если вы — два противоположных полюса, соединенных вместе, всегда остается напряженность. Эта напряженность не может исчезнуть, даже если вы будете пытаться найти, как быть молчаливым, умиротворенным, блаженно счастливым. Это невозможно! Ведь вас двое!

Чтобы быть безмолвным, необходимо единство, следовательно, вы должны родиться заново — вот что сказал Иисус Никодиму. Никодим спросил его: «Что я должен делать?»

Иисус сказал: «Сначала ты должен заново родиться. Только тогда что-нибудь может произойти. Сейчас, пока ты таков, каков есть, ничего не произойдет».

И то же самое я говорю вам: с такими, каковы вы сейчас, ничего не произойдет. Пока вы не родитесь вновь, пока вы не станете своим собственным отцом, пока ваша дуальность не исчезнет, и вы не станете единым, ничего нельзя сделать.

Когда женщина и мужчина внутри вас встретятся, они станут замкнутым кольцом. Они не сражаются, они исчезают, они нейтрализуют друг друга, и появляется единство. Это единство — девственно.

Вот что подразумевал Иисус, когда говорил: «Будьте как дети». Не принимайте это буквально. Но почему: «Как дети?» Потому что, когда ребенок рождается, первые несколько недель он ни мужчина, ни женщина. Спросите у биологов, они скажут вам, что он — ни то, ни другое.

Несколько недель ребенок ни мужчина, ни женщина — он оба, никто, разделение еще не произошло. Вот почему медицина способна изменить пол ребенка. Несколько инъекций могут изменить это, потому что здесь оба — и мужчина, и женщина. Равновесие скоро нарушится, доминировать будет либо мужчина, либо женщина. И это доминирование определит пол ребенка. Но вначале есть равновесие, там оно есть. Дальше все зависит от гормонов.

Если мы введем мужские гормоны, ребенок станет мужчиной, женские — женщиной. Пол может быть изменен, потому что это внешняя вещь; это не принадлежит сущности, это относится только к внешним обстоятельствам, к телу; это гормональная, физиологическая вещь. Сущность, остается полностью отделенной от пола. Но вскоре различия возрастают, ребенок начинает становиться или мужчиной, или женщиной.

Вначале ребенок един. Затем он рождается: теперь телесно — мужчина или женщина. Но глубоко в сознание, различие еще не проникло; сознательно, ребенок еще никто — ребенок не знает, мужчина он или женщина. Еще несколько месяцев, и различие войдет в разум. Тогда у ребенка появятся различные точки зрения — немедленно он станет самосознающим.

Сначала тело не имеет половых признаков, потом они появляются. Но, даже когда в теле есть это разделение, ребенок еще одно. Потом ребенок тоже разделяется; человеческое существо исчезает, потому что теперь вы, ото-ждествляясь с мужским или женским существом — и это продолжается всю вашу жизнь. Это значит, что вы никогда не вернетесь к истоку, круг не замкнут. Но мудрец снова приходит к истоку, круг становится замкнутым. И сперва, различие исчезнет из разума — как раз в обратном порядке!

В детстве различие приходит сначала в тело, потом — в разум. У мудреца различие сначала исчезает из сознания, потом из тела, и прежде чем он умрет, он снова становится единым. Это второе детство: снова он стал не-винным — но эта невинность наиболее ценная. Невинность ребенка бедна, потому что здесь отсутствует опыт, невинность детства похожа на отсутствие чего-то. А невинность мудреца — это, наоборот, приобретение чего-то. Он познал все пути этого мира, он прошел и испытал все, что можно испытать. Он доходил до самых крайностей, он грешил, он копал глубоко, он предавался удовольствиям, он испытал все, что этот мир может дать, и теперь он отошел от него. Его невинность очень и очень богата, потому что здесь присутствует опыт. Вы не можете теперь ее разрушить, потому что он знает все, что можно узнать — как вы можете ее разрушить, ведь вы не можете на него влиять, все влияния пройдены.

Если вы достигли этой стадии — вначале вы были ребенком, в конце вы снова стали ребенком — ваша жизнь становится кругом, целостностью; это и есть совершенство. Если вы не вернулись к истоку, ваша жизнь не за-вершена. Незавершенность — это страдание. Это то, что Будда называл дукха — горечь. Если вы незавершенный, будет горечь; если вы завершены — вы совершенны.

Мудрец умирает совершенным — больше нет рождения, потому что нет нужды возвращаться в мир опыта. Вы умираете незавершенными, и из-за этой незавершенности вы должны будете родиться заново. Ваша сущность снова и снова упорно стремится к заверренности; и пока вы не станете совершенным, вы будете вынуждены снова и снова переживать рождение и смерть. Именно это индусы называют «колесом жизни и смерти». Мудрец вы-прыгивает из этого колеса, потому что он сам становится кругом, и колесо теперь не нужно.

Но что случается с обычным разумом? Различие остается до самого конца, пол остается до самого конца. Даже если тело слабеет, разум продолжает действовать — и секс является основной двойственностью. Таким образом, пока не исчезнет секс, не появится единство, недuality, Брахма. Помните: недuality, адвайта, Брахма. Единство — это не гипотеза, не теория, это не доктрина. Это не философское утверждение, о котором можно спорить, это не вера — это трансценденция секса. Это очень глубокий биологический феномен, это алхимия, потому что все ваше тело нуждается в трансформации.

Три старика сидели в саду на скамейке, обсуждая свои несчастья — потому что старикам больше не о чем говорить. Один, семидесяти трех лет, сказал: «У меня совсем плохо со слухом. Люди должны кричать мне в ухо, и да-же тогда я не все правильно слышу».

Другой, которому было семьдесят восемь, сказал: «У меня ослабело зрение, я совсем плохо вижу, я даже не от-личаю блондинок от рыженьких!»

И они спросили у третьего: «Насреддин, а у тебя какие неприятности?»

Насреддин, которому было девяносто три, сказал: «Мои страдания глубже, чем у вас обоих. Вчера вечером вот что случилось: мы пообедали, потом немного выпили, потом я отдыхал на тахте и заснул. Через полчаса я про-снулся, потому что моя жена стала

укладываться в кровать. Тогда я тоже пошел в спальню и сказал жене: „Под-висься, позволь мне тоже лечь, и мы немного побалуемся!“ Жена ответила: „Как! Ведь мы уже баловались два-дцать минут назад!“

И Насреддин, грустно качая головой, сказал: «Джентльмены, моя проблема в том, что у меня плохо с памятью!»

Секс следует за вами до самого конца, до предела. И вы можете этого не замечать, вы можете не думать об этом, но если разум человека не станет трансцендентен, последнее, что будет в мыслях у умирающего — это секс, потому что это было первым, когда он родился. Вы обречены на то, чтобы это было последней вещью, это естественнo — попробуйте!

Когда вы вечером укладываетесь спать, подсторожите свою последнюю мысль, самую последнюю, после которой вы заснете. Запомните ее, и утром вы будете удивлены — это будет первая мысль утром — если вы проследите. Или другим путем: понаблюдайте и запомните вашу мысль утром. Вечером это будет ваша последняя мысль, потому что жизнь циклична. Секс — это первое в жизни, и это же остается последним. Если вы не преодолеете это, вы только жертвы, вы не хозяева самим себе.

Знаете ли вы, что происходит, когда вешают человека? Когда вешают мужчину, немедленно извергается сперма. Это происходит в тюрьме, где вешают людей. Последнее — он умирает и течет сперма — что это значит? Почему так должно быть? Жизнь — это круг, он замыкает себя; то, что было первой вещью, с которой он вошел в жизнь, становится последней, с которой он входит в другую жизнь.

Мудрец превосходит секс — но не подавляет его. Помните это, потому что подавление — это не трансценден-ция. Если вы подавляете что-либо, вы все еще в этом: если вы что-то подавляете, вы все еще разделены. Мудрец не подавляет ничего. Скорее наоборот, мужская и женская энергии внутри него становятся едиными, теперь он не мужчина и не женщина. Именно об этом Иисус сказал: «Евнухи Бога». Именно это имеют в виду индусы, когда изображают Шиву как Ардханаришвару — полумужчина-полуженщина — он стал единым. И индусы говорят, что Шива самый совершенный Бог, величайший — Махадева. Почему они зовут его Махадева — величайшим? Потому что он полумужчина-полуженщина, а если вы осознаете себя полумужчиной-полуженщиной, они образуют круг и оба исчезают. Дуальность исчезает, он становится Единым.

Иисус говорил об этом Единстве — Ардханаришвар, полумужчина-полуженщина. Тогда вы ни тот, ни другой, тогда начинается новое детство, — второе; вы — двидж, дважды рожденный. Открывается новый мир невинности.

Теперь вернемся к притче:

Иисус увидел грудных детей и сказал своим ученикам:

«Эти грудные дети подобны тем, кто войдет в Царствие Небесное»,

Они спросили у него: «Если мы станем как дети, войдем ли мы в Царствие?»

Вот почему ученики всегда ошибаются: они все понимают буквально, они слишком хватаются за слова — а сообщение было бессловесным. Они так цепляются за символы, они берут их слишком конкретно, в то время как символы Иисуса не конкретны, они неустойчивы и расплывчаты. Они показывают что-то, но не могут рассказать все. Они как указатели, пальцы, показывающие на Луну, но не рассказывающие всего.

Раз Иисус сказал: «эти дети... подобны тем, кто войдет в Царство, — мы немедленно делаем вывод, что если мы станем как эти дети, мы станем, способны и достойны того, чтобы войти в Царство Божие.

Ученики спрашивают: «Став детьми, мы войдем в Царство?»

Иисус отвечает: «Нет! Это не поможет».

Иисус им ответил: «Когда вы сделаете два одним, и когда вы сделаете внутреннее, как внешнее, а внешнее как, внутреннее, и верх, как низ, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, так, что мужчина перестанет быть мужчиной, а женщина — женщиной, тогда вы войдете в Царство Небесное». Вот что он подразумевает под «сно-ва стать ребенком». Попробуйте понять каждое предложение:

« Когда вы сделаете два одним...»

Это основная проблема. Наблюдали ли вы, как солнечный свет, проходя сквозь призму, превращается в семь цветов? Появляются все цвета радуги. Радуга появляется вот почему: в дождливое время, когда воздух насыщен парами или мелкими каплями дождя, эти капельки висят в воздухе и ведут себя, как призмы. Солнечный свет проходит сквозь них и делится на семь лучей — так получается радуга. В сезон дождей, когда солнце выходит из-за туч, появляется радуга. Солнечный свет белый, чисто белый, но посредством призмы он становится семью, белизна потеряна, появились семь цветов. Наш ум действует как призма; мир един, существование — это чистая белизна, но, преломляясь через наш разум, она становится множественной. Все, что рассмотрено посредством ра-зума, приобретает множественность. Если вы очень внимательны, то увидите семь идей в каждой мысленной концепции. Разум разделяет точно как призма — на семь. Вот почему в неделе у нас семь дней. Махавира, ввиду этого свойства ума, делит всю свою логику на семь ступеней. Они называются «семь аспектов логики»; и если вы зададите Махавиру вопрос, он даст семь ответов. Вы зададите один вопрос — он немедленно даст семь ответов. Это запутывает, так как если на один вопрос вы получаете семь ответов, вы приходите в еще большее замешательство, чем когда спросили. И из-за этих семи ответов Махавира непонятен, его невозможно понять. Но он аб-солютно прав, потому что он говорит: «Вы спрашиваете посредством ума, поэтому я тоже должен отвечать через ум — но ум делит все на семь». И эти семь — противоречат друг другу, они не могут иначе, потому что Истина мо-жет быть только одна, истин не может быть семь. Когда вы говорите семь разных вещей, вы неизбежно впадаете в противоречия. Если вы спросите Махавиру, существует ли Бог, он ответит: «Да, Бог существует», а также: «Нет, Бога нет». Потом он скажет: «Да и нет. Бог существует и его нет», — потом он скажет: «Того и другого нет», — и так далее до семи ответов. Разум разделяет как призма. Если вы смотрите сквозь призму разума, все становится семью. Если вы смотрите пронизательно, тогда семь; если не очень — то два. Если вы спросите обычного человека, он скажет:

«Возможны два ответа. Если вы спрашиваете о Боге, Бог или есть, или его нет — третьего не дано». Но он по-терял остальные пять, потому, что он недостаточно внимателен. Другими словами, имеется семь возможностей, а не две. Два — это начало множественности; семь — ее конец.

Иисус им ответил: «Когда вы сделаете два одним...»

Он разговаривает с очень простыми людьми, в то время как, Махавира обращается к великим логикам и схо-ластам. Имеется большая разница между аудиториями; Иисус разговаривает с очень бедными, простыми людьми — с массами; Махавира обращался к немногим избранным. Он мог говорить о семи, Иисус говорит о двух — но подразумевают они одно и то же. Иисус говорит: «Когда вы сделаете два одним». Махавира говорит: «Когда вы сделаете семь одним, когда семь исчезнет и останется одно, вы достигли». Иисус

говорит: «Когда вы сделаете два одним, когда два исчезнет и останется одно, вы достигли». Разница в аудитории, а имеют они в виду одно и то же. Как могут два исчезнуть? Что вы должны сделать? Разумом сделать ничего нельзя, потому что если есть разум, два останутся. Как может исчезнуть радуга? Удалите призму, и радуга исчезнет; достаточно убрать капли, висящие в воздухе, и радуги нет. Не смотрите сквозь призму разума, и мир множественности исчезнет; посмотрите разумом, и он здесь.

Не рассматривайте разумом, отстраните его и смотрите! Дети смотрят на мир без разума, потому что развитие разума требует времени. Тело появляется первым, позднее следует разум. Когда ребенок рождается, в первый день он смотрит на мир и мир един, ребенок не может сделать никакого разделения. Как он может это сделать? Он не может сказать: «Это зеленое, а это — красное». Он не знает красного, он не знает зеленого, он просто смотрит — мир един. Он настолько «одно», что он не отделяет свое собственное тело от тела матери.

Жан Пиаже очень много работал над развитием разума детей. Всю свою жизнь он работал над этим и открыл много интересных вещей: ребенок не делает никаких различий между предметами и своим телом. Вот почему он может взять свою ногу в рот и начать есть палец, так как он не разделяет. Ему в голову не приходит, что это его собственный палец и бесполезно сосать его, он хватается его, как схватил бы любой другой предмет — здесь нет разделения. Он может покакать и начать есть это — для него это не является чем-то плохим или хорошим. Мы скажем: «Какая гадость!» Но для него нет различий, что он может сделать?

Из-за этого в Индии веками множество людей пытались имитировать детей. Так, они питались там же, где испражнялись, и глупцы звали их парамаханса, тот, кто достиг. Они просто имитировали детей, они не делали разделения — но все же они делали его! Иначе невозможно. Они делали различия, но заставляли себя не разделять. Будда этого не делал, не делали этого Иисус и Кришна, но эти, так называемые парамахансы — вы можете найти их по всей стране — они заставляют себя не разделять.

Но, разделяете ли вы, или заставляете себя не разделять, разум остается центром: разделение здесь, но вы его подавляете. Вы ведете себя по-детски, но вы не невинны.

Когда два станет одним, подобно ребенку.. Когда ребенок рождается, он открывает свои глаза, он смотрит, но он не думает, сначала есть взгляд, потом следует мышление. Должно пройти время, несколько лет, прежде чем ребенок станет разделять. Ребенок выхватит игрушку из рук другого ребенка, и вы скажете: «Не делай этого! Это нехорошо, это не твоя игрушка!» Вы делаете разделение по принадлежности, потому что вы верите в личную собственность. Вы думаете: «Это мое, а то — не мое». Для ребенка разделения не существует — игрушка всего лишь игрушка. Он не думает, что она не его: «Если моя рука может схватить ее, она моя!» «Твое» и «мое» еще не четко разделены.

Дети совсем не различают сон и реальность. Так, ребенок может утром расплакаться, потому что во сне у него была прекрасная игрушка: «Куда она девалась?» Он хочет немедленно получить ее обратно. Он не различает сон и явь, он ничего не различает. Он невинен, потому что пока, он не может разделять.

И невинность мудреца приходит к нему, когда он перестает различать. Не то, чтобы он не видел, что зеленое — это зеленое, а красное — это красное; не то, чтобы он не отличал хлеб от камня, но он отбрасывает разум. Теперь он живет взглядом, а не мыслью. Вот почему индусы зовут своих философов даршана. Даршан означает смотреть, не думать; и

философия — это неправильный перевод, так как философия подразумевает мышление, это как раз противоположное.

Даршан означает смотреть, а философия — думать, они противоположны друг другу, они не имеют ничего общего. Даршан означает взгляд, который подобен взгляду ребенка, когда разделение отброшено: «Когда вы сделаете два одним, и когда вы сделаете внутреннее, как внешнее, а внешнее как, внутреннее...» Потому что «внутреннее» и «внешнее» — это тоже разделение.

Я могу сказать: «Оставь внешнее, иди к внутреннему, двигайся внутрь, отбрось то, что снаружи!» Но вы не поймете объекта целиком, потому что, когда вы отбросите внешнее, внутреннее отпадет автоматически. Когда нет внешнего, как может существовать внутреннее?

Это относительные понятия: внутреннее существует только, как противоположность внешнему; когда нет внешнего, исчезает и внутреннее. Вы устраняете внешнее, а внутреннее исчезает автоматически само; нет больше ни «внутри», ни «вне» — вы становитесь одним. Если еще есть внутреннее и внешнее, тогда вы еще два, вы не едины, вы еще разделены.

Вот почему монахи Дзен говорят одну из самых странных вещей, которая когда-либо утверждалась: они говорят, что этот мир и есть Бог; они говорят, что обычная жизнь и есть религия; они говорят, что все, как оно есть, прекрасно. Ничего не нужно менять, потому что любая попытка менять порождает двойственность: то, что есть, должно быть заменено на что-то другое, которое должно прийти на смену; «А» должно быть заменено на «Б», появилась двойственность. Они говорят, что этот мир множественен; Бог не может быть где-то еще, потому что это «где-то еще» рождает дуальность. Бог не создатель, а вы — не создание — вы и есть Бог — не создатель; само творение божественно, само творчество — есть Бог.

Разум всегда пытается сделать разделение, это его специальность. Чем больше вы делаете различий, тем вы умнее. И разум всегда говорит, эти мистики немного придурковаты, потому что отсутствуют четкие границы. Вот почему они называют религию мистицизмом, а под мистицизмом они подразумевают не очень хорошую вещь. Они подразумевают под мистицизмом что-то расплывчатое, как туман, что-то мутное, нечто, не являющееся четкой реальностью, а скорее сном.

Эти мистики — глупы с точки зрения логиков, потому что они не делают, а разделение — это все, что вы должны делать, вы должны знать, что есть что! И логики думают, что чем больше вы разделяете, тем ближе вы к реальности. Вот почему наука, которая следует логике, которая есть применение логики и больше ничего — добралась до атома, разделяя, шаг за шагом, они достигли атома.

Религия, не разделяя, а объединяя, отбрасывая границы, а не проводя их, достигает Предельного, Единого. Наука достигла атома, который означает множество, бесконечное множество; религия достигла бесконечного Единства. Два подхода: наука использует разум, а разум создает границы, четкие разделения; религия не пользуется разумом, и тогда границы исчезают, каждая вещь становится чем-то еще; вещи встречаются. Деревья сливаются с небом, небо вливается в деревья; земля встречается небесами; небеса спускаются на землю. Если вы глубже всмотритесь в жизнь, вы обнаружите, что эти мистики правы. Все границы созданы человеком, в реальности нет границ. Границы полезны, но не верны; они помогают в некоторых случаях; в других случаях они мешают. Попробуйте найти различие: на прошлой неделе вы были несчастны — можете вы точно обозначить момент, когда вы стали несчастны? Можете вы провести границу? Можете вы сказать: «Точно в этот день, в

поло-вине десятого утра я стал несчастным»)? Нет, вы не можете провести такой границы! Если вы исследуете, вы об-наружите, что все расплывчато, вы не сможете сказать, когда вы стали несчастным. Потом вы стали счастливым — поймите тот момент, когда вы снова стали счастливым. Вы могли ошибиться, потому что вы не уверены в прошлом, но теперь — вы были несчастны, а через некоторое время вы становитесь счастливым, потому что ра-зум не может оставаться в одном состоянии всегда. Вы не можете изменить это. Даже если вы захотите оставаться несчастным постоянно, вы не сможете. Тогда ждите: в какой момент точно вы станете несчастным или счастли-вым? Вы станете счастливым, и вы снова упустите этот момент, потому что он расплывается. Что это значит?

Это значит, что счастье и несчастье не две разные вещи. Вот почему вы не можете их разделить: они сливают-ся друг с другом, они вытекают одно из другого, их границы стираются. На самом деле границ нет, они как вол-ны, они как холмы и долины: за холмом долина, за гребнем волны впадина. Где начинается холм и где конец до-лины? Нигде! Они — Целое!

Это ваш ум говорит: «Это — долина, а это холм». Может ли быть холм без долины? Может ли быть долина без холма? Можете вы быть счастливым без несчастья? Если вы попробуете, вы попробуете невозможное. Можете вы быть несчастным без счастья? Бросьте это! Это трудно, потому что счастье и несчастье — скорее поэтические понятия. Здоровье и болезнь скорее физиологичны! Следите! Когда точно вы заболели? Где вы можете провести границу? И когда вы стали здоровыми?

Никто не может провести демаркационную линию: здоровье переходит в болезнь, болезнь переходит в здоро-вье; любовь становится ненавистью, ненависть переходит в любовь; гнев становится состраданием, сострадание становится гневом — может быть, это неприятно узнать, но мистики правы.

Вы были ребенком — когда вы стали юношей? Когда юность вошла в вас? Вы молоды, когда-то вы станете старым. Следите и отметьте в кален-даре это: «В этот день я стал стариком». И если вы не различаете, когда вы становитесь старым, можете ли вы различить, живы вы или умерли? Даже ученые в большом затруднении, когда признать человека мертвым. Все, что сейчас известно, полезно, но не истинно. Когда объявить человека мерт-вым? Когда он не дышит? Но есть йоги, которые демонстрировали в научных лабораториях, что они смогут не дышать даже десять минут. Таким образом, критерием смерти не может быть отсутствие дыхания. Человек мо-жет оказаться неспособным снова дышать, но это не критерий, потому что уже демонстрировали, как можно не дышать десять минут. Такой человек может быть йогом. Он может не захотеть вернуться обратно, но вы не имее-те права объявить, что он умер. Таким образом, вы можете констатировать смерть, но мертвец еще должен рас-порядиться ею.

Когда человек умер на самом деле? Когда перестает биться сердце? Или, когда перестает функционировать мозг? Сейчас в научных лабораториях есть мозги без тел — и они функционируют. Кто знает, что они думают? Может быть, они спят? Они не могут быть уверены, что остались без тела. Ученые, наблюдающие эти мозги без тела, говорят, что у них тот же ритм: они спят, просыпаются, бодрствуют, они дают сигналы, что они дремлют, и подают сигналы, что вот сейчас они не дремлют; они показывают, что они думают; они подают сигналы, что они иногда гневаются, находятся в напряжении и возбуждении; а иногда успокаиваются. Там, внутри, о чем они мо-гут думать? Они не могут быть уверены, что тела больше нет, но можете ли вы назвать эти умы мертвыми? Они нормально

функционируют. Какая часть тела может быть критерием? И какой момент времени?

Во время Второй Мировой Войны в России проводились эксперименты, и однажды шесть человек остались живы, хотя были объявлены умершими ввиду внезапной остановки сердца. Они были объявлены умершими, им перекачивали кровь, они были оживлены, и шестеро из них остались живы. Что случилось? Их починили!

Есть ли реальная граница, где кончается жизнь и начинается смерть. Нет! Это как волны. Жизнь следует за смертью, как гребень волны следует за впадиной. Они не разделены, они являются одним — ритмом Единого.

Мистики говорят, что разделять хорошо в утилитарных целях, но реальность неделима. Что делать, чтобы по-знать эту неделимую реальность! Только устранить механизм, который разделяет — вот, что такое медитация. Устраните разум и смотрите. Смотрите без разума! Будьте сознательны без разума. Наблюдайте! И не позволяйте мыслям ставить экран между вами и Вселенной. Когда нет туч, мыслей, и солнце сияет в полную силу, мир един.

«Когда вы сделаете два одним, и когда вы сделаете внутреннее, как внешнее, а внешнее, как внутреннее, и верх, как низ, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, так, что мужчина перестанет быть мужчиной, а женщина — женщиной, тогда вы войдете в Царство Небесное».

Между мужчиной и женщиной имеется величайшее и глубочайшее различие. Замечали ли вы, что вы никогда не забываете, что кто-то — мужчина или женщина? Вы можете забыть имя, религию, можете забыть полностью лицо, но вы никогда не забудете, является ли эта личность мужчиной или женщиной. Кажется, что это невозможно забыть. Это означает глубочайший импульс, который остается в нашей памяти при разделении:

Вы встретили кого-то двадцать лет назад, вы не помните ничего — лицо стерлось из памяти, как и имя, но мужчина это или женщина? Это остается, это застревает. Это оставляет глубокий след в вас, если первая вещь, которую вы видите в других, это — мужчина или женщина; первое, что вы замечаете, и последнее, что остается у вас. Вы можете быть не очень внимательны, но когда бы вы ни смотрели на личность, первое, что вы глубоко отмечаете, это пол. Если это женщина, вы ведете себя соответственно, если это мужчина, ваше поведение меняет-ся. Если это женщина, мужчина внутри вас тянется к ней, знаете ли вы это или нет. Вы можете не осознавать это-го, но ваше поведение становится более деликатным.

Сейчас те, кто держит магазины, знают это хорошо, поэтому продавцы мало-помалу заменяются продавщица-ми. Так и должно быть: если покупатели — мужчины, тогда лучше, если продавцы — женщины, потому что покупатель не скажет «нет» женщине, так же легко, как он может сказать это мужчине. Когда женщина надевает туфель на вашу ногу, касается вашей ноги — прелестная женщина — вдруг обувь уже не важна, обувь становится второстепенной. Она может быть вам тесной, но вы скажете: «Прекрасно! Это то, что надо!» — и вы покупаете это. Вы покупаете женщину, а не обувь.

Это бывает со всякой рекламой — обоснованно, необоснованно, связано с предметом рекламы или нет — не имеет значения, что вы продаете, автомобиль или ботинки, или еще что-нибудь — вы должны поместить женщину около них. Если вы покупаете машину, вы купите женщину в машине. Покупается и оплачивается секс, все остальное поверхностно.

Глубоко внутри вы смотрите сквозь секс — всегда! Иисус говорит, что вы не можете быть невинны, если остается это ожидание секса. Тогда вы остаетесь разделенным: если вы мужчина, вы ищете женщину; если вы женщина, вы ищете мужчину. Тогда ваше

рассмотрение определяется внешним, оно не может стать внутренним, вы не можете двигаться внутрь, вы не можете быть медитативным. Женщина будет смущать вас, она будет следовать за вами. Если вы сопротивляетесь, если вы сражаетесь, если вы закрываете глаза, она станет еще более прекрасной, она будет соблазнять вас.

Что делать? Как преступить эту дуальность? Используется много методов. Большинство из них просто хитрости. Говорят: «Думай о каждой женщине, как о своей матери», но здесь нет большой разницы, это хитрость. «Думай о каждой женщине, как о сестре» — не велика разница, так как она остается женщиной. Мать она или сестра, нет разницы, она остается женщиной, а вы мужчиной. Глубокий поиск продолжается, и этот поиск столь биологичен, что он происходит помимо вашего сознания, это «подводное течение».

Понаблюдайте! Вы сидите в вашей комнате, и входит женщина. Наблюдайте себя, посмотрите, что случится. Внезапно вы уже другой человек! Если она красива, вы меняетесь еще больше. Что случилось? Внезапно вас уже нет, есть только мужчина, вас нет, есть только половые гормоны. Они начинают действовать, они отодвигают вас, ваше самосознание потеряно, вы почти бессознательны, вы ведете себя, как пьяный.

До сих пор мы не можем найти более сильного алкоголя, чем секс, большего наркотика, чем секс: он немедленно меняет вас. Если вы используете ЛСД, все становится цветным. Секс — это внутреннее ЛСД. Если вы сексуальны, все окрашивается ярче, все имеет другой вид, другое освещение; вы оживаете, вы не ходите, а бегаєте; вы не говорите, а поете. Ваша жизнь становится танцем, вы живете в другом измерении.

Когда нет секса, вы возвращаетесь в плоский мир, мир вещей, бесцветных, лишенных сияния. Вы не можете петь и бегать, все становится лень делать. Снова входит женщина или мужчина в вашу жизнь, и все окрашивается, появляется романтика и поэзия. Что происходит? И если это продолжает случаться, вы остаетесь в еще большей дуальности. Эта дуальность не позволяет вам видеть реального мира. А реальность блаженна, она не счастье и не несчастье. Реальность в стороне от счастья и несчастья. Она не возбуждение и спокойствие; она не свет и не тень; она вне. Когда исчезнет всякая двойственность, тогда вы станете блаженным. Индусы называют это адвай-та — это значит «вне двойственности». Вы не можете сказать, что муж счастлив. Он не счастлив, потому что счастье следует за несчастьем; не можете сказать, что он несчастлив. Мудрец исполнен блаженства, он превзошел дуальность. Теперь нет холмов и долин; он движется по земле, он находится на одном уровне. Здесь нет подъемов и спусков, потому что «вверх» и «вниз» существуют как дуальность.

Следовательно, Иисус говорит: «Если нет ничего сверху и ничего внизу, нет подъемов и спусков, когда нет двух, тогда вы не можете выбирать, вы просто живете». И это существование на одном уровне: здесь нет волн, океан абсолютно спокоен, нет не только волн, но и мелкой ряби, поскольку ничто не движется вверх или вниз. Океан становится подобен зеркалу, ряби нет, все волнения исчезли.

Любое волнение существует из-за дуальности, а секс — основа дуальности. Вы можете избавиться от всех остальных вещей легко, но основное — избавиться от секса. А это очень трудно, потому что он в каждой клетке вашего тела, в каждом моменте вашего бытия, вы — сексуальное создание, вы таким рождены. Вот почему Иисус говорит:

«Пока вы не родитесь заново, ничто не поможет». Пока вы такие, какие есть, вы напряжены, вы останетесь несчастным. «И когда вы сделаете мужчину и женщину одним, так что мужчина перестанет быть мужчиной, а женщина — женщиной, тогда вы войдете в

Царство Небесное, „Так что же делать? Внутри нужно замкнуть круг. Иисус говорит точно, что нужно делать, потому что эти тайны не могут высказываться открыто, эти тайны могут быть открыты только учениками. Иисус должен был открыть их ученикам, потому что от слов: «Стань еди-ным!» — никто единым не станет. Только от слов, что мужчина должен стать женщиной, а женщина — мужчи-ной, никто не придет к единству, потому что это — цель. Каков же метод? Иисус должен был держать это в тайне. Он должен был дать ученикам тайный ключ, потому что эти великие тайны, которые могут сделать вас единым, кроме всего прочего, ужасны. Если вы ошибетесь, если вы примените их слегка неправильно, вы сойдете с ума. В этом проблема, и в этом страх.

Нормально, так, как вы есть, вы разделенное существо: ваша мужская энергия ищет женскую энергию вовне, ваша женская энергия ищет мужскую — это нормальное человеческое существование. Но если вы станете еди-ным, это трансформируется так, что ваша мужская энергия будет искать женскую внутри. Мужчина внутри вас, пытающийся найти женщину внутри вас, это очень страшно, так как природа не готова к такому удару. Природа дала вам толчок для встречи с женщиной или с мужчиной, и это естественный толчок. Но пробовать, чтобы это случилось внутри вас, противоестественно. Ключ должен быть использован очень и очень деликатно. Это может быть сделано Мастером, тем, кто уже прошел этот путь. Вот почему самые глубокие тайны религии не могут быть даны через писание, они могут быть даны только через посвящение. Но я дам вам несколько намеков, на-сколько это можно. Но хорошо помните: если вы хотите их осуществить, будьте осторожны и не уходите от того, что я говорю, не заблудитесь, иначе все может быть плохо. Тогда уж лучше быть нормальным, так как многие религиозные люди стали безумцами. Дело вот в чем: у вас есть ключ, но вы не знаете, как им пользоваться, вы можете использовать его неверно. А если вы однажды использовали ключ неправильно, замок испорчен; тогда будет очень трудно заменить замок. Эти методы могут осуществляться только под руководством Мастера, таким образом, что Мастер постоянно наблюдает, что с вами происходит. Я даю вам кое-что, потому что я — здесь, и если вы хотите работать, вы можете работать. Первое — когда вы занимаетесь любовью с женщиной или мужчи-ной, это нужный момент, чтобы взглянуть на внутреннюю женщину или мужчину. Когда вы занимаетесь любо-вью с женщиной, делайте это с закрытыми глазами, сделайте это медитацией. Женщина снаружи всегда поможет внутренней женщине пробудиться. А когда вы занимаетесь любовью, ваши внутренние энергии, и женская, и мужская, достигают пика. Когда происходит оргазм, он — не между вами и внешней женщиной, он всегда проис-ходит между вами и внутренней женщиной. Так что, если вы бдительны, начинайте сознавать это явление, когда внутри происходит встреча энергий. А когда происходит это, оргазм будет во всем теле, он не будет локализован, он не будет ограничиваться сексуальным центром. Если он ограничен сексуальным центром, это просто мастур-бация, и ничего больше. Оргазм означает, что все тело, каждое волокно тела, пульсирует в новой жизни, с новой энергией, так как, при встрече выделяется много энергий. Встреча происходит внутри, но если вы смотрите на-ружу, вы утратите.

Внешняя женщина или внешний мужчина — лишь представитель внутреннего. Когда вы влюбляетесь в жен-щину или в мужчину, вы влюбляетесь лишь потому, что женщина или мужчина каким-то образом соответствует внутреннему. Вот почему вы не можете указать никаких причин, почему вы любите эту женщину, так как это — вообще не рациональная вещь.

Вы носите женщину внутри себя. Когда любая женщина соответствует этой внутренней женщине, вы внезапно влюбляетесь. Эта любовь вами не управляется, это не ваш ум влюбляется, это что-то совсем бессознательное. В этой женщине вы увидели проблеск, внезапно вы чувствуете, что это — как раз то, что нужно.

Что делает женщину той, что нужно? Ведь для других она совсем не то. Есть люди, которые ее возненавидели бы, есть люди, которых она оттолкнула бы, отпугнула. Есть люди, которые никогда бы на нее не взглянули; есть люди, которые не заметили бы, что в ней что-то есть. И есть люди, которые будут над вами смеяться: «Как ты влюбился в эту женщину? Ты сумасшедший! Но эта женщина, или этот мужчина каким-то образом соответствует внутреннему. Вот почему любовь иррациональна, когда она случается — она случается, вы ничего не можете с этим сделать, но если этого не происходит, вы тоже ничего не можете поделать.

Когда вы занимаетесь любовью с женщиной, внутренняя энергия достигает пика, становится крещендо. В этом крещендо не смотрите наружу, иначе вы утратите нечто прекрасное, нечто таинственное, что происходит внутри: вы становитесь кругом. Ваше мужское и женское встречаются, вы становитесь Ардханаришваром. В это мгновение все ваше тело будет вибрировать с головы до пят. Каждый нерв тела будет вибрировать с жизнью, так как этот круг распространяется по всему телу. Это не сексуальное, это больше, чем секс. Наблюдайте это! Наблю-дайте достижение пика, встречу внутренних энергий. Потом наблюдайте, как прилив отступает и начинается ха-ос. Наблюдайте, снова и снова, разделение энергий вновь...

Если вы сделаете это несколько раз, вы немедленно станете отдавать себе отчет в том, что внешняя женщина или мужчина не необходимы. Это может быть сделано без внешнего, так как это происходит без внешнего, внеш-ний — лишь спусковой крючок. Такой спусковой крючок может быть создан внутри. А когда вы знаете, как это сделать, вы его сделаете внутри. Но это должно быть внутренним опытом, только тогда вы узнаете — я не могу сказать, как вы должны наблюдать, следить, и тогда вы узнаете, как приходит энергия, как происходит оргазм, как они снова разделяются, и снова два встречаются.

На единый миг в вас случается один. Вот почему в сексе столько привлекательного, вот почему из оргазма по-лучается столько наслаждения, так как на единственное мгновение вы становитесь одним, два — исчезает. И в момент оргазма ума нет. Если есть ум, оргазм не может произойти. В момент оргазма нет ни единой мысли, вся призма убрана. Вы есть, но без мыслей. Вы существуете, но без ума. Это случается лишь, на такой краткий миг, что вы можете его легко утратить, вы утрачивали его в течение многих жизней. Это — столь малая брешь, что если вы заинтересованы внешним, вы это утрачиваете.

Так что закройте глаза и смотрите, что происходит внутри. Не пытайтесь заставить что-нибудь случиться, просто смотрите, что происходит. Это происходит все время, как если вы приходите домой после прогулки под солнцем, входите в комнату и вокруг темно, вы ничего не можете уви-деть, так как ваши глаза еще не привыкли к темноте. Ждите! Сядьте и молча смотрите. Мало-помалу темнота будет исчезать, и вы начнете осознавать то, к чему привыкают глаза. Идти от внешнего к внутреннему — большая проблема, и только потому, что ваши глаза привыкли к внешнему. Внутреннее выглядит темным — а тогда, когда вы готовы — момент ушел. Так что меди-тируйте еще и еще с закрытыми глазами, и смотрите внутрь, чтобы вы могли привыкнуть к внутренней темноте. Она — не темна, она кажется темной для вас, вы привыкли к внешнему свету. Снова и снова приходит рассеян-ный свет,

вещи становятся яснее и приходит момент, когда вещи становятся, так ясны, что когда вы открываете глаза, вы обнаруживаете, что тьма — снаружи.

Как-то Арвинд сказал: «Когда я впервые пришел к пониманию, что находится внутри, свет, который был сна-ружи, стал тьмой». Жизнь снаружи стала подобной смерти, так как теперь произошло нечто более высокое, более великое, нечто изначальное.

Смотрите, как появляется внутренний круг, как две энергии становятся одной. В этом единстве нет ума и нет мыслей. Смотрите! Снова и снова вы будете становиться способным видеть, что происходит. И однажды вы уз-наете, что происходит, внешнее может быть отброшено — нет нужды его отбрасывать, но его можно отбросить.

Женщина — прекрасна, мужчина — прекрасен. Любовь — это хорошо, в ней нет ничего плохого, это здорово и целно. Нет нужды отбрасывать это, но это может быть отброшено, и тогда вы больше от этого не зависите! То-гда вы можете позволить случиться этому внутри, и приходит момент, когда внутренний круг остается навсегда. С помощью внешнего он никогда не может остаться навсегда, так как внешнее должно отделяться, разделение необходимо. Но с внутренним нет нужды разделять; если произошел внутренний брак, развода нет, нет такой возможности, так как это всегда там, оба — там. С того момента, как они встретились, не может быть и речи ни о каком разводе. С внешним развод происходит постоянно; в одно мгновение вы вместе, в следующее — вы должны быть разделены.

Когда этот круг постоянно остается в вас, это состояние ардханаришвар — это имеет в виду Иисус: «И когда вы сделаете мужчину и женщину одним, так что мужчина перестанет быть мужчиной, а женщина — женщиной, тогда вы войдете в Царство Небесное». Тогда вы вошли: вы стали совершенны, вы не разделены, вы стали неде-лимы. Теперь вы имеете Я: теперь у вас есть свобода и независимость, теперь вы ни в чем не нуждаетесь, теперь вы полны в себе. До тех пор пока этот круг не случится, вы будете в чем-то испытывать нужду и зависеть от дру-гих, чтобы ее удовлетворить. Вот почему секс выглядит как пути — он таков и есть! Он выглядит как зависи-мость, и если вы чувствуете, что зависимость есть, вы негодуете. Отсюда — постоянная борьба с любимым: вы чувствуете негодование, вы не можете уйти от другого, потому что вы зависимы. А никто не хочет зависеть ни от кого, так как любая зависимость — ограничение; другой пытается доминировать, другой пытается обладать, а если вы зависимы, вы должны позволить другому доминирование, так как вы боитесь. Это — обоюдное согласие: «Я буду зависеть от тебя, ты будешь зависеть от меня, вот мы и можем владеть друг другом, и мы сможем обла-дать и доминировать друг над другом определенным образом». Но никто не любит доминирования и зависимости. Вот почему любовь — такое несчастье. И если вы любите кого-то и недовольны им, как вы можете быть счастли-вы? Даже самая прекрасная личность становится уродливой. Мулла Насреддин сидел с другом. Вошла его жена, и друг сказал: «Я уверен, что это твоя самая очаровательная жена!» Насреддин посмотрел печально и сказал: «Это моя «единственная жена!» Эта печаль всегда есть у любящих, так как ни одна женщина не может наполнить муж-чину. Даже если вы получите всех женщин мира, это не станет наполненностью, так как внутренняя больше, чем «все». Все мужчины мира не способны наполнить женщину — нет! Это невозможно. Чего-то всегда будет не хва-тать, дело во времени, так как ни один мужчина не может быть в точности таким, как внутренний мужчина. И это также проблема времени: встреча может произойти лишь на краткое мгновение, а потом — произойдет разде-ление, потому что ни один человек не похож на свое внутреннее существо. Пока вы не достигли внутреннего един-ства, вы будете двигаться от одного несчастья к другому, от

одной женщины к другой, от одного мужчины к другому; от одной жизни к другой жизни. Перемена может дать вам надежду, но она безнадежна; все это дело безнадежное. Когда круг замкнулся, вы снова становитесь одним, невинным, как дитя; более чем дитя, более чем любое дитя, какое только может быть — вы стали мудрецом. Медитируйте над этими словами Иисуса, и попробуйте то, о чем я говорю. Но если вы хотите попробовать, дайте мне знать. Если вы начнете работать над внутренним кругом, тогда постоянно давайте мне знать, что происходит. Ведь если что-то пойдет неправильно, и две энергии встретятся неправильным образом, вы сойдете с ума.

В этом страх стать мудрецом: если вы упадете, то упадете на самое дно, вы станете безумным. Если вы достигнете, то достигнете самой вершины, вы станете мудрецом. Это всегда так: если кто-то хочет гулять по вершинам, у него должна быть храбрость, так как если падать оттуда, то падать глубоко. Рядом с высотами всегда бездна.

Так что помните: нужно очень уравновешенное усилие и много других вещей. Если вы хотите работать над этим, я вам расскажу, но это может быть сделано только лично. Вот почему Иисус говорит о цели, но никогда не говорит о методе. Метод дается лично, это — посвящение в ученики.

Изречение девятое:

Иисус сказал:

Соломинку в глазе брата твоего ты видишь,

но бревна в своем глазу

ты не видишь.

Когда ты достанешь бревно из своего глаза

Тогда ты увидишь,

Как достать соломинку из глаза брата твоего.

Что с моей женой?

Самопознание — самая трудная вещь — не потому, что оно трудно, но потому, что вы боитесь о себе узнать. Существует глубинный страх. Каждый пытается бежать, бежать от себя. Этот страх можно понять. А если этот страх существует, что бы вы ни делали, это не очень по-может. Вы можете думать, что хотите себя знать, но если этот бессознательный страх присутствует, вы постоянно будете убегать от самопознания, вы постоянно будете пытаться спрятаться, уклониться. С одной стороны, вы попытаетесь узнать себя, а с другой — вы создадите все виды препятствий, так что вы не сможете узнать. Сознательно вы можете думать: «Мне бы хотелось познать се-бя», — но в бессознательном, которое больше, сильнее, мощнее, чем сознательное, вы будете избегать самопознания. Так что страх должен быть понят. Почему вы боитесь? Вот одно: если вы действительно проникаете в себя, тот образ, который вы создали в мире, может оказаться фальшивым. Все ваше прошлое окажется не имеющим никакого значения, так как это было лишь нечто призрачное. А вы в него вложили так много, вы жили ради не-го, так что теперь знать о том, что это было лишь фальшивое явление — очень больно: теперь вся ваша жизнь истрачена. Если все, чем вы жили, было псевдожизнью, не подлинно, если вы никогда не любили, а лишь претендовали на любовь, как вы можете встретиться с собой? Ведь тогда вы узнаете, что все было претензией: вы не только претендовали на то, что вы любите, вы также претендовали на то, что вы счастливы, когда любите. Вы лишь вводили себя в заблуждение. И теперь, когда вы смотрите назад, смотрите внутрь, вас охватывает страх. Вы думали, что вы — нечто уникальное, так думает каждый. Это — самая обычная вещь в мире, думать о себе, как об экстраординарном, ком-то особом, «избранном». Но если вы посмотрите на себя, вы узнаете, что нет ниче-го, ничего личного. Тогда на чем будет базироваться эго? Оно рушится, падает в прах. Страх — здесь, вот вы и не заглядываете в себя. Не заглядывая, вы можете создавать мечты о себе, образы себя. А это очень легко и дешево — создавать образ, но очень трудно ... быть кем-то в действительности. Человек всегда избирает самое дешевое — и вы также. И вот взглянуть на себя трудно. В одном доме ночью зазвонил телефон, было четыре часа утра. Человек встал, он был разъярен, и закричал в трубку «Чего вам надо?» Человек на другом конце провода сказал: «Ни-чего!» Тогда тот еще более разъярился и сказал: «Тогда почему вы звоните мне посреди ночи?» Человек сказал: «Потому что сейчас — дешевле!» Если цена низка, вы можете купить даже «ничто». И это — то, что вы делаете. Создать образ, будто вы уникальны — дешево, но быть уникальным — трудно, очень трудно.

Многие, многие жизни в борьбе, в усилиях, многие жизни завершаются в чем-то, когда вы становитесь уникальным. Но верить, что вы — уникальны, это просто дешевка, вы можете сделать это прямо сейчас, здесь нет нужды в каком-либо движении. И вы верите в дешевые вещи — вот почему существует страх. Вы не можете посмотреть на себя. Все, чем вы себя воображаете, там отсутствует — и вы это хорошо знаете. Кто еще лучше знает это, чем вы? Если вы думаете, что вы прекрасны, тогда вы не можете смотреть в зеркало, если эта красота — лишь идея. А вы знаете, точно знаете. Чтобы не смотреть в зеркало, вы разобьете все зеркала. Когда уродливые мужчина или женщина смотрят в зеркало, он или она думают, что что-то не так с зеркалом — так как это очень больно — понимать, что вы никто. В своих глазах вы никто. Любой другой может думать, что вы что-то, но не вы. Даже сумасшедший думает, что весь мир безумен. Весь мир говорит ему: «Ты сумасшедший!», — но он не будет слушать, так как это так больно! Он придумает самые разные аргументы, разумные доводы, чтобы сказать: «Я — не безумен!» Случилось так: Мулла Насреддин однажды вечером прибежал на ферму и спросил фермера: «Не видел ли ты здесь проходившую сумасшедшую?» Фермер сказал: «А, как она выглядела?» Насреддин описал ее. Он сказал: «Ее рост — почти два метра, и она очень толстая, и весит двадцать три килограмма». Фермер выглядел немного сбитым с толку, он сказал: «Если ее рост около двух метров, и она очень толста, как она может весить только двадцать три килограмма?» Насреддин засмеялся и сказал: «Не будь дураком — разве я не сказал тебе, что она немного не в себе?» Этот другой — всегда неправ, всегда сумасшедший. Таким образом, вы защищаете свое, так называемое здоровье, это — защита. А тот, кто не может смотреть на себя, вообще не может смотреть, так как он боится не только посмотреть на себя — основное в том, что он боится смотреть. Ведь, когда вы смотрите на другого, другой может что-то показать в вас. Вы — отражение в глазах другого, вот вы и не можете смотреть на другого. Вы создаете фикцию о себе и потом создаете фикцию о других. Потом вы живете в мире сна — вот как живет каждый. А потом вы спрашиваете, как быть блаженным. Ваш кошмар — естественен: что бы вы ни делали, из этого может расцвести только кошмар. А вы спрашиваете, как быть в покое. Никто не может быть в покое с фикцией, это возможно только с фактом. Как бы ни было трудно его принять, только факт может сделать вас ненапряженным, только факт может привести вас к истине. Если вы отвергаете фактичность, тогда для вас нет истины, и тогда вы движетесь вокруг, да около, и никогда не попадаете в центр.

Я слышал, что однажды случилось так: врач пришел навестить пациентку, очень больную женщину. Он вошел в комнату и через пять минут вышел. Он попросил мужа, ожидающего там: «Дайте мне штопор!» Муж был немного смущен, зачем мог понадобиться штопор. Но через пять минут врач вышел снова, тяжело дыша, и сказал: «А теперь дайте мне дрель!» Муж еще больше разволновался, но промолчал, ведь врач знает, что делает. Потом врач вышел снова и попросил молоток и долото. Это было уже слишком, обезумевший муж не мог удержаться и спросил: «Что с моей женой?» Врач сказал: «Я еще не знаю, я не могу открыть свой чемоданчик!»

И я говорю вам, что вы все еще боретесь с чемоданчиком! И не только это — что вы не можете его открыть — но вы даже не хотите его открывать! Все эти штопоры и дрели, и долото, и молотки, которые вы таскаете с собой — лишь подделки. Вы даже не хотите открывать чемоданчик, потому что когда вы его откроете, что вы будете делать? Тогда пациент — вы, тогда пациенту нужно поставить диагноз, тогда вам нужно взглянуть на себя.

Так что, каждый занят чемоданчиком — вот в чем ваше дело, ваша профессия, ваше

занятие. Вы можете быть поэтом или художником, или музыкантом, но все ваши занятия — лишь пути остаться во внешнем. Вот почему никто не готов остаться один, даже на мгновение. Это так страшно, ведь если вы одни, вы можете узнать кое-что о себе. Когда вы одни, что вам делать? Когда вы одни, вы — с собой — и может выплеснуться реальность.

Вот каждый и старается постоянно быть занятым, занятым двадцать четыре часа в сутки. Когда вы заняты, вы выглядите немного счастливым, когда вы не заняты, вы несчастны. Психологи говорят, что если человек остается незанятым длительное время, он сойдет с ума. Но почему? Почему вы, здоровый, сойдете с ума, если будете незанятым длительное время? Если вы здоровы, тогда в спокойный период, когда делать нечего, вы становитесь еще здоровее, вы вырастаете! Но почему вы сойдете с ума, если вас оставить одного на длительное время? Потому что вы уже безумны! Ваши занятия просто маскируют этот факт.

Взгляните вокруг, так как трудно посмотреть на себя, посмотрите вокруг, взгляните на людей! Например, человек постоянно занят деньгами. Что он делает в действительности? Фокусирует свой разум на деньгах, так что он может избежать себя. Он думает о деньгах — утром, вечером и ночью. Даже в постели он думает о деньгах, о банках и о счетах. Что он делает с деньгами? Вот почему, когда он получает деньги, он — в убытке — что делать теперь? Так что в момент, когда он получает деньги, о которых он думал, он начинает думать об еще больших деньгах — так как деньги — это не то, чем он интересуется. Иначе, когда он получает их, он чувствовал бы себя удовлетворенно, но даже Рокфеллер или Форд не удовлетворены.

Когда вы получаете деньги, вам немедленно нужно больше, так как основная мотивация — не деньги, основная мотивация — как остаться занятым. Когда занятия нет, вы чувствуете себя неудобно, в вас растет глубокое беспокойство, что делать? Если делать нечего, вы будете читать одну и ту же газету — снова и снова — тут же самую газету, которую вы прочли целиком. Если нет никакого занятия, вы можете делать что-нибудь, что вообще не нужно, но вы не можете оставаться в покое. Отсюда — утверждение всех Мастеров, что если вы можете посидеть в течение нескольких часов без делания чего-либо, вы вскоре станете Просветленным.

Незанятое состояние ума — это медитация. Занятое состояние — это мир, сансара. Не имеет значения, какое у вас занятие — интересуетесь ли вы деньгами, или политикой, или служением обществу, или революцией — нет никакой разницы — ваше здоровье одинаково. Даже если вы оставите Ленина одного, он сойдет с ума: ему нужно общество и революция; если делать нечего, для него будет невозможным существовать, его здоровье будет потеряно. Он здоров благодаря вам. Вы работаете так много... что энергия теряется в работе, вы утомлены, вам нужно идти спать.

Старики выглядят почти безумными и эксцентричными, а причина в том, что им нечего делать. Пожилой возраст — не причина, они теперь не заняты, они не нужны, они на пенсии. Люди на пенсии всегда становятся немного эксцентричными. Что-то с ними неладно. Человек был в порядке, может быть, он был президентом или премьер-министром страны — но отправьте его на пенсию, и вы увидите, что случится: он немедленно изнашивается. Его тело и ум изнашиваются, он начинает становиться эксцентричным, сумасшедшим, безумным. Ведь теперь нет занятия, никто не смотрит на него, никто им не интересуется. Ему нечего делать, не на чем сфокусировать свой ум. Смятение увеличивается и увеличивается — он становится смятенным.

Психологи говорят, что люди, вышедшие на пенсию, умирают на десять лет раньше, чем должны были умереть, если бы были чем-то заняты. Что происходит? Почему так трудно быть с самим собой? Ведь вы всегда думаете, что другие чувствуют себя счастливыми с вами, ваша жена чувствует себя с вами счастливой, ваш муж чувствует себя с вами счастливым. Вы сами никогда не чувствуете себя счастливым с самим собой, так, как же кто-то может чувствовать себя счастливым с вами? Если вы такая нудная личность, что вы надоели сами себе, как может быть возможно, чтобы другие вас терпели? Они терпят вас по другим причинам — не потому что вы такой любящий человек, нет! Они терпят вас потому, что вы даете им занятие. Муж — занятие для жены, жена — занятие для мужа. Это обоюдная хитрость: они согласились обманывать друг друга и помогать друг другу оставаться занятыми.

Вы не можете смотреть на себя, вы не можете прийти к самореализации, потому что это — очень дальняя цель. Вы не можете увидеть правду о себе и причиной этому — фальшивый образ, фальшивое отождествление, фальшивая идея о том, что вы нечто очень важное, существенное — весь мир остановится, если вы умрете. Что случится с миром, если вас не будет? Когда вас здесь не будет, что случится? В мире станет немного больше покоя, вот и все. Без вас в мире будет меньше бед — вот и все — так как беспокойная личность исчезнет, и она создавала беспокойство в других. Но для поддержки все эти фикции нужны.

Наполеон стал узником на закате своих дней. Его заточили на маленьком острове, острове Св. Елены. Он был уже ничем и никем — теперь было трудно даже продолжать фикцию. Он был императором, одним из величайших завоевателей: «Что делать теперь? Как я могу вынести, что я теперь — ничто, лишь узник, обычный узник?» Но он не смотрел на факты, он продолжал старую фикцию. Он не менял свои одежды в течение шести лет, потому что в тюрьме ему не дали бы одежды, достойных императора. Его одежды были почти истлевшими, цвета выцвели, они стали грязными, но он их не менял.

Тюремный врач спросил его: «Почему бы вам, не сменить одежду? Она стала такой грязной. Мы можем дать вам одежду получше, почище». Наполеон глянул на него и сказал: «Это императорская одежда — она, может быть, грязна, но я не поменяю ее на обычную!» Он ходил так, как будто оставался императором, он говорил так, как будто оставался императором, он отдавал приказания — их некому было слушать, он продолжал командовать. Он писал письма и приказы, и он всюду носил с собой принадлежности для письма. Его ум оставался императором.

Что произошло с этим беднягой? Незанятый — он начал постоянно болеть. Врач, который был с ним, вел дневник, и там он писал: «Я чувствую, что он болен не по-настоящему, сейчас болезнь стала его занятием. Иногда он говорит — „мой желудок“, иногда — „моя голова“, иногда — „мои ноги“. Врач думал, что все в порядке, тело абсолютно здорово. Но теперь у него не было чем заняться, теперь единственным другом, было тело. Целый мир других исчез, он был одинок. Теперь тело стало — другом, вот он и стал заниматься телом.

Многие люди болеют в качестве занятия: в мире пятьдесят процентов болезней существует, как занятие. Если вы остаетесь занятым, тогда вам не нужно видеть себя. Иначе, что могло случиться с Наполеоном? Если бы он увидел себя, тогда бы он увидел, что стал нищим — и это было бы слишком!

Он умер императором. Перед смертью он приказал, какие ему должны быть отданы последние почести, в величайших деталях. Там никого не было, чтобы исполнить эти

детали, так как никому это не было интересно. Но он отдал приказания, и должно быть, умер в покое, думая, что ему отдадут последние почести, как императору.

С Наполеоном все так ясно, потому что он был императором. Это тоже было фикцией, поддерживаемой обществом. Но ничего не изменилось, Наполеон остался прежним, только поддержка исчезла. Это трудно понять: есть фикции, в которых общество вас поддерживает, есть фикции, в которых вас не поддерживает никто. В этом разница между здоровым и сумасшедшим: здоровый — это тот, чьи фикции поддерживаются обществом. Он манипулирует обществом, чтобы поддерживать свою фикцию. Сумасшедший — это тот, чьи фикции никто не поддерживает, он одинок, так что вы должны отправить его в сумасшедший дом.

Но ваша поддержка не означает ничего действительного, если это фикция, то это — фикция. Если вы посмотрите на себя, вы немедленно почувствуете, что вы никто, ничего реального. Но тогда вся земля, вся основа вышиблена у вас из-под ног, вы — в бездне. Лучше не видеть этого — и оставаться в мечтах. Они, может быть, и мечты, но они помогут вам оставаться здоровым.

Вы не только не можете посмотреть на себя, вы не можете посмотреть и на другого, так как, другой — так же типичен. Вот вы и создаете фикции о других: с помощью ненависти вы создаете фикцию, что другой — дьявол; с помощью любви вы создаете фикцию, что другой — ангел или бог. Вы так же создаете фикцию о другом, вы не можете смотреть прямо, вы не можете видеть их, ваше восприятие — не непосредственно. Вы живете в майе, в иллюзии, созданной вами. Так что, что бы вы ни видели, преувеличено; если вы кого-то ненавидите, он тут же становится дьяволом; если вы кого-то любите, он тут же становится богом. Вы преувеличиваете; если вы видите плохое, вы трансформируете это в крайнее зло; если вы видите хорошее — оно становится крайним добром, Бо-гом.

Но трудно следовать этим фикциям, вот вы и меняетесь снова и снова. Почему вы так преувеличиваете в вашем восприятии? Почему вы не видите ясно то, что есть? Потому что вы боитесь ясно видеть. Вам нужны облака, чтобы все оставалось в тумане. Вы не хотите знать себя. А все те, кто узнал, настаивают: знайте себя! Будда, Иисус, Сократ, все они настаивают: познайте себя! Все требование религии — знать себя.

А вы утверждаете незнание себя. Иногда вы даже играете в игру знания себя. Я встречаю многих людей, которые играют в игру знания себя, и они — не хотят знать! Это игра: сейчас они снова хотят создать новую фикцию, религиозную фикцию, они приходят ко мне, чтобы я поддержал их. Они говорят: «Я познал это, я познал то», — и смотрят на меня молящими глазами.

Если я говорю: «Да, вы это испытали», — они поддержаны, они уходят счастливыми. А если я говорю «нет», они становятся несчастными и никогда больше не приходят ко мне. Они просто исчезают, потому что должны найти еще кого-то, другой авторитет. Но почему вы ищете авторитет! Зачем вам нужен свидетель? Если вы постигли что-то, вы это постигли — нет нужды ни в каком авторитете, так как опыт сам по себе самоочевиден».

Если вы поняли свою душу, вам не нужно ничье одобрение, свидетельство. Даже если весь мир говорит, что вы не поняли, нет никакой разницы, не нужно никакого постановления, вы знаете, что это произошло. Если слепой начинает видеть, он никого не призывает в свидетели, сообщить, что теперь он может видеть; он может видеть, и этого достаточной. Но если слепой мечтает о том, что он может видеть, тогда ему нужен некий авторитет, чтобы подтвердить факт, что это правда, что он может видеть.

Люди играют в игры, существуют даже духовные игры. И пока вы не оставите игры, и не станете трезвыми по отношению к факту, что фикции нужно отбросить, и тяжелую правду нужно увидеть такой, какой она является, ничто не возможно — так как это — дверь. И если никто не поддерживает вас, тогда вы сами поддерживаете себя. Тогда вы перестаете говорить с людьми, так как они не могут вас понять.

Несколько месяцев назад ко мне пришел человек и сказал: «Вы можете меня понять, больше никто меня не понимает, ибо я получаю послания от Бога каждую ночь». И с ним был большой том — абсолютная чепуха! Но он думал, что получает послания от Бога. Он думал, что это — последний Коран, что со времен Мохаммеда никто не получал таких посланий — теперь Коран устарел. Если бы об этом услышали мусульмане, они бы его убили, так как они верят в другую фикцию, а он пытался ее разрушить. И этот человек, который получал послания от Бога, был таким нервным и дрожащим, смотрел на меня, ожидая, что я скажу, потому что все, с кем он встречался, смеялись и думали: «Он сошел с ума!» Он сказал: «Я знаю, что вы — человек Реализовавшийся». Теперь он меня подкупал! Он все время выпрашивал: «Лишь скажите: да, это правда».

Но я сказал: «Если Бог дает вам послания, вам нет нужды приходить ко мне, Бога — достаточно». Тогда он стал немного сомневаться, сбился с толку и сказал: «Но кто знает? Может быть, это штучки моего ума». Это он знал хорошо. Если вы устраиваете трюки, в самой глубине вы это знаете, и не нужно никого, кто бы это вам пока-зал — но вы хотите спрятаться от факта.

Я сказал ему: «Это безумие!» Тогда он больше ко мне не приходил, теперь я — не Реализовавшийся человек! Ему нужно было соглашение: если бы я сказал: «Да, вы получаете послания», — он бы ушел и сказал: «Этот человек стал Реализовавшимся!»

Если я признаю вашу фикцию, тогда вы можете помочь моей фикции, это — взаимная игра, которая происходит. И эта игра приносит столько удовлетворения, что вы не хотите ее прервать. Но за ней, как тень следует глубокая неудовлетворенность. Это взаимосвязано, так как, все это — фикция.

Нищий, думающий, что он — император, знает, что он нищий. В этом проблема: он думает, что он — император, претендует на императора, а глубоко внутри знает, что он — нищий. Он чувствует себя очень удовлетворенным этим императорством, но глубокая неудовлетворенность следует за этим, как тень: «Я — всего лишь нищий». В этом ваша проблема, вы что-то думаете о себе, и вы знаете, что это — неправда.

Вы никогда не любили, вы претендовали, вы никогда не были честным, вы претендовали, вы никогда не были истинным — вы претендовали, вся ваша жизнь — длинная серия претензий. А теперь, когда вы потратили на это так много жизни, признать, что вся жизнь была лишь фикцией — это слишком. Теперь вы думаете: «Как-нибудь я уж дотяну до конца». Но если вы не покончите с этим, даже если вы протянете до конца, это вам ничего не даст. Это просто растрата, это пустая растрата, и в конце, все разочарование выплеснется.

Вот почему смерть так трудна. В смерти нет ничего опасного, это одно из самых прекрасных явлений в мире — вы просто засыпаете! И каждый засыпает: семя прорастает и становится деревом, потом снова появляются семена, они падают и засыпают, потом они снова прорастут. После любой активности необходим отдых. Жизнь — это активность, смерть — отдых. Так должно быть, чтобы из этого выросла новая жизнь. В смерти нет ничего плохого, ничего опасного.

Но почему же каждый, так боится умирать? Потому что в момент смерти все ваши фикции исчезнут, в момент смерти вы увидите, что вся ваша жизнь была тратой. Почему люди говорят, что в момент смерти, человек видит всю свою жизнь? Так бывает, это правда: в момент смерти человек должен увидеть свою жизнь, так как теперь будущего больше нет, и он не может больше создавать фикции. Для фикции необходимо завтра. Смерть приносит факт, что завтра — нет, все завтра закончилось, теперь будущего нет. О чем вам мечтать? Куда вам теперь про-ецировать ваши фикции? Идти некуда! Внезапно вы остановились. А вы всю свою жизнь создавали фикции на будущее. Теперь будущего нет, вы должны смотреть в прошлое, и в момент смерти общество исчезает, вы должны смотреть на себя, больше ничего не остается. Тогда вы начинаете понимать боль, муку из-за всей потраченной жизни. Если это случится с вами до смерти, вы становитесь религиозным человеком. Религиозный человек — это тот, кто понял до смерти то, что каждый понимает при смерти. Религиозный человек — тот, кто увидел, будучи живым — увидел прошлое, смотрел на всю игру и фиктивность своей жизни — смотрел в себя.

Если вы смотрите в себя, изменение неизбежно, абсолютно неизбежно потому, что если фикция осознана как фикция, она начинает исчезать. Чтобы удержаться, фикция должна быть сохранена, как факт, даже правда должна мыслиться, как истина. В то мгновение, когда вы понимаете, что это — неправда, и это в вас проникает, она начинает исчезать — она не в ваших руках, вы не можете ее схватить. Продолжая мечтать, человек должен верить, что это не мечты, а реальность. В тот момент, когда вы осознаете, что это — мечта, она тут же исчезает.

Но не знать — это все ваши усилия, вы уклоняетесь от знания, вот почему вы никогда не находитесь в покое, когда вы — в одиночестве. Даже если вы идете в Гималаи, вы берете с собой ваш радиоприемник, а радиоприемник несет весь мир; даже если вы идете в Гималаи, ваша жена, ваши друзья ваши дети — с вами. Вы едете в от-пуск, но вы никуда не едете — вы несете всю свою атмосферу туда, на пляж, в горы, и снова вы окружены всей этой чепухой.

Однажды случилось так: потерпевший кораблекрушение моряк достиг пустынного острова. В течение пяти лет он вынужден был там жить, так как, никакой корабль не проходил мимо. Он построил маленькую хижину и жил там, постоянно думая о мире. Все было так спокойно, как никогда раньше. Он никогда не знал, не мог даже вообразить, что возможен такой мир. Остров был совсем пустынен, там не было никого — это единственная проблема. Все остальное было идеально, там было все: фруктовые деревья, прекрасная вода; он мог есть, он мог от-дыхать, ничто его не заботило — не о чем было заботиться, некому творить неприятности. А он всегда мечтал уехать когда-нибудь в спокойное место — и внезапно он оказался там! Но это оказалось невыносимо. Тишина — невыносима, нужно быть способным терпеть ее — она может убить.

Это было очень трудно для этого человека, но он был архитектором, и он начал строить маленькие модели, лишь бы не сидеть без дела. Он сделал маленькую улицу и дал ей название, он сделал даже не одну церковь, а две — одну рядом со своим домом, другую — на противоположном конце города; он сделал маленькие магазины, где он мог бы покупать. Он создал целый город.

Через пять лет, когда пришел корабль и бросил якорь в заливе, он был очень счастлив. К берегу в маленькой лодке прибыл человек. Островитянин выбежал из своей хижины, и прибежал к берегу очень возбужденным, так как теперь он снова может вернуться в мир. Но он остановился в замешательстве: человек вышел из лодки с большой пачкой газет. Поэтому

он спросил: «Зачем все эти газеты? Зачем вы их привезли?»

Капитан корабля, сказал: «Сначала перелистайте их, посмотрите, что происходит в мире — а потом скажите нам, хотите ли вы, чтобы вас спасли!»

Островитянин бросил эти газеты в море и сказал: «Что за чепуха! Но до того как я войду в лодку, мне бы хоте-лось показать вам мой город».

Он показал капитану город, но тот был растерян, когда увидел вторую церковь. Он сказал: «Я еще могу по-нять, что вы сделали одну церковь, чтобы молиться, но зачем вторая?»

А тот сказал: «Это — моя церковь, куда я хожу, а та — церковь, в которую я — ни ногой».

Вам нужно две церкви, наконец, по крайней мере, две религии, так как разум двойственен: это — церковь, ко-торой я говорю «да», а то — церковь, которой я говорю «нет». То — неистинная церковь, туда ходят плохие лю-ди, те, которые не принадлежат ко мне. Он был одинок, но он создал целый мир. И он страстно желал вернуться на-зад в мир, он не был готов смотреть газеты. И он поступил правильно, так как, — только вы глянете в газеты, вам не захочется, чтобы вас спасали.

Посмотрите в ваши газеты! Что происходит в мире? Стоит ли в нем жить? Но вы читаете, вы не смотрите, ваше чтение — не смотрение, вы просто сонно читаете. Вы не понимаете, что происходит в мире, что человек де-лает с человеком: такая жестокость, такая глупость, такое отравление любого смысла, всего, что прекрасно, ис-тинно и хорошо — все отравлено. Вам нравится жить в нем? Если вы смотрите, тогда будет трудно решить-ся жить в нем. Вот почему лучше не смотреть, двигаться, как в гипнозе. Для того чтобы не смотреть на себя, использова-лась другая техника, о которой Иисус рассказывает в этой притче, и эта техника такова: увидьте в другом все плохое, так что вы сможете заключить, что вы хороши. Есть два пути быть хорошим: просто быть хорошим — это трудно и есть еще другой путь, быть хорошим — относительный; доказать, что другой — плохой. Вам не нужно быть хорошим, только докажите, что другой — плохой. Это даст вам чувство, что вы — хороший.

Таким образом мы все и доказываем, что другой — вор, другой — убийца, другой — злодей. А когда вы дока-зали, что каждый плох, внезапно вы чувствуете, что вы хороши. Это относительный феномен: не нужно менять себя, лишь докажите, что другой плох. А это очень легко — ничто так не легко, как это. Вы можете преувеличить плохое в другом; вы можете преувеличивать, и никто не может удержать вас от этого. А перед лицом такого преувеличенного зла вы выглядите просто невинным. Вот почему если говорят о ком-то: «Он плохой человек!», вы никогда не спорите с этим, вы просто принимаете это. Скорее наоборот, вы говорите: «Я всегда знал, что это — как раз тот случай». Но если кто-то скажет что-нибудь хорошее о ком-то, вы спорите, вы требуете доказательств. Вы наблюдали факт, что были миллионы людей, которые говорили:

«Мы поверим в Бога, сначала дайте нам доказательств». Но никто еще не написал книгу, требуя доказа-тельств существования дьявола — никто! Никто не потребовал никаких доказательств дьявола, никто не сказал: «Я поверю в дьявола только, когда его докажут». Нет, вы уже знаете, что дьявол — вокруг. Только Бог потерял-ся. Его здесь нет.

Почему хорошее нуждается в доказательствах, а плохое — нет? Наблюдайте эту тенденцию и поймете пре-красное явление, одну из тайн человеческого ума, что глубоко внутри каждый ищет, как быть хорошим. Это трудно, так что же делать? Докажите, что другой плох: «Вы — хуже, чем я, так что, в конце концов, я чуть-чуть хороший!»

Иисус сказал: «Соломинку в глазу брата твоего ты видишь, но бревно в своем глазу ты не видишь».

«Когда ты достанешь бревно из своего глаза, тогда — ты увидишь, как достать соломинку из глаза брата твоёю».

Вы смотрите на другого, как на тьму. Это может дать вам иллюзорное чувство, что вы — свет, но это не может дать вам света. А если вы пытаетесь просветить другого, так как думаете, что он в темноте, это еще больше ухудшает — это добавляет к несправедливости еще и оскорбление. Потому что, во-первых, тьма спроецирована вами, и во-вторых, вы сами — не свет... вы не можете просветить другого.

Так что люди, которые пытаются преобразовать общество — вредители; люди, которые пытаются изменить другого, всегда опасны. Они — убийцы очень тонкого сорта, их убийство столь тонко, что вы не можете их поймать. Они не прямо убивают вас, но калечат вас, режут — и «для вашего собственного блага», так что вы не можете сказать ничего против них. Ваши, так называемые святые, лишь пытаются разрушить тьму, которой в вас нет, или может не быть, но они воображают, что она там есть. Они видят в вас ад, так как это — единственный путь для них увидеть и почувствовать себя райскими.

Мулла Насреддин умер. Он постучал в райские врата.

Святой Петр открыл врата, посмотрел на Насреддина и сказал: «Но я сегодня никого не ожидаю, в моем списке нет ни одного имени, сегодня никто не должен прийти. Как же...? Ты меня удивил, как ты сюда попал? Скажи громко свое имя. Произнеси его по буквам, чтобы я мог его проверить».

Итак, Насреддин произнес свое имя громко, по буквам: «М-У-Л-Л-А Н-А-С-Р-Е-Д-Д-И-Н». Святой Петр ушел и посмотрел в свои списки, но там не было никого, кто должен был прийти в тот день.

Он вернулся и сказал: «Слушай! Ты не должен был сегодня сюда приходить, тебя здесь ждут через десять лет. А ну-ка, скажи мне, кто твой врач?»

Врачи могут убить вас раньше срока, делающие добро могут убить вас раньше, чем положено, делатели добра всегда опасны. Но вы все — делатели добра, по-своему, маленькие или большие. Каждый хочет изменить другого, так как каждый думает, что другой не прав; каждый хочет изменить мир. И это — различие между политическим и религиозным умом.

Политический ум всегда хочет изменить мир, так как он не может думать, что плох он сам — весь мир плох. Если политик плох, то это из-за того, что весь мир плох и вся ситуация неправильна. Он должен быть плохим — иначе он был бы святым. Религиозный человек смотрит прямо с противоположного конца. Он думает: «Я плох, вот почему мир плох, так как я вношу в него зло. Из-за меня мир плох. До того, как я изменюсь сам, не будет никакого изменения».

Политик начинает с мира, но он не достигает никакой цели, ведь мир такой большой, и мир — не проблема. Он создает еще больше проблем, из-за его лекарства появляется намного больше болезней, которых ранее не было; из-за своих усилий он создает больше несчастий. Религиозный человек изменяет себя. Он меняет только себя, так как это единственное, что возможно сделать.

Вы можете только менять себя, и в то мгновение, когда вы меняетесь, начинает изменяться весь мир, потому что вы — его важная часть. И когда вы становитесь просветленным, совершенно изменившимся, вы становитесь более жизненным: теперь в вас

есть высшая энергия. Будда просто сидит под своим деревом Бодхи, а мир преоб-ражается. И мир больше не будет таким, каким он был до Будды.

Иисус распят, но это становится знаком; история с этого дня разделяется, история уже никогда не будет такой, как прежде. Так что хорошо, что мы разделяем годы по имени Христа; мы говорим: «до Христа», «после Христа». Это хорошо, потому что до Христа было совсем другое человечество, после Христа в бытие пришло совсем другое человечество. Это столь живой феномен, что когда есть Христос — когда сознание возрастает до сознания Иисуса, все другие сознания немедленно затронуты. Они также растут, в них — тоже проблеск, они не могут снова стать прежними, на том же старом уровне.

Религиозный человек просто преобразует себя, но преобразование возможно, только если вы смотрите. Преоб-разование возможно, только если вы отбрасываете фикции.

Если вы начали понимать, что вы — никто и ничто, если вы начинаете понимать свою неистинную жизнь, фикции немедленно начинают исчезать.

Знание — это революция, не то знание, что вы получили с помощью ума, но то, что вы начинаете получать, когда вы сталкиваетесь с собой. Самопознание — преобразующая сила, ничего больше не надо делать. Это долж-но быть понято; люди думают: «Сначала мы узнаем, а потом изме-нимся». Нет! В тот момент, когда вы узнаете; вы меняетесь. Знание само по себе преобразующее — это не так, что вы сначала узнаете, а потом что-то делаете для изменения. Знание — это не метод, это не средство, знание — это цель сама по себе.

Но когда я использую слово «знание», я имею в виду знание себя... Все другие знания — это лишь средство: сначала вы должны знать «как», и тогда вы что-то делаете. Но со знанием себя качество совершенно другое; вы знаете, и само знание меняет вас. Отбросьте фикции! Найдите в себе храбрость знать себя.

Отбросьте страх и не пытайтесь бежать от себя!

И Иисус говорит: «Когда ты извлечешь бревно из своего глаза, тогда ты ясно увидишь...» Только когда фикции отброшены!

Они — бревно в вашем глазу, они стали туманом, дымом, облаком в глазах. Вы не можете видеть ясно, все за-темнено. Когда бревно извлечено из вашего глаза, вы ясно увидите. Целью должна быть ясность — лишь ясность глаз, чтобы вы могли смотреть прямо и проникать в факт без создания любых проекций вокруг него. Но это — очень трудно, так как вы стали, совершенно автоматичны в этом, совершенно механичны...

Слова затемняют, вы смотрите на цветок, и сразу же ваш ум начинает говорить: «Прекрасный цветок! Я ни-когда такого не видел!» Приходит поэзия, немного заимствованная, конечно. Цветок упускается, ясности нет. Возникают слова — разве вы можете смотреть на цветок, не называя его? Необходимо ли название? Поможет ли хоть как-нибудь название цветка? Станет ли цветок более прекрасным, если у вас есть ботанические знания о нем? В этом различие между ботаником и поэтом: ботаник знает о цветке, поэт знает цветок. Ботаник — просто невежда, он много знает об и о — поэт видит.

В санскрите есть только одно слово для риши и кави, для провидца и поэта. Нет двух слов, так как говорят, что если поэт настоящий, он провидец; если есть провидец — он поэт. Если есть ясность... жизнь становится по-эзией. Но тогда вы должны смотреть на цветок, не называя его — роза это, или еще что-нибудь. Зачем нужны слова?

Почему вы говорите: «Он прекрасен?» Вы не можете видеть красоту без разговоров? Это необходимо — по-вторять, что он прекрасен? Что вы имеете в виду, повторяя это? Это значит, что цветок — еще не все — вам нужно внушение, что он прекрасен, тогда вы

сможете создать красоту вокруг него. Вы не видите цветок, цветок — лишь экран, вы должны спроецировать на него красоту.

Смотрите на цветок и ничего не говорите. Это будет трудно, ум почувствует беспокойство, потому что у него есть привычки. Он постоянно болтает. Смотрите на цветок и сделайте это медитацией! Смотрите на дерево и не называйте его, не говорите ничего. Это не нужно, дерево здесь — зачем же говорить что-либо?

Я слышал, будто Лао-Цзы, один из величайших китайских мистиков, каждый день ходил рано утром на про-гулку. Его сопровождал сосед, но он знал, что Лао-Цзы — человек молчания, так что, в течение многих лет он сопровождал его в утренних прогулках, но никогда ничего не говорил. Однажды у него в доме был гость, который тоже захотел пойти на прогулку с Лао-Цзы. Сосед сказал: «Ничего не говори, так как Лао-Цзы хочет жить непосредственно. Ничего не говори!»

Они вышли, а утро было так прекрасно, так тихо, пели птицы — по привычке гость сказал: «Как прекрасно». Только это, и ничего больше за часовую прогулку. Это не очень много: «Как прекрасно». Но Лао-Цзы так по-смотрел на него, будто тот совершил грех.

Вернувшись домой, входя в дверь, Лао-Цзы сказал соседу: «Никогда больше не приходи! И никогда не приводи еще кого-нибудь — этот человек, похоже, очень разговорчив». А он лишь сказал: «Как прекрасно», — лишком разговорчив! И Лао-Цзы сказал: «Утро было прекрасным, оно было так тихо. Этот человек все испортил». «Как прекрасно!» Это упало, как камень в тихий пруд. «Как прекрасно» упало камнем в тихий пруд, и все взволновалось.

Медитируйте у дерева, медитируйте со звездами, с рекой, с океаном, медитируйте на рынке среди проходящих людей — ничего не говорите! Не судите! Не пользуйтесь словами. Только смотрите! Если вы сможете очистить свое восприятие, если вы сможете достичь ясности зрения, все достигнуто. И как только эта ясность достигнута, вы способны увидеть себя.

Знание себя происходит с ясным умом, а не с умом, затянутым знаниями, не с умом, заполненным суждениями о хорошем или плохом, не с умом, заполненным красотой или уродством; но с умом, который без слов. Знание себя возможно только с бессловесным умом. Оно всегда там, вам только нужна ясность ума, чтобы воспринять это, тогда вы можете отражать; вам нужен ум, подобный зеркалу, тогда отражение становится возможным. Когда это случается, вы можете помочь соседу — и никогда не раньше. Так что не советуйте никому! Все ваши советы опасны, ибо вы не знаете, что творите.

Не пытайтесь никого изменить, даже своего сына, даже своего брата. Никто не нуждается в ваших попытках, так как вы опасны. Вы можете тревожить, вы можете убивать, вы можете калечить, но вы не можете помочь пре-ображению. Пока вы не преобразитесь — не лезьте в чужую жизнь. Если вы наполнены светом, вы можете по-мочь. В действительности, тогда нет нужды, совершать усилия помочь. Помощь истекает из вас, как свет из лам-пы, или аромат от цветка; или луна, сияющая в ночи — нет усилий со стороны луны, она просто сияет.

Кто-то попросил Басе, мастера Дзен: «Расскажи что-нибудь о своих беседах. Ты говоришь, и при этом всегда выступаешь против слов. Так что поясни это».

Что сказал Басе? Басе сказал: «Говорят другие, я цвету!»

Когда усилий нет, тогда это — цветение, как цветение цветка — там нет усилия, цвести. Басе говорит, Будда говорит — усилия нет, это просто происходит! Это — естественное явление, когда говорит Будда. Когда говорите вы — это не естественное явление,

включаются другие вещи — вы хотите произвести на других впечатление, вы хотите изменить других, вы хотите контролировать, манипулировать другим, вы хотите доминировать на другом, вы хотите произвести впечатление, что вы — человек знания, вы хотите подпитать ваше эго. Очень многое другое включается. Вы не цветете. Когда вы говорите — это большая политическая игра, там есть стратегия и тактика. Но когда говорит Басе, он цветет. Если при этом кто-то присутствует, он извлечет пользу, но польза для другого — не цель, польза получается без усилий. Цветок цветет не для вас. Если вы проходите мимо, вас достигнет аромат, вы сможете им насладиться, вы можете почувствовать экстаз, вы можете быть благодарным. Но цветок никогда не цветет для вас, цветок — просто цветет.

Будда цветет, Иисус цветет, а весь мир получает пользу. Но вы пытаетесь принести пользу другим, и никто ее не получает, но вы делаете. Мир стал бы лучше, если бы в нем было поменьше людей, изменяющих и преобразовывающих его. Все революции просто делают зло, и реформа ведет к большей неразберихе.

Д. Х. Лоуренс однажды предложил, чтобы на сто лет человечество остановило все революции, все университеты, все реформы и все разговоры о них, и сто лет жили, как дикари. Это прекрасное предложение. Тогда человечество вновь стало бы живым, энергия могла бы возрасти, а люди смогли бы достичь ясности.

Слова потускнели, они стали настолько отягощенными и вы тащите столько знания, что уже не можете взлететь в небо. Вы настолько отягощены, что вы не невесомы, ваши крылья — не свободны. И вы вцепились в вещи, которые стали вашими тюрьмами и путами, потому что вы знаете, что они очень ценны. Они — вещи без цены, более того, они опасны для вас. Слова, писания, знания, теории, «измы» — все они калечат. Из-за них не может быть достигнута ясность, отбросьте все писания, бросьте все суждения.

Смотрите на жизнь, как ребенок, не знающий, на что он смотрит, только смотрите — и такой взгляд даст вам новое восприятие. Это новое восприятие — это то, о чем говорит Иисус. Я повторю его слова:

«Соломинку в глазе брата твоего ты видишь, но бревна в своем глазу ты не видишь». «Когда ты достанешь бревно из своего глаза, тогда ты увидишь, как достать соломинку из глаза брата твоего».

Только это может помочь. Если вы станете светом для себя, вы станете светом для других. Но это — цветение, и каждый получит пользу — зная, или не зная, — каждый получит пользу. Вы станете блаженством.

Изречение десятое...

*Иисус сказал:
Невозможно человеку
Оседлать двух лошадей
И натянуть два лука,
И невозможно слуге
Служить двум хозяевам,
Так как если он почитит одного,
То обидит другого.*

Просто наслаждаясь собой!

Каждый уже оседлал двух лошадей, каждый натягивает два лука — только не два, а много. Вот как создается мучение, вот почему вы постоянно тревожитесь. Тревога! показывает, что вы седлаете двух лошадей. Как вы можете чего-то добиваться? Невозможно! Потому что лошади скачут в разных направлениях, и вы не можете скакать никуда. На одной лошади скакать возможно, вы можете чего-то достигнуть.

На двух лошадях движение невозможно — они будут отрицать друг друга, и вы никуда не попадете. А из-за этого и тревога, потому что вы никуда не можете попасть. Глубоко внутри — это мучение: жизнь выскальчивается из ваших рук, времени остается все меньше и меньше, смерть — все ближе, а вы ничего не достигли. Это — как если бы вы стали заброшенным прудом, высыхающим и умирающим. Нет никакой цели, никакой наполненности... Но почему так получается? Потому что вы пытались сделать невозможное.

Попробуйте понять ваш ум, как он работает, тогда вы будете способны понять, что имеет в виду Иисус. Вы хотите быть свободным, как бедняк, так как только бедняк может быть свободным — у него нет ноши, ему ничего защищать, вы не можете его ограбить. Он не боится. Вы ничего не можете у него забрать, потому что у него ничего нет, с этим ничем — он в покое, так как он ничем не обладает, у него нечего украсть. У него нет врагов, потому что он вообще не соперник, так как ему не в чем соперничать.

Вы хотите быть свободным, как бедняк, как нищий, но вы хотите быть в безопасности, как богач, как император. Богач — в безопасности, он чувствует себя более надежно. Внешне он все устроил, он неуязвим: он защитился против смерти, его уже не так легко убить, он — в доспехах. И вам хотелось бы быть свободным, как нищий, и в безопасности, как император — тогда вы седлаете двух лошадей и ничего невозможно достичь!

Вы любите кого-то, но вы хотите, чтобы этот кто-то вел себя как вещь, был полностью в ваших руках. Но вы не сможете любить вещь, вещь мертва и не может вам отвечать. Так что, если другой — действительно личность, им нельзя обладать, он — как ртуть. Чем больше вы пытаетесь сжать ее в руке, тем больше она ускользает — так как быть личностью означает быть свободным. Если он — личность, вы не можете им обладать; если вы можете обладать им, он больше не личность, и вы не можете его любить. Тогда он просто мертвая вещь, а кто может любить мертвую вещь?

Вы оседлали двух лошадей. Вы хотите личность, подобную вещи, это — невозможно!

Личность должна быть свободной и живой, и только тогда вы сможете ее любить. Но тогда вы почувствуете затруднение, так как вы начнете овладевать и потом ее убивать, вы — отравитель. Если она позволит это отравление, рано или поздно она станет просто вещью. Так жены становятся декоративными вещами в доме, мужья становятся просто надсмотрщиками — а любовь исчезает. И это происходит во всех направлениях.

В вас — сомнение, сомнение имеет свою пользу: оно дает вам большую предсказательную силу, оно дает вам большую защищенность, никто не сможет вас легко обмануть. Вот вы и сомневаетесь — но тогда сомнение порождает тревогу, ведь глубоко внутри вы беспокойны. Сомнение подобно болезни. Сомнение означает: «Что делать? Это или то?» Сомнение означает: «Быть или не быть?» — а это решить невозможно.

Из-за сомнения невозможны даже простые решения. Самое лучшее, вы можете решать только частью ума, которая стала большинством, но меньшинство — тоже там, и это меньшинство не так уж и мало. А, так как, вы всегда выбираете не его, меньшинство всегда будет искать ситуацию, в которой может сказать вам, что вы выбрали неправильно. Меньшинство там, чтобы бунтовать, и это — постоянное смятение в вас.

С сомнением всегда рядом беспокойство. Это — как любая болезнь, это — душевная болезнь. Вот человек, который сомневается и становится все более больным. Но вы не сможете его с легкостью обмануть, так как он более хитер, более умен на мирских путях. Вы не можете его обмануть, но он болен. Так что польза — есть: его нельзя обмануть. Но это — потеря, большая потеря. Польза имеет слишком большую цену; он остается взволнованным, беспокойным, он не может решать. Даже если он решает, это решение — лишь решение большей части против меньшей. Он разделен, всегда существует конфликт.

Верить вы тоже хотите. Вы также хотите быть в вере, так как вера дает вам здоровье, нет никакого обмана, вы полностью уверены. Здоровье дает вам счастье: нет взволнованности, вы безмятежны; вы — цельны, не разделены, а цельность — это здоровье. Вера дает вам здоровье, но тогда вы становитесь уязвимым, каждый может вас обмануть. Если вы верите, вы в опасности, так как вокруг люди, которые хотели бы вас использовать, а они смогут вас использовать, только если вы верите. Если вы сомневаетесь, они не смогут вас эксплуатировать.

Вот вы и оседлали двух лошадей — сомнение и веру, но вы делаете невозможное. Вы останетесь постоянно в тревоге и мучении, вам будет плохо. В этом конфликте двух лошадей вы и умрете. Однажды произойдет важное событие — это событие будет ваша смерть: вы скончаетесь до того, как чего-нибудь достигнете; вы скончаетесь до того, как появятся цветы, вы скончаетесь до того, как узнаете, что такое жизнь, что она означает. Бытие исчезнет.

Иисус сказал: «Невозможно человеку оседлать двух лошадей...»

Но каждый человек пытается делать невозможное, вот почему он в беде. И я говорю вам, что так — в любом направлении. Так что, есть не две лошади — их миллионы. И каждый миг вы живете в противоречии. Почему так происходит? Причина в том, как воспитывают ребенка. Причина в том, как ребенок вступает в этот мир, где кругом безумцы. Они создают противоречия, они учат вас противоречивым вещам.

Например, вас научили: «Любите все человечество, будьте братом всякому и каждому, возлюби своего соседа, как самого себя». И тут же учат, воспитывают, направляют — соперничать, скрытноничать с каждым. Когда вы соперничаете, другой — враг, но не друг. Он должен быть побежден, завоеван; в действительности, он должен быть разрушен. И вы

должны быть безжалостны, иначе другой разрушит вас. Если вы — соперник, тогда все общество враг, никто не ближний, никто не брат. И вы не можете любить, вы должны ненавидеть, вы должны быть ревнивым, вы должны быть злым. Вы постоянно должны быть злым. Вы постоянно должны быть готовы сражаться и побеждать, а это — тяжелая борьба, если вы мягкосердечны — вы проиграете.

Так что будьте сильным, жестоким, агрессивным. Прежде, чем другой на вас нападет, нападите на него. До того, как будет слишком поздно, нападите и победите, иначе вы проиграете, так как миллионы соревнуются за те же вещи, вы — не одиноки. А как может соперничающий разум возлюбить ближнего? Это невозможно! Но вам даны оба учения: вас научили, что честность — «лучшая политика»; и также, что «бизнес — есть бизнес»! Обе эти вещи вместе, вам дают сразу обеих лошадей вместе. А ребенок, не знающий о путях мира, не может увидеть и почувствовать противоречия.

Для того чтобы почувствовать противоречия, необходим очень зрелый ум. Иисус, Будда нужны, чтобы почувствовать противоречие. Ребенок не знает путей мира, а учителя — отец, мать, семья — это те, кого он любит. Он их любит. Как он может думать, что они создают в нем противоречия? Он даже не может себе это представить, так как они его благодетели; они добры к нему, они его воспитывают. В них источник энергии, жизни, все для него. К чему им создавать противоречия? Отец любит его, мать — любит, но проблема в том, что они воспитаны тем же самым неверным способом, и они не знают, что делать, кроме того, как повторять то, чему их научили родители, они учат теперь своих детей. Они просто переносят болезнь, болезнь переносится от одного поколения к другому. Вы можете называть ее «достоянием», «традицией», но это болезнь. Таким образом еще никто не стал здоровым.

Все общество становится все более и более невротичным. А ребенок так прост, так невинен, что он может быть направлен на противоречивые пути. К тому времени, когда он осознает противоречие, будет слишком поздно. И получается, что почти вся ваша жизнь потеряна, и вы никогда не поймете, что оседлали двух лошадей. Думайте об этом противоречии, и попытайтесь найти его в вашей жизни. Там вы найдете миллионы противоречий, вы — мешанина, неразбериха, хаос!

Когда ко мне приходят люди, они просят о тишине, о молчании. Я гляжу на них и чувствую очень многое, так как это почти невозможно — тишина может существовать, только когда все противоречия отброшены. Для этого нужно большое усилие, очень пронизательный ум, зрелость, понимание. Этого ничего нет, а вы думаете, что, только повторяя мантру, вы станете молчаливым? Если бы это было так легко, тогда каждый стал бы молчалив. Вы думаете, что только повторяя: «Рам, Рам», вы станете молчаливым? Эта мантра станет еще одной лошадью, вот и все — из этого выйдет еще больше неразберихи. Если вы добавите еще одну лошадь, вы получите больше путаницы.

Посмотрите на так называемого религиозного человека: он больше запутан, чем мирские, так как добавлена еще одна лошадь. Человек, который живет в мире, менее запутан, хотя у него может быть много лошадей, но, в конце концов, все они принадлежат к этому миру; в конце концов, хоть Единое здесь общее, подобное — они все принадлежат к этому миру. А у религиозного человека так много лошадей, принадлежащих к этому миру, а также неких новых лошадей, которых он добавил, и которые не принадлежат к этому миру. Он создал большую лазейку: иной мир, Бог, Царство Божие. И он пропал, он — не целостен, все его части разделяются, его целостность исчезает — вот что такое невроз.

То, как вас воспитали — неправильно, но сейчас ничего нельзя сделать, так как вы уже воспитаны, назад доро-ги нет. Так что вы должны понять это и отбросить через понимание. Если вы отринете это из-за того, что я так говорю, тогда вы добавите еще лошадей. Если вы отринете это через понимание — потому что вы все поняли, и из-за этого отринули — тогда вы не добавите лошадей. И напротив, старые лошади будут отпущены на свободу, так что они смогут двигаться и достигать своих целей, а вы сможете двигаться и достигать своих целей.

Ведь не только вы в затруднении, ваши лошади также в большом затруднении из-за вас, они никуда не могут попасть. Пожалейте себя и своих лошадей! Но это должно быть сделано через понимание, ваше понимание, а не мое учение — или Иисуса, или Будды. А вы разделяетесь в этом мире. Все становится более запутанным, в вашем существе растет больше конфликтов. Конфликты могут указать путь, но если вы следуете по нему без понимания, вы никогда достигнете цели. Теперь попытайтесь понять:

Иисус сказал! «Невозможно человеку оседлать двух лошадей и натянуть два лука, и невозможно слуге служить двум хозяевам, так как если он почитит одного, то обидит другого». Почему это невозможно? И что есть — невозможность? Невозможное — это не что-то очень трудное, нет! Как бы трудно ни было нечто, это не невозможно, вы можете этого достичь. Невозможность же означает, что достичь нельзя, что бы вы ни делали, нет способа, нет возможности сделать это. Когда Иисус говорит «невозможно», он имеет в виду невозможное, он не имеет в виду очень трудное — а вы пытаетесь сделать невозможное. Что произойдет? Это не может быть сделано! Но что случится с вами, с теми, кто делает усилие, чтобы сделать невозможное? Вы — развалитесь. Нет возможности сделать это, но, делая это, вы развалите собственную жизнь. Так случится, так случилось, посмотрите на сомневающих людей. Видели ли вы человека, который бы сомневался, и который не имел бы веры? Если вы увидите человека, который только сомневается, вы увидите, что он не может жить, ему невозможно жить. Пойдите в сумасшедший дом: там вы найдете людей, которые сомневались во всем. Они не могут даже двигаться, потому что они сомневаются даже в простых действиях. Я знал человека, который был настолько полон сомнений, что он не мог ходить на рынок — а рынок был всего совсем рядом. Он возвращался назад снова и снова, чтобы проверить замок. И когда мы были детьми, мы шутили над этим беднягой. Он выходил, а мы спрашивали его: «Проверили ли вы замок?» Он сердился, но возвращался, чтобы проверить. А он был одинок, там никого больше не было — и так боялся! Он шел купаться к реке, и кто-нибудь говорил: «Вы проверили замок?» Он очень сердился, но с полпути на купание он поворачивал и бежал к дому проверить. Это — истинный скептик. Если сомнение заходит так далеко, вы попадете в сумасшедший дом, так как вы сомневаетесь во всем. Это тип человека, полностью разбитого на части. Если вы предпочтете этому веру, вы станете абсолютно слепым. Тогда кто угодно может завести вас куда угодно, тогда у вас нет собственного ума, собственной бдительности. Вы найдете такой тип личности в окружении Гитлеров — они верили, и из-за этой веры потеряли. Из-за этого вы пытаетесь совершить невозможное, пойти на компромисс: не впадать в эту крайность, так как в ней — невроз; и не впадать в другую крайность, так как тогда приходит слепота. Что же тогда делать? Тогда простой рассудок говорит: «Лишь пойти на простой компромисс с обеими, половина на половину — немного сомнения, немного веры». Но тогда вы седлаете двух лошадей. Возможно ли жить без сомнения и без веры? Это — возможно. В действительности, это единственный путь роста — жить без сомнения и без веры; жить просто, самопроизвольно, с сознанием. И это то, чем в действительности является вера —

не верить кому-то, а верить жизни, куда бы она ни вела, без сомнений, без веры; вы просто движетесь, вы движетесь невинно. Сомневающийся человек не может двигаться невинно. До того, как он начнет движение, он подумает, и иногда он надумает так много, что возможность утеряна. Вот почему мыслители нико-гда не делают много. Они не могут действовать, они используют только мозг, так что до действия они должны решить, они должны прийти к заключению; а они не могут прийти к заключению, так как же они могут действо-вать? Тогда лучше подождать и не действовать. Но жизнь не будет вас ждать. Либо вы становитесь верующим, верящим, слепцом; тогда любой политик, безумец, Папа, священник может вести вас куда угодно. Но они сами слепы, а когда слепой ведет слепого, это приведет к катастрофе. Что же делать? Рассудок, обычный здравый смысл говорит: «Идите на компромисс». Один ученый, Б. Ф. Скиннер, поставил эксперимент, заслуживающий внимания. Объектом эксперимента были белые мыши: их не кормили в течение двух или трех дней, так что они были очень голодны; в действительности они были настолько голодны, что готовы были бросаться и есть, что бы им ни дали. Потом их помещали на платформу. Сразу за платформой помещались два одинаковых ящика, одинакового цвета и размера, и в обоих была пища. Белая мышь могла прыгнуть либо в правый ящик, либо в левый. Мышь прыгала сразу же, не думая ни мгновения. Но если она прыгала в правый ящик, она получала электрический шок. Там была еще и ловушка, так что она падала внутрь другого ящика через эту ловушку и не могла добраться до пищи. Если она прыгала в левый ящик, там не было электрошока и ловушки, так что она могла добраться до пищи. За два или три дня она обучалась — прыгала в левый ящик и избегала правого.

Потом Скиннер сделал замену, он менял ящики местами. Мышь прыгала в левый ящик и получала электро-шок. Теперь она была взволнована, расстроена — что делать и чего не делать. Теперь перед прыжком она дрожа-ла и волновалась, полная сомнений. Вот таковы и философы — белые мыши, дрожащие, полные сомнений, что делать: левое или правое, как выбрать? И кто это знает? Но затем они вновь привыкли. Тогда Скиннер вновь делал замену. Мышь становилась настолько растерянной, что хотя она и была голодна, она ждала — дрожа, гля-дя на тот и на другой ящик — и не могла решить. Потом она решала так же, как и вы: она прыгала между двумя ящиками — но там не было пищи, это не помогало. И через нескольких недель экспериментов, белая мышь ста-новилась невротиком, безумной.

Именно это и происходит с вами: вы растеряны — что делать, что не делать? И единственное, что приходит в голову, это то, что если трудно выбрать: то или другое, — тогда лучше пойти на компромисс, просто прыгнуть по-середине. Но там нет пищи. Конечно, нет электрошока, но и пищи, нет. Вы утрачиваете жизнь, если прыгаете по-середине. Если бы для мыши было возможным, прыгнуть в оба ящика, она бы так и поступила.

Таковы две возможности, открытые для рассудка: оседлать обеих лошадей или просто прыгнуть посередине. Нужен разум, очень пронизательный острый разум, чтобы понять проблему — другого решения нет. Я не даю вам никакого решения, и Иисус не дает никакого решения никому, лишь понимание проблемы является решени-ем. Вы понимаете проблему, проблема исчезает.

Невозможно жить без веры и без сомнения? Не идите на компромисс! Ведь компромисс является ядом: они на-столько противоположны, что вся ваша жизнь станет противоречием, а если есть противоречие, вы станете разде-ленным, расщепленным, и конечным результатом, будет шизофрения. Или, если вы выберете одно и отвергнете другое, тогда вы отвергли всю пользу, которая возможна в другом. Сомнение дает вам защиту от эксплуатации, вера дает

вам уверенность — отбросьте что-нибудь, и польза также будет отброшена. Если вы выбираете и то и другое — вы седлаете двух лошадей; если вы идете на компромисс, вы создаете разделение внутри вашего существа, вас — двое, вы становитесь толпой. Тогда что же делать?

Лишь поймите проблему и слезайте с обеих лошадей — не идите на компромисс. Тогда начнется совсем иное бытие, совсем иное качество вашего сознания. Но почему же вы не делаете этого? Из-за того, что это качество нуждается в бдительности, этому качеству нужна сознательность. Тогда вам не нужно сомневаться ни в ком, вам просто нужно быть полностью бдительным. Ваша бдительность будет защитой от эксплуатации.

Если полностью бдительный человек смотрит на вас, вы не сможете его обмануть, сам его взгляд разоружит вас. И если он позволяет эксплуатацию, то это не потому, что вы обхитрили и обманули его, а потому, что он вежлив и позволил это вам. Вы не сможете обмануть полностью бдительного человека. Это невозможно, так как он видит вас насквозь, вы прозрачны; у него такое сознание, что вы — прозрачны. Если он позволяет вам обмануть его — это от его сочувствия. Вы не можете обмануть его.

Эта бдительность кажется трудной. Вот почему вы выбираете невозможное. Но невозможное — невозможно, вы можете лишь уверяться, что это может произойти; это никогда не происходило, это никогда не произойдет. Вы выбрали невозможное, так как, оно выглядит более легким. Компромисс всегда выглядит более легким — когда бы вы ни оказались в трудности, вы идете на компромисс. Но компромисс никогда и никому не помогает, так как он означает две противоположности, существующие в вас, они всегда будут в напряжении, они вас разделят! А разделенный человек никогда не может быть счастлив.

Вот что имеет в виду Иисус, но христиане его не поняли. Христиане полностью утратили Иисуса, так как разум интерпретирует. Что они интерпретируют? Они говорят: «Выберите одну лошадь! Либо этот мир, либо тот — выберите один! Не седлайте двух лошадей, так как вы окажетесь в затруднении, и это невозможно. Поэтому выберите одну лошадь». Вот каким образом они пришли к выводам и интерпретациям.

Я слышал, будто однажды ночью жена Муллы Насреддина проголодалась и направилась на поиски полночной закуски. Но она не смогла найти ничего, кроме собачьей галеты. Она попыталась ее попробовать, нашла ее не-дурной, она была вкусной, вот она ее и съела. Это ей настолько понравилось, что она утром попросила Насреддина купить большую коробку. Насреддин пошел и заказал много собачьих галет. Местный продавец сказал: «Что ты делаешь? Ведь я знаю, что твоя собачка очень маленькая, тебе не нужна такая большая коробка галет». Насреддин сказал: «Это не для собачки, это для моей жены». Продавец сказал: «Я должен тебя предупредить, что эти галеты — только для собак, и если твоя жена будет их есть, она умрет — они ядовиты». И через шесть месяцев жена Насреддина умирает. Насреддин сообщил об этом продавцу.

Продавец сказал: «Я тебя предупреждал, что эти галеты могут убить твою жену».

Насреддин сказал: «Это не галеты убили ее — ее убило то, что она бросалась на проезжающие машины, а не галеты...»

Наш ум привязывается к своим заключениям, так как если теряется заключение, теряется и ваша уверенность. Так что, какой бы ни была ситуация, вы цепляетесь за ваши заключения. Это дает вам почву для вашего эго, и ваш ум укрепляется.

Однажды Мулла Насреддин гулял с палкой, которая для него была слишком длинна.

Один его приятель заме-тил: «Насреддин, почему бы тебе, не отрезать несколько дюймов снизу?»

Насреддин сказал: «Это не поможет — слишком длинен другой конец».

Ваши рассуждения могут быть самоубийственными. Они — таковы! Вы думаете, что это — обоснование; но это не так, это лишь обман — вы обманываете себя. Но вам не хочется терять почву, вы хотите быть уве-рены; а вся уверенность, которая приходит из ума — фальшива, так как ум не может дать вам уверенности. Он может дать вам лишь фальшивые вещи, он может снабдить вас только фальшивым. С ним не получишь ист-инного, это — лишь тень. Ум — это лишь мысли, тени, в них нет ничего существенного. Но он может играть в разумные до-воды, и вы почувствуете себя хорошо.

Христиане упускают суть. Они думают, что Иисус говорит: «Выбирайте!» Иисус никогда не говорит: «Выби-райте!» Иисус имеет в виду отсутствие выбора. Если вы выбираете, выбирающий ум крепок, он разрушителен; ум, который выбирает, становится сильнее из-за выбора. Это не вопрос выбора! И из-за выбора вы никогда не бываете всеобщим, так как, вы должны что-то отрицать.

Если вы выбираете веру, вы должны отрицать сомнение. Куда денется сомнение? Это — не нечто вне вас, что вы можете отринуть, это глубоко внутри вас. Куда оно денется? Вы можете просто закрыть на это глаза, вот и все, вы можете просто загнать это в подсознание, но оно — там, оно как червь точит ваше сознание. Оно будет там, и рано или поздно оно выйдет на поверхность. Что вы можете сделать? Как вы можете его отбросить! Если вы выбираете сомнение, куда денется вера? Это — часть вас! Так произойдет компромисс: вы станете амальга-мой самых разных вещей, смешанных вместе: не синтез, а компромисс.

Иисус имеет в виду прямо противоположное. Он имеет в виду «Не выбирайте!»

«Невозможно человеку оседлать двух лошадей и натянуть два лука, и невозможно слуге служить двум хозяе-вам, так как, если он почитит одного, то обидит другого».

Посмотрите на последнюю фразу: «...если он почитит одного, то обидит другого». Если вы выбрали одно, вы почтили одного и обидели другого — и обиженная часть будет мстить, она станет бунтующей.

Наука зависит от сомнения, она полностью построена на сомнении, никакая вера не допустима. Знаете ли вы, наблюдали ли вы ученых? Вне своей лаборатории они очень доверчивы, вы не сможете найти более доверчивых людей, чем ученые. Их гораздо легче обмануть, чем кого бы то ни было, так как их сомневающаяся часть дейст-вует в лаборатории, а их верящая часть действует снаружи. Они очень простые люди, поскольку они живут во внешнем мире, но в своих лабораториях они очень осторожны и умны.

Вы очень легко можете обмануть ученого. Нелегко обмануть так называемого религиозного человека. В храме они — в глубокой вере, вне храма они очень осторожны. Посмотрите на этих религиозных людей: вне храма вы их не сможете обмануть, но внутри храма нет возможности обманывать и эксплуатировать их, внутри храма они очень просты. Они там используют свою верящую часть, их сомневающееся «я» — в миру. Они — хорошие биз-несмены, они накапливают достаток, они эксплуатируют весь мир.

Ученый не может быть хорошим бизнесменом, он не может быть хоро-шим политиком. Это невозможно, так как сомневающаяся часть заканчивается в лаборатории. Вне ее действует верящая часть «я». Ученый дома пол-ностью отличен, от ученого в научно-исследовательской работе. Вы могли слышать множество историй об их рассеянности. Эти истории действительно случаются, они не просто рассказы. Ученый пользуется своим

внима-нием в лаборатории, вне лаборатории он становится невнимательным — он использовал одну часть «я» и все. Поэтому у него двойная жизнь: в лаборатории он очень сосредоточен, вне нее — рассеян.

Есть история об Альберте Эйнштейне. Он пошел в гости к другу, они пообедали, посудачили о том, о сем. Раз-говоров было немного, так как Эйнштейн не был сплетником, он вообще был не очень разговорчив. Так что друг стал уставать. Становилось все темнее и темнее, пробило одиннадцать часов ночи, он уже хотел, чтобы Эйнштейн ушел. Но было бы невежливо сказать это, такому великому человеку, так что он ждал и ждал. Он даже намекал: ночь очень темна, похоже, что уже около половины двенадцатого. Но Эйнштейн только смотрел и зевал: он хотел спать. Когда было уже почти двенадцать, друг сказал: «Мне кажется, что ты совсем сонный, потому что ты зева-ешь». Это был последний намек.

Эйнштейн сказал: «Да, я очень сонный, но я жду, когда ты уйдешь, — тогда я смогу лечь спать!»

Друг сказал: «О чем ты говоришь? Ты — в моем доме!» Эйнштейн встал и сказал: «Извини! А ведь я постоян-но думаю, что когда этот человек уйдет, то я смогу лечь спать?»

В лаборатории этот человек совершенен, поскольку там он полон внимания. Но эта часть «я» использована там; вне лаборатории он другой человек, совершенно противоположный.

Вот почему вы находите противоречия в жизни, так называемых, религиозных людей, это естественно. По-смотрите на них, молящихся в храмах, взгляните на их лица! Они выглядят так невинно, в глазах их столько чувств, капают слезы. Вы не можете представить, как будет выглядеть тот же человек в своем магазине, как он будет себя вести, когда вы придете в магазин. Эмоциональное «я», верящее «я» заканчивается в храме, в мечети, в церкви; когда он выходит, он свободен от этой части «я». Тогда он сомневается, как ни один ученый, скептичен, насколько возможно.

Вот так мы и живем двойной жизнью, это — компромисс. Иисус не говорит: «Выбирайте одно за счет другого». Если вы выбираете одно — другое отомстит. И это делает все очень трудным, это делает жизнь почти невозмож-ной. Чем больше вы пытаетесь жить одной частью, тем больше другая часть путает ваши планы, все ваши схе-мы, это происходит вновь и вновь. Тогда что делать?

Что же делать? Не выбирать! Суть в том, чтобы понять всю противоречивость вашего существа. Не выбирай-те, становитесь невыбирающими, не отмечайте одно, за счет другого — так как, вы не сможете выбрать одну сто-рону, за счет другой.

У вас есть рупия, у нее — две стороны. Вы не можете отбросить одну сторону, ни лицевую, ни оборотную. Вам может не нравиться другая сторона, но вы должны носить обе; если вы хотите одну, терпите, и тогда у вас будет целая рупия. Единственное, что вы можете сделать, спрятать ту сторону, которая вам не нравится, а ту, что нра-вится, держать на виду, вот и все. Вот так устроены сознание и подсознание. Сознание — это та часть, та лошадь, которая вам нравится, а подсознание — часть, которая вам не нравится. Сознание — это то, что вы выбрали; подсознание — это то, за счет чего вы выбрали. Есть две церкви: та, в которую вы ходите, и та, в которую вы не ходите. Другое дело человек, подобный Будде: сознание и подсознание исчезли, так как он не выбирает ни за, ни против. Отброшена вся монета. И только целую монету, можно отбросить, половину отбросить нельзя.

Сомнение и вера — две стороны одной монеты, как холодное и теплое. Они выглядят, как противоположно-сти, но они неразрывно связаны. Они — полюса единого целого, как

положительный и отрицательный заряд, как мужчина и женщина. Они выглядят, как противоположности, но они — полюса одного явления. Вы не можете отбросить положительный электрический заряд без отбрасывания отрицательного, вы не можете оставить одно и отбросить другое. Если вы делаете это, ваше существо разделится: отброшенная, репрессированная часть станет подсознательной; признанная, желательная часть станет сознательной. Теперь неизбежна постоянная борьба между сознанием и подсознанием.

Но вы все еще седлаете двух лошадей. Единственный путь — отбросить вещь целиком, и секрет вот в чем: не отбрасывайте, отбрасывание тоже может стать выбором. Это самая сложная и тонкая вещь: вы можете отбросить, и выбрать отбрасывание за счет неотбрасывания — тогда это снова две лошади. Нет, это должно стать пониманием. Отбрасывание — не суть, суть — в понимании. Поймите все безумие: что вы делаете с собой, чему вы позволяете произойти с вами, какие противоречия вы накапливаете — увидите все целиком. Не будьте за или против, не осуждайте, не судите — наблюдайте, наблюдайте себя, как вы есть. Не прячьте, не обижайте, не судите: «Это — хорошо, а то — плохо», не оценивайте. Не будьте судьей, будьте только зрителем, беспристрастным свидетелем. Увидьте целиком, что вы есть, какой вы есть, что в вас намешано; только наблюдайте это, как оно есть.

Внезапно появляется понимание, оно становится отбрасыванием. Это как если бы вы попытались войти в стену, и вдруг осознаете, что это — стена, и двери нет. Нужно ли вам теперь отбрасывать усилие? Вы просто движетесь, ни за, ни против — вы просто понимаете, что это абсолютно бесполезно, невозможно. Вот в чем смысл слов Иисуса: просто смотрите. Выбрать невозможно — вы движетесь. Ум не выбирает, вы не делаете никакого усилия.

Там, где есть понимание, там и неусилие. А если что-то не требует усилий, это прекрасно, так как это есть целое. Там, где усилие, там и уродство, так как это всегда часть, никогда не целое. Усилие, глубоко внутри, означает, что вы боретесь против чего-то. Но почему вы боретесь? Потому что, то, с чем вы боретесь, остается для вас значительным. Враг тоже имеет значение, как и друг, только противоположное значение, но оно есть! А думали ли вы когда-нибудь, что когда умирает ваш враг, в вас немедленно что-то умирает? Вас расстраивает не только смерть ваших друзей, вас также расстраивает и смерть ваших врагов — вы уже не сможете быть прежним.

Однажды в Индии случилось вот что. Мохаммед Али Джинна и Махатма Ганди постоянно боролись друг с другом. Когда Ганди был убит, говорят, что Джинна сказал: «Мне очень плохо, что-то умерло во мне». Против кого теперь было сражаться Джинне? Против кого он мог сражаться? Кому теперь бросить вызов? Это исчезает, если врагов нет. Вы составлены из ваших друзей и врагов, вы — противоречие.

Только тот целен, у кого нет врагов и друзей, кто не выбирает, у кого нет предпочтения тому или этому, кто просто движется от мгновения к мгновению с невыбирающим сознанием, и принимает все, что приносит жизнь. Он плывет вместе с потоком, он — не борец, он в странствии. Если вы можете это понять, тогда вы способны понять слова Иисуса:

«Невозможно человеку оседлать двух лошадей, натянуть два лука, и невозможно слуге служить двум хозяевам, так как, если он почитит одного, то обидит другого».

Обычным смыслом будет: выбери одного хозяина, не выбирай двух. Но из-за выбора вы

никогда не станете цельным, так что это — не вопрос выбора одного господина за счет другого, так как вы все равно останетесь ра-бом, вы не можете быть свободным. Только отсутствие выбора может дать вам свободу. Тогда вы не выбираете — вы отбрасываете усилие целиком — оно отбрасывается само, когда вы понимаете. Тогда вы — хозяин.

В Индии мы называем саньясинов — свами. Свами означает хозяин самого себя, это означает того, кто отбро-сил выбор, это означает, что теперь он не признает хозяев. И это не эгоистическое понимание, это глубочайшее понимание того, что если вы выбираете из противоположностей, вы — жертва; если вы выбираете из противополо-жностей, вы остаетесь разделенным в противоположностях. Саньясин — не против этого мира, и за тот; санья-син просто ни за, ни против — он просто движется без друзей и врагов.

Вот прекрасная история Дзен: один саньясин стоял на вершине холма рано утром в одиночестве. Он стоял, не двигаясь, одинокий, как холм, а мимо проходили трое, которые вышли на утреннюю прогулку. Они посмотрели на этого человека и пришли к разным выводам по поводу того, что он делает. Один сказал: Я знаю этого монаха. Когда-то у него потерялась корова, вот он и стоит здесь смотрит с холма, где она».

Второй сказал: «Но, судя по тому, как он стоит, он вообще не смотрит. Он вообще не движется, его глаза, по-хоже, почти закрыты. Таким образом, человек не ищет что-то. Я думаю, что он совершал прогулку с приятелем, и тот отстал — он ждет, пока приятель подойдет.

Третий сказал: «Похоже, что причина не в этом, так как если он ждет кого-нибудь, он иногда оглядывается, чтобы посмотреть идет ли приятель, или нет. Но он совсем не двигается, он не оглядывается. Он не ожидает, это не поза ожидающего человека. Я думаю, он молится или медитирует».

Они настолько разошлись во мнениях, и настолько возбудились по этому поводу, что решили, что будет лучше подойти и спросить самого. На холм было нелегко забраться, но они пошли. Они добрались до него и первый спросил: «Ты ищешь корову? Ведь я знаю, что когда-то ты ее потерял и теперь должен ее высматривать».

Человек открыл глаза и сказал: «Я ничем не обладаю, поэтому ничего и не может быть утеряно. Я не ищу ни корову, ни что-либо еще». Потом он закрыл глаза.

Второй сказал: «Тогда должен быть прав я — ты ждешь друга, который отстал».

Человек открыл глаза и сказал: «У меня нет друзей и врагов, так, как я могу ждать кого-нибудь? Я одинок — и никто от меня не отставал, так как никого нет. Я совершенно одинок».

Тогда третий сказал: «Тогда прав я, потому что других возможностей нет. Я думаю, что ты молишься, медити-руешь».

Человек засмеялся и сказал: «Ты — самый глупый, ведь я не знаю никого, кому я мог бы молиться, и у меня нет никакого объекта достижения, так, как я могу медитировать?»

Тогда все трое одновременно спросили: «Что же ты тогда делаешь?»

Человек сказал: «Я просто стою, я ничего не делаю».

Но это и есть медитация, это и есть саньяса: просто быть! Тогда у вас есть свобода — свобода от друзей, вра-гов; свобода от обладания, не-обладания: свобода от этого мира и того; свобода от материи и духа — свобода от всех выборов и разделений. Тогда невозможное отброшено, и вы становитесь естественным, вы становитесь Дао, тогда вы плывете.

Когда невозможное усилие ушло, беспокойство исчезает, тогда вы больше не в

мучениях. А когда вы больше не в мучениях, растет блаженство. Блаженство — это не то, что достигают. Вы должны лишь создать пустоту, вы должны открыть дверь, и солнечные лучи войдут и наполнят вас. Такие, как вы есть — измотанные беспокойством, разделенные, оседлавшие двух лошадей, пытающиеся натянуть два лука вместе, вы — шизофреник, вы больны, вы колеблетесь. Или, в лучшем случае, вы пошли на компромисс и стали нормальным невротиком.

Нормальная личность как-то справляется со своей работой, невроз не проявляется, вот и все; приспособленный гражданин, только и всего. Но это не ценно! Даже если вы примерный гражданин, нормальная человеческая личность, с вами не произойдет никакого экстаза. Вы останетесь грустным, и чего бы вы ни добились в этом мире, вы получите еще больше грусти. Посмотрите на людей, которые добились успеха, и вы увидите, что они более грустны, чем люди, не имеющие денег, успеха, — так как их надежды утеряны.

Однажды утром Мулла Насреддин шел по базару очень печальный. Друг спросил его: «Что случилось?»

Насреддин сказал: «И не спрашивай! Я так печален и угнетен, что могу заплакать».

Но друг настаивал: «Но в чем дело? Мы никогда не видели тебя столь печальным! У тебя было так много трудностей, финансовых и других, но мы не видели тебя таким печальным и угнетенным. Что случилось?»

Насреддин сказал: «Две недели тому назад умер один из моих дядюшек и оставил мне сто тысяч рупий».

Друг сказал: «Насреддин, ты что, сошел с ума? Если твой дядя оставил тебе сто тысяч рупий, ты должен быть счастлив, а не печален!»

Насреддин сказал: «Да, это так, но на прошлой неделе умер другой мой дядя, и он оставил мне двести тысяч рупий».

Человек сказал: «Тогда ты полностью выжил из ума — тебе нужно плясать и веселиться, ведь нет причин быть несчастным! Ты — самый счастливый и богатый человек в этом городе!»

Насреддин сказал: «Да, это я знаю, но у меня больше нет дядюшек! Это-то и повергает меня в печаль».

Вот что происходит, когда человек достигает успеха: когда у вас нет больше дядюшек, тогда, внезапно, нет надежды. Неудачник все еще надеется, еще есть дядюшки, существует возможность. Больше успеха — больше беспокойства, так как успех проявит ваш невроз, успех разоблачит вас, вашу шизофрению. Вот почему в Америке больше шизофреников, больше безумия, чем в любой другой стране, так как Америка добилась успеха во многих областях.

В бедной стране не так много безумия. "Люди еще могут надеяться. А когда вы можете надеяться, ничего не случается — вы все бежите и бежите. Когда цель достигнута, тогда вы останавливаетесь, и вы должны посмотреть на себя и на то, что за мешанину вы создали в себе, какой хаос. Вы внезапно сходите с ума. Вы всегда были сумасшедшими, но это проявляется, когда вы добились успеха, так как, тогда уже не о чем мечтать, вы должны столкнуться с собой. Для вас, как вы есть, блаженство невозможно, счастье невозможно. Вы можете только надеяться на это и терпеть боль и страдание, которые вы приносите себе.

Но блаженство возможно, оно произошло с Иисусом, с Буддой, оно может произойти с вами — но тогда вы должны оставить невозможное в стороне. Думайте о естественном, возможном, легком. Не думайте о трудном, невозможном, вызывающем. Эго всегда любит

делать невозможное, но это — провал, это должно быть провалом. Но это любит бросать вызов невозможному, так как тогда вы чувствуете себя кем-то. Когда вы противостоите невозможной цели, вы становитесь великим борцом.

А религия — проста, легка, естественна — это вообще не скачки на лошади! Это просто утренняя прогулка, не поход куда-то, просто прогулка сама по себе, не делание чего-то особенного просто наслаждение утренним ветерком, солнцем, птицами — просто наслаждение собой.

Изречение одиннадцатое...

Иисус сказал:

*Город, построенный на высокой горе и укрепленный,
не может пасть, и не может быть скрыт.*

Иисус сказал:

*То, что ты услышишь своим ухом,
то проповедуй со своей кровли,
ибо никто не зажжет светильник
и не ставит его под сосуд,
и не ставит его в тайном месте.*

*Но он ставит его на подставку,
Так что все, кто приходит и уходит,
могут видеть его свет.*

Иисус сказал:

*Если слепой ведет слепого,
Они оба упадут в яму.*

Вы есть цель!

Вся проблема человека состоит в выборе между преходящим и вечным. Если вы выбираете сиюминутное, вы строите свой дом на песке — он упадет. Если вы выбираете вечное, тогда кое-что достигнуто, и оно будет продолжаться всегда.

И ничто меньшее не сможет удовлетворить вас, лишь вечное может вас удовлетворить, сиюминутное не может удовлетворить вас. Скорее наоборот, оно делает вас более голодным и жаждущим. Это, как если кто-то швыряет масло в огонь, чтобы потом его достать, масло станет пищей для огня и огонь увеличится. Сиюминутное — как масло для огня желаний вашего ума, оно помогает ему, оно — его пища. Только вечное может утолить жажду, иного пути нет.

Но я говорю: «Если вы выбираете вечное, только тогда вы строите дом на вершине горы, на чем-то скалоподобном, на чем-то, что выдержит, и ваше усилие не пропадет». Что я имею в виду, когда говорю: «Если вы выбираете вечное»? Ведь вечное не может быть выбрано. Если вы выбираете, вы всегда выбираете сиюминутное, так как выбор — это сиюминутное. Тогда что я имею в виду, когда говорю: «Выбирайте вечное»? Я имею в виду: если вы можете понять, что сиюминутное бесполезно — в следующий момент вы вновь будете жаждать, и эта вода не сможет утолить вашу жажду — если вы понимаете это, тогда сиюминутное отбрасывается. Оно становится бесполезным, вы просто приходите к пониманию его бессмысленности. Оно просто отбрасывается и выбирается вечное — вы никогда его не выбрали.

Когда сиюминутное уходит, в вашу жизнь входит вечное. Но сиюминутное должно стать абсолютно бесплодным, бессмысленным, с сиюминутным ваша неудача должна быть полной. «Блаженство потерпит неудачу», — и это блаженство необходимо прибавить к другим достоинствам Иисуса.

Будьте неудачником в этом мире! Вы пытаетесь сделать прямо противоположное — добиться в нем успеха. Если вы добились успеха, это будет истинной неудачей, так как, тогда вы останетесь с сиюминутным, но никто еще в этом успеха не добился. Вы счастливы, так как никто не добился успеха. Самое большее, вы можете отложить неудачу, вот и все. Вы можете отложить ее до будущей жизни, вы можете откладывать ее в миллионах жизней. Но никто еще не добился успеха с сиюминутным, которое уплывает. Как вы можете поставить на нем свой дом? Как вы можете построить дом на том, что проходит мгновение за мгновением, уходит из существования? К тому времени, когда дом готов, мгновение ушло. Вот почему вы каждое мгновение чувствуете крушение своих надежд — и вы снова начинаете делать то же самое.

Похоже, что вы не отдаете себе в этом отчета, похоже, что вы не бдительны по отношению к тому, что вы делаете — похоже, что вы ничему не научились от жизни. Вы остаетесь невеждой в жизни, вы не получите никакого опыта. Вы, может быть, получили больше знания, вы, может быть, знаете, как строить дом — вы можете быть инженером, архитектором, но вы не научились из опыта, что на сиюминутном не может быть построен дом. Это — первое, что говорит Иисус.

Иисус говорит: «Город, построенный на высокой горе и укрепленный, не может пасть, и не может быть спрятан».

Здесь многое; первое: «Город, построенный на высокой горе...»

Вы всегда что-то делаете в долине! Это — символы, — «долина» означай темную ночь; «высокая гора» означает более сознательное, более сознающее; чем более вы сознательны, тем выше вы поднимаетесь. Когда вы становитесь совершенно сознающим, вы — на Эвересте. Вот почему индуисты говорят, что Шива живет на Гуришанкаре — самой высокой вершине: Шива — это высшее сознание; Шива — это не личность. Шива — значит совершенное сознание. Совершенное сознание живет на Гуришанкаре. Когда вы бессознательны, вы падаете в темную долину, ваша ночь — это долина, ваш сон — это долина.

Когда вы сознаете, вы начинаете двигаться к вершине; когда вы полностью бессознательны — это есть самая низкая точка существования. На самой низкой ступени лестницы существуют камни, так как камни — совершенно бессознательны. Они не мертвы — они живы, они растут; они молоды, они стареют, они умирают. Они проходят через все фазы, через которые проходите вы, но они не сознательны — самая низкая ступенька лестницы. Иногда вы подобны камню: когда вы спите, какая разница между вами и камнем? Когда нет ни единого луча сознания, что за разница между вами и землей? Вы упали обратно. Во сне вы идете в долину. «Грешник» означает того, кто постоянно живет во сне, «святой» означает того, кто не спит даже во сне. Кришна сказал Арджуне: «Когда все спят, йог бодрствует. Когда каждый грезит, йог остается бдительным». Йог весь целиком не засыпает. Всегда остается свидетельствующая точка; он свидетельствует о своем собственном сне.

Во сне вы падаете, в сознательности вы высоко поднимаетесь. Когда в вас ничто не спит, тогда все ваше сознание становится светом, когда ни одна часть не бессознательна, когда все ваше существо наполнено светом — это то, что мы называем Буддой, Христом: здесь нет бессознательного, это — высочайший пик. Таково символическое значение фразы: «Город, построенный на высокой горе».

Вы строите свои города, свои дома в долине, и обычного сна вам еще не достаточно, вы

ищите наркотики, что-бы спать еще глубже; вы ищите методы гипноза, чтобы стать еще более спящим, более бессознательным — так как сознание — это боль, это мучение. Почему это мучительно? А Будда и Иисус говорят, что это — наибольшее возможное блаженство! Но почему сознательность для вас так болезненна? И почему вы хотите все забыть? Почему сознание так болезненно?

Оно болезненно в том случае, когда один процент вас стал сознательным, а девяносто девять процентов оста-ется бессознательным, тогда этот один процент страдает, видя весь хаос вокруг. Видя, что девяносто девять процентов — в состоянии безумия, этот один процент испытывает боль, этот один процент ищет алкоголь, наркотики, ЛСД, марихуану или что-нибудь в этом роде — секс или музыку, или мантру, чтобы создать самогипноз. Так что и этот один процент падает и становится частью целого. Тогда вы не беспокоитесь, так как нет никого, кто знает, кто был бы бдительным, сознательным — тогда нет проблем.

Это — то, что называется логикой устрицы. Когда устрица замечает, что приближается враг, она прячет голову в песок. На мгновение она ничего не видит, и ее логика такова: «Если я не вижу врага, какой может быть враг?» Устрица, похоже, совершенный атеист, так как это то, что говорят атеисты. Они говорят: «Если мы не можем увидеть Бога, как он может существовать? Нечто существует, только если мы его видим», — как если бы существование зависело от нашего видения; и если вы не видите, вещь исчезает. Устрица прячет голову, закрывает глаза и сразу же перестает бояться, так как врага больше нет. Но враг не верит в вашу логику. Наоборот, вы игрушка в его руках, когда ваши глаза закрыты; вы игрушка в руках врага, вы напрашиваетесь стать жертвой. Вы могли бы убежать, но теперь бегства нет, так как вы думаете, что нет врага. Вы можете почувствовать сию-минутное счастье, так как врага нет — не потому, что его нет, а потому, что вы считаете, что его нет... Вот как вы чувствуете сиюминутное — когда вы становитесь бессознательным с помощью наркотиков: нет никаких проблем, все враги исчезли, нет беспокойства — так как для беспокойства вам нужно быть бдительным, сознающим.

Когда сто процентов вашего существа становится сознательным, это и есть блаженство, так как исчезает конфликт — Будда прав. Вы правы, так как ваш опыт говорит, что чем больше вы становитесь сознательным, тем больше проблем вокруг вас, так что лучше оставаться в том сне, во сне — длиной в жизнь. Вот почему вы строите дома в долине, а не на вершинах гор.

Есть и еще одна причина.

«Город, построенный на высокой горе и укрепленный, не может пасть, и не может быть скрыт».

Мы строим свои города таким образом, в таком текучем состоянии, в сиюминутном, временном, что к тому времени, когда они готовы, они падают; ко времени, когда они готовы, они становятся развалинами. Почему? Потому что мы можем видеть только сиюминутное, у нас нет общего видения. Мы можем увидеть только то, что ближе всего, лишь самое близкое. Лишь мгновение — рядом, вы видите одно мгновение, потом оно проходит, потом — другое мгновение, потом и оно проходит. Вы видите эти проходящие мгновения, вы не можете иметь все-общего видения. Для всеобщего видения нужно совершенное сознание. Во всеобщем видении вы можете увидеть жизнь целиком, вы можете увидеть мир целиком. Вот что имеют в виду джайны, когда говорят, что когда Маха-вира стал Просветленным, он мог видеть прошлое, настоящее и будущее — время целиком. Что они подразумевают? Они подразумевают, что целостность бытия становится настолько вам

ясна; а когда целостность ясна, только тогда вы можете построить укрепленный город. Иначе как вы его построите? Вы не знаете, что случится в следующее мгновение. Что бы вы ни делали, следующее мгновение может это разрушить. И что бы вы ни дела-ли, это зависит от сиюминутного, не от целого. Целое может отвергнуть это, это может стать совершенно бес-смысленным с точки зрения целого.

Однажды случилось так, что у китайского Мастера был американский ученик. Когда ученик возвращался на-зад в Америку, Мастер дал ему подарок, маленькую резную деревянную шкатулку, и сказал: «Всегда следуй од-ному условию; если ты дашь эту шкатулку еще кому-то, тогда условие тоже должно выполняться. Обещай! Ведь я выполнял это обещание, и это — очень древняя вещь, и в течение многих поколений условие выполнялось».

Ученик сказал: «Я выполню его». Это была прекрасная вещь, такая ценная и старинная, что он сказал: «Ка-ково бы ни было условие...»

Мастер сказал: «Условие простое: ты должен держать ее в своем доме, обращенной на восток. Так делалось всегда, так что уважай традицию».

Ученик сказал: «Это очень просто, я сделаю это».

Но когда он поставил шкатулку лицом к востоку, тогда он понял, что это трудно, потому что обстановка в гос-тиной стала нелепой. Эта шкатулка, обращенная к востоку, не согласовывалась с остальным. Так что он должен был поменять всю обстановку в гостиной — чтобы она гармонировала со шкатулкой. Но тогда стал нелепым весь дом, так что ему пришлось перестроить дом. Тогда стал нелепым сад. Он почувствовал истощение и написал Мастеру: «Эта шкатулка опасна. Мне придется изменить весь мир — так как если я изменю сад, потом придется менять все у соседей...» А он был чувствительным человеком; вот почему он почувствовал это.

Если вы строите свою жизнь на сиюминутном, вы попадаете в затруднение с целым, так как оно никогда не истощится. Оно никогда не истощится, никогда не будет гармоничным, то или иное будет плохим. Целое должно быть увидено до того, как вы построите ваш город, до того, как вы построите ваше жилище. Целое должно быть принято во внимание, и к нему нужно обратиться. С видением целого вы можете творить свою жизнь и план сво-ей жизни; вы должны жить с видением целого. Только тогда ваша жизнь будет гармоничной, мелодией, — иначе вы всегда будете чужаком, эксцентричным.

Каждый человек эксцентричен. Это прекрасное слово. «Эксцентричный» означает «вне центра», утративший центр, не таков, каким должен быть. Почему каждый человек эксцентричен, вне центра, вне фокуса, не в ногу с жизнью? Потому что каждый пытается делать жизнь в соответствии с моментом, а момент — не целое. Момент — это часть, такая малая, триви-альная часть вечности. Как вы можете приспособиться к вечности, если вы де-лаете жизнь в соответствии с моментом? Вот почему Иисус говорит:

«Делайте вашу жизнь, творите ее в соответствии с целым, с вечным, не с сиюминутным».

«Город, построенный на высокой горе и укрепленный, не может пасть, и не может быть спрятан».

Ваш город всегда падает, ваш город всегда будет в развалинах. Это так! Вам не надо спрашивать Иисуса, про-сто взгляните на свою жизнь: это руины; до того, как вы построили, везде уже руины. Вы — разрушенный город. Почему так происходит? Из-за сиюминутности. Имейте видение вечного, вневременного.

Как придет видение? Чем выше ваше сознание, тем шире ваше видение; чем ниже ваше сознание, тем уже ва-ше видение. Пойдите и станьте под деревом на улице и смотрите: у вас будет видение — вы можете увидеть бли-жайший угол улицы, потом поворот, и видение останавливается. Потом заберитесь на дерево — видение станет больше. Полетите на самолете — и с высоты птичьего полета вы увидите весь город. Выше — и видение становится шире. Опуститесь ниже — и видение уже. На лестнице сознания есть ступени. Если вы на вершине своего сознания, посмотрите оттуда: откроется вечность, вечное.

Наблюдали ли вы очень маленькое? Вы стоите под деревом, вы смотрите на восток и ничего не видите. Кто-то сидит на верхушке дерева говорит: «Я вижу приближающуюся воловью упряжку».

Вы говорите: «Нет никакой воловьей упряжки! Я ее не вижу, а раз я ее не вижу, как она может быть?» Воло-вья упряжка для вас в будущем, но для человека, сидящего на верхушке дерева, она в настоящем. Так? не думай-те, что настоящее одно и то же для всех. Ваше настоящее ограничено для вас, оно может не быть настоящим для меня; мое настоящее ограничено для меня, оно может не быть настоящим для вас. Оно зависит от ступеньки на лестнице сознания.

Для Будды все — настоящее, так как будущего нет — его видение полно. Для Иисуса все — настоящее, про-шлого нет, будущего нет, так как он может видеть. С высочайшего пика сознания видно все, так что нет ничего в прошлом, нет ничего в будущем, все здесь и сейчас! Будущее существует из-за вашего ограниченного видения, а не потому, что будущее необходимо в мире, существовании. Это просто показывает, что у вас ограниченное видение: нечто, что вышло из вашего зрения, становится прошлым. То, что еще не вошло в него, становится буду-щим. Но вещи в себе — вечны.

Время — ваше изобретение, так как вы живете в долине. Наоборот, все традиции мира утверждают, что когда вы входите в самадхи, экстаз, глубокую медитацию, время исчезает. О чем они говорят? Они имеют в виду, что деление на прошлое, настоящее, будущее исчезает; существование есть, но без разделений — вневременное. Стройте свой город на вневременном, не стройте его на сиюминутном. Иначе он всегда будет разрушаться, так как настоящее уплывает и становится прошлым. Почему я говорю, что он будет разрушен прежде, чем вы его построите? Потому что мгновение, когда вы его строите, это мгновение — прошлое, его уже нет в ваших руках, оно уже ушло! Земля под вашими ногами постоянно движется.

«Город, построенный на высокой горе и укрепленный...»

А почему он пользуется словом «укрепленный»? Такие, как вы есть, в долине, вы всегда в страхе, не в безо-пасности, всегда в опасности... Долина заполнена призраками, тенями, врагами, ненавистью.

Я слышал о комнатной мухе, пролетавшей через супермаркет. В одной витрине демонстрировались инсекти-циды. Она прочла заголовок, написанный большими красными буквами: «Новый аэрозоль гарантирует немед-ленное уничтожение мух! Она прочитала рекламу и улетела, бормоча про себя: „В мире слишком много ненавис-ти!“

Вы живете в мире долины. Там все гарантирует убить — немедленно.

Вы живете в долине смерти — ничего больше там нельзя гарантировать. Только смерть гарантирована.

Наблюдали ли вы факт, что в жизни, во всем неуверенность, кроме смерти? Может быть всякое, но единст-венная уверенность, которая у вас есть — гарантия умереть, вот и все.

Самое большое, что может быть сказано в долине: вы умрете, это точно. Все остальное неточно и случайно — это может произойти, может не произойти. Что это за жизнь, в которой только смерть гарантирована? Но это — так, так как во тьме только смерть и может существовать; в бессознательности может существовать только смерть. Бессознательность — это путь к смерти.

Если вы хотите быть бессознательным, вы хотите умереть. Глубокое стремление умереть есть в вас, иначе вы бы начали двигаться к высотам. Фрейд в последние годы жизни споткнулся на очень глубинном явлении, он на-звал его «танатос» — стремление к смерти. Всю свою жизнь он думал о «либидо» — теории, провозглашающей, что человек существует, как воля жить, но, чем больше он проникал в волю к жизни, тем более был неуверен. Чем более он понимал волю к жизни, тем больше обнаруживал, что глубоко внутри это — воля к смерти.

Фрейду было очень трудно, так как он был линейным мыслителем, одномерным, он был аристотелианцем, логиком. Было очень противоречивым то, что за либидо — страстью жить, волей к жизни — стоит воля к смерти, танатос. Он был очень расстроен. Но это как раз то, о чем говорил всегда Будда, о чем говорил Иисус: такие, как вы есть, вы настолько бесполезны, вся ваша жизнь настолько тщетна и полна разочарований, что вам бы хотелось умереть.

Как только вы становитесь бессознательным, желание умереть присутствует, так как бессознательность — это временная смерть. Вы не сможете жить без сна даже несколько дней, так как сон — это вид временной смерти. Вам он нужен, нужен очень глубоко. Если вы не сможете умирать ежедневно на восемь часов, вы будете неспособны, прожить следующий день, так как вся ваша жизнь — такая суматоха, и быть — не блаженство, даже не быть кажется блаженством. Так что где бы вы ни утрачивали себя, вы чувствуете себя там блаженным. Если вы можете утратить себя в политическом движении, если вы можете стать нацистом и потерять себя в толпе, вам хорошо, так как это — смерть, вас больше нет, существует только толпа.

Вот почему диктаторы имеют успех — из-за вашего желания умереть. Даже в двадцатом веке диктаторы имели успех — из-за того, что они дают вам шанс легко умереть. Вот почему всегда существуют войны, и они будут существовать, ведь вы никак не меняетесь. Человек не преобразует себя. Войны будут существовать, так как они — от очень глубокого желания умереть. Вы хотите убивать, и вы хотите быть убитым. Жизнь — это такая тяжкая ноша, что самоубийство, похоже, единственное решение. Если вы до сих пор не совершили самоубийства, не думаю, что вы истинный любитель жизни. Нет! Вы просто боитесь. Вы — не любитель жизни, ибо, любитель жизни всегда движется к высотам — чем выше пик, тем больше жизни.

Отсюда Иисус может обещать: «Придите ко мне, и я дам вам в избытке!» Отсюда Иисус говорит: «Я — жизнь, великая жизнь. Приди ко мне! Но прийти к Иисусу очень трудно, ведь у вас так много вложено в долину, в темные пути жизни. И вы так боитесь быть живым. Вы многое организуете для того, чтобы не быть слишком живыми, вы существуете с минимумом жизни. Вы существуете, как автомат, вы все превратились в механическую вещь, так чтобы вам не надо было бы заботиться о ней, вам не нужно жить в ней.

Войны будут продолжаться, насилие будет продолжаться, и будут убивать друг друга. Всеобщее усилие состоит в создании средства, которое может стать всемирным самоубийством, и, наконец, мы его открыли — водородная бомба. Почему ученые постоянно

трудятся, отдавая всю жизнь созданию разрушительных вещей? Потому что это глубокое желание человека умереть, как-нибудь умереть. Это — не сознательно, так как вы становитесь сознательными, когда начинаете преобразовать себя. Много раз вы заявляете: «Было бы лучше, если бы я вообще не родился!»

Один греческий философ, Филон, говорил: «Первое блаженство» вообще не рождается; второе блаженство — умереть так скоро, насколько это возможно». И он говорил, что это два единственных блаженства. Первое — вообще не родиться — но никто не счастлив настолько, каждый уже рожден. Так что доступно только второе: умереть настолько быстро, насколько это возможно. Сам Филон прожил до девяноста семи лет. Однажды его спросили: «Но ведь ты сам не совершил самоубийства?» А он ответил: «Я терплю жизнь лишь для того, чтобы передать послание другим, послание, что умереть — единственное решение проблемы». Самоубийство — глубоко укоренившийся инстинкт. Как только вы чувствуете, что нечто происходит плохо, вы чувствуете, что хотите совершить самоубийство, разрушить себя. Религиозный человек — тот, кто стал бдительным, кто видит, что глубокое желание умереть спрятано внутри. Почему оно там? Вы должны внести больше света в себя, чтобы вы могли знать угол, где прячется смерть, что поедает вас постоянно. Вы умираете не внезапно, вы умираете медленно в течение семидесяти лет. Смерть — это не то явление, которое приходит в конце, она начинается с рождения. Тогда каждое дыхание и каждое мгновение — не что иное, как постоянное умирание. Оно завершается за семьдесят лет, так как это очень медленный процесс.

Но вы умираете, и глубоко внутри вы ждете окончания — чем скорее, тем лучше. Вы не совершили самоубийства, потому что вы очень боитесь, напуганы: что произойдет? Вот вы и терпите жизнь, вы не наслаждаетесь ею, как даром Божиим. Вы просто терпите ее, вы просто как-то ее выносите, ожидая момента, когда поезд придет.

Однажды случилось так: Томас Эдисон был приглашен на обед, на который собралось несколько друзей. Он всегда был немногословен и волновался, находясь в толпе. В своей лаборатории он работал один; он был исследователем, созерцательным человеком; присутствие толпы его всегда раздражало. А на обеде было много людей, и они настолько были заняты едой, сплетнями и спорами, что он почувствовал: «Сейчас как раз такой момент, что я могу сбежать!» И вот он стал посматривать на дверь, через которую мог сбежать — и тут его поймали. Его поймал гость и спросил: «Мистер Эдисон, над чем вы сейчас трудитесь?» Он ответил: «Над выходом!»

Но каждый трудится над выходом. Будьте бдительны в этом! Но почему вы не можете наслаждаться жизнью, которая есть дар? Вы не заслужили ее, вот почему я говорю, что это подарок. Его дает вам существование — вы можете называть его Богом — этот дар, чистый подарок, вы ничего не сделали, чтобы добиться жизни, заработать ее. Почему бы вам не быть блаженным, благодатным и не насладиться ею? Она могла бы быть упоительным танцем. Так в чем проблема? Дело в том, что насладиться блаженством можно, обладая лишь большей сознательностью; чтобы испытывать муку, не нужно быть сознающим. Чтобы испытывать боль, нужно больше темноты, нужно меньше сознательного, нужна ночь, а не день. Но чтобы наслаждаться блаженством, нужно больше бдительности.

Так что если вы видите печального святого, знайте хорошенько, что он — не святой. Потому что сознательность дает блаженство, сознательность дает глубокий смех, она дает ему нечто, от чего он становится, как дитя. Он может бегать за бабочкой, может наслаждаться простой пищей, обычными житейскими мелочами настолько, что все

становится даром. Все становится Божьим даром, и он благодарен мгновению за мгновением — даже за то, что он дышит. Он может наслаждаться дыханием, просто дыханием — оно так блаженно! Если вы найдете печального святого, помните хорошенько, что что-то неладно; он по-прежнему живет в долине, он не движется к вершине. Иначе — у него есть излучение, просветленность, детское наслаждение; невозмутимый, не боящийся, он укреплен в своем сознании.

Почему сознание укрепляет вас? Потому, что, чем более вы сознательны, тем более знаете, что не можете умереть, что смерти нет. Смерть существует только в темной долине. А если вы защищены против смерти, вы — укреплены. Чем более вы сознательны, тем точнее вы знаете, что вы — вечны; вечны, Божественны. Сейчас вы не знаете, кто вы есть. Это долина невежества, и там случается только смерть, и ничего больше, и вы живете дрожа, трясясь от страха.

Если вы глянете внутрь, вы найдете только страх и ничего больше, так как вокруг вас только смерть. Так что это естественно: когда вокруг смерть, страх внутри — естественное приложение.

Если вы движетесь к высотам, внутри будет любовь, а вокруг — вечность. Не будет никакого страха — его не может быть, так как вас нельзя разрушить, вы неразрушимы. Нет никакой возможности вашей смерти вы — бессмертны. Это — то укрепление, о котором говорит Иисус.

Город, построенный на высокой горе и укрепленный...» — но помните, что наибольшая высота достигается укреплением — «...не может пасть, и не может быть спрятан».

Это парадоксально: в долине вы постоянно падаете, на вершине никогда. Но ведь мы видим, что люди падают с вершины. Чего им падать в долине? Одни гуляют по ровной земле, другие падают с вершин — это мир. Во внутреннем мире никто не падает с высоты. Как только вы достигли внутренней высоты, вы никогда с нее не упадете. У вас никогда не смогут отобрать того, что вы воспитали внутри. Но без этого — ваш миф достоверен.

Люди падают, когда они на высотах, но эти высоты — в долине, они не настоящие высоты. Если у вас есть слава, вы можете быть уверены, — раньше или позже вы будете обесславлены; если у вас есть трон, рано или поздно вас с него свергнут. Чего бы вы не достигли в этом мире, будет отобрано. Но во внутреннем мире, чего бы вы не достигли, вы достигли навсегда, это не может быть отобрано. Знание не может уйти, достигнутое однажды, оно становится частью вас. Это не что-то, чем вы обладаете — оно стало частью вас, и вы не можете теперь этого не знать. Как только вы знаете, что вы — бессмертны, как вы можете этого не знать? Нет способа разрушить это — вы узнали. А только то, чему нельзя научиться — истинное знание. То, чему можно научиться — это лишь память, не знание; то, что вы можете забыть — это только память.

Знание — это то, что вы не можете забыть, нет способа это забыть. Это стало вашим существом, стало вашей частью, самим вашим существованием. Вам не нужно вспоминать этого — вам нужно помнить только то, что не является частью вас.

«Город, построенный на высокой горе и укрепленный, не может пасть, и не может быть спрятан». Вы не сможете его спрятать. Город, построенный на вершине горы, будет известен — он будет известен вечности, нет способа спрятать его. Как вы можете спрятать Будду? Это невозможно! Как вы можете спрятать Христа? Это невозможно. Явление это настолько удивительно, их существование настолько проявлено, что воздействие будет продолжаться. Вы можете распять Иисуса, но вы не можете пренебречь им. И те, кто его

распяли, по-прежнему страдают за это распятие. Был убит всего лишь обычный сын плотника — ничего важного. Иудеи должны были думать таким образом, так как никто не беспокоился: если вы убьете сына плотника, и убьете его в соответствии с законом, нет никаких проблем. Но иудеи страдали в течение двух тысяч лет из-за этого распятия, поколение за поколением. Их постоянно распинали только за одного человека. Это кажется очень нелогичным, и иудеи продолжают говорить: «Мы ничего не сделали!» Они по-своему правы, так как те, кто сделал это, давно мертвы. Но личности, подобные Иисусу, движутся во вневременном. Поскольку Иисус здесь участвует, распятие остается на-всегда. Это не прошлое, так как личности, подобные Иисусу, никогда не в прошлом — это факт современности: он распят. Иудеи могут думать: «Мы сделали это в прошлом, но тех, кто это сделал, больше нет. Мы этого нигде не делали — мы можем принадлежать к тем, кто это сделал, но мы этого не делали!», — но распятие Иисуса стало вечным фактом. Теперь его нельзя задвинуть в прошлое, он остается открытой раной, в сердце остается рана. И иудеи страдали, они страдали так много, из-за одного человека миллионы иудеев были убиты, за эти два-двадцать столетий. Только из-за одного человека — миллионы иудеев? Это кажется несправедливым.

Но вы не знаете этого человека, вот почему это кажется несправедливым. Этот человек стоит дороже, чем миллионы людей. В день, когда они распяли этого сына плотника, они стали играть с ужасным огнем. Они пытались спрятать его — он не может быть спрятан. Они пытались его спрятать — не существует никаких иудейских записей о распятии Иисуса. Существуют христианские записи, но иудеи не записали даже факта его распятия. Но вы не можете спрятать этого, и иудеи начали исчезать, они страдали, потому что они пытались закрыть свои глаза от солнца. И все несчастье из-за того, что они породили Иисуса.

Иисус был евреем и оставался им до самого конца — он никогда не был христианином. Евреи ждали этого человека в течение нескольких тысячелетий. Их пророки в прошлом говорили им: «Придет человек, которого вам пошлют. Скоро здесь будет человек, который станет вашим спасением». С крыш, в течение тысячелетий пророки говорили это евреям, и евреи ждали, ждали. Они молились и ждали, и в этом ирония: когда этот человек пришел, они его отвергли! Когда человек пришел и постучал в их двери, они сказали: «Нет! Ты — не тот, кого обещали». Почему?

Для ума легко ждать, потому что ум продолжает надеяться, желать, мечтать. Но когда Бог стучит в вашу дверь, помните, вы также отвергнете — даже если вы можете молиться. Но если Бог стучит в вашу дверь, в чем проблема? Почему вы его отвергнете? Потому что в доме может существовать только один. Если Бог стучит в дверь — вы должны исчезнуть, вот в чем проблема.

Ожидая, вы существуете, ваше эго существует. Евреи были очень эгоистичны в вопросе об ожидаемом мессии — он должен был родиться среди их народа. Они были немногими избранными, Бог избрал их, и сын Божий должен был родиться в еврейской семье — это этим было очень удовлетворено. Но, когда этот избранный человек пришел и постучал в дверь, и сказал: «Я пришел осуществить вашу надежду», — они ответили: «Нет, ты не тот избранный. И если ты попытаешься сказать, что это ты — мы убьем тебя!» В чем проблема?

Проблема — человеческая. Проблема в том, что если Иисус существует, тогда вы должны исчезнуть, вы должны раствориться в нем, вы должны сдаться. Для этого хорошо думать, что обещанный человек придет к избранному народу мира, но очень трудно принять человека, когда он пришел. Они убили Иисуса, но даже не оставили записи об этом. Они

хотят все это забыть, так, чтобы они могли снова надеяться — и они надеются и сейчас. Евреи по-прежнему надеются на обещанного человека. Я говорю вам, если он придет снова — он не придет, так как он должен научиться из опыта — если он снова придет, он снова будет распят ими. И они очень пострадали только потому, что они пробовали игнорировать город, построенный на вершине горы.

Они пытались спрятать город, построенный на вершине горы, попытались спрятать солнце — они попытались спрятать Истину. Они распяли Истину. Но Истину нельзя распять, вы не сможете ее убить, она вечна, она бессмертна. А поскольку они не стали сознательными, они пострадали так сильно. Вина! В глубине они по-прежнему чувствуют глубокую вину; евреи никогда не существуют без вины, вина следует за ними как тень.

Они виноваты в том, что они отвергли обещанного человека, когда он пришел. И в глубине евреи знают, что они совершили наибольший возможный грех: отвергли Бога, когда он постучал в их двери.

И он не исполнит ваших ожиданий — когда бы он не пришел, он будет чужим. Так как, если он выполнит ваши ожидания, тогда он больше не Бог. Бог — всегда чужой, всегда неизвестное, стучащее в двери известного. Он не может прийти в форме известного, это невозможно, он всегда остается неизвестным, таинственным. Вам бы хотелось втиснуть его в формулу. Нет! Он не следует формулам, он не мертв, только мертвая материя следует формулам. Жизнь живет в тайне.

«Город, построенный на высокой горе и укрепленный, не может пасть, и не может быть спрятан».

Иисус сказал: «То, что ты услышишь своим ухом, то проповедай со своей кровли, ибо никто не зажигает свечей и не ставит его под сосуд и не ставит его в тайном месте. Но он ставит его на подставку, так что все, кто приходит и уходит, могут видеть его свет».

Иисус сказал своим ученикам: «Что бы вы не услышали, идите и проповедуйте со своих кровель, чтобы другие могли слышать это, ...ибо никто не зажигает светильник и не ставит его под сосуд, и не ставит его в тайном месте...»

Иисус говорит: «Идите и возвещайте добрые вести! Идите и говорите, что неизвестное постучало в известное; идите и говорите, что в ваш привычный мир вошло таинственное! Идите и говорите с крыш, чтобы люди могли слышать, и могли прийти и узнать и быть утешены — не пугайтесь этого! С этим связана глубокая проблема, это очень трудно, это должно было быть трудным для учеников Иисуса, это всегда так — трудно говорить другим, что сын Божий пришел. Очень трудно! Ведь люди будут смеяться, они скажут, что вы сошли с ума. Они не поверят, что Иисус — Христос, они поверят в то, что вы сумасшедший. Если вы скажете: „Иисус — Бог“; они подумают, что вы совсем сошли с ума: «Вам нужно немного психоанализа — пойдите к врачу, примите какие-нибудь лекарства, отдохните и расслабьтесь! Если вы так думаете, то с вами неладно! Что-то в вас происходит неправильно!»

Это очень трудно — сказать людям, что кто-то стал Реализованным. Почему? Потому, что если кто-то становится Реализованным, это наносит вам глубокую рану, это становится глубинной болью — вы могли бы стать таким же, но вы это утратили. Напрашивается сравнение — ваше эго чувствует себя уязвленным: «Иисус — сын Бога?» И легче опровергать это, чем изменить себя и стать сыном Бога. Это легче, потому что «нет» — самая легкая вещь в мире: ничего не надо делать, вы говорите «нет» и все кончено! Если вы говорите «да» — все только начинается. Нет — всегда конец, да — всегда начало.

Если вы говорите: «Да, Иисус — сын бога», — тогда вы должны преобразовать себя. Тогда вы не можете оставаться с этим «да», вы должны двигаться, вы должны что-то делать. Если вы говорите «нет», проблема разрешена. Тогда, кем бы вы ни были, где бы вы ни были — в темноте, в долине, в смерти — вы в облегчении. Иисус создаст в вас беспокойство. Будда входит в вас и создает беспокойство, и вы мстите — если один человек смог достичь таких высот, как же вы это утратили? Лучше сказать, что высот нет, никто их не достигал. Тогда вы в покое, в своей темноте, тогда вы можете быть утешены.

Иисусы и Будды — это очень большие напряжения, они вырывают вас с корнем из долины, они трясут вас в вашем сне и они говорят: «Двигайтесь, нет места остановке!»

Есть изречение Иисуса: «Этот мир — лишь мост. Двигайтесь! Здесь нет места, где можно построить дом. Пере-секите его, но не останавливайтесь на нем. Никто не строит дом на мосту». Этот мир — лишь мост, и вы на нем построили дом. Вам может не понравиться этот факт, что это — мост, ведь что тогда случится с вашей жизнью, посвященной строительству этого дома? И теперь приходит бродяга, который говорит: «Чем вы занимаетесь? Это мост!» Так что лучше не смотреть вниз, на реку.

Почему это — мост? Потому что Иисус, или люди, подобные ему, никогда не пользуются простыми словами без глубокого значения. Это мост, так как он на реке. Время есть лишь быстрая река. Она течет. Она преходяща. Гераклит сказал: «Вы не можете дважды войти в одну и ту же реку» — так как, если вы войдете дважды, река уже ушла, это уже какая-то другая вода, нет той же самой воды. Река кажется вам той, но нет фиксированной вещи, подобной реке. Река означает изменение, но она продолжает и продолжает течь. Почему Иисус назвал этот мир мостом? Потому что вы построили дом на временном: время, река — все движется. Двигается от этого места! Здесь нет места для постройки дома.

Но, если кто-то приходит и говорит вам это, когда в течение пяти лет вы строите дом, и он теперь почти готов ... и помните, он всегда почти готов, но не готов. Этого не может быть, это не в его природе. Когда он почти готов, и вы уже собирались отдохнуть от всех забот и напряжения при строительстве дома, если этот человек придет и скажет: «Он — на реке», — чем верить этому человеку и смотреть вниз, вам захочется сказать: «Уходи, ты глупец!» Если этот человек настаивает, как Иисус, настаивающий и стучащий в дверь, вы сердитесь. Поэтому он был распят — слишком много было неприятностей.

Сократ был отравлен, так как все Афины испытывали неудобства из-за этого человека. Он мог поймать вас где угодно: на рынке, и задать неудобные вопросы, разрушая вашу удобную ложь. Он стал таким надоедливым! В долине Будда всегда надоедлив. Он создал так много тревог и мук. Люди не могли спать, они не могли нормально работать из-за того, что он сеял сомнение. Он говорил: «Что вы делаете? Это — река, а это, мост, а вы строите здесь свой дом, на этой толкучке? Ищите Вечное, Истину!» Сократ стал настолько надоедлив, что они должны были его убить. В долине всегда так случается. Если зрячий входит в город слепцов, они убьют его — или, если они добры, они выколуют ему глаза. Но что-нибудь они сделают, так как, просто приходя туда, этот человек делает их слепыми! Они думают, что никогда не были слепыми — они никогда этого не знали — а этот человек приходит и говорит: «Вы слепые, вы сумасшедшие». Он заставляет их осознать вещи, которые они не хотят осознать. Эти вещи создают тревогу. Иисус говорит своим ученикам: «Идите и кричите с крыши!» Почему с крыши? Потому что люди глухи, они не слышат, они не хотят слышать. Даже когда они слушают, они не слышат, они где-то в другом месте. Даже когда они кивают — они клюют носом, они просто устали. Они могут это терпеть, но они никогда

не наслаждаются истиной. Ведь истина всегда причиняет вам неудобства, должна их создавать, потому что вы живете в долине лжи. Вся ваша жизнь — это такая ложь: вы лгали себе, другим, и все вокруг сделали ложью. Теперь приходит некто и говорит правду. Некто приходит к человеку, который верит в то, что он здоров, в то время как у него болезни всех видов, и говорит: «Что за чепуху вы говорите — вы больны!» Такой, человек думает: «Этот человек — плохой знак, он сделает меня больным. Я был полностью в порядке». Чтобы сделать вас бдительным, сделать вас сознающим правду, разрушить ваши дворцы, призрачные дворцы, которые вы построили из карт, из игральные карты.

Иисус сказал:

«То, что ты услышишь своим ухом, ...то проповедай со своей кровли, ибо никто не зажигает светильник и не ставит его под сосуд, и не ставит его в тайном месте».

Не будьте робкими, не бойтесь! Свет — здесь, теперь не прячьте его: «Ибо он ставит его на подставку, так что все, кто приходит и уходит, могут видеть его свет». Это всегда было проблемой. Будда, Махавира, Лао-Цзы, Иисус, Магомет, Заратустра, они всегда и постоянно настаивали на том, чтобы ученики шли и говорили другим. Потому что благоприятный случай не будет длиться вечно, Иисус не будет длиться вечно здесь, в физическом теле. А если вы не сможете его понять в физическом теле, как вы сможете его понять, когда он — не в нем? Если его физическое присутствие не может стать для вас откровением, как может стать откровением это, когда он исчез во всеобщем?

Очень редко кто-то становится Просветленным, очень редко чья-то темнота исчезает. Это такое редкое явление, оно не будет продолжаться вечно, вот почему Иисус спешит. Иисус всегда спешит. Он хорошо знает, что у него мало времени на земле. Он умер, когда ему было тридцать три. Он стал просветленным, когда ему было тридцать, он умер, когда ему было только тридцать три. Он очень спешил. Он знал, что он будет распят, вот он и говорил: «Идите и сделайте сознательными и бдительными столько людей, сколько возможно. Сейчас дверь открыта, они могут войти в Божественное».

Но ученики всегда остаются сомневающимися. Они начали проповедовать только тогда, когда Иисус умер, так как, когда Иисус исчез, тогда они поняли, что случилось в их жизни. Это тоже всегда происходит; когда Иисус здесь, вы привыкаете к свету, которым является Иисус; когда он исчезает, тогда — темнота, и тогда вы чувствуете, какой свет вы упустили. И тогда вы начинаете проповедовать с крыш домов. Но когда Иисус был здесь, что-то было возможно, теперь — ничего не возможно.

Вы идете через века — это делает церковь — по всему миру проповедуют, что Иисус — это свет. Но теперь это не очень-то может помочь, потому что дверь исчезла, теперь Иисус стал невидимым: Он может помочь, но если вы не видите свет, когда он виден, как вы можете его увидеть, если Иисус стал невидимым? Если вы не можете войти в дверь, когда она открыта прямо перед вами, как возможно войти в дверь, которой вообще не видно? Трудно!

Но ученики сами становятся бдительными, когда свет исчезает. Тогда они стали рыдать и плакать, и тогда они узнали. Потому что, только по контрасту вы придете к осознанию; вы осознаете, что вы живы, только когда вы умираете; когда вы приходите к смерти, тогда вы становитесь знающим, чем была жизнь, и как вы ее утратили. Сказано, что когда люди умирают, они осознают, что были живы — иначе они исчезают.

Иисус сказал: «Если слепец ведет слепца, они оба упадут в яму».

Так что не будьте робкими! Идите... и говорите другим, что есть человек, у которого

есть глаза — иначе люди заблудятся, ведь люди нуждаются в том, чтобы быть ведомыми. Если вы не можете найти Будду и Иисуса, вы будете следовать за кем-то, так как необходимо следовать за кем-то. Так как вы не знаете, куда идти, нужно за кем-то следовать. И если кто-то скажет: «Я знаю», — что делать?

Иисусы не появляются каждый день, Будды не рождаются ежедневно. Но нужда — здесь и сейчас. Если вы не получаете правильной пищи, — вы будете есть неправильную пищу, потому что голод ощущается ежедневно. И очень легко найти слепца, так как вы сами слепы — вы понимаете язык слепых. Очень легко следовать за слепцом, вы принадлежите к одному и тому же миру темноты, к одной и той же долине. Гораздо легче быть убежденным слепцом, убежденным в том, что он — Мастер, чем убежденным человеком, который не слеп, — он пользуется другим языком, он говорит о другом мире, он — такой чужой, вы не можете его понять.

Всегда легко следовать за ложным Мастером, так как вы — ложны, есть что-то подобное между вами и этим Мастером. Но «Если слепой ведет слепца, они оба упадут в яму».

Случилось так: умер Мулла Насреддин, и два его ученика совершили самоубийство, без Мастера — что им было делать? Мулла вел, ученики следовали, они все трое постучали во врата иного мира, прекрасные врата. На-среддин сказал: «Смотрите! Это то, что я вам обещал, я всегда выполняю то, что я обещал. Мы попали в рай». Они вошли. Сопровождающий отвел их в прекрасный дворец и сказал: «Теперь вы будете жить здесь вечно. И все, в чем бы вы ни нуждались, попросите у меня — это будет немедленно исполнено». Мулла сказал: «Видите? Я вам обещал это, и я это выполнил!» Они в течение семи дней жили там в восторге, так как, чего бы они ни захотели, заказ немедленно выполнялся — что бы это ни было. Все их желания за миллионы жизней были исполнены за семь дней, так как не делалось никакого усилия, и никакое время не тратилось. Но на седьмой день они разочаровались, ведь когда вы получаете нечто слишком легко, вы не можете этим наслаждаться. А когда вы получаете это так быстро, что нет промежутка между желанием и его исполнением, вы становитесь пресыщенным. Вот почему богачи настолько пресыщены. Бедняк может иногда поплясать в своей жизни, но не богач. Посмотрите на царей, они мертвы, они пресыщены всем, потому что все доступно. Доступность — это большая проблема — большая, чем бедность, большая, чем нехватка.

На седьмой день они пресытились, насладившись самыми прекрасными женщинами, самыми дорогими винами, самой лучшей пищей, самыми дорогими одеждами — они жили, как императоры. Но что делать потом? На седьмой день мулла попросил их гида: «Нам хотелось бы глянуть вниз, на землю. Откройте нам окно, чтобы мы увидели землю». Гид спросил: «Зачем?» Мулла сказал: «Чтобы мы вновь обрели интерес, это возбудит наши желания». Гид открыл окно, и они посмотрели вниз на людей, они посмотрели, как мы боремся всю нашу жизнь и как мало достигаем — и они вновь ощутили свой голод, по контрасту.

Они наслаждались еще семь дней, но вновь пресытились. Теперь прежнее лекарство уже не помогло бы; вновь смотреть на мир — не поможет, они стали невосприимчивы, так что Насреддин сказал: «Теперь у меня другой нелепый заказ — нам хотелось бы, чтобы вы открыли дверь в ад, чтобы мы посмотрели и вновь вернули себе вкус к удовольствиям. Но у нас есть опасения — что мы будем делать после этого?» Гид начал смеяться и сказал: «А как вы думаете, где вы находитесь?» Они были в аду!

Если ваши желания исполнены, вы окажетесь в аду, так как вы не знаете, блаженства отсутствия желания, вы знаете только борьбу. Вот почему поэты говорят, что блаженство — в расставании, а не во встрече; наслаждение — в утрате, а не в исполнении. И они правы, если речь идет о вас. Когда все исполнено, что вы будете делать? Тогда вы узнаете, что вы были в аду.

Но так произойдет, если вы следуете за слепцом: даже если вы достигнете рая, он превратится в ад, так как слепота никогда не может достичь рая. Рай, в действительности, не место, которого можно достичь, это — состояние сознания, это не географическое понятие, это то, что в вас. Ад и рай оба существуют в вас. Но если вы следуете за слепцом, как он может привести вас к вершине? Он приведет вас в долину.

Но есть потребность в ведущем. Осознайте эту потребность. Вы хотите, чтобы вас вели, так как, тогда ответственность ложится на другого. Лучше иметь слепого лидера, чем никакого — вот состояние вашего ума. Поэто-му Христос говорит: «Идите и говорите людям, что Мастер — здесь!» Иисус появился, шанс — редок, и существует много возможностей, что вы утратите благоприятный случай. Бегите и крепко хватайтесь за этого человека, по-тому что врата рая открыты редко. Это — моменты, когда человек становится Просветленным. Тогда он — дверь: тогда вы можете заглянуть через него и понять всю Истину.

Мастер — это не человек, который вас учит; Мастер — это тот, кто будит вас. Мастер — это не человек, у которого есть некая информация для вас. Мастер — это человек, который дает вам проблеск в вашем собственном существе. Но это стало проблемой: если бы Иисус молчал, его никто бы не распял. Но он спешил, и он начал ходить по стране и говорить. Это создало проблему, потому что никто не понял его. Это и должно произойти подоб-ным образом, так как между двумя различными измерениями связь невозможна. Он говорил о Царстве Бога, а они думали, что он говорит о некоем царстве здесь. Он сказал: «Я — царь» — а люди думали, что он пытается сверг-нуть царя здесь.

Он сказал: «Те, кто кротки, наследуют землю», — он говорил о другом, но люди думали, что он обещает своим ученикам: «Вы наследуете землю». Тогда политики стали бояться, так как «царь», «царство», «наследование зем-ли» — политические термины. Жрецы тоже стали бояться, ведь то, что он говорил, было вне закона. Любовь — всегда вне закона.

Любовь не может следовать ни одному закону, она высший закон самый высокий. Когда вы любите, все в по-рядке, так как, любовь не может сделать ничего плохого. Для нее нет никаких предписаний и правил, правила и предписания существуют потому, что вы не можете любить. Поэтому существует так много правил, чтобы вы не могли обидеть друг друга, чтобы предохранить вас от обиды другого. Но когда вы любите, зачем обижать друго-го? Правила исчезают!

А Иисус говорит о высшем законе и любви. Тогда жрецы испугались, тогда судьи, суды, легальная система ис-пугались, что он создаст хаос, анархию. Он был распят, так как сеял смуту.

Этому не нужно происходить, это уже произошло в прошлом. Поэтому теперь, через тысячи лет, с опытом Будд, Махавир, Заратустр, Иисусов, Магометов, мы должны стать более бдительными!

Но нет! Все по-прежнему так, как будто человек ничему не научился, его глупость кажется предельной, конеч-ной, он рационализирует свою глупость. Он укрепляет свою

глупость, свое невежество, и на каждого, кто их изгоняет, смотрит, как на своего врага. Друзья выглядят, как враги. Враги выглядят, как друзья. Те, кто может вести, кажется, ведут за пределы. Те, кто слеп, ваши лидеры.

Вначале поймите вашу нужду в том, чтобы быть ведомым. Она — прекрасна, так как показывает стремление к поиску — но не спешите следовать, за кем бы то ни было. Как вы решите? Каковы критерии? Для искателя это одна из самых запутанных проблем: как решить, кто Иисус, а кто — слепец? Уверенность кажется невозможной, но проблески уверенности — возможны. Вы не можете быть уверены с самого начала, такова природа вещей. Как может слепец решить, что у другого есть глаза? Единственное решение, единственная уверенность возможна, когда он начинает видеть. Тогда он способен решать, но тогда нет нужды! Когда вы становитесь Буддой, нет нужды в свидетельстве Будды; когда вы подобны Иисусу, нет нужды знать Иисуса и следовать Иисусу. Это — парадокс. Вы слепы, и вы должны выбирать — как вы решите? При помощи слов? Тогда вас обманут, так как ученые, пандиты, священники — они все очень умны на словах. Никто не может их победить, ведь они заняты этим долгое время. Иисус выглядел бы бедным в своих словах — иудейский первосвященник мог бы его легко переспорить. Это не было бы большой проблемой. Кабира или Будду можно было бы легко победить на словах, с помощью аргументов, логики. Но вы не можете судить по словам, вас обманут — не пользуйтесь этим критерием.

Иисуса можно судить только по его бытию: будьте рядом с ним, не пытайтесь слушать его, что он говорит; попытайтесь услышать, что он есть. Вот ключ — будьте рядом с ним! Индуисты называют это сатсанг, просто быть рядом с Истиной. Только быть рядом — не слушать, что он говорит, не оспаривать интеллектуально, только слушать, что он есть.

Быть вибрирующим, быть цветущим, быть с ароматом. Если вы можете быть молчаливым рядом с Иисусом, вы услышите это молчание. И это молчание сделает вас таким блаженным и наполненным, проникнутым любовью и сочувствием — вот критерий. Если вы делаете зло с пандитом, с человеком знаний, тогда вы просто наполнитесь печалью — так как он так же несчастен, как и вы. Если вы слушаете слова, он будет выглядеть великим. Если вы слушаете его бытие, его вибрации, пульсацию его жизни, он — так же несчастен, как и вы, может быть, больше, — вот почему он стал человеком слов; чтобы спрятать свое несчастье. Вот почему он говорит о теориях, философиях, системах, вот почему он спорит — потому что, он не знает.

Человек, который знает, никогда не спорит, он просто сообщает, он просто говорит... Посмотрите на эти изречения Иисуса, он не спорит, он не аргументирует, он просто делает сообщения, простые сообщения.

«Город, построенный на высокой горе и укрепленный, не может пасть, и не может быть скрыт, — аргументов нет, простое сообщение фактов.

«То, что ты услышишь своим ухом, то проповедай со своей кровли, ибо никто не зажигает светильник и не ставит его под сосуд, и не ставит его в тайном месте. Но он ставит его на подставку, так что все, кто приходит и уходит, могут видеть его свет», — аргументов нет! Нет попыток, что-либо доказать, просто делается сообщение. Иисус сказал: «Если слепой ведет слепого, они оба упадут в яму». Простое сообщение факта! Эти слова более убедительно могут быть использованы человеком науки, но там вас обманут.

Если вы ищете Мастера, слушайте его бытие. Учитесь искусству слушать его бытие: только будьте рядом с ним, почувствуйте его — при помощи сердца. Внезапно вы

почувствуете, что вы меняетесь, так как это — магнети-ческая сила. Внезапно вы почувствуете, что что-то происходит, глубокая перемена внутри вас. Вы больше не тот же, что прежде, ваше пространство наполнено неведомым светом, как будто ваша ноша сброшена на мир, как будто благодаря нему вы получили крылья и можете летать. А это — опыт. Только этот опыт даст вам истинную личность, человека с глазами, который может вас вести.

Куда он поведет вас? Он поведет вас к вам самим. Человек науки приведет вас к чему-то еще, к раю где-то в небесах, к цели где-то в будущем.

Но человек бытия — Иисус, Будда — не поведет вас никуда, кроме вас самих, так как цель — там. Вы — един-ственная цель.

Слушайте сердцем, сатсанг. Это критерий. Иначе слепой будет вести вас многие жизни. Снова и снова слепой лидер, и вы снова падаете в яму.

И последнее о яме: когда Иисус говорит: «Они упадут в яму», — это чрево. Когда ведет слепец, оба снова упа-дут во чрево — это и есть. Они снова родятся в той же несчастной жизни, те же муки начнутся в новой форме. Ничто существенное не изменится, останется то же; все останется тем же, изменятся лишь внешние формы. Вы снова в аду, снова в несчастье, чрево — это яма.

Когда вас ведет человек бытия, вы никогда не упадете в яму. Тогда родитесь в другом измерении, и больше в этом мире не стоит рождаться. Вы исчезнете отсюда, вы появитесь где-то еще. Это «где-то еще» — и есть Бог, это «где-то еще» — и есть нирвана.

Изречение двенадцатое...

*Иисус сказал своим ученикам:
уподобьте меня, скажите мне,
на кого я похож.
Симон Петр сказал ему:
Ты похож на праведного ангела.
Матфей сказал ему:
Ты похож на философа.
Фома сказал ему:
Господи, мои уста никак не примут сказать,
на кого ты похож.
Иисус сказал:
Я не твой господин,
ибо ты выпил, ты напился от кипящего источника,
который у меня, который я измерил.
И он взял его, он отвел его, он сказал ему три слова.
Когда же Фома пришел к своим товарищам,
они спросили его:
Что Иисус сказал тебе?
Фома сказал:
Если я скажу вам одно из слов,
что он сказал мне, вы возьмете камни
и бросите в меня,
и огонь выйдет из камней и сожжет вас.
Входите, я покажу Вам дверь.*

Когда есть человек, подобный Иисусу или Будде, вы пытаетесь бежать от него любым возможным способом — так как, он для вас подобен смерти. Конечно, вы приведете разумные доводы вашему бегству, вы найдете разумные причины, почему вы бежите. Вы будете доказывать в уме: «Этот человек еще не Христос, этот человек — не Просветленный». Вы найдете что-нибудь плохое в этом человеке, так что сможете почувствовать облегчение. Вы будете избегать этого человека. Опасно столкнуться с ним, так как он может видеть вас насквозь, вы становитесь для него прозрачным. Вы не можете от него спрятаться, вы не сможете спрятать свою фальшь — перед ним вы, как открытая книга. А всю свою жизнь вы прятались.

Всю свою жизнь вы пытались жить фальшивой, ненастоящей жизнью, вы жили во лжи! А он видит вас насквозь. Перед ним вы становитесь дрожащим листом, он приведет вас к правде, перед ним вы не сможете носить ваш фальшивый образ — он будет катастрофой. Так что лишь очень храбрые могут приблизиться близко к Иисусу. Нужна величайшая храбрость, чтобы подойти к людям, подобным Иисусу. Это означает, что вы готовы прыгнуть в бездну, вы готовы себя потерять.

В опасности неизвестного, в неведомом, в океане, где другой берег невидим, нужна большая храбрость, чтобы идти за Иисусом. И в этом проблема; очень немногие могут

последовать за Иисусом. Те, кто бегут — утратят его, они утратят смысл своей жизни. Потому что глубоко внутри, когда вы пытаетесь бежать от Иисуса, вы пытаетесь бежать от вашей собственной правды. Он — не что иное, как ваше будущее; вы — семя, он — дерево, он пришел к цветению, он ваше будущее, он — ваша возможность. Убегая от него, вы убегаете от вашей собственной высшей возможности.

Но и те, кто подошел близко, те наверняка столкнутся с Иисусом. Те, кто бежит, они убежали — и конец! Но те, кто подошел близко, живет близко, даже живет рядом — они могут избегать Иисуса, так как они могут быть рядом с ним по неверным поводам. Так что из тысяч его изберут немногие. И эти немногие, кто изберет его, не все они будут с ним по истинным причинам. А те, кто с ним по неверным причинам, тоже утратят его.

Вы можете быть с Просветленным по неверным причинам. Взгляните на причины, по которым вы ищете, почему вы идете к Мастеру? Какова ваша истинная причина? Ищете ли вы истину? Человек редко ищет истину! Вы можете искать счастье, а не истину. Счастье случается тогда, когда достигнута истина. Но если вы ищете счастье, вы не сможете достичь истины, так как счастье — побочный продукт, вы не можете достичь его непосредственно, оно приходит через истину — нет другого пути. Если вы достигли истины, счастье случится, это — тень, оно приходит вместе с истиной... Но если вы ищете счастья, тогда оно невозможно, и истина теряется. Из ста искателей девяносто девять ищут счастья; они страдали, жизнь была несчастьем, большой болью. Они искали антипод, они искали противоположного. Быть с Иисусом или Буддой в поисках счастья — значит, упустить его вновь, потому что ваши глаза закрыты.

Счастье никогда не может быть целью; оно достигается, оно приходит автоматически, вам не нужно о нем заботиться. Это всегда побочный продукт: вы заботились о дереве, а цветы появились! Вам не нужно идти сразу к цветам, если вы так сделаете, вы утратите. Если вы заботитесь о цветах, вы потеряете; но если вы ухаживали за деревом, цветы появятся в свое время! Вам не нужно беспокоиться, вам не нужно даже думать о них.

В вашем обычном существовании это также известно, но вы никогда не идете вглубь. Вы бывали счастливы в течение нескольких моментов — трудно найти человека, который не был бы счастлив хотя бы на несколько мгновений, так как если вы не были счастливы несколько мгновений, тогда вы не могли его искать. Без того, чтобы его попробовать, как вы можете его искать, как вы можете сделать его целью? Вы пробовали его. Оно было мгновенным проблеском — а потом снова темнота, проблеск, а потом снова мука. Утро приходит лишь на мгновение, а потом опять полночь. Вы попробовали его, но не вошли в него. Как это происходит? Попробуйте войти в него. Когда вы чувствуете себя счастливыми, вы этого не ищете. Это — первая, основная вещь относительно счастья: оно случается, когда вы ищете чего-то другого. Например, вы слышали историю об Архимеде: он искал научную истину. Он работал, экспериментировал, думал, размышлял о ней в течение многих дней и ночей. Он забыл о себе. Потом внезапно, когда он однажды лежал в ванне, это произошло, забило ключом, он понял ее. Он был обнажен, но он об этом забыл. Когда вы счастливы, вы забываете себя; если вы не можете забыть себя, вы — не счастливы. Счастье означает, что вас здесь больше нет, оно случается, только когда вас нет.

Проблема Архимеда была решена, все напряжение исчезло. Он выбежал на улицу, крича: «Эврика! Эврика!» Люди думали, что он сошел с ума. Они всегда подозревали это, и теперь их подозрения подтвердились: «Слишком много думать — вредно». Они всегда так считали, а этот человек думал очень много. Теперь он сошел с ума и кричит голый на улице

«Эврика! Я нашел!» Что случилось? Каким экстатичным он был в тот момент!

И это была не высшая Истина, это была лишь обычная проблема. Теперь она обычная — однажды открытые научные истины становятся обычными, общими. Но он ее открыл. В момент открытия все напряжение исчезло, и он был настолько счастлив, настолько экстатичен, что забыл себя. Когда вы счастливы, первая основная вещь — помнить, что вы искали чего-то другого, не счастья. Если вы искали непосредственно счастья, вы утратили его навсегда. Это — побочный продукт: вы ищете что-то другое, и потом это нечто другое найдено. Открытие делает вас настолько наполненным, все напряжение уходит, вы — в покое, в мире, вы отдыхаете и чувствуете, что на-полнены счастьем. Счастье — это побочный продукт.

И помните второе: если вы его ищете, как вы можете утратить себя? Искатель никогда не может себя поте-рять, это остается, вы остаетесь точкой отсчета. Когда счастье, вас там нет. Вспомните моменты счастья — вас там не было. Оно могло произойти в глубокой любви, в открытии, или всего-навсего когда вы играете в карты — но вы становитесь совершенно исчезнувшим... вдруг — подъем! Что-то может включить его, но непосредственный поиск опасен, так как вы его утратите.

Если вы приходите к Мастеру в поисках счастья, вы рядом с ним по неверному поводу. Тогда вы остаетесь прячущимся в ваших неверных причинах. Вы остаетесь близким физически, духовно — вы на большом расстоя-нии. Ваши глаза слепы, вы не способны узнать этого человека, Иисуса или Будду. Это невозможно, так как ваши глаза закрыты невер-ными целями. Вы можете даже и не искать счастья, есть и более низкие цели.

Вы можете быть рядом с Мастером, чтобы приобрести силу, чтобы приобрести некие сиддхи — вы можете быть рядом с ним, чтобы приобрести более эгоистичное состояние. Тогда вы утратите его полностью. Есть даже еще более низкие цели. И чем ниже цель, тем больше возможность утратить, так как тогда вы более слепы. Вы можете быть рядом с ним лишь, по самым обычным причинам, как, например, поиски здоровья. Вы больны, и Иисус вас излечит; или вы бедны, и Иисус даст вам денег — его благословение станет для вас деньгами; или у вас нет ребенка, а он может дать вам ребенка.

Чем ниже цель, тем больше вы утрачиваете, так как, чем ниже цель, тем в более глубокой долине вы, — а Ии-сус существует на вершине холма, расстояние становится все больше и больше. Многие бежали, но те, кто подо-шел ближе — не все они на самом деле ближе, а только те, кто пришел по правильным причинам. И эта правиль-ная причина — Истина. Но почему вы никогда ее не ищете?

Истина кажется такой голой, такой сухой, что, похоже, нет нужды ее искать. Счастье кажется ценным, и если я настаиваю: ищите истину, а счастье будет побочным продуктом, вы даже можете согласиться искать истину, так как побочный продукт, счастье, будет получен. Но вы по-прежнему ищете счастья, а искомой должна быть истина; вы можете начать искать истину — но вы ищете не истину. Ваш ум продолжает фок-усироваться на сча-стье. Такая фокусировка неверна.

Только когда вы искатель истины, вы подойдете близко к Иисусу, Будде, Заратустре; иначе вы никогда не по-дойдете близко! По любой иной причине вы рядом только физически; духовно вы очень, очень далеко — вас раз-деляет огромное пространство.

Теперь рассмотрим это изречение Иисуса:

Иисус сказал своим ученикам! «Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож».

Почему Иисус задал этот вопрос? Он что, не осознает, кто он есть? Ему нужно узнать с

помощью учеников, кто он есть? Почему он хочет узнать это с помощью учеников? Потому что, то, что они скажут, покажет, почему они рядом с Иисусом. Вы создаете образ вашего Мастера в соответствии со своими желаниями. Если вы рядом с Иисусом, так как вы больны, Иисус будет целителем. Вы смотрите через свое желание, вы проецируете свое желание. Если вы ищете силу, тогда Иисус — всемогущий, самый сильный, так как только если он самый сильный, он может вам это дать. Если вы ищете бессмертия, если вы ищете состояния бессмертия, если вы боитесь смерти, тогда образ Иисуса будет отражать ваш поиск.

Почему Иисус спросил своих учеников: «Скажите мне, кто я есть?» Он спросил только, чтобы узнать, что они проецируют. Если вы проецируете что-нибудь, вы утратите, ибо для того, чтобы знать Иисуса или Будду, нужны непроецирующие глаза. Вы не должны проецировать, вы должны просто видеть факт.

Иисус — это факт, самый живой факт, какой возможен в мире. Смотрите на него непосредственно, прямо. Не вносите между вами свои желания, не делайте из Иисуса экран. Иначе вы увидите, но увидите отражение своих желаний.

Иисус сказал своим ученикам: «Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож».

Симон Петр сказал ему: «Ты похож на праведного ангела».

Этот человек должен быть моралистом пуританином. Этот человек должен быть виновным в своей безнравственности, так как, то, что вы говорите о других, никогда не показывает ничего о других, оно просто показывает что-то в вас. О чем бы вы ни судили, это не суждение о других, это суждение о вас. Иисус говорит снова и снова: «Не судите!» — так как все ваши суждения ведут к неверному — вы будете в них. Вор для вас грешник. Почему? Потому что вы так сильно привязаны к вашей частной собственности. Это ничего не говорит о воре, это просто показывает ваше собственное начало собственника.

Я слышал, что один англичанин умер и попал в ад. Дьявол спросил его: «Какой вы ад предпочитаете? У нас здесь есть все виды ада: английский, немецкий, китайский, русский, индийский...»

Англичанин сказал: «Конечно, индийский!»

Дьявол был ошеломлен. Он сказал: «Вы похожи на англичанина, почему же вы выбрали индийский?»

Он сказал: «Я — то англичанин, но я был в Индии и хорошо знаю, что в индийском аду отопление не работает!»

Ваш ум накапливает опыт. Что бы вы ни сказали о рае и аде, или другом человеке, это говорит — ваш опыт, это вы отражаетесь в каждом слове вашего заявления.

Симон Петр сказал: «Ты похож на праведного ангела».

Он сказал две вещи, первая: «праведный» — он должен был всегда бояться неправильного, он должен был бояться греха, он должен был бояться быть безнравственным. Противоположное он проецировал на Иисуса — вот почему он был с ним. Помните одну вещь: противоположности привлекают друг друга. Если вы мужчина, вас привлекает женщина — и это несчастье! Потому что она — противоположна, вот почему она и привлекательна. Но жить с женщиной будет трудно, так как она противоположна. Вот как приходит несчастье в браке; оно начинается с привлечения противоположного, но когда вы должны жить с противоположным, приходит беда, так как женщина противоположна во всем.

Ее логика совершенно отлична от вашей. Мужчина никогда не поймет женщину. Мужчина думает, как мужчина, а женщина — как женщина. У них совершенно разные

измерения. Женщина более интуитивна, она нело-гична. Она перепрыгивает сразу к выводам, и почти всегда она права! Это создает проблемы: она не может убе-дять вас; она не может убедить вас, что бы она ни говорила. Ее невозможно понять, так как мужчина думает, что она следует его логике, но у женщин нет такой логики. Но она — пронциательна, она смотрит непосредственно.

Однажды Мулла Насреддин был пойман на самых законных основаниях. Он посмотрел на суд: двенадцать присяжных — все женщины. И он сказал судье: «Я сознаюсь! Я не могу обмануть одну женщину дома, а двена-дцать в суде, — невозможно! Я совершил этот грех, просто назначьте мне наказание».

Каждый муж знает, как трудно обмануть женщину. Чтобы вы ни планировали, все идет из рук вон плохо, ко-гда вы попадаете домой, она вас легко поймает, она ударит прямо в рану. Она не осознает, как она действует; ее действие отличается от мужского.

Женщина никогда не может понять мужчину. Это тоже причина, почему они привлекают друг друга, так как только таинственное привлекает. Но житье с кем-то, кого вы не можете постичь, значит создавать несчастье, и это приводит к борьбе, так что там, где любовь, происходит постоянная борьба, борьба в каждый момент.

Противоположное привлекает: если вы жадны, вас привлекает человек, который отрекся; вы пойдете к свя-тому, который отрекся от всего, если вы алчный человек. Это очень трудно, так как создает многие несчастья.

Посмотрите на джайнов в Индии: они самые богатые люди, а богатство не бывает без алчности, вы должны быть алчным — но они чтят святых, которые отреклись от всего. Они не позволяют своим святым даже носить одежды. Нет! Это тоже не разрешается. Настоящий Дигамбара, джайнский святой, остается голым, без всякого имущества, даже без одежды. Он владеет только своим телом, вот и все. Он должен носить свою пищу в руках, ему не позволено принимать пищу два раза, одного достаточно. Он спит на земле, и вот почему его называют ди-гамбарой, — небо — его единственная крыша, единственный дом. Но откуда это явление, почему так происходит?

Магомет говорил о мире: «Слово „ислам“ означает мир». Но посмотрите на мусульман — они стали самыми жестокими людьми в мире. Почему их привлек Магомет и его религия мира? Противоположное привлекает. Про-тивоположное всегда привлекательно, так как, это и есть основная модель секса. И эта основная модель секса следует за вами всюду, чем бы вы ни занимались.

Симон Петр сказал ему: «Ты похож на праведного ангела». Этот человек должен был быть виновным в своей безнравственности — истинной или ложной, но он был виновен. Иисус привлекал его тем, что выглядел как ан-гел: чистый, невинный, он никогда не совершал греха. Вот почему христиане настаивают на том, что он был ро-жден от девственной матери — а это абсурд! Почему они настаивают на том, что он рожден от девственницы? По-тому что секс выглядит аморальным. А если вы рождены в аморальности, как вы можете стать совершенно мо-ральным? Невозможно! Если отравлен сам источник, как тогда вы можете быть моральным? Вы можете пы-таться, но вы никогда не будете совершенным. Аморальность должна быть отсечена в самом начале. Вот они и настаивают, что Иисус был рожден девой. Никто не рожден девственницей — это абсолютно неверно, это не мо-жет произойти! Но они настаивают, они от этого зависят. Если, в конце концов, докажут, что у Иисуса был отец, христиане отвергнут его, они немедленно сбегут: «Этот человек такой же, как мы! Мы аморальны, мы рождены в грехе, а если он также рожден в

грехе, то какая между нами разница?»

«Ты похож на праведного ангела».

Ангелы — это просто символы абсолютного совершенства, чистоты, невинности. Это показывает кое-что о Симоне Петре, а Симон Петр стал камнем, на котором стоит вся христианская церковь, он стал основой. Таким образом, христианская церковь постоянно занята тем, что морально и что аморально. Вся церковь стала моралью, а не религией. Это Симон Петр — основная причина: он создал вину, так как, когда вы слишком заняты вопросом, что хорошо и что плохо, вы становитесь виновным. А жизнь этого не знает.

Жизнь совершенно аморальна. Она ни моральна, ни не моральна, она — аморальна. Она ничего не знает о том, что плохо, а что хорошо. Она движется в обоих направлениях одновременно. Река разливается. Какой вы ее назовете: моральной или неморальной? Тысячи крестьян затоплены, сотни людей умерло, тысячи остались без крова. Как вы назовете реку в наводнение — плохой? Нет, вы не используете этого слова, так как вы знаете, что река не знает, что плохо и что хорошо. А Бог существует в реке, так же, как и в вас. Дерево падает на то место, где медитирует святой, он убит. Как вы назовете дерево: грешником, убийцей? Нужно ли это дерево заставить предстать перед судом? Нет, вы просто скажете: «Это — дерево. Наша мораль — грех или не грех — не применима к этому дереву».

Мораль создана человеком. Босс кажется аморальным. Все существование аморально. Аморальность означает не то и не это, или — оба. Но если вы идете к Иисусу с моралистическим отношением, вы его утратите. Святой Симон, этот Симон Петр, утратил Иисуса полностью. Он искал морального человека, он искал святого, но не мудреца.

И в этом различие между святым и мудрецом: мудрец аморален, как жизнь, он стал одним с жизнью, он не мыслит в терминах противоположного. Святой отбирает правильное, отрицает неправильное, он живет наполювину, он не берет жизнь целиком. Святой в действительности нерелигиозен, так как религиозный человек принимает жизнь такой, какая она есть. Он не отрицает, так как, что бы он ни отрицал, это будет отрицанием Бога; тогда вы пытаетесь доказать, что вы лучше, чем Бог! Смотрите, Бог создал секс — кто еще его мог создать? А вы его отрицаете, тогда вы можете стать святым, но ваша святость будет всего лишь моральной, она не будет религиозной.

Индуисты поняли это очень хорошо. Если вы вернетесь назад, к дням Вед, риши жили очень обычной жизнью: у них были жены, дети, они были домохозяевами, они не отрекались. Отречение пришло с джайнами и буддистами. Наоборот, индуистские риши всегда жили очень обычной жизнью, они знали, они пришли к пониманию того, что жизнь должна быть принята в ее всеобщности, ничто не должно отрицаться, все должно быть принято. Вот что в действительности означает теизм, мистика; это означает того, кто говорит жизни да, он — не говорит «нет»! Этот святой Петр мог стать хорошим жрецом, он мог стать святым, но он не мог стать мудрецом. У него были свои собственные концепции, вот почему он пришел к Иисусу.

Когда вы заполнены таким множеством моральных концепций, что вам делать? Вы осуждаете себя, потому что есть вещи, которые не могут быть отринуты словами о том, что они плохи; они остаются. Мужчина останется увлеченным женщинами; они прекрасны, и желание существует, оно — дар Бога. Оно глубоко в каждой вашей поре, в каждой клетке вашего тела. Ученые говорят, что в теле — семьдесят миллионов клеток, и каждая клетка — сексуальное существо. Все ваше тело — это сексуальное явление! Что бы вы ни делали — вы

можете закрыть глаза, вы можете бежать в Гималаи, но всегда красота будет вас привлекать. Цветок выглядит таким прекрасным — вы наблюдали? Это — тоже сексуальное. Птичка, поющая рано утром рядом с хижиной святого или его убежищем, выглядит прекрасной, но знаете ли вы, что ее пение — это сексуальное приглашение? Она приглашает партнера, ищет партнера, любовника. Что такое цветок? Цветок — это сексуальное явление, цветок — это трюк: поскольку дерево не может двигаться, его половые клетки должны быть перенесены пчелами, бабочками к другим деревьям; Деревья бывают мужские и женские, и они не могут двигаться, потому что укоренены в земле. Цветок — это трюк, чтобы привлечь пчел, бабочек и других насекомых: они прилетят на цветок, и с ними половые клетки попадут на женское растение.

Итак, где красота, там и секс. Вся жизнь — это сексуальный феномен. Что вы можете сделать? Вы можете это отвергнуть, это — в ваших руках, но когда вы это отвергнете, вы почувствуете вину, так как глубоко внутри останется подавленность. Вы постоянно чувствуете себя подавленным и виноватым: что-то не так. Вы не можете быть счастливы с чувством вины, вы не можете танцевать с чувством вины. Вина вас парализует: куда бы вы ни шли, вы не можете смяться, вы не можете двигаться в экстазе, так как вы всегда боитесь подавленного.

Если вы танцуете, поете, если вы чувствуете себя блаженным, что происходит с подавленным? Оно может выйти на поверхность, так что вы должны постоянно быть начеку. Вы становитесь часовым, а не хозяином своей жизни, не наслаждающимся жизнью, вы становитесь просто часовым. И все становится уродливым, так как есть конфликт, постоянный конфликт. Ваша энергия расходуется на внутреннюю борьбу. А такой тип человека, который каким-либо образом подавляет свое собственное существо, всегда смотрит на других осуждающе — это должно быть так.

С моралистом... очень трудно жить, так как его взгляд вас постоянно осуждает: вы неправильны, потому что пьете чай. Вы пьете чай? Значит, вы будете брошены в ад — вы не должны пить чай. В действительности все, что может доставить вам удовольствие, моралист осуждает. В ашраме у Ганди вам не позволили бы попробовать пищу на вкус — асвад, безвкусное!» была принципом, которому там следовали: вы могли есть, но не могли вкушать. Почему? Зачем быть против вкуса? Потому что вкус — это удовольствие, а святые — против удовольствия. Вы не сможете найти улыбающегося или смеющегося святого — невозможно! Он выглядит печальным, всегда осуждающим себя и других, вся его жизнь — это болезнь, он не может быть счастливым.

Этот Симон Петр символичен.

Он сказал: «Ты похож на праведного ангела». Он говорит: «Я пришел к тебе, так как ты чист: рожден от девственной матери, никогда не был женат, никогда не наслаждался жизнью, никогда не жил. Ты чист, я вижу тебя ангелом».

Матфей сказал: «Ты похож на философа».

Этот человек — не в поисках морали, Матфей — в поисках знания — более научного. А Иисус выглядит, как человек понимания, он думает, что он может получить некие ключи от тайн жизни от этого человека: «У этого человека есть некие ключи. Он знает, я могу получить от него информацию». Матфей — в поисках знания.

Но когда вы приходите к Иисусу, либо к человеку, подобному ему, не идите в поисках знания. Иисус выглядит мудрым человеком, что бы он ни говорил — в самую точку, что бы он ни говорил, звучит истинно. Все, что он говорит — полно глубокого смысла, но вы

уделяете слишком много внимания его словам, а не его существу. Матфей — пандит, ученый; он ищет принципы, теории, системы, философии. Если вы приходите к Иисусу с таким умом, вы его упустите, так как Иисус — не человек знания, он человек бытия. В чем разница?

Знание — поверхностно, заимствовано, мертво. Этот человек — живой, абсолютно живой! Этот человек не заимствовал ничего от других — он стал самореализованным. Он может поделиться своим бытием с вами, и вы глупы, если берете у него только слова. Эти слова можно получить из книг, нет нужды идти к Иисусу. Библиотека будет даже лучше, в ней больше знания, аккумулированного за века.

Вы приходите к этому человеку, туда, где ваше существо может удовлетворить свою жажду, и вы просто уносите с собой слова. Вы приходите к императору, и он говорит: «Проси, и это будет тебе дано», — а вы просите только кусок хлеба и уходите счастливым. Вся империя — у ваших ног, только попросите — а вы уносите слова, вы изучаете теории, вы становитесь теологом. Матфей — это корень теологии христиан.

А тогда вся церковь становится запутанной в двух вещах — вот почему эти двое отмечены: Петр стал основой христианской морали, антисексуальности, и он продолжает оставаться основой, а Матфей стал основой теории, теологии, и он остается основой. Христианство вовлечено в две вещи, а вовсе не во Христа: мораль — что верно и что неверно; и теология, теории о божестве. Теология — значит теории о Боге — а никакой теории о Боге не может быть.

Бог — это не теория. Он — не гипотеза, которую можно доказать или которая может быть опровергнута, вы не можете спорить о нем. А когда Иисус был там, вы могли столкнуться с Богом. Бог был там, он проник в этого человека, но поиски знания — это барьер. Вам не нужно просить Иисуса о знании, вам нужно просить его о бытии. Но добиваться знания легко, вам не нужно преобразовывать себя. Вы просто слушаете слова и собираете их, с вашей стороны не требуется преображения. Но если вы просите о бытии, тогда вы должны быть молчаливы, тогда вы должны быть в глубокой медитации, тогда вы должны стать молчаливым присутствием. Только тогда Иисус сможет перелить свое бытие в вас.

Матфей сказал: «Ты похож на философа».

Иисус — не мудрый человек. Он — сама мудрость, но не мудрый человек; мудрым можно стать, не будучи Просветленным. Были мудрые люди: Конфуций мудр, но не Просветлен, Маку — мудр, но не Просветлен. Будда — Просветленный, Лао-Цзы — Просветленный. Их мудрость приходит из совершенно иного источника. Они достигли самого центра жизни — они узнали. Их знание — не из интеллекта, их знание — из бытия. Вот почему я называю Иисуса человеком бытия, а не человеком знания.

Вы можете получить мудрость с помощью опыта — каждый старый человек становится мудрым. Даже глупый человек становится мудрым, так как говорят, что если вы упорствуете в своей глупости, вы станете мудрым. Только жизнь может дать вам мудрость; лишь прожив жизнь, совершив ошибки, заблудившись и вернувшись, испытав многие ответы, вы становитесь мудрым.

Иисус мудр не таким образом: он был не стар, ему было всего тридцать лет, он был очень молод. У него в действительности не было большого жизненного опыта, он был мудр не таким образом. Но он знал нечто, что является самой основой жизни. Он не движется по ветвям дерева жизни, он достиг корня. Это совершенно другая вещь, и Матфей ее утратил.

Он соберет заметки, чего бы Иисус ни сказал, он запишет. Из этого он создаст Еван-гелие, он закрутит теории. Оба эти человека утрачивают его совершенно.

Фома, третий, который донес до нас эти изречения — самый близкий к Иисусу ученик. Но его изречения не включены в Библию, так как Иисус и его ближайшие ученики должны быть исключены — они опасны.

Фома сказал ему: «Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож».

«Это невозможно сказать. В тебе так много, и ты — такое многое, ты так переполнен, ты так многомерен, мой рот не способен это сказать. Я не способен сказать ничего, слова — ничто. Ты не можешь быть похож на кого-либо, ты — неуподобляемый. И что бы я ни сказал, будет неправильным, так как этого не будет достаточно. Слова очень ограничены, ты — бесконечен!» Так говорит Фома: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож».

Нет, невозможно! Я не скажу ничего, этого нельзя сказать. Тебя нельзя охватить словами, ты невыразим!» Фома подошел ближе всех, но даже самый близкий был далеко, расстояние существовало.

Существует подобная история о Бодхидхарме. Он жил в Китае девять лет. Он учил людей, многие медитировали, многие подходили ближе и ближе, а когда он уезжал, он попросил четырех своих учеников сказать что-нибудь о дхарме. Об Истине. Первые трое были как эти трое: Симон Петр, человек морали, самый поверхностный; потом Матфей, человек, ищущий знания — немного глубже, чем Петр, но также очень отдаленный; потом Фома, который сказал: «Я не могу сказать ничего».

Но Бодхидхарме повезло больше, чем Иисусу, так как был четвертый, который действительно промолчал. Он даже не сказал: «Я не могу сказать», — так как когда, вы говорите: «Я не могу сказать», — вы что-то говорите! Это должно быть понято: четвертый остался безмолвным! Он просто посмотрел в глаза Бодхидхарме, поклонился к его ногам. Бодхидхарма сказал: «У одного — мои кости, у другого — моя плоть, у третьего — моя кровь, а ты — самая моя сущность!» Этот четвертый не сказал даже столько, сколько Фома. Он подошел ближе всех, он стал сущностью.

Иисус не был настолько удачлив. Тому были причины; климат был не тот, ситуация была совершенно иной. Китай знал Лао-Цзы, но иудеи никогда не знали человека, подобного Лао-Цзы. Лао-Цзы подготовил хорошую почву, в которой семя Будды могло прекрасно взойти. Когда Бодхидхарма пришел в Китай, почва была готова. Она была ухожена Лао-Цзы и Чжуан-Цзы — редкие явления! — и тогда семя Будды было принесено Бодхидхармой. Оно прекрасно выросло, оно прекрасно цвело. Иисус не был настолько удачлив, почва была не готова. В иудейской культуре были пророки, но не мудрецы. Подобных Лао-Цзы и Чжуан-Цзы — нет. Там были святые, так что Симон Петр пригоден. Там были моралисты, Моисей поставил мораль в самый корень иудейской культуры; десять заповедей — они были основой.

Были люди, подобные Симону Петру, так как ничто не появляется без причины, ничто не существует без долгой традиции. Симон Петр — не случайность, ему должна предшествовать длительная история. Моисей — самая глубокая причина, корень, из которой вышел Симон Петр: десять заповедей, моральное отношение к миру, жизни. Но там не было ни одного человека, как Лао-Цзы, который сказал: «Все побуждения — фальшивы: в тот момент, когда вы говорите: „Это хорошо, а то плохо“, — вы разделили жизнь и убили ее». Этот человек, который был за целое, а не за разделение. Бодхидхарма был удачлив, и это

была причина, почему у него было четыре уче-ника, а не три.

В иудейской культуре самое большее, что возможно — это Фома. Посмотрите на феномен Фомы, о чем он го-ворит — и это одна из основных проблем. Есть люди, которые говорят: «О Боге ничего не может быть сказано», — но они что-то сказали. Даже если вы говорите: «Ничего не может быть сказано о Боге», — вы уже что-то сказа-ли. Если вы точны, тогда вы сделали ошибку. Если вы точны — ничего не может быть сказано; вы должны оста-ваться молчаливым. Иначе вы создаете дилемму: с одной стороны, вы говорите, что ничего нельзя сказать, но если это можно сказать, тогда почему не сказать еще немного? В чем проблема? Если это можно утверждать, то-гда почему не больше? Если утверждение возможно, тогда и большее утверждение становится возможным.

Вот почему Будда остается совершенно молчаливым. Он не скажет даже: «Ничего нельзя сказать о Боге». Он не скажет даже столько. Вы спросите о Боге, а он заговорит о чем-то другом. Вы спросите о Боге, а он не услышит — как будто вы не спрашивали — он просто отбросит вопрос, заговорив о другом. Он не скажет даже того, что ниче-го не может быть сказано, так как это абсурдно. Тогда почему вы говорите об этом? Даже через отрицание вы указываете. Не только положительное утверждение является утверждением, отрицательное утверждение — это тоже утверждение.

Вы говорите: «Бог не имеет формы». Что вы имеете в виду? Вы Его знаете? И знаете ли вы его так совершен-но, что можете сказать: «Он не имеет формы»? Если вы знаете его так совершенно, тогда у него есть форма. На-пример, вы говорите, что этот океан не может быть измерен: он так глубок, он не может быть измерен. Тогда су-ществуют только две воз-можности: либо вы его измерили, так как, только тогда вы можете сказать, что он так глубок, что он не может быть измерен; либо вы его не измеряли, иначе, как вы можете сказать, что он так глубок, что не может быть измерен. Даже глубина измерима, она не может быть неизмерима; как бы ни было глубоко, он может быть измерен.

Когда вы говорите: «Бог не имеет формы», — дошли ли вы до его границ и увидели, что формы нет? Если вы дошли до границы, у него есть форма. А если вы не дошли до границы, тогда не говорите, что он бесформен, так как Он может иметь форму. Когда вы дойдете до границы, только тогда вы можете знать. Так что те, кто дейст-вительно споткнулся о Бога, кто упал в него, не говорят ничего, даже этого, потому что это — противоречие.

Один из самых пронизательных логиков этого столетия, Витгенштейн, написал прекрасные строки. В своей книге «Трактат логической философии» он делает много прекрасных утверждений. Это — наилучшее; он гово-рит: «Ничего не должно говориться о чем-то, о чем не может быть сказано. Если ничего не может быть сказано о предмете, говорящий должен оставаться молчаливым».

Фома подошел ближе всех, но расстояние осталось. Он все еще пытался говорить, пытался выразить невыра-зимое.

Фома сказал ему: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож».

Иисус сказал:

«Я не твой господин... потому что никто не понимает меня, так, как я могу быть твоим господином?»

Если вы понимаете, только тогда вы можете быть учеником. Если вы понимаете, только тогда вы можете вой-ти в храм. Если вы понимаете, только тогда вы можете вступить в существо Мастера.

Иисус сказал: «Я не твой господин...»

Всем трем он сказал: «Я не твой господин». Фома подошел ближе всех, но остался утратившим. Он — наи-лучший, но остается несовершенным, он лишь относительно лучший; он подошел ближе, но барьер остался: он по-прежнему верит в слова, так как он пытается выразить то, что не может быть выражено.

«Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился от кипящего источника, который у меня, который я измерил».

Здесь он выражает очень глубокую истину. Он говорит: вы все трое говорите из разума, кипящего источника, который я измерил, который я оставил позади, «измерил». Вы по-прежнему говорите от разума: один говорит с помощью моралистического разума, другой — с помощью теологического разума, третий — с помощью мистического — но все они являются частями разума. А если вы говорите с помощью разума, я не ваш господин, так как весь акцент здесь на этом — отбросьте разум! Вот на чем настаивает Мастер: отбросьте разум! А вы трюкачест-вуете, вы начинаете говорить о Мастере из того самого разума, на отбрасывании которого он настаивает. Вот почему я говорю, что Бодхидхарма был более удачлив: у него был ученик, который остался истинно молчаливым, он не ответил.

Были даже еще более удачливые Мастера. Одним из них был Риндзай. Он спросил о том же самом — так как в действительности это все та же история снова и снова: Будда и его ученики, Иисус и его ученики, Бодхидхарма и его ученики — история все та же. Она не может быть другой, так как отношения — те же самые, явление — то же самое. Риндзай был даже более счастлив. Что произошло? Когда он спросил своего главного ученика: «Скажи что-нибудь об истине», как поступил ученик? Вы знаете? Вы даже не можете себе представить. Он ударил Мастера! А Мастер засмеялся и сказал: «Правильно, ты поступил хорошо, потому что спрашивать нельзя, ведь каждый вопрос неверен!»

И это — самый удачливый Мастер! Как вы можете ответить на вопрос, когда сам вопрос неверен? Ученик говорит: «Не будь глупцом, не играй со мной в игры, не пытайся поставить меня в тупик, не ввергай меня в нелогичную чепуху! Ведь если я отвечу, это будет неверно, и если я не отвечу, это тоже будет неверно — так как Мастер спрашивает. Если я отвечу, это будет неверно, так как сама природа Истины такова, что она не может быть выражена. Если я не отвечу, это будет невежливо — Мастер спрашивает, я должен отвечать». Вот что он сказал, когда ударил Мастера. А Риндзай засмеялся и сказал: «Правильно! Когда ученик может ударить Мастера, он сам стал Мастером. Теперь иди и учи остальных!»

Иисус сказал: «Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился от кипящего источника, который у меня, который я измерил».

Вы остаетесь пьяницами, пьяными — все от того же безумия разума!

Разум — источник всего безумия, могут быть разные степени, но каждый, у кого есть разум, более или менее безумен. Разум — это эквивалент безумия. Вы можете быть не очень безумным, вы можете быть слегка безумным, так что вы не кипите, не испаряетесь — никто не собирается сажать вас в сумасшедший дом. Вы лишь слегка безумны, трудоспособно-безумны; вы можете работать, вы можете действовать и удерживать свое безумие внутри. Человек оставляет безумие позади, только когда он оставляет позади разум. Вот почему Иисус говорит, что вы пьяны.

«...вы пьяны от кипящего источника, который я измерил.

Вы все трое говорите от разума. Вы не смотрите на меня, ведь если вы смотрите, разума нет». Не приносите разум к Мастеру. Это глупость, так как если вы приносите разум к Мастеру, вы к нему не подойдете ближе. Вы не достигнете сатсанга, вы не будете в

присутствии Мастера, вы будете наполнены разумом, вы будете пьяны вашим разумом. Когда он — там, вы будете думать, болтать. Внутри разум будет крутиться, и крутиться, и создаст стену, и Иисусу будет невозможно проникнуть к вам. И он взял его, он отвел его, он сказал ему три слова. Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: «Что Иисус сказал тебе?»

Он должен работать с наилучшим, наилучший же отсутствует. Был избран Фома, он взял его и сказал три слова.

Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: «Что Иисус сказал тебе?»

Они все еще интересуются тем, что Иисус говорит, а не тем, что Иисус есть. Они все еще интересуются знанием, словами, и не интересуются бытием.

Фома сказал: «Если я скажу вам одно из слов, что он сказал мне, вы возьмете камни и бросите в меня, и огонь выйдет из камней и сожжет вас».

Это все очень таинственно. Эти три слова не были записаны, и Фома никогда не говорил остальным ученикам, что это были за слова. Но он дал указания — так как когда вы не готовы, могут быть даны лишь указания; когда вы не готовы, могут быть даны лишь намеки. Если вы действительно исследователь, то через намек вы достигнете тайны. Конечная тайна не может быть дана, вы должны быть готовы к ней. Чем больше вы готовы, тем более она становится явной. Он намекает, так что сначала попытайтесь понять намеки.

«Если я скажу вам одно из слов, что он сказал мне, вы возьмете камни и бросите в меня, и огонь выйдет из камней и сожжет вас».

Он сказал следующее: «Если я скажу вам одно из слов», — Иисус сказал три, но «Если я скажу даже одно слово, вы немедленно начнете швырять в меня камни». Что он имеет в виду? Человек живет во лжи, каждый человек, потому что ложь удобна, выгодна. Истина — тяжела, неудобна, неутешительна. Ложь подобна спуску — вы идете, пританцовывая, с легкостью. Истина — это подъем вверх, она трудна, вы задыхаетесь, это неудобно. Ложь — удобна, утешительна, так как вы можете ее творить, вы можете ее придумывать. Вы можете выдумать свою собственную ложь, которая вас удовлетворит, но вы не можете выдумать правду. В этом-то и проблема, и помеха. Вы можете выдумать ложь: вы просто идете к портному, и он шьет вам одежду; вы можете создать ложь для себя, как одежду; ложь, которая вас удовлетворит. Но правда вас не удовлетворит, вы ее не можете выдумать, вы должны будете себя урезать — вы вынуждены довольствоваться правдой. Правда не может быть раскрыта, как одежда; чтобы удовлетвориться правдой, вы должны измениться. Ложь прекрасна, так как вам нет нужды изменяться — вы просто меняете ложь, и она вам подходит. Она очень удобна, она в вас вцепляется, она никогда не принуждает вас меняться, вы можете оставаться статичным, застывшим.

Ложь — всегда с вами, и никогда не против вас. А правда, — правда не беспокоится: если вы хотите быть правдивым, вы должны измениться сами. Правда не может быть выдумана, она должна быть открыта — она уже есть. Вот почему человек живет во лжи — потому что вы можете выдумать свою собственную ложь.

У каждой страны — своя собственная ложь, у каждой расы — своя собственная ложь, у каждой религии, церкви, храма, гурудувары — своя собственная ложь. И все они очень удобны, они вцепляются в вас — они защищают вас от правды. Вот почему, когда отстаивают истину, вы начнете швырять камни в человека, который ее отстаивает; ведь если он прав, вся ваша жизнь фальшива. Это трудно принять — вы так много в нее вложили, вы жили ради нее. Ваши мечты — это все, что у вас есть, ваша ложь — это все, что у вас есть.

Но кто-то приходит и бросает в вас правду...? Так что есть только две возможности: либо вы готовы полностью разрушиться, либо вы швырнете камни в этого человека, швыряние камней в этого человека не позволит его правде разбить вдребезги вашу ложь — вы сможете снова с ней существовать.

Психологи пришли к пониманию того, что человек не может жить безо лжи. И поскольку речь идет о девяно-сто девяти процентах людей, они правы; мы можем отбросить один процент — это исключение. Фрейд, Юнг, Ад-лер, все три великих открывателя человеческого сознания абсолютно согласны в одном: что человек, как тако-вой, не может жить безо лжи, ему нужно лгать, это основная потребность, как пища, даже важнее. Без пищи вы можете прожить три месяца, безо лжи вы не проживете трех секунд — это как дыхание.

Посмотрите, в какой лжи вы живете. И когда кто-то поддерживает вашу ложь и делает ее похожей на правду, вы склоняетесь перед ним. Вы боитесь смерти, вот вы и верите в бессмертие души. Для вас это ложь — вы не знае-те даже азбуки души; вы не знаете, существует душа или нет, но вы верите в ее бессмертие. И когда кто-то дока-зывает и утверждает, что душа бессмертна, вы склоняетесь перед ним, вы платите ему уважением и говорите: «Вот человек, который знает!» Что он сделал? Он просто поддержал вашу ложь, он просто дал больше жизни ва-шей лжи. Вы остались прежним: вы не знаете, что такое душа, вы не озабочены этим знанием. Но ложь помогает вам жить. Тогда вы не боитесь смерти, так как смерти нет — душа бессмертна.

Отсюда и произошло очень странное явление: эта страна, Индия, — самая трусливая на земле. Иначе как мож-но было бы держать такую огромную страну настолько рабской в течение столетий? И рабской по отношению к таким малым нациям, как англичане, которых меньше, чем население одной индийской провинции? Пятьсот миллионов человек были порабощены тридцатью миллионами человек — кажется нелогичным. Но кто бы ни приходил — гунны, монголы, турки, англичане — кто бы ни приходил, Индия всегда была готова быть рабом. Откуда столько трусости? И эти люди — «Знающие себя», они говорят, что у них — Изначальное Знание, и они знают, что душа бессмертна!

Если душа бессмертна, как вы можете быть трусом? Если душа бессмертна, тогда никто не может быть храб-рее вас, так как никто не умрет, даже когда кто-то вас убивает, вы не будете бояться, так как никто не умирает. Но дело не в этом, дело, как раз в противоположном: душа бессмертна, и все же индийцы — самые большие тру-сы. В действительности, так как они трусы, они прячут свою трусость в философию бессмертной души. Бесмер-тие — это не их знание. Будда может знать, Яджиавалхья знал, но это — не знание, которое может быть передано.

Самопознание остается индивидуальным. Ни одна страна не может им обладать, оно не может стать достояни-ем, это не традиция. Человек знает, и когда этот человек умирает, это знание исчезает из мира. Оно должно быть открыто снова, вы не можете сделать его собственностью.

Эта страна труслива, но у нее есть прекрасная теория. Они боятся смерти, вы не можете себе представить, как сильно они боятся смерти. Даже, чтобы покорить Эверест, приходят иностранцы. Индийцы не озабочены этим, так как каждый скажет: «Что за глупости вы творите? И что вы получите там? Зачем подвергать себя опасно-сти?» Индийцы всегда боялись опасности, если существует опасность, они не двинутся с места. И эти люди думают, что они знают, что душа бессмертна. Нет, это ложь! Нет, это неправда — для вас это

ложь, и вы при помощи ее защищаете свою трусость.

Смотрите! Индия — это явление — смотрите вокруг! Вы не сможете найти столько алчных людей, бедных людей, нигде в мире. И они называют весь мир материалистическим, прекрасный трюк для ума — они духовны, а весь мир — материалистический. Когда они смотрят на людей Запада, в глубине себя они говорят: «Вы — материалисты!» Вы не можете найти большего материалиста, чем индеец. Он живет ради денег, жаден к имуществу, для него невозможно дать кому-нибудь что-нибудь, он забыл, как давать, он вцепляется во все. Но он называет весь мир материалистическим, «а мы — духовные», — ложь, патентованная ложь, но повторяющаяся так много раз, что она выглядит правдой. Это фальшивка.

Каждый придумывает и свою собственную ложь. Есть публичная ложь, потом вы придумываете свою частную ложь, и в них всех вы и живете. Они много вам позволяют: вы можете быть трусом, но вы думаете о себе, как о храбрце, и вы пытаетесь действовать, как храбрец. Это немного помогает, потому что если вы — трус и чувствуете, что вы трус, вы перестанете двигаться в жизни. Вы скажете: «Я — трус», — и будете парализованы.

Вот психологи и говорят, что безо лжи человек не может жить — даже трус в жизни действует. И это происходит почти всегда: кем бы вы ни были, вы создадите противоположную ложь, и вы переигрываете свою роль, чтобы поверили другие, и чтобы вы поверили сами. Вы переигрываете ее — трус переигрывает — он станет сорвиголовой, но он — трус, иначе игры не будет. Он может искать опасность, даже если в этом нет нужды, только чтобы показать другим и убедить себя, что он — не трус. Но в глубине он боится своей трусости. Вот он и проецирует противоположное.

Алчный человек может отказаться от мира, стать нагим, только чтобы убедить себя, что: «Я — не алчный». Но это не помогает. Это — ложь. Только сбрасывая одежды и покидая дом, вы не оставите алчность, так как она — внутри. Это не часть дома, это — не часть ваших сокровищ, это — часть вас. Как бы вы ни ходили — нагим или одетым — нет никакой разницы. Просто алчность пытается спрятаться переигрыванием, движением к противоположной крайности — отречению.

Человек без алчности будет и без отречения, так как ему не нужно переигрывать. Человек без страха, будет и без так называемой храбрости, ему не нужно переигрывать. Человек, пришедший к пониманию своей сущности, не впадет ни в ту, ни в другую крайность. Он будет уравновешен, его жизнь станет равновесием.

Как вы думаете? Идет Будда, и появляется змея. Что он сделает? Он просто отпрыгнет с дороги! Как вы его назовете? Трусом или храбрцом? Он просто чувствительный человек, человек понимания. Вам понравится человек, который там останется, не заботясь о том, что сделает змея — змея его даже ужалит, а он там останется — вы назовете того человека храбрым. Но он глуп, а не храбр. А глубоко внутри он трус; он остается там, чтобы спрятать эту трусость.

Но если вы увидите Будду, отпрыгивающего с пути змеи, вы подумаете: «За каким человеком я иду? Это — трус!» Он не трус. Кто-то должен сойти с дороги. Это — простая разумность. Это, как если бы кто-то сигнализировал вам в клаксон, а вы стояли бы на дороге и думали, что вы — храбрец. Вы — просто глупец! И кого вы убеждаете, оставаясь там? Себя, глубоко внутри в том, что вы — храбрец.

Человек понимания никогда не движется к противоположному, он движется с пониманием. Что бы ни происходило, как бы ни развивалась ситуация, он отвечает ей с

бдительностью; он — ни храбрый, ни трус. Вы — либо трус, либо храбрый, но другое — прячется: даже трусливый человек может стать храбрым в определенных ситуациях, даже храбрый человек может оказаться трусом в некоторых ситуациях.

Поглядите на проблему: храбрейший человек становится трусом, когда он приходит домой — даже Наполеон — трус перед Жозефиной. Почему случается так, что муж, который является таким великим борцом в мире, в соревновании, перед своей бедной женой, становится просто трусом? Что происходит? И не думайте, что это — о других, что вы — не такой, каждый муж — под каблуком у жены! Это кажется преувеличением. Но это так. Каждый муж должен быть под каблуком: весь день он храбрый, так что дома он хочет расслабиться от храбрости; а если он даже дома не расслабляется, тогда где он найдет расслабление? Так что в тот момент, когда он входит в дом, он сбрасывает свои доспехи...

Он был храбрым на рынке, постоянно сражаясь — соревнование, враги. Там — война, постоянная война в мире, весь день он сражается. Когда он приходит домой, он устал от сражения, устал от храбрости — вы не можете быть храбрым двадцать четыре часа в сутки. Помните, никто не может быть чем-то, двадцать четыре часа в сутки — вы можете быть, только бдительным двадцать четыре часа в сутки. Примите, что все движется к противоположному.

Вы приходите домой, вы устали, вы хотите отдыха, теперь вы не можете сражаться — вы уже сражались весь день. А что весь день делала ваша жена? У нее не было соревнований, вокруг нее не шла война, она была дома защищенной; весь день она отдыхала. За весь день ей не представилось, ни одной возможности проявить свою храбрость. Вот она и устала быть трусом, быть лишь женой. Вы приходите домой — она готова. Она на вас на-брасывается.

Однажды случилось так: жил-был укротитель львов, очень храбрый человек. Но он всегда боялся своей ма-ленькой жены. И всегда, когда он опаздывал домой, это было бедой. Однажды вечером, с друзьями, он полностью обо всем позабыл, выпил слишком много, а потом, к полуночи, вспомнил, что у него есть жена и дом. И возвращаться домой теперь стало очень затруднительным; где же спрятаться? Не найдя ни одного места — это был маленький городок, и если бы он пошел в любую гостиницу, его жена нашла бы его — не найдя подходящего места, он вошел в клетку со львами в зоопарке, где он был дрессировщиком. Ключ был с ним, он открыл дверь: шесть больших свирепых львов в клетке! Он спал, используя спину льва, как подушку.

Его жена обыскала весь город. Рано утром, не найдя его нигде, она пошла туда, где он работал. Он крепко спал, храпя. Она ткнула его через прутья клетки своим зонтиком и сказала: «Ты, трус! А ну-ка выходи, я тебе покажу!»

Это должно произойти: если вы выбираете одну крайность, другая следует за вами. Вы можете быть храбрым в одном, но трусом в другом. Так должно быть, так как трусость будет отдыхом. Вот почему я говорю, что муж, необходимо должен быть, под каблуком. Есть только один способ для мужа, не быть под каблуком: если он выполняет дома функции жены, а она ходит на работу. Тогда он не под каблуком, так как он больше не муж. В действительности, он — жена, а жена — муж.

Каждая крайность прячет в себе противоположную, и вы должны проявить ее где-либо. Иначе это будет слишком обременительно, с этим невозможно будет жить. Только разумность, сознательность, то, что буддисты называют праджня, медитативное состояние, приходящее из уравновешенности, расслабляет. Состояние сознательности подобно кошке: даже когда она спит, она бдительна. Всего лишь слабый звук извне — и она

вскочит на лапы, она бдительна. Всего лишь слабый звук извне — и она вскочит на лапы, свежая, бдительная, пробудившаяся. Разум того, кто остается посередине — уравновешен, даже если он спит, остается бдительным. Здесь нет расслабленности, так как она не нужна — он никогда не был напряженным, он никогда не был храбрецом или трусом. Он понял и то, и другое, и вышел за пределы.

Человек живет во лжи. Он должен жить так, потому что он пытается не принимать все свое существо целиком, принята только часть. Что тогда делать с другой частью? Он должен создать некую ложь, чтобы спрятать ее.

Фома сказал: «Если скажу вам одно из слов, что он сказал мне, вы возьмете камни и бросите в меня...»

Истину всегда встречают таким образом. Нелегко утверждать истину: те, кто ее слышат, станут вашими врагами, они начнут швырять камни. В действительности, они не против вас, они просто защищают себя, свою ложь: «...вы возьмете камни и бросите в меня...»

А потом он говорит прекрасную вещь: «...и огонь выйдет из камней и сожжет вас».

«Вы бросите в меня камни, вы бросите камни в Истину — но из камней выйдет огонь и сожжет вас».

Вы не сможете сжечь Истину, вы не сможете распять Истину. Вы распяли Иисуса. Вот почему вчера я говорил, что когда Иисус был распят иудеями, он не был распят — они распяли себя. И с тех пор горит огонь, и они уклоняются, они бегут от огня — но он следует за ними. Вы можете швырять камни, но Истину нельзя поранить.

В тот момент, когда вы швыряете камни в Истину, это значит, что, в конце концов, будете ранены вы, вы будете сожжены; огонь выйдет из ваших собственных камней. И такова вся история евреев: постоянно, в течение двадцати веков, их сжигают. И я не говорю, что те, кто их мучают, правы. Нет! Я — не сторонник Гитлера или других, кто сжигает или убивает евреев; нет, они поступают неправильно. Евреи несут свою рану в себе — они творят своих гитлеров. Это желание очень трудно понять.

Виновный человек живет в поисках того, кто его накажет. Когда его никто не наказывает, он чувствует, что жить трудно. Когда его кто-то наказывает, он чувствует облегчение. Наблюдали ли вы за детьми: если вы их не наказываете, они наказывают себя сами; они сами надают себе пощечин — это даст им расслабление. Ребенок сделал что-нибудь плохое, и он хочет увидеть, узнали ли об этом отец и мать, он в поисках этого. Если они узнали, они могут побить ребенка, и ребенок — в облегчении, он наказан. Кончено. Счет закрыт: он сделал плохое, и он наказан. Но если никто не знает, тогда он в затруднении: что-то остается неполным. Он пойдет в угол и отшлепает себя по щекам. Тогда он в облегчении.

Вот что происходит с людьми, которые живут в строгости: они сделали что-то плохое — плохое оно или нет, не важно, они думают, что сделали плохое — и тогда они наказывают себя. Вы думаете, что они живут в глубоком тапасчарья, аскетизме, они великие святые. Но они — просто виновные люди, наказывающие себя. Они могут поститься, они могут бить себя по щекам, они даже могут сжигать себя живьем, но они просто виновные дети, незрелые, наказывающие себя; они сделали что-то плохое и хотят создать равновесие. Они хотят сказать Богу: «Я уже себя наказал, теперь Тебе нет нужды меня наказывать». Вот что делают евреи. Это одна из самых глубоких сложностей в человеческом уме.

Евреи всегда в поисках своих Адольфов Гитлеров, кого-то, кто может их убить — тогда они чувствуют облегчение. Когда никто о них не думает, тогда они в затруднении, за ними

следует вина. Когда вы бросаете камни в Истину, это должно случиться, и даже через двадцать столетий страданий, евреи не осознали, что они поступили неправильно. Нет. Иисус остается непринятым, они продолжают вести себя так, будто Иисус никогда не существовал; Иисус по-прежнему не часть их. И я говорю вам, пока они не признают Иисуса, они останутся в беде. И беда не будет создаваться другими — они ее ищут. Они — виновные люди, и их вина очень велика.

Можете ли вы представить что-либо более преступное, чем распятие Будды, распятие Иисуса, распятие Кришны? Иисус, за которым следовали и которому поклонялись, Иисус, за которым следуют и сейчас... и вы сделали прямо противоположное. Иисус, который должен был стать вашей жизнью, всей жизнью, вашим бьющимся сердцем — и вы сделали противоположное: вы его убили! Вместо того чтобы дать ему жизнь, вы разрушили его жизнь. Эта рана всегда будет следовать за евреями. Трудно от этого избавиться — пока они не примут Иисуса.

Индуисты лучше. Вот почему в них меньше вины: они никогда не убивали Будду. Будда был более опасен, чем Иисус: он вырвал весь индуизм с самыми корнями. Иисус говорил: «Я пришел не разрушить традицию, но исполнить ее». Будда — никогда! Он сказал прямо: «пришел вырвать с корнем всю традицию. Все Веды — вздор!» Но индуисты никогда его не убивали, вот почему индуисты могли жить без вины. Они приняли его — лишь немного заблудшего, только и всего. Они интегрировали его в традицию. Они говорят: «Он — наш девятый аватар, — и они создали вокруг него историю — вот почему я говорю, что они умные и осторожные люди.

Нет другой столь же умной нации, так и должно быть, ведь индусы — самые древние, самые мудрые. Опыт их многому научил: если вы распнете Будду, вы никогда не будете свободны от него, он будет следовать за вами, преследовать вас, так что не распинайте — не обращайтесь на него внимания. Но даже если вы не обращаете внимания, что-то в вас будет вновь и вновь оглядываться назад. Человек — здесь, так что лучше принять его — и они приняли его таким отрицающим образом. Это — осторожность.

Они создали историю: Бог сотворил ад и рай, но в течение миллионов лет никто не попал в ад, так как никто не грешил. Каждый был религиозным, праведным, каждый попадал в рай. Тогда Дьявол пришел к Богу и сказал: «Зачем ты создал ад? Он бесполезен. Никто не приходит, и я устал, ожидая. Так что сделай что-нибудь — или закрой его совсем!»

Бог сказал: «Подожди, я пришлю человека — Гаутаму Будду в этот мир. Он смутит людей. А когда люди смущены, они станут заблудшими, они станут попадать в ад» И с тех пор ад был наполнен до краев. Но индуисты приняли Будду как аватара, посланного Богом — и они уклонились от него очень тонким образом. Они никогда не были виновными.

Евреи остались виновными, беда следует за ними, и они по-прежнему не принимают Иисуса. Они могли бы принять его — он был евреем, рожден евреем, жил евреем, умер евреем; он никогда не был христианином — они могут его принять. И не было ни одного еврея его калибра. Было много великих евреев — даже в этом столетии. Самые великие люди этого столетия были евреями, евреи — люди очень высокого потенциала: Фрейд — еврей, Маркс — еврей, Эйнштейн — еврей, — все эти три великих человека создали все это столетие. Но никто не может быть сопоставлен с Иисусом! Они отвергли величайшего из евреев. Как только они примут его, они почувствуют облегчение, их рана будет исцелена. Они станут здоровыми и целостными, и тогда не будет нужды в Гитлерах.

Они творят своих Гитлеров, они создают их..., и когда я говорю вам это, вы, также,

помните: когда бы вы ни чувствовали вину, вы создаете наказывающего. Вы ищете наказания, ведь наказание освободит вас от вины, то-гда вы сможете отдохнуть. Не чувствуйте себя виновными, иначе вы будете искать наказания.

Наслаждайтесь жизнью в ее всеобщности, иначе вы будете чувствовать вину. Примите жизнь такой, какая она есть, и будьте благодарны за то, что она такова; будьте глубоко благодарны — вот что делает религиозный чело-век. А когда вы примете Целое, вы станете целым. Все разделения исчезнут, глубокое молчание опустится на вас..., вы наполнены неизвестным, потому что если вы целостны, неизвестное стучит в вашу дверь.

Изречение тринадцатое...

*Если те, кто ведут вас, говорят вам:
Смотрите, царствие — в небесах, тогда птицы
небесные опередят вас.
Если они скажут вам, что оно в море
Тогда рыбы опередят вас
Но царствие — внутри вас,
и вне вас.
Когда вы познаете себя,
тогда вы будете узнаны,
тогда вы узнаете,
что вы — сыновья отца Живого.
Но если вы не познаете себя, тогда вы в Бедности,
и вы беднота.*

Он разгаданная тайна.

Царство Божие всегда помещалось где-то во времени, в пространстве, но всегда где-то еще — не здесь и не сей-час.

Почему так происходило? Почему Царство Божье не здесь и не сейчас. Почему в будущем или где-то еще? Это из-за человеческого разума. Человеческий разум в настоящем исчезает. Он живет в будущем, в надежде, в ожидании будущего; он живет посредством желания. Желанию нужно время, Желание не может существовать, если времени нет. Если придет момент, в который вы поймете, что время исчезло, что теперь нет времени, нет завтра, что произойдет с вашим желанием? Оно не сможет двигаться, оно исчезнет вместе со временем.

В своей основе время — это не физическое явление, а психологическое. Время — это не нечто вне вас. Само функционирование вашего разума творит время, вы живете во времени. Иисус живет вне времени, вы живете во времени. Просветленный — настаивал:

Таким образом, все Будды, а Иисус — это Будда, Просветленный — настаивал: «Будьте без желаний! Тогда врата открыты для вас». Но чтобы быть бесстрастным, вы должны быть здесь и сейчас, тогда нет моста для движения в будущее, тогда нет моста для движения куда-либо. Желание — это мост. Разуму нужно время, разум не может существовать без времени. Чем больше у вас времени, тем больше площадка для игр ума, для одурачивания. Тогда он может создать многие и многие желания и мечты, и жить в этих желаниях и мечтах. Священники всегда говорили, что рай — в будущем, так как только будущее может быть понято разумом, и только из-за тако-го будущего вас можно эксплуатировать, и вы почувствуете облегчение.

Я слышал, что в одной церкви священник рассказывал о Царствии Божием, и он говорил: «Там улицы из золота и площади из изумрудов!» Он восхвалял его, как только мог, и потом спросил, приглашая: «Кто хотел бы попасть туда?» Все подняли руки, кроме одного человека. Проповедник не мог этому поверить. Почему этот старик не поднял руки? Он должен был быть первым, ведь смерть его уже близка. Тогда он изменил тактику и нарисовал картину ада, со всем его уродством, мучениями, огнем, болью, страданиями. Снова он

воззвал: «А теперь, кто хотел бы попасть в Царство Божие, на небеса?» Все руки поднялись, но старик по-прежнему сидел, не поднимая руки. Проповедник был в замешательстве. Он спросил этого старика: «Ты что, не слышишь меня? Ты глухой? Ты не хотел бы попасть в Царство Божие, на небеса?»

Человек сказал: «Конечно, хочу. Но ты так говоришь, будто это нужно сделать прямо сейчас! Конечно хочу, но не сейчас».

Если вам предлагают Царство Божие здесь и сейчас — вы не готовы. Многие желания должны быть выполнены до того, как вы сможете их оставить, многие вещи должны быть сделаны перед тем, как вы подумаете о вступлении в Царство Божие. Вы все еще грезите и не готовы пробудиться, вам нужно время. Вам подходит священник, но не Будда, не Иисус, так как Иисус говорит в терминах не-времени. Он — нелегкий друг. Жить с Иисусом — значит жить в постоянном дискомфорте. Он не позволяет вам удобства грез, он не позволяет вам времени, будущего — он говорит, что завтра — нет.

Завтра помогает другим образом: такие, как вы есть, прямо сейчас, вы не принимаете себя, вы знаете, что вы ничего не стоите. Вы знаете, что такие, как вы есть, вы даже сами не можете принять себя. Как Бог примет вас? Нет, это невозможно. Вы не можете себе это представить. Вы обвиняете себя. Вы настолько виновны, что, как же Бог примет вас? Прямо сейчас, если Царство открыто, если его врата приглашают вас, вам не хватит смелости войти. Вам нужно немного времени для преобразования себя, вам нужно время, чтобы стать хорошим, чтобы стать святым человеком. Вам нужно немного времени, чтобы сделать множество вещей, чтобы ваше существо стало приемлемым, чтобы даже Бог мог вас любить. Есть много желаний — и всем им нужно время. И многие ждут — им нужно время.

Вся мораль мира — формы различны, но сокровенная сущность одна — осуждает вас: вы плохи, что-то нужно сделать, вы должны исправиться, вы должны быть отполированы, вы должны быть сделаны ценными. Так что, если кто-то говорит: «Двери открыты прямо сейчас», — вы почувствуете неудобство. Тогда вы не сможете войти. Но если скажут: «Это — в будущем», — тогда время еще есть. Вы в облегчении, вы можете это сделать, вы себя отполируете. Вы можете создать образ, идеал, вы будете следовать этому идеалу, так что в один прекрасный день, вы станете святым.

Это — трюк ума: если вы откладываете, разум остается тем же самым; оставаясь тем же самым, разум хочет откладывать. Нужно не изменение, а идеал; нужен не прыжок, а время, вот вы можете и отложить.

Откладывание — основа того, что вы продолжаете быть таким, какие вы есть. Если дом горит, вы не будете откладывать, вы просто выскочите. Вы даже не спросите: «Где дверь? Где ступеньки? Откуда выходить?» Вы не будете искать учителя, проводника — вы просто выпрыгнете. Где-нибудь дверь будет! Путешествие начинается с того места, в котором вы находитесь сейчас. И вы не будете говорить: «Действительно ли я так ценен, чтобы быть спасенным? Имею ли я ценность? Нет! Все эти вопросы не возникнут.

Философия — для спокойных ситуаций, когда вы можете задавать вопросы, получать ответы и продолжать откладывать. Но когда существует опасность, вы откладываете всякую философию. Наблюдали ли вы, что когда вы в опасности, вы откладываете свой разум? Вы вообще не думаете, для размышлений нет времени — дом в огне, вы прыгаете! А когда вы уже вне этого, вы можете сесть под деревом и снова подумать о том, что случилось. Но в момент, когда опасность — здесь, смерть — здесь, времени больше нет. Вы просто действуете, нет места для думания, вы должны действовать, только действие может вас

спасти.

Время — это откладывание, и вам нравится откладывать по миллионам причин. Одна из них — много еще не выполнено, вы не испробовали этого мира. Вы были в этом мире миллионы раз, вы испробовали его миллионами способов, но голод по-прежнему остается, жажда остается. И не потому, что не хватает времени... Все прошлое — а все прошлое — это вечность, оно безначально, всю вечность вы были здесь, действуя миллионами способов, меняя миллионы желаний, и все же вы остаетесь голодными и жаждущими. Вы думаете, что нужно еще больше времени? Больше, чем у вас уже было? Нужно не больше времени, а больше понимания, сознания того, что сама природа желания — оставаться неисполненным.

Сколько бы времени ни было дано, даже многие вечности, желание останется неудовлетворенным. Это — сама природа желания — быть неудовлетворенным. Оно возникает снова и снова, и чем больше вы пытаетесь его удовлетворить, тем больше оно растет: вы просто питаете желание, когда думаете, что удовлетворяете его. Вы занимаетесь сексом, вы думаете, что удовлетворяете его — вы просто кормите желание. Завтра оно вернется даже еще более алчным, еще более полным похоти, с еще большими ожиданиями. Вы кормите его снова, завтра оно снова постучит в вашу дверь с еще большим безумием, с большей надеждой — и каждый день оно будет расти. Когда вы его практикуете, вы чувствуете больший и больший голод. Вы кормите его, удовлетворения нет.

И так с любым желанием. Посмотрите на обычные желания, самые обычные: вы принимаете пищу, голод исчезает только, чтобы вернуться снова. Может ли голод исчезнуть навсегда с помощью пищи? Есть ли хоть какая-нибудь возможность, что только оттого, что вы принимаете пищу, голод навсегда исчезнет? Вы жаждете, вы пьете воду — думаете ли вы, что жажда исчезнет навсегда? Нет, это не в природе желания. А это — обычные желания, которые вы можете понять. Они повторяются, и чем больше вы повторяете, тем больше вы загипнотизированы, так как повторение — это гипноз: вы делали это вчера, вы делаете это сегодня, вы надеетесь делать это завтра; вы повторяете желание. И чем больше вы его повторяете, тем больше вы вовлечены в него.

В течение многих миллионов жизней вы желали многими способами, и вы рождены таким образом, как вы желаете. Человек, который хочет заниматься сексом, как собака, родится собакой; человек, жадный, как свинья, родиться свиньей, так что он сможет удовлетворить свое желание. Вы рождались во всех обличьях, так как вы существовали вечно — как дерево, как птица, как животное... Вот что индусы называют йони. Они говорят, что вы рождались из миллионов чрев, ваше желание принимало многие формы, и вы испытали любые возможные варианты.

Ничто не случилось до сих пор, ничто даже не будет происходить, ибо сама природа желания — оставаться не-удовлетворенным. Если вы поймете это..., тогда будущего не нужно — тогда вы остаетесь здесь и сейчас. А когда будущее отброшено, желание тоже отброшено.

Попытайтесь понять и с другой точки зрения: вы пробовали любым способом преобразить себя — вы не помните ваших прошлых жизней, но вы знаете эту жизнь — вы сделали все, чтобы преобразить себя. Преобразились ли вы хоть немного? Хоть немного, спрашиваю я. Или вы остались прежним — немного отполированным здесь, немного отполированным там, немного измененным — но в действительности ли все изменилось? Произошла ли с вами какая-нибудь мутация? А если она не произошла к настоящему моменту, какая причина думать, что она произойдет в будущем? И если вы продолжаете

жить так, как жили прежде, откладывая, тогда она никогда и не произойдет. Потому что откладывание — это трюк разума — не позволять трансформации произойти.

Это очень тонкий трюк, и каждый должен его понять. Почему вы откладываете на завтра? Потому что вы не хотите делать этого сейчас, прямо сейчас. Вы играете в логическую игру: вы говорите «прямо сейчас это трудно, но завтра это будет просто». Но каждое завтра становится сегодня, и когда завтра придет снова, это будет сегодня, и вы скажете «прямо сейчас это трудно, но завтра я сделаю это!» Таким способом разум добивается облегчения — а завтра никогда не приходит.

Откладывание — не путь преобразования. До теперешнего момента вы откладывали снова и снова. В каждый момент вы откладываете, вот почему вы остаетесь теми же самими. Поймите это: преобразование есть в этот момент, так как ему не нужно усилия, это — пробуждение. Это не вопрос изменения, это — не вопрос делания чего-нибудь с собой. Вы, как вы есть, совершенны; вы, как вы есть, Божественны; вам, как вы есть, ничего не нужно, просто вам нужно пробудиться.

Просто выйдите из ваших грез и вашего сна, просто откройте глаза и осознайте факт, и факт вас преобразит: вдруг у вас нет прошлого! Лишь только вы отбросите будущее, прошлое тоже немедленно отбросится. Это один из фундаментальных законов жизни: если вы можете отбросить будущее, прошлое отпадает немедленно. Это подобно строительству моста через реку. Для того чтобы мост существовал, нужно два берега. Если исчезнет один, другой не может поддерживать мост — он падает, все исчезает. Прошлое и будущее — два берега, и между ними вы строите мост желаний. Вы всегда идете куда-то, всегда куда-то идете. Если вы не достигаете, тогда разум говорит «Двигайся быстрее!»

Вот почему нынче самое модное — это скорость. Разум говорит: «Ты не достиг, ибо твоя скорость еще недос-таточна. Цель — там, ты можешь увидеть ее на горизонте. Твоя скорость пока мала — двигайся быстрее, беги! Создавай новые механизмы, чтобы увеличить скорость, и ты достигнешь!»

Мы достигли Луны благодаря этой логике — и мы не достигли никакой цели. Скорость становится все боль-шей, и большей, и большей; раньше или позже мы будем двигаться со скоростью света, сейчас мы движемся со скоростью звука. Чем больше скорость, тем легче потеряться, тем труднее вернуться домой. Сейчас вы не можете уйти очень далеко, но чем больше скорость, тем будет труднее попасть домой.

Вот почему самопознание стало почти невозможным в этот век, век скорости. Будда легко себя реализовал, Иисус легко себя реализовал, они жили в век без скорости — они просто ходили. Волыня упряжка была самой быстрой вещью: а люди могли идти быстрее, чем упряжка; они гуляли по земле. Мы летаем в небесах, мы про-никли в космос, а чем быстрее мы движемся, тем труднее попасть домой.

Я слышал, что однажды два нищих нашли на улице мотоцикл — кто-то забыл вынуть из него ключ зажига-ния. Мотоцикл был с коляской, один бродяга забрался в седло, другой — в коляску, и они понеслись в другой го-род. Через пятнадцать минут тот, который вел мотоцикл, посмотрел на своего приятеля. Лицо приятеля было совершенно красным, как у безумца или умирающего. Он спросил: «Что случилось?» Другой сказал:

«Притормози немного, в этой штуке нет дна, и я бежал всю дорогу!»

В этой штуке, в желании, нет дна. Вы умираете, так как бежите всю дорогу, все быстрее и быстрее, а в этой штуке нет дна. Желание бездонно, вот почему его нельзя наполнить. Если вы пытаетесь наполнить горшок водой, а в нем нет дна, как же вы сможете его

наполнить? Почему вы не способны наполнять этот бездонный горшок желаний? Вы никогда не интересовались, есть ли у него дно — вы просто прыгнули. И вы бежали так быстро, что не было возможности остановиться и глянуть, что случилось.

Все священники используют это. Но Иисус — не священник, вы не сможете найти человека, который бы был более против священников, чем Иисус. По-настоящему религиозный человек — никогда не священник, он не может им быть, так как священник использует вашу слабость. Истинный религиозный человек, Мастер, хочет сделать вас сильнее. А священник — просто хитрый человек, который знает, в чем ваша слабость. Слабость в том, что вы смотрите в будущее, откладываете: где-то, как-то вы войдете в Царство Божие — но не сейчас. Нужно сделать много других важных вещей, удовлетворить много важных желаний. Бог — всегда последний в вашем списке, а список — бесконечен. У Бога нет шансов, он — последний. Теперь посмотрим на эти слова Иисуса:

«Если те, кто ведут вас, говорят вам: „Смотрите, Царствие — в небесах“ — не здесь, а где-то высоко в небесах, где-то далеко; Царство Божие где-то в отдалении, очень далеко — „тогда птицы небесные опередят вас“. Они достигнут раньше вас, тогда вы отстанете. Иисус шутит, он говорит: „Тогда не надейтесь, так как птицы небесные достигнут раньше вас!“

«Если они скажут вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас». И они достигнут раньше вас, вы утратите. О ком говорит Иисус? Он говорит о священниках. Священники — враги религии, но они стали распорядителями. Они распоряжаются всюду, и они не позволят личностям, подобным Иисусу, войти в их храмы.

Есть прекрасная история в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Через восемнадцать столетий Иисус подумал: «Теперь я должен пойти и посетить землю снова, ведь через восемнадцать столетий христианства... земля должна быть готова принять меня. Теперь они не отвергнут меня, как прежде, ведь тогда не было ни одного христианина, я был чужим. Теперь половина земли христианская; миллионы церквей и священников постоянно проповедуют слова Иисуса. Теперь меня воспримут и примут, все двери будут для меня открыты. Время пришло! Мне не нужно было приходить раньше — то было неверное время».

Он пришел снова, конечно, воскресным утром, так как трудно определить, кто христианин, в другой день недели. Это невозможно, все одинаковы! Только в воскресенье можно установить, кто христианин, так как религия — это воскресное дело. Она не связана с жизнью, это просто ритуал, формальность, которую нужно выполнять — не вкладывая в него сердце. И он пришел в свою деревню, куда приходил восемнадцать веков назад, в Вифлеем. Он стоял на рыночной площади, наполненный предчувствиями, люди смотрели на него, и никто его не узнавал, а они заходили и выходили из церкви. А потом несколько человек собралось вокруг него, и сказали: «Ты выглядишь, как Иисус — ты хорошо сыграл, ты хороший актер!»

Иисус сказал: «Я не актер, я — настоящий Иисус».

Тогда они начали смеяться и сказали: «Если ты настоящий Иисус, беги, пока не вышли священники. Иначе ты попадешь в беду». Потом маленькие дети стали швырять в него камни, а люди смеялись: «Пришел настоящий Иисус, Царь Иудейский». Это был человек, которого они распяли, и он воскрес.

И они шутили и смеялись, и Иисус был очень опечален..., так как, это были его люди, они больше не были иудеями, они были христианами; они следовали за ним, и даже они не могли его узнать. Но он ждал, надеясь... «В конце концов, мой священник узнает меня. Эти — глупцы, невежды, но мой священник знает».

А потом пришел священник. Люди перестали смеяться только из уважения к священнику. Они расступились перед ним, толпа позволила ему пройти, они склонились в глубоком почтении. Иисус рассмеялся в душе: «Они не склонились передо мной, они не отдали мне никаких почестей, но они почтили священника. В конце концов, это добрый знак, ведь он — мой священник. Через него они узнают и меня. Они узнают меня с его помощью, не пря-мо, так как они слепы и не могут видеть».

И вот священник посмотрел на него и сказал: «На колени, ты, негодяй! Ты чем занимаешься? Оскорбляешь нашего Бога?»

Иисус сказал: «Как, ты меня не узнаешь?»

Священник схватил его за шиворот и сказал: «Я хорошо тебя узнал. Следуй за мной». Он отвел его в церковь и запер в келье. Иисус был в полном замешательстве: «Что случилось? Не распнут ли меня снова мои люди?»

А потом, ночью, священник пришел с маленькой свечой в руке и отпер дверь. Закрыв ее за собой, он склонил-ся, коснулся ног Иисуса и сказал:

«Я хорошо тебя узнал на рыночной площади, но не признал тебя там, так как ты — старый возмутитель спо-койствия. Только-только мы все хорошо организовали, но ты снова все взволнуешь. Сейчас все в порядке, хри-стианство развилось: мы уже заняли полземли, другая половина тоже будет наша, рано или поздно. Ты уже толь-ко жди там, тебе не нужно появляться здесь! И мы делаем все хорошо — ты не смог обратить даже одного челове-ка, когда был здесь — мы же все хорошо организовали, ты должен быть нам благодарен».

«И мы можем узнать тебя наедине, но не перед другими, так как ты — против священников, против церкви, против истэблишмента. А если ты настаиваешь, тогда мы должны будем распять тебя снова. Мы можем покло-няться тебе, когда ты здесь не присутствуешь, так как это никого не тревожит. Все в порядке, все происходит правильно — смотри, как мы все организовали! Полмира христиан, миллионы церквей и священников пропове-дуют твоё слово. Ты должен быть удовлетворен. Так что беги отсюда немедленно, и больше не возвращайся. Что бы ты ни хотел сделать, мы твои агенты здесь, и ты можешь сделать это через нас. В общем, тебе нельзя позво-лять общаться с массами. Ты опасен!»

Этот священник установил одну из основных истин: священник не может быть религиозным. Он может быть священником Будды, но он против Будды. Он работает для него, или так, кажется; он цитирует его слова, или так, кажется. Но если приходит Будда, он станет между вами и Буддой, и не позволит вам приблизиться, так как Будда и Иисус всегда бунтари, никогда не конформисты. Они могут создать революцию, они не могут создать истэблишмент. Когда Иисус говорит вам: «Если те, кто ведут вас, говорят вам... — он указывает на священников — „Смотрите, Царствие — в небесах“, тогда птицы небесные опередят вас. Если они скажут вам, что оно — в мо-ре, тогда рыбы опередят вас. А священники всегда говорят, что оно где-то еще.

Это случилось в Индии... Индия — самая древняя страна жрецов. Нигде нет такого жречества, как в Индии, оно стало кастой, брамины — это жрецы. Они полностью отгородили себя от общества, они сделали все тайной, их язык не позволяют знать никому. Не каждый получает обра-зование по их методу, ведь если люди образованы и могут читать их писания, от них трудно спрятать истину. Только жрецу позволено подойти к сокровенному алта-рю знания, больше — никому.

Брамины правили этой страной в течение тысячелетий. Сначала они говорили, что Бог — в Гималаях, так как Гималаи были недостижимы. Но люди снова и снова достигали

Гималаев и нашли, что Бога там нет. Тогда бра-мины сказали: «Это — нете Гималаи, о которых мы говорим, это копия истинных Гималаев, которые существу-ют в небесах. Это лишь отражение, вы не найдете — Бога в отражении. Истинная Кайлаш, истинные Гималаи — в ином мире». Потом и боги переместились на планеты, на Луну, на солнце.

Когда человек впервые достиг Луны, индуисты очень встревожились, джайны очень встревожились. На Запа-де не знают, насколько они встревожились, ведь на Западе не знают, как много было вложено в Луну. В Индии было много беспокойства.

Есть один жрец, очень образованный, который пытался доказать, что это путешествие было фальшивкой. По-чему? Такой простой факт, ведь это произошло! Почему он отрицал это? Он создал большой институт. Многие пожертвовали сотни тысяч рупий институту, чтобы доказать, что Луны никто не достигал. Почему? Потому что у них там были большие вложения. Если человек достиг Луны, и Бога там нет, тогда они должны снова сдвинуть его резиденцию еще куда-нибудь. А эти ученые достигнут любого места. Теперь вы не можете позволить Богу ос-таваться где-то в течение длительного времени — где бы, по вашим словам, ни находился Бог, человек туда добе-рется. Небеса были недостижимы, море было недостижимым. Есть примитивные религии, которые говорят, что Бог живет в море, и есть религии, которые говорят, что Бог живет на небесах. Но одно, несомненно, для священ-ников: что Бог не живет здесь, ведь если он живет здесь, тогда зачем здесь жрецы?

Жрец нужен как брокер, посредник. Он — агент, посредник. Если Бог существует здесь, тогда вы можете обра-титься к нему прямо — зачем нужен жрец? Жрец нужен, так как Бог столь отдален. Его голос не может проник-нуть прямо к вам. Он дает свое послание жрецам, а потом жрец объясняет его вам. А посредством своего объясне-ния он становится сильным: он знает ключ, а вы — невежда; он вас поведет, он — Мастер, гуру — а вы будете его последователями.

Самая хитрая профессия на земле — профессия жреца. Почему самая хитрая? Потому что он эксплуатирует невинное сердце. Человек, который ищет Бога; человек, который ищет чистоту; человек, который ищет Истину — именно такого человека он эксплуатирует. Если вы эксплуатируете человека, который ищет деньги, нет боль-шой разницы между вами, он тоже ищет деньги. Но если вы эксплуатируете человека, который ищет Истину, это — коварство, самое большое из возможных коварств, самое большое зло. Жрецы могут думать, и говорить, и до-казывать, что они действительно представляют Бога, или они не действительные представители Бога. Если они и представляют кого-то, то только Дьявола, но они все захватили, они стали управляющими.

Иисус сказал: «Если те, кто ведут вас, говорят вам: „Смотрите, Царствие — в небесах“, — не слушайте их, иначе вы утратите это Царство навсегда».

«Но Царствие — внутри вас...», — оно не где-то еще, оно — там, где вы находитесь в данный момент — и оно вне вас». Оно внутри вас и вне вас. Оно внутри вас, как центр; оно вне вас, как периферия. О чем говорит Иисус? Внутри, плюс вовне — это весь мир, внутри, плюс вовне — вся Вселенная, ничего не остается. Иисус говорит: «Бог — это Вселенная, это существование. Такое, как оно есть, оно Божественно. Бог растворяется в своем творе-нии». Он не подобен художнику, который рисует, оставаясь отделенным. Он подобен танцору, который танцует и сливается с танцем — вы не сможете разделить танцора и танец. Вы можете разделить художника и картину, по-эта и поэзию, но вы не можете разделить танцора и танец. Вот почему индуисты называют своего Шиву — Ната-радж, величайший танцор: разделения нет, он есть танец.

Если вы можете понять танец, вы можете понять танцора; если вы можете схватить танцора, вы схватили и танец. Если вы можете любить этот мир, вы должны любить Его. Если вы проникните в цветок, вы найдете Его. Он не прячется там, потому что пытается спрятаться; он спрятан, так как вы не открыты. Иначе Он — открытая тайна. Он везде, всюду, внутри и вовне. Царство — внутри вас, и оно снаружи вас.

«Когда вы познаете себя, тогда вы будете узнаны, тогда вы узнаете, что вы — сыновья Отца Живого. Но если вы не познаете себя, тогда вы в бедности, и вы — беднота».

Слушайте! Царство — внутри вас! Тогда все храмы становятся ненужными, так как вы — храм. Тогда вы — Церковь! Тогда Ватикан становится ненужным, тогда Рим — только в тягость. Тогда нет нужды в Мекке и Медине, нет нужды в Гирнаре и Каши. Вы — храм, живой храм Бога! Он в вас. Тогда зачем нужен жрец, посредник? Тогда вся эта профессия теряет смысл.

Он существует в вас, таких, как вы есть. Он всегда существовал в вас.

Кто-то спросил Риндзая: «Я хотел бы сам стать Буддой. Что делать?» Риндзай ответил: «Если ты идешь, ты утратишь, ты — уже Будда».

Это абсурд: Будда ищет, Будда совершает усилия, чтобы стать Буддой! Вы не можете найти Бога, так как он не где-то еще, он в вас. А туда вы никогда не смотрели, жрецы вам говорят: «Смотрите! Там, далеко в небесах, существует Он. Путешествие очень далекое, так что вам нужен жрец, чтобы помочь вам».

Иисус подрывает саму основу всех церквей, храмов, священников, посредников. Он говорит: «Бог — в вас». Но он говорит и очень редкую и прекрасную вещь — он также говорит: «и Он вне вас».

Есть три типа религий: одна говорит: «Бог — вовне». Индуисты, магометане утверждают, что Бог — вовне. Другой тип религий говорит: «Бог — внутри». Джайны, буддисты говорят, что вы — Бог, но никогда не говорят, что Бог и вовне, нет. Иисус говорит: «Бог — внутри и вовне». Это величайший синтез, самый высокий из возможных синтезов. Он не избирает крайностей.

Одна крайность — это Бог — вовне. Вот почему мусульмане будут против, если вы скажете: «Я — Бог». Они убьют вас, ведь это одно из самых порочных заявлений, это — куфра, осквернение святыни. Поэтому они и убили Мансура, потому что он в экстазе говорил: «Ана-эль-Хакк, Ахам Брахмасми, — „Я — Бог“». Это — богохульство, магометане не могли этого терпеть, так как Бог — вовне. Самое большее, вы можете подходить к нему ближе и ближе, но вы никогда не станете Богом. Как может создание стать Создателем? Создание остается созданием, а Создатель — Создателем. Они думают, что это — непочтительно, если вы заявляете: Я — Бог. Это означает, что создание, раб, созданная вещь утверждает: „Я — Создатель“. Это богохульство, это — нерелигиозно.

Тогда на противоположном полюсе — джайнизм. Они говорят, что Бог — внутри; ваша душа — это всевышний Бог, и нет никакого иного Бога. Они идут к другой крайности, так что они не могут поклоняться никакому богу, поклонение потеряло для них смысл, они не могут молиться. Кому молиться? А молитва — такая прекрасная вещь, но она становится бессмысленной.

Посмотрите на мусульманина во время молитвы. Он — прекрасен. Он может молиться, так как Бог — тааам. Нет ничего подобного мусульманской молитве. Если вы хотите увидеть молитву, смотрите на молящегося мусульманина: он выглядит таким невинным, таким полностью уступчивым — но он опасен. Если вы заявите, что вы — Бог, он вас убьет, этот

человек, который молится. Джайны не могут молиться, они не могут поклоняться; для них измерение молитвы и поклонения просто исчезли. Они могут только медитировать. Медитация позволе-на, так как Бог — внутри; вы должны лишь закрыть глаза и медитировать.

Иисус достигает вершины синтеза. Здесь он утверждает одну из великих истин: «Бог внутри и Бог снаружи». Возможна молитва и медитация также возможна, вы можете петь в экстазе о том, что вовне, вы можете молчать в экстазе о том, что внутри — Он повсюду. Нет нужды отбрасывать молитву, нет нужды отбрасывать медитацию. Ничего подобного медитации не существует в мусульманской традиции; она не может существовать, возможна только молитва. Ничего подобного молитве не существует в джайнизме, существует только медитация. Оба дви-жутся к крайностям.

Иисус остается уравновешенным. Он говорит: «Бог, Царство Божие внутри вас и снаружи вас».

«Когда вы познаете себя, тогда вы будете узнаны...»

Это синтез. Если вы знаете себя, джайны скажут, что вы знаете все. Конечно! Больше некуда двигаться. Му-сульмане не могут сказать, что вы можете узнать себя; они могут сказать, что вы можете знать Бога и быть ис-полненным Его красотой. Нет никакой возможности самопознания, так как самопознание делает вас Богом. Только Бог знает себя, но не создание. Человек может знать Бога, вот и все. Он может существовать в Его славе. Он может быть наполнен Его красотой, Его светом: он может позволить себе жить и наполняться Его Божествен-ной силой. Но никакое самопознание невозможно. Джайны говорят, что только самопознание возможно; если вы знаете себя, вы знаете все, что может быть узнано, ничего не останется. Но Иисус говорит: «Когда вы познаете себя, тогда вы будете узнаны».

Это очень тонко. Что он имеет в виду, когда говорит: Тогда вы будете узнаны?» Если вы знаете себя, все суще-ствующее узнает вас; в вашем знании все существование посмотрит на вас. Не только вы увидите все существо-вание, все существующее вам ответит, так как Бог внутри и вовне.

Когда кто-нибудь приходит к знанию себя, это не только самопознание — все существование знает вас. В ва-шем самопознании вы узнаны. Бог смотрит на вас из каждого цветка, каждого листа, каждого камня — вы не чувствуете себя одиноким в вашем самопознании. В действительности вы одиноки до тех пор, пока вы не узнали себя. Когда вы узнали себя, все существование знает вас. Ваше знание — не одиночный акт, это не сольная пар-тия, это — симфония. Когда вы знаете, все знает вас; когда вы узнаете себя, все узнает вас — даже это дерево бу-дет другим, даже этот камень будет другим, даже птица будет реагировать иначе. Почему? Потому что одно и то же существует внутри и вовне... Одно сознание существует внутри и вовне.

Когда вы знаете себя, все существование узнаёт вас и празднует. И это должно быть так, ведь вы — часть су-ществования. Все существование должно праздновать ваше высшее знание, так как часть стала знающим, часть стала Буддой, часть стала Христом; через часть все существование достигло вершины, крещендо. Все существо-вание будет счастливо, все существование будет цвести, и расцветать совсем иным образом. Вы будете узнаны, вы будете известны!

Вы не будете одиноки в вашем самопознании — это будет праздником Целого. Это самая прекрасная вещь, о которой заявляет Иисус: суще-ствование празднует ваше

самопознание; Целое — блаженно, так как одна часть расцвела, достигла своего исполнения.

«Когда вы познаете себя, тогда вы будете узнаны».

Есть глубокое стремление быть узнанным, более глубокое, чем к самопознанию. Вы хотите быть узнанным, есть глубокое желание, чтобы каждый вас узнал. Оно может быть направлено в неверном направлении, вы можете пытаться привлечь внимание людей с помощью неверных способов, но глубоко внутри это желание имеет зерно, очень важное зерно. Оно говорит, что вы не будете наполнены до тех пор, пока все существование не узнает вас, не будет счастливо с вами.

У вас есть нужда любить, и у вас есть нужда быть любимым. Ответ необходим, иначе все существование мертво; иначе вы лишь один будете знать, а все существование останется молчаливым, как будто ничего не случилось. Человек стал Христом, а все существование осталось неосведомленным, невнимательным, не интересующимся вообще, не счастливым никоим образом, как если ничего не случилось. Как это может быть? Все существование должно узнать, так как вы — не чужие в этом существовании. Это существование — семья, все существует во взаимосвязи. Один просветлен — и его свет наполняет все сердца — ведая или не ведая, везде будет веселье и празднование. Вот почему Иисус говорит:

«Когда вы познаете себя, тогда вы будете узнаны, тогда вы узнаете, что вы — сыновья Отца Живого».

О чем говорили христиане? Как раз о противоположном. Они говорят: «Иисус Христос — единственный рожденный Сын Бога». Вся догма построена вокруг этого «единственный», так как если все — сыновья, тогда что особенного в Иисусе? Тогда в чем его уникальность? Тогда зачем ему поклоняться? Только для того, чтобы сделать Иисуса особенным, и они забыли, что они идут против Иисуса.

Иисус говорит: ...тогда вы узнаете, что вы — сыновья Отца Живого».

Есть две вещи — первая: все, что существует в этой Вселенной — сын Целому, так должно быть. Вы рождены в нем и через него. Все существование — отеческое по отношению к вам, или даже лучше сказать, материнское. Слово «мать» лучше использовать, чем «отец», но это трудно, так как иудеи остались мужскими шовинистами.

Есть страны мужских шовинистов, даже нации: немцы называют свою страну «фатерлянд» (отечество) — единственная страна, которая известна как «фатерлянд»; все остальные называют себя «родина». Эти немцы — опасные люди, почему «фатерлянд»? Мужчина и его эго. Почему Бог — отец? Почему бы Ему ни быть матерью? Почему бы Ему быть «он», а не «она»? Мать кажется более уместной, так как отец не играет такой большой роли в создании сына. Самое большее, он все включает, и только. И отец свободен.

Это можно сделать с помощью обычной инъекции; работа отца может быть проделана при помощи шприца, им можно распорядиться таким образом. Все созидание идет через мать: она вынашивает дитя в течение девяти месяцев; ее кровь, все ее существо вливается в дитя. Вы существуете во Вселенной, как если бы вы находились в чреве. Есть люди, которые используют слово «мать» для Бога. Быть абсолютно верным невозможно, так как Бог и отец, и мать. Он не может быть мужчиной, он не может быть женщиной, так как он все включает. Он — оба: Ардханаришвар, полумужчина-полуженщина. Он оба: он и она.

Но это имеет значение. Когда Иисус учил, ему очень трудно было сказать «Бог — мать», его никто бы не понял. Его аудитория была иудейской, они верили в очень жестокого отца — Бога, очень мстительного; вы шли против него, и Он мстил. Мать никогда не может быть

мстительной, она всегда понимает, она всегда прощает. Мать никогда не настаивает на повинении, отец настаивает. Десять Заповедей не могут исходить от матери, они могут исходить только от отца. Заповедь, приказ — само слово уродливо, как если бы он был генералом, а существование в чем-то подобно военному лагерю — приказы! Здесь вы не полагаетесь на свою собственную ответственность и риск.

Иисус пользуется соответствующим языком, но я знаю, что он предпочел бы «мать». Мать — больше, чем отец; мать существует в центре, отец на периферии, но Бог — это оба. Помните это: я также пользуюсь для Него словом «он», но всегда помните, что когда я говорю «он», это просто для удобства. Он — оба, он и она.

«...вы — сыновья Отца Живого».

Каждый — сын. Вопреки мнению логиков, социологов и психологов, это не антропоморфизм. Скорее, думая о Боге, как об отце или матери, и думая о себе, как о сыне, вы проецируете человеческие отношения на космические, вы делаете все космические явления семейным делом; вы мыслите в человеческих терминах.

Социологи, психологи, которые говорят, что это антропоцентризм, что человек думает о себе, как о центре, и проецирует собственные термины и чувства на все, утверждают, что такой антропоцентризм неправилен. Но они не поняли: это выглядит антропоцентричным, но и должно выглядеть так, ведь что бы человек ни говорил, все является человеческим. Даже объективная истина окрашивается личностью, которая ее утверждает.

Даже объективное не может существовать без субъективного, субъективное его окрашивает. Даже научные истины не объективны: человек, который их открывает, сам в них включается. Нет возможности прийти к объективной истине, так как знающий, всегда ее окрашивает. Все знание — личное. И когда человек утверждает что-либо, это непременно человеческое, ибо, это говорит человек. И нет нужды в этом извиняться — это прекрасно.

Когда Иисус говорит, что все мы — сыновья Божьи, это просто символ, аналогия. Что он имеет в виду? Он имеет в виду, что между Создателем и созданным отношения не механические, а органические. Они не похожи на отношения между механиком и созданной им машиной: механик не отец, он остается отчужденным, вне нее, обособленным. Основное в этом: Бог не может быть от вас обособлен. Он — как ваш отец, преданный вам, живущий через вас, заботящийся о вас, любящий вас, ищущий вас, любым способом создающий блаженный мир вокруг вас, так что вы можете достичь исполнения.

Когда Иисус говорит, что Бог — отец, он имеет в виду все эти вещи: что Вселенная заботится о вас, она помогает вам. Не только вы ищете Бога, Бог также вас ищет. Вселенная не мертва и не обособлена, она отвечает вам с любящим сердцем. Если вы плачете, она плачет с вами. Если вы смеетесь, она смеется с вами. Если вам больно, бытие чувствует боль. Если вы счастливы, все бытие чувствует себя счастливо с вами. Между вами и бытием глубокая связь. Это особое отношение: отношение отца к сыну.

Даже если отец умирает, он надеется жить в сыне; он будет где-то в сыне, сын станет просто новым вариантом отца. Вот в чем значение: сын просто возрождение отца. Вот почему Иисус снова и снова твердит: «Я и Отец мой — одно». Он имеет в виду, что сын представляет Отца, он — Отец. Они соединены вместе; они не два, они одно, отношения органичны. И вам не нужно чувствовать одиночество.

Сейчас весь мир чувствует одиночество. Каждый чувствует себя чужаком, каждый в затруднении. И люди приходят ко мне и спрашивают:

«Как выработать отношение? Что случилось?» Это очень новый вопрос — еще два

столетия назад никто не спрашивал об этом. Теперь каждый спрашивает: «Как выработать отношение?» Отношение стало проблемой. Это логичное следствие: если вы не можете выработать отношение к целому, то вы не можете установить отношения ни с кем; если вы можете установить отношение к целому, тогда вы можете установить отношение с кем-нибудь. Вы не можете выработать правильное отношение к Отцу, если вы не можете установить отношение с миром; это невозможно, так как это — источник всего. Когда исчезает религия, исчезают и отношения.

Страна, ставшая нерелигиозной, всегда чувствует затруднения с отношениями близости. Вы не можете установить отношений со своей женой, братом, сестрой, сыном, отцом, матерью — невозможно! Близкие отношения невозможны, так как исчезла основа близости. Вы отрицаете, вы сказали: «Бога больше нет, Бог умер». Тогда вся Вселенная чужда, вы чувствуете отчуждение, вы чувствуете себя отрезанным, не имеющим отношения; теперь у вас в ней нет корней; вы чувствуете — Вселенной нет до вас дела.

Вселенная ученого и Вселенная религиозного человека, подобного Иисусу, полностью различны. Для ученого Вселенная случайна, нет связей между вами и Вселенной, она безразлична, она не заботится о вас. Вы — случайность, если бы вас не было, Вселенная нисколько бы не почувствовала вашего, отсутствия; если вы есть, ваше присутствие не известно Вселенной. Если вы исчезнете, Вселенная не будет проливать по вам слезы.

Вселенная ученого мертва. Когда вы говорите: «Бог умер» — умерла Вселенная. А если вы живете в мертвой Вселенной, как вы можете установить отношения? Тогда вы живете среди вещей. Все будет случайным и произвольным. Вы должны делать некоторые усовершенствования, но органичного единства не будет. Вы существуете в одиночестве, и несете всю ношу один. Это подобно маленькому потерявшемуся ребенку: он держал за руку отца, теперь он эту руку потерял, он кричит и плачет — и некому услышать.

Именно таково положение человека: маленький ребенок, который держал за руку отца — и теперь он потерялся в лесу. Держась за руку отца, он гулял как император и ничего не боялся. Страх не было, ведь с ним отец, он отвечал за все. Все, что ему было нужно — делалось; ему не нужно было заботиться о себе. Он гулял, он смотрел на бабочек, на цветы, на небо, он наслаждался всем. Жизнь была блаженством. Вдруг он стал сознавать, что руки отца больше нет — он потерял своего отца. Теперь нет ни бабочек, ни цветов, все стало холодным, мертвым, чужим и враждебным. Теперь в тени каждого дерева — опасность; он боится смерти. Из каждого угла в любой момент прыгнет смерть и убьет его.

Лишь за миг до того все было живым, дружественным, была связь между ребенком и всем миром. Почему? Потому, что была рука отца. Через отца Вселенная была дружественная, была связь. Теперь он кричит и плачет, теперь он в беспокойстве и муке. Таково положение современного человека, вы стали неспособны, видеть Вселенную, как отца или мать. Не удивительно, что каждый невротик! Этот ребенок станет невротиком, этот ребенок станет ненормальным. Этот ребенок всегда станет носить рану в груди, и эта рана всегда будет нарушать все его отношения. Теперь он нигде не сможет почувствовать себя дома.

Посмотрите на свою руку. Разве вы не можете почувствовать в ней космическую руку? Тогда вы будете в затруднении. Вот что говорит Иисус: «Бог — это Отец. Вся Вселенная заботится о вас». Иначе, зачем бы вам позволили существовать? Вся эта Вселенная заботится о вас. Она привела вас к сознанию, она хочет привести вас к конечной вершине, к последней вершине Просветления, она помогает вам любыми способами. Даже если вы за-

блудитесь, она последует за вами. Чувствуйте руку в своей руке, и внезапно изменится вся перспектива.

И Иисус говорит: «Каждый — сын» — не только один Иисус. Но христианство не может существовать, если каждый — сын, тогда в Иисусе нет ничего уникального. Эта позиция фальшива. Каждый сын, и Иисус остается уникальным, так как он это понял, а вы — еще в поиске.

Уникальность — не в природе существа, уникальность — в природе понимания. Иисус знает это, а вы — не знаете. Индуисты всегда говорили, что различие между тем, кто просветлен, и тем, кто невежественен, не в сущности, а в знании. Это подобно тому, как кто-то спит, а вы проснулись, сущность одна и та же, но тот, кто спит — грезит, а вы — не грезите. Трясите его, будите, и он будет таким же бодрствующим, как и вы — его грезы исчезнут. Нужна только тряска. Иисус проснулся, а вы глубоко спите, различие — только в этом. В этом отношении он уникален, а не в сущности. Он сам говорит: «Вы — сыновья Отца Живого».

И второе утверждение — «Отец Живой», ведь обычно отец движется к смерти, физическая часть отца умрет, биологическая часть отца умрет, но космическое Целое будет всегда живым; Оно никогда не умрет, оно — вечно.

Всего лишь несколько десятилетий назад Ницше провозгласил: «Бог умер!» Это невозможно, Вселенная не может умереть, и Бог — не личность. Если бы он был личностью, Он мог бы умереть — личности должны умереть. Бог не имеет формы — формы должны умереть; у Бога нет тела — тела должны умереть. Бог — это все. В Боге мы рождаемся и умираем. Мы получаем форму и форма исчезает, но Целое остается... Целое не может умереть. Целое — это сама жизнь. Так что вы живете не в мертвой Вселенной, но в живом Боге, который — отец, мать; отношения глубоки и органичны. Вы не безразличны, кто-то продолжает за вами присматривать.

Это чувство дает вам корни, тогда вы не чувствуете себя чужим, тогда вы не посторонний, вы — свой. Это ваш дом.

«Но если вы не познаете себя, тогда вы в бедности, и вы — беднота...»

Это — единственная нищета: незнание себя — нет другой нищеты. Вы можете не иметь богатств, у вас может не быть больших дворцов, у вас может не быть империй, но все это — не истинные богатства. Только одно является истинным достоянием, и это — самопознание, так как оно не может быть разрушено.

И Иисус говорит: «Ибо, если вы не познаете себя, тогда вы в бедности, — и не только это, — „и вы — беднота“. Вы бедны. Есть только одна нищета: когда вы не знаете себя. Почему это — нищета? Потому что вы императоры, сыновья Бога Живого! Самое великое из возможного с вами произошло! А вы в этом не уверены, и вы продолжаете нищенствовать.

Все желания — это попрошайничество. Говорят, что если бы желания были бы конями, нищие были бы наездниками. Но если все желания и есть кони, а нищие — наездники, тогда вы все — наездники. Посмотрите на ваших коней! Они — ваши желания: попрошайничество, требования, просьбы — и все они — в вас, но вы нигде не посмотрите внутрь. Однажды, когда вы посмотрите, богатства будут открыты — вечные, в изобилии; вы не сможете их исчерпать. И однажды, когда вы посмотрите внутрь, все бытие поймет ваше императорство, все бытие поймет, кто вы есть: вы — сыновья Целого. Тогда исчезнет все нищенство, вы впервые станете богаты. «Ибо если вы не познаете себя, тогда вы

в бедности, и вы — беднота».

Я слышал историю: однажды случилось так, что великий Император был очень раздосадован своим сыном, его поведением и образом жизни. Он был единственным сыном, но так сильно рассердил своего отца, что его изгнали из королевства. Он был сыном великого Императора, поэтому он не знал и не умел ничего — императоров ни к чему не приучают. Он не знал, как сделать что-либо, его не научили; все всегда для него делалось, он не представлял, как что-то сделать самому. Но он любил музыку. Это было единственное, что он мог делать, он занимался этим как хобби. Он играл на своей ситаре, это было единственное, что он умел.

Вот он и начал нищенствовать. Он играл на ситаре и просил подаяния. Если императоры теряют империи, им не остается ничего, кроме нищенствования. Это прекрасно, это показывает, что глубоко внутри императоры — нищие. Вы не видите их нищету только из-за их империй. Если империю отбирают, они — нищие, они не могут больше ничего делать. Итак, он нищенствовал десять лет. Он совершенно забыл, что он сын великого Императора. Десять лет — слишком долгий срок, чтобы помнить. А если побираться каждый день с утра до вечера, как помнить о том, что ты сын великого Императора?

Он стал нищим и забыл себя полностью, даже память ушла. А эта память плоха, подобна кошмару, вы хотите ее забыть, так как через нее в разум приходит множество несчастий. Приходит сравнение: «Я, сын великого Императора — нищенствую!» Тогда нищенство становится слишком болезненным. Так что он просто отбросил эти мысли, все забыл, он отождествился с нищенством.

Через десять лет отец начал тосковать о сыне. Он был не совсем прав, сын, его пути, были отличны от отцовских, но он был единственным сыном. А теперь отец постарел и в любой день мог умереть. А сын был его наследником, его нужно было вернуть назад. Итак, на его поиски послали визиря.

Визирь отправился. Даже если сын полностью забыл, что он сын Императора, даже если он полностью отождествился с существованием нищего, что-то оставалось, так как это было не частью его памяти, но частью его существа. То, как он ходил, то, как он попрошайничал, было, как у Императора. Он просил подаяние, но так, как если бы вы были ему обязаны; он смотрел так, как будто обязывал вас своим попрошайничеством. Его походка была царственной, его одежды сгнили, но остались прежними одеждами. Он был грязен, небрит, но можно было увидеть под грязью прекрасное лицо. И его глаза: даже в нищете они оставались глазами все той же личности, с той же гордостью. На сознательном уровне он забыл, но бессознательно оставался Царем, наследником великого Императора.

Визирь узнал его. Это произошло в тот момент, когда он попрошайничал. Под деревом несколько человек играли в карты, был летний полдень, очень жаркий, а у него не было туфлей, он тяжело дышал и просил о нескольких пайсах, говоря: «Дайте мне что-нибудь, я голоден уже два дня». Визирь узнал его, и колесница остановилась. Визирь вышел из нее, коснулся ног принца, а принц посмотрел на него и сказал: «В чем дело?» Визирь сказал: «Твой отец, Император, зовет тебя назад. Он простил тебя». В мгновение нищий исчез. Он ничего не сделал, в этот миг он понял только, что «мой отец зовет меня назад, я прощен!» — и нищий — исчез. Человек оставался грязным, в тех же одеждах, но все изменилось: вокруг него была слава, свет, аура.

Он отдавал приказы теперь, попрошайничество исчезло. Он сказал: «Иди на рынок, купи мне туфли и одежды и организуй хорошую ванну». Он взошел на колесницу и сказал:

«Отвезите меня в лучшую гостиницу в городе!» А визирь последовал за колесницей пешком. Это — суфийская история. Ваше положение такое же: однажды, ко-гда вас узнает ваш Отец — Бог, ваше нищенство исчезнет — внезапно, в один момент! Ничего не будет с вами сделано, так как вы всегда были одним и тем же. Только отождествление было неверным, только в поверхност-ной части разума вы стали кем-то иным. Глубоко внутри вы остались Божьими детьми.

Но это случится только в том случае, если вы узнаете себя. Тогда вся Вселенная знает вас, узнает вас. И Иисус говорит: «Ибо, если вы не познаете себя, тогда вы в бедности, — и вы — беднота».

Изречение четырнадцатое...

Иисус сказал:

*Блажен человек, который страдал:
он нашел Жизнь.*

Иисус сказал:

*Глядите на Живого, пока вы живы,
чтобы вы не умерли и не искали увидеть Его,
и не были неспособны увидеть.*

*Они увидели самаритянина,
несущего барашка по пути в Иудею.*

Он сказал своим ученикам;

Зачем этот человек несет с собой барашка?

Они сказали ему:

Для того чтобы убить его и съесть.

Он сказал им:

*Пока барашек жив, тот его не съест,
но только если тот убьет его,
и он станет трупом.*

Они сказали:

Иначе тот будет не способен сделать это.

Он сказал им:

*Вы сами ищите место для себя в покое,
чтобы вы не стали трупами и не были съедены.*

Иисус сказал:

Двое будут лежать в постели:

один умрет, другой будет жить.

Спешите медленно.

С самых давних пор человек спрашивал снова и снова, зачем в жизни страдания. Если Бог — Отец, то зачем столько страданий? Если Бог есть любовь и сострадание, почему существование страдает? И не было удовлетворительного ответа на этот вопрос. Но, если вы понимаете Иисуса, вы поймете ответ. Человек страдает, так как нет иного пути, созреть, вырасти. Человек страдает, так как только через страдание он может стать более сознательным. А сознательность — это ключ.

Наблюдайте собственную жизнь: когда вы в покое и комфорте, и счастливы — сознательность утеряна. Тогда вы живете во сне, как загипнотизированный, вы живете, как сомнамбула; вы двигаетесь и что-то делаете, но как лунатик. Вот почему, когда страдания нет, из вашей жизни исчезает религия. Вы никогда не пойдете в храм, для вас это не имеет смысла, тогда вы не молитесь Богу, зачем? Похоже, что причин нет.

Когда же есть страдание, вы обращаетесь к храму, ваши глаза обращаются к Богу, ваше сердце обращается к молитве. В страдании есть нечто, что заставляет вас осознать, кто вы есть, куда вы идете. В миг страдания ваше сознание интенсивно.

Ничто в этом мире не может быть бессмысленно. Это — космос, это не хаос. Вы

можете быть неспособны понять — это другое дело, так как вы знаете лишь части, вы не знаете Целого. Ваш жизненный опыт похож на вырванную страницу романа; вы прочли ее, но не нашли никакого смысла, так как это только маленький фрагмент, вы не знаете всей истории целиком. Когда вы узнаете ее целиком, тогда страница станет понятной, тогда она становится согласованной, полной смысла.

В чем же смысл? Это значит, знать часть в отношении целого, смысл — это отношение части к целому. Безумец, болтающий на улице — нелеп. Почему? Потому, что вы не можете соотнести его болтовню ни с чем, его болтовня — часть. Но он не говорит ни с кем. Его разговор фрагментарен, это не часть большего целого, вот почему он не согласован. Те же самые слова могут быть использованы другим человеком — точно те же слова — но он их говорит кому-то, тогда они полны смысла.

Почему? Слова — те же, предложения — те же; и об одном человеке вы говорите, что он — безумен, а о другом — нет, почему? Потому, что есть кто-то, кто слушает; фрагмент — не фрагментарен, он стал частью большого целого — он несет смысл.

Отрежьте кусок от картины Пикассо; он не имеет смысла, это лишь фрагмент, а фрагмент мертв. Приложите его опять к картине, и внезапно смысл появится. Он стал соответствовать, так как он стал частью целого. Только когда вы — часть целого, вы и полны смысла. И если современный человек постоянно чувствует, что его жизнь — бессмысленна, то это потому, что отрицается Бог, или забывается.

Без Бога человек никогда не сможет быть полным смысла, так как Бог — значит целое, а человек — фрагмент. Вы — лишь строчка из стиха — в одиночестве вы — просто чепуха. Значение появляется лишь с целой поэмой, так как значение содержится в отношениях к целому. Помните это.

Я вспомнил о сне Бертрانا Рассела. Он был атеистом, он никогда не верил в Бога. Он никогда не видел никакого более широкого смысла, который мог бы охватить Целое. Ему приснился сон: однажды ночью он услышал, что кто-то стучит в дверь. И вот, во сне, он пошел и открыл дверь, и увидел старого Бога, стоявшего на пороге. Он не мог поверить своим глазам, ведь он никогда не верил в Бога — он помнил об этом даже во сне: «Я не верю в Бога». Но старик выглядел таким всеми забытым, всеми брошенным; его одежды были изорваны, его лицо и тело покрывала грязь, он выглядел таким несовременным — как потемневшая картина, на которой вы не сможете ясно разобрать, что изображено. Рассел почувствовал к нему сильную жалость. Просто поприветствовав его, он сказал: «Входите!» Он дружески похлопал его по спине и сказал: «Не унывайте!» А потом он проснулся, и все исчезло.

Таково положение современного человека, современного разума. Бог — несовременен. Вы либо против него, либо, самое большее, жалеете его. Через жалость вы можете пытаться утешить его, но он больше не имеет значения для вас — просто несовременная картина, потемневшая, бесполезная, старье из прошлого. Либо Бог мертв, либо смертельно болен, на своем смертном одре. Но если Целое — мертво, как может быть исполнен смысла фрагмент? Если Целое устарело, как часть, может быть свежей, новой и молодой? Если все дерево мертво, тогда любой лист дерева, думающий, что он жив — просто глуп. Ему может понадобиться немного больше времени, чтобы умереть, но если дерево мертво, лист должен умереть — он уже умирает. Если Бог мертв, человек не может жить. И он смертельно болен, так как без Целого, фрагмент не имеет смысла. Но когда вы счастливы — это про-блески счастья, а не счастье действительное — когда вам удобно, когда вы в покое, когда ничто вас

не тревожит, тогда вы думаете, что вы — Целое. Но это ошибочно. Когда вы страдаете, вы внезапно осознаете, что вы не те, какими могли бы быть, что-то неправильно, туфли жмут. Что-то плохо, и нужно некое преобразование. Таково значение страдания.

Страдание дает вам сознательность; страдание дает вам чувство, что вы должны преобразиться, вы должны стать новым, вы должны возродиться. Такие, как вы есть, вы страдаете, так что, что-то должно быть сделано.

Иисус сказал: «Блажен человек, который страдал: он нашел Жизнь».

Выглядит абсурдно и парадоксально! Он говорит: «Блажен человек, который страдал...». Мы всегда называем блаженным человека, который никогда не страдал. Но видели ли вы хоть одного человека, который бы никогда не страдал? Если вы и увидите такого человека, вы найдете его совершенно незрелым, детским, без всякого роста, без глубины, без сознательности — это идиот. И вы никогда не сможете сказать, что он блажен.

Только тот, кто никогда не пытался жить, кто избегал жизни, может избежать страдания. Вот почему в очень богатых семьях рождаются только идиоты, так как они очень хорошо защищены. А когда вы кого-то слишком хорошо защищаете, это — не защита от смерти, это защита от жизни. Но в этом — проблема: если вы хотите защитить кого-то от смерти, вы должны защищать его от жизни, так как жизнь ведет к смерти. Так что, не живите, если вы боитесь умереть — это простая логика, не будьте живыми, если вы боитесь умереть, отрежьте все измерения, в которых существует жизнь. Тогда вы сможете просто жить растительно.

Иисус не может назвать растительную жизнь блаженной, никто не может сказать, что растительная жизнь блаженна. Это самое большое несчастье, которое может произойти с человеком, потому что он никогда не вырастет до осознания и завершенности; он никогда не достигнет высших уровней сознания, так как эти высшие уровни входят в существование только тогда, когда их добиваются. Страдание — это вызов; когда вы страдаете, вам брошен вызов, тогда есть проблема. Когда вы сталкиваетесь с проблемой, только тогда вы растете. Больше опасности — больше роста, больше безопасности — меньше роста. Если все вокруг вас безопасно, вы уже в своей могиле, вы больше не живы. Жизнь существует в опасности, жизнь всегда существует в возможности заблудиться. Но тот, кто является заблудшим, может вернуться назад; тот, кто проиграл, может добиться успеха.

Наполеон был побежден. Он написал в своем дневнике прекрасную сентенцию — иногда безумец бывает очень наблюдателен — он сказал: «Только бой проигран, только битва проиграна, а не война». Но если вы хотите выиграть войну, вы должны проиграть множество битв. Если вы боитесь проиграть битву, вы никогда не вступите в войну, тогда нет возможности.

Когда вы проигрываете в чем-то, это не окончательное поражение, вы можете его преодолеть. В следующий раз вам не нужно будет этого снова делать, в следующий раз вам не нужно будет совершать ту же ошибку и ту же оплошность, в следующий раз не нужно будет страдать. Мудрый человек страдает столько же, сколько и не мудрый, но каждый раз по-разному. Мудрый человек совершает столько же ошибок — даже больше, чем глупец, но он никогда не повторяет одну и ту же ошибку дважды. Это — единственное отличие: количество может быть большим, но качество различно. Идиот может не совершать много ошибок, он может их вообще не совершать, потому что он никогда ничего не делает.

Вы можете совершить ошибку, когда делаете что-то. Вы можете заблудиться, если ищете и исследуете. Если вы не идете по пути, если вы просто сидите дома, как вы можете

заблудиться? Если вы ничего не делаете, вы ни-когда не совершите ошибок, вы будете безошибочным человеком, но вы никогда не сдвинетесь с места, вы будете просто гнить, будете вести растительную жизнь и умирать. Никогда не бойтесь делать ошибки, просто помните, что нет нужды делать дважды одну ошибку. Зачем дважды делать одну и ту же ошибку? Ошибку повторяют, если в первый раз вы ничему не научились. Вот почему вы делаете ошибки снова и снова. Люди продолжают делать те же ошибки, повторять их всю жизнь, они движутся по кругу. Вот почему индуисты назвали этот мир сансарой.

Сансара означает колесо: вы просто повторяете одни и те же ошибки снова и снова. Ситуации могут меняться, но ошибки остаются теми же, того же качества. Что это показывает? Это показывает, что вы — небдительны, иначе вы не могли бы вновь совершить ту же ошибку. Совершите другую, так вы будете учиться. Никто не учит-ся без ошибок. Когда вы совершаете ошибку, вы должны страдать. Никто не учится без страдания. Индуисты говорили, что вы должны родиться снова и снова, так как вы еще не выросли.

Только выросшая личность выходит за пределы этого мира. Тот, кто не вырос, должен снова свалиться в яму, он должен учиться. А каждая учеба — это тяжкий путь, там нет поблажек. Этот тяжкий путь — страдание. Не защищайтесь от страдания, скорее наоборот, входите в страдание настолько полно, насколько возможно. Примите вызов, столкнитесь с ним. Через это вы вырастаете. Попробуйте превзойти его, выйти за его пределы. Не бойтесь, как только вы станете бояться — вы уже умираете. Вот почему Иисус говорит: «Блажен тот человек, который страдал: он нашел Жизнь». Тот, кто страдает, становится более бдительным, а бдительность — ключ к храму Жизни. Чем более вы бдительны, тем более осознаете...

В чем различие между вами и деревом? Деревья прекрасны, но они — не выше вас, так как они бессознательны. Камень, скала даже ниже уровня деревьев, еще более бессознательны. Камень тоже страдает, но он не сознает. Дерево также страдает, но не сознательно — и если вы также страдаете без сознания, тогда в чем разница? Тогда вы — просто движущееся дерево.

Самое сокровенное, основное, что делает вас человеком, еще не произошло. Человеком вас делает сознание. И в этом его красота: когда вы сознательны, страдание исчезает. Страдание приходит с сознанием, но если вы становитесь, все более и более сознательными, страдание исчезает. Этот закон должен быть понят: если ваше сердце страдает, это приносит сознание, вы осознаете свой опыт своим разумом. Вы осознаете свое тело только тогда, когда что-то не так.

В санскрите есть прекрасное слово для страдания. Его называют ведана, оно имеет два значения: одно — страдание, и другое — знание. Ведана имеет тот же корень, что и веда. Веда означает источник знания. Те, кто ввел слово ведана в обращение, поняли тот факт, что страдание есть знание. Поэтому они использовали одинаковое слово в обоих случаях.

Если вы страдаете, вы становитесь сознающим. Желудок ощущается только при желудочной боли. Он может быть и до этого, но не в вашем сознании. Вот почему медицина, в частности, «Аюрведа», определяет здоровье, как бестелесность: если вы не знаете о теле, вы здоровы; если вы знаете о теле, что-то не в порядке, так как знание существует только тогда, когда что-то идет не так. Если вы шофер — всего лишь слабый шум в моторе — и вы становитесь сознательным, до этого все было ровным гудением, все было монотонным, все было в порядке. Не-большой шум где-то в двигателе или в других частях машины, и вы начинаете сознавать, что что-то идет не так. Только когда что-то идет не так, вы начинаете

осознавать.

И если вы становитесь истинно сознающим, вы не станете углубляться в неверное, даже наоборот, вы будете расти в своей сознательности все более и более. Тогда происходит другое явление: вы осознаете, что боль — есть, неудобства — есть, страдания — есть, но оно не в вас, оно вокруг вас, на периферии. В центре есть осознание, на периферии — страдание, как если бы страдание принадлежало кому-то другому, вы не отождествлены. Тогда головная боль есть, но она не болезненна для вас, она болезненна для тела, и вы это просто осознаете. Тело становится объектом, а вы становитесь субъектом — есть разрыв.

В сознательности все мосты разрушены, и разрыв немедленно присутствует. Вы можете видеть, что тело страдает, но отождествление разрушено. Страдание приводит к осознанию, осознание разрушает отождествление, и это — ключ к жизни.

«Блажен человек, который страдал: он нашел Жизнь».

Иисус на кресте — это просто символ конечного страдания, совершенного страдания, вершина страдания. Когда Иисус был на кресте, в последний момент он немного волновался. Страдание было слишком велико. Это было не обычное страдание, и не обычная телесная боль, это была мука, не только физическая, но и глубокая психологическая мука. И причиной муки было вот что: он вдруг подумал: «Не забыт ли я Богом...? Почему это должно со мной случиться? Я не сделал ничего плохого. Почему меня должны распять? Зачем эта боль? Зачем это распятие? Зачем мучить меня?» И он спрашивал Бога: «Зачем?».

Это должно было быть очень глубоким моментом в муке, когда потрясены все основы, и даже ваша вера потрясена. Боль была столь сильна — всеобъемлющая мука! Те самые люди, ради которых он жил, ради которых работал, кому он служил, кого он исцелял — они убивали его, и безо всяких причин. Он спрашивал Бога: «Зачем? Почему это случилось со мной?» Потом он вдруг понял зачем, потому что он стал очень осознающим, в момент распятия, он стал истинно осознающим.

Я всегда говорю, что до этого момента он был Иисусом, после этого он стал Христом. В тот момент произошло полное преображение. До него он подходил ближе, ближе, но последний прыжок произошел именно в тот момент: Иисус исчез и появился Христос — мгновенное превращение.

Что произошло? Он сказал: «Зачем это страдание мне? Ты забыл меня? Я покинут?» И немедленно после этой муки он сказал: «Нет! Да будет воля твоя!» Он принял это. Почему было отрицанием, потому что вопрошание означает сомнение. Теперь он понял это и сказал: «Я принимаю, и я понимаю. Да будет воля Твоя, не моя, потому что моя будет неверной». И тогда он расслабился, тогда пришло облегчение, окончательная капитуляция. В момент смерти он принял также и смерть. В этом принятии он стал Вечной Жизнью — ключ был найден. Вот почему он говорил:

«Блажен человек, который страдал, он нашел Жизнь».

Когда вы страдаете — не жалуйтесь, не создавайте из этого муки. Смотрите на страдание, почувствуйте его, наблюдайте его, глядите на него под всевозможными углами. Сделайте его медитацией, и смотрите, что происходит: энергия, которая уходила на болезнь, энергия, которая творила страдание, преобразуется, меняется ее качество. Та же самая энергия становится вашим осознанием, потому что в вас — не две энергии, энергия — одна. Вы можете сделать ее сексом, вы можете преобразить ее и сделать любовью, вы можете преобразить ее еще выше и сделать осознанием — энергия все та же.

Когда вы страдаете, вы тратите энергию, в вашей муке вы тратите энергию, энергия пропадает. Когда есть страдание, встряхнитесь. Закройте глаза и посмотрите на страдание. Каким бы оно ни было — духовным, физи-ческим, экзистенциальным — посмотрите на него, сделайте его медитацией. Смотрите на него так, как будто бы оно было объектом. Когда вы смотрите на свое страдание, как на объект, вы отделены, вы больше с ним не отождествлены, мост разрушен. И тогда энергия, которая шла на страдание, больше не движется в этом направле-нии, моста больше нет. Мост — это отождествление: вы чувствуете, что вы — тело, тогда энергия идет в тело. Когда вы чувствуете любое отождествление, ваша энергия туда и направляется...

Вы можете этого не знать, но вы можете попробовать провести простой опыт: если вы любите женщину, про-сто сядьте рядом с ней и почувствуйте отождествление, как если бы вы были женщиной, любимой, и дайте жен-щине почувствовать, что она — это вы, любимый. Просто ждите и почувствуйте отождествление. Внезапно вы оба почувствуете энергетический удар. Вы оба почувствуете, что некая энергия перешла от одного к другому. Влюб-ленные должны почувствовать, что энергия как бы прыгнула, как при электрошоке, и достигла другого. Когда вы отождествлены с чем-то, есть мост, и энергия может через него перейти.

Когда мать кормит свое дитя, она не просто дает ему свое молоко, как обычно думают. Теперь биологи уста-новили более глубокий факт, и они говорят, что она кормит энергией — молоко лишь физическая часть. А они проделали множество опытов: ребенок растет, ему дается пища — совершенная, насколько это возможно, все, чего достигла медицина. Дается все, но ребенка не любят, не прижимают к себе, мать его не касается. Молоко да-ется через механические приспособления, ему делают инъекции, ему дают витамины — все на высоком уровне. Но ребенок перестает расти, он начинает отклоняться в своем развитии, как если бы жизнь от него отделялась. Что происходит? Ведь все, что ему давала мать, ему дается.

Так произошло в Германии во время войны: много маленьких сирот было помещено в больницу. В течение нескольких недель все они почти умирали. Половина из них умерло, хотя принимались все меры. С точки зрения науки они были в порядке, делалось все необходимое. Но почему они умирали? Потом один психоаналитик при-шел к выводу, что им нужно прижимание к груди, чтобы к ним прикасались, чтобы кто-то давал им почувство-вать свою значимость. Пища — еще не все. Иисус говорит: «Не хлебом единым жив человек». Необходима еще некая внутренняя, невидимая пища. Так что психоаналитик сделал правилом, что кто бы ни заходил в комнату — сиделка, врач, служитель — они должны были, минимум пять минут провести с детьми — поиграть с ними, об-нять их. И они перестали умирать, они начали расти. С тех пор было проведено много опытов...

Когда мать обнимает дитя, течет энергия. Эта энергия — невидима, мы называем ее любовью, теплом. Что-то переходит от матери к ребенку и не только от матери к ребенку, но и наоборот. Вот почему женщина становится столь прекрасной, когда становится матерью. До этого что-то отсутствует, она — не полна, круг разорван. Когда женщина становится матерью, круг завершен. К ней из некоего неизвестного источника приходит красота. Так что не только она кормит дитя, дитя также кормит мать. Они счастливы друг в друге. И нет других отношений, которые были бы столь же близкими. Даже влюбленные не настолько близки, потому что ребенок выходит из матери, из самой ее крови, плоти и костей; ребенок — просто продление ее сущности. Это никогда не произойдет вновь, никто не может быть

настолько же близок. Любимый может быть у вашего сердца, но ребенок жил в сердце. Материнское сердце билось, это было сердцебиением ребенка, у него не было другого сердца. Материнская кровь циркулировала в нем, у него не было независимости, он был просто частью ее. В течение девяти месяцев он оставался частью матери, органически соединенной, одним с ней. Жизнь матери была его жизнью, смерть матери была его смертью. Это продолжается и впоследствии: существует перенос, передача энергии.

Когда есть страдание, становитесь сознающим, тогда мост разрушен, тогда нет переноса энергии к страданию. Страдание уменьшается, потому что страдание — ваше дитя. Вы дали ему рождение, вы — причина, а потом вы его кормите, и оно растет, а вы страдаете больше. Тогда вы жалуется, тогда вы несчастны, тогда все ваше внимание отождествлено со страданием.

Я слышал, будто встретились однажды на базаре две пожилые женщины. Одна спросила другую, как та себя чувствует, так как она всегда болела. Есть женщины, которые всегда чувствуют себя больными. Что-то идет не так, это — не болезнь, это нечто более глубокое, невроз, они не могут быть в покое, если не болеют, болезнь стала частью их эго. Она спросила: «Как вы себя чувствуете?».

Женщина, которая чувствовала себя больной, или говорила о болезнях, сказала: «Очень плохо — никогда не было так плохо. Меня мучает артрит, частые головные боли, боль в желудке — просто ужасна, и ноги болят... Другая сказала: „Тогда пойдите к врачу“.

Первая ответила: «Да, да, я пойду, когда почувствую себя лучше». Но это всегда так и бывает: вы пойдете к врачу, когда почувствуете себя лучше. Но когда кто-то чувствует себя лучше, он никогда не идет к врачу, тогда нет нужды. Идите к врачу, когда вы страдаете; молитесь, когда есть страдание; медитируйте, когда страдаете. Не говорите: «Я буду медитировать, когда почувствую себя немного лучше. Это не поможет — вы не будете медитировать. Вы упустили блаженный момент — момент страдания. Медитируйте, становитесь бдительным и сознательным. Не утрачивайте благоприятного случая, это — блаженство.

Используйте все ваше страдание для медитации, и вскоре вы узнаете, что страдание исчезает, потому что энергия начинает двигаться внутрь. Она не движется к периферии, к страданию, вы не питаете свое страдание. Это кажется нелогичным, но в этом согласны все мистики мира: что вы питаете ваше страдание и наслаждаетесь этим очень тонким образом, вы не хотите быть в порядке — в этом что-то есть.

Будды, Заратустры, Иисусы говорили напрасно, вы их не слушаете. Они говорят, что есть возможность высшего блаженства. Вы их слушаете и говорите: «Хорошо, когда-нибудь я этим займусь, когда почувствую себя лучше». Но когда вы счастливы, что еще нужно? Вот почему Будда продолжает настаивать: «Вся жизнь — дукк-ха, страдание — не ждите! В жизни, которой вы живете, не может быть счастья. Проснитесь, посмотрите. То, что вы называете жизнью — мука». Люди думают, что он — пессимист. Он им не является, но он подчеркнул этим нечто... Но вы настолько привязаны к своему страданию, что не понимаете.

В чем дело? С самого начала, с раннего детства нечто происходит неправильно, и дело вот в чем: когда ребенок болен, ему уделяется больше внимания. Это создает неверную ассоциацию: мать его больше любит, отец больше заботится, вся семья помещает его в центр, он становится самой важной личностью. Никто не заботится о ребенке в ином случае, если он в порядке, заботятся, если что-то не так. Если этот трюк выучен, тогда, если вы больны, вы становитесь особым, тогда каждый должен оказывать вам внимание, а если они

не оказывают внимания, вы можете заставить их почувствовать вину.. И никто не может вам ничего сказать, потому что никто не скажет, что вы сами ответственны в своей болезни.

Если ребенок делает что-то неверно, вы можете сказать: «Ты за это отвечаешь». Но если ребенок болен, вы не можете ничего сказать, потому что болезнь с ним никоим образом не связана — что он может сделать? Но вы не знаете фактов: девяносто процентов болезней — творчество самих больных, это вызвано ими, чтобы привлечь внимание, стать важным, стать любимым. И ребенок учится трюку с большой легкостью, так как основная проблема ребенка в том, что он беспомощен. Основная проблема, которую он постоянно чувствует, это то, что он — слаб, а вы — сильны. Но когда он болен, он становится сильным, а все — бессильными. Он понимает это.

Ребенок очень чувствителен к тому, что узнает. Он узнает: «Даже отец, даже мать — ничто, все — ничто по сравнению со мной, когда я болен». Тогда болезнь становится чем-то весьма значительным, она становится достоянием. Когда он чувствует неприятности в жизни, когда он чувствует: «Я — беспомощен», — он впадает в болезнь, он создает ее. И это — проблема, глубокая проблема, ведь что с этим можно сделать? Когда ребенок болен, каждый должен уделить внимание.

Но теперь психологи предлагают следующее. Когда ребенок болен, заботьтесь о нем, но не уделяйте ему слишком много внимания. О нем нужно заботиться медицински, но не психологически. Не создавайте никаких ассоциаций в его разуме, что за болезнь платят, иначе всю свою жизнь, когда он почувствует, что ему плохо, он будет заболеть. Тогда его жена не сможет ничего сказать, тогда никто не сможет его обвинить, ведь он болен. И каждый должен его жалеть и проявлять чувства.

Девяносто процентов страданий существует из-за того, что вы ассоциируете нечто, что выглядит приятным, с болезнью и страданием. Отбросьте эти ассоциации целиком, отрежьте их полностью! Страдание — это просто трата вашей энергии. Не включайтесь в него, не думайте, что оно оплачивается. Есть только один способ, которым можно оплатить страдание, это — сознательность. Оставайтесь сознательным.

Помните, как отбросить эти ассоциации: первое, никогда не говорите о ваших страданиях. Страдайте, но не говорите об этом. Зачем вам говорить о них? Зачем люди продолжают говорить о своих страданиях и надоедают другим? Кому это интересно? Но чтобы вас не обидеть, если вы начали говорить о болезнях и мучениях, другие должны терпеть это — но они начинают убегать, они стремятся улизнуть от вас. Никто не хочет слушать, у всех достаточно своих страданий. Кого заботят ваши страдания? Не говорите о них, это создает ассоциации.

Не жалуйтесь, так как тогда вы просите о чувствах, о жалости и сострадании. Не просите, не продавайте ваше страдание — заберите назад ваш вклад. Страдайте частным образом, не делайте страдание публичным — тогда оно станет тапасчарьей, оно станет аскетизмом, одним из самых лучших страданий. Но посмотрите на ваших святых: если они практикуют тапасчарью, аскетизм, они делают это публично. А я говорю: сделайте ваше страдание частным делом, тогда оно становится тапа, — настоящей аскезой. Они делают его публичным, они объявляют, что они продолжают длительный пост — все должны знать.

Это — дети, сошедшие с ума. Это ребячество. Они вложили в это больше, чем вы: они зависят от своих страданий, их престиж зависит от их страданий — внимание всей страны или всего мира. Они — большие трюкачи, они используют страдание для эксплуатации других. Но это — то, что делают все, только они довели это до высшей точки. Не делайте

этого, не старайтесь быть жертвой, это бесполезно. Не будьте эксгибиционистами!

Страдайте частным образом, страдайте настолько лично, чтобы никто не догадался, что вы страдаете. А потом медитируйте над этим: не отбрасывайте этого, накапливайте это внутри, а потом закрывайте глаза и медитируйте над этим. Тогда мост будет разрушен.

Вот что Иисус имеет в виду, когда говорит: «Блажен человек, который страдал, — это техника для страдания, используйте его как метод — он нашел Жизнь».

Страдание принадлежит смерти, сознательность — принадлежит жизни. Разрушьте мост, и вы узнаете, что что-то в вас и вокруг вас умирает — это принадлежит смерти; и что-то в вас, ваша сознательность, не умирает, она бессмертна, она принадлежит жизни. Вот почему страдание может дать вам ключ к жизни.

Иисус сказал: «Глядите на Живого, пока вы живы, чтобы вы не умерли и не искали увидеть Его, и не были не-способны увидеть».

Такова техника: «Глядите на Живого...».

В вас есть тот, кто Жив, и тот, кто уже умер. В вас встречаются два мира, мир материи и мир духа — вы суще-ствуете на границе. В вас встречаются два царства — царство смерти и царство жизни — вы существуете между ними. Если вы уделяете слишком много внимания тому, что принадлежит смерти, вы всегда будете оставаться страдающими и исполненными страха. Если вы уделяете внимание вашему центру, который принадлежит жизни, вечной жизни, бессмертию — страх исчезнет.

Иисус говорит:

«Глядите на Живого, пока вы живы...» Не упускайте, потому что в момент смерти это будет очень трудно — смотреть на Живого.

Если всю вашу жизнь вы были внимательны к царству смерти, царству вещей, царству материи и мира — ес-ли вы были внимательны только к царству смерти, это будет трудно, почти невозможно — посмотреть на царст-во жизни, когда вы мертвы или когда вы умираете. Как можете вы вдруг обернуться в другую сторону? Это будет невозможно, вы будете парализованы. Всю вашу жизнь вы смотрели наружу, ваша шея будет парализована, вы не сможете обернуться. Для этого нужно постоянное движение к миру бессмертия.

Пока вы живете «Глядите на Живого, пока вы живы...».

Когда у вас миг молчания, закройте глаза и смотрите внутрь, чтобы ваша шея оставалась подвижной, иначе в момент смерти вы будете парализованы. Вы хотели бы увидеть вечную жизнь, но вы будете неспособны, так как не сможете обернуться.

«...чтобы вы не умерли и не искали увидеть Его, и не были неспособны увидеть».

А это внутри вас, но вы стали фиксированными, одержимыми. Одержимость внешним должна быть разруше-на. Нет нужды бежать в леса, это не поможет, но за двадцать четыре часа вы имеете достаточно моментов, чтобы взглянуть внутрь. Не упускайте их. Когда бы вы ни нашли время, закройте глаза, даже лишь на миг, и глядите внутрь, на Живого. Он там, нужна лишь небольшая практика, чтобы увидеть и стать настроенным на внутреннюю темноту. Сейчас там темно, вы настроены на внешний свет. Когда вы настроитесь на внутренний свет, вы увидите, что это рассеянный свет, а не тьма; очень тихий, очень утешающий и ласковый свет — но не интенсив-ный, это — сумерки. Это, как если бы солнце еще не взошло, а ночь — почти ушла. Это то, что индуисты назы-вают Брахманухурта. Почему они называют это Брахманухурта, момент Бога? Они называют это из-за этой внут-ренней вещи: когда вы обращаетесь внутрь, внешний свет уходит, и внутренняя тьма еще не ушла, человек дол-жен настроиться, только тогда она уйдет. Это —

сумерки, сандхьякала, момент, когда нет ни света, ни темноты. Это называют Брахманухурта, момент божественного. Настраивайтесь, смотрите, ждите, наблюдайте. Скоро ва-ши глаза привыкнут, и вы станете, способны видеть. Интенсивного света нет, просто рассеянный свет, он не ро-жден солнцем. Это просто ваш естественный свет, не рожденный больше ничем. Это ваш собственный свет, ваша собственная внутренняя аура — он там. Когда бы вы ни нашли время, не упускайте его. А тогда вы найдете еще моменты: ложась спать, смотрите, день закончен, мира смерти больше нет, вы отдыхаете — смотрите внутрь. Утром, когда вы впервые осознаете, что сон ушел, не нужно выпрыгивать из постели в мир. Подождите немного, закройте глаза, посмотрите вовнутрь! Это молчание. Ночной отдых помогает. Вы не такие напряженные; легче двигаться вовнутрь. Поэтому все религии мира настаивают на молитве перед сном. И на молитве, когда вы про-сыпаетесь. Эти моменты очень хороши: по вечерам вы устаете от мира, вы пресытились миром, вы готовы по-смотреть на что-нибудь еще. Утром вы отдохнули, и отдых помогает, вы можете посмотреть на внутреннее. Вот о чем говорит Иисус: «Глядите на Живого, пока вы живы, чтобы вы не умерли и не искали увидеть Его, и не были неспособны увидеть».

Он будет там, но вы будете неспособны, увидеть Его из-за неверной практики всей вашей жизни.

Они увидели самаритянина, несущего барашка по пути в Иудею. Он сказал своим ученикам: «Зачем этот чело-век несет с собой барашка?» Они сказали ему: «Для того чтобы убить его и съесть»,

Он сказал им: «Пока барашек жив, тот его не съест, но только если тот убьет его, и он станет трупом». Они сказали: «Иначе тот будет не способен сделать это. Он сказал им: Вы сами ищите место для себя в покое, чтобы вы не стали трупами и не были съедены».

Ваше тело становится пищей для червей, для птиц. Ваше тело и есть пища, и ни что иное; она не может быть ничем иным — ваше тело появляется из пищи. Вот почему, если вы не едите, ваше тело начинает исчезать. Если вы продолжаете поститься, килограмм тела каждый день будет исчезать. Куда идет это тело? Каждый день вы насыщаете его пищей, это побочный продукт пищи. Когда вы умираете, что становится с телом? Мир использует его, как пищу: черви земные съедят вас, или птицы небесные склюют вас. Это приводит вас в страх, вы полны предчувствий, что «меня съедят». Из-за этого по всему миру люди создавали способы не быть съеденным. Но они глупы!

Индуисты сжигают тела только для того, чтобы его не съели. Мусульмане помещают мертвое тело в гроб и за-рывают в могилу только для того, чтобы защитить его. Христиане делают то же самое. Только зороастрийцы это-го не делают: они оставляют тело, чтобы оно стало пищей. Они самые естественные в этом вопросе, а также са-мые научные, ведь вы не должны разрушать пищу. Вы ели животных, птиц, плоды, всю вашу жизнь, и теперь вы накопили девяносто килограммов тела — и вы разрушаете его, сжигаете его. Это — нехорошо, вы неблагодарны по отношению к миру. Вы должны вернуть его миру пищи — это пища!

И почему вы думаете, что сжигание — лучше, бросание в огонь — лучше, чем оставить на съедение птицам или червям, или животным? Ведь там тоже горит огонь — в желудке птицы или льва, тот же огонь разрушит ва-ше тело. Но это — естественный огонь, и, в конце концов, ваше тело утолит чей-то голод.

Только парсы остались естественными в этом вопросе, но даже они теперь тревожатся, ведь все говорят: «Это — плохо, бросать своего отца или мать. Что вы за люди? Вы очень

жестокое! А бросание трупа в огонь не жестоко? Или закапывание глубоко в землю не жестоко? Они более экологичны, они завершают круг. Индуисты, му-сульмане и христиане — менее экологичны, они разрушают круг, и это нехорошо.

Иисус говорит: «Если вы не понимаете Внутреннего, Живого, Сознющего, тогда вы будете просто съедены, вот и все». Вся ваша жизнь была напрасна: вы едите всю вашу жизнь, работаете, чтобы есть, и потом вас съедают — вот и вся история. «Сказка, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, и ничего не значащая». Вся жизнь — борьба за еду, а потом — быть съеденным? Какой в этом смысл?

Иисус говорит: «До того, как вы умрете, до того, как вас съедят, осознайте, что в вас — не пища, что в вас не создается при помощи пищи». Тогда вы поймете еще одну вещь.

Все религии говорят о посте. Почему? Потому, что когда вы поститесь, становится более интенсивной сознательность, так как она — не часть пищи. В действительности, пища разрушает сознательность, а когда вы не едите, вы становитесь, более сознательны, пища дает вам некий вид сна, она — яд. Так что если вы едите слишком много, вы тут же чувствуете себя сонным, это как алкоголь; когда вы поели, вы должны идти спать. Если же вы поститесь, вы найдете, что в эту ночь трудно спать. Вы думаете, что это из-за голода? Нет, это из-за отсутствия пищи — сознательности становится больше.

И если вы держите долгий пост, на третий, четвертый или пятый день голод исчезает, так как тело требует три — пять дней, — у тела нет долгой памяти, оно требует несколько дней, и если вы не слушаете его, тело организует все иным образом. У тела — двойная организация, это нужно в целях безопасности. Каждый день вы должны есть, чтобы дать телу ежедневную порцию. Если вы не даете ее в течение нескольких дней, тогда у тела есть запасы, накопленный жир, который накапливает плоть.

Любой обычный здоровый человек накапливает жира, по крайней мере, на три месяца, это — резервуар. Когда тело думает, что вы не даете ему пищи, оно начинает использовать свой запас. Когда оно начинает есть из своего собственного резервуара, тогда сознание в это уже не включается. Вам уже не нужно идти и добывать, и работать, и уставать, а потом давать телу пищу. А когда вы даете пищу, перевариваете ее, нужна вся ваша энергия. Вот почему немедленно после принятия пищи ваша голова чувствует сонливость: потому что энергия, которая работала на сознание, обращается на желудок, чтобы работать в качестве выжимающей силы; она немедленно движется туда.

Так что люди, которые слишком много едят, не могут хорошо медитировать, это невозможно! Они могут хорошо спать, но не могут быть сознательными, они не могут быть хорошо осознанными. Они — пища, и ничего более — и они будут съедены: вся их жизнь — это пищевой цикл. Все религии осознали, что если вы поститесь, сознательность увеличивается, так как когда нечего переваривать, энергия высвобождается! Нечего принимать и отбрасывать, все работы останавливаются. Работы на фабрике тела больше нет, фабрика закрыта. Тогда вся энергия, которую вы получили, становится сознательностью. Вот почему трудно спать, когда вы поститесь.

И если вы постились, по крайней мере, двадцать, тридцать дней, сорок дней, у вас появится новый тип сна: ваше тело будет спать, а вы будете оставаться бдительным; Вот о чем Кришна говорит Арджуне: «Когда любой спит, йог остается бодрствующим». Вот о чем говорит Будда:

«Даже когда я сплю, я не сплю — только тело спит». Вот почему, когда спал Махавира, он никогда не двигался во сне — даже на мгновение. Он никогда не ворочался, он оставался

бдительным. Он говорил: «Ворочаться с бока на бок — нехорошо, по подстилке могут ползать какие-нибудь насекомые», — так как он спал на полу или под деревом — «а если я ворочаюсь в постели, в потемках может произойти какое-нибудь насилие — пусть даже и ненамеренное. И если я могу этого избежать...» Так что он оставался точно в том положении, в котором засыпал; не двигая даже рукой. Это может быть сделано только в том случае, если вы полностью сознательны во сне, иначе вы не будете двигаться и даже не знать об этом.

Если вы становитесь сознающим, вы осознаете внутри себя другие измерения. Видимое принадлежит смерти, невидимое принадлежит бессмертию.

Иисус говорит: «Вы сами ищите место для себя в покое...» Ищите состояние молчания, покоя, хладнокровия, равновесия, где вы можете осознать Живого, иначе «...вы станете трупом и будете съедены. Иисус сказал:

«Двое будут лежать в постели: один умрет, другой будет жить».

Те же слова есть в Упанишадах. Там говорится, что на дереве было две птицы: одна, сидящая на нижней ветке, и другая, сидящая на верхней ветви. Птица на нижней ветви думает, тревожится, желает, соревнуется, копит, борется; она остается в беспокойстве, напряжении, она прыгает с ветки на ветку, всегда движется — все время в беспокойстве. Другая птица, которая сидит на более высокой ветви — в покое. Она так молчалива, как если бы ее не было. У нее нет желаний, она не грезит. У нее нет нужды удовлетворять что-то, как если бы все было удовлетворено, как если бы она уже всего достигла и некуда идти. Она просто сидит, наслаждаясь собой, и следит за птицей, сидящей внизу.

Это — два измерения в вас. Вы — дерево. И низшее — всегда встревожено. Низшее — это ваше тело, телесные нужды и желания, если вы полностью забываетесь в этом, вы становитесь одним. На более высокой ветви, на макушке дерева, сидит другая птица, которая является свидетелем, которая просто смотрит вниз на эту глупую птицу, которая прыгает в страданиях, тревоге, гневе, сексе — во всем, что с ней происходит. Эта другая птица — просто свидетель, она просто смотрит и смотрит, она — лишь наблюдатель. Вы — дерево. А если вы полностью себя забываете в этом, тогда вы становитесь единым. Вы — дерево.

Иисус говорит то же самое при помощи другого символа:

«Двое будут лежать в постели, — вы — постель, — один умрет, другой будет жить». Вы — постель, на которой двое, — «...один умрет, другой будет жить».

Теперь вопрос в том, кому будет уделено внимание. К кому вы будете двигаться, к кому будет течь энергия? Кто станет вашей целью?

Обычно это тот, кто умирает, он — ваша цель. Вот почему вы всегда в тревоге, потому что вы строите свой дом на песке. Он падает даже до того, как будет выстроен, он упадет и превратится в развалины. Вы всегда дрожите, потому что пишете по воде: до того, как вы закончите писать, это уже исчезло. Ваша тревога существует из-за вашей привязанности к царству смерти, и вы не смотрите на жизнь. И на любой постели спят двое, второй — просто свидетель.

Уделяйте ему больше внимания, обращайтесь к нему больше и больше — вот что означает обращение. Обращение не означает, что индуист становится христианином, или христианин становится индуистом. Это — глупость, вы просто меняете этикетки. Ничто не меняется, так как внутренний человек остается тем же, старым образцом. Обращение означает движение внимания от царства смерти к царству жизни. Это — поворот: смотрите

на свидетеля, становитесь одним со свидетелем, теряйте себя в свидетеле, в осознании, и тогда вы узнаете что, то, что умирает — умрет. Это не создает никаких бед, никаких проблем — вы знаете, что вы не умираете, страха нет.

Иисус сказал: «Двое будут лежать в постели: один умрет, другой будет жить».

И это зависит от вас. Если вы хотите оставаться в несчастьях, никогда не уделяйте внимания внутреннему; если вы хотите всегда оставаться в несчастьях, тогда оставайтесь на периферии. Не глядите внутрь. Но если хотите покоя, мирной вечности, истины, врата рая открыты для вас — смотрите внутрь. Это трудно — потому что это очень тонко. Там, где встречаются видимое и невидимое, где встречаются материя и дух — все очень тонко. Вы можете увидеть материю, но вы не можете увидеть дух, его нельзя увидеть. Вы можете увидеть, где заканчивается видимое, вы не можете увидеть невидимое. Тогда что же делать? Просто оставайтесь на границе видимого, и не смотрите на видимое, смотрите в противоположном направлении. Невидимое будет постоянно чувствовать-ся. Это — чувство, это не понимание, вы не можете увидеть его, вы можете его только почувствовать. Это — как ветерок: он приходит, вы его чувствуете, но увидеть его вы не можете. Это — как небо: оно — там, но вы не можете сказать, где; вы не можете его обозначить, вы не можете его коснуться. Оно — всегда там, вы — в нем, но вы не можете его коснуться. Оставайтесь на границе видимого, глядя в противоположном направлении. Вот в чем вся медитация. Когда бы вы ни нашли спокойный момент, закройте глаза, оставьте тело позади, и телесные дела, и мир смерти; рынок, офис, жену, детей — оставьте их всех. Сначала вы не почувствуете внутри ничего. Юм сказал: «Многие люди говорили о том, чтобы идти вовнутрь и смотреть. Когда бы я ни смотрел, я ничего не находил, лишь мысли, страсти, мечты, плывущие здесь и там — лишь хаос». Вы тоже почувствуете то же самое. И если вы придете к заключению, что нет ничего ценного в этом, будете идти вновь и вновь, чтобы увидеть этот хаос, тогда вы упустите.

Вначале вы увидите только это, потому что ваши глаза только это и могут видеть — им нужна настройка. Просто оставайтесь там, глядя на плывущие грезы. Они плывут, как облака в небе, но между двумя облаками иногда вы увидите голубизну; между двумя грезами, между двумя мыслями иногда будет проблеск неба. Только не спешите. Вот почему говорят, что если спешат — теряют.

Есть одно изречение в Дзен, которое гласит: «Торопись медленно». Это — правильно! Торопитесь, это верно, так как вы умрете — в этом смысле спешите. Но внутри, если вы слишком спешите, вы упустите, так как сделаете вывод слишком рано, до того, как ваши глаза привыкнут. Не делайте поспешных выводов.

Торопитесь медленно. Просто ждите! Идите, сядьте и ждите. Вновь и вновь новый мир невидимого приходит к вам и становится яснее. Вы привыкаете к нему, тогда вы можете услышать гармонию, мелодию, молчание, начинающее свою собственную музыку. Она всегда там, но она так тиха, что нужно хорошо тренированное ухо. Это не похоже на шум, это — как молчание. Звук внутри подобен молчанию, форма внутри похожа на бесформенность. Внутри нет времени и пространства, а все, что вы знаете — либо в пространстве, либо во времени. Вещи — в пространстве, события — во времени, а сейчас физики говорят, что эти вещи — не различны, время — всего лишь четвертое измерение пространства.

Вы знаете только время и пространство, мир вещей и явлений. Вы не знаете мира свидетельствующего «Я». Он находится за пределами обоих этих миров и не ограничен

пространством и временем. Есть продолжительность без времени, есть пространство без высоты, длины, ширины — это совершенно другой мир. Вам нужно будет к нему привыкнуть, так что не будьте нетерпеливым; нетерпеливость — самый большой барьер: я пришел к ощущению, что когда люди начинают работать над Внутренним, нетерпеливость — самый большой барьер. Нужно бесконечное терпение. Это может случиться в следующий миг, но нужно терпение.

Если вы нетерпеливы, это может не случиться за многие жизни, потому что само нетерпение не позволит вам положиться на то, о чем говорил Иисус, на спокойствие. Даже если вы надеетесь на что-то, это будет волнением. Если вы будете думать, что происходит нечто необычное, тогда ничего не произойдет. Если вы ожидаете, надеясь, что случится некое Просветление, вы его утратите. Не надейтесь! Все ожидания принадлежат миру смерти, измерению времени и пространства.

Никакие цели не принадлежат внутреннему. Туда нет пути, кроме ожидания, бесконечного терпения. Иисус сказал: «Наблюдайте и будьте терпеливы». И однажды, вдруг, вы станете просветленным. Однажды, когда произойдет правильная настройка, когда вы готовы, вдруг вы просветлены. Вся тьма исчезает, вы наполнены жизнью, вечной жизнью, которая никогда не умирает.

Изречение пятнадцатое...

Иисус сказал:

Я — Свет, который над всеми,

Я — Все.

И все вышло из меня,

и все вернулось ко мне.

Разруби дерево, Я — там;

подними камень, и ты найдешь меня там.

Поэт высшего

Иисус был обучен в одной из древнейших тайных школ, школе ессеев. Учение ессеев — это чистая Веданта. Вот почему христиане не имеют никаких записей о том, что происходило с Иисусом до тридцати лет. У них есть немного записей о его детстве, и записи после его тридцатилетия до тридцати трех лет, когда он был распят. Они знают некоторые вещи, но явление, подобное Иисусу — это не случайность; это длительная подготовка, оно не может произойти за один момент.

Иисуса постоянно готовили в течение этих тридцати лет. Сначала его послали в Египет, а потом он поехал в Индию. В Египте он изучал одну из древнейших традиций тайных методов, потом в Индии он узнал об учении Будды, Ведах, Упанишадах, и прошел через долгую подготовку. Эти дни неизвестны, так как Иисус работал в этих школах как неизвестный ученик. И христиане сознательно отбросили эти записи, им не понравилось бы, чтобы сын Бога тоже был учеником кого-то еще. Им не понравилась бы сама идея, что он был подготовлен, обучен, тренирован — это выглядит кощунством. Они думают, что сын Бога пришел уже совершенно готовым. Ни-кто не приходит совершенно готовым. Если кто-то совершенно готов, он не может прийти. В этом мире вы всегда появляетесь как несовершенство. Совершенство просто исчезает из этого мира. Совершенство — не от этого мира, не может быть от него — это против закона. Если кто-то совершенен, вся его жизнь вступает в вертикальное измерение. Это должно быть понятно: вы прогрессируете в горизонтальном плане, от «А» к «Б», от «Б» к «В» и так до «Я»; горизонтально, на линии, из прошлого — в настоящее, из настоящего — в будущее. Это — путь несовершенной души, подобно воде в реке, текущей с холмов в море — горизонтально, всегда оставаясь на своем уровне.

Совершенство движется по вертикали. Из «А» оно не идет к «Б», оно идет выше «А», потом — еще выше. Для тех, кто живет на горизонтальной линии, совершенство просто исчезает. Его там нет, потому что они ищут его в будущем или в прошлом. Они могут оглянуться, но совершенный человек — не там, они могут смотреть вперед, но и там его нет; его нет и здесь — потому что началась новая линия вертикальной прогрессии. Он идет выше и выше. Он движется в вечности, а не во времени.

Вечность вертикальна, вот почему вечное — сейчас, у него нет будущего. Если вы движетесь по линии, тогда будущее есть: если вы движетесь от «А» к «Б», «Б» — в будущем; когда «Б» становится настоящим, «А» уходит в прошлое, а будущее — «В». Вы всегда между прошлым и будущим, ваш настоящий момент — всего лишь переходная фаза: «Б» превращается в «В», «В» — в «Д»... все уходит в прошлое. И ваше настоящее — просто

отрезок линии, лишь маленький фрагмент. К тому времени, как вы осознаете его, оно ушло в прошлое. Душа, которая становится совершенной, движется в другом измерении: от «А» к «А1», от «А1» к «А2» — и это вечность, она и теперь живет в вечном. Вот почему она исчезает из мира.

Для того чтобы вступить в этот мир, вы должны быть несовершенны. В старых писаниях говорится, что когда человек приближается к совершенству — это бывало много раз — он должен оставить что-то несовершенное для того, чтобы вернуться и помочь людям. Другого пути назад нет.

Рассказывают, что Рамакришна был привязан к пище, просто одержим. В течение всего дня он думал о пище... Он мог говорить со своим учеником, но всегда, когда была возможность, он шел на кухню и спрашивал жену: «Что новенького? Что ты сегодня приготовила?» Даже его жена чувствовала себя смущенной много раз и говорила: «Парамаханса Дэва, тебе это не годится». А он смеялся.

Однажды его жена сказала: «Даже твои ученики смеются над этим и говорят: „Что за Освобожденный, наш Парамаханса?“ Он был настолько привязан к пище, что когда Шарада, его жена, приносила пищу, он немедленно вставал посмотреть в блюдо, чтобы увидеть, что она принесла. Он мог забыть обо всем, о Веданте, о Брахме, и иногда это всех очень смущало, ведь там были люди, которые не могли себе представить этого...

Вот однажды его жена стала настаивать: «Зачем ты это делаешь? Должна быть какая-то причина».

Рамакришна сказал: «В тот день, когда я это не сделаю, отсчитай еще три дня, и знай, что тогда я умру. В тот день, когда я остановлюсь, это будет знак, что я буду здесь еще только три дня».

Его жена засмеялась, ученики смеялись. Они говорили: «Это необъяснимо!» Они не могли уловить смысла.

Но все именно так и произошло. Однажды его жена вошла с пищей, а он лежал на своей постели, отдыхая. Он отвернулся — обычно он вскакивал, чтобы посмотреть. А его жена помнила, что он сказал, что проживет три дня с того момента, когда покажет свое безразличие к пище. Она не смогла удержать блюдо, блюдо выпало из рук, и она заплакала. Рамакришна сказал: «Но ведь вы же хотели, чтобы было так. Теперь не тревожьтесь об этом. Я буду здесь еще три дня». И на третий день он умер. Перед смертью он сказал: «Я был привязан к пище, как к части чего-то несовершенного во мне. Так, чтобы я мог быть здесь и служить вам».

Многие мастера поступали так. В тот миг, когда они чувствовали, что становятся полностью отрешенными, они держались за какое-нибудь несовершенство, только чтобы остаться здесь. Иначе этот берег не для них. Если все канаты разорваны, тогда их лодка плывет к другому берегу, тогда она здесь не останется. Им нужно оставить один канат, они должны поддерживать некие отношения, они должны избрать в себе какую-то слабость и должны не позволять ей исчезнуть. Круг не будет полным, останется разрыв. Из-за этого разрыва они могут здесь оставаться. Вот почему индуисты, буддисты, джайны, которые знают очень глубоко, ведь они видели многих Мастеров, хорошо знают, что совершенство — не для этого мира. В тот момент, когда круг завершен, совершенство исчезает из этого мира. Вы не можете его увидеть, это не в вашей плоскости, это уходит ввысь — туда вы проникнуть не можете.

Но чтобы сказать, что Иисус был совершенен, когда родился, христиане отбрасывают

все записи. Но Иисус был таким же искателем, как и вы, он был таким же горчичным зерном, как и вы. Он стал деревом, и большим деревом, и миллионы птиц небесных нашли в нем убежище, а был он таким же горчичным зерном. Помните, что и Махавира, Будда, Кришна — все они родились несовершенными, рождение принадлежит несовершенному. Нет рождения для совершенного; если вы совершенны, переселения нет.

Эта тренировка Иисуса ... поездка в Египет и Индию, учеба в индийских тайных обществах, потом буддийские школы, потом индийская Веданта — сделали его чужим для иудеев. Почему он стал таким чужим для них? Почему иудеи не могли его принять? Почему они не могли ему простить? — они и сейчас ему не простили. В чем причина? Он принес нечто чуждое, иноземное, он открыл некую тайну, которая не принадлежала нации. Вот почему его распяли.

Индуисты терпели Будду, так как что бы он ни говорил, это не было чужим. Он мог противоречить индуизму, но только поверхностному. Даже в своем противоречии он доказывал глубочайшую правоту индуизма. Он мог говорить, что истэблишмент неправ, он мог говорить, что организация неправа, что все последователи неправы, но он не мог говорить, что индуисты ошибаются в основном. Что бы он ни говорил, индуисты могли это понять, это не было иноземным, это не было чуждым. Что бы ни говорил Махавира, индуисты это просто терпели. Он мог быть революционным, но он оставался индусом. Будда всегда оставался индусом, он мог быть бунтующим сы-ном, но он принадлежал к индусам. Никто об этом серьезно не тревожился.

Но Иисус был не только революционер, он был чужой. Как это случилось, что он не принадлежал к иудеям? У христиан на это нет ответа. Откуда он взял свое учение? Из Египта и Индии.

Индия была источником всех религий, Индия была основным источником даже тех религий, которые против индуизма. Почему так получилось? Индия — самая старая цивилизация, и весь разум Индии трудился и трудился в направлении религии. За тысячи лет вы не стали способны научить Индию какой-нибудь тайне относительно религии — нет никаких неизвестных тайн, они знают все. Они открыли все, они совершили полное путешествие по пути. Так что, если есть что-то прекрасное в религии, вы можете быть уверены, что это каким-то образом вышло из этого источника, так же, как греческий ум является источником науки. Все научное развитие пришло из гре-ческого ума, логического ума, аристотелианского ума; а весь мистицизм пришел из Индии. В мире существует лишь два типа ума: греческий и индийский.

Если у вас в основном греческий ум, невозможно понять Индию вообще, она выглядит абсурдной. Что бы они ни сказали, выглядит бездоказательно; какие бы утверждения они ни делали, они выглядят бессмысленными. Аристотель будет абсолютным иностранцем в Индии, потому что он верит в определения, ясные разграничения, различия. Он верит в закон противоречия, что две противоположные вещи не могут быть вместе. «А» не может быть одновременно «не-А», это невозможно, — человек не может быть одновременно живым и мертвым, это не-возможно. По-видимому, он прав.

Индийцы верят в противоречие. Они говорят, что человек и жив, и мертв одновременно, так как жизнь и смерть — не две различные вещи, вы их не сможете разделять. Греческий ум — математичен, индийский ум — мистичен. Весь мистицизм пришел из Индии, так же как солнце восходит на востоке, а Индия — его сердце. Что-бы понять эту притчу, вы должны обратиться к Упанишадям, корни — там. Вы не найдете ничего подобного в Ветхом Завете

или в других иудейских писаниях, откуда бы это изречение могло бы прийти. Вот почему иудеи не могут поверить, что Иисус это говорил. Иисус говорит снова и снова: «Я пришел не нарушить старые писания, но исполнять их». Но какие писания, что за писания? Этого он никогда не говорил. Если он пришел исполнить Ветхий Завет, тогда его утверждение неверно, он почти всегда противоречит Ветхому Завету. Ветхий Завет построен на мести: Отец, Бог — очень мстителен. Страх — основа Ветхого Завета и его религии: вы должны быть богобоязненны. А Иисус говорит: «Бог — это любовь». Вы не можете бояться любви, там, где любовь, не может быть страха. А если у вас — страх, как вы можете любить? Страх отравляет любовь, страх — это смерть для любви. Как вы можете любить того, кого боитесь? Страх может создать ненависть, но не может создать любви.

Итак, религиозный человек в Ветхом Завете — богобоязнен, а в Новом Завете религиозный человек боголюбив. Любовь и страх — полностью различные измерения. Иисус говорил: «Сказано, что если кто-то повредит твой глаз, вырви ему оба глаза. Но я говорю вам, если кто-то ударит вас по щеке, подставь ему другую щеку. Это абсолютно против иудеев; это не в их традиции. Поэтому когда он говорит: Я пришел исполнить писания», — какие писания он имеет в виду? Если он был в Индии и сказал: «Я пришел исполнить писания», — мы могли бы это понять, так как Упанишады, Дхаммапада — изречения Будды — они построены на любви и сочувствии, — это их он пришел исполнять.

Но иудейские писания вовсе не построены на сострадании и любви, они построены на страхе и вине. Вот почему, чтобы не говорил Иисус, иудеи хорошо понимали, что: «Он пришел исполнить не наши писания». Вы не можете найти в Ветхом Завете изречений, подобных этим:

«Я — Свет, который над всеми, Я — Все. И все вышло из меня, и все вернулось ко мне. Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь меня там».

Вы найдете тысячи изречений, подобных этому, в Упанишадах, в Гите, у Будды, но вы не обнаружите никакой параллели в Ветхом Завете. Так какие же писания он пришел исполнять? Он пришел исполнить какие-то другие писания, другую традицию. Это изречение — абсолютная Веданта, так что попытайтесь понять основную мысль Веданты, тогда вы будете способны понять основную мысль этого изречения. Иисус был рожден евреем, жил, как еврей, умер как еврей, но все это было так или иначе связано с телом. В другом смысле Иисус был чистым индуистом, и вы не сможете найти более чистого индуиста, чем Иисус, так как основа религии Упанишад — это его основа. Он создал всю свою структуру на этой базе, так что постарайтесь понять, в чем она состоит.

Иудеи говорят: «Бог есть создатель, а эта Вселенная — это создание, и создание никогда не может стать Создателем». Как может картина стать художником? Как может поэма стать поэтом? Невозможно! И если поэма пытается стать поэтом, поэма сошла с ума; если картина пытается доказать: Я художник, — она неправа. Человек — творение, а Бог — творец. И эта дистанция не может быть преодолена целиком, всегда будет оставаться промежуток. Вы можете подходить к Богу ближе и ближе, но вы никогда не станете Богом. Это — основа иудейской мысли. А мусульмане переняли это у иудеев. Мусульмане — большие иудеи, чем Иисус — по мысли, по способу мышления; Магомет ближе к Моисею, чем Иисус. Магомет не выучился многому у индуистов.

Но Веданта говорит: «Бог есть создание, нет разницы между Богом и творением. Он не создает Вселенную подобно поэту, творящему поэму, отношение подобно танцору и танцу, они остаются одним: если танцор остановится, танец исчезнет; а если танец исчезает, он

больше не танцор. Вселенная не отделена, она едина с ним. Вселенная не создана во времени, она творится в каждый момент, потому что она и есть бытие Бога. Так же, как вы движетесь, поете, любите, так же и Бог творит — он творит в каждый момент. И творение никогда не отделено, оно — Его движение. Его танец». И вот почему Упанишады могут сказать: «Ахам Брахмасми». Упанишады могут сказать, что искатели, которые познали этот секрет, вправе сказать: «Я есть Бог». И никто не считает, что это богохульство — это истина. Иудеи никогда не могут сказать: «Я есть Бог», — это богохульство. Ничего не может быть хуже этого утверждения. Вы пытаетесь быть Богом? Тварь пытается быть Богом? Раб пытается утверждать, что он — хозяин? Это эгоизм! То, что для Веданты — чистая религия, для иудеев — эгоизм, для мусульман — тоже. Веданта говорит, что это — не эго, так как чувство «Я — Бог» может быть лишь в том случае, когда «Я» исчезло полностью. Когда вас больше нет, тогда дом свободен, и лодка пуста, тогда вы вдруг становитесь знающим, что вы — Все. Если есть вы, как вы можете подумать, что вы — Все? Если есть вы, тогда в вас есть граница, личность, тогда ваше утверждение фальшиво. Когда «Я» исчезает, когда отсутствует эго, только тогда вы чувствуете, что вы — все. Заявление Иисуса пришло из Упанишад.

Первое, что нужно помнить: творение и Творец — не различны, они едины.

Второе, что нужно помнить: обычная математика говорит, что часть никогда не равна целому, часть не может быть целым. В механизмах это так: возьмите часть вашей машины — она не может быть всей машиной, это совершенно ясно; вы можете отрезать себе руку, ваша рука — это не вы. Часть не может быть целым, это обычная логика. И если мир — механическая вещь, тогда это правда.

Но Веданта говорит, что бытие — органично, а не механично. В органическом единстве применима другая математика: часть есть целое. Это величайший абсурд. Вот почему они могут сказать: «Я — Бог, так как я — лишь часть, Бог — все». Но как часть может быть целым? Это величайшая нелепость! Если между мной и бытием механические отношения, тогда это невозможно. Но если есть органическое единство, тогда это возможно. А так оно и есть.

Вы существуете, не как отдельное образование, полное в себе. Нет! Вы существуете не как остров, вы существуете, как волна в океане, органическое единство, вы — едины с океаном: Океан движется и «волнуется» в вас, — вы не сможете существовать без океана. А если вы понимаете глубоко, океан не может существовать без вас, вы связаны вместе. Вы можете сказать, что океан присутствует в каждой волне, и что океан — ничто иное, как всеобщность всех волн. Так что волна — не отделена, вы не можете из океана забрать волну и принести ее домой, чтобы показать вашим детям: «Я пошел к океану и принес волну», вы не сможете принести волну. Вы можете принести воду, но это не будет волна, она не будет живой.

Посмотрите на океан, когда на нем волны: они живы, океан — их жизнь. Когда они вздымаются на сотни футов, достигают неба, это океан достигает через них. Вы можете не видеть океана, вы можете видеть лишь волну, но вы не сможете отделить волну от океана — они органично едины.

Веданта говорит, что творение органично едино с Творцом, мир не может существовать без бога. Это может быть понятно и иудеями, и мусульманами. Но индуисты говорят еще кое-что, вторую часть: что Бог не может существовать без мира. Для иудеев это — богохульство. Что вы говорите? Что Бог не может существовать без мира? Да — Он не может

существовать. Для него существовать — невозможно. Если Он — Творец, если творчество — его качество, как Он может существовать без Вселенной? Когда Ничего не сотворено, как вы можете быть Творцом? Мир зависит от него. Он зависит от мира; это взаимозависимость. Мир не независим от него, и Он не независим от мира! Есть отношения глубокой любви: они зависят друг от друга, они наполняют друг друга, они — одно. Наполнение так всеобщее, что вы не сможете разделить и отделить их друг от друга.

Так что провидец, тот, кто пришел к знанию, может провозгласить:

«Ахам Брахмасми, Ана-эль-Хакк, — Я есть Бог». И когда он говорит это, он просто говорит: «Я и бытие — не разные вещи». Он говорит: «Вы найдете меня всюду: куда бы вы ни пошли, вы найдете меня. Форма может быть иной, но я буду там». Вот о чем говорит Иисус: «Разруби дерево, я — там...». Как там может быть Иисус? Вы не сможете найти форму, вы не сможете найти там сына Марии и Иосифа, вы не сможете найти этого сына плотника там, если вы разрубите дерево. Что же вы тогда найдете? Вы найдете бытие — и он говорит: «Я — бытие. Моя форма может меняться, но не я».

«Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь меня там».

Это — чистая Веданта — органическое единство. Вот почему индуисты — единственные в мире, кто не особенно заботится о храмах, они могут сделать храм где угодно. Просто под деревом они поместят камень — любой камень, даже не обработанный — они покрасят его в красный цвет, и Бог — там, они могут ему поклоняться. Достаточно любого дерева, реки, горы, все годится, потому что: «Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь меня там», — так что о чем тревожиться?

Лишь индуисты избавляются от своих богов. Они делают бога на две-три недели, они ему поклоняются, и когда поклонение окончено, они идут к океану и избавляются от Бога. Вы не можете и подумать, что мусульманин избавляется от Бога, что иудеи избавляются от Бога. Чем вы занимаетесь? Избавляетесь от Бога в океане? Вы еретик? Вы сошли с ума? Только индуисты могут сделать это, они говорят, что океан — тоже Бог. И зачем носить Бога слишком долго? Когда функция закончена, избавьтесь от него, ведь Он — везде, во всем. И мы можем сделать его вновь, в любое мгновение — подойдет любой камень. Бытие, а не форму Иисуса вы найдете везде. И эта «Бытийность» — это то, что нужно понять: «бытийность» — Бог.

Когда цветет дерево — это Бог цветет, когда прорастает зерно — это Бог прорастает, когда течет река — это течет Бог. Бог — это не личность. Если Бог — личность, тогда есть проблема, а у иудеев была идея, что Бог — личность. Бог — это «не-личность»: Он — чистое бытие. Он — существование само по себе, Он существует во всем, но вы не можете найти его ни в чем частном. У него нет жилища, вы не можете прийти и постучать, у Него нет адреса, вы не можете написать ему письмо. Он нигде, так как Он — всюду. Вы не сможете указать место, где он, вы не можете сказать: «Бог — здесь», — потому что это будет неверно. Только то, что имеет форму, что имеет отличие от других вещей, может быть точно указано. Как вы можете указать на нечто, у чего метаформы, что является всем и распространяется повсюду?

Но у иудеев есть концепция очень личного Бога. А когда есть личность, есть и эго. Иудейский Бог очень эгоистичен — весьма эгоистичен. Если вы слушаетесь Его, вы будете вечно страдать в аду. Это очень серьезно: Бог становится диктаторской силой, и все бытие становится рабством. Тогда свобода — не для вас, свобода — природа Бога, но не ваша. Рабство — это ваша дисциплина. Иисус говорит совершенно противоположное, что Бог —

это не личность, Бог — это энергия, сама жизненная сила; то, что Бергсон называл алан виталь, существование как таковое. А когда нечто существует, существует и Бог, ничто больше не может существовать. В этом и была трудность, Иисус не мог быть понят — и он должен был быть распят. Даже если бы он говорил: «Я — Сын Бога», — иудеи могли бы его простить, но он заявлял больше. Когда его ученики настроились на него, он пошел даже дальше.

В этой притче он говорит: «Я — Свет, который над всеми...» Он не говорит, что он — сын, здесь он говорит, что он — Отец: «Я — Свет, который над всеми, Я — Все...» Здесь он говорит: «Я — Бог, а не сын».

«... все вышло из меня, и все вернулось ко мне. Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь меня там».

В этой притче он заявляет: «Я — Бог, а не сын божий». Даже сына можно простить, различие остается: отец остается истоком, сын — лишь продукт. Они могут быть в глубокой близости, но сын остается сыном, отец остается отцом. Различие сохранено, и сын должен повиноваться отцу. Связь существует — это не отношение раба и хозяина, но сына и отца — более близкие, но все же отношения; они остаются двумя.

Эта притча не записана в Библии — не может быть записана. Он мог это заявить только своим ученикам; только тем, кто был с ним очень близок, был способен понять. Это не может говориться на рыночной площади. Там он говорит: «Я — сын Бога». Ученикам он говорит: «Я — Бог, а не сын. Я источник всего, Я — альфа и омега. Все исходит из меня, и все возвращается ко мне».

Это — чистая Веданта. Вы не сможете найти заявлений, подобных этому, где-нибудь еще, вы должны будете обратиться к Гите и Упанишатам. Это — то, что говорит Кришна Арджуне: «Я — все, источник всего. Все приходит из меня и растворяется во мне. Отбрось свое эго и припади к моим ногам». Это похоже на то, что говорит Кришна.

Есть традиция, прекрасная традиция — я не знаю, насколько ее можно доказать, но она прекрасна и не нуждается в доказательстве: что слово Христос — просто форма слова Кришна. Это возможно: в Бенгалии Кришна звучит как Кристо, потому что Кристо — это не имя человека, Кришна — это его совершенное достижение, подобно тому, как Будда — это не имя, а абсолютное достижение, когда кто-то становится Просветленным. Слово Будда означает того, кто пробудился. Что означает Кришна? Это слово означает того, кто стал центром мира. Кришна означает магнетический центр, который притягивает, кто теперь является центром всего бытия. Христос имеет то же значение. Мария назвала своего сына Иисусом. Христос было добавлено, когда он стал центром мира. В этом заявлении он говорит: «Я — центр. Все исходит из меня, все возвращается ко мне. Если вы удаляетесь от меня, тогда не должны достичь меня». Возможно, что Христос — просто форма Кришны. Это весьма многозначительно, так как заявления Кришны в Гите и утверждения Иисуса, подобные этому, в точности одинаковы.

Третье, что должно быть понято в Веданте, это, что она принимает вас такими, какие вы есть, потому что отрицание будет означать отрицание самого Бога. Отрицание означает, что должно быть что-то сделано: как вы есть, вы плохи, что-то должно быть отброшено. Такие, как вы есть, вы неприемлемы, вы нежелательны. Вы должны измениться, только тогда вы станете приемлемы.

Веданта говорит, что вы приемлемы такими, какие вы есть. Ничего не надо делать — сама идея делания была причиной вашего несчастья. Идея делания — причина вашего

несчастья, потому что все, что бы вы ни делали, приведет вас к миру. Вот почему индуисты говорят, что из-за кармы, — карма означает делание — вы в мире. Кар-ма не означает делать плохое, карма означает просто «делать». Из-за того, что вы уделяете слишком много внимания деланию того или другого, вы в мире.

Не уделяйте слишком много внимания деланию, уделяйте внимание бытию. Не думайте, что нужно сделать, просто думайте, кто вы есть. Веданта аморальна; она не заботится о моральности и неморальности. В ней нет десяти Заповедей; она не отдает вам никаких приказов, она не говорит в терминах долженствования. Она говорит, что такие, как вы есть, вы хороши, прекрасны, истинны. Проблема не в том, что другие отвергают вас, проблема в том, что вы отвергаете себя. А если вы отвергаете себя, вы в порочном круге. Тогда вы будете пытаться улучшить себя, а ничто не может быть улучшено, так как вы — Сам Бог. Тогда вы будете в несчастье, так как вас невозможно улучшить.

Такие, как вы есть, вы Божественны, как может быть улучшено Божественное? И если вы пытаетесь улучшить Божественное, вы идете от одной жизни к другой, улучшая и улучшая, и никогда не происходит никакого улучшения, вы остаетесь все тем же. Это похоже на бег на месте: вы задыхаетесь, тяжело дышите, делаете такую большую работу, вы думаете, что быстро бежите, чего-то достигаете — а вы просто бежите на одном месте.

Вся ваша жизнь — это бег на месте. Вы не оказываетесь нигде, потому что идти некуда; вы не улучшаетесь, потому что себя невозможно улучшить. Предельное, которое внутри вас, вы не сможете улучшить — нет «дальше» этого, нет «лучше» этого. Вот что говорит Веданта: вы Божественны. Это должно быть понятно, а не сделано; вы просто должны взглянуть внутрь и понять, кто вы есть. Проблема не в том, что вы плохи, а в том, что вы не смотрите на себя; проблема в понимании, а не в действиях. Проблема в правильной перспективе, откуда вы сможете увидеть себя.

Это как если бы алмаз учили, как стать драгоценным камнем. А если алмаз получает такую идею и начинает стараться стать драгоценным камнем, именно эта идея и станет преградой. Все усилия, которые может сделать алмаз, будут напрасными, ведь он уже самый драгоценный камень. Когда алмаз придет к пониманию тщетности своих усилий, он отринет все усилия и станет сознать, кто он есть. Тогда проблема будет разрешена.

Я слышал, что однажды в кабинет психиатра вбежал человек и сказал: «Доктор, вы должны мне помочь: я больше так не могу. Мне отказывает память. Я не могу вспомнить даже того, что было вчера. Я даже не могу вспомнить, что я говорил сегодня утром. Помогите мне, я схожу сума!»

Психиатр спросил: «Когда все это началось? Когда вы начали сознать проблему?» Человек выглядел сбитым с толку, он спросил: «Какую проблему?» Он уже забыл. В этом вся проблема: вы забыли себя. В этом вся проблема.

Чтобы вы ни делали, вы будете творить карму, а карма — это круг, колесо: одна карма ведет к другой — «А» к «Б», «Б» к «В» — вы движетесь от одной части колеса к другой. Это — колесо, оно крутится и крутится. Карма никогда не приведет вас к освобождению, потому что вы уже освобождены. Это наиболее трудная вещь для постижения — вы уже свободны.

Люди приходят ко мне, и я вынужден говорить им, делать то или другое, потому что они не поймут, что они уже освобождены. Я должен говорить им, чтобы они делали то или другое только для того, чтобы утомить их, лишь для того, чтобы они однажды стали настолько утомленными от усилий, чтобы прийти ко мне и сказать: «Я не хочу ничего делать». Только тогда я могу сказать, что нет нужды делать что-либо. Но вам, когда вы

пришли, в самом начале, нужно много делать. Если я скажу, что делать нечего, вы уйдете и пойдете к кому-нибудь еще, кто может сказать, что нужно делать.

Ничего не надо делать. Совершенно такие, какие вы есть, вы уже Божественны. Это — Веданта. Это — не нравственность, это — чистая религия. Вот почему в мире не так уж много ведантистов — их не может быть много. Вот почему Веданта не стала мировой религией, подобно христианству или исламу. Это невозможно, так как у вас есть глубокая потребность что-то делать. И если кто-то говорит: «Ничего не надо делать, вы — уже Брахма, вы уже божественны», — вы не будете слушать его. По-вашему — он говорит ерунду, потому что вы не принимаете себя, вы отвергаете. Вы должны достичь цели.

Почему так происходит в человеческом разуме? Это происходит еще в детстве. Каждый проходит через одно и то же детство, отличаются лишь тривиальные вещи. На самом деле в детстве есть один основной элемент, и этот элемент создает всю проблему. Дело в том, что ни один ребенок не принимается таким, каков он есть. Ребенок рождается ... каждый был ребенком — и тут же общество, родители, мать, отец, братья — все люди вокруг вас начинают вас изменять, делать вас более прекрасным, делать вас более нравственным, делать вас лучше. Такие как вы есть, вы плохи, что-то должно быть сделано, только тогда вы будете приемлемы.

И ребенок снова и снова начинает чувствовать, что он неприемлем. Если он делает что-нибудь хорошее, тогда он приемлем, если он делает что-то не так, тогда его отвергают. Если он следует за вами, подчиняется — он приемлем; если он непослушен, — никто его не любит, каждый начинает сердиться, его ненавидят. Он учится одной вещи: что вопрос в действиях, а не в бытии. Делай правильные вещи, и все будут тебя любить; делай неправильные — и каждый будет тебя отвергать, сердиться, ненавидеть, будет против тебя. В тебе — суть. Делай что-нибудь правильное, и мир будет приветлив, делай что-нибудь неправильное — и все двери закрыты. А если закрыты даже двери матери и отца, даже если те, кто любит тебя, не могут увидеть сущности ребенка, что же говорить об этом чуждом мире...?

Ребенок учится одной вещи: для того, чтобы существовать в этом мире, вы всегда должны делать правильные вещи и никогда — неправильные, основным является то, как вы себя ведете. Это создает глубокое отрицание себя, потому что неправильные вещи продолжают происходить — только говоря, что нечто неправильно, это не отбросишь, это продолжает происходить. Тогда ребенок начинает чувствовать себя виновным, он отвергает себя. Он говорит: «Я — нехороший. Я плохой ребенок, плохой мальчик, плохая девочка». А проблема в том, что вещи, которые мы называем неправильными — естественны, так как ребенок не может их отбросить, они упорно происходят.

Каждый мальчик, каждая девочка начинает играть со своими половыми органами. Это приятно, это дает чувство удовлетворения, все тело чувствует блаженство. И в тот момент, когда ребенок касается своих половых органов, каждый его немедленно останавливает — каждый чувствует смущение. Отец, мать остановят его, они могут даже связать ему руки; теперь ребенок чувствует себя в глубоком замешательстве. Что делать? Ему нравится чувство, происходящее из касания, он им наслаждается, он чувствует, что оно прекрасно, но если он будет следовать этому чувству, то все отвергнут его. Он плохой ребенок, они накажут его, а сила на их стороне — что делать?

«И такие плохие вещи происходят со мной» — думает ребенок — «Наверно, только я делаю такие плохие вещи, больше никто». А он не может знать о других, вот он и чувствует вину: «Весь мир хорош, только я виноват». Это — глубокая проблема.

Ребенок не хочет есть, потому что он лучше знает, голоден он или нет. Но вы следуете медицинской установке, ведь врач говорит, что ребенка нужно кормить каждые три часа. Так написано в книгах, а вы читали книги, вы — просветленный родитель, так что через каждые три часа, по звонку, вы должны кормить ребенка. Посмотрите на детей, когда их насильно кормят: они отвергают еду, они не открывают ртов, молоко течет мимо — они все отвергают. Они не будут даже глотать, они знают свои потребности. Они не живут по рутине, по часам, они не знают, о чем говорит ваша медицинская наука. Они не голодны — вот и все — а вы их насилуете пищей. А когда они голодны, и плачут, вы не дадите им пищи, так как это неподходящее время. Кто решает? Ребенок или вы?

Если решаете вы, тогда вы создадите чувство вины в ребенке, он будет думать, что что-то не так: «Когда я чувствую голод, я не должен его чувствовать. Когда я не голоден, я должен чувствовать голод». Блаженный Августин сказал: «Боже, прости меня так как, то, что хорошо, я никогда не делал, а то, что плохо, я всегда делаю». Но это — молитва любого ребенка. Тогда создается вина: ребенок не чувствует, что ему надо в туалет, а вы его принуждаете. «Туалетная тренировка», — во многом создает вину, вы не представляете, что вы делаете.

Если ребенок не чувствовал ничего, как он может идти в туалет? Попробуйте сами, что вы можете сделать, если вы не чувствуете нужды? А если ребенок не чувствует... вы принуждаете, убеждаете, уговариваете, подкупаете, вы пробуете любой возможный метод. Вы создаете вину.

Ребенок чувствует вину — что-то плохо, что-то не так — и ничего не может с этим поделать. Он не знает, так как тело не имеет воли, это не волевой феномен. Ребенок не хочет спать, он чувствует себя совершенно бодрым, он хочет убежать из дома в сад, а вы говорите: «Иди спать». Что бы вы смогли сделать, если бы вам велели спать, когда не хочется?

Можно закрыть глаза, но когда отец, мать ушли, ребенок просто остается с самим собой. Что делать? Как следовать приказу? Как быть хорошим?

Вновь и вновь создается грех, и маленький ребенок отравлен. Он начинает осознавать, что: «Я нехорош, все, что я делаю — плохо». Когда он играет, он плох, он шумит и вас беспокоит. Когда он тихо сидит в углу, что-то не так: «Ты что, болен?» Он всегда неправ только потому, что он беспомощен, а вы — сильны. Он постоянно угнетен, он не может оценить, что делать и чего не делать. И вновь и вновь он отвергает все, что плохо, и принуждает себя ко всему, что, как думают, хорошо. Он становится маской, и глубоко в подсознании носит все эти раны в течение всей жизни.

Вот почему, когда я говорю: «Такой, какой вы есть, вы — Бог» — вы мне не верите. Вы даже не хороши — как вы можете быть Богом? Бог означает предельное добро. Вы даже не хороши самым обычным образом — как вы можете быть Богом? Бог означает — предельное добро. Вы не будете меня слушать, вы пойдете к какому-нибудь учителю, который будет вас обвинять, который будет говорить, что вы виновны, что вы, — великий грешник. Тогда вы будете в покое: он прав, ведь это — то, что вы и сами чувствуете. Вот почему вы поклоняетесь тем людям, которые вас обвиняют, которые смотрят на вас, как на червей — уродливых и грязных. Если вы видите массу последователей вокруг так называемого святого, вы всегда найдете причину этому: он всех обвиняет. Он говорит: «Вы — грешники, и если вы не слушаете меня, вы попадете в ад». Он чувствует себя абсолютно правым, он согласен с вами в вашем чувстве вины. Так что, когда он вас обвиняет, вы чувствуете себя хорошо.

Что за абсурд! Какая чепуха! Вы чувствуете беспокойство, если вам говорят: «Вы хороши, я принимаю вас — кем бы вы ни были — какой вы есть. Божественное избрало этот путь, чтобы быть, в вас. Божественное избрало этот путь. Божественное существует в вас таким образом — и я принимаю вас, я не отрицаю никакой части. Я принимаю ваш секс, ваш гнев, я принимаю вашу ненависть, вашу ревность. Я принимаю вас в вашей целостности, потому что через это приятие целостности достигается Единый — и этот Единый немедленно превосходит всю ревность, гнев, секс, алчность. Никто не может преобразовать алчность — он должен стать Единым, тогда есть преображение».

Вот почему Иисус не мог быть прощен, иудеи — величайшие создатели вины. Этим занимается весь мир, но никому не сравниться с иудеями. Весь мир существует, по их мнению, из-за того, что Адам и Ева совершили первоначальный грех. Вы рождены Адамом и Евой из-за их греха, человек рождается в грехе — грех остается основополагающей концепцией. Как им принять, что вы — Бог? Вы можете быть близко к Богу в своем раскаянии, в самоизменении, если вы становитесь хорошими. Тогда Бог — Отец примет вас. Иначе такие, как вы есть, вы не можете быть приняты, вы должны быть далеко отброшены от Бога.

В чем был грех Адама и Евы? В непослушании... Но почему Бог так одержим послушанием? Потому, что таков каждый отец. А ваш Бог — не что иное, как космический отец. Зачем Богу быть столь одержимым послушанием? Разве он не может немного пошутить? Разве он не может немного поиграть со своими детьми, наслаждающимися собой? Разве он не может быть не таким серьезным? И что они сделали? Просто съели одно яблоко с дерева, что им было запрещено; Бог кажется очень эгоистичным, ведь это всегда одержимо послушанием: «Следуйте за мной, Я — правило. Если вы не слушаетесь, вы раните мое эго». Но у Бога нет никакого эго, Он не может настаивать на послушании. Должно быть, священники, а не Бог, создали всю эту историю.

И затем вы чувствуете вину. Вы родились в грехе, с самого своего рождения вы грешник. Все, что вам остается, это полировать себя, обрезать себя здесь и там и делать себя приемлемым.

Веданта говорит, что вы не грешник, вы можете быть невеждой, но не грешником. Это совсем иное отношение: Бог не против вас, вы можете быть против Бога, но Он вам не мстит. Если вы невежда, вы сами себе вредите. Это совершенно иная позиция, что невежды сами себе вредят. Если вы спросите индуистов, они вам скажут, что вы можете попасть в беду, из-за того, что съели плод с дерева невежества, но не знания. Человек может быть невеждой — он им и является — так как он не осознает свою сущность — а тогда все идет неправильно. Но это не грех.

Итак, религия означает привнесение большего света, большего знания, большей сознательности, а не большей моральности, большей добродетели. Добродетель — побочный продукт. Когда вы сознательны, приходит и добродетель, она следует, как тень. Когда вы не сознательны, приходит грех, ибо невежество ни к чему иному не приводит, оно может только совершать ошибки.

Грех подобен ошибке. Это как складывать два и два и получать пять. Но это не грех! Если кто-то думает, что два плюс два будет — пять, не решите же вы, что теперь за это его нужно навечно ввергнуть в ад? Это просто ошибка, но не грех. Его нужно научить, он просто не знает математики, вот и все.

Веданта говорит, что вы просто несознательны, невежды по отношению к себе. Если вы

станете сознательны, вы уже Бог. Нет Бога, кроме вас, иного, чем вы. Но это не эгоистическое утверждение, так как это может про-изойти только тогда, когда «Я», центр, исчезло, и вы стали Всем.

Иисус сказал: «Я — Свет, который над всеми, Я — Все. И все вышло из меня, и все вернулось ко мне».

«Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь меня там».

Это одно из самых поэтических изречений. Мне хотелось бы сказать, что человек, подобный Иисусу, более по-хож на поэта, чем на философа, теолога или математика. Он более похож на поэта, и если вы утратите его поэзию, вы полностью утратите его послание. Когда поэт что-то говорит, вы можете ему что-то простить, вы скажете: «Это — поэзия». Но если нечто утверждает святой, вы принимаете это всерьез, потому что большее ставится на карту.

Иисус — поэт, поэт Высшего. И все те, кто достиг Высшего, поэты. Язык математики очень скуден, он не может многого выразить. Он очень точен, и из-за этого скуден. Поэзия — не точна, не определена, вот почему с ее помощью можно сказать больше. Но с поэтом вы всегда должны помнить: он говорит о тайнах.

Индуисты никогда не убивали ни одного Просветленного. Почему? Потому, что все, высказанное ими, они воспринимали, как поэзию, которую не нужно анализировать, это было бы глупо. Если, например, вы придете к Иисусу и скажете: «Хорошо, ты говоришь, что ты — Свет, который над всеми, ты говоришь, что ты — Все, ты говоришь, что все изошло из тебя и все вернулось к тебе; — докажи это нам. Прикажи солнцу уйти, или сотвори другую луну сегодня ночью, только тогда мы тебе поверим», — вы проявите собственную глупость. Ведь поэти-ческому высказыванию нельзя давать буквальное толкование, это не научное утверждение.

Из-за этого христиане постоянно пытаются доказать, что он творил чудеса: превратил камни в хлеб, оживил мертвого, вернул зрение слепцу, исцелял прокаженных... Зачем так настаивать на чудесах? Ведь мы никогда не интересовались Буддой как чудотворцем, никого никогда не заботило, делал ли он чудеса. Почему же так настаивают в случае Иисуса? Если докажут, что он не творил чудес, отправная точка исчезнет — тогда исчезнет христи-анство.

Христианство зависит не от Иисуса, а от чудес Иисуса. Если вдруг докажут, что он никого не воскрешал, не исцелял слепца, не лечил проказу, христианство сразу исчезнет. Не будет ни церкви, ни Папы, все уйдет, потому что они не зависят прямо от Иисуса, они зависят от чудес. Чудеса доказывают, что он — сын Божий.

Никакие чудеса не могут ничего доказать. Чудеса в действительности доказывают невежество тех, кто ими впечатляется, и ничего другого. Насколько я знаю, Иисус никогда не делал ничего подобного. Он был не настоль-ко глуп, чтобы творить чудеса для того, чтобы вы убедились. Чудеса, которые происходили вокруг него, имеют гораздо большее значение, чем вы можете себе представить. Да, слепые начинали видеть, но это не связано со зри-тельными органами, это связано с более глубокой, духовной слепотой. Да, умершие воскресали, но это не о телах, это о вас. Это вы думаете, что вы живы, а живыми не являетесь. Он сделал живыми многих мертвецов, он привел их в жизнь из их трупоподобного существования. И это — величайшее чудо, ведь иное чудо может быть сотворено медицинской наукой, она, собственно, уже делала такое.

В Советской России во время Второй Мировой Войны оживили шестерых людей. И успешно — двое или трое из них по-прежнему живы. Это может быть сделано медициной в

любой момент. В этом ничего нет... И если медицина способна это делать, зачем тогда ваш Христос — чудотворец? Тогда он может быть хорошим врачом, ученым, но не Просветленным человеком.

Глаза можно исцелять, их научатся исцелять. Тело — это не главное, главное, в действительности, тела не касается. Иисус творил чудеса, но эти чудеса были духовными, они касались сущности. Вы слепы, так как не можете видеть себя. Какие у вас глаза, ведь вы не видите себя?

Иисус делал людей зрячими, он смотрел во внутренний мир, и он давал глаза истинные — но не те, которые смотрят на мир. Это должно понять. Он никогда не творил никакого хлеба, ни из какого камня, это глупости. Но последователи искали чудес, ибо они не могли увидеть Просветления, они не могли увидеть Христа. Кришна для них невидим, они могут увидеть только камень, превращающийся в хлеб. Они могут верить только в этот мир, и доказательство для них — это когда что-то сделают с материей. Вот почему они больше следуют за магами, чем за Просветленными, они следуют за людьми, которые могут делать трюки. А все трюки бесполезны, они не доказывают ничего, кроме вашего невежества, они доказывают, что другой человек хитер и эксплуатирует вас.

Иисус не хитер, такого невинного человека не найти. Он не хитрый, он не чудотворец, не маг и не интересовался эксплуатацией вашего невежества. Кроме того, подумайте, если бы он действительно все это делал: превращал воду в вино, камни в хлеб...

Я слышал об одной женщине, которая перевозила в сумке виски через границу. На таможне у нее спросили, что у нее в сумке. Она сказала, что это — святая вода.

Дежурный таможенник был подозрительным, вот он и сказал: «Я хотел бы взглянуть, знаете, люди, везущие святую воду, всегда вызывают недоверие. Достаточно „воды“! Зачем еще „святая“? Он посмотрел — и то было виски. Он сказал: „Что, это — вода?“

А женщина сказала: «Господи! Мы вновь увидели чудо!» Иисус превращал воду в виски? Он оживлял мертвых? Лазарь встал из гроба? Глаза становились зрячими? Люди, которые не могли ходить, видеть, слышать, начинали ходить, видеть, слышать? Если бы эти чудеса действительно происходили, евреи, безусловно, поверили бы, что он сын Божий, так как евреи материалистичны, как никто. Тогда они бы сходили бы с ума по этому веку, ведь они более материалистичны, чем любая другая нация — но они совершенно не уделили ему внимания.

Невозможно не последовать за человеком, который творит такие вещи, ведь каждый болен, каждый боится смерти, каждый — в беде, а этот человек — как раз то, что нужно: даже если вы умрете, он вас оживит, если вы больны, он вас исцелит, если вы бедны, камни станут банкнотами — для такого человека все возможно. Вся еврейская нация последовала за таким человеком, но они за ним не последовали, он был распят.

В чем же дело? В том, что чудеса происходили, но они были невидимы. Только близкие могли почувствовать эти чудеса. Они, в самом деле, происходили: Лазарь был мертв — так же, как и вы мертвы. Если я сделаю вас живыми, это будет событие только для вас и для меня, никто больше этого не заметит. Этого не сообщат по радио и телевидению. Если я оживлю вас в вашей сущности, это будет иметь значение для вас и для меня — и только. И вы не сможете доказать это никому, потому что это — невидимо. Вот почему чудеса происходили, но ученики Иисуса не могли доказать этого, они были невидимыми феноменами. Они смотрели внутрь, но как доказать то, что видишь внутри? Фотографий не сделаешь, свидетелей не соберешь.

Они начали ходить и говорить людям: «Мы увидели чудеса: те, кто не мог видеть, увидели; те, кто были мертвыми, ожили!» Это создало беду, иудеи начали требовать: «Покажите нам! И если этот человек действительно сын Божий, если он может творить такие чудеса, дайте нам его распять — и увидим, что произойдет. Коль он может оживлять других, он может воскреснуть и сам — мы его распнем, а он не умрет. Если он знает тайну бессмертия, если он такой целитель, тогда мы пораним его, и увидим, польется кровь или нет».

Именно из-за глупости этих учеников, из-за того, что они начали говорить о чудесах, которые являются внутренними вещами, Иисус оказался в центре внимания всей страны: он выглядел фальшивым, он был ненастоящим, неистинным Мессией. Люди ждали, что произойдет какое-то чудо. Ничего не произошло: он умер, как и двое преступников, точно так же, как обычное человеческое существо. Ничего божественного не произошло, никакого света не снизошло с небес; не было никакого землетрясения, Бог не гневался и не гремел в небе. Ничего! Сын был распят, а Бог промолчал.

Вот почему иудеи не записали ничего об Иисусе: этот человек был фальшив, он не доказал ничего при распятии. Распятие было пробой, доказательством, является ли он сыном Божиим или нет. Но те, кто мог видеть, увидели великое чудо. Христиане это упустили, и иудеи упустили это первое чудо, так как они ждали, что случится нечто внешнее. Оно так и не произошло, и они забыли этого человека — он был самозванцем.

Христиане упустили внутреннее, случившееся при распятии. Лишь немногие смогли это увидеть. Те, кто видел себя, смогли увидеть то, что произошло при распятии. Этот человек принял, это было чудом. Этот человек страдал — и принял, он остался переполненным любовью — и это было чудо. Он молился за тех, кто его убивал — это величайшее чудо, которое может случиться на земле.

Последние слова Иисуса были: «Боже, прости их, ибо они не ведают, что творят. Не карай их, ибо они — невежды». Это величайшее чудо при распятии: все тело страдает, он умирает — и остается исполненным любви. Гнев был бы совершенно уместен. Если бы он кричал и ругался и говорил: «Боже, смотри, что они сделали с твоим сыном. Убей их всех!» — это было бы очень обычно, по-человечески. При распятии он доказал, что он был сыном Божиим, так как сочувствие осталось чистым. Это — Божественно!

Вы не смогли бы отравить его сострадание, вы не смогли бы разрушить его молитву, вы не смогли бы разрушить его сердце. Что бы вы ни сделали, он принимает вас. Он вас не отвергнет — даже в миг страдания и несчастья он вас не отверг. Он сказал: «Прости им, ибо они не ведают, что творят».

Чудеса произошли, но это были не те чудеса, которые можно увидеть глазами, такие чудеса можно почувствовать лишь сердцем. Он не был магом. Если бы он был магом и действительно пробовал превратить камень в хлеб, и пытался лечить проказу в теле, он бы не многого стоил, я бы вообще о нем не заботился. Тогда бы все было бесполезно.

Но попытайтесь понять: когда есть внутренняя слепота, есть и внутренняя проказа. Вы так уродливы, и вы сотворили это уродство сами: так замучены виной, наполнены страхом, ревнивы, беспокойны. Это проказа; она поедает ваш внутренний мир, как червь; у вас внутри рана. Он — целил, но это личное дело. Это происходит между Мастером и учеником. Никто больше этого не сознает, даже ученик начинает сознавать это позже. Мастер осознает в самом начале, что рана исцеляется. Ученику для этого требуется время. Обычно, в течение многих, многих дней он думает, что рана есть, но никто больше ее не может увидеть.

Иисус говорит: «Я — Все». Вы — тоже Все, Иисус просто говорит то, что должно быть известно каждому, что должен чувствовать каждый. Вы — Все, вы источник Всего, и Все движется к вам, Иисус просто ваш представи-тель. Он не говорит ничего о себе, он говорит кое-что о вас. Вы — горчичное зерно, он стал цветущим деревом — он говорит о вас. Он говорит: «Я — Все». Что он имеет в виду? Он говорит, что вы тоже можете стать Всем. Вы — уже Все, но вы это не сознаете.

Ваше несчастье — в том, что вы не можете вспомнить, кто вы есть. Необходимо самовоспоминание, и ничего больше не нужно делать. Вы должны стать более сознательными, более сознательными. Вы должны поднять свое сознание на вершину, с которой вы сможете видеть. В этот момент вы становитесь Просветленным; ни один уголок не остается темным, ваша сущность вся становится светом. Тогда вы поймете Иисуса, тогда вы поймете Буд-ду, тогда вы поймете Кришну или тогда вы поймете меня, потому что все достижение — в том, чтобы сделать вас сознающим, кто вы есть.

Помните эти слова. Дайте им вибрировать в вашем сердце вновь и вновь, так как с помощью этих слов ваше зерно подвергается встряске.

Иисус сказал: «Я — Свет, который над всеми, Я — Все. И все вышло из меня, и все вернулось ко мне».

«Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь меня там».

Изречение шестнадцатое.

Иисус сказал:

Тот, вблизи меня -

Вблизи огня,

А тот, кто вдали от меня -

вдали от царства.

Иисус сказал:

Придите ко мне,

ибо иго мое — благо,

власть моя кротка,

и вы найдете покой себе.

Иисус сказал:

Тот, кто напился из моих уст,

станет как Я,

И я сам стану им,

и тайное откроется ему.

Вкус пудинга

Человек рожден рабом и остается рабом всю свою жизнь — рабом желаний, похоти, рабом тела или разума, но все равно, рабство продолжается. С момента рождения до момента смерти его жизнь — долгая борьба с рабством. А религия состоит в том, чтобы быть свободным; религия — это свобода, свобода от любого рабства. Но человек продолжает играть с собой, обманывать себя, потому что это легко. Быть полностью свободным очень трудно. Для этого нужна внутренняя кристаллизация. Для этого понадобится центр. А прямо сейчас в вас нет центра, вы — не кристаллизованное существо, вы просто хаос. Вы можете быть похожим на некое собрание, но вы не похожи на личность. Иногда вас побеждает какое-нибудь желание, и тогда оно становится председателем собрания. Всего лишь через несколько минут председатель уходит, или его свергают, и тогда вами овладевает другое желание. А вы отождествляетесь с каждым желанием, вы говорите: «Я — это оно».

Когда на троне секс, вы становитесь сексом; когда на троне гнев, вы становитесь гневом, когда на троне лю-бовь, вы становитесь любовью. И вы никогда не помните того, что вы не можете быть ни этим, ни тем — сексом, гневом, любовью. Нет! Вы не можете ими быть, но вы отождествляетесь с троном, с тем, что волнует в данный момент, вы живете с этим. А председатель продолжает меняться, потому что когда желание удовлетворено временно, его свергают с трона. Тогда другое, следующее за ним, жаждущее, голодное, требующее, становится пред-седателем. И вы отождествляетесь с каждым желанием, с любым рабством.

Это отождествление — коренная причина всего рабства, и пока отождествление не исчезнет, вы никогда не бу-дете свободны. Свобода означает исчезновение отождествления с телом, разумом, сердцем, как вы это не назовете. Это — основной факт, который должен быть понят: такой человек — раб, кричащий и воющий о страстях, кото-рые должны быть

удовлетворены. Первое, что делает ребенок, когда рождается — плачет. И это остается на всю жизнь — плач по тому или другому. Ребенок кричит из-за молока, вы можете кричать из-за дворца, или машины, или чего-нибудь еще, но крик продолжается. Он останавливается только тогда, когда вы мертвы.

Вся ваша жизнь — это долгий плач, вот почему существует так много страдания. Религия дает вам ключи к освобождению, но вы — раб, а жизнь в рабстве удобна и комфортабельна, вы создаете ложную религию, которая не даст вам свободы, которая даст вам новые виды рабства. Христианство, индуизм, буддизм или ислам, такие, какие они есть, организованные, оформленные — лишь новые виды тюремного заключения.

Иисус — это свобода, Магомет — это свобода, Кришна — это свобода, Будда — это свобода, но не христианство, ислам, буддизм или индуизм — они ложны. Вот и рождается новое рабство: вы не только раб своих страстей, своих мыслей, своих чувств и инстинктов, вы становитесь также рабом жрецов. От ваших ложных религий получается еще большее рабство, и ничего не меняется в вас.

Однажды случилось так: Мулла Насреддин был совсем затравлен своими кредиторами. Он занял очень много денег у многих людей, и не мог их вернуть. Он обратился к своему адвокату, и тот, как и все адвокаты, предложил: «Сделай вот что: организуй фальшивые похороны и ляг в гроб. Пусть весь город знает, что ты умер, а потом беги из этого города. Кредиторы будут знать, что ты умер, и не будут беспокоить тебя».

Кажется, это могло сработать, это было привлекательно. Насреддин организовал фальшивые похороны. Он лежал в гробу, и весь город прощался с ним. Первый кредитор очень печально сказал «прощай», потом второй, третий... Но девятый кредитор вытащил пистолет и завопил:

«Насреддин, я знаю, что ты мертв, но я все-таки пристрелю тебя, чтобы получить хоть небольшое удовлетворение!» Насреддин вскочил в гробу и сказал: «Подожди, тебе я заплачу!»

Вы не можете играть со смертью, вы не сможете обмануть смерть, одурачить ее. Как вы можете жить фальшивой жизнью, если вы не можете даже фальшиво умереть? Вы творите вокруг себя все больше бедствий, которые не исчезают, все становится все большей загадкой.

Чем больше вы стараетесь решить свои проблемы, тем больше становится нездоровья, потому что в сердце вы знаете, что все это — фальшь. Вы ходите в храм. Вы хоть когда-нибудь ходили в действительности в храм? Это — ложная религия, только чтобы показать другим, что вы религиозны. Но поможет ли это? Храм тоже становится рабством, ритуал — это рабство. Священник тоже эксплуатирует вас, он знает вашу слабость.

С религией мы играем в величайшую игру, мы создали пути от свободы, потому что человек, подобный Кришне или Иисусу, опасен, он не собирается давать вам фальшивую жизнь, он даст вам настоящее.

Вот почему Иисус говорит:

«Тот, вблизи меня — вблизи огня...»

Что означает «огонь»? Огонь, в котором вас не останется, вы должны будете полностью исчезнуть. Этой толпе, которой вы являетесь, не позволено будет остаться, ведь в этом и причина вашего бедствия, это и является вашим бедствием и мукой. Эта толпа должна исчезнуть, исчезнуть в кристаллизованном центре.

Огонь — это алхимический термин; все, что нуждается в кристаллизации, должно

пройти через огонь. Если вы хотите сделать что-то из золота, золото должно пройти через огонь. Сначала оно должно стать жидким, потом оно очистится — это будет чистое золото, потом вы можете отлить из него что-нибудь. Но оно должно пройти че-рез огонь. И то же самое должно произойти с учеником: Мастер — это огонь, и вы должны стать жидким, чтобы все, что есть плохого, выгорело; а все, что есть хорошего, стало жидким и единым. Тогда вы кристаллизуетесь.

Вначале Мастер — это огонь, а потом бесконечная прохлада случается при его содействии. Но начало — могу-чее, и это пугает. Легко приблизиться к жрецу — он так же фальшив, как и вы. Нет никакой опасности, и вы это знаете. Легко пройти через ритуал, вы знаете, что это ложь. Но подойти к Иисусу трудно: вы подходите ближе к огню; чем ближе, тем сильнее вы чувствуете, что горите, когда подходите, в самом деле, близко... Вот что делает ученик: он подходит действительно близко, набирается храбрости и подходит ближе и ближе, он позволяет огню свершить свое дело — он проходит через топку. Иисус — это топка.

Но когда ученик выходит из нее, он совершенно другой: толпы нет, теперь он совершенно другой, он совер-шенно другой металл. Низший металл перешел в высший — железо стало золотом — это было трансформацией. Когда я говорю, что это было трансформацией, я имею в виду, что оно не имеет прошлого. Если есть протяжен-ность в прошлом, нет преображения, есть только затмение. Именно это вы обычно и делаете.

Вы изменяете себя — немного здесь, немного там. Это — лоскутное одеяло, но не революция. Лоскутное одеяло никогда не помогает до конца, вы никогда не преображаетесь. Где-то вы немного изменились, но общее остается тем же. А общее так могущественно, что, то новое, что вы сделаете, не остается надолго новым. Рано или поздно общее поглотит его, и оно станет старым. Вы продолжаете улучшать себя, но никакое улучшение не может привести вас к религии. Религия — это не улучшение. Кого вы улучшаете? Вы — болезнь, вы — заболевание, и вы улучшаете заболевание. Вы можете шлифовать его, вы можете гримировать его, вы можете дать ему маску, даже уродство может выглядеть не таким ужасным, но болезнь остается.

Преображение не имеет продолжительности в прошлом, это — не лоскутное одеяло: вы полностью растворяе-тесь, и появляется нечто новое. Вот о чем говорит Иисус: о новом рождении, о возрождении. Старое уходит, и при-ходит новое. Это новое — не из старого, оно совершенно новое — вот почему это — рождение, это не просто ста-рое, которое продолжается, изменяясь. Нет! Старого больше нет, появилось нечто, чего ранее не было. Это — раз-рыв: старое отбрасывается, приходит новое, и между ними нет причинной связи. Это очень трудно понять, пото-му что научное образование делает ваш разум одержимым причинностью.

Мы думаем, что все имеет причину, даже Будда обусловлен, Иисус обусловлен, они — из прошлого. Нет! Если вы думаете, что Будда — из прошлого, вы все упускаете. Прошлого больше нет, Будда совершенно нов, этого че-ловека никогда раньше не существовало; был Гаутама Сиддхартха, но Будды никогда не было. Старое ушло в ничто, новое пришло из ничего. Новое не рождается из старого, новое приходит на место старого, ведь старого больше нет, и его место не занято, пусто. Новое приходит из неизвестного. Старое должно исчезнуть, а новое, на-ходя место, пустоту в сердце, входит.

Это как если бы ваша комната была в темноте: двери и окна закрыты, в ней темно, как ночью. Вы открывае-те дверь или окно, и внезапно темнота исчезает, теперь здесь свет,

вошло солнце. Что вы скажете? Скажете ли вы, что этот свет порожден тьмой, которая была здесь? Тьма перешла, изменилась в свет? Нет! Просто тьма ушла, и вошел свет. Этот свет не имеет никакого отношения к тьме, он не порожден тьмой, он — совершенно нов. Он ждал у ворот, врата открылись, и он вошел — нужно только их открыть.

Когда вы медитируете, вы открываете; когда вы молитесь — вы открываете. Старое, тьма исчезнет, и здесь будет свет. Этот свет не имеет никакого отношения к прошлому, так же, как тьма не имеет отношения к свету. Они — в разных измерениях, они — разные существования. Попробуйте это понять, потому что это — чудо, на котором всегда настаивает религия. Наука не может этого понять, потому что она мыслит в терминах изменения, перемены, продолжительности. Религия мыслит в терминах дискретности, трансформации, мутации.

Вы постепенно становитесь Иисусом или Буддой, вы — барьер. Вы должны полностью сгореть, вы должны умереть. Когда Иисус снизойдет на вас, вас там не будет. Вы почувствуете, что прошлое было лишь сном, вам все приснилось, это были не вы, отождествление сломано.

Итак, Иисус подобен огню. Если вы подходите близко к Иисусу, будьте готовы умереть, потому что Иисус означает ни что иное, как смерть для вас. А возрождение возможно, только если вы умрете. Если вы боитесь умереть, бегите от людей, подобных Иисусу. Не подходите к нему близко — он опасен, он — как бездна, вы задрожите и упадете в него.

Иисус сказал: «Тот, вблизи меня — вблизи огня...» — рядом со смертью, рядом с умиранием; старое исчезает, низший металл плавится.

Тот, вблизи меня — вблизи огня, — и сразу же он говорит о другом, если вы можете выдержать жар, огонь Иисуса, Будды или Кришны, тогда для вас становится возможной другая вещь.

«Тот, вблизи меня — вблизи огня, а тот, кто вдали от меня — вдали от Царства».

Если вы можете пройти через огонь Иисуса, если ученик может пройти через огонь Мастера, перед ним немедленно открывается новый мир: Царство Бога, Царство бессмертия, нетленная, истинная жизнь.

Вот Иисус и говорит: Тот, вблизи меня — вблизи огня, а тот, кто вдали от меня — вдали от Царства. Если вы бежите от Иисуса, вы бежите от предельного Царства, которое может быть вашим. В этом и проблема, притяжение и отталкивание Мастера. Когда Царство притягивает вас, вы подходите ближе — но тогда вы чувствуете огонь и пытаетесь бежать.

Однажды вы окажетесь рядом с Просветленным человеком, и это станет проблемой на всю вашу жизнь: подойти ближе или убежать. Когда вы вдали, вы думаете, как подойти ближе, ведь тогда огонь не чувствуется. Итак, снова — Царство, которое должно быть достигнуто, это — исполнение. Без этого вы останетесь ненаполненными; без этого вы остаетесь пустым чревом, не дающим рождения ничему; без этого вы остаетесь бесполезным, бессмысленным; вся ваша жизнь будет лишь кошмаром, ведущим в никуда — так быстро бежать и никуда не по-пасть. С этим вы почувствуете, как распускаться и как цвести.

Это может произойти только рядом с Мастером, тем, кто уже цветет. Только там ваши семена станут бесплодными, почувствуют неудобство в своих мертвых клетках. Они начнут бороться с клетками, они разобьют их и выйдут на волю, чтобы достичь солнца. Но это может произойти, только если вы готовы пройти через огонь. Это — проблема для

ученика, когда он подходит к Мастеру, все его тело и разум думают о бегстве. Он ищет любые разумные доводы в пользу бегства, внутри он все время обдумывает, как бежать от этого человека, этот человек кажется опасным. Когда он убегает, он снова хочет вернуться.

Он должен решиться. Это решение — окончательное, вы не сможете вернуться обратно. Когда вы — в огне, вы не можете вернуться обратно. Когда вы действительно близки к Иисусу, дороги назад нет. Наступает момент, после которого возврата нет, когда вы проходите через огонь, вы сможете увидеть проблески Царства. Тогда огонь — не огонь, тогда вы счастливы и блаженны. И теперь просвет недалеко, Царство — близко.

Когда вы увидели один проблеск Царства, тогда любой огонь перестает быть огнем. Он так все смягчает, вы никогда не знали в жизни ничего настолько смягчающего, как он. Но если вы убегаете как раз перед прыжком в топку, вы будете в постоянной беде — вы и сейчас в ней.

Вы не новы на этой земле, никто не нов; вы стары, как земля, даже старше, чем эта земля, вы были и на других землях. Вы стары, как эта вселенная. Вы всегда существовали, потому что все, что есть в бытии, остается в бытии — нет пути, выйти из этого. Вы — интегральная часть этого бытия, вы всегда здесь были. Вы были рядом со многими Буддами, вы были рядом со многими Иисусами и Магометами, и эта беда всегда была с вами. Когда вы слышали, вы привлечены.

Когда вы очень далеко, они становятся магнетическими силами. Потом вы подходите ближе, и чем ближе вы подходите, тем вам страшней, потому что там огонь. И вы убегаете — вот почему вы до сих пор скитаетесь. Но в один прекрасный день кто-то решается пройти через огонь, другого пути нет. Тогда вы находите фальшивого Мастера, который — не огонь; тогда вы идете к священнику, тогда вы идете в храм, в мечеть или в церковь; тогда вы исполняете ритуалы и все виды ложных вещей, только чтобы бежать от Иисуса и Кришны, потому что через них происходит истинное, а истинное — только через огонь.

Вы должны быть очищены, вы должны действительно полностью раствориться, чтобы пришла пустота. И в эту пустоту входит луч Созидания, луч Бога, и тогда вы наполнены. Тогда нет несчастья, нет дуккхи, тогда нет муки. Тогда вы вечно остаетесь блаженным, тогда приходит экстаз. Это не происходит из-за чего-то — тогда это ваша природа, само ваше бытие. Если экстаз происходит из-за чего-то, он не может быть вечным, потому что это может быть утеряно; если он вызван извне, тогда он не может оставаться всегда, он будет лишь мимолетен.

Экстаз и блаженство могут постоянно оставаться с вами, вечно с вами, только тогда, когда вы придете к пониманию их, как вашей сущности — тогда никто не может их забрать. Но эта сущность нуждается в кристаллизации, в очистке, в алхимической трансформации. Старое должно уйти, чтобы новое пришло, прошлое должно умереть, чтобы родилось будущее. И это решение ученик должен принять.

«Тот, вблизи меня — вблизи огня, а тот, кто вдали от меня — вдали от Царства».

Помните, что когда вы чувствуете огонь, решитесь — нужно идти и прыгать. Где бы вы ни чувствовали лишь утешение, бегите оттуда — там может быть священник, но не Мастер. Они всегда вас утешают и именно поэтому вам подходят.

Вы приходите к священнику, чтобы утешиться, так как жизнь — бедствие. Священник — терапевт, он утешитель. Он слушает и говорит вам: «Не бойтесь, только молитесь. Бог все сделает». Он говорит вам:

«Не бойтесь, Бог сострадателен. Ваши грехи будут прощены». Если вы боитесь смерти,

он говорит: «Не бой-тесь, душа вечна, для нее смерти нет». Если вы чувствуете вину, он дает вам способ освободиться от вины. Он говорит: «Пожертвуйте немного денег на храм. Пожертвование — это хорошо, через жертвование вы избавляе-тесь от своих грехов. Сделайте что-нибудь хорошее: постройте больницу, школу, идите и служите массам, падшим, бедным, больным».

Это — пути утешить вас, но в них нет преображения. Вы можете оставить ваш магазин, контору и стать соци-альным служащим; вы можете пойти к дикарям и служить им, но вы останетесь прежним. Вы перестанете экс-плуатировать, вы начнете служить, но все старое продолжается. Вы были алчным и накапливали состояние. Те-перь вы жертвуете, но вы остались прежним.

Вы были насыщены алчностью, теперь она стала жертвованием; сначала вы тащили у других, теперь вы дае-те — но вы остались прежним, внутренняя сущность не трансформировалась. Люди вас оценят, общество скажет: «Теперь вы изменились», — но изменения нет. Это просто отвержение вины, потому что вы стали виновным в слишком большой эксплуатации.

Жертва дает освобождение, она дает вам чувство, что вы хороши, но это — только кажется. Из-за того, что вы плохи, вы просто пытаетесь урав-нять счет, но вы остаетесь тем же хитрым разумом, думающим в терминах ма-тематики, баланса, подсчета. Какое с вами произошло изменение? До этого были важны деньги, они важны и сей-час. Они были важны, поэтому вы их копили; они важны, поэтому вы их жертвуете.

Раньше вы чувствовали, что делаете очень хорошее дело, успешную работу, накапливая; ведь вы были одер-жимы деньгами. Вы по-прежнему одержимы деньгами: вы даете и думаете, что служите людям, но деньги по-прежнему остаются полными смысла. Из положительной, алчность стала отрицательной, но вы не изменились, вы остались прежними.

Вы жили в сексе. Теперь вы стали брахмачарьей, celibатом; вы пресытились женщинами и мужчинами, вы со всем этим покончили. Но действительно ли вы покончили? Это стало просто отрицательным. Всегда помните, что когда положительное становится отрицательным, это дает вам ложное чувство, что вы изменились. Это, как если человек стоит на голове: он остается прежним. Сначала он стоял на ногах, это было естественно, секс более естественен — теперь он стоит на голове, он выполняет сиршасану, и думает, что изменился. Но как вы можете измениться стоя на голове? Вы можете жить в безбрачии, но вы остались прежним...

Случилось так: один из друзей Муллы Насреддина, Абдулла, отправился в хадж, в паломничество в Мекку. Он был старым человеком и недавно женился на молодой девушке. Она была очень красива. Уезжая, он очень тревожился. Было весьма вероятно, что она не будет хранить ему верность. Что делать? Он заказал пояс верно-сти и надел его на жену. Но куда девать ключ? Брать его с собой в хадж выглядело не очень хорошо, это отяго-щало бы его сознание, будто он не верит своей жене. И ключ постоянно напоминал бы ему о жене и о возможной ее неверности. Он пошел к Насреддину, своему другу.

Насреддин был уже стариком, ему было девяносто девять лет, и все знали, что он покончил с женщинами. А когда люди пресытились этим, они начинают говорить о брахмачарье. Он всегда говорил о брахмачарье и обви-нял молодых, говоря им: «Вы тратите свою жизнь. Это бесполезная трата энергии, и ничего более. Это ведет в никуда».

Его друг Абдулла пришел к нему и сказал: «Насреддин, я в беде. Моя жена молода, и ей

трудно доверять, так что я надел на нее пояс верности, и запер в него свою жену. Куда теперь девать ключ? Ты всегда чтил брахмачарью, ты мой самый верный друг, так что храни ключ. Через три месяца я вернусь».

Насреддин сказал: «Я благодарен тебе за то, что ты подумал обо мне в эту трудную минуту. Я уверяю тебя, что ключ не мог бы попасть в лучшие руки. Твоя жена будет в безопасности».

Абдулла уехал, сбросив тяжесть с сердца. Опасности больше не было:

Насреддину было девяносто девять лет, он всегда чтил брахмачарью, и двадцать лет проповедовал безбрачие. Счастливым, что все сложилось так удачно, он уехал. Но всего через час он услышал за собой топот скачущего осла, который к нему приближался. Вскоре он увидел Насреддина, уставшего от трудной поездки и задыхающегося. Насреддин сказал: «Абдулла, Абдулла, ты дал мне не тот ключ!»

Так всегда и случается с негативным разумом. Если вы меняетесь от позитивного к негативному, вы можете меняться и от негативного к позитивному. Это — два полюса одного и того же разума. Так что вы будете удивлены, что брахмачарьи, монахи постоянно думают о сексе, постоянно его проклиная, все время о нем думают. Можно отбросить и то, и другое, но вы не можете сделать невозможное, избирая одно и отвергая другое. То, что отвергается, утверждается; то, что подавляется — питается.

Вы можете отбросить все целиком, это возможно, но тогда вы не брахмачарьи, и не тот, кто предается сексу, вы просто избегаете обоих, вы ни то, ни другое. Тогда вы — не мужчина, ни женщина. Вот что Иисус имеет в виду, когда говорит о «евнухах Бога»: когда обе полярности отброшены. Иначе вы будете сохранять один полюс: от алчности вы можете двигаться к жертве, благотворительности, но скупость останется прежней. Я видел много типов скряг. В основном их два типа: негативный и позитивный. Позитивный скряга копит деньги, общество против него; негативный скряга жертвует, общество за него, но скряга тот же.

Мулла Насреддин умер, и через шесть месяцев его жена тоже стала умирать. А они были самой скупой парой в долине. Жена позвала соседку и сказала ей: «Послушай меня, Рахима, ты должна похоронить меня в моем черном шелковом платье. Но материал дорогой, а платье почти новое, так что сделай одну вещь. Так как я буду лежать в гробу на спине, никто этого не увидит. Ты отрежь заднюю часть платья и сделай платье для себя».

Женщина сначала не могла поверить тому, что жена Насреддина стала такой благотворительницей, кроме того, она не могла поверить той чепухе, которую та говорила.

Жена Насреддина сказала: «Я была бы счастлива, подарить тебе что-то перед тем, как я уйду, и это — мой подарок. Но мне не хочется портить материал, он такой дорогой и красивый и совсем новый. Так что отрежь заднюю часть платья, никто не увидит».

Но соседка сказала: «Здесь мы, может, и не увидим, но там, на той золотой лестнице, по которой вы с Насреддином будете подниматься, ангелы будут смеяться».

Жена Насреддина рассмеялась и сказала: «Не волнуйся, они на меня и не посмотрят, я похоронила Насреддина без штанов!»

Алчный человек остается алчным, гневливый остается гневливым, человек секса остается сексуальным, движение к противоположному полюсу не дает изменения, помните это. Так что вы легко можете прийти к ложной религии, которая всегда придает особое значение другому полюсу. Если вы гневаетесь, ложная религия говорит: «Сочувствуйте всем, любите ближнего, как самого себя... Будьте дружелюбны, не гневайтесь — и вас

вознаграждать!» Если вы алчны, ложная религия говорит: «Сдерживайте свою алчность, и вас вознаградят в другом мире». Чело-века увлекают, используя ту же алчность, так что жертвуйте, будьте благотворительны! Если вы заплатите одну рупию здесь, в этом мире, в другом мире вам дадут миллион. Вот что дает вам ложная религия: она просто помо-гает вам двигаться к противоположному полюсу, а это легко.

Разуму всегда нравится двигаться к противоположному полюсу, так как он пресыщается одним, а противопо-ложное вновь придает вкус, дает вам возможность снова двигаться. Человек, который слишком много ест, стано-вится пресыщенным. Вкус утрачен, тело больше не голодно, он не может больше наслаждаться пищей, вот он, и начинает задумываться о посте. Он не меняется — просто пост вновь вернет ему вкус, тело вновь станет голод-ным. Пост всегда хорош для тех, кто одержим пищей. Пос-титесь два дня и голод вновь вернется, и вы вновь буде-те есть со вкусом.

Когда вы занимаетесь любовью с женщиной или мужчиной, тела удовлетворено — конечно, только на сутки, но удовлетворено, вы чувствуете пресыщение. После занятий любовью, каждый мужчина, каждая женщина ду-мают о том, как отбросить всю эту ерунду; она выглядит абсурдно. Вершина пройдена, вы вновь в долине, вы принимаете некое решение — и вы неправы, вы ничего не решаете. За двадцать четыре часа тело снова накопит энергию, вкус вернется, и вы нарушите ваш пост. Для секса нужен двадцатичетырехчасовой пост, а когда вы ста-нете старше, вам понадобится больше времени, чтобы нарушить пост. Но когда вы снова наполняетесь энергией, вы вновь сексуальны.

Обратите внимание на полярность. Ложная религия и настоящая религия этим существенно отличаются: ложная религия помогает вам двигаться к противоположному полюсу, это — не преображение: настоящая рели-гия помогает вам сжечь обе противоположности целиком. Вот почему настоящая религия — это настоящий огонь. Иисус говорит:

«Тот, вблизи меня — вблизи огня, а тот, кто вдали от меня — вдали от Царства».

А когда желания, и позитивное, и негативное исчезнут, Царство — здесь. Царство не далеко, оно всегда там, в вас. Только из-за желаний вы не можете его видеть, вы одержимы страстями. Вы не можете смотреть на него, одержимые желаниями, вы не можете на него взглянуть.

Когда ваши глаза, тем или иным образом застилают страсти, когда вы не живете сексом или против секса, ко-гда вы не одержимы пищей или постом, когда вы просто без желаний, тогда ваши глаза не застланы дымом, они могут видеть, появляется ясность. В этой ясности Царство всегда существует, оно внутри вас, но ваши глаза за-полнены и переполнены желаниями. А желания приносят разочарования, слезы; страсти творят грезы, порожда-ют надежды. Ваши глаза заполнены, вот почему нет ясности. Глаза, не заполненные желаниями, надеждой, греза-ми, разочарованием — пусты, и у вас будет проблеск, первый проблеск.

Вблизи Иисуса, вблизи Просветленного вы должны пройти сквозь огонь. Этот огонь сожжет все ваши страсти — негативные и позитивные сразу; этого мира и того, обоих. Он сожжет все ваши надежды, ведь страсти живут благодаря надеждам. В действительности, он сожжет все ваше прошлое и будущее, он приведет вас просто в «здесь и сейчас»; больше нет ни прошлого, ни будущего, некуда смотреть. Внезапно энергия обращается внутрь, это — превращение, преображение. Некуда смотреть наружу, прошлое бесполезно, оно умерло, будущее еще не наступило — куда идти? Вы должны идти внутрь, энергия должна двигаться; не находя выхода наружу, вся энер-гия обращается внутрь. Царство Бога — там.

Иисус сказал:

«Придите ко мне, ибо иго мое — благо, власть моя кротка, и вы найдете покой себе».

Это должно быть понятно глубоко, это нужно запомнить, так как это будет вам помогать.

Когда вы приходите к человеку, подобному Иисусу, в разуме возникает проблема: «Зачем подчиняться этому человеку? Это выглядит рабством». А тогда все это выглядит очень противоречиво, потому что Иисус продолжает говорить: «Я здесь, чтобы освободить вас, я здесь, чтобы дать вам полную свободу», — а потом он настаивает на подчинении. Это выглядит противоречиво: «Зачем подчиняться? Почему я должен подчиняться другому человеку?» А он говорит: «Я пришел дать вам полную свободу». Это выглядит противоречивым: тогда он мог бы дать ее прямо сейчас.

«Зачем мне подчиняться, кому бы то ни было? Зачем мне делать его господином? Почему гуру, почему Мастер должен быть господином моей души и моей сущности? Зачем мне подчиняться?»

Иисус сказал:

«Придите ко мне, ибо иго мое — благо, власть моя кротка, и вы найдете покой себе».

Он говорит: «Да, я знаю, так вы почувствуете, что это — тоже вид рабства». Без того, чтобы Иисус освободил вас, как вы можете почувствовать, что это — истинное освобождение?

Вы знаете только рабство. Где бы вы ни были, вы знали рабство. Во имя любви вы узнали рабство. А любовь обещала, что она будет свободой, но она ею не стала. Посмотрите на любую жену, на любого мужа — они рабы, и это иго очень тяжело. Вы движетесь по миру в поисках свободы и везде вы создаете тюрьму, куда бы вы не пошли; именем свободы создаются все виды рабства: нация — это рабство, раса, религия, так называемая любовь — это рабство. И каждый отягощен многими видами рабства. Потом приходит Иисус, и он также требует подчинения.

Конечно, ваш разум скажет: «Это снова рабство». Иисус этого не отрицает, так как в этот момент, в этом состоянии ума, вы не можете понять, в чем состоит освобождение. Вот он и говорит: «Придите ко мне, ибо иго мое — благо». Это — все, что он вам обещает. Он не говорит: «Я дам вам свободу прямо сейчас». Это может случиться, но прямо сейчас он дает только одно обещание, он говорит: «...иго мое — благо, власть моя кротка, и вы найдете покой себе».

В жизни ваше иго тяжело, и в жизни вокруг вас господа довлеют над вами и приказывают вам. Они опасны, жестоки; они, как львы, прыгают на вас и убивают вас. Иисус говорит: «В данный момент может быть сказано и понято вами только это: мое иго не тяжело, оно нетрудно». И когда вы думаете: «Зачем подчиняться?», тогда вы не выбираете свободу, вы просто выбираете ваше старое рабство во имя свободы, так как ваш разум сам есть рабство, ваши страсти — рабство. И вы не можете выйти из них без некоторой помощи, которая приходит извне.

Вы так долго оставались в тюрьме, что вы думаете, что это — ваш дом. Эта тюрьма так хорошо укреплена, что вы не можете выбраться из нее без помощи кого-нибудь извне, без того, кто выбрался из тюрьмы и знает, как из нее выбраться...

Мастер только это и имеет в виду: что он тоже был в тюрьме, в той же тюрьме, что и вы, но каким-то образом он бежал; он нашел дверь, он нашел замок и ключ, некий метод, и он бежал — теперь он может помочь. Если вы все спите, вы не можете выйти из сна. Нужно

что-то снаружи, даже будильник может помочь, поскольку он — снаружи. Но с этим будильником вы можете обмануть себя, так как вам может грезиться, что это храм, а не тюрьма, и звонит храмовый колокол, вы можете грезить и продолжать спать. Кто-то — не механическое приспособление, но кто-то живой — нужен, Мастер, который бодрствует, который не позволит вам спать и создавать новые грезы, кто будет продолжать вас трясти.

Иисус говорит: «В конце концов, свобода будет с вами, но прямо сейчас я могу обещать только одно: что мое иго легко, моя власть кротка. А вы избираете столь тяжкое иго.

Случилось так: один очень скромный человек вошел в офис — худенький, болезненный, очень вежливый. Он сказал: «Я пришел, узнав, что вам нужен ночной сторож».

Управляющий с сомнением посмотрел на него и сказал: «Да, нам нужен ночной сторож, но нам нужен человек, который находится в постоянном беспокойстве, особенно ночью! Нам нужен человек, который никогда никому не верит, скептик, прирожденный скептик: кто, что бы ни делал, он никогда никому не поверит. Он должен быть человеком, постоянно ищущим несчастий, который всегда прислушивается к тому, что происходит вокруг; он почти невротик, а если его разбудить, становится воплощенным дьяволом».

Тихий и скромный человек встал и сказал: «Тогда я пришлю свою жену».

Вот как муж чувствует жену, и вот как жена думает о муже — иго действительно тяжкое. Но можно осознать, что таким же является любое ваше желание и стимулы, которые постоянно ведут к тщетным целям. Если вы не идете к ним, будет несчастье; если идете, будет разочарование. Каждая страсть — хозяин, а страстей — миллионы. Так что вы раб миллионов хозяев. Это тяжело, каждая страсть стимулирует вас для собственной цели, не забывая о вас. И если вы не идете, тогда беда: страсть не оставит вас так легко, так как это — вопрос господства. И если вы идете, тогда приходит разочарование, потому что эта цель — цель страсти, а не ваша. А вы не знаете, какова ваша цель, потому что вы не знаете, кто вы есть.

Подчинение означает, выбор одного Мастера в качестве господина, вместо этих миллионов хозяев — страстей и инстинктов. Господство мягко, оно мягко по многим причинам, но в основном из-за того, что Мастер — один. Это всегда хорошо — иметь одного хозяина. Даже если у вас два хозяина, вы столкнетесь с несчастиями, а если хозяев миллионы, вы будете в постоянной путанице. Будут отдаваться миллионы приказаний, вас будут толкать в произвольных направлениях; вы станете хаосом. Вот как приходит безумие: из-за того, что вы не знаете, что делать. За кем следовать, за кем не следовать? Ваша алчность говорит: «Главное — копи деньги». Ваш секс говорит: «Занимайся сексом». Но тогда есть конфликт, возникает проблема.

Если вы слишком много предаетесь сексу, вы не можете копить деньги. Скряги всегда антисексуальны, они должны быть такими, потому что одна и та же энергия должна быть обращена на накопление денег. Скряги — не любовники, они совершенно антисексуальны. А люди, предающиеся сексу, никогда не могут накопить денег, это трудно. Даже если это сделали их предки, они все растрачат, они найдут способы все спустить.

Одна страсть говорит: «Копи деньги, деньги — это безопасность. Кто тебе поможет в старости? Имей банковский счет, это — защита», — а потом секс говорит: «Но жизнь идет, зачем думать о старости? Твоя молодость проходит, иди и погрузись в секс до того, как миг пройдет и энергия истратится. Используй миг, наслаждайся им!» Секс говорит: «Будь здесь и сейчас, в этом моменте, не думай о дальней цели».

Такой конфликт возникает не только между двумя страстями — каждая страсть в

конфликте с остальными. Гнев говорит: «Убей, немедленно убей этого человека!» Но ваш же страх говорит: «Не убивай, иначе другие убьют тебя. Будь вежлив, улыбайся. Ты хороший человек, ты не убийца, ты не преступник». Так что же делать? Так много хозяев и только один раб.

Это хорошо, если вы избрали одного Мастера. В конце концов, исчезнет миллион голосов, только за Иисусом должно следовать, и вы можете переложить всю ответственность на него. И он говорит: «Легко мое иго...» Почему оно легко? Потому, что даже если он просит о подчинении, он и просит вас подчиниться только так, чтобы вы стали свободны от других ваших хозяев. Как только вы свободны от ваших хозяев-страстей, он отбросит и это иго также. Это просто временное явление, только переход. Как только вы отбросили все страсти, подчинение не нужно. Мастер сам скажет: «Теперь отбрось и это подчинение тоже, так как ты сам стал Просветленным, своим собственным светом, по-своему».

Иисус сказал: «Придите ко мне, ибо иго мое — благо, власть моя кротка, и вы найдете покой себе». Иисус сказал: «Тот, кто напился из моих уст, станет как Я, и Я сам стану им, и тайное откроется ему».

Сдача — это переход для ученика, чтобы самому стать Мастером, потому что когда вы абсолютно сдаетесь, в этот миг вы становитесь одним с Мастером, тогда нет конфликта. Тогда нет этого. «Странствование эго» закончено, вы его отбросили. Ведь сдача означает, что вы говорите: «Меня нет, есть ты, и веди меня, куда бы то ни было... Я не решаю, ты решаешь, просто я следую, как тень, я буду ослеплен моей верой. Даже если ты скажешь: „Прыгни и умри!“, — я прыгну и умру. Никаких „нет“ не будет исходить от меня, мое „да“ — окончательно, все-общее и абсолютно. Абсолютное да — это сдача.

Что это значит? Это значит, что теперь в вас нет эго, для него нет смысла и нет пищи. Если это может быть сделано, тогда в любой миг, когда вас нет, врата открыты и Иисус входит в вас, свет Будды проникает в вас.

Почему вы боитесь сдачи? Потому что если врата будут открытыми, вы станете уязвимыми. Вы боитесь внешнего мира, вы жили в вашей темной комнате, закрытой, и так долго, что вы привыкли к ней, вы стали одним с тьмой. Вы боитесь света. Когда вы открываете дверь, вы можете не увидеть свет вообще. Он может ослепить вас настолько, что вы закроете глаза. Вы боитесь, что если вы подчинитесь, вы вступите на неведомый путь. А разум, всегда боится неизведанного. А неизвестное — это Бог, неизвестное — это Иисус! Он — посланник неизвестного, луч неизвестного. Солнце может быть еще очень, очень далеко, на луч стучит в ваши двери. Сдаться — значит открыть дверь.

«Тот, кто напился из моих уст...»

Это — очень символично и полно смысла. Влюбленные пьют друг у друга из уст. Вот что такое поцелуй: глубокий поцелуй — это питье вина тела изо рта друг друга. Это — одно из самых сильнодействующих средств, никакой алкоголь не сравнится с ним. Но то же самое явление существует и на другом уровне: ученик пьет из уст Мастера. Это — не телесное явление, это — в самой глубокой сердцевине, где ученик встречается с сущностью Мастера, где они обнимают друг друга, где они целуют друг друга. Вот что имеет в виду Иисус:

«Тот, кто напился из моих уст, станет как Я, и Я сам стану им, и тайное откроется ему».

Иисус пользуется символическими терминами питья и еды очень часто. Он говорит: «Ешьте меня, пейте меня, растворите меня полностью в себе». Вот в чем символ еды и питья: дайте мне быть в вас, наполнитесь мной так полно, что я стану частью вашего

существа — и тогда нет ученика и Мастера, различие исчезло. Тогда нет госпо-дина и раба, тогда ученик стал Мастером. Тогда я — это вы, тогда Иисус — это вы. Тогда он стал вами, вы стали им, различия нет. Его никогда не было со стороны Иисуса, оно было с вашей стороны.

Подчинение означает, что вы также растворили это различие, вы готовы встретиться; это как у любящих: да-же в обычной физической любви вы должны подчинить свое эго — может быть, на миг, но вы должны сделать это; может быть, лишь на миг, но вы должны стать одним с любимым. На один миг ваши тела — не два, они ста-ли единым целым, замкнутым кругом. На миг ваши тела встретились и смешались, растворились друг в друге, они — не две отдельные сущности. Через миг они станут отдельными сущностями, тела не могут встречаться вечно, но души — могут. Тела — тверды, они могут сближаться, но нет истинного слияния.

Души — не физичны, они — не твердые. Они подобны свету, когда вы зажигаете свечу в своей комнате: ком-ната наполнена светом; вы зажигаете другую свечу, и комната наполняется большим светом. Сможете ли вы сде-лать различие между светом от первой свечи и от второй? Нет, разницы нет, свет встречается и перемешивается, становясь единым. Духовное подобно свету.

Когда ученик позволяет Мастеру проникнуть в него, это — как сексуальное проникновение на более высоком уровне: ученик стал женской частью. Вот зачем сдача, ведь женщина достигает вершины, когда она отдается; она любит, когда отдается. Она — не агрессивна, у нее — пассивная роль. А мужчина агрессивен. Он должен достичь и проникнуть, только тогда встреча возможна. Ученик должен стать как женщина — пассивным, позволяющим, не создающим препятствий, сдавшимся. Мастер должен быть подобен мужскому феномену. Вот почему понятно, почему было мало женщин-Мастеров. Это почти невозможно, это случается редко, и когда это случается — два, три случая за всю историю человечества — эти женщины вообще не были похожими на женщин.

Это случилось один раз в Кашмире: была женщина, ее имя было Лала. И в Кашмире есть пословица, что Каш-мир знает только два имени — Аллах и Лала. Она была редкой женщиной, вы не можете себе представить... она вообще не была женщиной: она жила обнаженной, всю свою жизнь она ходила нагой. Женщина прячется, женщи-на робка и пассивна — она же была очень агрессивна, она была мужским разумом в женском теле. У нее были ученики, но такое бывает редко, очень редко.

Женщины-Мастера очень редки, это почти невозможно, но женщин-учеников в четыре раза больше, чем муж-чин-учеников, отношение четыре к одному. У Махавиры было сорок тысяч монахов. Сорок тысяч монахов — из них тридцать тысяч женщин. И они не идут ни в какое сравнение с мужчинами-учениками. Мужчина никогда не станет таким покорным, весь его разум, ум агрессивен. Женский разум может легко подчиняться, подчинение происходит с легкостью — это в самой ее природе. Так что вы не можете найти лучших учеников, чем женский разум; вы не можете найти лучших Мастеров, чем мужской разум. Но так и должно быть, потому что полярность остается на любом уровне.

На физическом уровне, когда встречаются возлюбленные, женщина отдается, она никогда не берет инициати-ву в свои руки. А если женщина инициативна, она не женственна, никакой мужчина ее не полюбит. Если женщи-на приходит и предлагает себя, вы просто уклонитесь. Женщина ждет, она может мечтать и грезить, но она будет ждать. Предложение должно исходить от мужчины, он должен взять инициативу, он должен быть

агрессивен. А она будет вести себя так, что покажется совершенно невинной, не понимающей, о чем вы говорите — но она планировала и мечтала, и ожидала, когда вы придете и предложите.

Мулла Насреддин с женой сидели в парке на скамейке, укрывшись под пальмами. С другой стороны подошла молодая пара. Молодой человек тут же стал очень романтично и поэтично изъясняться. Жена Муллы Насреддина забеспокоилась и засуетилась. Она зашептала ему на ухо: «Похоже, что молодой человек не замечает, что мы здесь. Посвисти, дай им знак. Молодой человек кажется настолько влюбленным, мне кажется, он сейчас начнет делать предложение».

Насреддин ответил: «Почему я должен свистеть? Меня никто не предупредил, никто не свистнул, когда я делал предложение».

Женщина ждет, она — чрево. Ее сущность, ее тело — ожидание, пассивность. И то же самое происходит на более высоком уровне духовности: там она тоже ждет. И ученик должен стать подобным женщине. Он должен глубоко влюбиться в Мастера, и тогда произойдет встреча, слияние высших духовных сущностей. А это слияние подобно сексуальному проникновению, но более экзистенциальное; совершенно не телесное. И от этой встречи ученик рождается вновь; он становится беременным от встречи, беременным собой. Теперь он носит свою новую сущность в своем чреве. Все время ученичества, время, когда он с Мастером — это время вынашивания. Это может быть сделано только в глубокой вере, если вы сомневаетесь, это невозможно, так как тогда вы будете обороняться, тогда вы наденете доспехи, вы попытаетесь защищаться.

Иисус сказал: «Тот, кто напился из моих уст, станет как Я, и Я сам стану им, и тайное откроется ему».

Как только подчинение стало полным. Мастер становится для вас дверью. Тогда открывается иной мир света, жизни и блаженства — индусы называют это сатчитананда — истинное бытие, истинное сознание, истинное блаженство. Сатчитананда становится для вас возможным. Мастер становится дверью, и когда вы достигли ее, вы становитесь просветленным. Вы можете теперь помочь другим пройти сквозь огонь. Теперь вы можете помочь другим увидеть проблеск Абсолюта, или достичь Предельного и раствориться в нем.

Но до того как вы можете стать Мастером, вы должны быть учеником. До того, как вы сможете учить, вы должны учиться, и до того, как вы сможете помочь, вам должны помочь самому. Вы должны позволить кому-то серьезно вам помочь. А эта глубокая помощь возможна только тогда, когда вас нет, потому что вы — это беспокойство, вы — препятствие. Вы постоянно создаете барьеры для собственного роста из-за страха неизвестного. Вы цепляетесь за известное, и тогда не может быть встречи, потому что Мастер — это неизвестное. Вы остаетесь в мире известного, в прошлом — Мастер неизвестен. А встреча возможна: неизвестное встречается с известным. Известное исчезнет, сгорит, известного больше не найти, это — как солнце входит в темноту — и темнота исчезает.

Будьте темнотой перед Мастером, скромным, хорошо знающим свое невежество, готовым подчиниться и ждать — тогда Иисус может преобразить вас. Будда может преобразить вас. В действительности, Иисус и Будда — катализаторы. Ваше подчинение преобразит вас, а они просто предлоги. Если вы можете подчиниться без Будды, без Иисуса поблизости, если вы можете подчиниться Космосу, тогда произойдет то же самое. Но тогда вам будет трудно сдаться, потому что не будет объекта сдачи. Это будет очень трудно — вот

зачем Христос и Будда, они — просто объект.

И еще мне хотелось бы сказать вам об одном очень странном явлении, которое иногда случается: даже подчиняясь ложному Мастеру, вы иногда становитесь Просветленным, хотя сам Мастер не Просветлен. Так бывало, так снова может случиться, так как основное — это сдача. Преображение происходит через сдачу, Мастер — лишь объект, истинный или ложный — не имеет особого значения.

Когда вы сдаетесь, дверь открыта. Так что не заботьтесь особенно, кому сдаваться, просто думайте о большем и большем подчинении. Вот почему это может случиться даже перед каменной статуей или перед деревом. Это случилось под деревом Бодхи — вот почему буддисты поклонялись этому дереву так долго. Достаточно чувства, что Будда достиг под этим деревом, и вы отдаетесь дереву.

Сдача — это то, что нужно, все остальное — только помощь ему. Если вы можете найти истинного Мастера, тогда хорошо; если не можете, тогда особенно не тревожьтесь. Подчиняйтесь там, где вам нравится, но дайте сдаче стать всеобщей. Если сдача частична, даже Иисус или Будда не смогут вам помочь. Если сдача — полная, тогда, даже если их нет, простой человек может вам помочь.

Этот нюанс должен быть запомнен, иначе разум продолжает свои трюки. Он думает: «Как я могу быть уверен, что этот Мастер — истинный? А если я не уверен, как я могу сдаваться?» А вы не можете быть уверены, пока не подчинитесь, нет способа быть уверенным. Если вы хотите быть уверенным во вкусе пудинга, тогда вам нужно его попробовать. Как вы можете быть уверенным, не попробовав его? Нет такого способа.

Вы должны питаться Иисусом, вы должны выпить Иисуса — это единственный способ. Вы будете преображены, потому что вы доверяли, так как вы верили и отдавались, и тогда многие скрытые измерения откроются вам. Жизнь, которую вы видите, еще новее, это лишь мгновенная часть, атомарная часть Целого. Удовольствия, которые вы знаете — просто чепуха. В них нет даже одного луча блаженства, которое возможно, которое ваше врожденное право.

Все, что вы накопили — это мусор — если вы узнаете истинные сокровища, которые от вас спрятаны. Всю свою жизнь вы нищенствуете, а Император ждет прямо в вашем сердце. Вот что Иисус называет Царством. Не будьте нищим, вы можете быть царем! Но тогда вы должны отважиться. Нищему не нужно быть смелым, но чтобы стать царем, человек должен отважиться и пройти через преображение. Подчинение — это врата.

Я повторю эти слова:

«Тот, вблизи меня — вблизи огня, а тот, кто вдали от меня — вдали от Царства».

Иисус сказал: «Придите ко мне, ибо иго мое — благо, власть моя кротка, и вы найдете покой себе».

Иисус сказал: «Тот, кто напился из моих уст, станет как Я, и Я сам стану им, и тайное откроется ему».

Изречение семнадцатое...

Иисус сказал:

*Блаженны одинокие и избранные,
ибо вы найдете Царство,
ибо вы пришли из него,
и вы придете туда снова.*

Иисус сказал:

*Если они скажут вам:
откуда вы произошли?*

Скажите им:

*Мы произошли от света,
где свет произошел от самого себя.*

Если вас спрашивают:

каков знак отца вашего, который в вас?

Скажите им: это движение и покой.

Движение и покой

Глубочайшее побуждение в человеке — быть совершенно свободным. Свобода, мокша — это цель. Иисус называет это Царством Бога: быть, как царь, только символично, так, что нет уз на вашем бытии, никаких пут, никаких границ — вы существуете, как бесконечность, вы нигде не сталкиваетесь ни с кем, как если бы были совсем одни.

Свобода и одиночество — два аспекта одного и того же. Вот почему Махавира называет свою концепцию мокши кайвалья. Кайвалья означает быть совершенно одиноким, как если бы никто больше не существовал. Когда вы совершенно одиноки, кто станет для вас узами? Когда никого больше нет, кто будет другим? Вот почему те, кто ищет свободу, должны найти свое одиночество — они должны найти путь, смысл, метод, достичь такого одиночества.

Человек рожден как часть мира, как член общества, семьи, как часть других. Он воспитан не как одинокое существо, а как общественное. Вся тренировка, образование, культура состоит в том, как сделать ребенка подходящей частью общества, как подогнать его к другим. Вот что психологи называют приспособлением. А когда кто-то одинок, он выглядит неприспособленным.

Общество существует, как некая сеть, модель для многих личностей, толпа. Там вы можете иметь немного свободы — за слишком высокую цену. Если вы следуете за обществом, если вы становитесь послушной частью других, они предоставят вам маленький мирок свободы. Если вы становитесь рабом, вам дается свобода. Но это — свобода, которую дали, ее могут забрать в любой момент, у нее очень большая цена. Это — приспособление к другим, так что границы будут существовать обязательно.

В обществе, в общественном бытии, никто не может быть абсолютно свободным. Само существование других создает несчастье. Сартр говорит: «Другой — это ад», — и он полностью прав, именно другой творит в вас на-пряжение, вы обеспокоены из-за других. Это продолжает создавать столкновения, ведь другой — в поисках абсолютной свободы, как и

вы — каждый нуждается в абсолютной свободе, а абсолютная свобода существует лишь для одного.

Даже ваши так называемые цари — не совершенно свободны и не могут ими быть. У них может быть впечат-ление свободы, но оно — фальшиво: их нужно охранять, они зависят от других, их свобода — лишь фасад. Но по-прежнему, из-за этого побуждения — быть абсолютно свободным — люди хотят стать царями, императорами. У императора есть фальшивое чувство, что он свободен. Кто-то хочет стать очень богатым, богатство тоже дает фальшивое чувство, что вы — свободны. Как бедняк может быть свободен? Его нужды становятся путями, он не может удовлетворить своих нужд. Куда бы он ни шел, перед ним стена, через которую он не может перелезть.

Отсюда страсть к богатству. В самой глубине — это стремление быть абсолютно свободным, все страсти соз-даются этим. Но если вы движетесь в фальшивом направлении, вы никогда не достигнете цели, потому что с са-мого начала направление было неверным — вы все упустили с первого шага.

На древнееврейском языке слово «грех» — прекрасно. Оно означает того, кто утратил цель, в этом слове нет оттенка вины. Грех означает того, кто утратил цель, заблудился, а религия означает возвращение на правильный путь, не утрачивая цели. Целью является абсолютная свобода, религия — лишь средство для нее. Вот почему вы должны понять, что религия существует как антисоциальная сила: сама ее природа антисоциальна, потому что в обществе абсолютная свобода невозможна.

Психология находится на службе у общества. Психиатр пытается любым способом снова сделать вас приспо-собленным к обществу, он — на службе у общества. Политика, конечно, на службе у общества. Она дает вам не-много свободы, так, что вас можно сделать рабом. Эта свобода — всего лишь подачка, ее могут забрать в любой момент. Если вы думаете, что вы действительно свободны, вскоре вы можете оказаться в тюрьме. Политика, пси-хология, культура, образование — все они служат обществу. Одна религия — бунтарская в своей основе. Но об-щество вас обмануло, оно создало свои собственные религии: христианство, буддизм, индуизм, ислам — это все социальные трюки; Иисус — антисоциален.

Посмотрите на Иисуса: он не слишком уважаемый человек, он им не мог бы быть. Он связан с подозритель-ными, антисоциальными элементами, он был бродягой, отщепенцем — должен был быть, потому что он не под-чинялся обществу, не приспособивался к нему. Он создал другое общество, маленькую группу последователей. Ашрамы существовали как антисоциальные силы — не все ашрамы, потому что общество всегда пытается всу-чить вам фальшивую монету. Если есть сотня ашрамов, среди них один — уже много — настоящий, потому что этот один будет существовать как альтернативное общество, противостоя обществу, толпе, которую Иисус назы-вал «они» — безымянная толпа.

Существовали школы, например, Бихарский монастырь Будды, которые пытались создать общество, не яв-ляющееся обществом. Они создавали способы и средства сделать вас истинно и совершенно свободными: ника-ких пут, никакой дисциплины любого вида, никаких разграничений, вам позволяли быть бесконечным и Всем.

Иисус антисоциален. Будда антисоциален, но христианство, буддизм не антисоциальны. Общество очень хит-роумно, оно немедленно поглощает, даже антисоциальные явления поглощаются социальными. Оно создает фа-сад, оно дает вам фальшивую монету, и тогда вы счастливы, просто как малые дети, которым дали фальшивую пластиковую грудь. Они будут ее сосать, чувствуя, что их кормят. Это их утешает, конечно, они тогда засыпают.

Когда ребенок беспокоен, так всегда и поступают: дают ему соску. Он сосет, веря, что получает питание. Он продолжает сосать, и сосание становится монотонным процессом; никакого изменения, просто сосание — это становится подобным мантре. Теперь, усталый, он засыпает. Буддизм, христианство, индуизм и все другие «измы», ставшие признанными религиями — просто фальшивая грудь. Они дают вам согласие, хороший сон, они позволяют вам найти в окружающем мучительном рабстве утешение; они дают чувство, что все в порядке, ничего не плохо. Они — транквилизаторы, они наркотики.

Не только ЛСД — наркотик. Христианство тоже, и гораздо более тонкий и сложный, дающий вам некоторый вид слепоты. Вы не можете увидеть, что происходит, не можете почувствовать, как тратится ваша жизнь, не видите болезнь, которую вы накопили за многие жизни. Вы сидите на вулкане, а они продолжают говорить, что все в порядке: Бог на небесах, правительство на земле, все в порядке. И жрецы продолжают говорить: «Вам не нужно тревожиться, мы — здесь. Вам нужно просто все отдать в наши руки, и мы позаботимся о вас и в этом мире, и в ином». И вы все оставляете им, вот почему вы в беде.

Общество не может дать вам свободу, оно не может сделать всех совершенно свободными. Как же быть? Как выйти за общество? Вот вопрос религиозного человека. Но это кажется невозможным: куда бы вы ни пошли — общество там; можно двигаться от одного общества к другому, но быть в обществе. Можно даже пойти в Гималаи — тогда вы создадите общество там. Вы начнете говорить с деревьями, потому что это очень трудно — быть одному. Вы подружитесь с птицами и животными, и раньше или позже получится семья. Вы каждый день будете ждать птицу, которая прилетает и поет по утрам.

Вы не понимаете, что теперь вы стали зависимым, уже вошел «другой», если птица не прилетает, вы почувствуете беспокойство. Что случилось с птицей? Почему она не прилетела? Включается некое напряжение, и это никак не отличается от заботы о вашей жене или ребенке. Все это — другие. Даже уехав в Гималаи, вы создадите общество.

Так что поймите: общество не вне вас, это — нечто внутри вас. И пока коренная причина внутри вас не исчезнет, куда бы вы ни пошли, общество будет с вами. Даже если вы вступите в коммуну хиппи, общество вступит с вами, оно станет социальной силой. Если вы уходите в ашрам, общество тоже уходит туда. Это не то общество, которое следует за вами, это — вы. Вы создаете вокруг себя свое общество, вы — творец. Нечто в вас существует, как семя, которое создает общество. Это показывает, что пока вы не преобразуетесь полностью, вы никогда не можете выйти за пределы общества. А все общества одинаковы, формы могут меняться, но основной образец одинаковый.

Почему вы не можете жить без общества? Ведь это помеха! Даже в Гималаях вы будете кого-то ждать: вы можете сидеть под деревом и будете кого-то ждать; путника, охотника, проходящего по дороге. И при появлении кого-нибудь вы станете немного счастливее. В одиночестве вы печальны, а когда к вам подходит человек, вы можете посплетничать, можете спросить: «Что происходит в мире? Нет ли у вас газеты?» Или: «Дайте мне новостей! Я изголодался по ним, я жажду их». Почему? Корень должно извлечь наружу, чтобы это стало понятно.

Первое: вам нужно быть нужным, у вас глубокая нужда быть нужными. Если вы никому не нужны, вы чувствуете себя бесполезным, бессмысленным; если вы нужны кому-нибудь, это придает вам значение, вы чувствуете себя важным. Вы говорите: «Я должен заботиться о жене и детях», будто вы несете их, как ношу — вы неправы. Вы говорите так, будто исполняете долг с великой ответственностью. Но это неправда. Просто представьте, что

жена и дети исчезли, что вы будете делать? Внезапно вы почувствуете, что ваша жизнь стала бессмысленной, так как вы им нужны. Маленькие дети, ждущие вас, придают вам значение, вы важны. Теперь, когда вы никому не нужны, вы растеряетесь, ведь когда вы никому не нужны, никто не уделяет вам внимания; есть вы, нет ли вас — особой разницы нет.

Я слышал: одного душевнобольного лечили с помощью психоанализа, но психоаналитик был очень странным человеком — какими они почти всегда и бывают. После двух или трех лет анализа он сказал своему другу:

«Этот человек в еще худшем положении, чем я, так как я все время говорю, а он никогда ничего не говорит, даже, да и нет, он просто сидит со мной. Я все говорю и говорю, он все слушает, и так вот уже три года. Что де-лать?»

Друг сказал: «Слушай, а почему бы тебе не остановиться?» Но больной не мог остановиться.

Потом случилась другая беда: аналитик умер. И вновь он сказал своему другу: «У меня опять проблема. Пре-жде, когда этот человек ничего не говорил, ни да, ни нет, я не знал, отвергает он меня или принимает, прав я или нет. Я просто рассказывал и рассказывал, а он слушал. Но вот он умер, что же мне делать теперь?»

Друг сказал: «Если он никогда с тобой не говорил, какая разница? Продолжай говорить!»

Но этот человек сказал: «Нет! Ведь он слушал!»

Весь психоанализ и его практика зависят от слушания. Там нет больше ничего в действительности, все ос-тальное — это фокусы вокруг него. В чем же дело? Потому что человек уделяет вам так много внимания, и не обычный человек, а знаменитый, хорошо известный психиатр, написавший много книг; он лечил многих извест-ных людей. Вы чувствуете себя хорошо, ведь больше никто вас не слушает, даже ваша жена. Никто не слушает вас, никто не уделяет вам внимания, вы живете в мире, как ничтожество — и вы очень много платите психиатру. Это роскошь, только очень богатые люди могут себе это позволить.

Зачем они это делают? Что они делают? Они просто лежат на кушетке и говорят, а психоаналитик слушает — но он уделяет вам внимание. Конечно, вы должны за это платить, но вы чувствуете себя хорошо. Из ка-бинета вы выходите другим человеком: ваше качество изменилось; вы пританцовываете, вы можете насвистывать, вы на-певааете. Это не навсегда — на будущей неделе вы должны будете снова прийти в кабинет — но когда кто-то слу-шает, уделяет вам внимание, он дает понять, что вас стоит слу-шать, он не кажется уставшим. Он может ничего не говорить, но и тогда это хорошо.

У вас есть необходимость быть нужным. Кто-то должен нуждаться в вас, иначе вы теряете почву под ногами, вам нужно общество. Даже если кто-то борется с вами, это хорошо, это лучше, чем быть одному, ведь, в конце концов, он уделяет вам внимание как врагу; вы можете о нем думать.

Когда вы любите, смотрите на эту потребность. Смотрите лучше на влюбленных; если вы сами влюблены, это сделать трудно, вы почти безумны, вы не в себе. Но последите за влюбленными: они говорят друг другу: «Я тебя люблю», — но в глубине сердца они хотят быть любимыми. Это не любовь, суть в том, чтобы быть любимым, и они любят только чтобы быть любимым. Основное — не любить, а быть любимым.

Вот почему влюбленные постоянно обвиняют друг друга: «Ты меня больше не любишь». Это самое важное, эта нужда бесконечна. Следовательно, пути бесконечны, это желание не

может быть удовлетворено. Чтобы ни делал любимый, вы всегда чувствуете, что возможно нечто большее, вы надеетесь на большее. А потом вам этого не хватает, и тогда вы чувствуете разочарование. И каждый влюбленный думает: «Я люблю, но другой — не очень-то отвечает». Другой думает в тех же терминах. В чем же дело?

Никто не любит. Пока вы не станете Иисусом или Буддой, вы не можете любить, так как любить может только тот, чья нужда быть нужным, исчезла.

В прекрасной книге Халила Джибрана «Иисус, сын человеческий», — он создал выдуманную, но замечательную историю — а иногда выдумка более правдива, чем факты: Мария Магдалина выглянула в окно и увидела Иисуса, сидящего под деревом в ее саду. Этот человек был прекрасен. Она знала многих мужчин, она была знаменитой проституткой — даже цари стучались к ней в дверь, она была одним из прекраснейших цветков. Но она никогда не знала подобного человека, потому что личности, подобные Иисусу, несут невидимую ауру, окружающую их и придающую им красоту иного мира, как если бы они не принадлежали к этому миру. Вокруг него был свет и красота, он ходил и сидел так, как будто был императором в рубище нищего.

Он выглядел настолько человеком из иного мира, что Магдалина приказала своим слугам найти и пригласить его, но Иисус отказался. Он сказал: «Мне хорошо здесь. Дерево тенистое и прекрасное».

Тогда Магдалина пошла сама и пригласила Иисуса — она не могла поверить, что кто-то может отказаться от приглашения. Она сказала: «Зайди в мой дом и будь моим гостем».

Иисус сказал: «Я уже зашел в твой дом, я уже стал твоим гостем. Теперь нет нужды». Она не поняла. Она сказала: «Нет, ты заходи, не отказывай мне, мне никто никогда не отказывал. Разве ты не можешь сделать такую малость? Будь моим гостем. Поешь со мной сегодня, останься со мной на ночь». Иисус сказал: «Я уже принял приглашение. И помни: те, кто говорит, что принимают тебя, никогда тебя не примут; и те, кто говорит, что любят тебя, никто из них тебя не любил. И я говорю тебе, я тебя люблю, и только я могу тебя любить». Но он так и не вошел в дом; отдохнув, он ушел.

Что он сказал? Он сказал: «Только я могу любить тебя. Те, другие, которые говорят, что любят тебя, не могут любить, потому что любовь — это не нечто, что вы можете сделать — это качество вашего бытия».

В том состоянии, в котором вы находитесь, вы не можете любить, в состоянии, в котором вы находитесь, ваша любовь фальшива. Вы просто показываете, что вы любите, так что вы можете быть любимы, и другой делает то же самое. Вот почему влюбленные — всегда в беде — они оба обманывают друг друга, и оба чувствуют себя обманутыми. Вы любили когда-нибудь по-настоящему? Можете ли вы сказать, что вы любили? От всего сердца? Нет! Вы никогда об этом не заботились, вы были уверены, что вы любите. Проблема всегда в другом, на себя вы не смотрите.

Мулле Насреддину исполнилось девяносто девять лет, и из местной газеты прибыл репортер, чтобы взять у него интервью, потому что он был самый старый человек в округе. После интервью репортер сказал: «Я надеюсь, что мне удастся приехать и в следующий раз, когда вам исполнится сто лет». Мулла Насреддин посмотрел на него удивленно и сказал: «Почему бы и нет, молодой человек? Вы мне кажетесь достаточно здоровым!»

Никто не смотрит на себя: глаза глядят на других, уши слушают других, руки тянутся к другим — никто не тянется к себе, не присматривается к себе. Любовь приходит тогда, когда вы получаете кристаллизованную душу, Я. С эго эго никогда не случится; эго хочет

быть любимым, это пища, которая ему нужна. Вы любите так, что становитесь нужной личностью. Вы даете детям рождение не потому, что вы любите детей, а просто потому, что вы будете нужны, и сможете всем говорить: «Посмотрите, как много обязанностей я выполняю, какой долг лежит на мне! Я — отец, я — мать...» Это — лишь для прославления вашего эго.

Пока эта нужда, быть нужным, не отброшена, вы не можете быть одиноким. Идите в Гималаи — и вы создадите общество. А если эта нужда, быть нужным, отброшена, где бы вы ни были: на рыночной площади, в самой толчее города, вы будете одиноки.

Теперь попытайтесь понять слова Иисуса:

«Блаженны одинокие и избранные, ибо вы найдете Царство, ибо вы пришли из него, и вы придете туда снова».

Вникните в каждое слово: «Блаженны одинокие...» Кто одинок? Тот, чья нужда, быть нужным, отброшена; тот, кто полностью доволен собой, какой есть; тот, кто не нуждается ни в ком, говорящем, что вы полны смысла. Его смысл — в нем. Теперь его знание приходит не от других, он его не выпрашивает, его значение приходит из его сущности. Он не нищий, он живет сам с собой.

Вы не можете жить сами с собой. В одиночестве вы становитесь беспокойными; вы сразу чувствуете неудобство, дискомфорт, глубокую тревогу. Что делать? Куда идти? Идите в клуб, в церковь, или в театр, или по магазинам — но идите куда-нибудь, встречайте других. Для богатых людей хождение по магазинам — единственная игра, единственный спорт. Если вы бедны, вам нет смысла заходить в магазин, вы просто ходите по улице, глядя на витрины. Но ходите.

Быть одному очень трудно и непривычно, экстраординарно. Зачем это желание? Затем, что когда вы одни, вся ваша значимость исчезает. Идете и купите что-нибудь в магазине; продавец придаст вам значимость, а не вещи, так как вы идете покупать бесполезные вещи. Вы покупаете только во имя покупки, но продавец, владелец магазина смотрит на вас, будто вы царь. Он ведет себя так, будто зависит от вас, причем, вы хорошо знаете, что это всего лишь маска. Вот как вас эксплуатируют владельцы магазинов: продавцу вы совершенно безразличны, его улыбка нарисованная, он улыбается каждому, в ней нет ничего, обращенного лично вам, но вы на это не обращаете внимания. Он улыбается, приветствует и принимает вас, как желанного гостя. Вы чувствуете себя удобно, вы — некто, есть люди, зависящие от вас; этот владелец магазина вас ожидал.

Всегда вы ищете взгляды, которые придадут вам значимость. Когда на вас смотрит женщина, она придает вам значимость. Теперь психологи открыли, что когда вы заходите в комнату, в зал ожидания аэропорта, вокзал или отель, если женщина посмотрела на вас дважды, она готова быть соблазненной. Но если женщина глянет только один раз, не тревожьте ее, забудьте об этом. Снимали фильмы скрытой камерой, и это — факт, женщина смотрит дважды только в том случае, если она хочет быть оцененной, хочет, чтобы на нее смотрели.

Мужчина входит в ресторан: женщина глянет один раз, но если он не представляет ценности, она не посмотрит второй раз. И охотники за юбками хорошо это знают, они знали это всегда. Психологи узнали это только сейчас, они наблюдали за глазами. Если женщина посмотрела снова, она заинтересована. Теперь возможно многое, она дала намек, что готова идти с вами, или играть в любовную игру. Но если она не взглянула на вас снова, эта дверь закрыта; лучше постучать в какую-нибудь другую дверь.

Когда женщина смотрит на вас, вы становитесь важным, очень значительным, в этот миг вы уникальны. Вот почему любовь создает столь сильное излучение, любовь придает вам больше жизни.

Но в этом и проблема, потому что одна и та же женщина, глядящая на вас ежедневно, не очень поможет. Вот почему мужья пресыщаются своими женами, а жены — мужьями. Как можно черпать значимость в одних и тех же глазах снова и снова? Вы привыкли, это ваша жена, здесь уже нечего завоевывать. Вот откуда — стремление стать Байроном, стать Дон Жуаном, идти от одной женщины к другой. Это не сексуальная нужда. Помните, это вообще не имеет никакого отношения к сексу, потому что секс — более глубок с одной женщиной, в глубокой ин-тимной близости. Это — не секс, не любовь, вовсе нет, любовь хочет быть с одним все более и более глубоко; лю-бовь — углубляется.

Это не любовь, не секс, это нечто иное: нужда эго. Если вы можете каждый день завоевывать новую женщину, вы чувствуете себя очень значительным, завоевателем. Но если вы остановились на одной женщине, застыли, и никто больше на вас не смотрит, не придает вам смысла, вы чувствуете себя конечным. Вот почему жены и мужья выглядят такими безжизненными, бесстрастными. Можно с одного взгляда с большого расстояния сказать, идут ли это муж с женой или нет. Если нет, вы это почувствуете, они будут счастливы, будут смеяться, говорить, наслаждаться друг другом. Если же это муж и жена, они просто терпят друг друга.

Пришла двадцать пятая годовщина свадьбы Насреддина. В этот день он собрался куда-то уйти. Его жена была немного раздражена, она подумала, что он что-нибудь сделает, а он уходил, как обычно. Вот она и спросила: «На-среддин, ты не забыл, какой сегодня день?» Насреддин сказал: «Я знаю».

Тогда она сказала: «Тогда сделай что-нибудь необычное!» Насреддин подумал и сказал: «Как насчет двух ми-нут молчания?» Когда вы чувствуете, что жизнь застыла, это показывает то, что вы могли думать, что это была любовь. Это не было любовью, это была нужда эго — нужда завоевывать, быть нужным каждый день новой женщине, новому мужчине, другим людям. Если вы преуспеваете в этом, тогда вы чувствуете себя счастливым неко-торое время, так как вы не обычный человек. Это страсть политика: быть нужным всей стране. Что пытался сделать Гитлер? Быть нужным всему миру!

Но эта нужда не позволит вам быть одиноким, политик не может стать религиозным — он движется в проти-воположном направлении. Вот почему Иисус говорит: «Очень трудно богатому войти в Царство Божие. Верблюд может войти в игольное ушко, но не богач в Царство Небесное». Почему? Потому что человек, который накопи-вает богатства, пытается стать значительным с помощью достатка. Он хочет быть кем-то, а для та-кого человека врата Царства закрыты.

Туда могут войти только те, кто достиг своего ничтожества; только те, чьи лодки пусты, чьи нужды эго были поняты как бесполезные и невротичные, кто проник в нужды эго и нашел их ненужными — не только ненужны-ми, но и вредными. Нужды эго могут сделать вас безумными, но никогда не удовлетворят вас.

Кто такой одинокий? Тот, чья нужда быть нужным исчезла, кто не просит вас придавать ему значения, кто не зависит от ваших взглядов, ва-шего отношения. Нет! Если вы даете ему любовь, он будет благодарен, но если вы не даете, нет никакой разницы; если вы не даете, он так же хорош, как и всегда. Если вы придете к нему в гости, он будет счастлив, но если вы не придете, он так же счастлив, как всегда. Если он живет в толпе, он будет этому рад, но если

он живет отшельником, он также будет рад.

Вы не сможете сделать одинокого человека несчастным, он научился жить с собой и быть счастливым с собой. В одиночестве он самодостаточен. Вот почему родственникам не нравится, когда кто-то становится религиозным; если муж начинает заниматься медитацией, жена чувствует беспокойство. Почему? Она может даже не сознавать, что происходит. Почему она чувствует беспокойство? Если жена начинает молиться, начинает двигаться к религии и Богу, муж чувствует беспокойство. Почему?

В сознание проникает бессознательный страх. Страх, что он, или она пытаются стать достаточными сами по себе; это страх. Если жене предоставить выбор, если есть возможность выбрать мужа, какого она бы хотела: медитирующего или пьяницу — она выберет пьяницу, а не медитирующего. Предложите мужу выбор: «Хотите ли вы, чтобы ваша жена стала саньясином, или пошла по неверной дорожке и стала заблудшей?» — муж выберет последнее.

Саньясин — означает того, кто достаточен для самого себя, кто не нуждается ни в ком, кто ни в чем не является зависимым — и это страшит: тогда вы становитесь бесполезны. Все ваше существование строилось на его нужде в вас. Без вас он был ничем, без вас его жизнь была ненужной и пустой — только с вами он мог расцвести. Но если вы узнаете, что он может цвести в своем одиночестве, ваше эго будет задето, вы начнете волноваться.

Кто такой одинокий? А Иисус говорит: «Блаженны одинокие...», — люди, которые могут жить с самими собой; так же легко, как если бы с ними был весь мир; которые могут наслаждаться собой, как малые дети.

Маленькие дети могут наслаждаться собой. У Фрейда для них есть особый термин: полиморфный. Маленький ребенок наслаждается собой, он играет со своим собственным телом, он аутоэротичен, он сосет свой собственный палец. Если он хочет еще чего-нибудь, это — телесные нужды, вы даете ему молоко, вы меняете его пеленки — это физические нужды. Но у него еще нет психологических нужд. Он не заботится о том, что о нем думают люди; думают ли они, что он прекрасен, или нет. Вот почему любой ребенок прекрасен, потому что он не заботится о вашем мнении.

Не рождается ни одного уродливого ребенка, но все дети потом становятся уродливыми. Очень трудно найти прекрасного старика — это редкость. Очень трудно найти уродливого ребенка, это тоже редкость. Все дети прекрасны, все старики становятся уродливыми. В чем причина? Если дети рождены прекрасными, они должны и умирать прекрасными! Но жизнь кое-что делает...

Все дети — самодостаточны, в этом их красота; они существуют, как свет для самих себя. Все старики бесполезны, они поняли, что они не нужны. И чем старше они становятся, тем больше чувствуют, что они не нужны. Люди, которым они были нужны, исчезли: дети выросли, они живут с собственными семьями, жена или муж — умерли. Теперь они не нужны миру, никто не заходит в их дома, никто не показывает уважения. Даже если они гуляют, никто их не узнает. Они могли быть великими деятелями, боссами в учреждениях, президентами банков, но никто их не узнает, никто их даже не замечает — они не нужны. Они чувствуют себя лишними, они просто ждут смерти. И никто не будет озабочен, если они умрут; никто не будет тревожиться. Даже смерть становится уродливой.

Даже если вы можете подумать, что когда вы умрете, миллионы людей будут плакать по вам, вы почувствуете счастье: тысячи и тысячи отдадут дань уважения вам, когда вы умрете.

Однажды произошло следующее: один человек в Америке сделал то, чего не делал

никто... Он узнал, как люди будут реагировать на его смерть. Перед своей смертью, за двадцать четыре часа, он был предупрежден врачами, он объявил о своей смерти. А он был владельцем нескольких цирков, выставок, рекламных агентств, так что он знал, как разрекламировать этот факт. Утром его агент объявил через прессу, радио, телевидение, что он мертв. Вот и были написаны статьи, комментарии, начались телефонные звонки, было много различных событий. Он читал и наслаждался этим.

Когда кто-то умирает, он всегда хорош, так утверждают люди. Когда вы умираете, вы тут же становитесь ан-гелом, никто не думает, что имеет смысл говорить что-то против вас, когда вы мертвы. Пока вы живы, никто не скажет ничего в вашу пользу. Помните, когда вы мертвы, все будут счастливы — в конце концов, вы сделали хоть что-то хорошее: вы умерли.

Каждый высказывал почтение к этому человеку, появились фотографии в газетах — он этим полностью на-сладился. И потом он умер, полностью умиротворенный тем, что все так прекрасно.

Другие вам нужны не только в вашей жизни, но даже в смерти... Подумайте о вашей смерти: только два или три человека, ваши слуги и собака последуют за вами с последним прощанием — и больше никто, никаких ре-портеров, фотографов, ничего — даже ваших друзей там не будет. И каждый чувствует себя счастливо, что эта тяжесть ушла. Просто подумайте об этом, и вы опечалитесь.

Даже в смерти остается нужда быть нужным. Что это за жизнь? Важны лишь мнения других, а не ваши. Ваше существование ничего не значит?

Когда Иисус говорит: «Блаженны одинокие...», — он имеет в виду следующее: человек, который остается со-вершенно счастливым сам с собой, который может быть один на всей земле, и не будет никакого из-менения на-строения, душевный климат не изменится. Если весь мир исчезнет в третьей мировой войне — это может слу-читься в любой день — и вы останетесь одни, что вы сделаете? Кроме как немедленно совершить самоубийство, что можно сделать?.. Но одинокий человек сидит под деревом и становится Буддой — без мира. Одинокий будет счастлив, он будет петь и танцевать, он будет жить — его настроение не изменится. Вы не сможете изменить на-строение одинокого человека, вы не сможете изменить его внутренний климат.

Иисус говорит: «Блаженны одинокие и избранные...». Это — избранные люди, так как те, кому нужна толпа, вновь и вновь будут бро-шены в толпу — это их нужда, их потребность, это их страсть. Бог выполняет то, что вы просите, и все, чем вы являетесь — это исполнение ваших прошлых желаний. Не обвиняйте в этом больше нико-го, это то, о чем вы молились. И помните, это — одна из самых опасных вещей на свете: то, чего вы желаете, бу-дет исполнено.

Подумайте, прежде чем пожелаете что-то! Существуют все возможности, что это будет исполнено — а тогда вы будете страдать. Вот что происходит с богатым человеком: он был беден, потом он пожелал богатств — и теперь это исполнено. Теперь он несчастен, теперь он рыдает и плачет, и говорит:

«Вся моя жизнь ушла на накапливание бесполезных вещей, и я несчастен». Но таково было его желание. Если вы желаете знания, это будет исполнено: ваша голова станет огромной библиотекой, множеством писаний. Но потом вы будете плакать и рыдать, и кричать: «Только слова, всё слова и слова — и ничего существенного. И я потратил на это всю свою жизнь!»

Желайте с полной сознательностью, так как любое желание будет исполнено когда-то.

Ему может понадобиться немного больше времени, вы уже стоите в очереди; многие другие желали до вас, так что нужно немного подождать. Иногда ваше желание в этой жизни может быть исполнено в другой, но желания всегда исполняются, это один из опасных законов. Так что перед тем, как вы пожелаете, подумайте! Перед тем, как попросить, подумайте! Подумайте хорошенько, оно будет когда-то исполнено, и тогда вы будете страдать.

Одинокий становится избранным, он избран Богом. Почему? Потому, что одинокий никогда не желает ничего от этого мира. Он в нем не нуждается, он выучился от этого мира всему, чему можно от него выучиться, эта шко-ла окончена, он прошел через нее. Он стал подобен высокой вершине, которая остается одинокой в небе — он стал избранным, Гуришанкар, Эверестом. Будда, Иисус — высокие вершины, одинокие пики. В этом их красота: они существуют в одиночестве.

Одинокий — избран. Что избрал одинокий? Он избрал только свою сущность. А когда вы избираете собственную сущность, вы избрали сущность всей Вселенной, потому что ваша сущность и Вселенская Сущность — одно и то же. Когда вы избрали себя, вы избрали Бога, когда вы избрали Бога, Бог избрал вас — вы стали избранным.

«Блаженны одинокие и избранные, ибо вы найдете Царство, ибо вы пришли из него, и вы придете туда снова».

Одинокий — это саньясин..., вот что означает саньясин: одинокое существо, бродяга, совершенно счастливый в своем одиночестве. Если кто-то идет с ним — все в порядке, это хорошо. Если кто-то его оставляет, это тоже хорошо. Он никогда никого не ждет, и он никогда не оглядывается назад. Один — он целен. Эта «сущность», эта целостность делает вас кругом, начало, и конец которого встречаются, альфа и омега встречаются. Одинокий не подобен линии, вы подобны ей — ваши начало и конец никогда не встретятся. Одинокий подобен кругу, вот почему Иисус говорит: «...ибо вы пришли из него, и вы придете туда снова», — вы становитесь единым с источником, вы стали кругом. Есть другое изречение Иисуса: «Когда начало и конец станут одним, вы стали Богом».

Вы могли видеть рисунок — это один из древнейших знаков тайных египетских обществ — змея, пожирающая свой хвост. Это означает встречу начала и конца, вот что означает перерождение; вот что означает, что вы должны стать как дети: движение в круге, возвращение к истоку, достижение того, откуда вы пришли.

Иисус сказал: «Если они скажут вам...»

«Они» — означает общество, толпу, тех, кто еще не избраны, тех, кто постоянно нуждается быть нужным. «Если они скажут вам...», — а они скажут, они не позволяют никому стать одиноким. Они будут вас преследовать, они постараются вдавить вас назад, в общество. Они захотят вернуть вас назад, в тюрьму — они не могут сообразить, каким образом вы сбежали. Им будет неуютно с вами, если вы станете одиноким. Почему? Потому что само ваше присутствие заставит их сомневаться в их собственном бытии; это неудобно.

Когда Иисус входит в вас, вам становится неудобно, ведь если этот человек прав, тогда вы неправы — а этот человек ведет себя так, что выглядит правым. Если этот человек прав, тогда кем же вы получаете? Иисус только входит в общество — и все общество сотрясается, этот человек кажется таким счастливым, не нуждающимся ни в ком, никому не нужным, таким одиноким и блаженным; а вы — почти невротик и безумец.

Что-то не так с вами, а не с этим человеком. Вы попытаетесь любым способом доказать, что этот человек неправ. Существуют книги, написанные против Иисуса, в которых

доказывается, что этот человек был душевно-больным. Есть книги, которые доказывают, что Иисус был невротиком. Кто писал эти книги? «Они» — они пи-сали эти книги, так как только если они могут доказать, что этот человек был неправ, был невротиком, был сумасшедшим, только тогда они успокоятся. Но оба не могут быть правы: если прав этот человек, тогда неправы вы.

Но что за нужда? Если этот человек невротик, зачем это доказывать, к чему волноваться, зачем беспокоиться о нем? Это потому, что он заставляет вас сомневаться в себе. Вот почему мы должны всегда отвергать таких лю-дей, пока они живы. Мы их приглашаем, когда они мертвы, потому что тогда мы можем разрисовать их лица по-своему.

Посмотрите на лицо христианского Иисуса! Это — даже не карикатура, даже не шарж, — оно совершенно фальшиво. Христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся, я никогда не видел ни одного изображения смею-щегося Иисуса. Он должен был быть смеющимся, слышали ли вы этот смех, или нет — это не главное, он должен был любить смеяться, быть кипящим источником, цвести. Но христиане рисовали его настолько печальным, на-сколько возможно. Так, как они его рисуют, он выглядит невротиком; он выглядит настолько печальным, что быть с ним вместе было бы тяжело. Пойдите в любую христианскую церковь и посмотрите на портрет Иисуса. Понравилось бы вам побыть с этим человеком хотя бы одну ночь в одной комнате? Вы скажете: «Хорошо. Доста-точно, лишь воскресного утра достаточно». Но целую ночь с таким человеком? Вы испугались бы. Он так печален, вы уже достаточно печальны сами, зачем добавлять еще?

Христиане избрали крест в качестве своего символа, и они все утратили. Иисус говорил о кресте, и он был рас-пят, но смысл его слов был совершенно иной. Они избрали крест. Потому что он показывает страдание, а мы так много страдали, что не можем поверить в смеющегося Христа. Мы можем поверить в страдающего Христа — это так похоже на нас, совсем как мы, даже еще больше страдающего, чем мы. Мы понимаем стра-дание; язык грусти, смерти мы понимаем. Жизнь мы не понимаем. Вот почему есть христианство, а вокруг Кришны не может быть никакой религии.

Индуисты поклоняются Кришне, но неохотно — он так противоречит вашему бытию: играет на своей флейте, танцует с девушками, всегда счастлив, и всегда смеется. Он настолько против вашего бытия, что вы не можете его понять. Как вы можете понять танцы? Вы можете понять смерть, вы можете понять распятие — но вы не можете понять флейту и пение.

Христианство распространилось, как пожар, по всему миру, но нет ни одного поклоняющегося Кришне. Те, кто думают, что они ему поклоняются, не таковы, у них есть трудности с Кришной. Они должны объяснять Кришну разными способами. Они не могут поверить, что этот человек танцевал с женой каждого, или что у него было шестнадцать тысяч подружек. Невозможно! Должен быть какой-то другой смысл. Вот они и интерпретиру-ют Кришну по-своему: что эти шестнадцать тысяч подружек в действительности не подружки, а нервная система человека — шестнадцать тысяч нервов. Но я говорю вам, у этого человека было шестнадцать тысяч подружек, этот человек смеялся, пел и танцевал — он был самым экстазом. И Иисус был таким же, вот почему я говорю, что его имя «Христос» — может быть производным от «Кришны».

Иисус был таким же, он не был печальным человеком. Но вы не можете понять язык смеха — нет, еще нет. Для танцующего бога ваши сердца еще не готовы; мир — еще не дом для танцующего бога. Кришна кажется не-возможным, но Иисус кажется почти

согласованным с вашей жизнью.

Распятие стало символом, крест стал символом, но для Иисуса крест означал нечто совершенно иное, и я скажу вам, что он означает для Христа.

В кресте есть две линии, обычные линии: одна горизонтальная, а другая — вертикальная. Вот каков крест — это перекресток, точка перекрещивания. Горизонтальная линия — это время: прошлое, настоящее, будущее; «А», «Б», «В», движущиеся по линии. Вы живете на этой линии. Вертикальная линия — это вечность, «сейчас». Оно всегда присутствует, для него нет прошлого и будущего. Оно идет выше и выше, оно движется вверх, а не вперед.

Время и вечность встречаются там, где распят Иисус; тот момент, когда Иисус умирает, это — сейчас. Если вы умираете сейчас, вы возродитесь, вы родитесь вновь. Тогда для вас нет смерти, так как время исчезает и вы вечны. Крест — это символ, символ встречи времени и вечности. И эта точка должна быть вашей смертью. Она не может быть ничем иным, так как когда вы исчезаете из мира времени, вы становитесь частью вечности. А они перекрещиваются. Где они перекрещиваются? Именно здесь и сейчас, они перекрещиваются в этот момент. Сей-час — это миг, в который существует крест. Но если вы продолжаете двигаться горизонтально, будущее, вы ут-рачиваете. Если вы начинаете прямо с этого момента двигаться вертикально, вы — на кресте: вы умрете таким, какой вы есть, и родитесь вновь — совершенно заново. Смерти не существует, это рождение дает Вечную Жизнь. Для Иисуса крест был символом времени: перекрещивание времени и вечности! Но для христиан он стал печаль-ным символом страдания.

Если бы Иисус остался в Индии, а не ушел к иудеям, и если бы мы нарисовали крест, тогда крест был бы тем же самым, но Иисус отличался бы. Он был бы совсем как Кришна, экстаичным, его лицо улыбалось бы, все его существо улыбалось бы, потому что это — момент экстаза. Когда время исчезает, вы умираете для мира времени и возрождаетесь в мире вечности — в этот момент вы должны быть экстаичны. Это — то, что индуисты называли самадхи.

Но христианство это утратило. Так случается всегда, ведь Иисус несет неудобство, он подобен червю в сердце, сосущему вас. Вы должны устро-иться в покое. Когда он мертв, тогда вы можете все устроить в соответствии с собой, тогда вы можете нарисовать Иисуса, соответствующего вам — тогда он ничто иное, как ваш представи-тель.

«Если они скажут вам», — а они скажут вам: «Откуда вы произошли?» — Скажите им «Мы произошли от света, где свет произошел от самого себя».

Мы пришли из Бога, мы — сыновья Бога; мы пришли из истока всего бытия. А исток всего бытия не имеет другого истока — он самопроизводящий, самосозидающий. У Отца нет иного Отца, Создатель не имеет иного соз-дателя, Создатель — самосозидающая сила.

«...Мы произошли от света, где свет произошел от самого себя».

Если вас спрашивают: — «Каков знак Отца вашего, который в вас?»

Они спросят: «Вы стали Просветленным? Каков знак этого? Вы узнали Отца? Тогда каков знак этого? Дайте нам знаки», — потому что они не могут смотреть непосредственно, они всегда смотрят на знаки, они не могут проникнуть непосредственно в вас. Даже когда Будда здесь, вы просите о знаках, даже когда Иисус здесь, вы про-сите о знаках:

«Покажи нам какой-нибудь знак, так, чтобы мы могли понять». А Иисус — там. Разве этого не достаточно? Нет, вы не можете понять — он превосходит вас.

Люди приходили к Иисусу и спрашивали: «Действительно ли ты тот, которого

обещали? Ты ли тот Избран-ный?» Они спрашивали его. Они должны были спрашивать его учеников в большей степени, потому что «они» всегда против учеников. Они — против Мастера, но еще сильнее они против учеников, ученики больше бывают среди них, чем Мастер; они живут среди них, они вынуждены жить среди них, и те будут задавать головоломные вопросы. Они будут спрашивать: «Каков знак Отца на вас? Превратите воду в вино, и мы пойдем. Или оживите мертвого, или сделайте что-нибудь против природы!» Тогда они поймут.

Что сказал Иисус? Иисус не сказал: «Творите чудеса и дайте им знаки». То, что он сказал, одна из прекраснейших вещей.

Он сказал: «Скажите им: Это движение и покой».

Это — знак Бога в вас: движение и покой».

Очень трудно понять. Что он имеет в виду? Он говорит: «Мы движемся и все же в покое. Противоречие в нас исчезает. Теперь мы — синтез всех противоречий; мы говорим, и все же не говорим; мы говорим, и все же есть молчание; мы любим, и все же мы не любим, потому что нужда быть любимым исчезла, мы одиноки, и все же мы среди вас, вы не можете взволновать нашего одиночества. Мы — в толпе, но не от толпы, толпа не проникает в нас. Мы живем и движемся в этом мире, но мы не принадлежим к этому миру — мы можем быть в нем, но этот мир — не в нас...»

Вот что говорит Иисус: «Это движение и покой. Посмотрите на нас: мы движемся и все же, в движении нет на-пряжения; мы ходим, но в центре нашего существа нет никакого движения, потому что нет намерения, попасть куда-либо — мы уже достигли. Это — знак Отца в нас. Посмотрите на нас. Нет никакого желанья, но все же мы постоянно трудимся; нет никакого намерения, и все же мы продолжаем дышать и жить. Посмотрите на нас: мы живем, и все же не живем. Вы видите нас во времени, а время для нас исчезло — мы вступили в вечность». Но это — знак настоящего Мастера, этот знак: движение и покой.

Для вас это было бы легко, если Мастер движется, служит людям, изменяет общество, создает великое движение к некоей утопии. Вам будет легко понять Ганди: постоянное движение, активность — политическая, социальная, религиозная — и преданность другим. Очень легко увидеть, что Ганди — Махатма, великая душа. Это очень легко, потому что есть движение, только движение, посвященное другим... Это — служение: не жить ради себя, а ради других. Или вы можете с легкостью понять чело-века, который удалился на покой, отрекся от мира и ушел в убежище в Гималаи — не говорит, не движется, ничего не делает; ни служения, ни социальной активности, ни религиозной деятельности, ни ритуала — он просто сидит там в молчании. Вы можете понять и его — он в покое.

Но оба выбрали только один полюс. Они могут быть очень хорошими людьми, хорошие люди есть, — но они не совершенны. У них нет знака Отца, совершенство — это знак. Они должны стать как Иисус: движущимися, и все же молчаливыми.

Движение и покой: жить в мире, не отрицая его — и все же полностью отринуть. Высшее случается там, где встречаются крайности. Если вы выбрали одно, вы упустили, вы утратили ориентир. Не выбирайте! Вот почему Лао-Цзы, Иисус и другие говорят: «Не выбирайте!» Выбирая, вы утрачиваете. Не выбирайте — дайте движению быть и дайте покою быть, пусть они пребывают вместе. Станьте симфонией, а не одной нотой. Одна нота проста.

Я слышал историю о Мулле Насреддине: у него была скрипка, и он постоянно брал на ней одну ноту. Вся се-мья волновалась, соседи сер-дилась и говорили ему: «Что это за

музыка? Если ты учишься, тогда учишься правильно. Ты постоянно берёшь одну и ту же ноту... и это так уютно, что даже днем все засыпают».

И жена Насреддина говорила: «Ну, хватит! Мы это слушаем месяцами, таких музыкантов не бывает! Что ты делаешь?»

Насреддин сказал: «Другие пытаются найти свою ноту, я ее уже нашёл. Вот почему они все время меняют ноты, они еще на пути, они ищут нужную ноту. А я уже нашёл, так что я достиг цели».

Одна нота — проста, нет нужды долго учиться. Но простая нота теряет всю прелесть, ведь чем выше сложность, тем выше красота происходящего.

Бог — это самое сложное: весь мир — это Он, вся Вселенная встречается в нем. Так каков же знак вашего Отца? Это может быть только синтез, это может быть только симфония, где все ноты слились.

«Движение и покой» — это просто символ. Скажите им: «Это движение и покой».

Попытайтесь этому следовать, попытайтесь сделать это вашей жизнью. Крайности легко избрать: вы можете двинуться в активность и в этом утратить, или вы можете отрицать активность, и утратить в покое. Но и то, и другое будет выбором — вы будете настолько отдалены от Бога, насколько это возможно, потому что Бог не отвергает ничего, он не отрицает ничего.

Он — во всем. Он — Все. Если вы тоже становитесь Всем, не отрицая, не отвергая, без всякого выбора, невыбирающая сознательность, тогда вы имеете знак Предельного, знак Бога.

Опасайтесь крайностей! Они — опасные пути, на которых оступают. Дайте обеим крайностям встретиться, тогда вырастет новое явление — более нежное, более тонкое, более сложное, но и более прекрасное.

Изречение восемнадцатое...

*Симон Петр сказал им:
Пусть Мария уйдет от нас,
ибо женщины недостойны Жизни
Иисус сказал:
Смотрите, я поведу ее,
чтобы сделать ее мужчиной,
Чтобы она тоже стала духом живым,
Подобным вам, мужчинам.
Ибо вам женщина,
которая станет мужчиной,
войдет в царствие Небесное.*

Плавание в бурных водах

Сегодня мы поплывем в бурных водах. Но многое должно быть понято — и не будьте предвзяты никоим образом, потому что предвзятости сделают понимание почти невозможным. Первое: мужчины и женщины полностью различны; они не только различны, они — противоположны. Вот почему существует такое притяжение между ними. Притяжение может существовать только между противоположностями. Подобное не может быть очень притягательно — кем бы вы ни были, вы с этим знакомы. Для мужчины женщина неизвестна. Это привлекает, это призывает, это приглашает; растет желание узнать, растет любопытство.

Для женщины — мужчина является неизвестным. Для мужчины Бог проникает в этот мир в образе женщины, потому что Бог — это неизвестное.

Для женщины мужчина представляет Божественное, так как он ей неизвестен. Итак, противоположное очень притягательно.

Вот первое, что нужно понять: они различны; не только различны, но противоположны, но они — равны. Есть различие, есть противоположность, есть полярность, но они — не неравны, они равны. Две противоположности всегда равны, иначе они не могут противостоять друг другу.

Второе, что нужно понять: что женское тело существует для совершенно других целей; биологически, физио-логически, химически оно имеет совершенно другие функции по сравнению с мужским телом, оно настолько от-лично от мужского тела, что без проникновения в глубочайшие области биологии вы не поймете различия. Они существуют, как два отдельных мира.

Женщина носит в себе матку. Само слово женщина происходит от выражения ... «человек с маткой». И матка столь важна, нет ничего важнее ее, потому что вся жизнь проходит через нее. Вся жизнь проходит через нее, это — сами врата в мир. И благодаря ней женщина должна быть восприимчивой, она не может быть агрессивной. Мат-ка не может быть агрессивной, она должна быть восприимчивой, она должна быть открытой, она должна приглашать неизвестное. Матка должна быть пристанищем, мужчина будет гостем.

Из-за того, что матка является центральным явлением женского тела, вся физиология женщины отлична: она — не агрессивна, не любопытна, не задает вопросов, не сомневается, потому что все это — составляющие агрессии. Вы сомневаетесь, вы спрашиваете, вы исследуете; она — ждет, когда придет мужчина, чтобы ее исследовать. Она не возьмет на себя инициативу, она просто ждет — и она может ждать бесконечно.

Об этом ожидании нужно помнить, потому что это и создает различие. Когда женщина вступает в мир религии, она должна следовать по совершенно иному пути, чем мужчина. Мужчина агрессивен, он сомневается, спрашивает, выходит на путь поиска, пытается все завоевать. Он должен так поступать, потому что он существует вокруг агрессивной спермы. Все его тело существует вокруг сексуальности, которая должна искать, проникать.

Все оружие, которое человек создал до настоящего времени — даже бомба, водородная бомба — является просто проекцией мужского секса, проекцией пениса. Стрела, пуля, бомба — проникают, достигают цели, преодолевают пространство. Даже по поводу полета на Луну женщина будет просто смеяться и думать, что это глупо: «За-чем туда лететь?» Для мужчины жизнью стоит рисковать, потому что это — вид проникновения — проникновения в тайны жизни. Чем более отдалена цель, тем она привлекательнее... Мужчина достигнет Эвереста, он достиг Луны; он будет идти все дальше вперед; он не может быть остановлен, ему нельзя помешать. Все, что становится известным — бесполезно, тогда это неинтересно. Тогда нужно проникать в более глубокие тайны, как если бы вся природа была бы женщиной — а мужчина должен проникнуть и узнать.

Мужчина создал науку; женщины никогда не могут стать учеными, потому что в них нет основополагающей агрессивности. Они могут быть мечтательницами, потому что мечтание — это ожидание, это — часть матки, но они не могут быть учеными, они не могут быть логичными — логика — это тоже агрессия. Женщина не может быть скептической и сомневающейся — они могут верить, для них это естественно, для них это — часть матки. А все тело существует так, чтобы матка могла выжить в нем, все тело — просто естественное образование для помощи матке. Природа заинтересована в матке, через нее жизнь приходит в бытие. Это и придает женщине совершенно отличную ориентацию.

Для нее религия может быть видом любви, она не может быть поиском истины.

Сама фраза «поиск истины» ориентирован на мужчин. Она может жить ожиданием возлюбленного, любимого; Бог может быть сыном, мужем, но не может быть истиной. Истина кажется такой голой, плоской, сухой, мертвой; в слове «истина», похоже, нет жизни. Но для мужчины истина — самое значительное слово. Он говорит: «Истина это Бог, если вы знаете истину, вы знаете все». А способ, которым пользуется мужчина — завоевание: природа должна быть завоевана. Из-за этих различий всегда существовала проблема. Она возникла до Будды, потому что метод Будды ориентирован на мужчин. Это так и должно быть, ибо создавать методы — снова агрессия. Наука — это агрессия, йога — тоже агрессия, ведь они стремятся лишить Вселенную тайны, проникнуть в тайну и разрешить ее. Вот в чем смысл знания: мы узнаем, и теперь больше нет тайны.

Пока тайна не разрушена, мужчина не успокоится. Вселенная должна быть демистифицирована, все должно быть известно, ни одной тайне нельзя оставаться тайной. Вот они, мужчины, и создают все методы: Будда — мужчина, Кришна — мужчина, Иисус, Заратустра, Махавира, Лао-Цзы — все они мужчины. Никаких сравнимых с ними женщин — создательниц методов не существует. Были женщины, которые стали Просветленными, но даже тогда они не создавали методов, даже тогда они были последователями. Для того

чтобы создавать методы, методологию, путь, нужен агрессивный ум.

Женщины могут ждать, и они могут ждать бесконечно, их терпение бесконечно. Это так и должно быть, потому что ребенка нужно вынашивать в течение девяти месяцев. С каждым днем это становится все тяжелее и тяжелее. Вы должны быть терпеливы — и ждать, с этим ничего нельзя поделать. Вы даже должны любить свою ношу, и ждать и мечтать о том, что ребенок родится. Посмотрите на мать, на женщину, которая готовится стать матерью: она становится более прекрасной, когда она ждет, она расцветает. Она получает новый тип красоты, ее окружает аура, потому что теперь она на своей вершине — она становится матерью, а основная функция ее тела создана природой для выполнения материнства. Теперь она расцветает, вскоре она зацветет.

А посмотрите на ее мечты. Ни одна женщина, которая станет матерью, не может подумать, что у нее родится обычный мальчик или девочка — в ее мечтах всегда уникальный ребенок.

Некоторые сны были записаны: те, что снились матери Будды, матери Махавиры, в Индии есть традиция записывать сны матери, когда рождается Просветленный. Но я утверждаю, что такое снится каждой матери. Возможно не записывать ее снов — это другое дело — но каждой матери снится, что она рождает Бога. Иначе и невозможно. Сон матери Будды был записан, вот и вся разница. Сон вашей матери не был записан, иначе так же стало бы известно, что ей снился Будда, Иисус, нечто уникальное.

Когда рождается ребенок, не только ребенок рождается — рождается также и мать. До этого она была обычной женщиной; через рождение она становится матерью. На одной стороне рождается ребенок, на другой — мать. И мать полностью отличается от прежней женщины, существует разрыв, все ее бытие становится качественно иным. До этого она могла быть женой, возлюбленной, но теперь это более не важно. Родился ребенок, вошла в мир новая жизнь — а она стала матерью.

Вот почему все мужья боятся детей. Мужьям, в основном, не нравятся дети, потому что в отношении входит третье лицо, и не только входит, но становится центром. И после этого женщина уже никогда не та жена, какой была. После этого, если муж действительно хочет любви, он должен стать как сын, ибо та женщина, которая стала матерью, никогда не будет обычной женой. Она стала матерью, и с этим ничего нельзя поделать, остается единственный выход — стать ей сыном. Это единственный путь вновь получить ее любовь, иначе любовь будет отдана ребенку.

Мать достигла вершины. Похоже, что муж, любимый был просто средством для нее стать матерью. Посмотри-те на различие: для женщины поиск — средство стать матерью, ожидание — для материнства, муж, любимый — для того же. Для мужа дети не цель; мужчина ищет женщину, чтобы любить, а если случаются дети, они просто случайность. Он должен их терпеть, они на обочине дороги, они не цель, где дорога кончается.

Это создает различия и в движении по пути к Богу. Тысячи женщин интересовались Буддой, и они хотели вступить на путь, они хотели посвящения, но Будда сопротивлялся, Будда пытался этого избежать. Причина была в том, что его метод в основном ориентирован на мужчин, допустить женщин значило бы испортить всю схему. Но ему пришлось их допустить, ведь он был человеком сострадательным. И когда тысячи женщин приходили, чтобы принять посвящение, он принимал их, но говорил грустно: «Моя религия была бы живой силой в течение пяти тысяч лет. Теперь моя религия будет живой силой лишь пятьсот лет». Из-за того, что встретились противоположности, все пришло в хаос. И

действительно, через пятьсот лет буддизм исчез из Индии. Он не мог оставаться живой силой, потому что когда входят женщины, вместе с ними входит множество проблем: они привносят свою женственность, а метод в основе своей — для мужчин.

Если вы поймете точку зрения Будды, Христос покажется более сострадательным. О нем нельзя думать, как о мужском шовинисте — он им и не был, он не был за мужчин и против женщин. А его метод, который церковь полностью утратила, может быть использован и теми, и другими. А человек, который первым задал вопрос о допустимости женщин, был, конечно же, человеком, который создал церковь, все христианство.

Симон Петр сказал им: «Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни».

Церковь осталась антифеминистской: существовали монастыри, куда мужчины не позволяли женщинам входить — женщина казалась коренной причиной зла. Чужой всегда кажется злом, потому что вы его не можете понять. Если можно понять, что-то можно сделать. Женщина остается таинственной, и когда женщина входит в вашу жизнь, она начинает доминировать. И ее доминирование так тонко, вы не можете против него бунтовать.

Мужчина всегда этого боялся, так что те, кто ищет секретов бытия или Бога, избегают женщин, потому что, когда они приходят, они начинают доминировать надо всем. Она хочет завладеть вашим вниманием целиком: ей не нравится, чтобы Бог был соперником, чтобы истина была соперником, она не потерпит никаких соперников, она ревнива. Так что ищущему лучше избегать женщин.

Некий молодой человек спросил Сократа: «Посоветуйте, жениться мне или нет». И он спросил как раз того, кого нужно! Ведь Сократ очень настрадался от брака. У него была жена, ее звали Ксантипа, одна из самых опасных женщин за всю историю человека. И он пострадал достаточно, она постоянно придиралась к нему, указывала ему, швыряла в него вещи. Она даже плеснула однажды горячим чаем ему в лицо, и пол-лица у него осталась обожженным навсегда. Так что этот молодой человек знал, что обратился к тому, к кому надо. Сократ сказал:

«Жениться надо. Если вам попадетсЯ хорошая жена, вы будете счастливы, а если такая, как моя, вы станете философом. В любом случае вы выигрываете».

Симон Петр сказал им, — своим ученикам и друзьям:

«Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны Жизни».

Конечно, опасно позволять женщинам оставаться, потому что тогда вы не знаете, куда вы идете, не узнаете, что происходит, поле загрязнено. Женщина символизирует для мужчины таинственное, неизвестное, странное; она символизирует поэтичное, подобное сновидению, нелогичное, иррациональное, бессознательное. Женщина символизирует абсурд. В женском поведении трудно найти какую-либо логику, оно непредсказуемо. Оно перепрыгивает с одного на другое.

Однажды случилось так: была долгая ссора между Насреддином и его женой. Наконец, Насреддин подумал, что ему лучше сдаться. Трудно бороться с женщиной. Она должна победить, иначе она создаст такие беды, что победа того не стоит. Насреддин подумал: «Зачем тратить три или четыре дня? Если все равно придется сдаться, почему бы не сдаться прямо сейчас?» Итак, он сказал: «Ладно, я с тобой согласен».

Его жена ответила: «Теперь это не поможет — я изменила свое мнение».

И те, кто ищет Бога, всегда боялись, потому что с женщинами вы никогда ни в чем не уверены. И это — не выход — позволить им быть приятелями — попутчиками — они будут

творить бедствия, и бедствия непомерные. Их поведение нелогично, их разум непредсказуем. И, кроме того, всегда существует возможность влюбиться, возможность увлечься ими, вступить с ними в сексуальные отношения. А как только вы вступили в сексуальные отношения, путь утрачен, теперь вы движетесь в ином направлении. Монахи, искатели всегда боялись, и их страх понятен. Собственно, Симон Петр задавал направление грядущим столетиям, что рациональность, чистота религии может быть утрачена, если женщинам позволить остаться...

Вот он и сказал: «Пусть Мария уйдет от нас...» А Мария не была обычной женщиной — мать Христа! Даже ей не могло быть дозволено, «...ибо женщины не достойны Жизни». Какой Жизни? Той Жизни, которую они искали, Вечной Жизни. Теперь попытайтесь понять, почему женщины не достойны такой жизни.

Жизнь женщины вся сфокусирована на природном, она живет в природе, она более естественна, чем мужчина. В Индии мы называем ее — прокрыты, самой природой, землей, основой всей природы. Она естественна; ее тенденции, ее цели более естественны. Она никогда не спрашивает о невозможном, она спрашивает о том, что возможно. В мужчине есть нечто, что всегда ищет невозможного, что никогда не удовлетворяется возможным. Женщина может быть глубоко удовлетворена, будучи счастливой матерью, женой, тогда ее жизнь наполнена.

Биологи говорят, что тому есть причина: в мужчине существует физиологическое, гормональное неравновесие; женщина более подобна кругу, она уравновешена, полна. Они говорят, что комбинация сперматозоида и яйцеклетки, из которых мы получаемся, сразу определяет, появится ли мужчина или женщина. Двадцать три хромосомы дает мать и двадцать три — отец. Если двадцать три материнские и двадцать три отцовские дают двадцать три симметричные пары, тогда есть глубокое равновесие: родится девочка, хромосомы симметричны. Но у отца непарная пара хромосом, пара XY, а у матери они равновесны: XX. Так что половина спермы содержит X хромосому, и половина Y хромосому. Если сперматозоид, содержащий Y хромосому, встречается с материнской яйцеклеткой, родится мальчик, и будет неравновесность, асимметрия.

Вы можете увидеть эту неравновесность даже в первый день рождения мальчика: он беспокоен с самого первого дня, а девочка спокойна. Матери знают, что даже в матке мальчики более беспокойны. Матери могут определить, родится девочка или мальчик, ведь девочка спокойна, она спит. В мужчине существует глубокое беспокойство, он вечно движется, куда-то идет, стремится к отдаленному, к странствиям.

Женщина больше интересуется домом, окружением, слухами о ближайших соседях. Она не очень беспокоится по поводу того, что происходит во Вьетнаме — это слишком далеко; что происходит на Кипре — несущественно. Она не может даже понять, зачем ее мужу читать о Кипре:

«Какое это имеет отношение к твоей жизни?» А муж думает, что она не интересуется высшими материями. Дело не в этом. Она в мире с собой, вот ее и интересует лишь ближайшее окружение. Только если чья-то жена пошла с кем-то, или кто-то болен, или родился ребенок; или кто-то умер — это новости. Это новости, просто более личные, домашние, соседей достаточно.

А более удовлетворенная жена или мать не будут волноваться даже о соседях, достаточно ее собственного дома. Она чувствует себя совершенной, и причина этому биологическая: ее гормоны, клетки сбалансированы. Мужчина беспокоен, и это

беспокойство приводит его к тому, что он стремится узнавать, сомневаться, двигаться. Он не может быть удовлетворен, пока не найдет Предельное. И даже тогда неизвестно, удовлетворен ли он.

Таково различие. А все религии существовали для отдаленного.

Поэтому когда женщина приходит к Иисусу, она приходит не в поисках Бога; нет — это далекое не имеет для нее значения. Она может влюбиться в Иисуса. Она приходит к Будде не в поисках Истины, она, скорее, влюби-лась в Будду, Будда привлек ее. И у меня такое же ощущение: если ко мне приходит мужчина, он всегда говорит: «То, что вы говорите, выглядит убедительным, вот почему я вас полюбил». Женщины никогда так не скажут. Они говорят: «Я вас полюбила, вот почему, то, что вы говорите, кажется убедительным».

Петр правильно боялся, что даже Мария, мать Иисуса, создаст несчастья. Вы двигаетесь по неизвестной тер-ритории. Лучше оставаться в неких рамках, определенности. Не позволяйте Женщинам оставаться! Можно зави-сеть от мужского ума, вы знаете, как он работает, функционирует. Мужчина функционирует в сознании, женщи-на — в бессознательном. Так что мужчина может накапливать детали, но никогда не может быть очень глубоким. Женщина не может накапливать детали, но может быть очень глубокой в малом, простом факте. Мужчина может получать все больше знаний, но не углублять любовь. Женщина может иметь более интенсивную любовь, но не больше знаний, потому что знание — это сознательный феномен, а любовь — бессознательный.

Симон Петр сказал им: «Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны Жизни».

И все религии остаются в основном против женщин, потому что они созданы мужчинами. При этом дело не в оценке женщин, просто они созданы мужчинами. Они боятся женщин, им нравится, чтобы их территория была очищена, им бы не понравилось, чтобы женщины входили туда. Так что все религии остаются в основном гомосексуальными, они не гетеросексуальны. И все религиозные обряды гомосексуальны. Монахи живут в гомосексу-альном обществе. Если они и допускают женщин, то отводят им второстепенную роль: они не должны ничего ре-шать, они должны следовать правилам, предписанным мужчинами, чтобы не творилось никаких несчастий. Женщинам никогда не придавали такого же значения, их оставляли в стороне, давали им второстепенные роли. Они могли быть монашенками, могли иметь собственные монастыри, но никогда не были важны, не были ре-шающими факторами.

Нельзя себе представить, чтобы женщина стала Папой! Она разрушит всю структуру, всю организацию. Петр думает в терминах создания организации, великой церкви, потому и говорит: «Женщины не должны быть допу-щены. И мы должны начать с матери Иисуса, ибо, если допустить ее, дать ей предпочтение, тогда войдут и другие женщины — и будет невозможно предотвратить хаос».

Иисус сказал: «Смотрите, я поведу ее, чтобы сделать ее мужчиной, чтобы она тоже стала духом живым, по-добным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царствие Небесное».

Иисус сказал: «Не бойтесь. Я поведу ее так, что сделаю ее мужчиной». Что он имеет в виду? Сделать женщину мужчиной означает сделать ее бессознательное сознательным; вынести ее внутреннюю тьму в сознательный ра-зум, так что бессознательное исчезает и становится сознательным, целым; сделать ее таинственностью... не камнем преткновения, а опорой. Тогда исчезнут проблемы. Это может быть сделано, но нужен великий Мастер; очень великий Мастер, который одновременно и мужчина, и женщина, который достиг

внутреннего совершенства настолько, что его собственные внутренние мужчина и женщина растворились, который больше не разделен, он асексуален, он ни мужчина, ни женщина. Только он может помочь, потому что он понимает обоих.

Вот Иисус и говорит: «Я сделаю ее мужчиной».

О чем он говорит? Он изменит ее тело? Нет, дело не в теле, есть женские умы даже в мужских телах, и есть мужские умы даже в женских телах. Например, мадам Кюри обладала женским телом, но разум ее был радио-нальный, мужской. И были мужчины, такие же абсурдные, как любая женщина. Чайтанья Махапрабху был со-вершенным человеком, он был великим логиком, философом. Он вошел бы в историю, как один из величайших логиков, если бы продолжал этим заниматься, и был этим увлечен. Но потом он отказался от логики, стал безум-цем, начал танцевать и исполнять киртан на улицах. Он стал женственным, даже лицо его стало женственным и красивым; даже его тело изменилось, оно стало более округлым. И он начал любить Бога, как возлюбленная, тан-цующая и распевая. Вот что произошло.

Что говорит Иисус? Он говорит, что бессознательное женщины может быть изменено в сознательное, тогда она становится совершенно иной. «И я сделаю это. Смотрите, я поведу ее так, что сделаю ее мужчиной. Что он понимает под „сделаю мужчиной“?»

Мужчины не должны думать, что они — в некоем более высоком положении. Это означает только внутреннюю тьму, в которой обычно живет женщина... в которой она должна жить, потому что она больше ориентирована на тело. Природе она нужна больше, чем мужчина: мужчина — на периферии, он устраним; женщина — неустраима.

Мужчина не так уж и нужен. Вот почему в природе вы не найдете отцов. Матери — везде: у птиц, животных, рыб; матери везде, но не отцы. Только в человеческом обществе вы найдете отцов, потому что отец — просто формальность, общественный договор, отец — не природное явление. Лингвисты говорят, что «дядя» — более древнее слово, чем «отец». Когда стали приняты отношения один мужчина — одна женщина, тогда и появился отец. Но дядя уже был, потому что все мужчины были для ребенка дядями, никто не знал, кто отец. Совсем как у животных, никто не знает, кто отец, но все мужчины — дяди.

Существует возможность мира без отца, потому что отец пришел в бытие вместе с частной собственностью. Когда появилась частная собственность, в бытие вошел отец. Тогда он не только владел своей собственностью, он также охранял свою частную женщину. Частная собственность однажды исчезнет, тогда исчезнет и отец.

Это явление появилось на Западе: есть много одиноких женщин с детьми, они избавились от отца. Это разрастается все больше и больше. Но мать устранить нельзя, природе мать нужна больше, вот почему мать — более телесное явление, женщины более осознают тело, чем мужчины. Если им требуется так много времени, чтобы одеться, причина — в этом. Вы можете продолжать сигналить у ворот, а они все не идут...

Однажды я слышал такое от одной женщины: муж сидел в машине, и сигналил; она выглянула из окна и сказала: «Я же тысячу раз говорила тебе, что я буду через две минуты!». И она была совершенно права, она действительно в течение часа говорила: «Я буду готова через две минуты». Зачем столько времени для одевания...? Они — сосредоточены на теле. Мужчины — больше на разуме, а женщины — на теле.

Одна знаменитая актриса сказала — когда она это сказала, люди подумали, что она очень скромна, а от актрис этого не ожидают — она сказала:

«Я знаю, что я — не очень красивая женщина, но что такое мое мнение по сравнению с

мнением зеркала? Я знаю, что я не очень красива, но зеркало говорит: „Ты — самая красивая!“

Они продолжают стоять перед зеркалом часами, глядя на себя. Мужчины не могут себе представить, что про-исходит.

Однажды Мулла Насреддин бил мух и сказал жене: «Я убил двух женщин и двух мужчин, две мухи — женщи-ны, и две — мужчины».

Жена удивилась и спросила: «Как ты узнал, какие из них женщины, а какие — мужчины?»

Он сказал: «Две из них сидели на зеркале».

Женщины более сосредоточены на теле, более телесные, более земные — вот почему они живут дольше, на че-тыре года дольше мужчин. Потому так много вдов: они всегда раньше теряют мужей. На сотню девочек рождает-ся сто двадцать мальчиков, но к четырнадцатилетнему возрасту мальчиков умирает больше и равновесие вос-станавливается. Природа порождает на сотню девочек сто двадцать мальчиков просто для сохранения равнове-сия.

Если вы беспокожны, ваше беспокойство рассеивает энергию. Если взять точные цифры, тогда женщины — более сильный пол, чем мужчины: они живут дольше, они меньше болеют — они говорят другое, но болеют они меньше, они более здоровы, в них жизнь сильнее, они лучше сопротивляются заболеваниям, чем мужчины. Смот-рите: зимой в Индии мужчины носят свои свитеры и пальто, а женщины ходят без рукавов и ничего с ними не случается. Их сопротивляемость и выносливость — выше, они лучше защищены, так как более укоренены в те-ле.

Мужчина живет головой, он более ментален. Вот почему большее число мужчин сходит с ума, совершает само-убийство; женщины — меньше. Женщины — не слабы, мужчины слабее, разум не может быть так же силен, как тело. Разум появился гораздо позже, чем тело, у тела — долгий опыт. Но эта укорененность в теле становится проблемой на пути к Богу.

В жизни, в естественной жизни, женщины — победители. Но духовная жизнь идет против природы и за ее пре-делы. Тогда их укорененность в теле становится проблемой: пока весь их разум не станет сознательным, укоре-ненность в теле их не оставит, это глубокая укорененность. Мужчина, подобно птице, летает, а они подобны де-ревьям, укоренены. Они, конечно, получают больше питания, и когда птица, мужчина, хочет отдохнуть, он хочет прийти в тень женщины, под дерево, чтобы подкрепиться и обрести убежище. Это хорошо, поскольку связано с обычной естественной жизнью, это — помогает, женщины при этом победительницы. Но если человек начинает двигаться за пределы природы, сама помощь становится препятствием.

Иисус сказал: «Смотрите, я поведу ее, чтобы сделать ее мужчиной, чтобы она тоже стала духом живым...»

Она — живое тело, так что для нее путь длиннее. Подумайте о трех вещах: живое тело, живой разум и живой дух. Это — три уровня. Женщина — это живое тело, мужчина — живой разум, а за этими двумя существует живой дух, атман. От разума до духа расстояние короче, чем от тела до духа. Но пусть это вас не смущает, в природе все уравновешено. Большое расстояние преодолеть труднее, но есть облегчение в том, что женщина — простое суще-ство. Мужчина очень сложен, и сложность приводит к беде. От разума до духа ближе, но совершить прыжок из разума нелегко, потому что разум создает сомнения. Женщина

может прыгнуть с легкостью, она укоренена в теле, она верит, у нее нет сомнений. Если женщина влюбилась в мужчину, она может пойти за ним хоть в ад, ей все равно. Если вера есть, она ей следует. Вот почему женщина никогда не может вообразить, как мужчина может так легко обмануть, как легко он может быть неверным. Она не может этого себе представить, так как она не такова. Она всегда верит и живет со своей верой, и не представляет, как мужчина может быть столь легко обманщиком. Итак, есть трудности у женщин из-за того, что тело дальше от души, но есть и преимущества. Они в том, что женщина с легкостью может совершить прыжок. Когда она любит, верит, она может совершить прыжок. Так что в мире женщин не было много Мастеров, но было много великих учеников. И ни один мужчина не сравнится с женщиной в ученичестве, потому что если они верят, то уж верят.

Смотрите, пройдите по Индии: вы увидите джайнских монахов и монахинь. Джайнские монахи выглядят обычно, они отличаются от всех только одеждой. Смените их одежду, поместите их в деловое общество — вы их не отличите. Другое дело — джайнские монахини: в них есть чистота; раз они верят, в них есть чистота. Сравните католических монахинь и монахов! Монахи хитры, им не поверишь, что они хранят обет безбрачия. Если они совершенно глупы, то может быть, но если у них есть хоть немного ума, они найдут способ выкрутиться. А монахи-ни? Они хранят обет, вы можете на них положиться. Если они сделали шаг, они не отступают.

Так что хотя и есть трудности, потому что расстояние велико, но есть и способности, которые помогают сделать уверенный прыжок. Тело не знает колебаний, колебания известны только разуму.

Иисус сказал: «...я поведу ее, чтобы сделать ее мужчиной, чтобы она тоже стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царствие Небесное».

Это одна часть учения Иисуса, другая часть не была записана, возможно, не было женщины, чтобы ее записать, ведь все записано также мужчиной. Но я знаю, что есть и другая часть, я должен сказать вам, что она записана.

В предельной кульминации, в крещендо духовного бытия, мужчина становится женщиной, так же как женщина становится мужчиной. Этот процесс не односторонний, ведь вы — обе крайности, противоположности. Если женщина становится подобной мужчине, что станет с мужчиной? Он станет, подобен женщине, тогда противоположности исчезнут.

Женщина должна преобразовать свое бессознательное в сознательное, свою иррациональность в причинность, свою веру в вопрошание, свое ожидание в движение. А мужчина должен сделать прямо противоположное: превратить свое движение в покой, беспокойство в спокойствие, в постоянство, свое сомнение в веру. И он должен растворить свой разум в иррациональном. Тогда родится сверхразумное существо. Они должны двигаться с двух сторон: мужчина из мужественности, женщина — из женственности. Потому что разум — мужчина — это половина, а половина никогда не может стать целым. Оба должны двинуться из своих статичных положений, стать текучими, расплавиться друг в друге, стать асексуальными. Индуистам это очень ясно: их термин для Предельного, Брахмо, не принадлежит ни к какому роду. В английском есть два рода, в санскрите три рода: мужской, женский и еще один, превосходящий и тот, и другой. Брахмо — третьего рода, нейтрального, тот, кто достигает Брахмы, становится подобным Брахме:

противоположности мужчин и женщин исчезают. И только тогда сущность освобождена, свободна, полна.

Иисус должен был сказать и вторую часть. Она не была записана, ведь когда мы записываем, делаем это в со-ответствии с собой. Из того, что я вам говорю, ваш разум постоянно записывает то, что находится в соответствии с ним. Вы отбрасываете многие вещи, и даже не сознаете, что вы отбрасываете. Это бессознательная деятельность, ваша память просто не записывает, опускает многое, вы записываете в соответствии с собой.

И в те дни это было такой же проблемой, потому что Иисус мог говорить, ученики — слушать, но изречения не записывались тут же. Иногда проходили годы, иногда столетие, изречение переходило от одного к другому, оно могло полностью измениться, пока его не записали.

Сделайте один маленький опыт, и вы поймете: соберите двадцать друзей и усадите их кругом. Дайте каждому лист бумаги, а потом напишите предложение. Первый человек в круге пишет предложение на своем листе и говорит его на ухо следующему. Тот слушает предложение, записывает его на своем листке и говорит предложение следующему. Когда оно вернется к первому, это уже будет не то же самое предложение, многое изменилось, многое было добавлено, многое исчезло. Если это может случиться в получасовом опыте, тогда естественно, что многое изменилось, если слова носили в памяти в течение столетий — многое утрачено.

Для человека, подобного Иисусу, это — не вопрос мужского или женского, это вопрос целостности. Нужно оставить свою часть и достичь Целого. Так что не думайте, что вы имеете некий приоритет как мужчина; не думайте, что если вы мужчина, Бог — ближе к вам; не думайте, что вам нечего делать, что вы уже сделали много, став мужчиной. Нет, вы тоже должны будете стать женщиной, как и женщина должна стать мужчиной. Вы оба должны сдвинуться, стать динамичными, слиться друг в друге. Вы оба должны выйти за пределы частей и стать Целым.

Вот мне и хотелось бы сказать вам, что я приведу мужчин к тому, что они станут женщинами, и я приведу женщин к тому, что они станут мужчинами, так что будет достигнуто превосходство, и пол исчезнет, потому что пол существует при разделении. Знаете ли вы, что означает слово «секс»? Первоначальный корень по-латински означает разделение, разделять. Так что, когда вы достигнете Бога, вы не будете ни мужчиной, ни женщиной. Не делайте из этого изречения мужского «путешествия эго», оно не таково. Этим занимаются в церкви.

Попробуйте понять, что часть должна быть дополнена, чтобы вы могли стать целым, вы не должны отождествляться ни с одним разделением, чтобы Неделимое могло в вас войти. Симон Петр сказал им: «Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны Жизни»:

Это — разум Симона Петра, а не Иисуса. Это так и должно быть в разуме ученика — он еще не Просветлен, он не может увидеть Неделимого, он может видеть лишь в соответствии со своим умом. Ученик наполовину слеп. Он начал видеть, но еще не целиком. Мастер — полностью открыт, он может видеть все стороны. Ученик — еще в мире невежества, разделения. Это разум Симона Петра. А когда Иисус ушел, Симон Петр стал еще важнее, чем Иисус, ведь Симон Петр более понятен людям, он принадлежит к тому же самому миру.

Петр создал церковь, он стал камнем, слово Петр означает «камень». И на нем стоит вся

церковь, он действительно доказал, что может быть крепким камнем. Ни ученики Будды, ни ученики Махавиры не смогли стать такими, как Петр, католическая церковь — самая сильная из церквей, когда-либо существовавших на земле. Но вот почему это также и более опасно: сила находится в неверных руках.

Когда Мастера больше нет, мастерами становятся ученики, они начинают все решать. Конечно, их решение может быть только предвзятым, полупонятой истиной, полуиспеченной правдой. И помните хорошенько, ложь — лучше полуправды, так как ложь можно опровергнуть, но вы не опровергнете полуправды.

Ложь будет отброшена однажды, вы не можете обманывать людей вечно. Но полуправда очень опасна, вы не можете ее опровергнуть, ведь она несет в себе элемент правды. А это изречение — полуправда: в нем есть один элемент — что женщина должна стать мужчиной. Но это полуправда, и если вы сделаете ее целой правдой, это очень опасно. Нужно добавить и другую половину. Вот почему я сказал, что мы поплывем в бурных водах.

Мне бы хотелось добавить и другую половину: каждый мужчина должен стать подобным женщине, он тоже должен выучиться ждать, он тоже должен выучиться чувствительности, не агрессивности, пассивности, сострадания, любви и служению — всем качествам женского ума. Только тогда, когда вы ни мужчина, ни женщина, вы становитесь, способны войти в Царство. Тогда вы сами — Бог, так как Бог — ни мужчина, ни женщина. Он — оба, или ни то, ни другое.

Помните также и о другой части истины, иначе вы упустите. Никто не является более способным войти в Божественное. Различие есть, но в целом каждый равно способен войти в Божественное. Но есть глупые люди, которые пользуются своими отрицательными качествами, тогда они не могут войти. И есть мудрые люди, которые используют свои положительные качества, и они могут войти.

Например, в женском уме есть оба качества: отрицательное и положительное. Положительное — это любовь, отрицательное — ревность; позитивное — участие, негативное — это собственничество; положительное — это ожидание, отрицательное — это летаргия, ожидание может выглядеть как ожидание или как летаргия. То же самое происходит с мужским умом. Мужской ум имеет положительное качество: он вопрошает, он исследует, и негативное — он всегда сомневается. Можете ли вы быть вопрошающим без сомнений? Тогда вы избрали положительное. Но вы можете быть и сомневающимся без вопрошания, просто сидящим и сомневающимся.

Один философ во вторую мировую войну попал на фронт. Он получил письмо с фотографией от своей подруги, которое он давно ждал...

На фотографии она сидела на пляже, сзади была еще одна пара влюбленных, а она сидела одна, угнетенная и грустная. На мгновение он почувствовал себя счастливым оттого, что девушка по нему грустит, но в следующий миг пришло сомнение: «Кто тот парень, что сделал фотографию?» Он встревожился и не смог заснуть всю ночь.

Вот как действует отрицательное сомнение. У мужчины есть положительное качество — что он ищет, и отрицательное — что он беспокоен. Но ему нет нужды отождествляться с беспокойством. Можно использовать беспокойство как трамплин, чтобы достичь отдыха в покое. В вас есть энергия, побуждение что-то делать — используйте это побуждение, чтобы стать «недеятелем», используйте это побуждение, чтобы стать медитирующим. Отрицательное должно быть использовано на службе положительного, а каждый имеет и то, и другое. Где есть положительное качество, тут же рядом существует и отрицательное. Если

вы уделяете слишком много внимания отрицательному, вы упускаете; уделяйте больше внимания положительному, и вы достигнете.

Мужчина или женщина — все должны это сделать. Тогда происходит самое прекрасное явление в мире. Это неразделенный человек; единый, внутренний космос. Это — симфония, в которой все ноты помогают друг другу, они создают Целое, они больше не части, они стали Единством. Это — то, что Гурджиев называет «внутренней кристаллизацией», или индуисты называют «достижение Я», и что Иисус называет «вступлением в Царствие Бо-жие».

Изречение девятнадцатое...

Иисус сказал:

У человека были друзья, и когда он приготовил ужин,

Он послал своего слугу пригласить гостей.

Он пришел к первому и сказал ему:

Мой господин приглашает тебя.

Он сказал: у меня есть некие претензии к купцам

они придут ко мне вечером,

я пойду и отдам им свои распоряжения;

я отказываюсь от ужина

Он пошел к другому, и сказал ему:

Мой господин приглашает тебя.

Он сказал ему: Я купил дом, и они

Пригласили меня днем. У меня не будет времени.

Он пошел к другому, и сказал ему:

Мой господин приглашает тебя.

Он сказал ему: Мой друг будет праздновать свадьбу

и я устраиваю ужин, я не смогу прийти.

я отказываюсь от ужина

Он пошел к другому, и сказал ему:

Мой господин приглашает тебя. Он сказал ему:

Я купил деревню, я иду собирать налог.

Я не смогу прийти, я отказываюсь.

Слуга пришел, он сказал своему господину:

Те, кого ты пригласил на ужин, отказались.

Господин сказал своему слуге:

Иди на дороги, приведи тех, кого ты найдешь,

ЧТОБЫ они могли поужинать.

Покупатели и торговцы не войдут в места моего Отца.

Бог — не товар

Иисус говорит притчами. Притчи очень просты, но очень важны. Они — не буквальные, так что мы должны понять их символическое значение. Эти изречения связаны с особым типом людей, не обязательно с покупателями и бизнесменами. Вы можете не быть бизнесменом, но быть человеком такого типа; вы можете быть бизнесменом, но не быть этим типом.

Так что помните, есть особый тип, и этот тип составляет девяносто девять процентов людей: одни бизнесмены и торговцы вокруг. Они могут заниматься чем-нибудь другим, но их разум — это разум бизнесмена. Так что первое, что нужно помнить: кто такой бизнесмен, кто такой торговец?

Бизнесмен — это тот, кто озабочен неважными вещами, кто озабочен тривиальным,

внешним; кто озабочен вещами, состоянием, но не собой. Он полностью себя забыл, он потерялся в мире. Он думает о деньгах, о накоплении, но никогда — о сознании, так как сознание — это не состояние, его не купишь и не продашь, оно бесполезно. Бизнесмен утилитарен: поэзия — бессмысленна, религия — бессмысленна. Бог — бессмысленен, потому что они не могут быть превращены в объект купли-продажи, вы не сможете выручить за них деньги. А деньги — самая значимая вещь для этого типа. Он может продать себя, он может потерять себя, он может разрушить всю свою жизнь, только бы накопить денег. Это первая характеристика этого типа.

Я слышал: на рынке встретились два бизнесмена. Это был пик сезона. И один сказал другому: «Ты слышал, торговец мануфактурой, шейх Фахрутдин, умер сегодня утром?»

Другой сказал: «Как, в разгар сезона?»

Ничто в жизни не имеет смысла, ни смерть, ничто — только сезон. Его измерения — это деньги, он измеряет человека деньгами; сколько вы получили, а не кто вы есть — это не имеет значения. Если у вас есть деньги, вы значительны; если у вас нет денег, вы — никто. Если он оказывает уважение вам, он уважает ваше состояние, а не вас. Если вы потеряете ваше состояние, он на вас даже не посмотрит.

Однажды один богатый человек обеднел. Он был в горе и сказал своей жене: «Я верил, что у меня так много друзей. Половина их, меня уже оставила, а остальные еще не знают, что я обеднел».

Они все его оставят, они никогда не будут с ним. Вы не сможете дружить с бизнесменом. Он дружит лишь с вашими деньгами. Когда нет денег, исчезает и дружба — он никогда не был с вами.

Вы не можете иметь отношения с бизнесменом, это невозможно: вы не можете быть женой или мужем бизнесмена; вы не можете быть сыном или отцом бизнесмена, потому что он имеет отношения только с деньгами. Все остальное не имеет значения, его цель — деньги. Если ваш сын начинает зарабатывать деньги, сын ценен; если ваш отец богат, тогда он — ваш отец; если он беден, вам не понравится, если люди узнают, что он — ваш отец. Это действительно происходит в жизни ежедневно: вы заметите отца, если он богат; если он — бедняк, вы его не заметите — вы замечаете только деньги. Бизнесмен, этот тип, не может любить, так как любовь — это самое ан-тиденежное явление в мире. Любовь связана с сущностью. Любовь — это участие, это отдача — не только того, что вы имеете, но и того, чем вы являетесь. Бизнесмен не может быть влюбленным, он всегда думает, что влюбленные — немного сумасшедшие, они потеряли здравый смысл, они не в своем уме, они занимаются чепухой. «Почему вы тратите свое время? Время — деньги!» — вот что говорит бизнесмен.

Я слышал об одном бизнесмене, который купил сотню часов и заполнил ими весь свой дом. Кто-то спросил: «Зачем ты это делаешь?»

Он сказал: «Я слышал, что время — деньги. Так что, чем больше его, тем лучше».

Все его интересы — в вещах, а не в личностях. Любовь связана с личностями; разум, ориентированный на деньги, связан с вещами. Этот тип человека всегда занят, он никогда не отдыхает, он не может себе это позволить, ведь есть еще многое, что можно накопить. Этому нет конца.

Влюбленный человек может отдохнуть. Когда вы можете отдохнуть, приходит наполненность. Но человек денег никогда не может отдохнуть, этому нет конца, нет исполнения, деньги не могут наполнить душу; душа остается пустой, внутреннее остается

незанятым. Вы продолжаете бросать туда вещи, но они никогда не коснутся вашей внутренней пустоты. Чем больше вы накапливаете, тем больше осознаете, что вы пусты, ваши руки — пусты; деньги с вами, но вы потеряли себя. Все ваше усилие — в том, чтобы не смотреть на этот факт, ведь это очень больно.

Бизнесмен бежит за деньгами дальше и дальше. Он хочет полностью забыть себя в деньгах, они стали отравой. Он всегда занят, он всегда занят ничем; в конце концов, это оказывается ничем. Все, что вы накопили, оказывается надписью, сделанной на воде: она исчезает, приходит смерть, и все ваши усилия оказываются напрасными. Смерть отрицает бизнесмена.

Я хотел бы вам сказать, что только бизнесмены умирают, больше никто — но они составляют девяносто девять процентов людей. Только бизнесмен умирает, так как он копит вещи, а смерть вещи забирает. Смерть не может забрать вашу любовь, вашу молитву, вашу медитацию, вашего Бога. Но бизнесмен интересуется даже Богом только в том случае, если на этом можно сделать бизнес.

Однажды случилось так: была ужасная погода, буря, и один самолет потерял ориентировку. Туман был настолько плотным, что все пассажиры очень испугались. На борту был проповедник. Все, кроме него, плакали, рыдали, тяжело дышали. Момент был опасный, в любой момент — смерть. Даже пилот нервничал и тяжело дышал. Проповедник сказал всем стать на колени и молиться. Все, кроме одного человека, стали молиться.

Проповедник спросил его: «Почему вы не молитесь?»

Тот ответил: «Простите меня, отец, я не знаю, как молиться. Я никогда не молился, я бизнесмен».

А времени его обучить, не было: в любой момент самолет мог упасть. И проповедник сказал: «Ладно, времени нет. Ведите себя так, как вы обычно ведете себя в церкви». Бизнесмен прошел по рядам и собрал у людей деньги.

Этот тип даже в момент смерти знает только один способ поведения в церкви: собирать деньги; до последнего момента деньги остаются в фокусе. Это первое, что должно быть понято, тогда вы будете способны понять эти притчи.

Второе: в этой притче Иисус говорит, что приглашение Бога — всегда в силе. Много раз он приходит и стучит, или Его посланник приходит и приглашает вас на обед, но вы всегда заняты и не можете прийти. Вы просите извинения.

Подумайте о себе: если к вам приходит посланник и приглашает вас, готовы ли вы идти? Сначала вам нужно закончить столько дел — вы никогда их не закончите, потому что им нет конца. Приглашение отклоняется. Вы говорите: «Я бы пришел, я бы хотел прийти», но это неискренне. Из-за чего вы не принимаете приглашения? Из-за того, что нужно сделать более важные дела: свадьба, и вам нужно идти, потому что это деловые отношения; или вы купили землю, и вам нужно собирать ренту, или еще что-нибудь. Бог — всегда последний в списке бизнесмена. И он никогда не доходит до последнего в списке, перед этим приходит смерть.

Бог — самое бесполезное явление. Ко мне приходят спрашивать: «Зачем медитировать? Чего мы достигнем в результате этого?» И если я говорю: «Ничего», — они просто не могут понять. Зачем люди приходят ко мне? Учиться ничему? Достичь ничего?

Бизнесмену нужно нечто видимое, осязаемое; если он медитирует и на него сыплются деньги, тогда это стоящее дело; если он медитирует и из тела уходят болезни — это хорошее дело.

Но если вы говорите «Ничего» или «Бог» — что, то же самое, лишь слова различаются, потому что Бог — это ничто, если вы пользуетесь теми же измерениями, что и в этом мире. Что такое Бог? Вы не можете его как-то определить. Куда вы его вставите? В какую категорию? Какую этикетку вы на него наклеите? И какую цену установите? Он — ничто, он не принадлежит к этому миру. Каким образом вы можете его использовать? Вы не можете Его использовать, Бог — не польза, он — экстаз.

Экстаз нельзя использовать. Вы можете им наслаждаться, но не сможете использовать. В чем различие между наслаждением и использованием? Вы смотрите на дерево, на зелень, на восходящее солнце — вы ими наслаждаетесь, но не можете их продать. Вы смотрите на цветок, вы им наслаждаетесь. Но бизнесмен сорвет цветок и продаст его. Вы не можете сорвать Бога, пойти и продать Его на рынке. Вы пытались, вот почему существуют храмы и мечети, гурудвары и церкви. Вот как бизнесмен ведет себя с Богом: он пытается Его продать и что-нибудь вырвать за него. Это — большой бизнес.

А жрец — это бизнесмен, превратившийся в религиозного человека — но он совсем не религиозен. Вот почему он всегда против Иисуса, Будды, Нанак, Кабира: он против их всех, эти люди опасны, они разрушают бизнес. Бизнесмен не интересуется Богом, поэзией, молитвой, любовью, красотой и добром, он не интересуется экстазом. Просто наслаждаться для него ничего не значит. Он говорит: «Какая от этого выгода?»

Один миллионер однажды посетил примитивное племя. Когда он вышел из поезда, он увидел дикаря, лежащего прямо на платформе под деревом. Утро было прекрасно, было солнечно, воздух был чист и свеж, пели птицы, и человек отдыхал. Бизнесмен не мог этого вынести. Он сказал: «Эй, вождь, что ты здесь делаешь? Время пойти и что-нибудь заработать!»

Отдыхавший человек открыл глаза и спросил, очень мягко: «Зачем?» Это «зачем?» не может быть понято бизнесменом. Он сказал: «Зачем? Заработать немного денег!»

Дикарь заулыбался и снова спросил: «Зачем?» Это уже вызвало раздражение, бизнесмен сказал: «Зачем? Что-бы иметь банковский счет, чтобы ты мог уйти на покой и отдыхать, и тогда нет нужды работать».

Дикарь закрыл глаза и сказал: «Я и так отдыхаю сейчас». Это — невозможно, отдых сейчас — невозможен. Бизнесмен откладывает отдых на будущее: «Работай здесь и сейчас. Открой банковский счет, потом уходи на покой, тогда отдыхай и наслаждайся!» Но это никогда не наступает, это не может наступить. Бизнесмен никогда не может уйти на покой — это не тот тип, он не обладает таким качеством. Он может отдыхать от одного дела, но тут же, или даже перед этим, он организует другое, потому что он не может отдыхать. Он всегда думает о будущем, он откладывает наслаждение. Помните, религиозный человек наслаждается здесь и сейчас.

Небеса религиозного человека не где-то там, в небе, в будущем. Нет! Так на небеса смотрит бизнесмен. Небеса религиозного человека — здесь и сейчас, прямо в этот миг. Он наслаждается ими, он этого не откладывает, потому что никто не знает будущего. Будущее не существует, существует лишь настоящее. Будущее — это заблуждение, оно просто поддерживает вас обещанием, что однажды вы будете наслаждаться. И всю свою жизнь вы принудите себя не наслаждаться, и откладываете — даже если входите на Небеса.

Я слышал, что однажды четыре бизнесмена попали в Рай. Я не знаю, как они туда попали, должно быть, контрабандой, они организовали это дело. Тогда же умер один святой, который знал этих бизнесменов. Он вошел в Рай и увидел их там. Он удивился, так

как те были закованы в цепи. Он не поверил своим глазам, вот он и спросил у привратника: «В чем дело? Я ведь слышал, что в Раю — совершенная свобода, почему эти люди здесь сделаны узниками? Зачем вы их сковали?»

Привратник рассмеялся и сказал: «Это — четыре бизнесмена, которые хотят вернуться назад в мир, а это — нехорошо. Они как-то сюда попали, а теперь дать им уйти — значит разрушить весь престиж Рая. Они хотят вернуться назад, потому что здесь нет никакого бизнеса. Что делать? Вот мы их и заковали в цепи».

Бизнесмен остается бизнесменом, потому что этот тип не может с легкостью измениться — пока вы не осознаете всю бессмысленность откладывания, будущего, денег, накопления; пока вы не станете настолько интенсивно сознательны, что сама интенсивность сожжет ваш тип. А если вы не бизнесмен, тогда вы религиозный человек. Приглашение приходит ежедневно, оно стучится в вашу дверь ежедневно — в каждый миг, если быть точным. Но вы говорите: «Простите, я должен сделать многое другое, и тогда я приду». Наслаждение, счастье, блаженство, покой — нет, они не для бизнесмена; он должен многое сделать, пока сможет отдохнуть.

Вот почему отвергается приглашение. Теперь попытайтесь проникнуть в эту притчу. Она прекрасна.

Иисус сказал: «У человека были друзья, и когда он приготовил ужин, он послал своего слугу пригласить гостей»: «Он пришел к первому и сказал ему: „Мой господин приглашает тебя“.

Тот сказал: «У меня есть некие претензии к купцам, они придут ко мне вечером, я пойду и отдам им свои распоряжения; я отказываюсь от ужина».

Ужин — это символ наслаждения жизнью. А для Христа ужин — это медитативный феномен. Он всегда любил, когда приходили ученики и друзья, чтобы пообедать вместе. Даже в Последний вечер, когда его на следующий день должны были убить, он дал последний Ужин, Тайную Вечерю. Он наслаждался совместной трапезой. И христианство подняло все это явление на религиозный уровень. Индуисты в этом совершенно невежественны. Попробуйте это понять.

Животные всегда едят в одиночестве — это часть их животности. Если пес получит кусок хлеба, он немедленно убежит куда-нибудь в угол. Ему не нравится, чтобы еще кто-нибудь был там, ведь этот другой может забрать у него хлеб. Он боится, он полон страха; он ест — но ест в одиночестве. Ни одно животное не делится, делить с другими — совершенно человеческое качество. А если вы попытаетесь проникнуть в бессознательное, вы всегда найдете там прячущееся животное.

Вы тоже не любите есть с людьми, вам нравится есть самому. Посмотрите на брамина, путешествующего в поезде: он повернется ко всем спиной, если ест. Это похоже на животных, он никого не пригласит. Мусульманин пригласит других, христианин будет рад поделиться, но не индуист. Индуисты утратили одну великую вещь: чувство объединенности и стремление поделиться. А когда вы делите пищу, вы становитесь братьями. Почему вы брат кому-то? Потому, что делили одно молоко. Что еще делает вас братом кому-то? Вы делите одну и ту же грудь, вы делите одну и ту же пищу от одной и той же матери, мать — это первая пища.

Когда вы делите пищу, вы становитесь братьями, и когда вы делите пищу, вы не боитесь другого: возникает общность. У индуистов есть общество, но нет чувства общности. Мусульмане и христиане более ориентированы на общность, потому что они могут делиться

пищей. А пища — самое основное в жизни, все от нее зависят, вы без нее умрете. Делиться пищей значит — делиться жизнью. А Иисус поднял это до статуса молитвы: вы должны есть не сами, вы должны быть вместе, когда едите. Это — превосхождение животности в вас.

В последний вечер, когда Иисус должен был оставить своих учеников и друзей, он собрал их на последний Ужин. Даже перед смертью он должен был поделиться.

Пища также и символ любви. Наблюдали ли вы, почему вы любите свою мать? Почему между матерью и ре-бенком такая большая любовь? Потому, что мать — первая пища: ребенок ее ест, мать — его питание, ребенок осознает мать сначала не как источник любви, а как источник пищи. Позднее, когда его осознание растет, то-гда он вновь и вновь будет чувствовать любовь к матери.

Сначала пища, — любовь следует за ней. И пища ассоциируется с лю-бовью, потому что они исходят из одного источника. Вот почему, если вы идете в дом, и там вам не предлагают пищи, вы чувствуете себя неловко: они от-страняют вас, они не дают вам своей любви, они не гостеприимны. Если они предлагают вам пищу, они могут быть бедны, у них мало что есть, но они предлагают то, что имеют — вы чувствуете, что все в порядке, вас хоро-шо приняли, они разделили с вами пищу, а пища — это любовь.

Когда женщина любит мужчину, ей нравится готовить ему пищу. Ей нравится этим услужить, ей нравится ви-деть, как он ест. И если ей не позволяют это делать, она почувствует беспокойство, потому что любовь течет че-рез пищу. Любовь невидима, ей нужен какой-нибудь видимый образ. И качество пищи немедленно меняется: пи-ща, приготовленная любящей вас женщиной, имеет другое качество. Это качество не может быть проанализиро-вано химиками, но оно есть.

Если мужчина рассержен, или женщина настроена против вас и ненавидит вас, и готовит вам пищу, она почти отравлена, потому что у гнева, ненависти, ревности — в крови яд. У них есть собственное излучение, и оно попа-дает через руки в пищу. Если женщина действительно вас нена-видит и готовит вам пищу, она может вас даже убить, не зная того, — и никакой суд не сможет ее обвинить. Очень опасно жить с женщиной, готовящей вам пи-щу и ненавидящей вас; это медленное отравление. Но если женщина любит вас, она через пищу дает вам любовь. Она через пищу приближается к вам.

Пища — самое основное. Ею можно поделиться, и через это деление вы можете выйти за свою животность, можете стать человеком. Индуисты — одно из самых старых обществ и одно из самых негуманных лишь потому, что они никогда не были связаны с делением. Наоборот, они создали массу препятствий, чтобы не делиться: бра-мин не может есть с шудрой, с вайшьей — вообще с более низкой кастой, а если вы не можете есть с дру-гим, вы отрицаете другого как человека. Если вы не можете с кем-то есть, это показывает, что вы думаете о себе, как о самом высшем, а о нем, как о самом низшем, разделение есть. Это разделение — самое негуманное.

Иисус основал свою религию на способности и необходимости делиться с другими. Он много раз говорит о Бо-ге, приглашающем вас на ужин. Ужин — это наслаждение, прямое наслаждение бытием, телом; наслаждение пи-щей и забвение всего — это благодарность Богу.

Он пришел к первому и сказал ему: «Мой господин приглашает тебя». Он сказал: «У меня есть некие претен-зии к купцам, они придут ко мне вечером, я пойду и отдам им свои распоряжения; я отказываюсь от ужина».

«Он пошел к другому, и также сказал ему: „Мой господин приглашает тебя“.

Он сказал ему: «Я купил дом, и они пригласили меня днем. У меня не будет времени».

У бизнесмена никогда нет времени для себя: нет времени, чтобы наслаждаться, чтобы медитировать, чтобы любить. Он всегда спешит. Амбиции настолько лихорадят его, что у него нет времени ни на что. Если вы амбициозны, у вас нет времени, если же вы не амбициозны — перед вами — вечность. У неамбициозного человека масса времени, чтобы наслаждаться, и танцевать, и петь, вы не можете этого постичь. У амбициозного человека нет времени даже для любви, так как всегда есть будущее, банковский счет, деньги, которые он может получить, если использовать это время. Бизнесмену даже снится только бизнес.

«Он пошел к другому и сказал: — „Мой господин приглашает тебя“.

Человек сказал ему: «Мой друг будет праздновать свадьбу, и я устраиваю ужин, я не смогу прийти. Я отказываюсь от ужина».

Он пошел к другому, и сказал ему: «Мой господин приглашает тебя».

Он сказал ему: «Я купил деревню, я иду собирать налог. Я не смогу прийти, я отказываюсь».

Они все заняты, у них нет времени. Вы тоже заняты? Тогда вы бизнесмен. Или вы можете потратить немного времени, помедитировать, просто быть здесь и сейчас, петь и танцевать; или ничего не делать, просто полежать под деревом и насладиться бытием? Выглядит глупо? Тогда вы бизнесмен, тогда вы нерелигиозны. Но если вы чувствуете, что это полно смысла, важно — просто быть, без всякого дела, никак не занятым ничем, тогда вы — религиозный человек.

Помните, разуму нужно занятие, постоянное занятие, иначе разум не сможет существовать без занятия.

Вы, должно быть, слышали такую историю: однажды случилось так, что человек оживил призрака, гения. Гений сказал: «Есть лишь одно условие: мне нужна постоянная работа. Если ты можешь предоставить мне постоянную работу, я буду тебе слугой. Но как только ты не предоставишь мне работу, я тебя убью».

Этот человек был бизнесменом. Он сказал: «Это то, чего я хочу! У меня сотня слуг, но все ленивые, никто не хочет работать. Это отличное условие, оно мне по нраву. Я дам тебе столько работы, что ты даже не будешь успевать справляться!»

Он не сознавал, что говорит и что происходит. Счастливый, он пришел домой. Он рассказал гению о многих неудовлетворенных желаниях, скопившихся за долгие годы. Через минуту все было кончено, и гений вернулся и сказал: «Теперь дай мне другую работу». Тут человек испугался, откуда взять еще работу? Даже он, бизнесмен, не мог ее найти! Он дал еще какую-то работу, гений вернулся назад.

К утру, бизнесмен был в опасности. Он побежал к суфийскому святому и спросил: «Что делать? Этот гений убьет меня — он уже сделал все, о чем только я мог подумать!»

Суфий был математиком. Он сказал: «Иди и предложи ему решить задачу о квадратуре круга. Дай ему что-нибудь невозможное для выполнения».

И бизнесмен уже давно умер, но гений все еще пытается, он все еще занят.

У бизнесмена такой гений внутри, и все желания — невозможны. Не только квадратура круга невозможна, не-возможна и квадратура желания. Все желания невозможны. Таким же является и условие разума: «Дай мне работу, не оставляй меня пустым!» Не то, чтобы разум убил вас, но разум может убить ваше эго, если не дать ему ни-какой работы. Когда он работает, вы нечто делаете, вы чувствуете себя хорошо, вы кто-то. Когда вы ничего не делаете, теряется ваша идентичность, вы — никто.

Совсем недавно я читал книгу о движении Хари Кришна. Название книги — «Мир Хари Кришны». Женщина-автор пишет в ней о докторе С. Радхакришнана, бывшем президенте Индии, как о покойном докторе Радхакришнана, ведь когда политик вышел из этой игры, он уже «покойный». Она, может, не знала, что он жив, потому что газеты вдруг забывают о человеке, который в отставке. Где теперь Никсон? Забыт! Где Гири? Забыт, брошен в мусорный ящик, никому до него нет дела. Только когда они умирают, в газетах появляется несколько строк. Вот почему каждый вцепляется в работу, никто не хочет уходить на пенсию, ведь где идентичность пенсионера? Вы были кем-то, теперь вы стали никем.

У гения разума есть условие: «Если ты дашь мне работу, я дам тебе эго, ты будешь кем-то. Если ты прекратишь давать мне работу, ты будешь никем. Помни, если я пуст, ты тоже пуст, ты существуешь вместе со мной». Бизнесмен — последователь разума. Он продолжает давать работу, эго усиливается, но душа потеряна. Это — самоубийство, но очень тонкое.

Если вы можете существовать хоть на мгновение без работы, но остаетесь благодарным Богу, если вы можете быть никем и оставаться благодарным бытию, тогда вы — религиозный человек. Тогда ваша ценность — не из того, что вы делаете, не из вашего делания, ваша ценность исходит из вашего бытия. Тогда ваша ценность — не в банке, она — в вас. Тогда вы действительно ценны. Мир может этого не замечать, мир замечает бизнесменов. Мир может вас полностью забыть. Вы можете проходить по улице, и никто не поздоровается с вами. Никто на вас не посмотрит, такое возможно. Работа, которую вы делаете — вот что важно. Если работы нет, вас больше в мире нет — вы стали ничтожеством.

Но если вы можете быть счастливы, становясь ничтожеством, вы стали саньясином, вы вошли в мир Божественного. Теперь вы можете наслаждаться красотой, полной луной, зеленью деревьев и рябью на озере. Теперь вы можете наслаждаться всем, все открыто и приглашает вас. Приглашение всегда есть, но у вас нет времени обратиться на него внимание. Вы всегда заняты и просите прощения.

В течение многих жизней вы говорили: «Пожалуйста, простите меня, я не могу прийти. Кто-то женится, и я должен туда идти. Я не могу прийти, потому что мне нужно купить дом». О чем вы говорите? Жизнь приглашает вас быть экстатичным, а вы отвергаете приглашение, а потом вы говорите: «Я страдаю», — потом вы говорите: «Я отвергнут», — потом вы говорите: «Почему в жизни так много боли?»

Вы отвергаете все предложения быть счастливым. Деревья приглашают вас, луна приглашает вас, небо и река приглашают вас. Все бытие приглашает вас отовсюду, но вы говорите: «Извините». Розы приглашают вас, а вы проходите стороной и говорите: «Извините меня, я не могу прийти, я иду на свадьбу к другу».

«Слуга пришел, и сказал своему господину: „Те, кого ты пригласил на ужин, отказались“,

Господин сказал своему слуге: «Иди на дороги, приведи тех, кого ты найдешь, чтобы они могли поужинать».

Это должно быть понятно: приглашение сначала было послано уважаемым личностям, людям, которые были «кем-то», личностям, которые достигли некоей идентичности с эго — президенту, премьер-министру; приглашение было послано очень важным персонам. Они уклонились, так как были слишком заняты и не могли прийти. Теперь приглашение послано нищим, хиппи, тем, кто просто на дороге. Это — очень важная вещь, которую нужно понять: те, кто думает, что они очень уважаемы, утрачивают Божественное.

Даже нищие добиваются, а императоры утрачивают, ведь нищие — всегда на дороге. Вы их приглашаете, и они — готовы. Они никогда не скажут «извините», им не в чем извиняться, они просто ждут. Вы их зовете, и они приходят, они — прямо на дороге. Вот хозяин и говорит: «Иди на дороги, приведи тех, кого ты найдешь». Там вы не найдете уважаемых людей: президента или миллионера. Вы найдете нищих, заблудших людей, которым нечего делать, просто блуждающих бродяг. Это исполнено значения. Будда покинул свой дворец и стал нищим.

Махавира оставил свое царство и стал голым факиром, прямо на дороге; парибраджака, всегда на дороге. Что это означает? Теперь эти люди получают приглашение. А они — всегда готовы, нет ничего, из-за чего они сказали бы: «Я не могу прийти». Нет ни свадьбы, на которую они должны идти, ни дома, который нужно купить или про-дать, им нечего делать, они всегда в покое и дома.

Господин сказал: «Иди на дороги, приведи тех, кого ты найдешь, чтобы они могли поужинать». Те, кто являются кем-то в мире эго, будут всегда отказываться от приглашения. Потому что эго нуждается в постоянном за-нятии и не может наслаждаться. Эго — как рана: она может болеть, но не наслаждаться, эго — не цветок. Тогда те, кто как цветы, кто уже наслаждается, даже если они не получили приглашения — они на обеде, они уже вошли в бытие и наслаждаются, они не имеют забот и не несут с собой ношу — те, кто на дороге.

Это могло быть ночью полнолуния... «Теперь иди и приведи тех, кто никто, потому что Бог должен поделить-ся». Если важные персоны не при-ходят, тогда придут ничтожества, но Бог должен поделиться. И нищие наслади-лись Богом больше, чем императоры, потому что они имеют ка-чество быть незанятыми. Они — не бизнесмены, не утилитаристы, они жи-вут в данный момент, они не откладывают на будущее.

Я слышал историю об одном нищем... Бизнесмен проходил мимо нищего, и тот попросил две или три копейки на чашку чая. Бизнесмен спе-шил, как всегда. Он сказал: «Когда я буду проходить здесь следующий раз, я дам их тебе. Сейчас я спешу».

Нищий сказал: «Я ведь не бизнесмен, я не могу жить обещаниями. Либо ты даешь, либо нет; либо ты гово-ришь да, либо нет, но сейчас. Я — нищий, я не могу жить обещаниями — для меня нет будущего».

Бизнесмен живет обещаниями, вся его жизнь вложена в обещанные ве-щи. Он продал свое настоящее за некую будущую грезу.

И тогда Иисус говорит:

«Покупатели и торговцы не войдут в места моего Отца».

Такова же ситуация с Богом-Отцом и Его местом, Его дворцом; если вы говорите: «Я приду когда-нибудь в бу-дущем», — вы упустите. Если вы можете сказать: «Я готов прямо сейчас, ничто меня не удерживает. Я жду ваше-го приглашения», — только тогда вы способны войти в Царство Бога.

Как вы можете отклонить приглашение от жизни? Но вы его отклоняете. Каков механизм этого отклонения? Люди думают, что саньясины отрицают жизнь. Я говорю вам, что это совершенно неверно: только бизнесмен от-рицает жизнь; саньясины наслаждаются ею. Это выглядит как отрицание в глазах покупателя и торговца, но саньясины не отрицают ничего, они наслаждаются жизнью. Они наслаждаются более интенсивно, вот и все. Они наслаждаются настолько тотально, что если в этот миг они умрут, не будет никакого недовольства. Они скажут: «Мы жили, мы наслаждались. Хватит!» Даже один миг жизни саньясина — это наполненность. Если он умирает, он счастлив. Но бизнесмен даже за

миллионы жизней не закончит свою работу; работа такова, что не может за-вершиться.

В Упанишадах есть одна старинная история: один царь, Яяти, умирал, а ему было уже сто лет. Пришла Смерть, и Яяти сказал: «Может быть, ты забереешь одного из моих сыновей? Я еще не пожил по-настоящему, я был занят делами царства. Я полностью забыл, что должен буду покинуть это тело. Я не пожил, это жестоко — забирать меня отсюда, я не использовал эту возможность. Я служил людям и царству, а не жил. Будь сострада-тельной!»

Смерть сказала: «Ладно, спроси своих детей». У него была сотня детей. Он спросил, но старшие уже стали хит-роумными. Опыт делает людей хитрыми, подсчитывающими. Они выслушали его, и не сдвинулись с места. Са-мый молодой — он был очень юн, ему было шестнадцать лет — подошел и сказал: «Ладно».

Даже Смерть почувствовала к нему жалость, потому что если столетний старик еще не пожил, то, что гово-рять о шестнадцатилетнем мальчике? Он даже еще не начинал! Смерть сказала: «Ты ничего не знаешь, ты — невинный мальчик. С другой стороны, твои девяносто девять братьев мол-чат. Некоторым из них по семьдесят — семьдесят пять лет. Они старые, их смерть скоро придет, это вопрос нескольких лет. Почему ты?»

Юноша сказал: «Если мой отец не нажился за сто лет, как я могу надеяться нажитьсь? Это все бесполезно! Для меня достаточно понимать, что если мой отец не смог нажитьсь за сто лет, то и я не наживусь, даже если проживу сто лет. Должен быть какой-то иной способ жить. С помощью жизни, похоже, нельзя нажитьсь, так что я попробую нажитьсь с помощью смерти. Позволь мне, не твори препятствий».

Это — то, что говорит саньясин: «Если я не могу жить с помощью жизни эго, я буду жить с помощью смерти эго. Итак, бери меня!»

Сына забрала Смерть, и отец жил еще сто лет. Потом смерть пришла снова. Отец вновь был удивлен: «Так быстро! Я думал, что сто лет — это так долго, нет нужды волноваться. Я еще не пожил; я пытался, я планировал, теперь все готово и я начал жить, а ты пришла снова!»

Так происходило десять раз: каждый раз один из сыновей жертвовал своей жизнью, и отец жил. Когда ему бы-ло уже тысяча лет, Смерть пришла и спросила Яяти: «Ну что ты думаешь теперь? Я снова должна забрать еще одного сына?»

Яяти сказал: «Нет, теперь я знаю, что даже тысяча лет бесполезна. Все дело в моем разуме, это не вопрос вре-мени. Я снова и снова включался в одну и ту же чепуху, я стал привязанным к пустой трате бытия и сущности. Так что теперь это уже не помогает».

Может, вы помните, что Яяти написал для грядущих поколений: «Я прожил целых тысячу лет, но не мог жить из-за своего разума. Он всегда связан с будущим, а я всегда утрачиваю настоящее. А жизнь — это настоящее».

Если вы — не здесь и сейчас, вы продолжаете ее утрачивать. Вам всегда давалось приглашение, но вы никогда не находились дома, вы там ни-когда не были, вы были заняты в другом месте. А потом вы говорите, что страдае-те, потом говорите: «Зачем так много бедствий?» И каждый кажется таким несчастным; те, кто пожил долго, кажутся несчастными; те, кто не пожил долго, тоже. Молодые, старые — все кажутся несчастными, ведь разум одинаков.

Я однажды прочел надпись на окне ресторана. Прямо на стекле было написано: «Не стойте снаружи и не будь-те такими несчастными — заходите и поешьте!» Итак, если вы стоите снаружи, вы несчастны, но если вы зашли и поели, вы все равно становитесь несчастными.

Разум — это несчастье. «В» или «вне» не помогает; сто лет, тысяча лет — не помогает; одна жизнь, много жиз-ней — не помогает, пока вы не осознаете, что барьер — это сам разум, который вы носите с собой, разум бизнес-мена. Лишь только вы отбрасываете этот разум, приходит саньяса.

И Иисус говорит:

«Покупатели и торговцы не войдут в места моего Отца».

Они сами упустили — а не двери закрыты! Они сами упустили, а при-глашение было. Приглашение остается вечно, это — приглашение, оста-ющееся всегда. А посланник приходит ежедневно. Иисус был посланником, но иудеи его отвергли. Будда был посланником, но индуисты его отвергли. Посланник приходит ежедневно, стучит в вашу дверь, но вы гово-рите: «Мы заняты».

Так случилось в жизни Будды: много, много раз он проходил через деревню, почти тридцать раз. А один чело-век всегда думал о том, как бы пойти его послушать, но то жена была больна, то она беременна, то в доме много гостей, то неполадки в делах, и Будда приходил и уходил. Человек все не мог пойти и увидеть его.

Тридцать лет, тридцать раз Будда проходил через ту деревню. И вот, однажды поутру, когда человек открывал свою лавку, он услышал, что Будда умирает, он умрет в этот день. Теперь он осознал, что утратил, но было слиш-ком поздно. Он побежал — Будда был в пятнадцати милях от деревни, и он прибежал к вечеру.

Будда отдыхал. Он сказал своим ученикам: «Есть у вас какие-нибудь вопросы?»

Но они плакали и рыдали, и сказали: «Ты уже сказал достаточно, и мы не поняли даже этого. Нам не о чем спрашивать».

Итак, Будда трижды повторил предложение, у него была привычка все повторять трижды, потому что, гово-рил он, вы настолько глухи, что пропускаете все вновь и вновь. Потом он пошел под дерево, сел там спо-койно, закрыл глаза и начал растворяться во Вселенной.

Тут прибежал этот человек, задыхаясь, и сказал: «Где Будда? Я должен его кое о чем спросить. Я долго ждал».

Ученики сказали: «Ты опоздал. Будда, проходя через твою деревню, всегда о тебе спрашивал, а ты никогда не приходил. Тридцать раз он про-ходил мимо твоего дома; деревушка мала, всего одноминутная прогулка — и ты бы встретился с ним. Он всегда спрашивал, приходил ли тот биз-несмен, и нам приходилось отвечать — нет. Ино-гда даже и другие приходили к тебе и приглашали, но ты говорил: „Сейчас это невозможно, сейчас — самый сезон; или моя жена беременна; или у меня в доме гости“. А теперь ты опоздал.

Это — одна из самых замечательных историй о сострадании. Будда вышел из медитации и сказал: «Он мог за-блуждаться, но мое приглашение остается в силе, он мог опоздать, но я все еще жив, поэтому позвольте ему спро-сить. Я ждал его, я откладывал свое исчезновение, я надеялся, что он придет, услышав, что я умираю».

Отбросьте ум бизнесмена. Вы упускали Будду прежде, и вы упустите его вновь. Это стало обычным для вас — упускать. Иисус прав:

«Покупатели и торговцы не войдут в места моего Отца».

Царство не для них, потому что оно им вообще не интересно. Они заинтересованы только в царствах этого ми-ра. Их глаза сфокусированы, они смотрят вниз, на материальное, на мир. Из-за своего сфокусированного взгляда они не могут смотреть вверх; и тогда приглашение бесполезно — они слышат, но они находят оправдания.

Вы избрали несущественное и отвергли существенное. Вы избрали то, что не ценно, вы избрали то, чему свой-ственно умирать и отвергли бессмертное. Вы избрали тело и отвергли внутреннее, сущность. И что бы вы ни вы-бирали, вы движетесь в таком направлении.

Полностью это осознавайте. Смотрите на ситуацию, и не начинайте думать о других: «Тот человек — бизнес-мен». Смотрите на себя, ведь из ста человек девяносто девять — бизнесмены. Вероятнее всего, вы тоже бизнесмен. Не думайте, что вы исключение, исключение совершенно не похоже на вас. Такое исключение уже вошло, оно уже пирует с Богом.

Изречение двадцатое...

Его ученики сказали ему:

*В какой день наступит покой для тех,
которые мертвы?*

И в какой день новый мир приходит?

Он сказал им:

То, чего вы ожидали, уже пришло, но вы не узнали его.

Его ученики сказали ему:

*Двадцать четыре пророка говорили в Израиле,
и все они сказали о тебе.*

Он сказал им:

*и отстранили от себя того, кто жив перед вами,
и вы сказали о тех, кто мертв*

Иисус сказал:

Я бросил огонь в мир,

и вот я охраняю его, пока он не запылает.

УМ — пьян

Это происходило вновь и вновь. Иисус приходит, но вы его не узнаете. Будда приходит, но вы его не узнаете. Почему это происходит? А потом в течение столетий вы думаете об Иисусе и Будде. Потом создаются религии, потом создаются великие организации ради того, кого вы так и не узнали, пока он был здесь. Почему вы утрачиваете живого Христа? Это должно быть понято, потому что это глубоко укоренено в разуме, в самой природе разума. Это не индивидуальная ошибка, это — не оплошность, совершенная тем или другим человеком. В течение тысячелетий она совершалась человеческим умом. В ум нужно проникнуть и понять его. Первое: у ума нет настоящего, есть только прошлое и будущее. Настоящее настолько узко, что ум не может его схватить. В тот момент, когда ум его схватил, его уже нет, оно стало прошлым. Так что ум может вспоминать прошлое, может желать будущего, но не может видеть настоящее. Прошлое огромно, будущее также огромно; настоящее настолько атомарно, настолько тонко, что, когда вы его осознали, оно уже ушло. А вы не так уж и сознательны. Необходима очень большая интенсивность сознательности, только тогда вы будете способны увидеть настоящее. Вы должны быть полностью бдительными; настоящее не может быть увидено, если вы не полностью бдительны. Вы — уже пьяны прошлым или будущим.

Однажды случилось вот что: Мулла Насреддин приехал меня увидеть. Он нанял такси, сел в него и сказал: «Шофер, отвези меня к ашраму Шри Раджниша».

Шофер вышел из такси очень сердитым, потому что машина итак стояла перед домом номер семнадцать на Кореган Парк. Он открыл дверь и сказал: «Приятель, мы прибыли в ашрам. Выходи!»

Насреддин сказал: «Ладно, но в следующий раз не гони так быстро».

Разум — пьян. Он не может видеть настоящее, то, что перед вами. Разум наполнен

мечтами, желаниями. У вас нет присутствия духа. Вот почему утрачивается Иисус, утрачиваются Будда и Кришна, а потом столетиями вы плачете и рыдаете, в течение столетий вы чувствуете вину. В течение столетий вы думаете, молитесь, воображаете, а когда Иисус — там, вы утрачиваете. Иисус может быть встречен, только если вы добились присутствия духа, в котором нет ни прошлого, ни будущего; только тогда вы можете видеть настоящее. И тогда настоящее — вечно. Но вечность — в глубине, это не линейное движение, оно не горизонтально, а вертикально.

Второе, что нужно помнить: вы можете понять прошлое, потому что для того, чтобы понять что-либо, вам нужно время, чтобы подумать, пофилософствовать, посистематизировать, поспорить. Тогда вы можете интеллектуально рассортировать вещи. Но когда Иисус — настоящее, вы не можете думать — у ума нет времени подумать, разум идет ощупью в потемках. Иногда это создает видимость понимания, но это не понимание. Если вы понимаете, тогда вы можете смотреть прямо на факт, и истина факта — открыта. Если у вас нет понимания, тогда вы должны подумать.

Помните, человек понимания никогда не думает, он просто видит факты. Сам взгляд открывает факт. Человек непонимания — думает. Это подобно слепому, который хочет выбраться из дому: перед тем, как выбраться, он должен подумать: «Где дверь, где лестница, где ворота?» Но человек зрячий, если он хочет выйти, он просто выходит. Он никогда не думает: «Где дверь, где лестница?»; если он видит, нет нужды думать.

Если вы слепы, тогда нужно думать; думание — это подмена; оно прячет вашу слепоту. Человек, который может видеть непосредственно, никогда не думает: Иисус — не мыслитель, мыслитель — Аристотель; Будда — не мыслитель, мыслитель — Гегель. Просветленный человек никогда не мыслит, он просто видит, у него есть глаза, чтобы видеть. И само видение показывает, где находятся врата, где путь, и он идет.

Когда Иисус там, — врата открыты, но вы слепы. У вас есть возможность спросить самого Иисуса: «Где дверь? Где врата? Куда мне идти?»

Есть знаменитая картина Уильяма Ханта. Когда она впервые была выставлена в Лондоне, она вызвала споры критиков. Это — изображение Иисуса, одно из самых прекрасных: Иисус стоит у двери, дверь закрыта, и похоже, что она оставалась закрытой всегда, она вся заросла, кажется, ее никто не открывал в течение столетий. Она выглядит очень древней, вся в лохмотьях, а Иисус стоит у двери, и картина названа «Смотрите, я стою у двери!». На двери висит колотушка, и Иисус держит ее в руке.

Картина прекрасна, но критики всегда выискивают какие-нибудь ошибки; их разум притягивается туда, где что-то отсутствует. Они нашли-таки одну ошибку: на двери есть колотушка, но нет ручки. Вот они и сказали Ханту: «С дверью все в порядке, Иисус — в порядке, но одно вы забыли: на двери нет ручки».

Хант рассмеялся и сказал: «Эта дверь открывается внутрь», — Иисус стоит у двери человека, его сердца. Она не может открываться наружу, так что нет нужды в ручке, там есть только колотушка. Дверь сердца открывается внутрь.

Иисус приходит и стучит в вашу дверь, но вы начинаете думать. Вы не открываете дверь, скорее вы можете испугаться и еще больше задвинуть засов: «Кто знает, что за человек стоит снаружи? Выглядит, как бродяга. И кто знает, что он будет делать, если откроешь дверь?» Если вы открыли сердце, вы стали уязвимы, тогда вы уже не в безопасности. А этот человек выглядит абсолютно чужим. Вы не верите, вот почему, когда приходит Иисус, вы утрачиваете, отпускаете Иисуса.

Во-первых, вы слепы, вы не можете увидеть, вы можете только думать. Во-вторых, вы боитесь, вы испугались неизвестного. Но с прошлым — вы в покое, время уже прошло, многие люди думали, они создали теории, они организовали все, что нужно. Теперь вы можете просто посмотреть в книгу — книги мертвы. Но вы можете думать об Иисусе и прийти к некоему убеждению. И тогда опасности больше нет, потому что даже если вы откроете сердце для книги, ничего не произойдет. Вот миллионы христиан и продолжают каждый день читать Библию, индуисты ежедневно читают Гиту, буддисты — Дхаммападу. Они механически повторяют ежедневно одно и то же снова и снова. Опасности нет, книга — это не огонь.

Но Иисус — это огонь: как только вы открыли свое сердце, вы сгораете целиком. Как только этот чужак входит в ваше сердце, в известное проникает неизвестное. Теперь ваш разум не может существовать в том виде, в каком он существовал до этого; вы не можете быть тем же самым. Произошел разрыв, прошлое мертво — даже во снах оно больше не будет отражаться; все, что вы накопили, ушло. Этот человек приходит, чтобы сжечь вас целиком, чтобы стать смертью. Но вы боитесь, потому что вы не знаете, что после любой смерти есть рождение. Чем больше смерть, тем больше рождение; тотальная смерть — тотально и рождение. А этот человек приходит, чтобы дать вам тотальную смерть.

Вы боитесь. Кто же боится? Это тот, кто боится внутри вас, и кто — не вы. Это — эго, ваше накопленное прошлое, ваша личность: вы — человек с престижем, властью, человек знания, уважаемый человек. Эго полностью разбивается этим человеком. Это эго говорит вам: «Будь бдителен! Не открывай дверь так просто. Никто не знает, что это за человек. Сначала удостоверься». А к тому времени, когда вы удостоверились, Иисус ушел: он не может ждать у вашей двери вечно. Это такое редкое явление: проникновение неизвестного в известное, проникновение вечности во время. Встреча Иисуса с вами такое редкое явление, что оно существует только в определенные моменты, а потом оно ушло. Вы упускаете — у вас нет присутствия ума.

Я слышал, однажды случилось следующее: нищий получил пятьдесят тысяч рупий от правительства, потому что он попал в катастрофу в поезде и пострадал в ней. У него было множество переломов, но он был очень счастлив, когда получил пятьдесят тысяч рупий. Он ходил по всему городу и рассказывал людям радостную новость: «Я получил пятьдесят тысяч рупий, и моя жена получила двадцать пять тысяч рупий».

Вот один приятель и спросил: «А твоя жена тоже пострадала, она тоже была ранена при крушении?»

Нищий сказал: «Нет! Но у меня хватило ума в этом хаосе, когда поезд попал в крушение, выбить ей зубы. В остальном она вообще не пострадала, но за счет моего ума она тоже получила двадцать пять тысяч рупий».

В этом мире вы иногда используете ум — конечно, по неверным поводам. Но когда приходит Иисус, Будда, вы никогда не используете присутствие духа, так как это опасно: это не дает вам ничего, скорее, наоборот, забирает у вас все, что вы имеете; вы не получите двадцать пять тысяч рупий в качестве пособия от правительства, наоборот, все накопленные вами сокровища будут изъяты. Так что, когда Иисус здесь, вы никогда не смотрите ему прямо в глаза. Вы будете отводить взгляд, вы будете смотреть вправо и влево, ум будет двигаться в прошлое и в будущее, главное, вы постоянно будете хитрить. Вы утрачиваете, потому что глубоко внутри вы хотите уклониться.

Иисус — это неудобство. Встретить его неудобно, потому что он вдребезги разбивает

все ваше приспособление. Он заставляет вас осознать, что вы были совершенно неправы, вы чувствуете, что вы согрешили, что вы утратили-ли цель. Он заставляет вас почувствовать, что вся ваша жизнь была напрасной, что вы не достигли ничего, что вы стояли на все том же месте в течение миллионов жизней — конечно, вы из-за него почувствуете беспокойство, вы начнете трястись и дрожать. Единственный путь — уклониться, а вы очень изощрены в уклонении. Вы уклоняетесь такими способами, что даже вы не можете осознать, что вы уклоняетесь. Теперь попробуйте понять эти слова:

Его ученики сказали ему: «В какой день наступит покой для тех, которые мертвы? И в какой день новый мир приходит?»

Иудеи ждали веками дня, когда мертвые будут воскрешены, дня, когда родится новый мир — мир порядка, благословения, Божественного Порядка. Этот мир, таков, каков он есть, уродлив, он подобен кошмару. И единственный способ терпеть его — это надеяться, что это будет не так, что кошмар кончится, что когда-то родится новый мир красоты, истины и божественности. Это трюк ума, его отравление, это дает вам надежду, а надежда — это самый сильный алкогольный напиток из всех существующих. Если вы можете надеяться, вы можете оставаться пьяным навсегда. Это дает вам возможность ждать: «Этот мир — еще не окончательный, это уродство — не навсегда, эта жизнь — не истинная жизнь. Истинная жизнь грядет». Вот что будет думать нерелигиозный человек.

Религиозный человек принимает все, как оно есть; он не ждет, что произойдет еще что-нибудь; он принимает мир таким, какой он есть. Он имеет глубокое приятие: он благодарен даже за то, что есть, он не жалуется. Он не говорит: «Это плохо, это уродливо, это кошмар». Он говорит: «Что бы это ни было, это — прекрасно, я принимаю это». И только через это приятие он рождается, он становится новым человеком, для него новый мир — здесь. Это — путь попасть в новый мир. Если вы ждете, надеясь, что когда-то этот мир переменится, он никогда не переменится — он всегда будет таким. Со времени, когда Адам и Ева покинули Эдемский сад, он оставался таким.

В Китае существует пословица: «Прогресс — самое старое слово». Всегда человеческий разум думал, что мы прогрессируем. Мы движемся в никуда, мир остается прежним. Детали могут меняться, но сущность остается прежней; это — колесо, которое движется по одной и той же колее.

Религиозный человек — это тот, кто принимает именно этот момент, — что бы ни происходило, и посредством этого приятия он рождается заново, смерть побеждена. Это — возрождение. А когда ваши глаза — другие, то и весь мир другой; не сам мир, а то, как вы его видите — причина всего. То, как вы на него смотрите — причина. То, как вы к нему подходите — причина; ваша позиция — это ваш мир. Этот мир нейтрален; для Будды он выглядит как мокша, бесконечная красота и экстаз; для вас он выглядит, как ад, последний, седьмой — ничего не может быть хуже, чем это. Все зависит от того, как смотреть.

Когда вы возродились, все возрождается с вами: деревья будут теми же самыми, и все же не теми, холмы будут теми же самыми — и все же не теми, потому что вы изменились. Вы — центр мира, а когда центр меняется, периферия должна за ним последовать, потому что мир — всего лишь тень вокруг вас. Если меняетесь вы, меняется и тень. А те, кто ждет и думает, что тень однажды изменится — глупцы.

Иудеи ожидали, как ожидает каждый, дня, когда мир возродится, и смерть будет побеждена, тогда будет мир, вечный мир и жизнь. Вот они и спрашивали Иисуса:

«Когда придет избавление от смерти, и когда придет новый мир?»

Они спрашивали о будущем, и таким образом утратили Иисуса. Не спрашивайте Иисуса о будущем, потому что для Иисуса не существует будущего, перед ним предстает вся вечность. И для Иисуса не существует никакой надежды, надежда — это мечта. Для Иисуса существует только истина, а не надежда. Надежда — это обман, это от-равление; она дает вам такое опьянение, что весь мир в ваших глазах искажается. Для Иисуса существует только истина, ее «фактичность» — голое, обнаженное бытие; у него нет никаких надежд по этому поводу. Не то, чтобы он был в отчаянии, помните: отчаяние — это часть надежды.

Если вы надеетесь на будущее, отчаяние будет следовать за вами. Отчаяние — это тень надежды: если вы на-деетесь, вы будете разочарованы. Чем больше вы надеетесь, тем больше вы будете разочарованы, потому что на-дежда создает мечту, а потом мечта не сбывается. Иисус — не в отчаянии, не в разочаровании. Он никогда не на-деялся, так что все исполняется; он никогда не ожидал, так что все — так, как и должно быть; он никогда не меч-тал, так что нет неудачи. Никто не может вас подвести, если вы не ищете успеха, и ничто не может разочаровать вас, если вы не смотрите в будущее. Нет никаких несчастий, если нет мечтаний.

Мечты приносят несчастья, бытие — чистый экстаз. Иисус живет здесь и сейчас, это для него — единственное существование. Вот почему я говорю, что Иисусу очень трудно встретиться с вами, потому что вы — всегда в бу-дущем, а он — всегда здесь и сейчас. Как встретиться? Расстояние — огромно!

Есть два пути. Первый: Иисус может начать мечтать, как и вы. Это невозможно, потому что если вы знаете, вы не сможете мечтать. Мечта приходит только тогда, когда знающий спит. Так что Иисус не может прийти на ваш уровень, это невозможно. Как бы он ни пытался, это невозможно. Иисус и Будда хотели бы прийти туда, где вы находитесь, чтобы встретиться с вами, но это невозможно в принципе, он не может заснуть, он не может стать бессознательным, он не может впасть в сон, он не может надеяться. Тогда где же встретиться? Если он живет во сне и движется в будущее, тогда встреча может быть, но это — невозможно. Единственная возможность — это тря-сти вас и будить...

Вот Иисус и продолжает говорить своим ученикам: «Пробудитесь, будьте бдительны! Следите, смотрите, видите!» Он продолжает говорить:

«Будьте сознательны, имейте присутствие духа здесь и сейчас!» Но даже ученики спрашивают о будущем. Они не смотрят на Иисуса, они думают о будущем, потому что они страдали в прошлом. Таково равновесие: они стра-дали в прошлом, они будут блаженны в будущем. Таково равновесие их жизни, иначе они сойдут с ума.

В древности каждый император держал при своем дворе мудреца, а также дурака. Выглядит абсурдно — муд-рец нужен, а зачем дурак? Чтобы было равновесие, иначе двор будет разбалансирован. И это правильно.

Однажды случилось так: у великого царя был мудрец, но дурака не было. И все шло плохо, так что стали ис-кать, и был найден человек, который был совершенным дураком. Совершенство — редкая вещь: найти совер-шенного мудреца — это редкость, но еще трудней найти совершенного дурака. Но совершенство прекрасно, в чем бы оно ни проявлялось. Даже совершенный дурак имеет качество, которое вы не сможете отрицать — совершенст-во. Совершенство имеет свою собственную красоту. Если вы хотите увидеть, что такое совершенный дурак, по-читайте роман Достоевского «Идиот».

Был найден совершенный дурак. Царь хотел его испытать, чтобы увидеть, чего он в действительности стоит. Он сказал дураку: «Составь список самых больших дураков в моем

дворе», — при дворе было сто человек.

«Составь список из десяти человек, причем самый первый дурак в списке должен быть первым, потом — вто-рой, и так далее...» Ему дали семь дней.

На седьмой день царь спросил: «Ты составил список?»

Дурак ответил: «Да».

Царь заинтересовался и спросил: «Кто первый?»

Дурак ответил: «Ты».

Царь рассердился и спросил: «Почему? Ты должен дать мне объяснение».

Дурак сказал: «Еще вчера у меня не было заполнено первое место. Одному из своих министров ты дал милли-он рупий и послал в одну из дальних стран закупить алмазы, жемчуга и другие драгоценности. Я говорю тебе: этот человек никогда не вернется назад... Ты поверил ему — ты и дурак. Только дураки верят».

Царь сказал: «Ладно, а если он вернется, что тогда?» Дурак сказал: «Тогда я вычеркну твое имя и впишу его». В древних дворах это было необходимостью, так как давало равновесие. Ваша жизнь есть постоянная попытка удержать равновесие. Если вы слишком движетесь в одном направлении, равновесие утрачивается и появляется нездоровье и болезнь. Болезнь значит, что равновесие утрачено — само слово означает разбалансированность. Так что, когда ваше прошлое уродливо, когда оно — долгое страдание, утомление, скука, как вы его сбалансируете? Вы должны это сделать, иначе вы сойдете с ума. Вы уравниваете его прекрасным будущим, вы рисуете ро-мантическую картину будущего; это дает равновесие.

Но Иисусу не нужно равновесия, он сам — равновесие. Иисусу не нужны мудрец и дурак. Ваше прошлое по-добно мудрецу, вы получили опыт, через опыт вы получили мудрость. Ваше будущее подобно дураку: это мечты. Если у вас нет никакого будущего, что произойдет? Внезапно вы станете сумасшедшим. Если у вас нет будущего, вы сойдете с ума.

Вот что происходит на Западе, в частности, в Америке. Из-за водородной бомбы и атомной энергии там больше нет будущего. Америка стала страной хиппи и битников, и причина в том, что Америка стала более бдительной. Они использовали атомную бомбу во Второй Мировой войне, и Америка — бдительна: там нет больше будущего, а прошлое — лишь долгое уродство и кошмар. Что же делать? Там нет будущего, чтобы мечтать, дурачить и удер-живать равновесие; появляются хиппи — они сумасшедшие, они неуравновешенны.

Будда появился подобным образом, но метод — другой; Иисус родился подобным образом, но метод — другой, он просто отбросил прошлое, он перестал думать о будущем, он перестал вспоминать прошлое. Тогда, вне-запно, он — само равновесие. Вы не сможете разбалансировать Иисуса, нет. Вы можете вывести из равновесия кого-нибудь, кто просто приспособился, но Иисус — не приспособился. Приспособившаяся личность может быть раз-балансирована любой случайностью, но Иисуса нельзя вывести из равновесия, он не может сойти с ума, потому что изменилась сама основа. Он не живет ни в прошлом, ни в будущем.

Ученики спрашивают Иисуса о будущем. Каким образом возможна встреча? Как они могут с ним столкнуться? И это — ученики, а как же с массами?

Он сказал им: «То, чего вы ожидали, уже пришло, но вы не poznали его».

Иисус говорит о себе: «Я — новый мир, я — воскресший мертвый, я — жизнь, самый центр жизни, и я — здесь, стою перед вами, а вы не знаете. Вы задаете вопросы о будущем, а будущее — здесь».

Он сказал им: «То, чего вы ожидали, уже пришло, но вы не узнали его».

В вечности нет будущего. Будущее — это часть настоящего, но из-за узости нашего ума мы не можем видеть целого. Мы подобны человеку, запертому в комнате, который смотрит в замочную скважину: он не может видеть целого. Через замочную скважину вы не сможете увидеть целого — если только вы не приняли гашиш.

Я расскажу вам одну историю. Однажды случилось так: три человека прибыли в один город, когда солнце уже садилось. Они хотели любым способом попасть туда до захода, они бежали, так как ворота закрывались в тот миг, когда солнце заходило, и им пришлось бы остаться за стенами города. А это было опасно — дикие звери, убийцы и прочее. Они бежали, но так и не успели вовремя. Когда они прибежали, ворота были закрыты — солнце село.

Один из них начал бить себя в грудь и громко вопить, так, чтобы привратники за стеной слышали. Он громко кричал, бил в ворота, руки его кровоточили, и он упал в обморок. Другой начал исследовать стены. Там могла оказаться какая-нибудь маленькая дверца, задний ход или еще какое-нибудь место, через которое он мог бы войти. Третий был курильщиком гашиша: он просто курил свой гашиш, потом он посмотрел сквозь замочную скважину и сказал: «Смотрите! Нет нужды что-либо искать — мы можем войти через замочную скважину!»

Вот что происходит, когда вы — в наркотическом путешествии. Такое бывает: замочная скважина кажется настолько большой, что вы чувствуете, что можете через нее войти даже в Царство Бога. Никто не может войти в Царство Бога через замочную скважину. Вы останетесь снаружи, а когда придете в чувство, то будете смеяться над всем этим.

Подумайте о человеке, запертом в комнате, который может смотреть только через замочную скважину: он не может видеть того, что снаружи, целиком, он смотрит на часть. И вообразите также, что его глаз перемещается относительно скважины: он видит одно дерево, потом в поле зрения попадает другое дерево. Первое дерево ушло из существования, оно стало прошлым, и он думает, что оно стало прошлым, исчезло. Второе дерево стало настоящим, а третье, которое еще не появилось — в будущем. Его глаз продолжает двигаться ... тогда второе уходит в прошлое и появляется третье, и тот человек думает, и он думает логично:

«То, чего я больше не вижу, не существует, а то, чего я еще не могу видеть, еще не существует. Существует только то, что я вижу».

Вот чем мы занимаемся. И этот человек не поймет, что это его глаз движется мимо замочной скважины, он по-думает, что деревья приходят в бытие и уходят из него. Мы говорим, что время движется. Помните, время не движется, только ваш разум движется. Куда может двигаться время? Ведь для движения опять-таки нужно время: если ваше время движется, тогда нужно другое время, в котором оно движется. Вы пришли в этот дом из своего дома, вам понадобилось на это полчаса. Вы движетесь из одной точки в другую, на это нужно время. Если время движется, как мы думаем — подобно реке, уходит в прошлое, приходит из будущего — тогда нужно другое время, в котором движется наше время. Тогда вы попадаете в бесконечное движение: тогда другое время будет двигаться в каком-то еще времени. Нет, этого не может быть.

Время не движется. Наоборот, ваш разум движется, но вы этого не можете увидеть. Это подобно тому, как вы едете в поезде и видите быстро мелькающие деревья: вы движетесь в противоположном направлении. Если бы вам не позволили наблюдать, у вас могло бы

возникнуть чувство, и временами оно возникает, когда ваш поезд начинает двигаться, а другой стоит у платформы: вы думаете, что движется другой поезд.

Миллионы лет человек существует на земле. Земля движется, но никто этого не сознает; думают, что движется Солнце. И сейчас ученые говорят, что движется Земля, но язык не изменился: мы говорим: «Солнце взошло», «Солнце зашло». Солнце не всходит и не заходит, но мы продолжаем думать, что оно это делает. Даже ученые думают подобным образом. Они знают этот факт, но мысль настолько глубоко укоренилась, что они никогда не думают, что земля движется. «Земля взошла», «Земля зашла», — нет таких оборотов речи. Солнце продолжает двигаться вокруг Земли.

То же заблуждение существует и относительно времени. Время не движется, оно вечно. Только наш разум движется, а когда он движется, у вас есть узкий разрез: то, что происходит — это настоящее, то, что ушло — это прошлое, то, что не пришло — это будущее. Но куда может двигаться настоящее?

Все это — абсурдно, если вдуматься. Как это настоящее может двигаться в не-бытие? Как может бытие стать небытием? Прошлого нигде нет, оно стало не-бытием. И как может будущее, которое не-бытийно, прийти в бытие? Это выглядит совершенно абсурдным. Бытие остается бытием, не-бытие остается не-бытием; движется только ваш разум. И вы не можете видеть целого, вот почему создается разделение.

Иисус живет в целом. Вот почему он говорит: «То, чего вы ожидали, пришло, но вы не знаете. И оно не только пришло сейчас; то, чего вы ожидали, всегда было здесь». Вот почему Иисус говорит в другом изречении: «Я был прежде Авраама, я всегда был здесь». Ваш разум говорит, что Иисус придет в будущем. Тот же самый разум отвергает Иисуса, так как разум не имеет сообщения с настоящим. Потому иудеи и говорили: «Это — не тот человек, которого мы ждем».

И никто никогда не будет тем человеком. Кто бы ни пришел, он будет не тем, потому что истинность или не-истинность этого человека не имеет значения, все дело в разуме, который живет в будущем и все вкладывает в будущее. А когда Иисус пришел, будущего нет — тогда все ваши мечты рассеиваются. Иисус становится разрушителем ваших мечтаний, а вы так много вложили в ваши мечты, что это тяжело, очень тяжело.

Один врач говорил пьянице: «Вы должны остановиться, иначе вы потеряете слух, вы ничего не будете слышать».

Пьяница ответил: «Я не собираюсь бросать пить, потому что, то, что я слышу, хуже того, что я пью. Даже если я потеряю слух, я ничего не утрачу; то, что я слышу, не стоит этого».

Вы так много вложили в будущее, что то, о чем вы мечтаете, стало весьма ценным. Это дает вам равновесие относительно прошлого, это дает вам стимул двигаться и действовать, это помогает вам бежать. В действительности это помогает вам и вашему эго вообще существовать. Это трудно отбросить. Так что, когда Иисус придет, он скажет: «Я — здесь», а вы скажете: «Нет, это не тот человек!» Тот человек никогда не приходит, и не потому, что он никогда не приходит, а потому, что вы не можете позволить ему быть тем человеком. Если вы однажды позволите Иисусу быть Христом, тогда вы должны немедленно измениться. Вы не можете следовать старым образцам, старый стиль жизни должен быть отброшен. Вы должны умереть и возродиться.

Он сказал им: «То, чего вы ожидали, уже пришло, но вы не узнали его».

Его ученики сказали ему — снова та же одержимость, снова они говорят: «Двадцать

четыре пророка говорили в Израиле, и все они сказали о тебе».

Это число, двадцать четыре, имеет большой смысл. Индуисты думают, что есть двадцать четыре аватары, джайны думают, что есть двадцать четыре тиртханкары, буддисты думают, что есть двадцать четыре будды, а иудеи думают, что есть двадцать четыре пророка.

Почему двадцать четыре? Почему не больше и не меньше? Почему все они согласны в этом? В этом мире все существует в определенном количестве, даже мудрость, которой тоже имеется определенное количество. И это количество таково, что когда один человек становится Просветленным, другим трудно тут же стать Просветленными. Весь Свет поглощается таким человеком. Вы можете жить в его тени, он попытается и поможет вам лю-бым способом, но это становится трудным.

Отсюда и это явление: Будда умирает, и многие ученики становятся Просветленными; Махавира умирает, и многие ученики становятся Просветленными, после того, как его больше нет. Это похоже на то, как под большим деревом маленькие растения не могут выжить. Существует определенное количество, а подобные Христу поглощают все это количество. Он настолько громаден, что отовсюду исчезают малые количества. Он становится всем Светом. Многие математики занимались этим, и все пришли к числу двадцать четыре. В одну махакальпу, от творения до распада, есть двадцать четыре возможности, двадцать четыре человека могут достичь высочайшей вершины.

Его ученики сказали ему: «Двадцать четыре пророка говорили в Израиле, и все они сказали о тебе». И они все говорили: «Мы — только несущие новости. Истинный тот, грядет. Последний, Высший. Мы несем вам только весть». В этом различие между пророком и Христом. Христос — это кульминация всех ожиданий, всех чаяний, всех мечтаний, всего, что может быть придумано об ином мире; Христос — это кульминационная точка, он — вершина, Эверест. Пророк — показывает, он указывает вам путь, он несет, весть, что Тот — грядет; пророк — это посланник. Двадцать четыре пророка объявляли, что Христос грядет, последняя точка, омега, в которой все человечество и все сознание человечества, достигнет вершины.

Его ученики сказали ему: «Двадцать четыре пророка говорили в Израиле, и все они сказали о тебе». Он сказал им: «Вы отстранили от себя того, кто жив перед вами, и вы сказали о тех, кто мертвы».

Зачем вспоминать этих двадцати четырех пророков? Вы не смотрите на меня. Вы все еще говорите о двадцати четырех пророках, которые мертвы. Они говорили обо мне, вы говорите о них, а Я — здесь! Они утратили меня, потому что смотрели в будущее, вы утрачиваете меня, потому что смотрите в прошлое, а Я — здесь!»

Иисус сказал: «Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает».

Это должно быть понято очень глубоко, очень сознательно. Это очень легко — говорить о смерти, потому что вы — мертвы, в вас есть то же качество, в вас есть подобие смерти. Очень трудно смотреть на Иисуса, потому что тогда вы должны быть живыми. Только подобное может почувствовать подобное, подобное нужно узнать. Как можете вы знать свет, если вы — тьма? Как можете вы знать любовь, как можете вы знать жизнь, если вы ими не являетесь? Вы упускаете Иисуса, потому что вы не жили. Вы живете тупой, мертвой жизнью. Ваша жизнь — на минимуме, а Иисус существует в ее максимуме. Вы существуете, как альфа, а он — как омега.

Вы — лишь «А», а он — «Я», он — конечная кульминация. Вы продолжаете говорить, даже перед ним вы продолжаете говорить чепуху. Бы-ло бы лучше, если бы ученики

молчали; было бы лучше, если бы они просто оста-вались с ним, но они задают дурацкие вопросы. На эти вопросы может ответить ученый, нет нужды идти к Иисусу-су. И ученых всегда много, они дешевы, в них нет недостатка. Иисус случается только иногда — кульминацион-ная точка роста человечества приходит тогда, когда круг подходит к своей вершине. Он — редкость, а вы задаете дурацкие вопросы, занимаетесь детскими забавами. «Двадцать четыре пророка говорили в Израиле, и все они ска-зали о тебе». Иисус просто отвергает все целиком. Он говорит: «Глупости! Не задавайте глупых вопросов. Вы отстранили от себя Живого — задавая вопрос, вы отстраняете от себя Живого».

Как можно задавать вопросы Иисусу? Можно смотреть, можно пить его, можно есть его, можно позволить ему войти в глубочайшую сердцевину, в сокровенную сущность вашего существа. Можно раствориться в нем, и по-зволить ему раствориться в вас.

А вы задаете вопросы! А вы спрашиваете о пророках! Они говорили, теперь вам нужно подтверждение от Ии-суса. Вам нужна справка от Иисуса, чтобы он тоже сказал: «Да, они говорили обо мне!» Вы не можете увидеть Иисуса непосредственно? Вам нужна справка? Если Иисус — не тот, что вам даст справка? Даже если Иисус го-ворит, а он говорит постоянно: «Я — тот, кого вы ждали», — вы продолжаете задавать дурацкие вопросы снова. Где-то в глубине есть сомнение, вопрос возникает из сомнения. Ученик, который спрашивает, должен смотреть на Иисуса, чтобы видеть, как он отвечает.

И это — трюк разума. Если Иисус говорит: «Да, я — тот, о ком провозглашали пророки», — тогда вы вспом-ните, что те же пророки говорили, что тот, кто является истинным Тем, не будет этого заявлять, он не скажет «Я — тот». А если Иисус скажет, «Нет, я — не Тот», — тогда вы уйдете и скажете: «Он сам говорит, что он — не Тот».

Присмотритесь к этому трюку, с помощью которого вы хотите бежать от Него. Люди спрашивают: «Вы реали-зованы?» Если вы говорите:

«Да», — они скажут: «В Упанишадах сказано, что если некто говорит „Я реализован“, — он не реализовался. Если вы говорите „Нет“, — они скажут: „Тогда все в порядке. Тогда нам нужно идти и искать того, кто реализо-вался. К чему тратить время с вами?“

Разум — в поисках того, как уклониться, а вопрос — дурацкий, вот почему Иисус на него не отвечает. И во-прос — это трюк. Очень тонким образом Иисус говорит кое-что еще, а ученики спрашивают о чем-то еще. Он не отвечает прямо, потому что если он ответит прямо, что бы он ни говорил, вы его оставите. Вы готовы оставить его в любой момент. Удивительно, что вы его не оставили, почему вы медлите. Может быть, это из-за неопреде-ленности его ответов, потому что он не говорит ни да, ни нет. Может быть, это пото-му, что вы не понимаете его способа изложения, и не решили, что делать. Если он говорит: «Да, я — Тот», — вы начинаете сомневаться: «Как может реализовавшийся говорить: „Я — Тот?“

Иисус сказал им: «Вы отстранили от себя Живого». Я — здесь, а вы говорите о пророках, о мертвых.

«Вы отстранили Живого, который перед вами, и говорите о мертвых».

Это происходит постоянно. Если я говорю что-нибудь, и вы — индуист, и это написано в вашей Гите, вы ки-ваете головой: «Да, правильно». Вы не киваете мне, вы отстранили Живого, вы киваете вашему индуизму и ва-шей Гите. Если я говорю нечто против вашей Гиты, вы не кивнете, вы скажете: «Он, наверное, не прав, в Гите написано другое». Если вы смотрите на Живого, тогда если я говорю нечто против Гиты, ошибается Гита, а не я. Если я говорю то же, что и Гита, Гита права, потому что я это говорю.

Но дело не в этом. Если я говорю что-нибудь еврею, его еврейский ум становится встревоженным. Евреи были встревожены всеми этими беседами. Они присутствуют здесь, здесь их много. Они писали мне длинные письма — в тридцать страниц — что это не так. Вы не понимаете евреев. Если я говорю что-то против вашего еврейского ума, вы немедленно отвергаете меня, а не еврейский ум. Если я говорю нечто подходящее, вы меня принимаете, но это — не приятие, вы просто обманываете себя. Если я подтверждаю ваши умозаключения, тогда вы принимаете меня. Ваш ум остается центром.

Вот что говорит Иисус: «Вы отстранили Живого». Смотрите на меня, я здесь. Взошло солнце, а вы говорите о ночи: «Скоро будет утро, будет восход, и темнота исчезнет». Вы продолжаете говорить о тех, кто живет в темноте, вы говорите обо мне, а я — здесь, а вы не смотрите на меня!» Очень трудно быть бдительным! Когда индуисты, иудеи и христиане обижаются, помните, что это — не вы, это условности. Оставьте условности в стороне.

Посмотрите, как похожи ученики и враги. Они не очень отличаются, основного различия нет. Евреи говорили Иисусу: «Ты — не Тот, кого обещали всегда, двадцать четыре пророка дали нам знаки, по которым мы можем судить. Ты — не Тот, у нас есть критерии от мертвых, чтобы судить Живого». Они говорили: «Мы не верим в тебя. Докажи это знаками; сделай мертвого живым, воскреси его!» А Иисус не мог даже спасти себя на кресте, как он может воскрешать мертвых? Он не смог избежать даже своей смерти. На кресте было доказано, что он — не Тот, кого обещали. Что делают ученики? Они верят, что он исцелил больных, они верят, что он воскрешал мертвых, они верят, что он не умер на кресте, и через три дня после смерти его видели некоторые люди.

Но и те, и другие зависят от мертвых. Критерии определяются мертвыми, как будто Иисус должен был следовать двадцати четырем мертвым пророкам, а не действовать спонтанно. Если вы скажете, что он никогда не творил никаких чудес, иудеи будут счастливы. Они скажут: «Да, это то, что мы говорили». А христиане будут несчастны, ведь если он не творил чудес, тогда он больше не Христос.

Самого Христа еще недостаточно? Такой, какой он есть, он — не Свет? Такой, какой он есть, он — не Истина? Такой, какой он есть, он не принес красоту, неведомую красоту в этот мир? Нет, у вас есть критерий, он должен отвечать вашему критерию. Если он отвечает, или вы думаете, что он отвечает, тогда все в порядке. Если он не отвечает, или вы думаете, что он не отвечает, тогда он — не тот человек. Все это одно и то же: и те, и другие живут с мертвыми — и ученики, и враги. Никто не смотрит непосредственно, прямо на явление, которым является Иисус.

Он сказал им:

«Вы отстранили от себя того, кто жив перед вами, и вы сказали о тех, кто мертв». Иисус сказал: «Я бросил огонь в мир».

Почему он говорит это? Потому, что старые пророки говорили, что он должен принести мир, вечный мир.

Он говорит: «Нет! Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает. Я не принес никакого мира».

Он противоречит, чтобы увидеть, согласятся ученики или нет; он противоречит, чтобы увидеть, как они реагируют, что они скажут. В действительности, он не противоречит, потому что мир может прийти только после огня.

Когда мир в огне, и старое сгорело и умерло, только тогда может взрасти новое. Новое появляется, когда старое умерло. Старое должно перестать быть, чтобы было новое; мертвое

должно исчезнуть, чтобы появилось жи-вое.

Он не противоречит, он не может противоречить; нет возможности, потому что пророки действительно гово-рили о нем — но он противоречит ученикам. Многие должны были оставить его тогда, так как «Древние говорят, что он принесет мир, а этот человек говорит: „Я принес огонь“, он — как раз противоположное. Мы и так уже в огне, зачем приносить еще огня? Мы уже горим, мир уже в огне, в пламени и несчастье, в беде и муке. Зачем при-носить еще огонь? Нам нужен мир».

Но помните, мир не может прийти к таким, как вы, мир — не для вас. Дело не в мире, дело в вас: вас все будет тревожить; такие, как вы есть, вы творите мучения вокруг себя. Мука — это не случайность, которая с вами про-исходит, это — рост. Так же, как на дереве появляются листья, к вам приходят тревоги: они — часть вас. Вы мо-жете обрезать листья, но это не поможет, это будет просто подрезка, вместо одного листа появятся че-тыре новых, тревог будет больше. Пока вы не сгорите целиком, пока вы не исчезнете, тревоги будут приходить. Индуисты, в частности, Патанджали, использовали два слова для трансформации: одну они называли сабидж самадхи, транс-формация с семенем, а другую — нирбидж самадхи, трансформация без семени. И первая — это ничто, потому что семя оста-ется, оно будет прорасти вновь и вновь, семя не сгорает. Вы несете в себе семя; дерева нет, но оно поя-вится, так как вы несете в себе семя. Вы можете подавить себя полностью, тогда дерево исчезнет, вы станете се-менем.

Что такое семя? Это подавленное дерево, настолько подавленное, что его не видно. Но дайте этому семени бла-гоприятные условия, хорошую почву, и семя прорастет, и будет дерево. В семени есть чертеж во всех деталях: ка-кой вид листьев, цветов, какой цвет, высота, возраст — все несет в себе семя. Если вы можете прочесть семя, вы можете предсказать, каким будет дерево.

Дерево — это просто развертка семени. Кем бы вы ни были, вопрос не в этом, вопрос в том, какой вид семени вы носите в себе. Кем бы вы ни были, это просто развертка семени. Вы можете продолжать подрезать ветки, но это будут лишь модификации; вы можете украсить себя, но вы не изменитесь. И вы можете украсить ваш ад, но он не станет раем.

Патанджали использует и другое слово, самадхи. Он говорит, что пока не достигнуто «бессемянное» самадхи, ничего не достигнуто — пока семя не сгорело полностью, так, чтобы ушли все несчастья, муки, бес-покойства, так как чертеж сгорел. Вот что имеет в виду Иисус.

Он говорит: «Я принёс огонь в мир». «Я принес огонь, чтобы сжечь вас. Я здесь не для того, чтобы поддержать вас, чтобы утешить вас. Я здесь, чтобы разрушить вас, потому что ваше семя — плохое. Семя должно сгореть, и когда оно сгорит, когда вы станете пустым, только тогда семя Божественного может попасть в ваше чрево. Тогда придет новое цветение, новый рассвет».

«Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает».

А это — обещание. Он говорит: «Я буду охранять мир, я останусь здесь, пока мир — в огне».

Когда человек становится Христом или Буддой, он никогда не исчезает. Только вы исчезаете, потому что вас нет, вы — просто явление. Вы приходите и уходите, вы — форма. Вы подобны волне в море: в вас нет субстанции, вы не кристаллизованы. Вы приходите и уходите подобно ей. Каждую ночь вы приходите, и каждое утро вы исче-заете. Миллионы раз вы приходили и миллионы раз исчезали. Но когда приходит Христос... Что это значит,

быть Христом? Это означает того, кто достиг субстанционального, который уже не форма, который достиг бесформенного, которое не может исчезнуть; который больше не волна, который стал океаном.

Будда и Христос остаются в бытии. Вот что означает: «Я остаюсь, я охраняю мир, пока он в огне: я буду здесь!» Но вы не смогли бы увидеть его, когда он был в теле; как же вы будете способны увидеть его, когда он не в теле? И обратите внимание на странное явление: многие христиане видят его с закрытыми глазами, когда молятся — а ближайšie ученики не смогли его увидеть, когда он присутствовал. Что происходит?

Они, которых вы видите в ваших молитвах — просто ваши галлюцинации, проекции, воображение. Вы создаете их в вашем уме. Вот почему христиане видят Христа, а иудеи его не видят, а индуисты — даже невозможно представить! Индуисты видят Кришну, у них свои объекты воображения. Джайн никогда не сможет увидеть Кришну, в его воображении есть Махавира. Что происходит? Ваш разум воображает. Вы можете играть с воображением. Это — самогипноз, и это — очень приятно. Вы создали Христа в себе, это очень приятно. Вы чувствуете себя счастливым, но это счастье подобно тому, что вы можете получить от хорошего сна. Утром вы чувствуете себя счастливым, так как у вас был приятный сон. Но это — всего лишь греза, причем бесполезная.

Почему Иисус утрачен? Когда он присутствует, он сам говорит: «Вы не смотрите на Живого». А потом, когда он мертв, миллионы людей закрывают глаза и видят его, и наслаждаются им; те же самые люди, которые распяли его, когда он был в теле. Те же самые люди думают о нем и воображают его, потому что это воображение — не огонь, а поддержка. Это вас поддерживает: «Я видел Христа».

Ко мне приходят люди и говорят: «Я видел Христа», — и они глядят на меня так, что я должен бы сказать: «Да, вы его видели». Тогда они уйдут очень счастливыми — дети, играющие с игрушками. Если я говорю:

«Это — глупость, отбросьте это, все это воображение!», — они чувствуют себя очень несчастными, они больше никогда не приходят ко мне. Зачем идти к такому человеку, который разрушает наши милые грезы?

Христа, когда он жив, вы утрачиваете. Как вы можете встретить его, когда он больше не в теле? Но снова происходит то же самое: теперь христиане говорят об Иисусе, как они говорили о двадцати четырех пророках при нем. Теперь он мертв. Теперь вы говорите о мертвом и утрачиваете Живого.

Однажды христианин пришел к монаху Дзен. С собой он принес Библию и сказал монаху: «Я хотел бы прочесть несколько изречений Иисуса». А человек, к которому он пришел, сам был живым Мастером.

Мастер рассмеялся и сказал: «Хорошо».

Итак, христианин прочитал несколько изречений из Нагорной Проповеди. Сразу же после двух или трех изречений Мастер сказал: «Да, человек, который сказал эти слова, был Просветленным». Тот был очень счастлив, так как Христа признали, и он хотел читать дальше. Он снова начал читать. Мастер сказал: «Да, очень хорошо. Тот, кто сказал эти слова, был Просветленным».

Христианин поблагодарил Мастера и ушел, полностью счастливый, потому что Иисус был признан буддистом — полностью все упустив, ведь Мастер сам был Христом. И он пытался, он дважды сказал: «Хорошо!» Он говорил: «Закрой свою книгу. Хватит! Я попробовал. Я говорю: да, этот человек был...»

Если этот человек действительно интересовался Истиной, слушал его, он должен был посмотреть на Мастера, потому что он должен был понимать: «Кто говорит, что человек, произнесший эти слова, был Просветленным?» Он должен был отбросить книгу: «К чему заботиться о мертвых? Гляди на этого человека!» Но он ушел со своей книгой. Он должен был идти к своим друзьям-христианам и сказать им: «Иисус был действительно Просветленным. Я ходил к буддисту. Буддисту очень трудно признать Иисуса. Этот человек — очень велик, он признал его».

Вы ищите признания мертвого для Живого. Помните об этом, потому что вы можете делать то же самое.

Изречение двадцать первое...

Иисус сказал:

*Если вы выносите наружу то, что внутри вас,
то, что вы имеете, спасет вас.*

*Если вы не имеете этого внутри вас,
то, что вы не имеете, убьет вас.*

Иисус сказал:

*Пусть тот, кто ищет, не перестает искать, пока
он не найдет.*

*И когда он найдет, он будет потрясен,
он будет удивлен,*

и он будет царствовать над Всем.

И он сказал:

*Тот, кто обретет истолкование,
не вкусит смерти.*

Стать садовником

Поиск — для того, кто ищет. Чего бы вы ни искали, глубоко внутри вы в этом ищете себя. Вот почему наружный поиск всегда оказывается тщетным. Вы можете искать благосостояния, но ищете вы себя. Когда вы добьетесь состояния, вы поймете его тщетность. Богатство достигнуто, но вы остаетесь неудовлетворенным. То, что вы искали, было не благосостояние, направление было неправильным: вы избрали движение от себя, а хотели найти себя. Чего на самом деле ищет человек посредством богатства? Он через богатство хочет найти больше жизни, изобильной жизни. Разум говорит:

«Как ты можешь жить без богатства? Как ты можешь быть в безопасности без богатства?» Разум говорит: «Как ты можешь защититься от смерти без богатства?» Богатство — это защита от смерти, поиск — ради жизни. Но когда вы достигаете благосостояния, становится очевидным, что благосостояние не может вас защитить. А если оно не может защитить вас от смерти, как оно даст вам лучшую жизнь? Нет, вы ищете в неверном направлении.

Другой ищет власти, престижа. Чего он хочет? Он ищет всемогущества, он хочет стать самым сильным, чтобы смерть не могла его разрушить. Но это — глубоко внутри, он этого даже не осознает. Когда он добьется власти, тогда обнажится нищета.

Отсюда парадокс: когда вы добиваетесь успеха в этом мире, вы чувствуете высшую неудачу. Я говорю снова и снова, что ничто так неуспешно, как успех. Если вы не добились успеха, иллюзия может продолжаться, тогда вы думаете: «Когда-нибудь я добьюсь успеха, я достигну». Но если вы добились успеха, как вы можете поддерживать иллюзию.

Вы добились успеха, а внутренняя пустота осталась прежней. Скорее наоборот, теперь вы можете почувствовать ее по контрасту еще больше: вокруг вас благосостояние, а внутри — оскудение; вокруг вас — свет, а внутри — тьма; вокруг вас — жизнь, а внутри — смерть.

Вот почему, когда общество становится изобильным и богатым, вдруг становится значимой религия.

В бедном обществе религия не может иметь значения, потому что люди еще не потерпели неудачи. Внешний поиск еще имеет большое значение. Они думают, что когда у них будет хороший дом, все будет в порядке; они думают, что если у них будет немного денег, тогда все уладится. Бедняк может жить в иллюзии, но не богач. И если вы увидите богача, который живет в иллюзии, помните, что он остался бедняком, он еще не добился успеха.

Будда покинул свой дворец, Махавира оставил царство. Они добились успеха, и успех их разочаровал. Они поняли, что все направление было неверным, вот они обратились, они двинулись в противоположном направлении: они были царями — и стали нищими; они были одеты в самые дорогие одежды, насколько это было возможным — и стали голыми. Пришло обращение: успех неуспешен, и неудача становится обращением.

Но почему неуспешен успех? Потому что вы искали не благосостояния, не власти, не безопасности, вы искали не дом; вы искали чего-то другого. Вы искали вечный дом, откуда не уходят. Вы искали вечный покой, вы искали мир, который будет длиться вечно, вневременно. Вот в чем поиск — это поиск дома. Это — не поиск внешнего дома, это поиск состояния бытия, в котором вы — дома. Вы не ищете благосостояния, вы ищете защиты от смерти; вы ищете жизни, которую смерть не может разрушить.

Эта жизнь продолжает разрушаться. Страх присутствует каждый момент. Как вы можете жить этой жизнью, которая похожа на жизнь на вулкане? В любой миг возможно извержение, в любой момент вы можете быть ввергнуты в смерть. Вы можете прожить сто лет, и вы будете дрожать сто лет.

Ученые недавно начали размышлять над этой проблемой. Сейчас есть возможность продлить человеческую жизнь настолько, насколько мы захотим. В этом столетии станет возможным изменить чертеж хромосом клетки. А тогда вы сможете изменить клетку, чтобы тело жило триста лет. Сейчас оно живет семьдесят лет, так как ваши отец и мать жили столько; бессознательно они ввели это в клетку... В клетке имеется чертеж, по которому вы должны умереть через семьдесят лет. Если мы сможем изменить чертеж в клетке, тогда человек сможет жить столько, сколько захочет. Это была одна из самых больших надежд человечества: победить смерть, продлить жизнь настолько, насколько хочется.

Ученые недавно поставлены перед этим фактом. Теперь это может быть сделано, в этом столетии это станет осуществимым, но возникла новая проблема. Они думают, что если это будет сделано, тогда все будут счастливы и страх смерти исчезнет. Но нет. Когда они обдумали

проблему, они осознали, что если человек живет семьдесят лет, он боится смерти семьдесят лет. Если он проживет триста лет, он будет бояться смерти триста лет. Страх увеличится, а не уменьшится. Куда может деться страх? Вы можете жить триста лет — это значит, что вы триста лет проживете на вулкане, который может взорваться в любой миг, и страх остается.

Поиск — ради бессмертия. И такое бессмертное существование — в вас, вы находитесь в себе. Вот почему вы не можете коснуться себя: руки не могут проникнуть внутрь, они движутся наружу, они приспособлены к тому, чтобы действовать во внешнем мире; ноги не могут путешествовать внутри, нет нужды, там нет пространства для странствия; глаза не могут заглянуть внутрь — все ваше существо приспособлено для того, чтобы иметь дело со

всем, что снаружи.

Внутри не нужно ничего. Внутри вы совершенны. Внутри ничего не надо делать, все таково, каким должно быть, все уже сделано.

Поиск — это поиск внутреннего существа, и это внутреннее существо — всемогуще. Никакая сила не может стать для него замещением. Вы можете стать Наполеоном или Гитлером, или кем угодно, кого бы вы ни вообразили, но вы останетесь бессильным. Пока вы не станете Буддой или Иисусом, вы не сможете стать всемогущим. Вы можете стать Эйнштейном или Бертраном Расселом, но вы не сможете стать всезнающим. Вы можете собирать информацию столько, сколько сможете, но ваше внутреннее невежество останется тем же самым, пока вы не станете Иисусом или Заратустрой — тогда вы станете всезнающим.

Поиск — ради всемогущества, всезнания, вездесущности. Помните эти три слова. Они произведены из санскритского корня АУМ. В санскрите АУМ — это символ всей вселенной. В нем три основных звука: А-У-М. С помощью этих основных звуков получаются все звуки. Так что АУМ — это основной звук, синтез всех остальных корней. Вот почему индуисты говорили, что АУМ — это тайная мантра, величайшая мантра, она включает в себя все бытие.

Три английских слова, вездесущий, всемогущий, всезнающий, произведены от АУМ. Они означают того, кто стал сильным, как АУМ, знающим, как АУМ и сущим, как АУМ — того, кто стал универсальным; того, кто стал Всем. А пока не достигнуто все, не может быть никакого удовлетворения, глубокого, предельного удовлетворения. Вы останетесь нищим, и вы будете нищенствовать из одной жизни в другую; вы будете жить, как нищий; вы не сможете быть императором.

Теперь мы попытаемся проникнуть в эти прекрасные слова Иисуса. Он говорит очень странные вещи.

Иисус сказал: «Если вы выносите наружу то, что внутри вас, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого внутри вас, то, что вы не имеете, убьет вас».

Очень странно! Он говорит: «Если вы выносите наружу то, что уже внутри вас»; если вы позволяете, если вы поможете тому, что уже там, расти — горчичное зерно, зерно Божественного, зерно Царства Бога — уже там — если вы помогаете ему стать явным, раскрыться, если вы позволяете ему расти, то, что вы имеете, спасет вас. Вы уже имеете это, оно спасет вас. Но если вы упускаете; если вы не имеете этого внутри, то, что вы не имеете, убьет вас».

Если вы его упускаете — как я вам говорил, слово «грех» на древнееврейском означает утрату цели — если вы утрачиваете себя, вы — грешник. Оно уже там, вы носите горчичное зерно, но вы не бросаете его в почву, в хорошую почву, вы не поливаете его, вы не стали садовником. Вы носите зерно, мертвое, заключенное в клетку, вы не помещаете его в землю. Вы боитесь, что зерно может умереть. Страх совершенно обоснован, зерно должно умереть, только тогда дерево родится. Любое раскрытие — это и смерть, и рождение. Прошлое должно умереть, старое должно умереть, только тогда рождается новое. Зерно должно умереть — вот почему вы боитесь, вы защищаете зерно.

Я слышал, что однажды случилось так: один царь был в затруднении, у него было три сына, все они были мудры и талантливы, и было трудно решить, кому отец должен отдать царство, кто им будет править после него. А он старел с каждым днем. Сыновья были рано

одарены во всем, и царь обратился к мудрецу. Мудрец составил план и сказал царю: «Ты отправляйся в странствие». И согласно плану мудреца, царь позвал трех сыновей и дал каждому одинаковое количество семян прекрасных цветов. Он сказал им: «Храните эти семена настолько береж-но, насколько возможно, вся ваша жизнь зависит от них. Когда я вернусь, вы должны будете представить мне от-чет о том, что случилось с семенами». И царь отбыл.

Первый сын, самый старший, был наиболее искушен в мирских делах, самый хитрый и расчетливый. Он по-думал: «Самый лучший способ — это запереть семена в сейфе, и когда придет мой отец, он ведь спросит о семе-нах. Я отдам их ему точно в том виде, в каком они были мне даны. А главное, похоже, зависит от этого». Вот он и выбрал наилучший из сейфов и запер там семена. Ключ от сейфа он носил с собой двадцать четыре часа в сутки, потому что вся его жизнь зависела от семян.

Второй сын подумал: «Семена должны быть сохранены, но если я их запроу, как старший брат, может случить-ся, что в железном сейфе они испортятся. И мой отец может сказать: „Это — не те семена, что я дал тебе, они ис-портились, они стали бесполезными. Так что же делать?“ Он по-шел на рынок и продал эти семена. Он подумал: „Это — наилучший путь: продать их, получить деньги, а когда вернется отец, я куплю семена снова, и кто узнает о различии? Семена есть семена. Новые семена я смогу отдать отцу, они будут свежими, живыми. К чему забо-титься об этих старых семенах. И потом, никто не знает, когда вернется отец — через год, два или три? Он не на-звал срока. Может пройти много лет. Мне не нужно заботиться о семенах“: Он их продал и получил деньги.

Третий сын подумал: «Были даны семена — в этом должен быть какой-то смысл». Он был самым молодым, наименее искушенным в мирских делах, глупым и невинным. Он подумал: «Семена подразумевают рост. Само слово „семя“ означает рост, это — не цель, это — мост. Само слово означает движение через нечто. Семя само по себе бессмысленно, бесполезно, пока оно не прорастет, пока не станет чем-то. Семя — лишь пере-ходная фаза; это — не цель. Это — не конечное состояние, это — просто мост, через который нужно перейти». Так что он пошел в сад и посеял семена. Потом, через год, вернулся отец. Первый сын был счастлив, он думал:

«Младший их разрушил. Теперь они стали растениями и расцвели: Как он сможет вернуть семена, те же са-мые семена? А второй тоже потерял все, он ведь поменял семена, он купил новые».

Второй думал: «Первый — потерял, его семена уже сгнили, они бесполезны, мертвы. А третий тоже потерял, так как именно семена нужно было сохранить, а он не сохранил их. Я выиграю».

Третий и не думал о выигрыше, он не интересовался победой. Он интересовался одним: «Отец сказал, что се-мена должны быть сохранены. А семена — это фаза, а не цель: единственный путь сохранить их — позволить им вырасти. А теперь появились цветы, и вскоре будут миллионы семян». — Он был счастлив, что сможет обрадовать отца.

Отец сказал первому сыну: «Ты глуп. Семена не хранят в безопасных условиях, они не хранятся в банках. Ес-ли ты сохраняешь семя, ты его убиваешь. Семя может быть сохранено лишь в том случае, если ему позволяют умереть в почве и родиться вновь».

Второму сыну он сказал: «Ты поступил лучше, чем первый, ты понял, что старое семя должно умереть: Но ко-личество осталось прежним. А семя, если оно сохранено, умножается многократно. Ты поступил лучше, чем пер-вый, но ты тоже потерял».

Третий сын отвел отца в сад и сказал: «Я не сохранил их в сейфе, я не продал их на рынке, я бросил их в землю. Это — семена, но теперь они стали растениями, и растения расцвели, и скоро будет много семян. Если ты хочешь семян, я верну их тебе тысячекратно». Отец сказал: «Ты победил! Ты будешь царем этого царства, потому что единственный способ сохранить семя — это позволить ему умереть так, чтобы оно возродилось». Вот почему Ии-сус говорит:

Если вы выносите наружу то, что внутри вас, то, что вы имеете, спасет вас» Если вы не имеете того внутри вас, то, что вы не имеете, убьет вас».

Но вы вообще не смотрите внутрь, вы не получили даже простого озарения. Что бы вы ни делали, это разрушит вас, оно не может вас спасти. Вы можете иметь благосостояние, обладать многим в этом мире, но ничто вас не спасет. Наоборот, груз мира топит вас. Вы добились большого веса, и это вас топит, ваша лодка наполовину затоплена. Вы не можете оставить лодку, потому что все ваши привязанности — там, вы должны перевести их на другой берег. Никто еще не смог взять что-нибудь из этого мира в другой. То, чем вы обладаете — принадлежит этому берегу, и оно не может перейти на другой берег.

Когда вы умираете, как вы можете перевести что-нибудь из этого мира в другой? Когда вы умираете, ваше тело исчезает. Все, что может быть унесено, может быть унесено только с помощью тела, и все, чем вы обладаете — было накоплено через тело. Когда тело исчезает, исчезает сама среда, само средство. Тогда вы ничего не можете взять из этого мира, это невозможно. Вот почему многие умные люди думают: «Не собирайте сокровища мира, собирайте лишь знания, знания можно унести». Помните хорошенько: и знания нельзя унести; когда тело исчезает, исчезает и мозг, а мозг — аккумулятор знаний.

Ваш мозг — это компьютер, в котором собираются знания, информация. Это — тоже внешнее: если вы заберете у Эйнштейна мозг, он будет обычным идиотом, так как знание исчезает вместе с мозгом. Но если вы заберете мозг у Иисуса, не будет никакой разницы. Он останется тем же. Иисус накапливает не знания, а сознательность.

Так что есть три типа людей: наиболее ориентированные на внешнее — те, кто собирает вещи, но эти вещи не могут быть перевезены на другой берег. Потом вторые — те, кто не так направлен на внешнее, но они все еще внешние — они собирают знание, писания, теории, философии. Они более умны, но все же глупы: знание накапливается в мозге, а мозг — часть тела, внутренняя, но все же часть тела. А когда исчезает тело, исчезает и мозг. И третьи, которые накапливают сознательность, которые возвращают сознательность, чьей жизненной целью является, быть более и более сознательным.

Это осознание и есть ваше внутреннее я. Только это сознание и перейдет на другой берег, только это сознание принадлежит другому берегу. В этом теле существуют оба мира: этот и тот, мир материи и мир сознания. А между этими двумя мирами существует тесная связь. Эта связь — ваше сознание. Отбросьте вещи и отбросьте знания! Просто растите большую и большую сознательность, сознание, становитесь более и более бдительным. Чем более вы бдительны, тем больше вы перевезете из этого мира в другой; вы не придете нищим, вы придете богатым. В этом мире вы можете выглядеть бедняком, как Будда, как бхиккху, нищий, но в ином мире вы будете подобны царю, так как вы перевезете только себя...

Когда Помпеи были разрушены вулканическим извержением, в полночь весь город был в огне, рушились дома и бежали люди. Каждый что-то нес, город был очень богат. И люди несли все самое дорогое: кто-то нес свое золо-то, кто-то — алмазы, деньги; ученые несли

свои рукописи, книги — они несли все, что можно было спасти. Но был лишь один человек, который не нес ничего, лишь свой посох. Все, кто нес вещи, были встревожены, озабочены, рушилась вся их жизнь. Только этот человек гулял среди толпы, как если бы он вышел на утреннюю прогулку. Это было его обычаем: в три часа он ходил на утреннюю прогулку, как раз было это время.

Кто бы ни смотрел на него, говорили: «Почему ты ничего не спасаешь? Ты все потерял?»

Человек отвечал: «У меня ничего нет, а все, что у меня есть, я несу».

«Тогда почему ты разгуливаешь, как будто вышел на утреннюю прогулку? Ведь творится такой кошмар, все гибнет!»

Человек засмеялся и сказал: «Все, что вы накопили — от этого мира, смерть это разрушает, огонь это сжигает. Я накопил только сознательность. Для вас это все, может быть, и трагедия, а для меня — это время утренней прогулки».

Этот человек — мистик, этот человек — йог, именно об этом человеке говорит Иисус.

«Если вы выносите наружу то, что внутри вас, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого внутри вас, то, что вы не имеете, убьет вас».

Если вы бедны внутри, вы можете быть богаты снаружи, но вы продолжаете разрушаться из-за собственной одержимости. Если вы богаты внутри, тогда не тревожьтесь. Тогда, имеете ли вы что-либо или нет, смерть не сможет выхватить этого у вас. Только сознательность превосходит смерть, это — единственный луч света в чело-веческой жизни, который превосходит смерть. Можете вы умереть полностью сознательным? Это единственный важный пункт. Но если вы не живете полностью сознательным, как вы можете умереть сознательным? Даже в Жизни вы настолько несознательны — как вы можете быть сознательны в смерти?

Помните, что когда боль слишком велика, тело имеет автоматический механизм, чтобы бросить вас в бессознательность, иначе вы не выдержите. Врачи изобрели анестезию давно, но природа всегда знала анестезию. Когда вы доходите до точки, в которой боль слишком велика, вы теряете сознание, вы падаете в обморок. Так что у тела есть свой внутренний регулятор. Вы можете говорить людям: «Это нестерпимо, моя боль нестерпима», — но это — неправда; если боль нестерпима, вы потеряете сознание.

Не существует такой боли, которую можно назвать нестерпимой. Любая боль терпима, все страдания терпимы. Вот почему вы остаетесь бдительным, иначе вы упадете в обморок. А смерть — самая болезненная вещь. Когда приходит смерть, это самая тяжелая хирургическая операция, потому что должна быть извлечена ваша сущность, отделена от тела, с которым вы наиболее идентифицировались, стали одним с телом. Это — не то, что отрезать палец, это — не отрезать руку, не удалить аппендикс, это — удаление у вас всего тела. Ни один врач не может этого сделать. Все тело удаляется, отделяется. Вы жили с этим телом семьдесят, восемьдесят лет, вы не только жили с ним, вы полностью с ним отождествились; вы думали, что вы есть тело. Боль такова, что вы теряете сознание.

Вся жизнь есть подготовка к тому, чтобы быть сознательным в смерти. Это — то, чем должен заниматься саньясин, это — то, чем должен заниматься ищущий: быть готовым. Не терять ни одного мгновения, так как если оно однажды утеряно, его не восполнишь. И единственное богатство, которое вы можете от этого получить — это стать более сознательным. Делайте что угодно, но делайте это с бдительностью. Ваши жизни могут различаться, но внутренний поиск не может быть различным, это — одно и то же.

Вы можете быть бизнесменом, профессором, врачом, инженером или рабочим, никакой разницы нет. Внутренний поиск — тот же, и он — в том, чтобы стать более сознательным. Приходит точка, когда вы настолько сознательны, что даже смерть не может сделать вас бессознательным. Вот что Иисус имеет в виду: раскройте то, что внутри вас. Если у вас это есть, вы будете спасены, если вы этого не имеете, вы исчезнете.

А в другом изречении Иисус говорит очень странную вещь. Он говорит — «Тем, кто имеет, будет дано больше. А у тех, кто не имеет, заберут даже то, что они имеют». Выглядит абсурдно! Иисус говорит: «Те, кто имеют, полу-чат больше. А у тех, кто не имеет, заберут даже то, что имеют».

Он говорит о сознательности, сознательность привлекает еще больше сознательности. Если вы становитесь сознательными, вы становитесь способными стать еще более сознательными, каждый шаг ведет к следующему шагу. Если вы несознательны, каждый шаг уводит вас дальше.

Я слышал: Мулла Насреддин постучал как-то в три часа утра в чужую дверь. Он был совершенно пьян. Хозяин открыл окно, посмотрел вниз и сказал: «Насреддин, я много раз говорил тебе, что это — не та дверь, это не твоя дверь. Иди домой и стучи там — это не та дверь».

Насреддин посмотрел вверх и сказал: «Ты в этом уверен? Может быть, ты смотришь не из того окна. Откуда ты знаешь?»

Опьяненность человека настолько велика, что просто невозможно подумать: «Я неправ». Неправ всегда другой. Если вы в своей жизни страдаете, вы страдаете из-за того, что где-то потеряли ваше сознание. Неправы вы, но вы думаете, что другой смотрит не из того окна; вы думаете, что всегда стучите в нужную дверь.

Вы всегда стучали не в ту дверь, все двери в этом мире, не те, — пока вы не постучите во внутреннюю дверь, которая не есть часть этого мира. Вы носите в себе нечто, что не принадлежит этому миру. Это — ваше сокровище, и ваша дверь, через которую можно достичь Бога. Вот почему Иисус говорит: «Растите то, что вы уже носите». Уже был один луч: вы не сознаете, или сознаете лишь немного; затуманенное сознание, очень тусклый свет — вы не можете увидеть. Но это случилось, вот почему вы выше животных, даже тех, кто не животные.

Первый луч сознания проник в вас, но луч сознания — лишь горчичное зерно, вы должны дать ему почву. Что является почвой для него? Индуисты назвали такую почву сатсанг. Подойти ближе к тем, кто вырос выше вас, просто быть рядом с ними, в их присутствии, и ваш луч сознания будет становиться все выше и выше — ему не-обходим вызов. Но общая направленность ума — всегда двигаться к тем, кто ниже, к людям, которые еще менее бдительны, чем вы. Почему? Потому что тогда вы чувствуете себя выше, вы чувствуете, что вы — кто-то.

Каждый ищет тех, кто ниже его, и из-за этого поиска сам становится ниже. Когда вы достигаете человека, подобного Иисусу, вы тревожитесь, здесь вы не можете отстоять своего превосходства. Вы — ниже, это — не комплекс неполноценности; вы просто ниже Иисуса, ваше сознание — ничто. А он — свет, настолько сильный, что вы становитесь почти тьмой перед ним; даже мерцание, один луч сознания кажется ничем. Это так и должно быть: вы выносите свою лампу на дневной свет, и что же вы чувствуете? Пламя становится тьмой по сравнению с солнцем. Заберите вашу лампу в темную комнату, и она станет самим солнцем.

Итак, направление ума — искать тех, кто ниже вас. Это подобно воде: как вода всегда ищет самый низкий уровень, разум ищет тех, кто ниже его. Муж не захочет жениться на женщине, которая более мудра, чем он. Он не женится на женщине, которая выше его, нет. Он не женится на женщине, которая старше его. Почему?

Биологически было бы лучше, если бы мужчина женился на женщине, которая старше его лет на пять, тогда они могли бы умереть вместе, у женщин больший лимит возраста. Тогда в мире было бы меньше вдов — а это очень грустная вещь. Биологически это было бы правильно, если бы двадцатилетний юноша женился на двадцати-пятилетней девушке, но это чувствует себя задетым. Вы не женитесь и на более высокой женщине, и на более мудрой, нет! Это чувствует себя задетым.

Разум всегда ищет тех, кто ниже. Посмотрите на своих друзей, почему вы их избрали? Глубоко внутри вы най-дете этому причину: они ниже вас, с ними вы становитесь великим светом; иначе — вы обычное пламя в све-тильнике. Разум ищет тех, кто ниже, чтобы доказать, что он — выше. Люди даже любят животных; люди, кото-рые не могут любить людей, как они могут любить животных? Но собака — такая опора вам, как ни один человек. Побьете вы ее или приласкаете — все равно она будет бегать за вами и вилять хвостом, она всегда будет вам рада. Пес всегда побежит за вами, куда бы вы ни пошли, вы не найдете лучшего последователя, чем пес. Почему люди так дружат с собаками? Тот, кто ниже — помогает, вы чувствуете себя выше.

Мулла Насреддин играл в карты со своим псом. Это увидел знакомый и очень удивился — пес действительно играл. Он сказал Насреддину: «У тебя удивительный и мудрый пес!»

Насреддин сказал: «Ничего подобного — он не так мудр, как кажется, когда у него хорошие карты, он виляет хвостом!»

Разум всегда ищет тех, кто ниже... И есть вещи, в которых даже пес выше вас. И во многом он выше! Он — сильнее, если он с вами дерется, вам нечего будет делать. Люди продолжают падать еще ниже, тогда объектом их любви становятся машины — вы можете делать с ней, что заблагорассудится, а машина не может сделать ничего; потом — дом, вещи. С вещами вы чувствуете себя выше, вы — личность.

Сатсанг означает всегда избирать общество более высоких, чем вы. Разум поможет избрать вам общество тех, кто ниже. Будьте бдительны и избегайте этого, с низшими вы станете ниже сами. Луч сознания будет теряться во тьме.

Всегда избирайте высших, двигайтесь к высшим. Но это заставит ваше эго почувствовать себя уязвленным. Эго нужно оставить. Сатсанг — означает жить против эго, превзойти это, всегда искать высшее. Вы хотите столкнуться с Богом, и вы несчастны от столкновения с Иисусом и Буддой? Как же тогда это будет возможным? Бог — это высшая кульминация всего бытия, высший свет, цветение всей жизни. Если вы всегда выбираете тех, кто ниже вас, как вы можете насладиться вхождением в Царство Бога? Вы следуете неверному пути.

Помните об этом, и только одно нужно держать в уме: живите в круговороте людей, с друзьями, книгами, все-гда помня, что есть и нечто высшее, так что вы можете отринуть свое эго; вы можете почувствовать себя ниже и отвергнуть это. Всегда ищите высшего. Вновь и вновь, шаг за шагом ... и вы станете, способны столкнуться с Ии-сусом. И только если вы способны столкнуться с Иисусом, вы станете, способны столкнуться с Богом.

В этом смысл, в этом значение слов Иисуса: «Иначе, как через меня, вы не сможете достичь Его». Вот в чем смысл! Если вы не можете столкнуться со мной, как вы можете

думать о столкновении с Высочайшим? Если вы сталкиваетесь с сыном, тогда есть возможность столкнуться с Отцом, так как сын — лишь представитель. Аватары, Будды, Тиртханкары, все они — лишь представители, они — свет Наивысшего. Если вы не можете столкнуться с ними, если вы не можете жить с ними, если ваше эго не может позволить им существовать с вами, тогда нет никакой возможности для конечной, Предельной Истины.

Иисус сказал: «Пусть тот, кто ищет, не перестает искать, пока он не найдет».

Разум — в летаргическом сне, а когда вы движетесь, он еще более летаргичен. Если вы движетесь вниз, у него больше энергии, движение вниз не нуждается в усилении. Это подобно воде в водопаде. Для того чтобы попасть в ад, не нужно никакого усилия, вы попадете туда автоматически; ничего не делайте, и вы туда попадете. Вы уже течете к все более низким уровням, а самое низкое состояние вашего разума — это ад. Это — не нечто снаружи, это — самая низкая ступенька вашей лестницы, где все сознание исчезает, вы становитесь просто растительным феноменом. Но если вы начинаете двигаться выше, требуется гораздо больше усилий. Вот почему Иисус говорит:

«Пусть тот, кто ищет, не перестает искать, пока он не найдет».

Много раз придут моменты, когда ум будет говорить: «Что ты делаешь, зачем так много усилий? Расслабляйся, наслаждайся, отдыхай!» И если вы будете слушать ум, вы будете отброшены назад. Не слушайте ум! Ищущий должен настаивать и продолжать делать усилия, пока не найдет.

Но это изречение выглядит противоречащим Дзен. Это не так, и это должно быть понято. Мастера Дзен говорят: «Не делайте усилий, не совершайте никаких усилий, иначе вы упустите. Ничтожный миг — и вы уже упустите. Будьте в покое, будьте полностью расслаблены, отпустите себя. И если вас нет... даже если вы заставляете себя расслабиться, активность продолжается». Они говорят: «Ищите, и вы упустите; не ищите, и вы найдете». Высказывание Иисуса кажется противоположным, но это не так, потому что такие, как вы есть, вы не можете отпустить себя полностью. Даже если вы расслабляетесь — деятельность продолжается.

Дзен — не для вас; для вас, таких, как вы есть — Иисус. И если вы следуете за Иисусом, придет момент, когда Дзен будет для вас. Когда придет этот момент? Когда вы истощите все свои усилия, когда вы сделаете все, что должно быть сделано, когда вы придете к последней вершине своих усилий. Тогда делать больше нечего, вы вложили в это все, что могли, вся ваша энергия ушла на усилия. Но сейчас — не время останавливаться! Вся энергия ушла на усилие, происходит остановка, наступает расслабление. Это происходит, случается — не вы это делаете. Это как если человек бежал, бежал, а потом пришел момент, когда он не может бежать. Даже если направить на него ружье и сказать «Беги!» — он ответит: «Это не в моих силах!»

Я слышал о лягушке: она попала в колею на грязной деревенской дороге и не могла оттуда выбраться. Ей бы-ло трудно, она пробовала, пробовала — и ничего! Друзья помогли ей, они делали все, что можно, а потом пришел вечер, и угнетенные, разочарованные, они оставили ее на волю судьбы. На следующий день друзья пришли посмотреть на нее, думая, что она уже мертва, ведь она была прямо на дороге, в колее... и нашли ее весело прыгающей. Они спросили: «Что случилось? Как ты смогла выбраться из колеи? Это просто чудо! Как тебе удалось?»

Лягушка сказала: «Обыкновенно! Приехал грузовик, он приближался, и я должна была выбраться!»

Когда опасности нет, не нужно все усилие целиком. А при виде смерти, приближающегося грузовика вы вложите всего себя, вы выберетесь из колеи. Вы теряли многое, так как вам было, за что еще ухватиться. Вы что-то делали, вы медитировали, но в полсердца. Это — тепловатое усилие, с его помощью вам не испариться; существует закон: испарение происходит по достижении определенной температуры. Вы кое-что делаете, но вы хорошо знаете, что вы в этом лишь наполовину. А если наполовину, ничего не происходит. Грузовик еще не приехал, вы в колее, половина вас хочет выбраться, половина — не хочет. Вы хотите быть свободным, но сама колея дает определенную защиту, она также дает безопасность, она выглядит, как дом, выбраться оттуда, похоже, потребует слишком больших усилий.

Иисус говорит: «Ищите и ищите, пока не найдете». Продолжайте совершать усилия, доведите усилие до кульминации; до крещендо, тогда Дзен станет применимым. Если вы начинаете с Дзен, вы можете двинуться в неверном направлении. И это происходит на Западе, потому что западные исследователи Дзен не знают об усилении, которое люди Дзен совершили перед тем, как расслабиться. И это очень привлекательно для ленивых умов. Вот почему Дзен так притягателен для людей Запада: ничего не делать — это привлекает, потому что ничто не требуется, вы — уже в порядке. Это привлекает, но не помогает.

До того, как достигнуть точки, в которой возможно расслабление, многое должно сделать. Расслабление происходит не благодаря вам, оно случается; из-за того, что вся энергия движется, ничто не остается в покое, приходит покой. И Дзен прав, потому что только в этом покое проявляется Предельное. И Иисус прав, потому что такой покой приходит только тогда, когда вы вложили всю свою энергию в усилие. Иисус — это первая часть, а Дзен — последняя часть одного и того же процесса; Дзен — это заключение, Иисус — это начало.

И я хотел бы внушить вам, что Иисус для вас лучше, так как вы все — начинающие. Дзен может сбить вас с пути, вы неверно воспринимаете, в чем его привлекательность. Вы можете начать думать: «Ничего не надо делать, я хорош такой, какой я есть». Вы не хороши такие, как вы есть, иначе не было бы проблем. Зачем вы пришли ко мне? Зачем вам идти в Дзен? Зачем вам искать Иисуса? Если вам действительно хорошо, проблем нет. Тогда зачем вам искать? Зачем тратить время на поиски? Все это не нужно, если вы действительно хороши, тогда для вас нет никакой йоги, никакой тантры, никакого метода. Но все обстоит не так. В вас нынешних что-то не так: вы несчастны, вы не блаженны, вы не экстатичны; вы в несчастье, в муке, ваше существо больное. Вы не в порядке.

Слушайте Иисуса: «Пусть тот, кто ищет, не перестает искать, пока он не найдет». И только в конце вы найдете, что люди Дзен — правы, так как когда вы сделали все, что нужно было сделать, усилие исчезает, к вам приходит отсутствие усилия. В этом покое, постоянстве нет никакой активности, никакого движения, никакой энергии, чтобы делать что-то; есть самадхи, есть высшие врата. Это происходит только в безусильности, но это случается только после больших усилий.

«Ищите, и не прекращайте усилий, пока вы не найдете, когда вы найдете, вы будете потрясены». Очень трудная вещь.

«и когда он найдет, он будет потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над Всем».

Почему, когда вы находите, вы будете потрясены? Вы будете потрясены, так как это настолько велико, настолько беспредельно, бесконечно, что когда вы его находите впервые,

вы полностью растеряетесь. Когда вы впервые это осознаете, это будет подобно тому, как вывести под открытое небо, на солнечный свет человека, про-жившего всю жизнь в темной комнате. Он будет потрясен, его глаза этого не выдержат. Даже если он откроет гла-за, он будет ослеплен настолько, что свет будет казаться тьмой.

Первое столкновение с Божественным — это кризис, так как вы прожили неправильно многие, многие жизни. Вы прожили многие жизни настолько несчастливо, что когда придет блаженство, вы не сможете ему поверить, вы встревожитесь. Вы никогда его не ожидали, вы никогда не знали, что это может случиться. Вы говорите о Боге — вы знаете, о чем говорите? Что вы имеете в виду? Слово «Бог» — это не Бог, теории о Боге — не Бог. Вы можете знать определение из словаря, из писания, но что вы в действительности имеете в виду, когда говорите: «Я ищу Бога»? Я слышал: маленький мальчик рисовал картинку, мать спросила его:

«Что ты делаешь?»

Он был очень увлечен и ответил: «Подожди, не отвлекай меня, я рисую портрет Бога».

Мать сказала: «Но никто не знает, как выглядит Бог, никто не знает, где Он. Как ты можешь нарисовать Его портрет?»

Мальчик сказал: «Не волнуйся. Когда я закончу, все узнают, как выглядит Бог».

И каждый искатель находится в этом положении: вы не знаете, что ищете; вы не знаете, какова цель, куда вы идете и зачем. Есть глубокая потребность, это верно, есть жажда, это правда. Но вы никогда еще не пробовали того, из-за чего существует эта потребность. Вы движетесь, вы добиваетесь, и когда вдруг это случается, вы буде-те потрясены.

Это изречение показывает, что Иисус — знал. Человек, который не знает Бога, не может записать такое изрече-ние; человек, который не знает Бога, не может сказать: «Когда вы найдете Его, вы будете потрясены». Такой че-ловек скажет: «Тогда вы будете блаженны, абсолютно блаженны».

Блаженство приходит, но оно приходит только после кризиса. Бог — это величайшая катастрофа, которая с ва-ми может произойти, вы будете полностью разбиты, вас больше не будет, вы будете ввергнуты в бездонную про-пасть, вы станете нулем, все ваше бытие исчезнет, как дым. Вы вдруг рассеетесь, как облако — и взойдет солнце, слишком много света и слишком много Истины. Вы всегда жили во лжи, вся ваша жизнь была тканью, соткан-ной из лжи. Вы будете разбиты вдребезги, полностью разбиты, вы умрете, и появится Бог. Когда достигнута Ис-тина, вы просто исчезаете. Иисус прав, вы будете потрясены.

Многие вернулись назад из этого положения, многие его оставили, бежали от него. И потом они уже не воз-вращались в это состояние, они боялись. У меня есть чувство, что люди, которые являются атеистами — это люди, которые когда-то в прошлых жизнях достигли этого состояния, и они так испугались, что закрыли глаза и убежа-ли. И теперь они не хотят попасть в эту ситуацию вновь, и лучший путь для этого — отрицать Бога.

Они, как малые дети. Если вы говорите ребенку: «Не ешь сладости», — если вы его слишком пугаете болезня-ми, поносом и другими большими неприятностями, тогда, обратите внимание, если он попадает на базар, он за-крывает глаза; если там есть лавка сладостей или что-нибудь подобное, он закрывает глаза. Боясь, он отрицает. Он говорит: «Там нет лавки», — ведь если она есть, если есть сладости, тогда трудно ими не увлечься.

Атеисты — это те люди, которые когда-то в прошлых жизнях столкнулись с этим положением и настолько ис-пугались, что теперь они отрицают Бога. Это отрицание

основано на глубоком страхе. Оно — психологическое, а не философское.

Я встречал многих атеистов, и когда я проникал вглубь, я всегда находил, что это — люди, которые когда-то настолько напугались, что теперь их охватывает страх от такой возможности: если Бог все-таки существует, то-гда Он вновь их привлечет, они вновь начнут к нему стремиться. «Нет! Бога нет, нет Истины, нет ничего. Все — ложь, и вся жизнь лишь случайность». Тогда они в покое, тогда они могут избежать конечной катастрофы.

Иисус прав: «И когда он найдет, он будет потрясен...»

Вы тоже придете к этому положению... Многие из вас когда-то достигали, не обязательно точки, о которой го-ворит Иисус, но чего-то рядом. И вы пришли ко мне, вы говорите мне: «Это очень трудно, я не могу медитиро-вать, я не хочу медитировать. Меня охватывает страх, это похоже на умирание. Я пришел к вам искать жизни, а не смерти. Но я испуган и встревожен: когда я закрываю глаза и двигаюсь внутрь, у меня появляется ощущение, как будто я умираю». Многие из вас приходят и говорят это мне. Это — хороший знак, это показывает, что вы действительно идете внутрь, что медитация происходит. Не избегайте этого, это и есть сокровище Целого.

Еще немного, и вы придете в точку, где вы будете потрясены, так сильно потрясены, что все ваше существо будет поставлено на карту, а из этой точки всегда есть возможность убежать. Но если вы убежите, тогда в течение многих жизней вы будете неспособны, набраться храбрости идти в этом направлении, вы будете его просто избе-гать. Когда в вашем существовании возникнут беды; будьте бдительны. Не пытайтесь бежать. Идите вперед — каждый должен через это пройти.

Школа, к которой принадлежал Иисус, ессеи, имела слово для обозначения такого беспокойного состояния. Они называли это «темная ночь души». Каждый должен через это пройти. Только тогда придет восход, когда вы прошли через темную ночь души. Чем темнее ночь, тем счастливее вы будете, потому что вскоре будет рассвет. Вскоре из чрева ночи родится солнце, осталось недолго. Чем темнее ночь, тем это ближе. Не пытайтесь бежать, каждому утру нужно лоно темной ночи. Ночь готовит почву для утра. Это беспокойное состояние — лоно, из ко-торого рождается предельное блаженство.

Иисус прав — слушайте его и помните его. Это продолжает приходить к вам, в один прекрасный день это слу-чится с вами, чем скорее, тем лучше. Когда вы чувствуете себя бедственно, но не из-за беспокойств этого мира, но из-за беспокойства, которое приходит, когда достигнута Истина, когда вы близки к ней, радуйтесь этому.

То же самое беспокойство чувствуется, когда вы рядом с Просветленным. Когда вы приближаетесь к нему, вас охватывает какой-то страх. Вы начинаете дрожать внутри, вы находите причины, позволяющие вам убежать, не идти к этому человеку. Вы привлечены, но глубинный страх ищет разумные доводы: как оставить его, как не подходить к этому че-ловеку. Вы теряете покой, вы не можете быть с Иисусом, с Буддой. Но вы должны пройти через это, это — часть роста.

«И когда он найдет, он будет потрясен...»

Но если он не убежит, не повернется спиной и не убежит в мир, тогда:

«...он будет удивлен...»

Тогда он почувствует тайну, таинственное. Тогда он будет смеяться, потому что из ночи получилось такое прекрасное утро! Из этого бедственного состояния, из этого ада, страха и муки — такое блаженство! Из терниев — такие прекрасные цветы.

Тогда: «...и он будет царствовать над всем».

Тогда он больше не нищий. Тогда исчезают желания, а они исчезают только тогда, когда вы достигли своего Я, так как все желания являются в основном желанием достичь Я, внутреннего сознания, самой сердцевины — ко-гда вы достигли сердцевины, желания исчезают, вы больше не нищий. Вы стали императором, вы стали царем. «...и он будет царствовать над всем». Теперь все бытие — его Царство.

И он сказал: «Тот, кто обретет истолкование, не вкусит смерти».

«Тот, кто обретет истолкование...» Объяснение не в словах, это не поможет. Я объяснил все в словах, это не сделало вас бессмертными. Нет, объяснение не в словах — объяснение в жизни, в жизненном опыте. Слова нико-гда не объясняют, скорее, наоборот, они отдаляют объяснение. Только опыт может объяснить, только опыт может быть объяснением. И Иисус говорит: «Тот, кто обретет истолкование...» Это — тот, кто имел этот опыт, кто прошел через это бедственное состояние — тревогу, муку, духовную ночь — и тот, кто был удивлен и увидел тай-ну, таинственное.

Вот два слова... Рудольф Отто, один из самых пронизательных и глубоких мыслителей этого века, написал очень глубокую книгу. Это — книга «Идея священного». В этой книге он использует два слова, одно — тремен-дум, второе — мистериум. Когда вы впервые достигаете этого мучительного положения, все представляется на-столько страшным — это тремендум. Вы теряетесь, вы не можете понять, что случилось; вы просто сходите с ума, как если бы разум вообще не функционировал. Это — последняя точка, до которой разум может функциони-ровать. Теперь разум нужно оставить позади. Это тремендум — землетрясение, внутреннее землетрясение, вулкан извергается: все прошлое разрушено, низвергнуто, разбито.

Если вы можете пройти через этот тремендум, тогда появляется мистериум — таинственное. Что такое таинст-венное? Это то, что не может быть объяснено никоим образом, то, что является блаженным, прекрасным, экста-тичным, но не может быть объяснено. Это — источник бытия — вы не можете зайти дальше его, дальше ничего нет. Вы можете его испытать, но не сможете проанализировать. Вы можете это знать, но не можете из этого сде-лать знание. Вы можете его чувствовать, но не сможете создать никакой теории. Итак, это — мистериум, высшая тайна.

Иисус говорит: «И Тот, кто обретет истолкование, не вкусит смерти».

Тот, кто вкусил конечную тайну бытия, не вкусит смерти, для него смерти больше нет. Смерть существует лишь из-за разума, смерть существует лишь из-за эго, смерть существует лишь потому, что вы отождествляете себя с телом.

Если вы не отождествлены с телом, если в вас нет безумного эго, если вы центрированы в Я, смерть исчезает. Смерть существует потому, что вы — ложь. Если вы становитесь правдой, смерть исчезает. Для Истины нет смерти, она вечна, это — Вечная Жизнь. Так что это — порочный круг:

смерть существует потому, что вы — ложь, а из-за смерти вы творите ложь вокруг себя, потому что боитесь, вы хотите защититься. Тогда вы вклю-чены в порочный круг. Нужно быть бдительным и выпрыгнуть из него.

Смерть — проблема, из-за существования эго. А это — самая фальшивая из всех существующих вещей, самая иллюзорная: его нет, вы должны это постоянно помнить. Это несуществующая вещь, если вы оставите его даже на двадцать четыре часа, эго умрет. Двадцати четырех часов даже слишком много, хватит двадцати четырех ми-нут, даже двадцати четырех секунд. Вы должны постоянно его питать, вы должны им управлять, вы

должны его поддерживать. Всю свою жизнь вы на него работаете, так что это — греза, что вы — некто, кто может быть со-хранен. А потом, в смерти, вы чувствуете страх, эго должно исчезнуть, вы становитесь бессознательным, вы рождаетесь вновь в другом теле в бессознательном состоянии, и весь порочный круг начинается вновь.

Не будьте ложью! Начинайте отбрасывать ложь, отбрасывайте маски, будьте подлинным человеком. И попытайтесь быть тем, что вы есть, не пытайтесь претендовать на то, чтобы быть тем, чем вы не являетесь, претензии вас не спасут, они — тяжкая ноша, которая вас все время топит. Спасает Истина.

Иисус сказал: «Истина освобождает, истина спасает, истина становится Вечной Жизнью».

И он сказал: «Тот, кто обретет истолкование, не вкусит смерти».

И я говорю вам то же самое: если вы можете вкусить свое Я, вы не вкусите смерти: если вы узнаете свое Я, вы не узнаете смерти.

А то, что может спасти вас — уже есть, но это — горчичное зерно. Помогите ему, расти. И первая помощь, которую вы можете ему оказать, это помочь ему умереть. Не цепляйтесь за него, зерно — это мост, а не цель. Помогите ему умереть, раствориться так, чтобы внутренний свет, спрятанный в нем, высвободился, чтобы зерно стало большим деревом. Зерно мало, но дерево будет велико. Зерно невидимо, а дерево? Дерево станет великим убежищем. Миллионы птиц небесных найдут в нем убежище.

Истина спасает не только вас, она спасает многих других посредством вас. Истина становится свободой для вас и вратами в свободу для многих других. Если вы становитесь светом, освещена будет не только ваша жизнь — если вы становитесь светом, вы становитесь светом для миллионов, многие смогут путешествовать и достичь своих целей через вас. Если вы становитесь светом, вы становитесь представителем, вы становитесь Христом.

Я не хочу, чтобы вы стали христианами — это бесполезно, это — ложь. Я хотел бы, чтобы вы стали Христами. И вы можете стать Христами, в вас — то же самое зерно.